

НОВЫЙ
МИР

НОВЫЙ МИР

1958

2

1958

НОВОЫЙ МИР

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Год издания XXXIV

№ 2

Февраль, 1958 г.

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
ОЧЕРКИ БОЕВЫХ ДНЕЙ	
А. ФАДЕЕВ — Лётный день	3
НИНА ЕМЕЛЬЯНОВА — Политработник	13
—	
ВСЕВОЛОД ЛОБОДА — Из фронтовой тетради, стихи	23
МИХАИЛ КУЛЬЧИЦКИЙ — Перед грозой.., Стихи	26
Л. РЕШЕТНИКОВ — Два стихотворения	29
БОРИС РАХМАНИН — Звездочка, стихи	31
МАРК ЛИСЯНСКИЙ — Саша Кузнецов, стихи	32
ИРЖИ ТАУФЕР — Геройка (Из поэмы). Перевел с чешского Мих. Луконин	34
С. ГОЛУБОВ — Птицы летят из гнезд, роман. Продолжение	39
В. ГОФФЕНШЕФЕР — Рассказы критика	121
—	
СОВЕТСКИЕ ПИСАТЕЛИ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ. Библиографическая хроника	129
ПУБЛИЦИСТИКА	
АЛЕКСАНДР ИСБАХ — Двадцать четвертая, Железная..	197
ГЛАЗАМИ ИНОСТРАНЦЕВ. Советская Армия в книгах зарубежных военных корреспондентов	208
ДНЕВНИКИ. ВОСПОМИНАНИЯ. ДОКУМЕНТЫ	
ПОСЛАНЦЫ ПАРТИИ	227
ВСЕВОЛОД ВИШНЕВСКИЙ — Слово писателя — в боевом арсенале народа	236
ОТКЛИКИ И КОММЕНТАРИИ	
<i>По страницам иностранных журналов</i>	
Вал. Зорин. Тайна одного запоздавшего спутника	243
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА	
В. ДРУЖИНИН — В мирные дни	247
	(См. на обороте)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИЗВЕСТИЯ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ СССР»
Москва

СОДЕРЖАНИЕ (продолжение)

	Стр.
КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ	
<i>Литература и искусство</i>	254
Иракий Андроников. Раскрытие подвига. — Е. Ржевская. Люди переднего края. — Виталий Василевский. Солдаты вернулись домой. — К. Лапин. Правдивое повествование и банальный детектив. — Арк. Васильев. Повесть о московской школьнице. — С. Борзенко. На одной читательской конференции. — В. Коротеев. Как лейтенант Шилин стал дважды Героем Советского Союза. — Евгений Воробьев. Записки военного врача.	
<i>Политика и наука</i>	272
Кандидат исторических наук Д. Коваленко. Третий том «Истории гражданской войны в СССР». — Полковник Н. Лебедев. К истории отрядов Красной гвардии. — Полковник Н. Денисов. Воздушный флот нашей страны. — Подполковник А. Ефремов. Рецепт доктора Генри Киссингера. — Полковник С. Козлов. Черты буржуазной военной науки.	
КОРОТКО О КНИГАХ	285
КНИЖНЫЕ НОВИНКИ	287

ОЧЕРКИ БОЕВЫХ ДНЕЙ

А. ФАДЕЕВ

★

ЛЁТНЫЙ ДЕНЬ

1

Над родными полями и лесами московскими, смоленскими, калининскими которые уже сутки гуляет ранняя, еще не злая метель. Она то ударит морозцем и завихрит сухой поземкой по жнивьям, по оврагам, по опушкам, то пахнет теплым ветром и пронесет по всему раздолью меж снежными полями и темным нависшим небом мокрые хлопья снега. Так, то подмораживая, то отпуская, гуляет она и днем и ночью, заметает дороги, свистит в березовых рощах, гудит под окнами изб притихших деревень.

Затерянный в метели, ты летишь над этими полями с торчащим из-под снега жнивьем, над сосновыми и еловыми лесами, над усыпанными снегом, точно заснувшими деревнями, летишь на вездесущей небесной лошадке «У-2», или «уточке». Ее бросает справа налево, вверх и вниз. Но она упрямо продирается сквозь пургу, сквозь несущийся навстречу слепящий снег и бодренько пофыркивает своим моторчиком.

Все так замерло на земле, так притихло и прижалось, что кажется — там, внизу, под этой метелью, царит великий нерушимый мир, вековая неподвижность. Но это только кажется.

По нескончаемым дорогам войны, буксуя, вздымая тучи снежной пыли, ползут грузовики, могучие тягачи, оглашая воздух взрывами моторного рокота, волокут тяжелые пушки; танки, лязгая гусеницами, прокладывают себе путь через сугробы. И по всем направлениям с нешумным говором, меж снег, идет советская пехота.

На линии фронта и днем и ночью стоит гул орудий, на снежных холмах зияют красные и черные внутренности вывороченной земли, ночами среди метели вдруг повисают в воздухе ослепительные солнца ракет, и в их нездешнем, марсианском свете становятся видными то ползущие, то передвигающиеся скачками по снегу, как морские львы по льду, бойцы наступающей Красной Армии.

Мороз леденит им руки, пурга слепит им очи, и снег, снег по колено, по пояс; неослабевающий ливень огня автоматов и минометов из-за вражеских укреплений; адова работа саперов, которые под огнем извлекают вражеские мины из мерзлого грунта или на сотни метров гатят непромерзшие болота для прохода наших танков; неистовые, бешеные контратаки врага — по десять, по двенадцать раз в сутки; переходящие из рук в руки селения; и все-таки упорное движение вперед — вот наступление на Центральном фронте.

Очерк «Летный день», написанный в 1942 году, не вошел ни в одно издание произведений А. Фадеева. Очерк был напечатан в газете «Правда» 17 и 18 декабря 1942 года.

2

Среди родных полей и лесов притаились аэродромы. В такую метель можешь сколько угодно кружиться над знакомыми лесами и так и не распознать своего аэродрома.

Нелетная погода. Что может быть отвратительнее для летчика?

Но на каждом аэродроме есть люди, для которых нелетная погода — это великая страда. Обыкновенные мирные люди давно уже спят в своих теплых избах, спят и летчики в таких же избах или в утепленных блиндажах и в землянках, а безыменный герой тракторист от самых вечерних сумерек до мутной зимней зари укатывает аэродром.

Огромный темный мир природы бушует на сотни верст вокруг, свистит в лесу метель, морозно и ветрено в темном поле, снег, как хлыстом, бьет по лицу, а скромный труженик войны все ездит по аэродрому взад и вперед, взад и вперед. Он ездит с той самой ночи, как выпал первый снег, и так будет ездить до весны. Он довел ровную, чуть покатую поверхность аэродрома до блеска, до предельной твердой упругости,— снег уже не может удержаться на этой скользкой поверхности и, гонимый ветром, несется пылью над аэродромом, а тракторист все ездит и ездит по аэродрому взад и вперед.

Он изучил уже каждый квадратный метр этого сверкающего косоугольника; очертания близлежащего леса, холмов, каждого кустика знакомы ему. Он привык к урчанию мотора на тракторе, к ровному гулу и скрипу по снегу катка за спиной, к зимнему небу, то ясному и высокому, блестящему, как в раннем детстве, чистым светом звезд, то низкому и темному, несущемуся и шуршащему во тьме, как сегодня, в метель.

Тракторист — это рядовой труженик БАО — батальона аэродромного обслуживания. Ни одна летная часть не может существовать и действовать без БАО. БАО снабжает ее горючим, смазочными веществами, боеприпасами, кормит ее и одевает, но редко можно услышать из чьих-либо уст ласковое слово по адресу БАО.

Мчатся поезда с горючим, боеприпасами, продовольствием, машинисты сутками не слезают с паровозов, прикорнут часик-другой в спальном мешке на тендере и снова сменяют своих помощников, на глухих полустанках сцепщики отцепляют цистерны с горючим, вагоны, груженные бочками, ящиками, кулями. Скромные труженики БАО перегружают грузы в пятитонки, перекачивают горючее в автоцистерны, и в глубокой ночи, пробивая светом фар крутящую снегом мглу, мчатся машины по нескончаемым, заснеженным дорогам войны на притаившиеся среди родных полей и лесов аэродромы.

3

Но каково летчику в такие дни? Нелетная погода — это даже не отдых, это бездействие, томительное бездействие, выматывающее душу. Каждый летчик-штурмовик знает, что в это время там, на фронте, пехота прогрызает вражеские укрепления, отражает контратаки вражеских танков, в это время там, на линии фронта, в нем, в летчике-штурмовике, великая нужда.

Ночью в нелетную погоду можно еще спать. Но с самого раннего утра все собираются в бревенчатом утепленном бараке на аэродроме и ждут, ждут. Чего ждут? А вдруг прояснеет, а вдруг пехота потребует поддержки штурмовой авиации! В таком случае они готовы превратить любую нелетную погоду в летную.

Такие случаи бывали. Позавчера, когда вот так крутило в воздухе, пришел внезапный приказ о вылете, и старший лейтенант Кузин, маленький русский человек с маленькими точеными руками и ясным и добрым

взглядом, поднял в воздух свою восьмерку, и вскоре гул их моторов утонул в вое метели.

В момент вылета небо висело довольно низко, но снег не шел, крутила поземка и была кой-какая видимость; и командир части Михаил Арсентьевич Ищенко, старый, опытный летчик, сорока лет от роду, и его заместитель по политической части Иван Тимофеевич Сотников, лет на пять помоложе командира, но тоже опытный летчик, не очень волновались за своих. Потом повалил снег, видимость пропала, и они все чаще стали поглядывать на часы и говорить о постороннем и покряхтывать.

Но когда прошло время, необходимое для операции, со всеми возможными накидками, а самолеты все не появлялись, командир и его заместитель вышли из блиндажа командного пункта и стали смотреть в небо и прислушиваться. И все летчики высыпали из своего барака и, тихо переговариваясь о постороннем, тоже стали поглядывать в небо и прислушиваться.

Командир полка Михаил Арсентьевич стоял, высокий, сухой, темнолицый, и молчал. Он был человек впечатлительный, и лицо его приобрело суровое и, как бы он этого ни хотел, унылое выражение; а Иван Тимофеевич, его заместитель, как человек более молодой, здоровый и жизнерадостный, все утверждал, что ничего не может случиться. Но душа у него тоже болела. Они любили своих ребят отеческой любовью. Ищенко сам формировал эту часть в начале войны, а потом переучивал летчиков на «ИЛы»; и уже столько он и его заместитель перенесли и пережили вместе со своими ребятами, что мысль о возможных потерях терзала их. Смешанные чувства теснят в такие минуты душу командира: беспокойство за жизнь любимых людей, подчиненных и товарищей; беспокойство за материальную часть — сами-то, даст бог, целы останутся, а самолеты угробят; а не то, в лучшем случае, приземлятся благополучно, но каждый порознь, бог весть где, без бензина; и пока разыщутся, а вдруг на завтра боевой вылет, а самолетов нет дома и отвечай перед начальством.

Но в это время донесся отдаленный гул одиночного мотора. Он гудел где-то справа. Видно, летчик искал и не видел свой аэродром. Тогда Михаил Арсентьевич скомандовал:

— Давать ракеты, пока все самолеты не приземлятся!

Вот что происходило в это время с восьмеркой старшего лейтенанта Кузина. Из-за облачности они с самого начала шли не выше ста метров, потом повалил снег, и они пошли еще ниже. Все лежало в белом саване, все было похоже одно на другое.

Они только тогда поняли, что прошли линию фронта, когда ударили по ним вражеские зенитки и осколки снарядов застучали по плоскостям и фюзеляжам. Некоторое время они искали объект, потом старший лейтенант Кузин определил его, и самолеты пошли в первый заход.

По условиям видимости каждому пришлось действовать в одиночку. Среди восьмерки был летчик Козлов. Он прославился тем, что прошедшим летом, подбитый вражескими зенитками, дотянул самолет до своей территории, но там у него обрезал мотор, и самолет со всего маху влетел в овраг. Самолет рассыпался на утиль, осталась целой только бронированная кабинка, и из кабинки живехонький вылез Козлов, даже не поцарапанный, а только немного ушибленный.

Сегодня до вылета летчик Козлов, надвинув на лоб ушанку, уныло сидел в бараке за кирпичной печкой — это было излюбленное его место — и спал. Но теперь он разозлился на то, что немецкие зенитки имеют наглость бить по советским штурмовикам, и уже после того, как сбросил фугасные бомбы, сделал в крутящей метели еще два пики на зенитки, стреляя из пушек и пулеметов, и немецкие зенитки смолкли навечно.

Видели ли вы когда-нибудь, как кружит над лесом птица, ища разоренное гнездо, или как грачи по весне с криком носятся над вырубленной

рошей, где испокон веков их бабки и мамки и они сами вили свои гнезда? Вот так в непогоду ищут стальные птицы свой аэродром — то покружат на месте, то бросятся на юг, на север, на запад, на восток.

Они приземлялись один за другим. Ищенко и Сотников и все летчики на аэродроме считали каждый про себя: «один, два, три, четыре, пять, шесть, семь...» Седьмым приземлился Козлов. Восьмого не было.

Не было Пикаева. Пикаев — молодой летчик, молодой по годам. Но по опыту своему он старый авиатор, воюет давно. Человек он упрямый, непокорный и отчаянный. Если по самолюбию своему обидится за что-нибудь на друга — вдруг вскинет исподлобья такой мрачности взгляд, и такая сила чувствуется в этом мрачном взгляде его больших серых глаз, и в его тяжелом подбородке, и в своевольной складке губ, что лучше уж оставить его в покое. Что же сказать, когда дело доходит до немца! Тут его начинает душить такая ненависть, такой овладевает им азарт и беспредельное упрямство, что, черт его знает, чего он только не может вытворить.

И вот все начинают вспоминать: как заходили, как пикировали, не случилось ли в метели с самолетом Пикаева чего-нибудь такого, чего остальные не заметили; но нет, вроде ничего такого не случилось.

А время идет. Уже темнеет. Прошла уже и та предельная минута полета, когда по всем расчетам должен кончиться бензин.

— Наверное, сел где-нибудь, — высказывает один из летчиков свое предположение. — Ничего, переночует, завтра найдется.

— Это Пикаев-то сел где-нибудь? Не знаешь ты Пикаева. Это такой парень, который не может не искать свой аэродром! — отвечает другой.

И вдруг доносится издали гул мотора, могучая темная птица разворачивается над аэродромом и с грохотом пронесится над головами на посадку.

Пикаев, плотный, мрачный, медвежеватый в своих толстых меховых унтах, переваливаясь, идет по аэродрому.

Товарищи радостно приветствуют его, но он зол на себя и на весь свет. Он залетел в свой тыл, черт его знает куда. Только великое упрямство привело его на место: в баках самолета осталось бензина не более чем на полминуты полета.

Вот какие события разворачиваются иногда в нелетные дни.

Но большей частью такие дни проходят однообразно. Можно сыграть в «козла», можно спеть под гитару Королева. Этот могучий, рослый парень, из тех, кого мальчишки кличут: «дядя, достань воробушка», играет как бог. Но ничто не веселит душу.

Нет, скорее бы летный день!

4

И вот он пришел наконец, этот долгожданный день. Прояснело, небо раскрылось все в звездах. Ищенко еще с ночи получил задание, но велено было ждать приказа о вылете. Все самолеты находились в готовности № 2.

Солнце еще не выглянуло из-за края земли, но уже из-за темной мутной дымки на горизонте проступил розоватый свет, и все вокруг — снежные поля, серое небо, темные кусты и белый морозный туман, чуть всходящий над полями, — все больше окрашивалось этим розовым светом. Желтый шар медленно всплыл в мутной дымке над горизонтом, по всему пространству снегов точно заиграл далекий нежный отблеск тлеющих углей. И в это время небо наполнилось все нарастающим грозным гулом, и высоко над аэродромом проплыла в сторону фронта девятка «ПЕ-2».

Истребители взвились с дальнего аэродрома. Мгновенно, чуть не по прямой, как жаворонки, они взяли немислимую высоту и, оставив в поглубевшем небе ослепительно белые дорожки, уже невидимые пошли на сопровождение бомбардировщиков.

И как же затрепетали сердца штурмовиков, когда показались над их головами эти могучие птицы — свои, но из другой стаи. Когда послышался этот грозный гул, такой родной и веселящий, но не от своих «Илов», какой огонь заполыхал в их жилах!

Другие уже летят, а они еще на земле.

В это время солнце чуть высунулось из мутной дымки, и снег засверкал мириадами разноцветных искр. В небо взвилась ракета. Летчики бросились к самолетам. Чудовищный рев моторов, стремительный снежный вихрь, поднятый сверкающими дисками, образовавшимися от вращающихся пропеллеров.

Выстрелила красная ракета — сигнал к полету. Первым поднялся капитан Колесников, ведущий головной восьмерки, за ним старший сержант Королев, за ним Баймаков, за ним Морозов. Набрал высоту метров в восемьсот, они построились ромбом, за ними таким же ромбом пошла следующая четверка — азербайджанец Вердиев, Щедров, Пикаев, Курилов, — и гул их моторов утонул в небе. Вскоре их нагнали истребители сопровождения.

Блистая снегами и инеем лесов, родная прекрасная земля расстилась под ними, снежный покров окутал ее раны, но под ним еще теплилась кровь ее сынов, пролитая за нее. С материнским благословением приняла она в лоно братских могил бесстрашных бойцов и великих тружеников — сыновей своих. Тысячи трупов врагов, проклятых вдовами и сиротами, догнивали в ней без имени, без славы, без чести. Священные зерна озимых хлебов набухали в ее теплом лоне, чтобы с весной взойти зелеными, нежными, непобедимыми ростками новой жизни.

Кровавой бороздой пролегал рубеж войны по лицу родной земли.

Здесь, по эту сторону рубежа, жили и трудились люди, здесь труд был священен, как священо имя матери, здесь брат значило брат, друг значило друг, товарищ — товарищ. Еще прошлой зимой здесь хозяйничал враг, но сейчас из труб новеньких деревенских изб уже вздымались столбы кудрявого дыма, как символ восстановления жизни.

Там, по ту сторону рубежа, гуляла смерть. Выродки в образе людском разрушали все, созданное трудом поколений людей, терзали и мучили людей за то, что они труженики, за то, что они братья и товарищи между собою. Там, на десятки верст в глубину и на сотни верст по фронту, простиралась мертвая снежная пустыня с торчащими из-под снега остовами труб и обугленных строений, и вороны клевали трупы людей, когтями докапываясь до них под снегом.

Выродки уничтожили все, что могло говорить о счастливой жизни и свободном труде на земле, и сами, коченея от стужи, боясь русского морозного ясного солнца, зарывались в землю, уродовали, коверкали и насиловали ее, чтобы как-нибудь зацепиться за нее и продлить свое скотское существование.

Обо всем этом не думали ни Колесников, ни кто-либо из его семьи летчиков, пронесившихся над родной землей. Все это они видели не в первый раз, и все это давно уже отложилось в глубине их сердец страшной болью и страшной мезтью. Теперь все помыслы их были направлены на то, чтобы выполнить задачу: сразу найти цель и так раздолбать ее, чтобы все фрицы с выскочившими из орбит глазами и помраченным разумом вывернулись из земли, чтобы все их орудия, минометы, пулеметы и все их проклятые блиндажи со всем наворованным и запрятанным в них добром полетели вверх тормашками.

Подлетая к линии фронта, восьмерка Колесникова перестроилась и пошла гуськом. Грохот орудий доносился с земли, покрывая шум моторов. Наша пехота, обратив к небу благодарные и счастливые лица, смотрела на несущиеся в реве моторов распластанные крылья своих штурмовиков. Но летчики-штурмовики не думали и не могли думать об этом.

Звено братских штурмовиков, шедшее справа, впереди от восьмерки Колесникова, уже несло среди разрывов зенитных снарядов. Они вспыхивали вокруг самолетов, как черные молнии.

Восьмерка Колесникова должна была обработать небольшой участок вражеских укреплений, насыщенных артиллерией и минометами, какой-нибудь пятачок земли. На карте у Колесникова здесь показаны были два селения, но никаких селений уже не было на поверхности земли. Однообразные холмы, рощи и леса простирались вокруг, вплоть до горизонта. Но Колесников хорошо знал свой участок. Он уже летал в тыл противника, и местность вокруг была ему знакома.

Зенитки ударили по ним еще на подходе. Не обращая внимания на зенитки, Колесников обрушился с высоты на цель, и все воздушное пространство под ним наполнилось ужасающим ревом его мотора. Колесников не сбросил груза, а только прострочил из пушек и пулеметов. Он хотел получше рассмотреть цель. Он взмыл в высоту, и за ним низринулся на цель Королев, за ним — Баймаков и другие. Первый заход вся восьмерка сделала, не сбрасывая груза, а только высматривая цели и стреляя для устрашения.

Нельзя передать то чувство удовлетворения и торжества, которое овладевает летчиком, когда он видит, как враг, заслышав победный клекот его моторов, одурев от огня пушек и пулеметов, в ужасе бросается по щелям и блиндажам. Но еще больше воспламеняет летчика сопротивление врага, когда враг продолжает стрелять из зенитных орудий и пулеметов. Машина Курилова, шедшая последней, только вышла из пикирования, как капитан Колесников обрушился на цель во второй раз и со страшным грохотом положил бомбу. За ним положили бомбы Королев, Баймаков, Морозов, Вердиев, Шедров, Пикаев, Курилов и опять Колесников, и так они пошли страшным хороводом, сметая все, что лежало под ними.

Они ходили так низко, что истребители сопровождения остались барражировать высоко над ними: «ИЛы» бронированы, и им менее страшен огонь зениток и пулеметов; для истребителей на малой высоте этот огонь смертелен.

Налет был так внезапен, что противник не успел подбросить свои истребители. Сделав шесть заходов и сбросив весь груз, восьмерка Колесникова без единой потери уже направлялась домой, как слева от них показалась в синем сверкающем небе идущая на ту же цель восьмерка старшего лейтенанта Кузина. Она шла звеньями: Кузин, Авалишвили и Улитин, штурман части Зиновьев, Коломийцев и Береснев и пара — Молодчиков и Козлов. Но, подходя к цели, они также перестроились гуськом и таким же страшным хороводом стали обрабатывать цель.

5

Тишина стоит на аэродроме. Людей убавилось, правда, немного. Большинство — техники, механики, работники БАО — осталось здесь. Но соколы улетели.

Бывает ли большая радость на свете, чем возвращение соколов в родное гнездо после большой удачи и когда все живы, целы, невредимы?

Еще крутят по аэродрому снежные вихри от вращающихся пропеллеров, а уже вокруг самолетов работают техники, механики, оружейники, мотористы, радисты. Одни залезли в кабину, другие под брюхо, третьи лазают по плоскостям — высматривают, завинчивают, выстукивают.

Здесь царят великие мастера своего дела — инженер по эксплуатации Адамович и инженер-оружейник Руев.

Адамович влюблен в свои «ИЛы». Это — машина-богатырь, и это — машина-красавица, машина-умница. В каком бы виде ни дотачил летчик

свою машину до аэродрома, как бы ни была она изувечена, но раз он ее достал — машина возродится к новой жизни. Порукой тому такие мастера, как старшие техники Кондратьев, Троян или механики Рожков, Изотов, Зайцев.

А посмотрели бы вы на руки инженера Руева — оружейника, когда в кругу своих лучших техников, таких, как Цупаченко, Бабкин, Гребелкин, он сам проверяет неисправность поврежденного осколком механизма, подающего снаряды в пушку, или своими точными, сильными пальцами откручивает пропеллерчик стокилограммовой бомбы, проверяя его ход по нарезам!

Безмерны подвиги летчиков, священен безыменный труд техников, чьими золотыми руками живет наша авиация.

Пока техники и оружейники осматривают самолеты, летчики, сбросив шлемы или шапки-ушанки, в своих медвежьих унтах, с вспотевшими лбами от быстрого перехода с воздуха в теплое помещение, заполнив барак степенным говором, закусывают перед следующим полетом.

Разве им нужно лететь опять? Конечно, нужно — сегодня большой летний день. Несмолкаемый гул стоит в небе. Необъятные пространства неба весь день бороздят металлические птицы.

6

Во второй вылет они должны были обработать тот же участок, но больше в глубину. Они знали, что теперь дело будет посерьезней. Противник подтянул свои истребители, к тому же погода начала портиться. Солнце еще играло на снегу и в небе, но там, из-за горизонта противника, надвигалась какая-то муть.

Все тот же пейзаж расстился под ними, только уже пробрызнули вечерние красные краски. Зимний день короток. Они могли видеть плоды утренней бомбежки: вывороченную наружу красную и черную землю, побитые и поваленные деревья в лесу. Снова их встретили зенитки. Машины одна за другой ринулись к цели, и над развороченным пятачком земли и по соседству с ним пошел чудовищный по реву и грохоту хоронвод в четырнадцать машин.

В этой адской работе трудно уследить за всем, что происходит вокруг. Летчик-штурмовик — один в своей бронированной кабине. Он должен видеть свою цель, вести машину, сбрасывать бомбы, стрелять из пушек и пулеметов, иногда одновременно принимать радиоприказания. Летчик Морозов ухитрился и в первый и во второй вылет еще сфотографировать плоды труда своего и товарищей.

На этот раз они должны были сбросить свой груз в четыре захода. Они сделали один заход, потом другой, но в надвинувшейся облачности не видели, что происходит с каждым из них и вокруг них. В это время истребители, барражировавшие на высоте, заметили мчавшиеся к месту штурма вражеские «мессершмитты». С частью из них они завязали бой на высоте, а часть вражеских истребителей низом ринулась на штурмовиков.

Вслед за капитаном Колесниковым шел Баймаков — опытный боевой летчик, в прошлом рабочий Челябинского тракторного завода. Уже после первого захода он почувствовал, что по самолету что-то изрядно стукнуло. Вскоре в кабине отвратительно запахло горелой резиной, но мотор работал безотказно, управление действовало, и он продолжал свою работу.

После третьего захода Баймаков увидел, что к хвосту самолета Колесникова пристроился «мессер» и обстреливает его сзади. Баймаков устремился на «мессера» и ударил по нему из пушек и пулеметов. «Мессер» отвалил и низом-низом ушел куда-то в сторону. В это время Колесников пошел в четвертый заход, сбросил последний груз и, набрав

высоту, вдруг закачался на крыльях, точно падая. Баймаков подумал, что вражеский истребитель все-таки повредил его. Но самолет Колесникова выровнялся, и Баймаков понял, что это была команда:

— Уходить!

В кабине все удушливей воняло паленой резиной. Баймаков сбросил свой последний груз и взял курс на аэродром. Колесников, кружась на высоте, собирая свою восьмерку, видел, как один из них уже пошел домой.

Летчик Пикаев, уже знакомый нам как человек предельного упрямства, в свой последний заход решил разделаться с зенитками, которые все время били по штурмовикам с опушки леса. Со сдержанной яростью он спикировал на зенитки и сбросил последнюю бомбу. Вряд ли что-нибудь осталось от этих зениток, но какая-то еще успела тявкнуть на него почти в упор. Самолет рвануло, и он стал падать на крыло. Зенитный снаряд вырвал из середины правой плоскости чуть не половину.

С огромным самообладанием, которое было отличительным свойством Пикаева в минуты смертельной опасности, он выровнял самолет и, держа его на обратном крене (чтобы выровнять крен от вырванной плоскости), взял курс на свой аэродром вслед за остальными штурмовиками.

Последним в этом хороводе штурмовиков оказался летчик Авалишвили, из шестерки Кузина, уроженец Тбилиси, самый молодой из всех летчиков, но уже бывалый. Он добровольно пошел в авиацию со школьной скамьи.

После третьего захода он почувствовал, что его сзади обстреливают из пушек и пулеметов. В зеркальце, устроенном на верхнем бронированном стекле, он не мог разглядеть вражеский истребитель, бивший по нему. Но через боковое стекло он увидел второй, пристроившийся сбоку, позади и немного пониже первого. Они били по Авалишвили посменно. Один отваливал, прицеплялся другой, а тот шел на очередь. Когда Авалишвили пошел на последний заход, они отвалились от него, а потом прицепились снова.

Штурмовики, отбомбившись, один за другим уходили домой. Авалишвили пошел за ними, но в это время снова затарachtело и застучало в хвосте, и он понял, что ему уже не избавиться от своих преследователей.

Последним впечатлением Авалишвили было, как из нашего горящего штурмовика, падавшего над самой линией фронта, выбросился на парашюте летчик, и ветер понес его.

7

Уже темнело, и облака заволокли небо, и мела поземка, предвещая пургу, когда штурмовики стали приземляться на своем аэродроме. Снова, не показывая этого друг другу, Ищенко, Сотников и все люди на аэродроме считали про себя: «один, два, три, четыре...»

Техники, механики, оружейники обступили машины: большая, большая работа предстояла им. Но из четырнадцати самолетов вернулись одиннадцать, трех самолетов не было. Не было Баймакова, Авалишвили и Курилова. Дотащился даже Пикаев, весь потный от внутреннего напряжения. Нужно было быть Пикаевым, чтобы не сесть на любой подходящей площадке, а тащить свой самолет с вырванным чуть не наполовину крылом до родного дома. Спасибо конструктору Ильюшину за его чудесный самолет!

Но этих троих не было.

Знаете ли вы что-нибудь более прекрасное на свете, чем отношения смелых, связанных общими интересами людей во время опасности? Здесь радость — настоящая радость, а горе — настоящее горе.

Многие видели, как падал горящий самолет. Но кто в нем был? Баймаков? Авалишвили? Курилов? Опять воеет, крутит метель. Глубокая

ночь. Летчики отпущены в деревню. Они устали, но не расходятся, а грудятся в одной-двух избах. Нет товарищей!

Михаил Арсентьевич и Иван Тимофеевич висят на полевом телефоне, называют по всем частям и аэродромам: не приземлились ли у них чужие летчики, не знают ли они чего-нибудь?

Часов в двенадцать ночи раздается телефонный звонок.

— Здравствуйте, товарищ командир. Говорит Авалишвили. Разрешите доложить...

Счастливая детская улыбка внезапно освещает длинное под темным ежиком суровое лицо мужественного солдата.

— Авалишвили нашелся! Ах ты, голубь! Вот черт, да говори, что с тобой случилось!

Авалишвили с мальчишеским воодушевлением рассказывает все с самого начала.

— Привязались, понимаешь, никак не отстают. Били, били, пока весь хвост не разбили. Слава богу, сел в поле. Немножко, правда, пеньки были. Самолет спинку поломал. А я ничего, жив, здоров. Этот Ильюшин, ей-богу, настоящий человек, дай бог ему здоровья.

В душе Ищенко просыпается рачительный хозяин:

— Где самолет-то угробил?

Он уже решил завтра чуть свет отправить на «уточке» к самолету техника и выслать за ним грузовик; раз мотор в порядке — значит, самолет будет жить.

— Сам-то ты где?

— Я здесь, в одной братской части; конечно, пехота. Да я на главное шоссе выйду, меня какой-нибудь грузовик подхватит.

— Не знаешь, чей это загорелся там у вас?

— Чей загорелся — не знаю, видел, как падал, видел, как летчик выбросился на парашюте.

— На чью территорию?

— Падал вроде на чужую, а ветер на свою тащил. Наверное, ветер вытащил на свою, не может быть, чтобы не вытащил.

Весть о том, что нашелся Авалишвили, и что летчик из горящего самолета выбросился на парашюте, и что ветром его могло вынести на свою сторону, мгновенно облетает всю деревню. Кто это — Баймаков? Курилов?

Никто не спит.

Ближе к утру усталость берет свое. Но уже надо вставать, завтракать, идти на аэродром и ждать летной погоды. Чуть свет приезжает Авалишвили, черноглазый, здоровый, веселый, хотя за это время, пока его не видали, он ухитрился угробиться, пройти десять километров пешком, проехать несколько десятков километров в пургу на открытой пятитонке и не спал всю ночь.

Снова все на аэродроме. Всё в том же бревенчатом бараке ждут летной погоды. Но нет Курилова и Баймакова.

И вот на командном пункте раздается звонок. Звонит врач Мария Алексеевна из медпункта в деревне:

— Привезли Баймакова.

— Привезли? — упавшим голосом говорит Ищенко. — Разбился?

— Не волнуйтесь, товарищ командир, он ходит на собственных ногах, — отвечает Мария Алексеевна. — Ему сейчас трудно говорить по телефону, у него вышибло четыре зуба. Конечно, сильный ушиб, и все лицо опухло, и лбом он ударился, рассек кожу, но это пустяк.

— Как это с ним случилось?

— Он предполагает, что пробило бак с бензином. Резина протектора загорелась. Пока он бомбил, бензин частью поступал в мотор, а частью — в воздух. Он был уже над своей территорией, когда мотор стал сдавать.

Он стал нажимать, чтобы достичь поля впереди, и вдруг мотор заработал во всю силу, его перенесло через поле, и тут мотор сразу отказал. Он сел на лес. В общем, дешево отделался.

Снова метет метель. Вторые сутки, третьи. Летной погоды нет, и нет. Курилова. Теперь ясно, что это его самолет загорелся, что это он выпрыгнул с парашютом. Конечно, ветер нес его на нашу сторону, но он выбросился с такой малой высоты, что его могли застрелить в воздухе.

Жизнь входит в свои права. В бараке идет политбеседа. Летчики играют в «козла» и поют под гитару Королева, но у всех болит душа за Курилова.

Уже заделали крыло самолета Пикаева, уже привезли самолет Авалишвили. Он будет летать. У самолета Баймакова сняли мотор в полной сохранности, а остальное, видно, пойдет в утиль.

И вдруг прилетает «У-2» с линии фронта. Все обступают летчика, и выясняется, что он привез самые последние вести о Курилове.

Курилов жив и здоров. Летчик вчера с ним обедал. Дело в том, что немцы не стреляли в Курилова. Он падал на их сторону, и они надеялись взять его живьем. Но, так как был ветер, Курилова перенесло через проволочные заграждения противника в «ничейную» полосу, а парашют зацепился за проволоку. Пока Курилов освобождался от ремней, противник открыл по нему огонь. Ему бы, конечно, не слобровать, но красноармейцы, с замиранием сердца следившие за приземлением своего летчика, устроили для него такую огневую завесу, что он благополучно дополз до своих. Нет больших друзей у летчиков-штурмовиков, чем наша великая пехота.

Лица у всех летчиков преобразились. Напряжение всех этих дней разрешилось взрывом веселья. Одни схватились бороться, другие просто стояли и хохотали, и даже Пикаев вдруг улыбнулся широкой, доброй, мальчишеской улыбкой.

Центральный фронт.

НИНА ЕМЕЛЬЯНОВА

★

ПОЛИТРАБОТНИК

Великолепное слово, прекрасное качество человека — мужество! Но оно не приходит само ни к человеку, ни к солдату, ни к народу...

«Мужество рождается... мужество воспитывается...» — это сказал солдат и писатель Николай Островский, чье личное мужество и нравственная сила до сих пор служат примером людям.

Мужество нашего народа создавалось и воспитывалось партией, мужество солдат в великих войнах революции воспитывалось людьми, коммунистами, личным их примером и подвигом.

Сегодня мне вспоминается один из таких людей. Вспоминается не потому, что он обладал собственной героической судьбой, хотя и его судьба была высокой и доблестной.

Мне вспоминается воспитатель героев, политработник Николай Александрович Гламазда; он жил, хотя и недолго, рядом со мной и умер близко.

* * *

Восьмая гвардейская армия начинала форсировать Вислу. Тридцать первого июля, когда корпус генерал-лейтенанта Фоканова был на переправе, в дом, где помещался оперативный отдел штаба корпуса, вошел высокий, немного сутулый пожилой полковник с длинными седеющими усами, с умным, чуть насмешливым выражением глаз. Это был полковник Гламазда, заместитель командира корпуса по политчасти. Я его до сих пор встречала редко, но слышала о нем много, и теперь рада была увидеть вблизи: таким мне и представлялся этот душевный, любимый товарищами и бойцами человек.

Гламазда зашел за начальником штаба корпуса, чтобы вместе ехать на берег Вислы; говорили, что он любит быть всегда впереди с войсками.

— Наши как будто прочно зацепились на «том» берегу. Поедем! — не садясь, а только сняв фуражку и вытирая лоб, сказал он. И сразу стало понятно, что первые успехи на переправе — то есть начало выполнения дела, над которым так много трудились и бойцы и командиры в корпусе, — такое событие, которое он сам и не представляет без своего прямого личного участия.

— Передайте на тот берег в дивизию Кутовому, что я буду у них на переправе, — уезжая, сказал полковник дежурному в штабе.

По светлому песчаному берегу величественной польской реки, в излучине, плохо видимой от врага, к воде подходили и подъезжали на машинах наши бойцы. Наши орудия стреляли куда-то в глубину немецкой обороны; над рекой шли непрерывные воздушные бои. Немецкая артиллерия и минометы вели огонь по переправе, снаряды и мины рвались не только по берегу. — и над голубовато-серой спокойной водой, над песчаными кромками островов, над далеким ивняком на них взрывались и повисали

черные облачка. Хотя бойцы, быстро соскакивая с машин, укрывались в наскоро вырытых окопах и щелях, было много раненых и убитых...

Оба полковника пробыли на переправе до вечера, съездили в амфибии на ту сторону и лично убедились, что переносить туда наблюдательные пункты командирам дивизий еще некуда, но дело двигалось вперед: форсирование продолжалось полным ходом. Бойцы видели и начальника штаба и Гламазду на наблюдательном пункте командира полка. На том берегу Гламазда повстречал Кутового.

— Замполитам полков — безотлучно быть на переправе, обеспечить, чтобы порожние паромы и лодки уходили в обратный рейс без малейшего замедления, — приказал он.

За Вислу уходили тесно загруженные людьми и оружием паромы, обыкновенные лодки и надувные; обратно на них везли раненых. На середине реки саперы ставили вешки — тут было мелко до самого «того» берега. Казалось, давно уже все началось здесь, а в действительности не прошло и суток.

— Обживаем Вислу, — сказал начальник штаба.

— А пожалуй, Вислу не труднее форсировать, чем Днепр и Днестр, — ответил Гламазда и прибавил: — Но и не легче...

Когда возвращались на свой берег, в одну из лодок, шедших навстречу, попал осколок снаряда и пробил борт. Было видно, как лодка накренилась, ее заливало. Несколько бойцов плыли, взмахивая руками над водой, их сносило. Другие барахтались в воде; к ним стремительно шла другая лодка.

Вечером обстрел реки еще усилился, к бойцам, закрепившимся на том берегу, переправлялись все новые и новые подразделения. Член Военного Совета армии генерал-майор Пронин, приехав в корпус Фоканова, нашел полковника Гламазду на берегу Вислы — немного отдохнув, замполит уже снова был на передовой.

Висла — обжитая река, берега ее укреплены; чтобы в паводок не было больших разливов, вдоль берегов насыпаны валы высотой в несколько метров, кое-где поросшие тополями. В обратный скат этого вала были врезаны окопы и укрытия наблюдательных пунктов командира дивизии и его артиллеристов; командир дивизии генерал Баканов был здесь неотлучно. Мелкий дождь затянул, как туманом, линию низкого берега, видимость стала хуже. Однако переправа шла медленно: много лодок и паромов выбывало из строя. Наводка моста задерживалась.

Ночью на наблюдательный пункт к Баканову, в мокрой накидке с поднятым капюшоном, подошел полковник Гламазда.

— Раненых на этом берегу много, сильно бьет... На «том» легче воевать, — сказал он.

— Нам с тобой все приходится первыми через реки переправляться. — Баканов засмеялся. — Все «тот» да «этот» берега... Помнишь?

Гламазда на войне службу свою начинал комиссаром дивизии, в которой был и Баканов. Они близко знали друг друга.

Баканов говорил, конечно, о Сталинграде, где их дивизия пробыла сто дней. «Ну, там было потруднее...» — подумал Гламазда.

Конечно, там было потруднее, когда пришли к переправе через Волгу. Ни машин, ни лошадей на ту сторону не брали. Все переносили к катерам в мешках. Полк за полком переправлялся в Сталинград и отбивал себе землю, где поместиться. Навоевали себе земли, начали строить оборону. Никаких переправочных средств на правом берегу Волги не оставляли, а те, какие появлялись, уничтожали, чтобы ни у кого даже мысли не мелькнуло возвратиться на восточный берег. Приказ: дальше отступать некуда. За Волгой земли у нас нет. Или победим, или погибнем...

Мысли у обоих прошли одним и тем же путем. Баканов, подняв к глазам бинокль, медленно вел его справа налево.

— Плохо, что ничего отсюда не видно,— сказал он,— зря здесь мокнуть не стоит...

Вместе с Гламаздой они пошли в полуразбитую хату на берегу. Сильный артиллерийский обстрел продолжался, немцы клали снаряды непрерывно по всему берегу.

...Сейчас Гламазда сидел рядом с Бакановым на неструганых нарах в хате на берегу Вислы; не раз так приходилось: с начала войны они были вместе. Вся история боевой жизни полковника была известна Дмитрию Евстигнеевичу; прошлое у обоих было такое, что каждому из них товарищ был как надежная пристань.

— ...А все-таки были тогда у нас колеблющиеся, Николай Александрович...— продолжая думать о Сталинградской обороне, сказал Баканов.— Но не уничтожением возможности переправиться обратно удерживали мы их, а той душевной силой, которую ты умел отыскать в них же самих. Умеешь ты это в человеке найти...

Привалившись к мазанной глиной, облупившейся стене и полузакрыв глаза, Гламазда отдыхал. Баканов посмотрел: лицо у полковника было бледное, очень усталое, влажные волосы прилипли ко лбу. Гимнастерка на плечах была темная — промокла и под плащом. Мокрые плащи лежали тут же.

...Бывали случаи в Сталинграде — их помнил Баканов,— когда боец держится, держится, и вот больше духа не хватает, побежит к Волге, чтобы уйти хоть вплавь. От передовой до Волги оставалось каких-нибудь полтора метра. Добежит до воды, посмотрит, махнет рукой и бежит обратно. Однажды Гламазда — тогда комиссар дивизии — весь такой маршрут одного бойца из только что прибывшего пополнения наблюдал полностью, но и голоса не поднял, чтобы его остановить... Уж после Николай Александрович рассказывал Баканову об этом.

«Дядя этот полз сначала медленно по изрытой снарядами земле, потом, словно не мог совладать с собой, вскочил и пустился бегом... Вдруг остановился, оглянулся... И так это было,— рассказывал Гламазда,— будто он на всю Россию оглянулся. Тряхнул головой, пошел к Волге уже тише, шаг за шагом, ближе к берегу, ближе... И вдруг замер... Не мог я мешать ему: видел трудную его борьбу, сам волновался, но не двигался». — «Что же, ты бы его так и упустил?» — спросил тогда Баканов. «Нет, я знал: победит человек себя, вернется...»

Когда боец побежал обратно, они с комиссаром и сошлись носом к носу... «Это вы, товарищ комиссар?.. Видели?..» — «Все видел», — ответил Гламазда. Боец и опешил, думал — свою неустойку сам с собой переживет. «В трибунал теперь пошлете?» — спросил он, зная, что комиссар пощады не давал трусам и дезертирам. «Нет, не пошлю...» — «Как же теперь мне людям в глаза смотреть? — Это он уже в отчаянии крикнул. — Скажут — совесть потерял». — «А ты не потерял, а нашел», — ответил комиссар и руку ему на плечо положил: — Так и будем считать. С этим и войей!» Тот слезами заплакал, а побежал к передовой веселый...

— И как потом воевал! — сказал Баканов вслух.

— Кто воевал? — спросил Гламазда, возвращаясь из дремоты.

— Бойца твоего я вспомнил, какой к Волге бегал.

А Гламазда уже снова задремал.

Слишком много было пережито вместе, чтобы надо было полностью рассказывать о каком-нибудь случае.

Гламазду Баканов очень любил. И больше всего ценил это умение Гламазды оказать каждому бойцу доверие и тем сделать его не только

стойким защитником в бою, а и примером для других. «Умница!» — подумал Баканов, с нежностью глядя на дремавшего товарища.

...Да, в Сталинграде сопротивление врага было упорное, двести—триста немецких транспортных самолетов прилетало за сутки. Бойцы по трое суток не ели, перехватывали продукты, какие немцы спускали своим на парашютах...

Со стены от близкого попадания посыпались комья глины.

— Пойдем-ка, Николай Александрович, из этого домика,— сказал генерал Баканов своим ласковым насмешливым голосом.

— Я к лодкам пойду,— ответил, поднимаясь, Гламазда.— Что-то медленно они там грузятся. Ну-ка, Лебедь, дай мне лошадку.

Лебедь был начальником штаба бакановской дивизии. Он только что пришел с берега, что-то оживленно рассказывал командующему артиллерией, повторяя всем известную, якобы немецкую фразу: «Если рус-Иван перебрался за водичку, его оттуда не выгонишь...» И называл Сандомирский плацдарм и Пулавы...

— Какая к черту лошадка! Пешком и то нельзя идти,— ворчливо ответил Лебедь.

— Ну, пойти-то мне надо,— ответил Гламазда. И ушел к самой переправе, не дожидаясь лошади.

Под утро на широкой низкой отмели левого берега полковник Гламазда был тяжело ранен в бедро осколком гранаты.

— Вот и меня задело,— как-то удивленно сказал он.

Он сел на песок, снял с себя пояс и старался перетянуть им ногу выше раны. Подбежавшие бойцы достали индивидуальные пакеты и со всем старанием, хотя и не очень умело, перевязали его.

— Тяните потуже, чтобы кровь остановить,— сказал Гламазда, откидываясь.— Тяните, не жалейте.

Двое бойцов, для удобства скинув мокрые плащ-палатки, нагнулись — один над плечами раненого, другой подsunул руки под обе его ноги. «Берись!» — сказал первый. Они осторожно, очень старательно подняли полковника, уложили на носилки и понесли. Обстрел как бы перестал существовать для них на это время; хотя снаряды продолжали рваться на берегу, они, пересиливая чувство самосохранения, шли, как и полагается, не в ногу, чтобы не трясти раненого. По затянутой туманом воде подходили лодки, на буксирных паромках виднелись расплывчатые очертания орудий и танков, они отходили от берега и таяли в тумане. Смутные силуэты бойцов с автоматами, саперов, связистов, автомашин, коней, повозок мелькали перед Гламаздой; дело его шло, переправа работала.

Когда полковника на носилках осторожно вдвигали в санитарную машину, один из бойцов, пробежавших мимо, спросил: «Кого это ранило?» Ему ответили: «Нашего полковника Гламазду». Боец остановился, подошел к машине. Он не мог поверить: только вчера он получил партбилет из рук полковника. Он хотел сказать что-то самому полковнику, но постеснялся. Когда машина отъехала, он сказал ему вслед: «Пусть не тревожится, тут все будет в порядке». И побежал к берегу. Машина пошла за шесть километров в медсанбат.

В медсанбате надо было разбудить старшую сестру Марию Васильевну. Она дежурила целые сутки и поздно вечером заснула. Сквозь сон она услышала, что кого-то пронесли в палатку, где была операционная.

«Сейчас за мной придут», — подумала она, с сожалением отрываясь от только что увиденного сна и все-таки удобнее укладываясь на своей складной кровати. Но никто не шел за ней. Мария Васильевна привыкла, чтобы всех раненых принимали при ней, и ее все больше беспокоило, что могут распорядиться без нее. Она вскочила, быстро накинула халат и вышла из палатки.

Густой сосновый лес был темен и неспокоен. В стороне операционной светился красной точкой фонарик, заметно было движение, слышались приглушенные голоса.

— Кого привезли? — спросила Мария Васильевна, едва не столкнувшись с хирургом, который, нагнув голову и на ходу застегивая воротник гимнастерки, быстро шел по дорожке в операционную.

— Ложитесь, Мария Васильевна, мы справимся сами, — ответил хирург. — Право же, ложитесь.

Так никто никогда не отвечал ей. Она пошла к операционной. Тогда врач приостановился и спокойно, чтобы не испугать Марию Васильевну, сказал:

— Привезли вашего мужа, полковника Гламазду. Ранен в бедро. Вот все, что пока мне известно.

Когда, задохнувшись от волнения, Мария Васильевна подошла к операционному столу, на котором лежал ее муж, она сразу увидела, что дело очень серьезно, может быть непоправимо. Николай Александрович был бледен, всегда такие живые, с веселым огоньком глаза сейчас были усталые, будто он долго шел по жаре. Капельки пота блестели на лбу. Жена обтерла ему лоб рукой. Лоб был холодный.

Сердце у него — жена знала — было такое плохое, что даже от легкого гриппа его надо было беречь. Но хотя из-за болезни сердца Гламазда еще в мирное время был признан ограниченно годным к строевой службе, это же самое сердце повело его во время Отечественной войны именно в строевую. Полковник увидел склонившееся над ним взволнованное лицо Марии Васильевны с выбившимися из-под марлевой косынки светлыми волосами и посмотрел на нее внимательно и ласково усталыми своими глазами.

— Как тебе, очень плохо? — спросила она, не умея сгладить первого тяжелого впечатления.

— Ничего, Маруся. Может, обойдется, — ответил он, вероятно чувствуя, что может и не обойтись. С ногой его что-то делали, боль хватала за сердце. Давно знакомый хирург, всегда громогласный, здоровый человек, говорил с врачом, помогавшим ему, очень тихо, односложно, дополняя слова кивком головы, движением бровей, и, хотя полковник не мог видеть, что там у него с ногой, он угадывал по паузам, о чем они говорят.

— Плоховато, наверно? — спросил он.

— Ничего... — ответил хирург без всякой, впрочем, бодрости в голосе. — Сейчас перельем вам кровь.

Эта ночь, в которую ни на миг не прекращалось движение людей, хотя и тихое, но значительное на фоне непрерывного гула в стороне Вислы, была полна напряжения и там, на передовой, и здесь, в операционной.

Жена крепче сжала руку полковника. Она смотрела на него, стараясь не выдать своей тревоги, но понимала, что тревога ее доходит до мужа и он знает все, о чем она думает.

— Маруся, обещай, что ты не оставишь Ростислава, — сказал он. Ростислав был его сыном от первой жены.

Мария Васильевна пообещала кивком головы и, сдерживая слезы, погладила его руку. Он прикрыл ее руку своей и так подержал.

Врачи закончили перевязку; несмотря на уколы кофеина и камфары, сердце полковника билось все отдаленнее, как будто в этом сразу ослабевшем теле образовывалась глубина, куда утекала его жизнь. Мария Васильевна достала ампулы с кровью для переливания. Во время переливания крови сердце раненого не выдержало.

Первую жену и сына полковник Гламазда потерял в начале войны, когда ушел из своего города на фронт. Восемь месяцев тому назад Слава, как звал его полковник, нашелся и приехал в корпус, где служил Гламазда. Ему шел шестнадцатый год, он был похож на отца.

На фронте привыкли к тому, что внезапно может быть ранен, может умереть самый нужный человек, самый дорогой товарищ, и говорят, что незаменимых людей нет, — на место выбывшего становится другой; другому тоже помогут стать хорошим товарищем. Но полковник Гламазда был человек особенный: надо было слышать, как говорили о нем люди, узнав о его смерти. Одни вспоминали, что в его присутствии никто никогда не тяготился тем, что он начальник, другие, что Гламазда был прямой, открытый человек, с ним каждый мог увидеть свою ошибку как бы со стороны и поправить ее: он давал человеку самому разобраться, как выйти из беды, чтобы жить дальше, не потеряв уважения людей. «...И подведет так, что человеку кажется — он сам все это с собой решил, а полковник только был при этом. Такие люди редки».

Но ни один из товарищей Гламазды не сказал, как это бывает, что, если бы замполит остался жив, он многое еще успел бы сделать. Гламазда на войне сумел сделать уже так много, что дело свое солдатское, порученное ему партией как боевое задание, словно бы сумел выполнить до конца. Личный пример замполита продолжал действовать и после смерти.

Когда сказали генералу Баканову о том, что полковник Гламазда скончался, он долго сидел молча. Входящие в комнату видели фигуру генерала сбоку, с затылка. Человек этот, заслуживший звание Героя Советского Союза за весенние бои на Никопольском направлении, или, как говорили, «за Бол-Костромку», всегда держался очень просто и спокойно. И сейчас он сидел, подперев правой рукой щеку, и смотрел как будто на карту местности, разложенную перед ним на столе; слез на глазах он не скрывал. Голова его со спутанными волосами была как-то задумчиво наклонена, никакой принужденности не было в его позе.

Полковник Карташев, начальник штаба корпуса, подошел к генералу и молча сел напротив.

— Не могу освоиться с потерей, — сказал Баканов, — велика. Любил он нашу дивизию.

— И она его любила, — сказал полковник.

— Да вот сердце не выдержало... Сам-то он выдержал бы...—Словами этими он говорил, что, кроме обыкновенного человеческого сердца, у Гламазды была великая внутренняя сила, воля.—Сердце его в Сталинграде распаталось, там он сильнее почувствовал болезнь, до этого держался...

— Себя не щадил, здоровье не берег...

— Ну, как ты здоровье убережешь? Не убережешь. Сколько мы с ним знаем друг друга...— Дмитрий Евстигнеевич не мог говорить об ушедшем друге в прошедшем времени.— Ведь как было дело? Второго октября погрузились из района Барыш Сызранской области и — в Сталинград! Завод «Красный Октябрь», Шлаковая гора — все это, брат, в сердце высечено! Вели мы бои в мартеновском цехе и в третьем бронепрокатном. Мартеновский цех весь кругом нас развалился, а мы стояли. Командные пункты были в мартеновских печах, санитарный пункт полка — в водоснабжающей трубе. Шестьдесят первый полк удерживал Шлаковую гору. Знаешь, отбросы шлака бесформенные такие во время литья полукаются... Третий цех — двести пятьдесят метров в длину. Пол у него железобетонный, метровой толщины. Внизу — подвалы. Двухсотмиллиметровый снаряд прямым попаданием пробивал только пятьдесят сантиметров. В этом-то цехе и шли бои шесть суток. Пушки сорокапятимиллиметровые, помню, протащили в разобранном виде, а ведь казалось — невозможно было протащить! И вот, понимаешь, Гламазда все время в боевых порядках, везде и всюду я видел его, днем и ночью...— Баканов говорил вполголоса, осторожно доставая дорогие воспоминания.— Блиндажи роют, выбрасывают землю, ставят раму, дальше, дальше... Волга уже замерзла, а катера все пробивались. Когда замерзла, пошли воло-

кушами. Перед Волгой воевали строевые, и за Волгой — хозяйственники...

Полковник внимательно слушал. Пока Баканов вспоминал, друг был для него живым. — вот кончит рассказ и поедет с ним вместе снова на переправу...

— Ну, а теперь, — сказал Баканов, внезапно прерывая себя, поднимая голову и кладя руку на стол, — простимся с другом...

В одиннадцать часов к лесу, где стоял медсанбат, стали подъезжать офицеры и бойцы корпуса, представители армии. Светлая красивая дорога, обсаженная белой акацией — деревом стройным, с круглой, словно подстриженной, кроной, — шла мимо леса. В лесу под высокими соснами виднелись палатки, землянки и вырытые в песке, замаскированные сосновыми ветками укрытия для машин. В частом молодом соснячке, обмахиваясь хвостами, стояли лошади. Они подавались гладкими блестящими крупами, когда близко мимо них проскакивала машина.

По мягкой песчаной дороге бойцы и офицеры проходили в лес. Около большой четырехскатной палатки было тщательно подметено. Вершинки сосенок, воткнутые у входа, образовывали зеленый коридор, казавшийся подлеском в этом строгом чистом лесу. Крышка гроба, обитая красным, была прислонена к старой высокой сосне. Широкие светлые пятна от солнечных лучей передвигались по стволам сосен и по мху; в них белым блеском вспыхивали трубы музыкантов, составленные у деревьев. Открытые «виллисы», свои и трофейные крытые машины останавливались около палатки, офицеры выходили, вынося привезенные цветы и венки.

Полковник Гламазда лежал в палатке, окруженный цветами, в обычной для него военной форме, и четыре красные подушечки с орденами лежали около его сложенных на груди рук. В этой форме он жил и работал; форма была не просто одеждой, а выражала строгую, простую, самоотверженную жизнь Николая Александровича Гламазды — офицера Красной Армии, члена партии с девятнадцатого года. Но от того, с каким выражением любви и горести смотрели на него товарищи, становилось понятным преимущество такой жизни. Мария Васильевна стояла, глядела, не отрываясь, держа в кулачке смятый носовой платок; по выражению ее лица было видно, что здесь, рядом со всеми, ей легче не проявлять своего горя женщины. Сейчас она разделяла общую скорбь товарищей. Сын полковника, мальчик шестнадцати лет, тонкий и высокий, как отец, не сводил глаз с его лица и безуспешно старался сдерживать слезы.

Член Военного Совета армии генерал-лейтенант Пронин, плотный крепкий человек, почти нежно говорил о своей встрече с полковником вчера на переправе, о том, что Гламазда, как всегда, забывал о себе и оставался в самом опасном месте... Несмотря на то, что потеря была тяжела, генерал все-таки не мог сказать слушавшим его бойцам и офицерам, что полковнику Гламазде лучше было бы не ездить на переправу во время боя. Надо было ехать, руководить людьми.

Самые близкие товарищи полковника Гламазды не могли проводить его в последний путь: форсирование Вислы шло непрерывно, и обстановка с каждым часом становилась труднее и напряженнее. Ни командир корпуса, ни начальник штаба не приехали на похороны: они оба были у Вислы, там, куда ушел бы и Гламазда, если бы был жив. И, конечно, он понял бы их и одобрил. Да в сущности он и был там вместе с ними.

Сначала вынесли венки и уложили их по бортам высокого «студебеккера»; взвод автоматчиков, провожавший до Люблина своего товарища и командира, выстроился рядом с машиной. Бойцы, несмотря на ясный летний день, строго одетые в шинели и с автоматами на груди, сурово смотрели на темный вход в палатку.

Медленно из палатки вынесли обитый красным гроб. Музыканты подняли к губам блеснувшие на солнце трубы. Солнце осветило бледное спокойное лицо полковника, два автоматчика, склонив головы, вытерли слезы рукавом шинели. Взгляд мой, обошедший сейчас лица людей, широко окруживших приготовленную машину, не встретил ни на одном и следа притворного сочувствия, ленивой рассеянности, обязательности присутствия при проводах начальника: нет, только глубоко преданные чувства, желание продолжать дело жизни погибшего начальника и товарища, отдать свои силы и, может быть, жизни для этого продолжения было общим, разлитым по всем лицам и создающим каждому чувство опоры друг на друга и бессмертия каждого в общем деле.

Жена и сын вышли, держась за руки, боясь отстать от гроба, остаться одни...

Два автоматчика вскочили на машину и приняли гроб. Его подвинули тихо, и он стал среди цветов. Бойцы сели по бокам с автоматами, им подали длинную тяжелую крышку. Пожилой боец, старшина с длинными рыжеватыми усами и тронутым оспой лицом, принял ее и заботливо уложил. Потом он сел сбоку у гроба, сжав рукой автомат: шинель горбится на его плечах, и он похож на большую нахохленную птицу... Машина тронулась, медленно повертывая среди деревьев, и последнее, что видишь,— неподвижная фигура бойца с автоматом: он сидит нахмуренный, наклонившись, и смотрит вниз и вкось на красный гроб суровым ястребиным взором.

И вот уже полковника Гламазду везут по лесу мимо всего, что он любил, мимо бойцов, которые вышли из землянок и, застыв на месте, провожают его горестным взглядом, мимо стоящих на привязи среди сосен карих и серых коней с добрыми умными глазами. Все дальше его везут, на восток от Вислы, по светлой, солнечной дороге, мимо всего, что он тоже любил — мимо полей, лесов, садов,— и тем, кто его знал и любил, эта последняя поездка с ним неизмеримо тяжела. Они сейчас за него прощаются с прекрасным светлым миром, где делом полковника Гламазды с его юности было драться за справедливое устройство жизни. И люди, живущие в домах у дороги, перенесшие в Польше все страдания войны, оборачиваются, смотрят — польские женщины испуганно и робко, а мужчины снимают шляпы.

В Люблине, где еще пахнет дымом войны и кирпичи разрушенных домов лежат на тротуарах, на большой площади, окруженной полуобгоревшими домами с выбитыми стеклами, опускают в могилу полковника Николая Александровича Гламазду. Сотни поляков стоят у могилы, приносят еще цветов, говорят что это Советская армия хоронит своего командира. Первая могила бойца за свободу и независимость Родины, за освобождение польского народа остается на площади Люблина.

Летние дни все набирали силу, и каждый следующий был щедрее и богаче прошедшего. Рожь, пшеница, ячмень еще стояли на полях, различаясь оттенками зелени, с каждым днем переходящей в спелую желтизну. Вишни становились чернее, яблоки белее, и под огромными пятисотлетними дубами широко лежала густая тень: так развернулись и расширились их кроны.

Так все шло до какого-то дня, в который все осталось так, как было вчера,— и жаркое солнце, и горячий песок, и крупные красные ягоды малины. На полосах ржи и ячменя появились женщины и стали жать хлеб серпами, и уже на полях выстроились ряды копен.

Жена и сын полковника Гламазды вернулись в один из таких дней после похорон обратно к Висле. Части корпуса уже твердо обосновались

на плацдарме за рекой. В широкой и низкой комнате панского дома в фольварке Целеюв, с большим столом посередине и потемневшими родовыми портретами на стенах, Мария Васильевна и Ростислав сидели тихо в креслах против начальника штаба корпуса. В позах и движениях людей, похоронивших дорогого человека, бывает такая робкая тихость, как будто, сделав это тяжелое дело, они боятся спугнуть свои думы о нем, то, чем они еще связаны с ушедшим.

Но полковник Карташев, начальник штаба корпуса, любил полковника Гламазду, и Марии Васильевне и Славе было легко с ним.

— Как же теперь жить? — спросила Мария Васильевна. — Ничего не могу придумать. Головное отделение медсанбата уходит за Вислу, и я еду туда. А как же Слава?

Полковник не раз разговаривал с Николаем Александровичем о сыне и знал, что отцу хотелось, чтобы Ростислав поступил в артиллерийское училище. И сейчас Ростислав попросил об этом полковника. Задумчиво глядя на лицо сына, так похожее на лицо, которое он видел на берегах Вислы еще так недавно, полковник сказал, что уже доложил об этом в Военный Совет армии и на днях будет ответ.

Над Вислой летали немецкие бомбардировщики, они бросали на переправу фугасные бомбы и так называемые «ракушки», улетали и снова возвращались. От их полета над домом, где все сидели, стоял шум, а от разрыва бомб на Висле в доме звенели стекла, хотя от переправы до дома было километра два или три.

Несмотря на этот шум войны, казалось, что в доме все напоминает какую-то прежнюю мирную картину, где встретились давнишние друзья за большим столом в комнате, из которой в открытые окна виден старый парк, и зеленый газон перед домом, и мелкие обильные розы на цветущих кустах.

— Вы можете, Мария Васильевна, поехать с Ростиславом до Киева, — сказал полковник.

— Я хотела бы захватить с ним вместе к матери Николая Александровича...

— Вам разрешен трехмесячный отпуск, и я думаю, что поехать вам следует. Конечно, Военный Совет разрешит дать вам провожатого...

В словах полковника было много заботливого участия, но то, что ей давали отпуск и провожатого, только подчеркивало тяжесть случившегося, и Мария Васильевна заплакала. Слезы были горькие, и полковник не решился утешать. Он стал разговаривать с сыном. Мария Васильевна, стесняясь слез, которых не могла сдержать, поднялась.

— Ну, расти славным, — сказал полковник, обнимая Славу.

Он вышел проводить их. В синем небе за домом, чуть повертываясь, плыл большой серебряный аэроплан. Над верхушками огромных семисотлетних дубов в парке шли, переходя с голубого чистого пространства на кромку белого тонкого облачка, три немецких бомбардировщика в сопровождении истребителей, за ними еще три, и еще...

Тишины в мире не было. Шла великая война, и семисотлетние дубы, видевшие хорошие времена страны, слышали теперь над собой, как воюют в воздухе люди, научившиеся летать. И, как старики, которые хотят дожить, чтобы увидеть другое, лучшее время для своих детей, старые деревья укрывали уцелевшими ветвями лежавшие около них обломки и листья, только что сбитые пулями немецкого крупнокалиберного пулемета.

По зеленому лугу спокойно и неторопливо, не обращая внимания на прерывистый шум немецких моторов в вышине, тихо пошли в сторону переправы Мария Васильевна и рядом с ней сын Гламазды. В стороне

Вислы все так же слышался дробный шум рвущихся мелких бомб и гулкие взрывы больших фугасных.

Худощавый высокий почтальон крупными шагами подошел к дому; в руке у него было несколько конвертов, он шел в штаб корпуса на полевую почту, чтобы взять оттуда письма и газеты и отвезти их бойцам на ту сторону Вислы.

Два письма были адресованы Гламазде. Мария Васильевна прочла их: раненые красноармейцы, лечившиеся в госпиталях, благодарили полковника и посылали ему солдатский привет.

* * *

Этот очерк был написан мною после беседы с генералом Бакановым как один из примеров для доклада о политработе в армии.

...В эти дни мы часто пишем о нашей Советской Армии, о мужестве народа. Знакомые всему миру имена героев повторяются снова, вспоминаются имена, незаслуженно забытые.

Горько иногда ощущается нами, литераторами, сознание не до конца выполненного долга. Вечную славу героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины, обещал народ. Кто же и должен собирать и сохранять эту славу, как не мы, литераторы, писатели?

ВСЕВОЛОД ЛОБОДА

★

ИЗ ФРОНТОВОЙ ТЕТРАДИ

Поэт Всеволод Лобода не вернулся с фронта. 28 октября 1944 года он погиб при прорыве обороны на реке Айвиексте в Латвии. Он не дожил до дня Победы, но герои его стихов — солдаты стрелковой дивизии, в которой Всеволод Лобода служил, — дошли до Берлина и весной 1945 года водрузили Знамя Победы над рейхстагом. Стихи воина-поэта печатались в дивизионной газете, хранились в записных книжках его друзей. Пусть и сегодня прозвучит молодой и мужественный голос нашего боевого товарища.

ДОРОГА

Солдатские дороги,
коричневая грязь.
С трудом волочишь ноги,
на климат разъярясь.
Лицо твое багрово —
холодные ветра
сговаривались снова
буянить до утра.
Набухла плащ-палатка,
лоснится под дождем.
На то ноябрь.
Порядка
от осени не ждем.

Боец, идешь куда ты
и думаешь о ком?
Шрапнельные снаряды
свистят над большаком.
А где же дом, в котором
просох бы да прилег?..
За голым косогором
не блещет огонек.
Тебе шагать далече —
холмов не перечтешь,
лафет сгибает плечи,
а все-таки идешь.

Ведут витые тропы,
лежат пути твои
в траншеи да в окопы,
в сраженья да в бои.
Шофер потушит фары
под вспышками ракет...

ПАВЛОВСКАЯ, 10

Не в силах радость вымерить и взвесить,
 Как будто город вызволен уже,
 Я в адрес:

«Киев, Павловская, десять» —

Строчу посланье в тесном блиндаже.

Письмо увидит ночи штормовые,

Когда к Подолу катятся грома,

Когда еще отряды штурмовые

Прочесывают скверы и дома...

По мостовым, шуршащим листопадом,

Придет освобожденье. Скоро. Верь...

Впервые за два года не прикладом,

Без окрика,

негромко стукнут в дверь.

Мой хворый дед поднимется с кровати.

Войдет веселый первый почтальон.

От рядового с берега Ловати

Привет вручит заждавшемуся он.

Старик откроет окна.

В шумном мире —

Осенний день, похожий на весну.

И солнце поселится в той квартире,

Где я родился в прошлую войну...

1944 г.

НАЧАЛО

Лес раскололся тяжело,

Седой и хмурый.

Под каждым деревом жерло

Дышало бурей...

Стволам и людям горячо,

Но мы в азарте.

Кричим наводчикам:

— Еще,

Еще ударьте!..

Дрожит оглохшая земля.

Какая сила

Ручьи, и рощи, и поля

Перемесила!

И вот к победе напрямиком,

За ротой рота,

То по-пластунски,

то бегом

Пошла пехота.

1944 г.

МИХАИЛ КУЛЬЧИЦКИЙ
★
ПЕРЕД ГРОЗОЙ...

Весной 1941 года журнал «Октябрь» опубликовал поэму М. Кульчицкого «Самое такое». В воздухе уже пахло грозой, и первые слова поэмы: «Я очень сильно люблю Россию» — прозвучали клятвой, которую нужно было исполнить почти немедленно. Прошло несколько недель, и 22 июня поэт встал в очередь у дверей райвоенкомата. А январем 1943 года помечена «похоронная» младшего лейтенанта М. Кульчицкого, командира минометного подразделения. Он был убит, не дожив до двадцати четырех лет, напечатав всего триста или четыреста строк. И все же буря чувств, волновавшая этого замечательного юношу, не осталась невоплощенной. И самое сильное из этих чувств — любовь к Родине и коммунизму — вылилось в строки такой искренности, что их и сейчас повторяют его сверстники и товарищи:

*...И пусть тогда
на язык людей —
всепонятный
как слава —
всепонятное
слово
попадет
мое,
русское до костей,
мое,
советское до корней,
мое украинское тихое слово.
...О, как
я девушек русских «прохаю»¹
говорить любимым*

*губы в губы
задыхающееся «кохаю»
и понятнейшее слово
«любый».
И за то,
чтоб как в русские в небеса
французская девушка
смотрела б спокойно,—
согласился б ни строчки
в жисть не писать!*
* * * * *
*А потом взял бы
и написал —
тако-о-о...*

Ниже мы печатаем несколько довоенных стихотворений М. Кульчицкого. Стихи, написанные М. Кульчицким на фронте, к сожалению, за редким исключением, не разысканы.

КРАСНЫЙ СТЯГ

Когда я пришел, призываясь, в казарму,
Товарищ на белой стене показал
Красное знамя — от командарма,
Которое бросилось бронзой в глаза.

Простреленный стяг из багрового шелка
Нам веет степными ветрами в лицо...
Мы им покрывали в тоске, замолкнув,
Упавших на острые камни бойцов...

---

¹ Прохак (укр.) — прошу.

Бывало, быть может: с древка он снимался,
И прятал боец у себя на груди
Горячий штандарт... Но опять он взвивался
Над шедшею цепью в штыки,
вперед!

И он, как костер, согревает рабочих,
Как было в повторности спасских атак...
О дни штурмовые, студеные ночи,
Когда замерзает дыханье у рта!

И он зашумит!.. Зашумит — разовьется
Над самым последним из наших боев!
Он заревом над землей разольется,
Он — жизнь, и родная земля, и любовь!

1939 г.

* * *

Самое страшное в мире —
Это быть успокоенным.
Слаблю Котовского разум,
Который за час перед смертью
Тело свое граненое
Японской гимнастикой мучил.
Самое страшное в мире —
Это быть успокоенным.
Слаблю мальчишек смелых,
Которые в чужом городе
Пишут поэмы под утро,
Запивая водой ломозубой,
Закусывая синим дымом.
Самое страшное в мире —
Это быть успокоенным.
Слаблю солдат революции
В окопах Дворца Советов,
Слаблю солдат революции,
Мечтающих над строфою,
Распиливающих деревья,
Падающих на пулемет...

1939 г.

БАЛЛАДА О КОМИССАРЕ

Финские сосны в снегу,
Как в халатах.
Может,
И их повалит снаряд.
Подмосковных заводов четыре гранаты.
И меж ними —
Последняя из гранат.
Как могильщички,
Шла в капюшонах застава.

Л. РЕШЕТНИКОВ

★

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

ЗА КАРПАТАМИ, НА РАЗВИЛКЕ...

За Карпатами, на развилке,
Над могилой горит звезда.
Не истлели еще опилки.
Слов не смыла еще вода.

В октябре пятьдесят шестого
Здесь, в неласковой этой степи,
Он погиб на рассвете,
Снова
Встав войне поперек пути.

И теперь у его могилы
Дети утром играют в бой.
Набирают деревья силы.
Тучи ходят над головой.

Жаркий ветер качает ветки.
...Что ж ты видишься мне во мгле,
Матэ Залка, убитый в разведке
На далекой испанской земле?..

Кечкемет.

ВЕНГЕРСКОМУ ДРУГУ

Уже была далече Волга.
Скрипел в ночи дунайский лед.
В конце войны, суровой, долгой,
И к вам пришел он, мой народ.

Ломил он силой злую силу.
Та правда с нами, навсегда:
Что ни курган степной — могила,
Что ни могила — то звезда.

И я шагал под небом синим
И полюбил твой край степной,
Твоя старинные былины
И новой жизни сказ иной.

Но все, чем мы с тобою жили,
Как видно, в горле кость иным.
Одни по камню дом ложили,
Другие рыли ров под ним.

И вот легла, грозна, багрова,
На города, поля, холмы
Тень от костров средневековых,
Как тень коричневой чумы.

Теперь, когда со мною вместе
Ты спас свой угол от огня,
Враги клянут тебя бесчестно,
Но трижды яростней — меня.

Что им печаль твоя иль горе,
Живущим лишь надеждой злой —
Любой ценою нас поссорить,
Твою семью с моей семьей.

Еще чадит над головою
Той клеветы угарный дым.
Но мы живем одной мечтою
И дышим воздухом одним.

Одна дорога нам — навеки.
По ней плечом к плечу идти.
Так в океан втекают реки,
Сметая мусор на пути.

Будапешт — Новосибирск.

БОРИС РАХМАНИН

★

ЗВЕЗДОЧКА

Всюду и всегда, где очень трудно,
На станках, на самосвалах грязных...
В гулкие, как цехи, будни,
В звонкий праздник,—
К елкам прикрепленные заранее,—
На солдатских флягах,
На знаменах полковых израненных
И на легких пионерских флагах,
На стволах полков артиллерийских,
На широких крыльях самолетов,
На фанерных скорбных обелисках —
Звезды,
звезды,
звездочки

без счета.

Получив у старшины на складе
Звездочки, покрытые эмалью,
Первогодки, к шапкам их приладив,
Головы смелее поднимали.
Алое литое пятикрылье...
Вот эмаль обсыпалась немного...
Мы с пилоток звездочки дарили
Мальчикам вихрастым на дорогах.
Строго мы в глаза мальчикам смотрели,
Говорили просто: «Принимай-ка!»

...Старенькие звездочки горели,
Словно ордена, на синих майках.

МАРК ЛИСЯНСКИЙ

★

САША КУЗНЕЦОВ

В Полтаве,
В сквере городском,
В зеленом тихом пламени,
Под нарисованным флажком,
Как под гвардейским знаменем,
Под легендарною звездой
В цветах могила братская,
Лежит в ней воин молодой,
В ней спит судьба солдатская
В кругу товарищей бойцов,
Чей путь оборван бомбою...
Мой друг, мой Саша Кузнецов,
Прости вину огромную,
Мою вину перед тобой
За то, что на свидание
Иду протоптанной тропой —
И нет мне оправдания!..
За то, что я стою впервой
Пред этою могилою.
И слышу добрый голос твой:
— Я не прощу — помилую!

Я вижу: черный хохолок,
Глаза улыбкой светятся,
И тает, тает холодок...
— Вот как пришлось нам встретиться!

...Цветы в росе, и оттого
Вокруг простор сияющий.
А ведь в Полтаве у него,
У Саши, нет товарищей.
Нет ни родных и ни друзей,
Лишь ласточка попутная...
Ограда. Шелест тополей.
В тени скамья уютная.
Тропинки с четырех сторон,
Две женщицы с букетами...
Родился, жил, работал он
Вдали от места этого.
Он рос на севере,
В краю,
Где Волга льется сказкою,

А отдал молодость свою
За тишину полтавскую.
Под братским знаменем бойцов,
Среди великих почестей
Мой друг, мой Саша Кузнецов,
Не знает одиночества.
Как будто он вчера уснул
Под топодем торжественным.

Я с благодарностью взглянул
В глаза полтавским женщинам.

ИРЖИ ТАУФЕР

★

ГЕРОИКА

(Из поэмы)

Летописи этой войны еще не переписаны и не собраны вместе,
Лежат в стогах желтющих документов, приказов, газет,
Дрожат в человеческой памяти,
Плачут,
Из уст в уста передаются в сказаньях.
Они стали эпосом, ему измерения нет.
Былина об Илье Волжанине уже стала иною,
Она шелестит с книжных страниц, звенит с лесов новостройки,
звучит со сцены театра.
Эту былинку играют, словно органы, волгодонские шлюзы,
Эта былина написана теми, кто бился в боях, —
Писал ее тот, кто первым пал двадцать второго июня у Буга,
Писал ее тот, кто Харьков оставлял со слезами гнева в глазах,
Писал ее тот, кто видел, как в купол Лавры ударила вьюга.
Писал ее тот, кто за Волгу вышеживал свои кровеносные жилы,
Писал ее тот, кто пал у Курска, Белгорода и Орла,
и те, кто их пережили.
Писал ее тот, кто с хода форсировал Днепр,
Писал ее тот, кто по Шпрее переправлял лошадей в сорок
пятом.
Писали ее те, кто боролся против двух смертей — против
захватчиков и против голода,
Писали ее те, чьи ладони примерзали к станкам в
блокированном Ленинграде,
Писали ее те, которые хлеб видели реже, чем пенициллин,
Писали ее те, кто ел из горчицы, смешанной с опилками, блин.
Писали ее те, кто жил благодаря холодному льду, горячей
надежде и столярному клею,
Те, кто девятьсот дней блокады несли ту тяжесть, что нет
тяжелее.
Писал ее тот, кто лег на амбразуру вражьего дота,
Писал ее тот, кто встретил Девятое мая,
Как пробужденный от сна,
Чтобы пчелы, собирающие жизни, как мед
из рваных ран,
Жала свои смертоносные не опустили до дна.
Писали ее те, кто жилами своими связывал разорванные
артерии рек,
Были это те, кого еще детство человечества наградило именем
«Герос».
Были это те, кто не думал о том, что их не забудут вовек,

Что будут их воспевать,
 Что имя их выбито на мраморе будет,
 Будет отлито в бронзе,
 Будет срифмовано со словами —
 «Восхищение», «Мужество», «Верность».

Эту бессмертную песню писал тот, кто упал на месте, не
 отмеченном картой.
 Писал тот, кто кормил рты фронтов, себе оставляя крохи.
 Писали женщины, перед которыми пасть на колени не было б
 жестом.
 Писали дети, которые, словно доноры, поделились своим
 единственным — детством.
 Все они писали эту длинную героическую песнь.

Писал ее тот, кто замертво падал под тонкой березкой,
 Сам, словно лиственница, статен и прям.
 Пишет ее и моя память,
 Полная синяков, кровоподтеков, зарубцевавшихся ран.

Сколько битв решил эпизод, что не был никогда описан:
 Сколько атак расстроила бутылка с горючкой,
 Брошенная одним мужчиной на приближавшийся танк.
 . . . . .
 В моей памяти плещется Волга под бомбами, полная танкеров с
 нефтью.

В моей памяти ночь, темная, словно грузинки коса,
 Глубокая, как шаляпинский бас, покрывающий все голоса,
 Ночь, кружащаяся, как пластинка старинного граммофона,
 Ночь, текущая так медленно, словно волны у Дона,
 Ночь из тревог, телефонных звонков, сообщений, что приносили
 радио и телеграф,

Когда история кровью писалась у дзотов, в воздухе, у переправ.
 В моей памяти Абганерово.
 В моей памяти дымящийся Сталинград.
 В моей памяти таинственное озеро Эльтон, подернутое
 розоватым парком.

В моей памяти день, гремящий колесами товарняка,
 Изумрудно-зеленое утро между Владимировкой и Баскунчаком,
 Где красноармейцы на коленях качали оборванного паренька,
 Кормили его кусочками рыбы, наловленной в Ахтубе взрывом
 гранаты.

Он плакал и гладил оловянную миску, как когда-то
 материнскую грудь,
 До безумия повторяя слово нежное «мама».
 Тогда слезы текли по лицам будущих победителей в
 Павловском доме.

Эти слезы были горячее слез Анны Карениной над изголовьем
 Сережи,

Эти слезы трогали больше, чем песни о военной шинели,
 Эти слезы были правдивее, чем скульптуры у арок,
 И более возвышенны, чем любой обелиск.
 Картиной, в которой танки и самолеты в атаке даны,
 Где глина брыжжет, как в Исландии гейзеры бьют,
 Нельзя измерить величия Отечественной войны,
 Которая стала войной за свободу народов.

Лоб солдата, пронзенный пулей за пять минут до
 провозглашения мира,
 Более убедительно говорит о цене победы в боях,
 Чем сообщения о движении миллионных соединений.
 Будущее сияет всего яснее, когда в кулачке малыша
 Видишь кусочек сахару, вложенный солдатом, идущим на
 подвиг,
 Так просто, как ночью в окопе писал он письма домой,
 Так просто, как перед наступлением он взвешивал гранаты в
 руках,
 Так же просто, как просил командира считать его коммунистом
 в случае смерти.
 Потому что в кристальной слезе, катившейся по выцветшей
 рубашке советского воина,
 Цель человечества засияла ближе и ярче,
 Чем в обращениях, что до сих пор мы читаем, дыхание затая,
 Чем на полыхающих лозунгах тысячных шествий.
 Эта цель, согретая пламенем такого огня,
 Проявится вдруг, как слова, написанные симпатической влагой,
 Так что можно этой цели на секунду коснуться губами, как
 женской руки,
 Можно ее увидеть в детской улыбке, более потрясающей, чем
 ликование толп,
 Можно ее ощупать, как танк, первым прогромыхавший по
 улицам Праги.
 Такой живой была она, такой ощутимой, такой простой,
 Такой горячей и свежей.

Воспоминания мои как письма, которые невозможно вручить.
 Как эти маленькие треугольнички, что полевая почта тасует,
 Которые оставались нераспечатанными в землянках фронтов,—
 Эти маленькие письма из школьных тетрадей в линейку косую.
 Носили их в сумках советские девушки-почтальоны.
 Они узнали столько имен героев и столько лиц героинь,
 Когда по лестницам затемненным ходили,
 Когда у дверного замка рука в нерешимости стыла.
 Они видели больше, чем написано и напечатано было.

Когда приблизительно над своим последним письмом сидел
 зоотехник Пирко,
 Мой друг? Он ходил немного враскачку.
 Шире совхозной улицы его улыбка цвела.
 Я видеть не перестану узел седых волос Анны Васильевны —
 тихой москвички,
 С глазами, как перебитые голубиные два крыла,
 С губами, как два кусочка черствого хлеба,
 А руки — каждая — маленькая равнина,
 Избороденная кряжами. Каждый из них она должна была
 перешагнуть ради сына.
 Руки, разрытые руслами жил, утратившими самые свои
 дорогие притоки.
 Она сказала, что последнее от сына письмо получила из
 Острavy месяц назад.

Анна Васильевна, я сказал вам, что сын ваш вернется здоровым
 наверняка.

Я сказал вам, что вы с ним пойдете на танцы в парк ЦДКА.
Много прекрасной лжи я сказал вам, до сего дня эту муку
пронес.

Я ложь вам сказал, чтоб вы не видали моих нахлынувших
слез.

Москва только что на улицах триумфальное прокричала «ура».
На столике вашем не просыхали листы корректуры моей до
утра.

Серый пуховый платок ваши плечи укутал от стынувшей дрожи.
Лицо ваше, Анна Васильевна, на лицо моей матери было
похоже.

Вашей кровью
тоже окрашена глина моей стороны...

Вы героиня
тоже.

Вы тоже увидели Европу за дымною Этной.
Вас тоже

обнимала молодость наша в мае заветном.

Вы тоже приехали к нам на танке или в автомобиле.

Русские девушки в гимнастерках на вас походили.

Вы тоже новый смысл придавали слову «вчера».

Потому что вместе с вами ступила к нам новой эры пора —

Еще запыленная, еще в кровавых бинтах, еще полная дыма от
выстрелов.

Каждое вдохновение воплощалось в законченную картину —
на площади выставки!..

Снова садом прекрасным казалась будущность, вам
благодарная.

Любая поэма о будущем заканчивалась восклицанием:
— Красная Армия!..

Ваши солдаты детей наших поднимали тем же движением,
Каким ваш Октябрь поднимал в вышину человечество.
Пробудили в людях охоту в будущее идти, как на праздник, как
на вдохновенное дело,

Чтобы трудом своим — не принудительным — землю очистить
так, чтоб блестела,

Как мастера старое серебро очищают, с которого наши
мученики улыбаются нам.

Чтобы землю свою одеть в леса новостроек,

Чтоб опоясать ее поясами железных дорог,

Чтоб на горло рек повесить ожерелье конструкций,

Чтобы засыпать ее жемчугами электроогней,

Чтобы глаза доменных башен засияли над ней,

Чтобы людям улыбались из витрин красивые вещи.

Чтоб мужчины ее были такими прямыми, что их правдивости
ни один бы камень коснуться не мог.

Чтоб женщины были так прекрасны, что никакие деньги не
были бы в состоянии их оскорбить.

Чтобы дети ее были так свободны, как может быть свободно
лишь детство.

Такую власть вы нам дали тогда —

В эту особенную майскую ночь, памятную навсегда.

В это изумительное майское утро земли

Дали нам те, кто пришли и ушли.

И те, кто остались и лежат на Ольшанах двенадцать лет
под камнями.

Тот солдат с именем и тот — безымянный.
Те, чьи могилы могли бы быть когда-либо перенесены
К тем
Самым славным —
У Кремлевской стены.

Перевел с чешского Мих. Луконин.

С. ГОЛУБОВ

★

ПТИЦЫ ЛЕТЯТ ИЗ ГНЕЗД

О детстве и юности великого болгарина Христо Ботева,
о друзьях и недругах его ранних лет

Роман *

Глава девятнадцатая

Второй скандал

Главанаков по-прежнему оставался для Христо живым кусочком милой родины на огромной чужой земле. И все еще казалось: что бы стал делать Христо в Одессе без приятельства с Главанаковым? Затеялся бы и пропал... Друзья часто встречались. Зима прошла в этих встречах, да и весной они не стали реже. Только встречались теперь друзья уже не у «Механического» театра на Театральной площади (постепенно охладевая, Христо наконец совсем к этому театру остыл), а на Соборной площади, между островой колокольной и чугунным монументом «светлейшего» Воронцова. Пыльные вихри крутились вокруг монумента, стеной шли то на часового у гауптвахты, что на углу Преображенской улицы, то на лавку гробовщика Бендера, что против собора. В полусумраке этих пыльных штормов Христо и Божил ежедневно сходились у собора и долго потом гуляли, отряхиваясь, по Садовой и по бульвару.

Главанаков рассказывал о болгарских новостях. Их было немало. Дом Мироновича Тошкова был полон ими. Реформы в Европейской Турции... Да разве могут быть в Турции реформы? Могут: учреждены новые губернаторства; первое — Туна вилайети, Дунайская область, губернатор Мидхад-паша. Что же все это означает? Что из этого может выйти? Болгария... О, как томился издали Христо ее горькой судьбой! До Одессы он складывал и хранил в душе множество грустных впечатлений турецкой неволи. Но по-настоящему не умел, не мог их осмыслить. Здесь же, в Одессе, произошло с ним нечто новое, небывалое. Здесь он не видел ни отца, ни Цоко, ни Добри — никого из подлинно свободолюбивых болгар. А между тем именно в Одессе вдруг прозрел Христо, вдруг раскрылась перед его мыслью подлинная сущность болгарской беды и необходимость борьбы с ней. Случилось это внезапно, — если бы чудеса бывали, они непременно происходили бы тоже так — сразу. И человек так выходит из сна — сразу видит, слышит, понимает. Это — начало политического роста. Политический рост Христо начался в Одессе, и вместе с ним наступило прозрение.

Главанаков был далек от чего-нибудь подобного и не искал к нему путей. Он инстинктивно любил родину, как свое прошлое, отвлеченно со-

---

* Продолжение. Начало см. «Новый мир» № 1 с. г.

чувствовал ей в настоящем, а будущее Болгарии представлял себе смутно. Он как бы застыл на том, что слышал когда-то от Раковского. Усердно отсиживая в конторе служебные часы, Главанаков все чаще и чаще появлялся вечерами в доме господина Тошкова как свой человек. Его уже почти вовсе не тянуло из Одессы домой, в дремучие Котленские горы. Он снимал в городе вполне приличную комнату и получал от хозяина деньги на ее оплату. К комнате, к квартирной хозяйке, ко всему окружающему он относился ровно-спокойно, хладнокровно. Все это так и должно быть. И господин Тошков — тоже. Христо? Впрочем, что-то влекло его и к Христо, может быть, горячность, смелость, безрасчетная прямота — то, чего не было в собственном характере Божила. И даже жестокие упреки в мелкости чувств и себялюбии не могли оттолкнуть его от Христо...

Итак, двое смуглых молодых людей, встретившихся у памятника Воронцову, медленно шли по Ришельевскому бульвару, переговариваясь приглушенными голосами. Речь шла о господине Тошкове.

— И не гадко тебе, — возмущался Христо, — что ни день видеть этого индюка с раздутой шеей!..

Главанаков не оправдывал ни себя, ни Тошкова. Да, конечно, гадко... Конечно, индюк.. И шея раздутая... «Ты прав, прав, друг Христо!» Но деловая сторона все-таки была важнее. И вдруг, что-то вспомнив, он хлопнул себя по лбу.

— А Тошков хочет завтра вызвать тебя к себе...

— Меня?

— Тебя. Я слышал, как он давеча об этом говорил.

— Зачем же я ему понадобился?

— Гадай сам, — хладнокровно сказал Божил, — я твоих дел не знаю...

* * *

...Христо и впрямь был вызван к господину Тошкову. И опять, как в прошлом году, пришлось ему довольно долго проторчать в приснопамятной передней, ожидая хозяйского выхода. Торговый год был выгоден для господина Тошкова; большие доходы радовали его душу. Следуя доброй привычке припутывать господа бога к своим коммерческим оборотам, он вышел к ожидавшему его юноше в полном сознании своего благословенного успеха и с песнью благодарственного славословия на устах.

— Слава тебе, показавшему нам свет! Слава...

Но тут он сообразил, что вызвал мальчишку вовсе не для акафистов. Ага! Господин Тошков мигом распустил хвост и заругался по-индючьи.

— Слушай, ты, бездельник!.. Все говорят о тебе одно и то же: первый зачинщик всякого зла, первый грубиян, первый манкировщик занятий науками. Это что? Зачем же о тебе хлопотал господин Геров, а? Что ты по этому поводу думаешь? Зачем, исполняя его просьбу, я старался устроить тебя наилучше, а? Ну-ка, отвечай, почему ты оказался таким негодяем?

Христо густо побагровел. Кулаки его сжались. Наступила минута, когда господину Тошкову пришло на мысль, не переборщил ли он, и захотелось несколько податься из передней назад, в столовую. Круглые глаза юноши засверкали сухим темным огнем, точно драгоценные камни сквозной чистоты.

— Легче рыбе петь, а птице молчать, чем мне не думать, — медленно проговорил он и отвернулся, собираясь уходить.

— Гм! Погоди, погоди, — остановил его господин Тошков, снова выдвигаясь в переднюю из столовой. — Ты не хочешь заботиться о себе — твое дело. Но ведь ты не заботаешься также и о своей семье. Не ты о ней заботаешься, а мы. Знаешь ли ты, что младший твой брат Петко лежит

в параличе? Не знаешь? Да, конечно, лучше о таких неприятных вещах не знать. Лучше читать крамольные петербургские книжки. Это спокойнее. Ты ничего не знаешь о Петко. А мы о тебе все знаем. И не стоило бы нам о тебе думать, если бы не твой почтенный отец. Вот что! Он просит — мы делаем. Он просит дать тебе стипендию — мы даем. Слышишь?

— Слышу! — отвечал потрясенный Христо, все еще стоя боком к милостивцу, но уже начиная повертываться к нему лицом.

— Даем тебе стипендию ради твоего отца. И посмотрим теперь, как ты поведешь себя. Захочешь ли ты уморить своего отца или... не захочешь. Слышишь?

— Слышу! — сказал Христо и опустил голову.

* * *

В гимназическом коридоре на стене висела черная доска. У доски толпились гимназисты. Они читали, перечитывали и на все лады обсуждали наклеенное на доску объявление. В нем говорилось об увольнении из Каменец-Подольской гимназии ученика, сбившего тамошнего инспектора. По приказанию нового попечителя об этом скандале оповещались все учебные заведения округа. Вдоль коридора расхаживал взад и вперед «гасильник» с равнодушным лицом и глазами, устремленными в сторону. Однако никто не сомневался, что длинные уши его на макушке и что он делает собачью стойку на всякое словцо, вылетающее из неосторожных губ.

Вскоре в гимназию пожаловал и сам новый попечитель округа. Это был господин в желтых перчатках, высокий и стройный, однако с такой странной манерой гнуть на ходу ноги в коленях, как если бы был не человек, а разбитая старая кляча. У него было продолговатое лицо с длинным отвислым носом, над носом — густые, мохнатые брови. Из-под вздутых век с трудом вырывался наружу тяжелый, угрюмый, давящий взгляд. Фигура его могла показаться отталкивающей; этому несколько мешали деланная светская любезность и привычка к нагло-приветливому обхождению с человеческой мелюзгой. Войдя в восьмой класс, он вежливо раскланялся с учениками, но тут же и осадил их:

— Прошу в рот мне не смотреть, а слушать!

Затем, странно надламываясь в коленных сгибах, принялся обхаживать скамейки, за которыми стояли ученики.

— Вам известно о безобразиях, происшедших недавно в Каменец-Подольской гимназии. И о судьбе виновного — тоже. Предупреждаю: точно так же будет поступлено со всяким из вас, кто дерзнет малейше нарушить правила благочиния. Сам государь император вверил мне надзор за учебным округом. И я почитаю священной своей обязанностью пресечь злонравие в корне.

Не выходя из непрерывного колыхательного движения, он помолчал несколько минут.

— Дети! Разумом мы постигаем бога в проистекающих из него вечных идеях; умом — явления общего мира; рассудком — обыкновенные житейские отношения. Но разум ваш, дети, слаб; ум и рассудок нуждаются в укреплении. Достигается это простой рассудительностью. Чем отличны рассудительные люди от прочих? Тем, что они... рассудительны. Гм! Я хочу сказать, дети, что эксцесс, имевший не столь давно место в вашем классе на уроке тригонометрии, ни в коем разе не должен нарушать ни спокойствие ваших занятий, ни тишину вашего быта. Наоборот! Что, собственно, произошло? Ваш почтенный наставник, господин Нечайский, превосходно разъяснил вам высокое значение науки. На близком для каждого из вас примере он показал, как много делается в нашем

славном отечестве для образования юношества даже из самых низших слоев, не говоря уже о средних или высших...

С восхищением потирая быстрые руки, «гасильник» проверещал:

— Еще бы, ваше превосходительство, еще бы-с! Мещанских детей учим... Деревенщину... Кого попало-с!

Тяжелый взгляд попечителя медленно обошел стоявшие на шкафах физические приборы, особо задержался на столике с Атвудовой машиной (был урок физики) и наконец вдавился прямо в учителя. Лицо карлика вспыхнуло и тотчас же затем подернулось налетом свинцово-серой бледности, а седая грива на темени поднялась дыбом.

— Пользуюсь случаем,— продолжал попечитель, обращаясь к нему,— поблагодарить вас, господин Нечайский, за убеждения и мысли, столь успешно прививаемые вами воспитанникам. Сверх того, имею удовольствие поздравить вас с монаршей милостью: изволите быть произведены за отличие по службе в пятый класс табели о рангах. Сердечно поздравляю!

— Поздравляю-с! Поздравляю-с! — восклицал инспектор.— Дети! Что же вы? Нуте-с! Нуте-с! Кошиц, выходи вперед, кланяйся, поздравляй... Нуте-с!

Беззвучный вздох пронесся над классом. Ученики изумленно смотрели на попечителя, на Нечайского, и никто — на Семенца. Все понимали чудовищность того, что происходило. Понимали, что допустить эту оскорбительную чудовищность нельзя, но не знали, как можно было бы не допустить, и потому стыдились, и оттого боялись взглянуть на товарища. А лицо карлика синело и синело, точно от какого-то невыносимо сильного внутреннего напряжения. Глубокая морщина, нанскось пересекавшая его шишковатый лоб и заходившая на переносье, напряжилась, вслухла и до неузнаваемости исказила лицо. От напряжения за ушами выступили два желвака, каждый величиной с хорошее куриное яйцо. Никогда еще не испытывал карлик столь жестокого наплыва тоски и презрения к самому себе. Превосходительный петербургский хлыщ в желтых перчатках, из тех начальственных хлыщей, которыми в изобилии снабжает Россию императорская столица, вдруг оказался судьей в нелепой истории с Семенцем: измывается над невинным, благодарит виновного и намеревается новой подлостью завершить прискорбное дело. Политика... И за такую политику — чин? Нет, никогда ничего не поймет в живом человеке тот, кому странно было бы узнать, как клянет сейчас гном с львиной головой и новый свой чин и себя самого за фантастическую злобу к земляку «из-под Киева», за романтическую самовлюбленность и дурацкую спесь. Клянет... Клянет... Жаль ему бедного Семенца. Видит он ясно, что хотят сейчас растоптать в мальчугане сердце, раздавить мысль, навек истребить любовь к людям и веру в них. Нельзя этого, никак нельзя. Но и объясниться с хлыщом тоже нельзя. Не открывать же перед ним нутро, не выставлять же напоказ тайное... Уж лучше попросту отбить, отбить, так сказать, чтобы никогда не забывалось, и во втором скандале потопить первый. Хочешь политики, свистун? Получай... Карлик тряхнул гривой.

— Вы желаете что-то сказать, господин Нечайский? — спросил попечитель.

— Хочу, ваше превосходительство...

— Прошу покорно.

— О вас...

— Обо мне? — удивился попечитель и присел глубоко и плавно.— Обо мне? Что же именно?

— Гляжу на вас и думаю...

— Что?

— Экий вы политик золотушный. И к тому еще брехун-с.

В порыве внезапной радости взбултыхнулся класс. Миг — и все перевернулось, стало на свои настоящие места. Попечитель, в которого на глазах у всех как бы вlepилась неизгладимо поносные слова, — да что же это в самом деле за попечитель? А старый фанфарон Нечайский — да разве память о его сегодняшнем подвиге не сохранится во Второй одесской гимназии до скончания веков? Счастливый, хоть и мертвенно бледный Семенце насх собирал разбегавшиеся мысли. Совсем еще недавно доказывал он Христо, что карлик ненавидит его по убеждению. Политика? Христо не соглашался, спорил, поминал Дон-Кихота и Гамлета, уверял, что делу еще вовсе не конец. Уж не прав ли Христо? Если Нечайский возненавидел Семенца по убеждению, то по какому же другому убеждению он любил его? И не по третьему ли убеждению выкинул сегодняшний выкрутас? Романтика... Прав Христо — она. Но какая темная, страшная романтика, какая жестокая, грозная, химерическая... И раньше ошибался Семенце и теперь не понимает ничего. Но счастье уже находит на него мягкой и теплой волной. Мир чисел, формул, плоских и стереометрических фигур заманчиво окружает его, и он снова входит в эту привычно светлую перспективу, снова чувствует в себе силу прежнего разумения и любви к прекрасной науке Нечайского. Все возвращается и, как бы освеженное в разлуке, веселит и радует его. О, как хорошо сейчас Семенцу!

Взволнованный класс зашумел. Десятки звонких голосов бойко перехлестывались в воздухе. Их звон проникал и за неплотно прикрытую дверь, вырываясь в коридор. К дверному стеклу тесно приплюснулись белые носы любопытных мелкотравчатых из пригготовительного, первого и второго. А «гасильник», явно потеряв всякое соображение, носился между партами, из сил выбиваясь, дабы водворить порядок и вернуть вождленную тишину.

— Господа, — повторял он, — тише, прошу вас, тише! Не забывайте, господа, что мы живем в шестнадцатом столетии!

Но уж тут взлетел отовсюду такой веселый смех, что даже новоиспеченный статский советник, несомненно утративший отныне всякую надежду на действительно хорошую пенсию, и тот поперхнулся смешинкой. Махнув рукой, карлик пошел к выходу из класса. «Все! — думал он. — Ну, и пусть... Ну, и слава богу, что все!»

* * *

Происшествие в гимназии скоро стало известно всему городу и сделалось главной темой оживленнейших пересудов. Чиновные старичишки разводили руками в полном недоумении:

— Ах, в рот те ягода!

Те, которым казалось, будто они что-то понимают в подобных вещах, обвиняли попечителя в неумении вести политические дела.

— Ублюдок Манилова какой-то...

Некоторые обращались за разъяснениями к карлику, который уже подал рапорт об увольнении в отставку по болезни и демонстративно не посещал больше гимназии.

— Как же это вы его? Ведь он...

С великодушнем льва, который, наложив на добычу мощную лапу, уже больше не терзает ее, карлик усмехался.

— Что он? Самая образованная свинья, которую мне в жизни случилось видеть. Вот и все-с!

Известно: от чужой боли головой не потрясешь. Надо, чтобы у самого болело. А так как не болело ни у кого, то и толки постепенно прекратились. Город забыл о происшествии. Не так в гимназии. Разговоры

было там, пожалуй, даже и меньше. Но взамен болтовни возникло настроение такое боевое, какого гимназия еще не знала. Христо декламировал добролюбовские стихи:

Пускай умру — печали мало...

Толчком к возникновению таких настроений была, несомненно, история с Семенцем. Но сгустились они вокруг другого вопроса и приняли особенно решительный характер, когда «Отцы и дети» Тургенева пошли по рукам. Христо закричал первый:

— Карикатура! Пасквиль! Тургенев и понятия не имеет о молодом поколении!

Его поддержали:

— Сидит за границей, слушает Виардиху-Соловьику... Где же ему знать, что в России делается?

— И почему это эстетика в конце концов обязательно превращается в гонителей всего молодого и честного?

— Он нас ненавидит за то, что мы требуем не одних только слов, а и дела!

— Вот и получается у Тургенева так, что Базаров — и обжора, и пьяница, и картежник, да еще и бахвалится своей пошлостью...

— Клевета! Кто из нас пьет шампанское? Я отродясь в рот не брал...

— Надо, господа, протестовать! Ей-богу!

— Как же?

— Написать протест, собрать подписей побольше и отправить в Париж господину Тургеневу!

— Правильно! Протест! А кто сочинять будет?

Все это происходило в субботу. На следующий день Главанаков и Христо сидели в Казенном саду на скамейке.

— О чем думаешь?

— Думаю: жизнь — сцепление зубчатых колес. Каждый из нас — зубец. Так из связанности возникает солидарность. Возникла мысль — заявить протест Тургеневу. Я в числе составителей. И подписи мне поручено собирать. Но... не знаю, как быть.

— А что?

— Прочитал нынче утром статью Писарева в «Русском Слове» о Базарове. Представь себе, Писарев утверждает, что смысл «Отцов и детей» вовсе не в клевете на молодежь.

— А в чем?

— В том, что... Видишь ли, очень, конечно, увлекаются молодые люди... Но уж в самых увлечениях их сказываются и свежие силы и неподкупный ум молодости. Писарев говорит: рано или поздно эта сила и этот ум выведут молодых людей на прямой путь и поддержат в жизни. Ты знаешь, Божил, я согласен с Писаревым.

Главанаков спросил не без ехидства:

— А вчерашняя солидарность?

— Что? — смущенно пробормотал Христо.

— Эх! Хочу я тебе сказать... Вот в России борются политические партии. Пусть! Мы с тобой — бедные болгары. При чем тут мы? Наша философия...

Сам того не подозревая, Божил прикоснулся к теме, в которой недавно с головой искупался Христо, читая в «Современнике» последнюю статью Чернышевского. О, как много мог он сейчас возразить на пустое рассуждение Божила!

— Что ты понимаешь в философии? Что знаешь о философах? Гобс был абсолютистом, Локк — вигом, Мильтон — республиканцем, Монте-

ске — либералом, Руссо — революционным демократом, Бентам... Это настоящие философы, светочи знания, великие умы... И все они боролись. Да ты рассуди, Божил, как иначе может быть? Ведь каждый из них обязательно принадлежал к той или другой политической партии. Каждый отстаивал свои, то есть ее, взгляды. Где же та философия, которая запрещала бы нам бороться? И разве у нас с тобой нет взглядов?

— Мой взгляд таков, что теперь даже и Кошиц с политикой простился...

— Глупо думаешь! Еще увидишь, что будет с Кошицем... А я... Буду бороться, буду, скорей умру, чем сложу руки... В Болгарии, в Руси — везде.

Он схватил Главанакова за руки и крепко сжал их.

— Хочешь, поклянусь? Раньше клялся богом... Теперь...

— Ну?

— Чернышевским клянусь, вот что!

Юноши говорили по-болгарски. Быстрый и горячий шепот Христо тонул в мутной сырости апрельского вечера, вырываясь всплеском отдельных слов из его неподвижной пустоты. В павильоне сверкнул огонь, и отблеск его зажегся под кустами на шершавой поверхности чьих-то больших длинных ушей. На садовую дорожку выступила сухопарая фигура — «гасильник»!

— О чем беседуете, друзья?

Главанаков молчал, смущенно поправляя шляпу на голове.

— О папе с мамой, — сказал Христо.

— Не лгите, Ботев, не лгите, — сердито оборвал его инспектор, — я слышал: Гобс, Монтеस्कье, Руссо...

Было ясно, что инспектор ухватил из иноязычного разговора только знакомые фамилии философов. Чего же опасаться?

— У вас, Иван Петрович, дьявольский слух, — засмеялся Христо. — А как трава растет, вы тоже слышите?

«Гасильник» так прытко наскочил на дерзкого, что чуть было не опрокинул его через скамейку наземь.

— Молчать! Я не шучу! Меня не обманешь! И как трава растет, тоже слышу. Да... О солидарности... О...

Последнее слово он не вслух произнес, а как бы выдохнул, опустив веки на свои мертвые глаза:

— О Чернышевском.

Он прошелся мимо приятелей раз и два, оставляя на мокром песке дорожки большие и глубокие следы своих плоских ступней. Христо глядел на следы, с интересом наблюдая, как они наполнялись водой и делались от этого черными-черными. «Гасильник» остановился, устремив оловянный взор куда-то в сторону.

— Я все слышал, Ботев, — хрипло проговорил он, кутаясь в пальто, — все. А главное, все понял. Считайте, Ботев, что вы попались.

Глава двадцатая

Студенческие квартиры

Высокий молодой человек в ватном пальто из желтого сукна, в фуражке и коротеньких брюках, с большим узлом на спине — из узла торчали острые уголки книг и кругло выпячивался сверток с бельем — вышел из вокзала и остановился, восхищенный громадностью и великолепием открывшейся перед ним картины. Прозрачные мартовские сумерки медленно вползали в город и постепенно овладевали им. Шум колес на обнажившихся за день мостовых казался чем-то никогда не бывалым.

Длинные ряды дымчатых дворцов отходили от площади широкими и прямыми улицами в звонкую тысячеголосую даль. Петербург! Столица!..

...Семенце направлял путь к Лесному, то и дело придерживая шаг и переговариваясь со встречными. И так, позади, далеко позади осталась утлость гимназического существования, когда зависело оно от любви или от ненависти полусумасшедшего Нечайского. Теперь Семенце отвечал сам за себя. И как же много светлых надежд связывал он со своим приездом в Петербург! Было ему двадцать лет, гимназию он окончил с медалью, — все как раз так, чтобы с головой уйти юноше в мир свободной работы над собой, рыться в библиотеках, наслаждаясь обилием научных средств великой столицы, входить в сношения с профессорами — с цветом интеллигенции русской земли. Семенце неудержимо влекся к этому чудесному будущему и чувствовал, как самым видом города и даже бесконечностью грязной дороги в Лесной расковываются свойственные ему от природы, но совсем было заморозившиеся в последнее время порывы живой любознательности. Вот и Сампсониевский проспект. А уж отсюда до Лесного института — рукой подать...

...Наконец Семенце дал себе волю, откровенно сказав молодым людям, приехавшим, как и он, держать экзамены для поступления в институт:

— Я все знаю.

— Ха-ха-ха! — загоготали его новые товарищи. — Слыхали? Он все знает... Ха-ха-ха!

Но Семенце не смеялся.

— Спросите, о чем хотите. Отвечу.

— Задачи решать умеете? — поинтересовался кто-то.

— Нет задачи из низшей математики, которой я не решил бы.

— Ха-ха-ха! Ну, и шутник... Вот вам задача на построение. Решайте!

Семенце вмиг ушел в дело и решил меньше чем за две минуты.

— Давайте еще!

Протянулись листочки, и на них еще три задачи.

— Потрудней будут!

Семенце приналег и все решил в пять минут. Будущие студенты глядели на него широкими глазами. Больше не смеялся никто. Улыбался один Семенце.

— Милые! — сказал он. — Берите сроку три дня, ищите задачу, которой я не решил бы...

Тогда они всей гурьбой повели его в кухмистерскую и, сложась, заплатили за его обед семь копеек. Здесь просидели до вечера за клеенчатым столом, за стаканами портера, жадно прислушиваясь к тому, что вещал Семенце. Все они, как и он, были бедняками; все, как и он, гордились своей бедностью и мечтали о великом.

— Подумайте, — говорил Семенце, — что может быть удивительнее гиперболоида, построенного из прямых линий? Подумайте только: кривая поверхность из прямых линий! А я решу!

Теперь они верили всему, что бы он ни сказал им. И сам Семенце снова верил в себя, как то бывало некогда, в счастливое время дружбы его с Нечайским. Только больше верил, гораздо-гораздо больше. Ведь сермяга, красная рубаха да стоптанные сапоги — это не статский советник Нечайский. Здешний народ без причуд, и все в нем настоящее, как есть и должно быть... Вышла наконец ватага из погреба под темное небо. Глянув вверх, Семенце словно вырос над землей. Взволнованное братство теснилось возле него. И, продолжая питать собой его восхищение, Семенце громко воскликнул с поднятой, как для клятвы, рукой:

— Ей-же-ей, друзья, стану ученым и... опровергну Канта!

Курчавый юноша в красной рубаше и больших стоптанных сапогах взял его за локоть.

— Где вы ночуете?

Семенце изумился.

— Нигде...

В самом деле, нигде. Ибо во всем огромном Петербурге не было такого малого места, на котором мог бы опровергатель Канта, прикорнув, вздремнуть. Странно, очень странно... Почему это так?

— Идем ко мне, — сказал курчавый, — в двух шагах...

И Семенце пошел...

...Толстая хозяйка всплеснула руками и, наскоро обтерев грязным зеленым передником сальный блеск с лица, снова всплеснула.

— Да кто он такой? — накинулась она на курчавого, тыча кривым пальцем Семенцу в нос. — Да где же он и спать-то будет? Чем прикроется? Ведь ничего у него нет...

Курчавый возразил строго и решительно:

— Эх ты, голова с мозгом! Он друг мне. Спать будет со мной. И все у него будет.

Жил курчавый в чулане тесно и неопратно. На некрашеном столике грудился табак горой, как фураж, в изобилии заготовленный для лошадей. Тут же стояли стаканы с недопитым холодным чаем, валялись бумажки с пеплом. И везде, куда ни повернешься, — картонные коробки, синяя обертка со стеариновых свечей, кожура с колбасы, старые книжные переплеты и яичная скорлупа. Койка была одна — сосновый топчан под соломой.

— Ну? — спросил курчавый.

— Гм! — сказал Семенце, и на широких скулах его выбилась краска смущения.

— Ничего, Конфуз Иваныч, — усмехнулся курчавый, — разместимся!

Потом вздул огонь в лампе и закурил на скорую руку, то и дело загибаясь, задыхаясь и кашляя; нарезал вареной колбасы, разложил куски по бумаге и принялся готовить на лампе ужин.

* * *

За сутки до экзамена курчавый сказал своему постояльцу:

— Вас-то, наверно, примут, а меня — как знать? Но если буду студентом, покажу им кузькину мать!

— Кому? — спросил Семенце.

Не в одном Лесном институте, а и во всех высших учебных заведениях Петербурга студенчество волновалось. Новые министерские правила мало кому пришлись по вкусу. Правилами запрещались сходки, публичные лекции и концерты в пользу благотворительных касс, закрывались самые кассы, ограничивалось число освобожденных от платы за право учения. Молодежь возмущалась и протестовала. Курчавый еще и студентом не был, а уже протестовал, кричал, бранился и грозил. Честная, мужественная, неукоснительная правда звала его к себе и готовилась вести за собой. «Не кончить тебе института», — думал о нем Семенце. Сам же он так стремился в институт, так мечтал о нем и таким неопределимым благом казалась ему возможность причаститься высокой институтской науке, что он и помыслить не смел сейчас о риске потерять этaкое счастье.

— Что же вы будете делать? — спросил он курчавого.

— Найду, что делать, не беспокойтесь...

Курчавый задумался.

— А хотите, сведу вас сегодня туда, где все поймете и узнаете?

Семенце вспомнил кружок одесских гимназистов. Наверно, то же. Однако как институт — не гимназия, как интегралы — не таблица умноже-

ния, так и питерский тайный кружок — не болтовня одесских подростков. И, подумав об этом, Семенце явственно услышал в себе голос честной, мужественной, неукоснительной правды — той же самой правды, которая звала к себе курчавого и уже готовилась вести его за собой. Какое искушение для воли! Что за изломы чувств! Потом... Когда-нибудь потом... Может быть... Даже наверно... Но только не сейчас, не до экзаменов. Ни за что! Семенце дрогнул широкими плечами, словно ему вдруг стало холодно.

— Разве время этим заниматься? — сказал он сквозь зубы. — Сперва хоть экзамены сдадим. А то ведь первая пороша — не санный путь...

Курчавый вскочил с топчана и вышел на середину чулана. Здесь он остановился, уперши руки в бока и со злобным недоумением глядя на Семенца. Подобной пилюли он не ждал.

— Эге! — наконец проговорил он, с таким вниманием разглядывая своего постояльца, как если бы и не видал его никогда. — Стало быть, вон вы каковы, господин Кошиц! Интер-ресно...

На экзамене из математики Семенце прогремел...

...У профессора был убегающий назад, несколько сжатый сверху, ровный, гладкий и холодный лоб. Когда Семенце подошел к экзаменаторскому столу и загородил при этом своей рослой фигурой чуть ли не всю аудиторию, профессор ощутил в себе резкий напор недружелюбного чувства к этому парню — «За сохой ходить!» — и тут же решил, что непременно его провалит.

— Скажите, молодой человек, — злобно спросил он, — всегда ли сечение, перпендикулярное к ребру трехгранной пирамиды, даст треугольник?

— Всегда... — сразу ответил Семенце. Но, подумав, быстро добавил:

— Только...

— Что?

— Оно может оказаться параллельным ребру.

— Когда?

— Когда ребро к ней перпендикулярно.

— Верно, — промычал профессор, поглаживая бледной рукой высокий лоб и усмехаясь не лицом, а голосом. — Вишь, Аттила!

— Господин профессор, — просто и прямо отозвался на усмешку Семенце, — я ведь действительно знаю геометрию.

— Согласен. Но письменные работы решены у вас кое-как.

Семенце возразил с убеждением:

— Аудитория — свидетель. Дайте мне задачу из низшей математики — любую.

— И что будет?

— Решу.

— Верю, — неожиданно сказал профессор и поставил в ведомости высший балл...

Так же удачно прошли и прочие экзамены. Весной того года экзаменовались для поступления в Лесной институт триста человек. Кошиц был принят четвертым. Триумф! Перед началом лекций директор института говорил студентам речь.

— Высшее образование, господа, — говорил он, — есть право, которого добиваются многие и лишь немногие получают.

Впоследствии Семенце часто вспоминал эти слова директора. Но тогда он уже знал, что большая часть людей, получивших право на высшее образование, живет за счет народа и жестоко его притесняет. А теперь это и в голову ему не приходило. Он был исполнен гордости собой и беспрдельно счастлив...

Курчавый стоял по списку принятых в самом хвосте. Как-то раз, прибивая к стене своего чулана сосновую доску, которая должна была со временем превратиться в полку для книг, он проронил между делом:

— Долго еще гадать на бобах будете? А то люди ждут. Не билет же вам пригласительный присылать...

— Какие люди? — удивился Семенце. — Что за билет?

Курчавый молчал, будто и не слышал. Все последние дни Семенце обдумывал важнейший вопрос о соотношениях между дугой и хордой. Он так угрыз в поисках новых, нетригонометрических связей между ними, что остальное вовсе перестало для него существовать. Вот курчавый сказал непонятное, а теперь играет в молчанку, чего-то добивается, хитрит и злится. А в чем дело? Семенце не знал.

— Сделайте одолжение, прервите ваше величавое молчание, — сказал он полушутя, полусерьез, с досадой отрываясь от работы.

И стоило ему произнести эту глупую фразу, как он тут же сообразил, о чем именно хлопочет курчавый и почему молчит. Ель аль сосна? *Sunt siique...*¹ Все же стыд обжег щеки Семенца. Но он был упрям и тотчас подавил стыд.

— Если вы о кружке, — не пойду. Другим занят. И вообще... не надо меня держать за шиворот.

Курчавый перестал стучать молотком. Даже отложил его на стол.

— Так-с... Это окончательно? Очень-очень сожалею, господин Кошиц, об ошибке, которую допустил. Как у крестьян говорится: ни вон, ни в избу...

И опять показалось Семенцу, что он разгадал недоговоренное. Обида наполнила его душу. Этаким курчавый стоит Нечайского! По привычке сдерживая себя, он встал и не спеша натянул на плечи желтое пальто.

— В одну телегу впрячь не можно...

— Где уж — впрячь!

Семенце вскинул на спину узел с бельем и вышел из чулана, одинокий и бездомный, как и в день своего приезда в Петербург.

Исходив без цели и смысла пол-Лесного, весь Английский проспект, всю Старопарголовскую дорогу и Объездную улицу, Семенце вернулся в Лесной, сел на скамейку в парке и лишь тут почувствовал, как голоден и как устал. Прямо перед ним, под сенью вековых деревьев, гнездилися дощатый трактир. Дверь заведения была распахнута настежь. Из нее вырывались нестерпимо вкусные запахи и пьяные голоса. Семенце опустил руку в карман: два двугривенных. Немного. А главное — последние. Будь что будет. Он был так взбудоражен происшествиями сегодняшнего дня, что ни о завтра, ни о послезавтра думать не мог, и, горько вздохнув, поднялся со скамейки...

Через минуту перед Семенцем стояла полная плошка студня. Опорожнил он ее живо. Затем еще выхлебал чашку горячих щей. И лишь тогда вернулась к нему способность видеть и слышать. Велев подать чаю, он взялся наблюдать за тем, что совершалось кругом. Хорошего было мало: дымно, хоть топор вешай, и от галдежа звон в ушах. Отовсюду доносились до Семенца обрывки разговоров. Человек с круглым одутловатым лицом рыгнул и испуганно огляделся. «Поевши-то на пошло так и бросает...» Другой человек, с физиономией, заметно перекошенной на сторону, увещевал приятеля: «Ты не смотри, что я с тобой душой говорю. Это у меня, брат, не долго. А то польхну, ветром снесет. Я, брат, пьяненький, да не румяньский. Со мной умеючи говорить надо. Главное дело, на сердце меня не наводи, Алеша! Сиди, не дыши, слушай!» Все

¹ Каждому свое (лат.).

это была такая дикая чепуха, что Семенцу взгрустнулось. За соседним столиком беседовали двое. Один, небритый, с красными глазами, пил чай и острыми мелкими зубами, как щипцами, дробил кусочки сахара. Компаньон его в чуйке угощался водкой.

— Ври под пятницу-то! — говорил ему небритый. — Чать я сам видел, как ты из полиции бёг...

— Тебе что? — едва ли не в десятый раз повторяла чуйка, топыря черные руки и сверкая веселым цыганским лицом. — Отклонись! Дело не твое, а с полицией, конечно, знаком быть не желаю!

— Да почему ты убёг-то?

Цыган в чуйке ударил кулачищем по столу. Стаканы прыгнули, звякнули и запели. Чай выхлестнулся на пол.

— Брысь, назола! — рявкнул цыган и, ухватив посудину с водкой за горлышко, живо переметнул ее на Семенцев столик и за ней пересел сам.

Семенце ждал, что будет дальше.

— Вот, господин студент, — заговорил цыган, улыбаясь ямками на коричневых щеках, — вы меня за невежество мое не нудьте. Уж так он ко мне пристал, так пристал! Ахтер, что ль? Али шпиён?

Семенце оглянулся. Человека с красными глазами за соседним столиком уже не было.

— Может, и шпион, — сказал Семенце, — похоже. А зачем вы с такими водитесь?

— Слабость... — сокрушенно признался цыган. — И ведь допреж не видел я его николи, окаянного. Зашел сюда маленько исправиться. Тарыбары... «Люби ближнего, собачий ты сын!» Ну и пошло... И пошло... Базникин я, Андрей Тимофеев, по слесарной работе. Живу у Мытной.

Он понизил голос до шепота.

— Зовут меня в часть к приставу. Может, кто и поболее был там. «Нам, — говорят, — надобно, господин Базникин, чтобы вы чепь привели в положение». — «Каку-таку чепь?» — «Вот, — говорят, — она самая». Гляжу: чепь поистерлась, поржавела и блику на ней нет. Меня в дрожь. «Надобно, — говорят, — чтобы вы на нее блеск навели». — «А чепь-то за чем? Сажать, что ль, кого?» — «Тебя, — говорят, — это не кочнется. Будем на Мытной площади государственного преступника казнить». — «Увольте, ваши высокие благородия!» — «Как то есть уволить?» — «Да так», — говорю. И чую, что согласия от них не будет. Глянул назад — вижу, дверь враспloch открыта. Я в нее, да вниз по лестнице, да по коридору, да на улицу... И утёк...

— Молодец! — радостно сказал Семенце. — И с тех пор не трогают? Базникин сверкнул улыбкой.

— Знамо дело, отстали. А то рази сидел бы тут? Эх, господин студент! По проволочке ходим. Как взялся меня ноне шпиён дражнить, чудом в клоповник не поспел со всем моим молодечеством...

— Идемте-ка отсюда, — сказал Семенце и встал.

Базникин тоже поднялся.

— И то ладно.

— А как государственного преступника фамилия? — спросил Семенце. — Не слышали?

Слесарь замаялся.

— Слыхатъ-то слыхал, — неохотно ответил он.

И, только выйдя из трактира, уже на дороге из парка, вдосталь поговорив и о том и о сем, вдруг повернул к Семенцу серьезное лицо.

— Так тому и быть. Тебе, господин студент, скажу...

— Ну?

— Чернышев, вроде...

* * *

Базникин обитал в комнатке при кухне и платил за свое помещение квартирной хозяйке три целковых в месяц. Жил он не один, а с молодой бледной женщиной, которую называл своей женой и с которой постоянно ссорился. Для Семенца опростали кладовку за кухней, положили на пол матрац, а узел с бельем — за подушку. Семенце вытянулся на матраце и тут же завел глаза...

— Ки-ипит! — орал Базникин. — Ки-и-и-ипит! Пора вставать, чаи распивать, табаки раскуривать! Эй, чаи китайские!

Семенце открыл глаза, прислушался и, ничего не понимая, вскочил на ноги. Его шатнуло — раз и два. Наконец-то он вспомнил и трактир, и своего нового приятеля, и переселение к нему.

На кухне горела керосиновая лампа. Пузатенький томпаковый самовар с промятыми боками яростно шипел и плевался. Битые чайные чашки хрипло позвякивали в сердитых руках бледной хозяйки. Базникин уже успел с ней поссориться.

— И черт их знает, этих баб, — говорил он, подсаживаясь с Семенцем к столу, — другая, кажется, уж на что глупа, глупей быть нельзя, а вот глупостью-то этой самой и возьмет тебя...

— На себя гляди, — сыпала молодница, — ума полная сума.

— А вы бы не кипятились, — сказал Семенце Базнику, — не в чайнике чай...

Цыган подскочил на табуретке. И, словно опьянев второй раз за день, заговорил с такой же экспрессией, как давеча в трактире:

— Чать не сам я себе нутро создавал! Ты, студент, на меня не смотри, что я голик. Меня всякий богач боится, потому что я никому не стерплю. Если что не так, не по-дельному, и за голову свою не отвечу...

Постепенно выяснилось, что Катя, не сладив со своей пылкой страстью к цыгану, бежала к нему из богатого дома, где служила до того горничной, состоя в особой ласке у барыни-генеральши.

— Все как есть бросила, — всхлипывала Катя, — бруслет золотой и тот не взяла... Думала, на счастье иду... а он сам голодует и меня... час работает, два — в трактире... винищем залива-а-ается...

— Об этом, — мрачно сказал Базникин, — нечего! А суть такова: она из богатства вырвалась, я же — голь перекатная. Беденький-то, известно, стоит, молчит, озирается да в волосьях скребет-чешется! Ему и словушка не дано. Ну, она так и полагала. Только вышло не по ее. Эй, смотри, Катерина!

С появлением Семенца размолвки стали реже. И достиг этого новый жилец простейшим средством. Прежде, когда случалось Семенцу заскучать, принимался он думать о том, что звезда Вега идет к нашему Солнцу и через семьдесят тысяч лет приблизится, и о том, какие будут тогда перевороты в планетной системе. Смотришь, скуки как не бывало. И теперь он думал о таких же точно вещах, но только вслух.

— Вселенная полна солнц. Они возникли из туманных материй. Синевато-белые солнца становятся желтыми, а желтые — красными. Красные солнца постепенно темнеют и превращаются в планеты, на которых развивается жизнь, а в жизни — мысль...

Так говорил Семенце. Заслушавшись, Базникин с Катей забывали свою вражду.

— Ну, а к чему все это? — шепотом спрашивал цыган. — К чему? Семенце продолжал:

— Солнце, которым люди любовались миллионы лет, станет красным, а потом потемнеет и умрет. И океан высохнет, всосавшись в землю...

Семенце наслаждался. Разве не высокая радость — слышать, как об Атлантиде, некогда упомянутой Платоном в диалоге «Тимей», вдруг на-

чинает судить и рядить слесарь Базникин? И разве, снимая бельмо невежества с человеческих глаз, не сводил Семенце своего последнего счета с угрюмой тенью Нечайского?..

Занятия в Лесном институте разворачивались. Аналитическая геометрия захватила Семенца. Эту дисциплину превосходно излагал директор института. После его лекций Семенце часами расхаживал по коридорам, размышляя о конических сечениях. Восхищался он также красотой законов, которым подчиняются кристаллы. Знаки интеграла казались ему ключами дивного чернокнижия, с помощью которого можно узнать и понять все. Подолгу просиживал он на скамейках в институтском парке, отдавая себя — и тело и мысль — бурному потоку вольного творчества...

...Семенце шел вперед и не оглядывался, хотя жизнь настаивала его положительно на каждом шагу, хватала и стремилась остановить. После лекций он ежедневно таскался по урокам, набрал их много и зарабатывал около двадцати пяти рублей в месяц.

Когда Базникин спускал выручку в трактире, Семенце совал деньги Кате. Дружбой со слесарем и Катинной поцелуйной благодарностью как бы смягчалось горькое одиночество ума и сердца. Пусть нет настоящего, большого, цельного счастья! Но ведь и те рассеянные лучи его, которые греют и освещают человеческий путь, ведь и они хороши! Отдав деньги Базникиным, Семенце хлебал чай без сахара, то есть, сказать попросту, запивал хлеб пустой горячей водой.

Но мысль о нужде и в голову ему не приходила — не думал он о нужде, не видел ее, знать не хотел. Высокотетивный детина в шитой малорусской сорочке и высоких смазных сапогах, с которыми не расставался ни в сушь, ни в грязь, носился он, неистово дымя папирсой, по проспектам, мостам, улицам и закоулкам столицы. Самый дальний урок был у мелкого купчишки, раз в неделю, по семидесяти пяти копеек за час. В этот вечер приходилось Семенцу с конца Петербургской стороны пересекать почти весь город, чтобы попасть наконец за Невскую заставу, чуть не на Бугорки. За монастырем тянулась бесконечно длинная широкая улица. Одной стороной она прижималась к Неве, а другой глядела на необозримое плоское болото. Вымощена улица была кое-как, и бежали по краям ее вместо тротуаров грязные деревянные мостки. У купчишки был сын — тупоголовый балбес лет за двадцать. Занимались в спальне: кровать под ватным одеялом из цветных лоскутков, груды подушек в розовых наволочках, три огромных красных сундука с музыкой в замках. Купец заглядывал в спальню, и урок прерывался. Речь заходила о студенческих волнениях.

— Из-за жолудка все волнения,— говорил купец,— ей, так! Иной студент с голоду двенадцать дён мается — за то время чего не натворишь? Понимать надо: жолудок — вещь великая!..

Как ни наивны были эти слова, а все же именно они навели на Семенца тяжкое раздумье. Внезапно встревожившаяся мысль связала с ними многое. Вот миллионы человеческих существ, живущих в дырявых лачугах на худой и безродной земле, либо в угрюмых рабочих казармах по большим городам... Ни личностями своими, ни волей они никак не участвуют в общественной жизни... Почему? Разве чудовищная несправедливость эта не очевидна? Разве не ужасно, когда у людей отняты все права, стремления раздавлены, а идеи посажены на самый тощий из пайков? Конические сечения... С недавнего времени Семенце о них больше не думал. Он думал о ненужности, бесполезности казенной институтской науки. Один из профессоров утверждал, что живое не возникает из мертвого, что органическое можно получить искусственно, а организованное — никогда. Другой, напротив, говорил, что жизнь есть явление природы и что пламя огня имеет все признаки жизни. Раньше Семенце со-

здал бы целую феерию мыслей об огне и свете. А теперь и не помышлял...

Он шел по городу и смотрел на него новыми глазами. Петербург имел надуленный вид. Безотчетная тоска расплзалась по чертам его неоглядного лица. словно от скуки, протягивал он к небу высокие красные трубы. Со скуки вытягивал по окраинам вдоль каналов длинные вереницы деревянных домишек. И никому, решительно никому не поможет здесь наука, которую поглощал в институте Семенце. Грустно достигнуть цели и потом в недоумении озираться по сторонам. Внезапно пришедшее к Семенцу разочарование в казенной науке и вдруг овладевшая им петербургская тоска странно обесмыслили его жизнь. Он понял, что вчерашняя его жизнь вертелась около чего-то несуществующего, выдуманного, вздорного. Теперь, когда это выяснилось, Семенце ощутил себя в Петербурге как бы брошенным в холодную темную яму. То и дело долетают в эту яму вопли людей, отчаянно борющихся за лучшую жизнь и отнимающих ее друг от друга. И нет ни природы кругом Семенца, ни покоя в нем самом...

Природа... Вспомнилась Семенцу далекая родина: украинские вечера, благоуханные ночи, теплое небо, усеянное яркими звездами. Такова ли, как в Питере, весна на Украине? Нет, нет, совсем не такова! На лекциях Семенце упивался «Тарасом Бульбой». Гоголь дал поэзии реальную жизнь, сведя ее наземь с Парнаса. И Семенце упивался поэтической жизнью своей родины. Вот бежит по пруду зыбь, и низенькие волны всплескиваются то здесь, то там, и вода горит под солнцем таким ослепительным блеском, что удержать его не в силах человеческое око. Семенце идет по дубовым лесам и кленовым рощам, между липами и каштанами. Экая тишина! И птиц не слышать, разве лишь поползень — малая серая птичка — застучит где-нибудь по дереву крепким своим клювиком. Входит Семенце в сосновый лес, как в храм из бесчисленного множества колонн, куполов и арок. Не шелхнутся громадные сосны. И недвижны высоко распростертые в воздухе желтые, как воск, ветви их. Блещет над ними весеннее солнце, а внизу — полумрак. Хоть и сошел уже снег, но земля еще влажная, вязкая...

Погруженный в такие видения, шагал однажды ранним утром Семенце за Выборгской стороной по мокрым пустым огородам и вдруг остановился. Поглядел кругом и на небо — то голубое, то облачное. Задрожал от негодования, гнева, страха перед самим собой. И в его смущенной голове впервые родилась стчаянная мысль: «Зачем я здесь?..»

* * *

По мастерской разгуливали едкими струйками запахи кислоты и нашатыря; свежей краской тянуло от ведер, развешанных для сушки по стенам. Стоя у верстака, Базникин выстукивал молоточком по жести и железу разные трели. С той поры, как сдружился он со студентом, многое переменилось и в самом Базникине и кругом него. Мысль его стала зорче, а жизнь — видней. То, что прежде принималось на веру или постигалось как слепой случай, сделалось теперь зрячим убеждением, которое надо было защищать. И Базникин был готов защищать такое убеждение на жизнь, на смерть. Несколько дней назад Семенце собрался к товарищу, у которого жил до знакомства со слесарем.

— Зачем идешь? — спросил Базникин.

— Виноват перед ним, — сдержанно ответил Семенце, — да и не хочу больше рака-отшельника изображать. Повидаться кое с кем надобно.

И ушел. Домой примчал оживленный, взволнованный, с золотыми искорками, остро мелькавшими в серых глазах. «Аль хлебнул?» — завистливо подумал в первую минуту слесарь, но тут же и отдумал, лишь

начал Семенце выкладывать, что видел и слышал. И так повелось на всяк вечер: уходил студент на уроки, с уроков — к курчавому, от курчавого еще куда-то, возвращался поздно. При Кате держал язык за зубами; рассказывал без нее.

Но и Катя повадилась теперь по вечерам бегать к своей бывшей хозяйке-генеральше. Надо быть, каялась да подачки выклянчивала — завелись у нее опять и рубиновые колючки на пальцах и аметистовые сережки в ушах. Базникин не жалел для Кати сильных слов — что об стену горох; принимался вразумлять тумачами — визг на целый квартал: «Караул! Смертушка! Убил злодей!» — и тогда Семенце бросался между ними. Но дальше шло по-прежнему, вниз катилось под гору. Так-то и вышло, например, вчера. Только миротворец Семенце вовремя не сыскался, потому и досталась Кате от мужа таска пожестче обычного. А сегодня чуть свет и вовсе пропала Катя из дому. Куда? Слесарь стоял у верстака и, выбивая молоточком звонкие трели, мысленно повторял в сотый раз: «Эх, растревожила меня, анафема!» — когда дверь в мастерскую распахнулась и вошел Семенце.

Как и всегда после встреч с курчавым, он был взволнован. Но не светел и не радостен, а хмур и угрюм. Сразу приметив это, Базникин сказал:

— Видать, мягко съел, да в живот камнем легло. Ну, брат, рассказывай.

— А где Катя?

— Подымя хвост, унеслась... Ну?

Семенце все-таки припер дверь поплотнее.

— Худо, Андрей...

— Что?

— Завтра будут на Мытной...

— Чернышева казнить?

— Не Чернышева, а Чернышевского. Объявлено в полицейских «Ведомостях».

— Ясно... Голову рубить будут?

— Нет... Это казнь гражданская.

— А не все едино?

Базникин молчал, кусая губы. И Семенце молчал, подавленный тяжелыми мыслями о необыкновенном человеке, которого выведут завтра на позорище. Шестьсот семьдесят восемь суток просидел этот удивительный человек в Алексеевском рavelине Петропавловской крепости — то объявлял голодовки, то писал «Что делать?». Он писал роман тогда, когда ничего другого делать уже не мог. Так и состоялось произведение, озарением свыше, манной небесной упавшее на голодную землю и томившихся на ней людей. Всякий из них, прочитав «Что делать?», немедленно испытывал на себе благотворное влияние прочитанного — становился чище, лучше, добрее и смелее. Нравственный свет, исходивший от главных действующих лиц романа, восхищал его читателей. Редкий не задумывался над собственной жизнью; редкий не проверял со всей строгостью стремлений своих и наклонностей; редкий не черпал из романа новых сил, новой веры в прекрасное будущее. Семенце вспомнил Одессу, гимназию, себя гимназистом, Христо Ботева, многих других, с упоением вчитывавшихся в дивный роман Чернышевского. Подумал и о здешних, петербургских, с которыми свел его курчавый.

— А ведь это не пройдет так! — вдруг сказал он с энергией.

— Отбивать будут? — зажегся Базникин.

— Н-не знаю. Только... не может пройти!

— Вот бы!

— Пойдешь завтра?

— А то!

- Не боишься?
- Волков бояться — от белочки бежать.
- Кате ни слова...
- Известно. Жена мужа любила — место ему в тюрьме купила.
- Опять сражались?
- Угу!

Глава двадцать первая

Позорище

Скверное было утро во вторник девятнадцатого мая тысяча восемьсот шестьдесят четвертого года, ветреное петербургское утро, когда падает сверху серенький дождик и улицы, люди, дома, экипажи — все кажется одинаково серого цвета. Мутное небо тяжело висит над землей; оно придавило к ней грязные испарения ночи. Дым из труб стелется по крышам высоких зданий, окаймляющих Мытную площадь, — сегодня у дыма нет силы взвиться вверх. За стеклами бесчисленных окон неясно мелькают лица любопытствующих. Среди площади поднимается обтянутый черным сукном квадратный эшафот, и на нем столб с двумя цепями. Кругом конные жандармы; за кольцом из мокрых лошадиных крупов — солдаты с ружьями; дальше множество полицейских; и, наконец, огромная толпа народа. Студенты в толпе держались вместе. Кучки их примыкали по возможности вплотную к самому ожерелью военной охраны. Семенце и Базникин стояли в одной из таких кучек. Полицеймейстер — красавец мужчина с молодецки перехваченной талией и усами такой длины, что мог бы завязывать их узлом на затылке, — громко говорил кому-то:

— Полиция, любезный, есть душа гражданства и фундамент человеческой безопасности...

Базникин оглянулся. Именно от этого усача полицеймейстера он и дал стрелка из участка.

— Главная причина — желудок...

Оглянулся Семенце. Так и есть: купец с Бугорков. Все колыхалось, толкалось и шумело кругом эшафота. И вдруг смолкло.

Под густым жандармским эскортом на площадь выехала глухая безрессорная карета и остановилась у помоста. Жандармы открыли дверцу. В карете на передней скамейке спиной к кучеру сидел, качаясь из стороны в сторону на толчках, человек в черном армяке, с длинным до пят подолом. Жандармы под руки приняли его из экипажа и поставили наземь. Человек этот был невысок ростом, белокур, с легким оттенком рыжеватости в длинных волосах и пушистой бороде, худощав, бледен, в золотых очках. Жандармы сташили с него армяк — он оказался в пальто и серых брюках. По-видимому, он был очень близорук — шурил глаза; но ступал твердо и уверенно. Так же твердо взошел и на эшафот. Здесь его встретили два профоса в коротких куртках и штанах взаправку. Один сбросил с него шапку, другой надел на его шею черную доску с надписью белыми буквами: «Государственный преступник». Был на помосте еще один человек — аудиторский чиновник в мундире, при шпаге, с галуной шляпой под мышкой и большим листом бумаги в руках. Он взмахнул бумагой, и тотчас раздалась зычная команда:

— Смирно!

Солдатские штыки дрогнули и застыли в безукоризненном равнении; барабаны ударили. Аудитор выдвинулся на середину помоста и, торжественно развернув лист, приступил к оглашению приговора:

— По указу его императорского величества...

Голос у него был ясный, звонкий и разносился по всей площади. Итак, бывшему отставному титулярному советнику Николаю Чернышевскому,

тридцати пяти лет, объявлялось высочайше утвержденное мисние Государственного Совета. Тем мнением определено Чернышевского, виновного в сочинении возмутительного воззвания, передаче оно для тайного печатания с целью распространения и в принятии мер к ниспровержению существующего в России порядка управления, лишить всех прав состояния, сослать в каторжную работу в рудниках на семь лет и затем поселить в Сибири навсегда. Чернышевский слушал, снимая время от времени очки, протирая их пальцами — стекла туманил дождь — и медленно обводя толпу близорукими голубыми глазами. У него было желто-бледное лицо с сероватостью — характерная особенность людей, испытавших долгое заключение без воздуха и яркого света. Семенце видел, как крепко были сжаты его тонкие губы. «Вот энергия человека, который претерпел до конца...» Казалось также Семенцу, что видит он на лице осужденного и кроткую задумчивость, и самоотвержение, и еще что-то, чего никогда не видел ни на одном лице и за что готов был бы прямо отсюда двинуться за Чернышевским и в каторжные рудники и в Сибирь.

Аудитор читал то место приговора, где говорится, что Чернышевский был одним из главных сотрудников журнала «Современник», который «обратил на себя внимание правительства, так как в нем развивались материалистические и социалистические идеи...»

— Сацалистыческие,— громко прочитал аудитор и запнулся.

В толпе хихикнули. Чтобы поправить дело, чиновник перешел на склады:

— Са-ца-ли-сты...

Но так и не осилил коварного слова. Чернышевский улыбнулся. Семенце видел своими глазами — улыбнулся. Да и не один Семенце видел.

— Поджигатель! Изменник!

Семенце узнал по голосу купца с Бугорков, все на свете объяснявшего «жолудком». Аудитор дочитал приговор. Профосы подвели Чернышевского к позорному столбу и вдели его руки в кольца длинных цепей, спускавшихся со столба вниз. Пудовые лапы легли на плечи «преступника» и осадили его на колени. Потом один из профосов подошел к осужденному со спины, держа какую-то шпажонку в руках. Звяк! — и шпажонка переломилась над головой Чернышевского с сухим и нелепым по короткости звуком. А между тем по мысли тех, кто придумал для российского законодательства обряд гражданской казни, как раз в ту самую минуту, когда шпажонка трещит, ломаясь, казнимый перестает быть собой. Отставной титулярный советник Николай Чернышевский именно в эту минуту лишается своего чина и дворянства, принесенного чином; случись с ним такое года четыре назад, лишился бы и права торговать людьми; титулярный советник превращается в каторжника. Но глупое безобразие подлой комедии этим не исчерпалось. Чернышевского подняли с колен и приставили к столбу. Здесь ему надлежало простоять с руками в цепях и с доской на шее четверть часа. Площадь молчала. Это было такое глубокое, такое полное молчание, что попавший на площадь слепой непременно решил бы, что она совершенно пуста...

...Лишь исподволь люди обретали язык. Сперва пронеслось трудным вздохом:

— Сколько этих обидов развелось, страсть!

Чей-то рыдающий голос произнес:

— И нас прости Христа ради!

Прозвенел испуганный детский возглас:

— Пойдем отсель, дядя Роман, пойдем!

Пятнадцать минут прошли: позорище кончилось, Чернышевского сводили с эшафота к карете.

— Прощай, Чернышевский! До свиданья!

Большой букет из красных и желтых цветов высоко взлетел перед Се-

менцем, пересек линию солдатских штыков и конных жандармов, слегка шелестнул в воздухе и мягко упал на самый край черного помоста. Был момент, когда Семенце подумал, что его бросил молодой человек с чуть изогнутым, тонким, горбатым носом и быстрыми орлиными глазами. Но нежная белая рука мелькнула возле юноши с орлиными глазами. Девушка в черном платье с гладким воротничком, с густыми вьющимися волосами, зачесанными под сетку, и в маленькой шляпке слала Чернышевскому приветственный знак. Ее гибкая фигура дышала здоровьем и силой. Высоко поднятая голова была слегка отброшена назад. Полные свежие губы полуоткрыты. Страстно напряженный взгляд зеленоватых глаз снял светлым восторгом. Да есть ли еще на свете такая чистая, такая ясная и неотразимая красота! Семенце смотрел на девушку. Можно было не сомневаться: букет бросила она.

— До свиданья, Чернышевский!

Окруженная жандармами, черная карета без рессор с мертвым стуком отъехала от эшафота. Дождь припустил. Неожиданная мысль родилась в голове Семенца, и он кинулся к эшафоту. Букет уже свалился с помоста. Яркой радугой из цветов и зелени утопал он в коричневой жиже среди то вздувавшихся, то лопавшихся грязных пузырей. И все-таки молодые цепкие руки тянулись к нему со всех сторон. Когда Семенце дорвался, букет уже был почти весь растаскан. Остались один или два вовсе заваливавшихся в грязи цветка. Слезы выступили на глазах Семенца. Он живо нагнулся, чтобы схватить цветки, но...

— Ходи за мной! — рявкнул полицейский над самым его ухом, поднося ко рту свисток.— Ходи веселей!..

Извозчицья карета с рваными занавесками на окнах будто из-под земли взялась. Но как ни спешили втолкнуть в нее девушку, бросившую букет, она все-таки успела пожать руку молодому человеку с горбатым носом.

— Бегите! — шепнула она ему при этом.— Полякам пощады нет!

Тонкие нервные пальцы выскользнули из его руки, точно крылышки вспорхнувшей птички.

— Анна... — проговорил он.

— Что?

— Анна...

Молодой человек ничего не сказал больше. Да и не мог сказать. За рваной занавеской каретного окна скрылась сначала светлая улыбка прекрасных губ девушки, потом ее детский невинный лоб, наконец и все милое лицо. Когда через минуту она выглянула еще раз, молодого человека уже не оказалось поблизости. Полицейский полз было в карету.

— Дурак! Садись на козлы, а сюда не смей!..

Гвардейский штаб-ротмистр, в сером касторовом пальто, за шиворот стащил полицейского с подножки и захлопнул у него перед носом каретную дверцу.

— Виноват, ваше высокоблагородие!..

У офицера был грубовато-резкий, сильный и красивый профиль, густая светлая борода. Темно-синие глаза его, умные, приветливые и добрые, глядели с нарочитой суровостью.

— Куда везешь?

— К Цепному мосту¹, ваше высокоблагородие...

Карета подъехала к зданию у Цепного моста не с набережной, а задом, с Пантелеймоновской улицы, через двор...

¹ «Третье отделение Собственной его величества канцелярии», ведавшее делами о политических преступлениях, помещалось у Цепного моста.

Чиновник во фраке, с сухим и бесстрастным смуглым лицом, похожий несколько на воронье пугало, сидел за письменным столом в большой комнате, обставленной вдоль стен пузатыми шкафами,— сердце страшного учреждения, его «2-я экспедиция». В кресле напротив — молодая красивая девушка. Чиновник внимательно глядел на узкое черное платье, плотно охватывающее ее осиную талию, и на ее тонкие руки. Гладкий белый воротничок, белые манжеты на гладких рукавах — монастырский послушник, а не девушка. И надо же было именно ей, такой, выкинуть номер с букетом! Сам по себе букет — пустяки! Никогда еще ни один бунт, ни одна революция не начинались с цветов. Не начинен же порохом букет! Не орсиниевская же он бомба! Нет, конечно. Но он — демонстрация. И в этом неоспорима важность политического преступления, совершенного девицей из дворян Анной Петровной Михельсон...

— Чернышевский приходится вам родственником? — спросил чиновник.

Она вскинула голову.

— Нет.

— Так что же он для вас? Зачем вы бросили цветы?

В Чернышевском, как в фокусе, соединялись все лучшие чувства и стремления девушки, все, чем жилось и отчего не умиралось. Эх, было бы что сказать! А как сказать — за тем дело не станет. Девушка улыбнулась.

— Причина очень простая.

— Какая же?

— Я в него влюблена.

Чиновник тоже усмехнулся.

— Любовь, любовь... Погодите, обожжет она...

— Не думаю. Я всегда ненавидела холод и мрак, любила свет солнца и запах цветов. Я не боюсь.

Чиновник поправил орден под галстуком и строго сказал:

— Я спрашиваю вас не о солнце, а о Чернышевском!..

Полициеймейстер Рождественской части, тот самый, что был на Мытной во время казни и поражал народ неизмеримо длинными усами, вел в своем служебном кабинете допрос задержанных на площади. Таких было несколько — Семенце, Базникин, какой-то студент в черной шляпе, сером пледе и синих очках, то есть при всех атрибутах нигилизма, и еще молодой человек с тонким горбатым носом, которого Семенце приметил на площади стоявшим возле девушки, бросившей букет. Введя задержанных в кабинет, полицейские разместились цепочкой у стен и застыли в напряженной готовности немедленно что-то исполнить.

В комнате между полицеймейстерским кабинетом и прихожей столпилось еще больше народу. Тут были и купец с Бугорков, и красноглазый шпик, привязавшийся не так давно к Базникину в трактире, и гвардейский штаб-ротмистр с красивым профилем и светлой бородой, и еще разные другие люди, желавшие участвовать в происходящем, или просто любопытные. Через неплотно прикрытую дверь кабинета до Семенца доносились их разговоры.

— Главная причина — желудок,— ораторствовал купец с Бугорков,— едят много, оттого. С жиру их бес мутит... Свистуны!..

Оставаясь при своей старой мысли о происхождении политических волнений, он, однако, уже вовсе по-иному смотрел на роль в них человеческого желудка и решительно высказывался теперь за пользу его пустоты.

— Курицыны дети! — говорил шпик.— Тут одно: законом их надо, законом толконуть, они и уймутся. Уж мы на то опытни!

Когда полицеймейстер допрашивал студента в синих очках — полицей-

ские уличали его в том, что он кричал: «Прощай, Чернышевский!», а студент категорически опровергал это, — шпик юркнул в кабинет.

— Врет, пучеглазый, все врёт!

И в качестве свидетеля со стороны тут же потопил студента. Черед идти на допрос был за горбоносым молодым человеком. Подступив к столу полицеймейстера, горбоносый очутился между Семенцем и окном, боком к свету, тускло сочившемуся с улицы сквозь оконные стекла. Нос молодого человека был так тонок, особенно в горбинке, что пронизывался светом и казался сделанным из розового хрустала.

— Имя? Звание? — спрашивал полицеймейстер.

— Шимон Рудзиевский, — отвечал горбоносый с явным польским акцентом, — студент медицины.

— Из Варшавы?

— Да.

— Гм... — сказал полицеймейстер. — Я вынужден огорчить вас, господин «академик», сегодня вам не придется вернуться домой.

— Зачем? — спросил Рудзиевский, бледнея и гневно поводя соколиным глазом.

Полковник пожал плечами: «Не придется...»

— Но я не кричал... Я...

— Разрешите войти, — сказал штаб-ротмистр со светлой бородой и, не дожидаясь ответа, вошел в кабинет. — Могу подтвердить, что этот человек не кричал. Я знаю его по своей службе в Варшаве. Прошу записать мое показание, господин полковник. Я бывший адъютант наместника в царстве Польском, штаб-ротмистр лейб-гвардии гусарского его величества полка Гродеков...

— Прошу садиться, — любезно сказал полицеймейстер и раскрыл портсигар. — Не угодно ли? Записать свидетельское показание... Отчего же? Пожалуйста. Пиши, Ведерников, — обратился он к писарю, — гвардии штаб-ротмистр Родичев говорит...

— Я не Родичев...

— Ну, все равно...

Гродеков вспыхнул. Синие глаза его зажглись.

— Это вам все равно. А мне не все равно!

— Гм! Пиши: штаб-ротмистр Родичев говорит...

Резкий профиль Гродекова набряк и напряжился. Он уронил перчатку, но не нагнулся, чтобы поднять ее, а, напротив, вскочил с кресла. Багровый, стоял он у стола, не зная, что сказать и что сделать. Потом быстро повернулся, вежливо раскланялся с польским студентом и, громко звеня шпорами, вышел из кабинета. Полицеймейстер показал пальцем на Рудзиевского.

— Взять арестованного! На дворянскую псовину...

Двое полицейских, из тех, что стояли навтыжку у стены, сорвались с места.

К столу подошел Семенце. Шпик шепотливо докладывал что-то полковнику, показывая красными глазами то на Семенца, то на Базникина. Полицеймейстер делал вид, что не слушает.

— Итак, в чем же дело? — спросил он Семенца. — За что вас задержали?

— Видите ли, — сказал Семенце, — вы, наверно, согласитесь со мной: чем чище человек и чем честнее его поступки, тем больше недоверия вызывает он к себе. Иной раз человек ровно ни в чем не виноват. Но при известных обстоятельствах это-то именно и кажется в нем подозрительным. Тогда и начинают обвинять его в образе мыслей...

Полицеймейстер засмеялся.

— Помилуйте! Что вы такое говорите? Образ мыслей... Да я сам человек либеральный. Но согласитесь: странно нырять в грязь за цветами.

А образ ваших мыслей мне совершенно понятен. Подтверждается он также и дружбой вашей с пьяным слесарем.

Купец с Бугорков всунул в кабинет потную голову.

— Будь отцом, ваше высокоблагородие, присоветуй. Молодец-то с сынишкой моим уроками занимается. Гнать аль нет?

Полицеймейстер махнул рукой, и мокрые патлы купеческой головы исчезли.

— Так и быть,— сказал полковник,— идите с миром, любезные. А дальше поглядим. Но уж коль скоро вы у нас здесь, да и относимся мы к вам не без интереса, придется на полчаса задержаться. Уверю, ничего страшного...

И он приказал кому-то:

— Свести господина Кошица с Базникиным в паспортный стол для отобрания подписки о невыезде и взять обоих под надзор.

* * *

Многодневный дождь прекратился. В воздухе было сыро и душно. Петербург глядел угрюмо. Нева дышала холодом, и сердито нахмуренный Зимний дворец казался издалика грозовой тучей.

Семенце и слесарь тихо сидели в своем углу за кухней. Положение их значительно изменилось к худшему. В институте поднадзорностью Семенца, по видимости, не интересовался никто. Но сам Семенце не забывал о ней ни на минуту. Почти сразу, без причин, а так себе, неизвестно почему, сильно сократилось число его частных учеников. Дворник перестал кланяться. Курчавый мягко и осторожно высказался в том смысле, что надо временно отойти от кружка. Семенцу уже случалось привязываться к людям, а потом терять их. После истории с Нечайским он стал бояться близости с людьми, старался не сходить с ними, опасливо улавливая движения своего сердца и сейчас же заглушая их доводами рассудка. Судьба тесно свела его с Базникиным. Но и эту новую близость Семенце считал теперь ошибкой. Она грозила осложнениями и ему и слесарю, ибо существуют обстоятельства, при которых людям полезно бывает держаться не вместе, а врозь. Ведь именно из-за этой близости и попал Базникин в поднадзорные. Семенце раздумывал: уехать из Петербурга? За институт он больше не цеплялся, бог с ним. Связь с кружком оборвалась. Оставалось разойтись с Базникиным. Однако огорчения слесаря не ограничивались полицейской травлей. Катя ушла к своей барыне, чтобы не возвращаться. Слесарь любил Катю и терзался разлукой с ней. Говорил Семенцу:

— Эх, сердце чешется... Пожалел я тебя, братец, ну и ты меня пожалей!

Уже несколько раз собирался Семенце завести с ним речь о своем отъезде из Петербурга. И всегда осекался на полуслове. Нет! Бросить Базникина в его теперешнем положении он не мог. Так и дотянулось до того сырого и душного дня, когда сам Базникин вдруг сказал:

— А что, друг? Не дунуть ли нам из Питера?

— Куда?

— Не все едино? Да хошь в Москву...

Глава двадцать вторая

Спиридоновка

В одной из комнат московского дома генеральши Раевской, что на Спиридоновке, намеревались приступить к завтраку два военных человека. Ароматное сооружение из молодой дичи с салатом уже возвышалось перед ними на большом круглом блюде. По тарелкам — вестфальская вет-

чина, сыр рокфор, анчоусы, икра, селедка. И между бутылками марсалы и донского — пузатый, с потными боками графин водки. Гвардейский поручик, в расстегнутой гусарской куртке, с худым смуглым и тонким лицом, придвинул к себе икру.

— Чем вы упиваетесь, Люпус? — спросил он военного доктора, который никак не мог оторваться от журнала. — Гродеков куда-то запропастился, вы не от мира сего, а хозяин из вежливости голодает. Черт знает что такое!

Доктор — настоящая фамилия его была Клещев — отличался добрым, почти нежным сердцем; ухватками же несколько походил на Урса из романа Гюго. Потому и товарищи звали его сначала Урсом, но потом снизили градус, и он стал Люпусом. Он обладал едким, слегка меланхолическим умом. Коньком его любимых рассуждений было влияние невежества на государственную, общественную и личную жизнь. Говорил он на эту тему не без остроумия и довольно-таки глумливо. Но остроумие его никого не обижало, а глумливость потешала всех. Изредка случалось ему, впрочем, терять сдержки. Тогда он выходил из-за прикрытий своей обычной темы на широкие просторы и, начав повертываться, как слон в аптеке, вдруг наваливался прямо на собеседников всей восторженностью наивного нигилиста.

— Сейчас, Раевский, сейчас, — сказал Люпус, — только дочитаю статью Герцена о Чернышевском и немедленно перейду с «Колокола» на «Отечественные записки»...¹

Пышные бакенбарды Раевского дрогнули. Умный взгляд внимательных темных глаз на миг зажегся смехом и тотчас потух. Лицо его почти никогда не теряло выражения задумчивой серьезности.

— Когда два года назад я окончил Московский университет, — медленно заговорил он, — мать повезла меня в Италию. Там, в Венеции, в знаменитом кафе Флориан, которое не закрывает своих дверей уже триста лет, я видел Герцена. Что сказать? Это очень художественная натура на политической основе, клубист, проповедник свободы, оратор независимости, нечто вроде вас, Люпус. Только гораздо образованнее и талантливее. Словом, блестящий человек.

Люпус отложил журнал и приготовился к схватке.

— Нам, семинаристам, — сказал он, — на роду писано не блеснуть. Предоставляем это вам, господа. У нас совсем другая функция. Вот, к слову, Чернышевский...

— Перед отъездом за границу я и его видел. Он выступал в зале Руадзе, на Невском. И тогда уже от него пахло каторгой. Да, умен, конечно. Но... не Герцен. Н-нет! К тому еще, стоя перед публикой, играл цепочкой от часов. А подобная развязность, согласитесь, никак не может нравиться...

— Так, так, так, — ядовито усмехнулся Люпус, — дескать, надо, чтобы сам оратор блеснул, а не цепочка от его часов. Хлестко, не спорю. Но только развязность-то присобачили вы Николаю Гавриловичу напрасно. Факт, что зря. Приняли вы в нем за развязность то, чем все мы, семинаристы, спокон веку страдаем, — семинарскую нашу робость. Чтоб она пропала, проклятая отрыжка поповщины! Никогда не покидает она нашего брата. И чем въедается сильнее, тем выглядим мы развязней...

— Подчас вы любопытные вещи говорите, — сказал Раевский, наливая водки доктору и себе, — хоть бы сейчас — о Чернышевском. В голову не придет... Но ведь не за робость же погиб он. А за что?

— За смелость, — тотчас ответил Клещев, и широкое конопатое лицо его засветилось изнутри, как бумажный фонарь.

¹ Каламбур. «Отечественные записки» — журнал, боровшийся в те годы с «обличительной», революционно-демократической литературой.

Он хорошо знал ход событий, приведших Чернышевского в Петропавловскую крепость, на эшафот и в Сибирь. Дело началось летом того года, когда Николай Гаврилович во всех смыслах неудачно съездил к Герцену в Лондон. Потом... Люпус рассказывал сбивчиво, но общей последовательности не нарушал. Потом — в июне шестьдесят второго — приостановили на восемь месяцев журнал «Современник». В июле арестовали Чернышевского. А в декабре, сидя в каземате, взялся он писать «Что делать?». Со второй книжки «Современника» за прошлый год открылась публикация романа; в апреле роман был дописан...

Знал Клещев и самого Чернышевского и нисколько не таил близости с ним. В просторных комфортабельных комнатах генеральского дома на Спиридоновке вызывающе громко звучал густой голосина Люпуса, когда он описывал маленькую петербургскую квартирку Николая Гавриловича в первом этаже дома Есаулова, по Большой Московской, близ Владимирской церкви, и кабинетик хозяина, такой тесный, что троим не повернуться, с окном во двор, с самой простенькой мебелью, с горами книг и корректур. Чернышевский — если не в халате, то в сюртуке, застегнутом на все пуговицы. Сутуловатый, впалая грудь... Неторопливые «ну-с», «да-с»... А взглянет из-под очков — и будто разом прознал не только что у вас во лбу, но и глубже — под затылком. Жутковато...

— Ум повелительный, властный, действующий неотразимо, — с восторгом говорил Люпус, — смелость мысли необычайная и какая-то сектантская страсть... Решимость затевать самые опасные сражения, преследовать противника шуткой, аргументом, карикатурой... Необузданная жестокость фанатических нападений...

— А по-моему, писал сухо, — возразил Раевский.

— Без шика? — съехидничал Люпус. — Без прикрас? Без расшаркиваний перед читателем? Согласен. Но и вы согласитесь: чуткая молодежь отлично умела-таки вычитывать между строками его статей все, что ей надо. И статьи Чернышевского шумели на всех путях и перекрестках русской жизни. И все, что было кругом молодого, зажигалось. Вот теперь вынули Чернышевского из жизни, убрали. Словно из комнаты, в которой мы все обитали, взяли да и вынесли куда-то большущий шкаф. И стало пусто, пусто... Читали вы «Что делать?»

— Начал, — холодно сказал Раевский.

— Не по вкусу. Эх... А ведь каждая страница романа говорит о возможности счастья на земле. О счастье даже для самых маленьких, самых простых людей. Только надо этим маленьким понять, что счастье каждого из них должно идти рука об руку со счастьем всех других, таких же...

— Помню из романа: «Рахметов поступил именно так, как благо разумнее и проще всего было поступить...» Значит, удивляться человеческому благородству, восхищаться чьим-нибудь геройством глупо? — медленно отодвигая от себя тарелку, спросил Раевский.

Люпус быстро и неловко передвинул несколько тарелок. Массивный серебряный нож со звоном упал на пол. Нагнувшись и шаря под столом, доктор наспех обдумывал ответ. Раевский — мальчишка, а умеет при случае загнать в угол. Однако... Он выпрямился и швырнул поднятый с пола нож на тарелку.

— Конечно! Ваш дед помогал Кутузову бить французов в двенадцатом году. И сам общелкал их несколько раз на славу. Но скажите, пожалуйста, какая же в этом необычайная заслуга? Не простой ли это результат тех самых свойств ума и сердца, которые обязательны для всякого порядочного человека?..

— То есть, эгоизм равен альтруизму? Что-то не...

— Как?

— Я хочу сказать, что в ваших рассуждениях, доктор, есть что-то искусственное, парадоксальное... Путаница какая-то в них...

Клещев сорвал с шеи салфетку.

— Ага? Старой моральки захотелось? По боженьке соскучились? Несколько минут собеседники молчали.

— Думаю, что ваш друг Чернышевский на вопрос мой ответил бы иначе,— сказал наконец Раевский.— Но понимал ли сам он, что именно и для чего делает?

Клещев усмехнулся.

— Понимал ли? Читал я как-то его письмо жене, она показала. Хотите знать, что в нем? «Наша с тобой жизнь принадлежит истории: пройдут сотни лет, а наши имена все еще будут милы людям, и будут вспоминать о них с благодарностью, когда уже не будет всех, кто жил с нами». Ну, как по-вашему? Понимал? Я это наизусть затвердил... Да и мог ли он не понимать при своей поразительной способности обобщать, осмысливать, одухотворять явления?..

— Может быть,— сказал Раевский.— А все-таки я нахожу, что роман «Что делать?» дает на вопрос — что делать? — слишком общий ответ. Роман отвечает «Отцам и детям» Тургенева, отвечает на обвинения против нигилистов. Но...

— Да ведь он в крепости писался! Чернышевский писал свое политическое завещание молодой России в кре-по-сти, когда его самого судили за статьи, пропущенные цензурой. Он думал, что подобного быть не может. А тут вдруг: сперва арест, потом улики...

Действительно, все было так, как говорил Люпус. Кажется, нельзя было с Люпусом не согласиться. И все-таки не мог с ним согласиться Раевский.

— Нет,— упрямо сказал он, возвращаясь к началу спора.— Герцен светлее, яснее, выше. Идя за Герценом, я не перестану благоговеть перед дедом, перед отцом...

— Резонно,— подтвердил Люпус.— Как можно не благоговеть перед героями столь звонких дел-с! Надобно благоговеть. Ну, а если бы у вас таковых знаменитых предков не было, как, например, у меня? Ась? Конечно, и у меня были деды-прадеды, да черт ли про них знает! Как же тогда?

Раевский молчал.

— То-то! А ведь таких, как я, больше. Теперь же дадим высказаться самому Александру Ивановичу Герцену.

Доктор положил руку на развернутый номер «Колокола».

— Извольте прослушать, что пишет Александр Иванович по поводу гибели Николая Гавриловича. «Неужели никто из русских художников не нарисует картины, представляющей Чернышевского у позорного столба?! Этот обличительный холст будет образом для будущих поколений и закрепит шельмование тупых злодеев, привязывающих мысль человеческую к столбу преступников... Чернышевский был вами выставлен к столбу на четверть часа, а вы, а Россия на сколько лет останетесь привязанными к нему? Проклятье вам, проклятье и, если возможно, мсть!..»

...В дверь стукнули. Трепеща кружевными крылышками белого передника на плечах, вбежала горничная, бледенькая Катя.

— Господин Гродеков доложить велели...

И тотчас, гремя шпорами и саблей, в комнату шагнул Гродеков.

— Наконец-то! — воскликнул Раевский.— Наконец все в сборе. Дмитрий, как дела?

— Худо,— сказал штаб-ротмистр, расстегивая куртку и с грохотом придвигая к столу дубовый стул,— оч-чень худо. Знать ничего не хочет...

Раевский приехал в Москву из Петербурга с матерью, которая должна была на днях отбыть в Крым, чтобы провести по обыкновению зиму в своем кучук-ламбатском имении. Клещев застрял здесь по дороге

в отпуск из Петербурга. А Гродеков прикатил с решительным намерением вырвать у отца согласие на уход в отставку.

— Знать ничего не хочет,— повторил он, заметно разгорячаясь при каждом новом слове.— Но войдите в мое положение, господа: после всего, чему я был свидетелем в Варшаве, и наконец после подлости, учиненной правительством над Чернышевским, я не только не хочу, но и не могу служить...

— Bravo! — сказал Люпус.— Bravo, ротмистр!

Гродеков отвернулся к окну; его глубокие синие глаза жадно следили за извозчицей пролеткой, с треском выкатывавшейся из-за угла. Взглянув на него в эту минуту, всякий непременно подумал бы: «Экая затаенно-страстная, сильная, цельная натура!» Так думал и Раевский, но не только так. «Не умен, не образован... оттого и шарахает его из стороны в сторону». Вдруг Гродеков оторвался от окна.

— Отцы и дети... Все прогнило изнутри. Стбит ногой поддать, как развалится... И уж это недаром, что девушки у нас служат телеграфистками, наборщицами, переплетчицами, акушерками, переводчицами... Недаром светская барышня Анна Михельсон бросила к позорному столбу Чернышевского букет цветов и сидит за это в предварилке... На моих глазах... Недаром...

Раевский имел редкий талант слушать, то есть схватить на лету главное из сказанного другим, и вовремя ответить на это главное таким словом, от которого собеседник вспыхивает, как огонь от масла.

— Остается, Дмитрий, поехать тебе в Висконсин...

— Что? — вздрогнул Гродеков.— Куда?

— В Висконсин...

— Зачем? Почему именно в...

— А как же? Действительно ли в Висконсине живетс лучше, чем в Костроме, ни ты, ни Люпус, ни я не знаем, потому что никто из нас никогда в Висконсине не бывал. Но все, что исходит из Висконсина, у нас в цене. От завистливого удивления только языками прищелкиваем: «Д-да! Висконсин!»

Гродеков смотрел на Раевского во все глаза. Люпус вмешался:

— И вполне естественно, господа... Ибо самая непростительная ошибка в наше время — это рассуждать. Попробуйте, например, установить логическую границу между министрами и геморроем или между предварительной цензурой и кнутом. Не удастся. И на двух ногах ходить тоже не удастся. То ли дело — на четвереньках. И здорово и удобно!

— Это вы о нигилистах? — спросил Раевский.

— Отнюдь! — рассердился Люпус.— Но уж коли вы о них зачали, то чего ищут нигилисты? Только одного: истины. Они знают, что истина нага, и все нагое принимают за истину и все обнажают, ища ее, истину. Все проверяется, все отрицается...

— А вот за Мошотта каждый из них охотно сложил бы голову без всякой проверки,— сказал Раевский.

— И за Дарвина... Потому что Дарвин — это правда, великая, последняя, всем правдам правда...

— Если без истины жить еще кое-как и можно,— мрачно проговорил Гродеков,— то без убеждений решительно нельзя. А в России нет убеждений...

— Чепуха! — воскликнул Раевский.— Как это — нет убеждений? Наша русская жизнь вовсе не так проста, как тебе кажется, наши силы не дремлют, наша мысль не слаба, мы народ не дешевый. Лишь бы надломились ходули, да стали русские люди на ноги, да коснулись ими земля, на которой родились и живут. Ты говоришь: нет убеждений... А разве не кормит нас земля, разве не от нее вся наша живая сила? Вот убеждение, первое из первых...

Раевский встал и прошелся по кабинету. Потом остановился и слегка развел руками, как делают люди, недоумеая.

— Странно только, что отсюда же выводят свои социальные утопии и Чернышевский с Добролюбовым...

— Так-так,— восторженно поддакнул Люпус,— конечно, вам странно, потому что переход русской крестьянской общины к социализму вы признаете утопией. Но это, друг Раевский, не утопия, а закон...

— Какой там закон,— с досадой сказал Раевский,— просто скверная привычка во что бы то ни стало организовывать человеческое общество... Люпус захохотал.

— Анархист! Держите меня, господа: Раевский — анархист...

...Гродеков всем существом участвовал в этом разговоре. Но говорил мало, а больше слушал да опрокидывал под усы рюмку за рюмкой. От выпитой водки он скоро побагровел. Его расшитая золотыми шнурами зеленая гусарская куртка валялась под стулом, на котором он восседал верхом, как в седле, распахнув рубашку, в тугих малиновых рейтузах и высоких сапогах со шпорами. Он внимательно слушал. Но его собственные мысли разбегались, как извозчики, когда городской зовет их, чтобы свезти кого-то даром. Так же точно и детей пугает азбука, если она без картинок. Гродеков все еще не научился серьезно думать. До своей службы в Варшаве он жил, как живет дуб,— выгоняя из себя побеги, красуясь густой листвой, набухая от бессмысленной полноты жизни. Польская революция впервые навела его на мысль о невозможности такой жизни в дальнейшем. Правда, больше он ничего не понял, только это. И тогда стал гордиться своими «убеждениями» и тем, что не отстает от времени. А на самом деле ветер времени так и гнал его вперед, так и швырял, как щепку. Но он смотрел в глаза будущему прямо и спокойно, словно оно было его добрым, хорошим знакомым. И поступал в соответствующих случаях твердо и честно, как то бывало с ним и раньше, в Варшаве, да и теперь, в Петербурге.— на Мытной и в полиции.

— Без истины, господа, жить можно,— повторил он,— а без убеждений нельзя. Жаль только, что сила убеждений далеко не всегда соединяется в одном человеке с твердой волей...

Пуританская угловатость и сдержанность внешних повадок Гродекова совершенно совпадали с особенностями его простодушного мышления. Штаб-ротмистр хотел все видеть сам; допускал только осязаемое. На слово не верил никому. Тимбукту находится в Африке? Позвольте, позвольте... А почему именно в Африке? Колумб открыл Америку в 1492 году... Э, нет-с... Это еще надо проверить — так ли? А в то, что в России царствовал когда-то Петр Великий, Гродеков просто не верил, априорно, невзирая на все доказательства. Раевский подвинул к нему коробку с сигарами.

— Помнишь, у Писарева? Сигара действует очень благотворно на мыслящего реалиста...

Но за сигарой потянулся Люпус. А Гродеков сказал:

— Отец ни за что не хочет, чтобы я шел в отставку. Хорошо, черт с ним. Меня другое мучит...

— Что?

— Я на военной службе, офицер. А вместе с тем близок к революции. В Варшаве был связан с Домбровским, дружил с Потемней...¹

— По-теб-ня?...— протянул Раевский, медленно привыкая к неожиданной и странной фамилии.— Потемня?

— Да, да,— с жаром повторил Гродеков,— именно он... Представь

¹ Ярослав Домбровский — начальник революционных сил Варшавы зимой и летом 1862 года; впоследствии генерал Парижской коммуны. Потемня — русский офицер, деятельно участвовавший в военных событиях 1863 года на польской стороне.

себе блондина среднего росточка с бледным-бледным лицом. И такое было на лице у Потевни грустное и чистое выражение, словно бы говорил он: «Вот отдаюсь я вашему урагану, друзья, и ураган ваш унесет меня с собой...»

— А стихи ты еще не пишешь, Дмитрий?

Гродеков досадливо отмахнулся.

— Когда наместник приказал арестовать Рудзиевского, я сломал свою саблю и за то был отчислен из адъютантского штата в полк.

— Ты так говоришь об этом,— засмеялся Раевский,— будто ждал себе за сломанную саблю чина или ордена.

Гродекова передернуло. Действительно, прежде он думал, что не принимать прямого участия в подавлении польской свободы и служить делу этой свободы — одно и то же. И, думая так, был спокоен и уверен в себе. Сабля сломана. Но так как офицеру без сабли нельзя, он надевает другую. Еще недавно было время, когда ему казалось, что способ содействовать польской революции без нарушения офицерской присяги существует и почти уже найден им, Гродековым: не мешать... Но после разгрома революции от этих простых мыслей не осталось и следа — так они осложнились, углубились и болезненно заострились.

— А кто это — Рудзиевский? — спрашивал Раевский.

— Известный варшавский адвокат, член Центрального национального комитета. Потом был в повстанье. У Песчаной Скалы наши захватили его вместе с сыном. Потевня пал в бою. А Рудзиевского прикончили после боя. Сын его, Шимон, — славный малый, студент медицины, поэт, романтик, чистая душа. Взялись и за Шимона. Но какой-то русский офицер выпустил его на волю...

Темные брови Раевского сдвинулись.

— А ты все еще занимаешься польскими делами, Дмитрий? Ведь Песчаная Скала, Потевня, благодетельный русский офицер — это шестьдесят третий год. Ты уже служил тогда в Петербурге. Значит...

Гродеков покраснел.

— Да... Нет... Ей-богу, ничего не значит. Когда весной в Петербурге расправлялись с Чернышевским, я был на Мытной площади. И сплеснула меня толпа с Шимоном. Как? Что? Отец погиб... Семья выслана в Одессу... И... Но тут-то девушка и бросила свой букет Чернышевскому. Девушку — цоп и в Третье отделение. А Шимона — в полицейскую часть. Я за ним. Наскочил на полицеймейстера...

Гродеков поднял голову. Тупое отчаяние глядело из его глаз.

— Да не в том же, господа, дело! Не в том! Я русский офицер и на каждом шагу попираю присягу. Правда, я делаю это во имя подлинного блага своей родины. Но все-таки что же это такое, господа? Ведь это же измена, а?

— Похоже,— подтвердил Люпус, улыбаясь в усы и дымя, как паровоз.

Вопрос, которым мучился Гродеков, напрасно стараясь найти убедительный на него ответ, казался Люпусу просто глупым. Для настоящего нигилиста в этом вопросе не было ровно никакого вопроса, так как присяга была для нигилиста чистейшим вздором. А Гродеков мучился. Смешно! Раевский иначе понимал дело и с сожалением смотрел на товарища.

— Кажется, я могу, Дмитрий, дать тебе хороший совет,— сказал он медленно и тихо, как бы с особой тщательностью отбирая слова,— не надо тебе ни присяге изменять, ни в отставку идти, ни убеждениями поступаться...

— Ну? — с живым интересом спросил Гродеков.— Меня это терзает. И особенно теперь, после гнусности, которую совершило правительство над Чернышевским.

— Понимаю, Дмитрий. Но и ты пойми. Правительство наше действует в потемках. Сделает что-нибудь, да и удивляется тому, что из этого получилось. Так и во внутренней и в международной политике, например, в несчастном этом Восточном вопросе. То ли хочет оно войны, то ли чтобы не было войны... А уж коли так, без войны нам никак не обойтись!

— Умно! — сказал Люпус. — Что же дальше?

— На Балканах разногласия. Одни представляют себе там Россию в виде сжатого кулака, и таких большинство. Лишь немногие видят в ней огромное, доброе, могучее существо и признают за ним все права и преимущества старшего брата...

— Дальше!

— Общее, Дмитрий, легко переходит в расплывчатость, в отсутствие. Любить человечество, за человечеством — мир... А потом что? Допустим, что любовь твою к человечеству правительство спеленало, связало, сдавило, не может никак раздышаться твоя любовь...

— Так оно и есть...

— Тогда попробуй ее сосредоточить на чем-нибудь меньшем, более конкретном, чем человечество. Прежде ты обожал поляков. А теперь полюби балканских славян.

Люпус кивнул головой.

— Как-то раз Чернышевский при мне говорил: в сочувствии славянским бедствиям мы никому не уступим. Да и писал то же...

Темно-синие глаза Гродекова зажглись.

— Чернышевский так говорил? И писал?

— Точно.

— Но сочувствовать — мало, — сказал Раевский. — Славяне будут искать выхода из рабства в военной борьбе с Портой. Готовься, Дмитрий, принять участие в их борьбе, помощи не словами, а делом, умри, коли надо будет. А для этого...

— Что?

— Заблаговременно переходи на службу...

— Куда?

— В сербскую... Нет, лучше даже не в сербскую, а в румынскую армию!

От волнения Люпус принялся быстро и жадно есть. Несколько минут Гродеков сидел неподвижно, потрясенный.

— Это что за Висконси? — выговорил он, наконец через силу. — Почему в румынскую?

— Читал ты в газетах, что князь Молдо-Влахии Александр Ион Куза на днях прибыл в Царьград?

— Читал...

— Как думаешь, зачем?

— П-понятия не имею.

— Куза раздаст мужикам монастырские земли...

— Зад у Кузы дымится! — догадался Люпус и захохотал.

— Именно. Бояре не прочь отправить его *ad patres*¹. Завязывается узел. Кто будет развязывать? А ведь Румыния — ближайший к Турции плацдарм борьбы за славянскую свободу. Что скажешь?

— Интересно... — пробормотал Гродеков.

— Вот тебе дорога: не изменяй присяге, не иди в отставку, но жизнью будь готов рискнуть...

Гродеков энергично махнул рукой.

— Что такое жизнь? Или черт с ней, или долг. Не удовольствие же?

И он долго не думал. Как шквал, налетел на него порыв деятельности. Выхватив из-под стула свою куртку, он вмиг напялил ее на плечи

¹ К праотцам (лат.).

и принялся непослушными от торопливости пальцами пропускать золоченые пуговицы сквозь толстые петли шнуров. Потом взялся за фуражку.

— Куда ты? А завтрак...

— К черту завтрак! Я на Кудринскую...

— Зачем?

— Возьму на бирже карету и — к отцу. В Румынию... славно!

— Погоди, бешеный!

— Прощай, Николай! Люпус, до свиданья...

И, звеня шпорами и саблей, он выскочил за дверь. Раевский смотрел ему вслед. Глубокая тень, печальная и суровая, набежала на его смуглое тонкое лицо.

— Il a un cœur d'or, mais c'est un idiot! — пробормотал он.

— Что-с? — переспросил Люпус. — Не по-нашенски...

— Сердце у него золотое, — повторил Раевский по-русски, — но глуп беспримерно.

— Ну, это уж вы слишком, — усмехнулся доктор, — да и виноват ли он в том, что такой? Люди переросли то, к чему привыкли, но еще не привыкли к тому, до чего доросли. И получается: новым быть не умеет, а и прежним остаться не может. «Сердце золотое...» Понимаю, отчего вас мутит. Дескать, благородный, хороший, а толку — ни-ни... Благородный, хороший — это все пустяки. Благородные и хорошие никогда ничего не сделают. Умные и дальновидные люди нужны. А уж штаб-ротмистр Гродеков, конечно, не таков. Но у всякой медали две стороны. Сознание людей состоит из знания, незнания и невежества, то есть мнимого знания — из предрассудков. Восхвалим же штаб-ротмистра Гродекова по крайней мере за то, что он хоть предрассудки-то своего рода-племени беснощадно в себе придушил. Слава те, господи, и за этукую малость! А субъект он с волей, с силой, с твердостью, с склонностью к действию, без намека на гамлетовскую раздвоенность чувств. Вот вы теперь пустили его, так сказать, в Румынию. И ведь помчится очертя голову, прямоком, ибо учуял для себя в Румынии дело. Ведь человек-то он не теории, не мысли, а чутья...

— Правильно, — сказал Раевский, — и, кроме того, честен. Между тем логика истории требует сейчас честных людей. Одного боюсь: как бы отец его опять не встал на дыбы...

— Не думаю. Вот мы с вами никак не можем позавтракать. Генерал же Гродеков, полагать надо, завтрак свой только что откушал. А уж известно: когда старый русский дворянин хорошо поел, — со всем согласится...

* * *

В кабинете молодого Раевского горничная Катя стелила на диванах две постели — одну для Николая Николаевича, еще не вернувшегося из театра, а другую — для доктора Клещева, неожиданно заночевавшего нынче на Спиридоновке. Кабинет представлял собой просторную комнату, которая выглядела несколько мрачно не то от высокой настенной панели из темного дерева, не то от чугунной облицовки камина, похожего на готический портал средневековой церкви. Хотя мрачность комнаты должна была бы настраивать на серьезный лад, но с Люпусом происходило другое. Утонув в мягком кресле, он пристально следил за ловкой работой Кати. Ее тоненькая фигурка то сгибалась, то разгибалась, руки с привычной быстротой укладывали шуршащее полотно туго накрахмаленных простынь, и линия крутых бедер так изменчиво волновалась, что Люпус в конце концов засопел и, отложив сигару, вытер пот со лба. Уже не первый раз приглядывался он к Кате. Д-да! Катя вышла из комнаты. Но почти тотчас вернулась с широкогорлым фаянсовым кувшином, полным ледяной воды. Люпус ждал возле умывального столика.

— Воробушек!

Обхватив девушку обеими руками повыше талии, он крепко сжал ее вместе с кувшином в могучих тисках. Губы его жадно искали ее губ. «Ласточка!» Мертвенный холод фаянса, вдруг угодившего под пылкий поцелуй, заставил Люпуса откачнуться. Острый локоток больно вдавился в наимчувствительнейшее место сальника на его округлом брюхе. И тогда он распустил тиски.

— Еще побалуй! — сердито и грубо, точно конюх, с маху огладивший чересседелкой взыгравшего жеребца, сказала Катя. — Вишь, орел сыскался...

Жаркий стыд выбился краской на потной физиономии раскисшего Люпуса. Он живо отступил от умывального столика. Затем порывлся в кармане, достал смятую рублевку и, молча протянув ее Кате, плюхнулся в кресло. Девушка примирительно вздохнула.

— Бесстыжести этой у господ краю нет. В каком доме служу, а... Муженьку сказать, живой не уйдешь!

«Сейчас спущу это дело в песок», — наспех подумал Люпус. И спросил с искусственным интересом:

— Да ты разве замужем?

Катя усмехнулась.

— То-то... Муж у меня красрасаец, не вам чета... Любит — страсть! И чего мне еще надо? Зачем?

— Да ведь не живешь, поди, с ним?

— Не живу...

— Почему?

— Не хочу. Сицилист он...

Доктор навострил уши.

— Ой, барин, сердце болит, — болтала Катя. — Ой, боюсь, так боюсь!

— Чего?

— Все-то мне чудится: прикатил мой Андриюшенька из Питера в Москву да по городу за мной рыщет. Ох, боюсь!

— Дура ты, Катька! — с суровым убеждением сказал Клещев. — Круглая дура.

Но она как будто и не слышала.

— Скорей бы в Крым с барыней. Да ее к Москве ровно на гвоздь приладили.

— Кто?

— Никак ваша милость.

Клещева выбросило из кресла.

— Что? Что ты сказала?

— Для глухих две обедни не служат...

— Нет, ты повтори, повтори...

— Втюрилась в вас барыня. Ехать без вас не хочет. А вы к девчонкам липнете. Хорош господин! Рублями улещает. Рубль?

Катя швырнула на пол желтенькую кредитку и пристукнула ее каблучком синей туфельки. Она уже не смеялась.

— Тьфу мне на ваши деньги, тьфу! Может, я и дура, да сроду честная. С места не сойти, все про вас барыне расскажу. Рубль! Пускай знает барыня, каков вы герой...

Клещева точно кто палкой хватил по голове...

...Генеральша Анна Михайловна Раевская, урожденная Бороздина, была дама величаявая, медлительная в словах и движениях, с очень свежим, слегка веснушчатым лицом и холодными ясными серыми глазами. При жизни мужа она была богата, но после его смерти разбогатела вдвое. Ученые люди Москвы, Петербурга и многих европейских столиц знали и высоко ценили Раевскую за серьезность ее интересов — она увлекалась

археологией и тратила весьма большие средства на раскопки в окрестностях Керчи, Феодосии, Бахчисарая и Рима. Давно уже перестало приходиться светским людям на память удалое прозвище, под которым отличалась она в молодые годы своего придворного фрейлинства на петергофских балах и царскосельских каруселях. Звали ее тогда Анкой Рыжей, и с прозвищем этим связывалось немало веселых происшествий, в которых искали себе выход буйные порывы смелой девичьей природы. Все прошло, все...

Госпожа Раевская прибыла в Москву, сопровождаемая сыном, с тем чтобы следовать дальше до Крыма, в Кучук-Ламбат, уже одной. Но в Москве задержалась. Почему? Люпус знать не знал об этом. А теперь вдруг вспомнил где-то уже слышанное наглое, казалось бы, и вовсе к генеральше неприложимое словцо: Анка Рыжая; и то еще, как убедительно предлагала она ему поступить на время его отпуска к ней в домашние врачи; и то, наконец, как он, болван, на пакость такую полу-соглашался... Конечно, Крым не глухая тамбовская деревенька, где он вырос и куда направлялся на отдых к сестре-дьяконице; кучук-ламбатская белоснежная вилла не косая, с худой застрехой и худыми ребристыми стропилами изба. Полу-соглашался... Ужас! Но ведь и в голову не придет. Она дочь изящнейшего из генерал-адъютантов Александра Первого; покойный муж ее — приятель Пушкина и многих декабристов. Ну, а Люпус? Люпус — громадный волосатый человек простейшей лесной породы. Стало быть, дичь? Н-нет. Была Екатерина Вторая. Была развеселая царица Елизавета. Влекло их к людям молодой и новой, еле привившейся к стоеросью культуры. Это у «них» бывает. И теперь, когда внезапно уяснилась действительная подкладка генеральской любезности, когда стала видима роль, припасенная для Люпуса этой любезностью, он почувствовал приступ такого жгучего стыда, что недавний стыд перед Катей показался сухим пустяком. «Позор... Позор!» — шептал он, делая жалкие попытки схватиться руками за голову и с усилием отводя руки от головы. А Катя дразнилась:

— Скажу...

— Вон, шлюха! Вон! — гаркнул Люпус. — Говори, кому хошь. Вон!

Катя, взвизгнув, исчезла так быстро, словно в паркет ушла. Но вместе с ней провалилась и желтенькая кредитка...

...Люпус с судорожной быстротой разделся и лег на свой диван. Довольно долго лежал он неподвижно, с открытыми глазами, устремленными на свечу. За дверью раздались ровные мягкие шаги, и в кабинет почти неслышно вошел Николай Николаевич.

— Не спите?

— Сплю! — злобно отрезал Люпус.

— Что с вами? Кстати, мать просила вам передать, что она твердо надеется...

Люпус живо приподнялся, почти сел на диване.

— На что... надеется?

— Речь идет о поездке в Крым, — со спокойным удивлением в тоне сказал Раевский.

— Так передайте ее превосходительству, — отчаянно краснея от попыток подавить в себе бешенство, прорычал Люпус, — ни в какой Крым не поеду-с! Не по-еду! У меня дома, в деревне, неотложное дело-с! Так-с!

Раевский пожал плечами.

— Жаль. Однако ведь никто и не принуждает вас ехать.

Подумав, он сухо добавил:

— А откуда такая экспрессия?

Доктор лежал лицом к стене и молчал.

Глава двадцать третья

Крамольники

Афиша, подклеенная к дверям главного академического подъезда, объявляла о докладе на тему: «Опыты разведения хлопка в Крыму». Такой доклад должен был через несколько дней сделать в Московском обществе сельских хозяев член этого общества, гвардии поручик Николай Николаевич Раевский. Перед афишей стоял белокурый молодой человек, с окладистой курчавой бородой, в красной шерстяной рубашке и высоких сапогах. Молодой человек читал афишу и думал: «Странность какая... Гвардейский хлыщ о хлопке. Из рук вон ново. Дичь!» Сомневаться в том, что у хлыща было имение в Крыму, конечно, не приходилось. Но где же видано, чтобы имения служили гвардейцам для ученых опытов? Дичь, дичь... Молодой человек пожал плечами и отвернулся от афиши. Студенты один за другим входили в подъезд академии. И молодой человек в красной рубашке тоже хотел войти, но почему-то не сделал этого. Наоборот, медленно переставляя длинные ноги, двинулся через парк, мимо цветников, оранжерей, прудов и беседок к лесу.

Итак, Питер сменил на Москву, полноправное студентство в Лесном институте — на бесправное вольнослушательство в только что открывшейся Петровской земледельческой академии. К лучшему ли? Одно ясно: по жгучей мостовой Петербурга Семенце больше ходить не мог. Страшная вещь — гласный полицейский надзор. Стоит высунуть нос из дому, и — куда ни глянь — везде «нянюшки». Одно время Семенцу казалось, что по ночам безопаснее. Казалось! Это были волшебные петербургские ночи, когда вечерняя и утренняя зори встречаются на бледном беззвездном небе. А с неба струятся потоки нежного розового света, и золотистые облачка, колыхаясь, плывут в прозрачной бездне. Как любил Семенце эти чудные белые ночи, как наслаждался их тихим блеском и своим свободным одиночеством на улицах — долгих-предолгих, прямых-препрямых, вовсе не похожих в этот час на грешную землю большого города. Но это было до надзора. А потом? Потом Семенце яростно возненавидел предательские белые ночи и слов не находил, возмущаясь их жандармской красотой...

...Из рощи неслись крики грачей. Бока осин, повернутые к северу, густо поросли мохом. Лесная дорога привела Семенца к дому, огороженному забором из жердей. Посреди двора — конюшня. Под присаженным сбоку навесом — экипажи. Невысокий малый, лет тридцати, с бойкими карими глазами и серьгой в ухе, в ситцевой рубашке, подвязанной тонким пояском, возился у тарантаса, смазывал его, налаживал тяжи, подколачивал и подвязывал сбрую. Ему помогал Базникин.

— О-ох! — время от времени говорил он, вытирая рукавом потный лоб.

Сбоку от дома деревья поднимались из высокого бурьяна. Под бурьяном же было так тенисто, что и трава не росла. Здесь-то, в зыбке, подвешенной к прочному кленовому сучку, крепко спали два младенчика-близнеца. Молодица в сарафане из синей китайки с мишурной оторочкой и в белом повойнике любовалась на малышей. Базникин поинтересовался:

— Скусно?

— Че-его?

— Глядеть-то, мол, вкусно? Детки — красная парочка: баран да ярочка...

Молодица хохотнула. Малый, возившийся с тарантасом, подмигнул жене. «Хорошо, — подумал Семенце, — эх, хорошо!» Академисты жили в разных местах. Одни — на казенных квартирах, вдоль Московского шоссе, по переулкам и на Выселках; другие — в самом городе, против Страстного бульвара, в мебелирашках «Виктория». Кошиц с Базникиным при-

строились поблизости от академии, в Петровском, но не в казенных «номерках», а на вольной квартире, у старовера ямщика Савелия Титова. Вот и сам хозяин вышел из дома на крыльцо, в черной поддевке, длинных, выше колен, сапогах, с измятым картузом под мышкой и кнутом в руках. Тощий, высокий, круто перешибленный в поясище и с таким сгибом наперед, словно собирался взлететь, он затряс своей редкой седой бороденкой, замигал слезливыми глазками и, поблескивая на солнце гладкой лысиной, медленно перебрал ступеньки нетвердыми ногами.

— Кирюха,— позвал он сына,— ты что же это во Владыкино за сеном-то не едешь?

— Дай срок, батя,— сказал малый с серьгой,— тарантас уладить...

Базникин вытер лоб рукавом.

— О-ох! Да и дела всего осталось с гулькин нос. Коли велишь, Савелий Титыч, один справлю...

— Добро,— согласился старик,— справь, дружок, справь. Эй, Кирюха! Слышь, сынок, запрягай Мотыля аль Красотку, доле тянуть неча!

Савелий Титыч говорил не спеша, будто даже нехотя, а получалось так, как если б команду отдал,— ослушаться на ум не взбретет. Кирюха выкатил из-под навеса фуру. Старик присел в тени и взялся переплетать на кнуте ременный хвост — для лучшего ожигу. «Хорошо...» — опять подумал Семенце. Он любил потолковать с Савелием; норовил и записать кое-что «з народных уст». Дружба между ямщиком и постояльцем началась добрыми советами старшего младшему:

— А ты без наскоку живи, без нахрапу, спокойно, с терпеньем, так и проживешь. Без терпенья, дружок, никак нельзя прожить. На Каиновом пути стоим...

По мере того как Савелий свыкался со своим собеседником, речи его становились все открытее. Отчасти по староверству, а отчасти и по другим причинам имел он против властей предрержащих зуб. Но от богатства тот зуб покосился, а от невежества был вовсе туп. Случалось Семенцу, слушая Савелия, кричать от изумления и досады.

— Разве его ссадить? — говорил старик о царе.— Никак!

Будучи уверен, что прямым действием этого достичь невозможно, он искал боковые ходы и с торжеством находил их.

— А сенат на что? Сенат, он законы знает. Он царю жалованье кладет, коли что и ругнет его, царя-то. Кажет ему, какне штаны, каку шапку вздеть. А царь службу тридцать лет несет — военный он, по общему положению... И — в отставку. Тут все от сената. Пустили бы в цари доброго, ну и легче... Вить оно так!

Семенце не только с интересом слушал, но и записывал эту дребедень. А потом садился на запряженную двумя клячами кожаную академическую линейку и тащился сквозь облака горячей пыли — десять верст за долгий час — в Москву, к Страстному монастырю.

* * *

Густые запахи щей, керосина и стирального мыла стоймя стояли в узеньком и кривом коридорчике меблированных комнат «Виктория».

На замызганных стенах тускло поблескивали чадные лампы. Двери номеров хлопали. То здесь, то там мелькали серые и черные блузы, синие и красные кофты, косоворотки, кожаные ремни, украинские и мордовские рубахи. Постепенно толчея стихала, коридор пустел. Последним прошел по нему человек в очках, немолодой, с толстой папкой под локтем. Он прошел, и двери перестали хлопать. Кружок был в сборе...

Есть идеи, назначение которых в том, чтобы создавать из бессилия силу. Во что верили кружковцы, собиравшиеся в меблированных комнатах «Виктория»? В великую мощь просвещения, средствами которого дол-

жен обновиться мир, в возможность избыть народную бедность, установить равенство, свободу, справедливость и счастье на земле. И, наконец, еще верили, что осуществится все это непременно в самом недалеком будущем. Кружок состоял из пятнадцати членов. Все они были членами одной семьи. Все были молоды, вступили в борьбу, не оглядываясь и не подкладывая соломки, куда бы упасть. Старше прочих был тот, что пришел последним. Семенце не знал его. В комнате было шумно — все говорили враз. Темой, как всегда, была философия. Не сходили также с языка Роберт Оуэн, «Икаррия» Кабэ, фаланстеры Фурье. Толковали так бойко и ловко, что Семенцу казалось, будто даже и не говорят, а просто по привычке шевелят губами. Хозяин номера, в котором собрался кружок, был худой студент в новой цветной рубашке, с тонкой шеей, похожей на длинный стебель вялого лопуха.

— Служи бескорыстно народу! — восклицал он таким трескучим тенором, точно сухой горох гонял по бумаге. — Верь в силу естественных наук! И скоро, очень скоро вся жизнь наша перевернется...

Сосед Семенца — очкастый, с толстой папкой — всхрипнул. Что это? Почудилось? Э, нет, нисколько. Папка, как живая, стремительно побежала с засаленных колен соседа. Семенце хотел подхватить, даже руки подставил. Но не поймал — папка шлепнулась на пол и, разинув пасть, как шука на песке, вывалила изнутри целую гору многолистных рукописей и печатных брошюр. Поднимая рукописи, Семенце прочитал на одной: «И. Д. Рыжов. История кнута в России». На книжке значилось: «И. Д. Рыжов. Русская голь и сила разбойная»... Студент с тонкой шеей сердито пожал плечами.

— Вечно вы, Илья Данилыч...

— Ничего особенного, — хрипло отозвался сосед Семенца и, отодвинув рукописи ногой (не стоит, мол, возиться, потом подберу), вдруг перешел в нападение: — Заснул? Ну и верно, заснул. Потому что надоело. Всегда считал и буду считать: во сто раз лучше хоть что-нибудь дельное совершить, чем без усталости языками шелкать...

И он замечательно громко шелкнул языком. Кто-то возмутился:

— Уж не вы ли укажете, что именно следует совершить?

— Вот-вот-вот, — завершал тенористый студент в цветной рубашке, — не стесняйтесь! Только и не хватает нам ваших авторитетнейших указаний...

Едва прозвучало роковое слово «авторитет», как громы негодования посыпались на очкастого положительно изо всех углов комнаты.

— Что за авторитеты? Зачем?

— Стыдно, господа, стыдно!

— Долой авторитеты!

Семенце тоже вскочил со стула и тоже закричал:

— Таблица умножения не зависит ни от чьих мнений! Над ней нет никаких авторитетов! Так и всякая действительно научная истина...

— Верно, Кошиц! Браво!

Между тем виновник происшествия пыхтел, засунув голову между коленями, и, неловко разводя по полу короткими руками, подбирал свои рукописи. Как видно, он уже давно привык к бурям в стакане, и они его нисколько не смущали...

...Кружковцы расходились. Лишь Семенце продолжал ораторствовать:

— Однако же и разговорам, господа, должен быть конец! Я, например, заявляю прямо: хочу дела, ишу его...

— Пожалуйста!

Очкастый поднял голову и налившимися кровью глазами смотрел поверх очков на Семенца.

— Сделайте одолжение! Пожалуйста!

Это было так внезапно и так метко попало в точку, как бывает обычно лишь в шутках. И несуразная фигура елозившего по полу человека и его синевой набрякшее от натуги лицо — все выглядело довольно-таки смешно. Семенце грустно улыбнулся и сказал:

— Напрасно шутите...

Очкастый быстро вскочил на ноги и, шагая по бумагам, вплотную подступил к юноше.

— Писано есть: ищите и обрящете... Вы ищете дела, а я — с кем бы дело сделать. Нашли друг друга — ура! А шутить да людьми мутить — помилуйте, для коего черта?

Он на скорую руку, кое-как привел в порядок свою растрепавшуюся папку.

— Прежде всего познакомимся,— сказал он,— рекомендую: писатель Рыжов. Насчет авторитетов спорить пока не будем...

Но, подумав, добавил, как бы извиняясь:

— Не скрою: я за авторитеты. Однако сейчас о деле. Совершенно серьезное дело...

Сердце Семенца замерло. Как он ждал этой минуты! Как рвался к ней!

— Впрочем, есть одно условие.

— Какое?

— Удачно ли вы живете?

Семенце рассказал в двух словах. Петровское... Вольная квартира... Ямщик-старовер... Врожденная ненависть к царям-табашникам... Тоска по «добром» царе...

— Эврика! — прохрипел Рыжов.

Туманно-красные глаза его быстро оглядели полупустую комнату. Он взял Семенца под локоть.

— Сейчас вам все станет ясно...

Они отошли в уголок между шкафом и окном. Рыжов задышал тяжело и прерывисто.

— Два человека бежали из Колымажного Двора¹, — низким и глухим шепотом сказал он, — пробираются за границу. Им нужен ночлег...

— Когда? — спросил Семенце, весь светясь восторгом и почти не веря своему счастью.

— Завтра.

Семенце крепко ухватил обеими ручищами вялую, как у большинства много пишущих людей, разноцветную от чернильных пятен руку Рыжова и так сжал ее в радостном порыве, что Илья Данилыч только и мог произнести:

— Эх ты, ч-черт!

* * *

Тонкий, плакучий, переливчатый собачий лай, несшийся неведомо откуда, наполнял тьму. Ночевальщики переступили порог гостеприимного Савельева дома; дверь за ними плотно захлопнулась, и лая как не было. Они оглядели просторную горницу, в которую ввел их Семенце. Только здесь его лицо обозначилось перед ними не в фантастических, наполовину выдуманных чертах, а во всей подлинности — таким, как оно есть. Передний ночевальщик — в легком пальто, старом красном шарфе и кожаной фуражке — ахнул. Несколько мгновений его живые, острые глаза были прикованы к Семенцу. Потом он раскрыл объятия. Семенце — тоже.

— Шимон Рудзиевский! Студент варшавской медицины!

¹ Так называлась одна из тогдашних московских тюрем.

Он смотрел на Рудзиевского и с тревожной ясностью видел серенькое утро на Мытной, эшафот с Чернышевским у столба, букет, стройную фигуру девушки, ее полные свежие губы, загадочный взор зеленоватых очей и густые волосы под шляпкой с блестящими крыльями бабочки... «Есть ли еще на свете такая чистая, такая святая красота!» И от восхищения перед этой далекой красотой он готов был еще обнимать, еще и еще целовать Рудзиевского. Революционер, бежал из тюрьмы, его преследуют; всем этим Рудзиевский был очень дорог Семенцу. Но еще дороже — близостью к дивной петербургской красавице. Было в его близости к ней какое-то волшебство, от силы которого вдруг зарделся и бурно вспыхнул в Семенце сердечный огонь...

Между тем высокий, худошавый, мускулистый и ловкий поляк, с резкими чертами орлиного лица и быстрыми испуганными глазами, сбросил с себя пальто и оказался в светло-желтом пиджаке из верблюжьего сукна, с черным бархатным воротником, в окруженном по поясу плече и длинных студенческих ботфортах. У него был вид зайца, счастливо ушедшего из-под жестокого собачьего гона. За ним стоял еще человек лет тридцати, тоже хорошего роста и крепкой складки и тоже с лицом не совсем обыкновенным. Усики и эспаньолка — à la Наполеон III. На губах — двойное выражение горечи и ласковой хитрости, а от этого и улыбка его казалась и печальной, и злой, и насмешливой одновременно. Одет он был в синюю венгерку польского покроя. Пестренский цветной галстук повязывал шею. Семенце удивился.

— В руки даетесь,— сказал он, указывая на венгерку,— вы же поляк.

— Едем поляк,— подтвердил беглец и продолжал на чистейшем русском языке,— но венгерка меня не выдаст. У всякой профессии свое самолюбие. Оно есть и у революционеров. Я не хочу быть арестованным по многим причинам. Одна из них — мое самолюбие. Оно учит меня, как надо надувать полицию. Сыщики смотрят: где военный сюртук? Где на правом плече белый аксельбант? Пусть смотрят, черт с ними. Я в венгерке. Едем поляк и нисколько того не скрываю. Ну-ка разгадай, полиция, кто я...

Он протянул руку для пожатия.

— Ярослав Домбровский, бывший офицер российского генерального штаба, гарибальдиец. Был арестован за польские дела, приговорен к пятнадцати годам каторги, сослан в Сибирь. Теперь бегу через Москву и Петербург в Париж...

Он усмехнулся своей сложной, неясной улыбкой.

— Впрочем, не воображайте, что я из породы болтунов. И вам я верю только из самолюбия.

Его глубокие, задумчивые и смелые глаза уперлись в Семенца, как бы говоря: «Крута моя натура и замкнута, ибо «едем» человек-особняк». И Семенце стоял молча, замороженный. Нет, никогда-никогда не думал он, что столько радости нагрянет к нему в душу зараз!

Кирюхе предстояло вывезти ночевальщиков из Петровского до света — на Тушино, Таицы, Воскресенск. Еще с вечера завалился Кирюха спать и заполнил раскатами могучего храпа всю соседнюю горницу. Нет-нет да и прослышится сквозь храп слабенький писк близнецов в зыбке, зазвенит голосок молодухи матери:

У собачки, у кота
Колыбелька хороша,
А у деток у моих
И еще получше их.
Баю-бай, баю-бай,
Ты, собачка, зря не лай...

Близнецы притихали. А песня еще долго не смолкала, постепенно растворяясь в Кирюхином храпе:

Баю-бай, баю-бай,
С мышкой, котик, не играй.
А иди к нам ночевать,
Моих детушек качать.
Баю-бай, баю-бай...

Сон не шел к ночевальщикам. Не тянули их к себе ни охапки сена, застланные попонами на полу, ни мягкие потники, сложенные под изголовье. Уже и самовар потух, и пузатый чайник, издали похожий на супоросую свинью, до дна опорожнился, а гости с Семенцем все еще сидели за столом и вели беседу.

— Темперамент и глазомер,— говорил Рудзиевский,— без этого нет революционера...

Свежие и острые глаза его ярко светились. Семенце жадно слушал. Он смутно чуял в Шимоне тот романтический дух, который уже разносился в те годы предприимчивыми польскими революционерами по всему свету. Пока еще вовсе не знакомый Семенцу, он восхищал его своей новизной.

— Что ж? — говорил Шимон.— Польские выходцы есть и в Алжире и в Америке. Одного жаль...

Он опустил голову. «Сейчас скажет о «ней»,— радостно ужаснулся Семенце,— сейчас...» Но сказал не Шимон, а Домбровский, и совсем не то, чего ожидал Семенце.

— Жалеете, Рудзиевский, что не увидите красного знамени над Зимним дворцом?

Так неожиданно вернулся в разговор Петербург. И Семенце, захлонув душой, как перед скачком с высоты, вдруг решился.

— А что с той девушкой,— спросил он Шимона,— которая на Мытной...

Лампа пыхнула огнем. Тонкие ноздри на горбом носу Рудзиевского дрогнули.

— Анна Михельсон?

— Да,— подтвердил Семенце, хотя слышал «ее» имя в первый раз.

— Выслана. Сначала в Петрозаводск, потом — в Тобольскую губернию.

Несколько минут за чайным столом было тихо. Молчание нарушил Домбровский.

— Вы омосковитились, Шимон,— сказал он, улыбаясь не то горько, не то насмешливо,— красивая девица, букет цветов, Петрозаводск, что за... пустыки. Вы омосковитились, дружок,— не видите, по русскому обычаю, леса из-за кустов. Букет — кусты, а лес — в том, что русское движение поставило перед собой великие цели, но достичь их пока еще не может. Служа в Петербурге, я отдавал свою квартиру на Офицерской улице под собрания революционного кружка. Состоял тот кружок из полсотни военных поляков и нескольких русских. Для петербургской полиции, которая переживала тогда еще самые сонно-идиллические времена, существовало у него маскировочное имя: «Литературное общество». Среди русских посетителей моей квартиры были отличные люди. Помню и никогда не забуду гусарского корнета Гродекова. Красавец, великан, аристократ по рождению и демократ по инстинкту. Идеи Гродекова заключали в себе чрезвычайно смутное начало социального протеста с самым наивным оттенком классической офицерской прямоты. Я говорил на заседаниях кружка: «Друзья, умирает не Польша, а последний ми-

раж шляхетского рая старой Польши. Главная опасность грозит шляхте!» Поляки — большинство — меня понимали. Гродеков — нет. Он просто не знал и не умел вообразить себе, что есть Польша, и слепо рвался вперед. Ему непременно надо было увидеть своими глазами, чтобы понять. Затем я бросил военную службу в России и уехал в Италию к Гарибальди, который собирался тогда наступать на Неаполь. Мне нужна была школа междоусобной войны. Но и Гродеков не остался в Петербурге, перевелся в Варшаву на должность адъютанта к царскому заместителю. Прощаясь с ним, я говорил: «Запомните, Гродеков: пока Польша в цепях, Россия, обреченная на роль палача, не увидит и тени свободы...»

Домбровский вдруг замолчал. Нижняя губа его побелела под тугим прикусом острых и мелких зубов.

— И что же? — жадно спросил Семенце.

Домбровский молчал.

— Я знаю Гродекова, — сказал Шимон. — Прост, искренен, из тех русских офицеров, которые жили в Польше, как на вулкане. Он не один такой. Помните: трое субалтернов-стрелков стакнулись с солдатами? Помните: вывезли их из Варшавы в Новогоргиевск и там расстреляли? А Потеня? А поручик Крупский, выпустивший меня на свободу в день казни? А...

— Да, — отозвался Домбровский, — вы правы, Шимон: русские тоже хотят свободы. Как и мы, они тоже стремятся выбиться из-под ярма. Но в бой идут одиночки. Да, чтобы польские надежды сбылись, нам надо действовать сообща с русскими друзьями. Гродеков... Но зачем же так отстала от своих задач организация русского революционного движения? Милый Шимон! Вместе с покойным отцом вашим, паном Людвигом, я всегда был за настоящее, большое восстание, а не за маленький путч. Что нужно для восстания? Крестьянская земля, сословное равенство... Да, конечно, того же самого и русская революция хочет. Да, нам по пути с русской революцией. Но где она? Гродеков... Потеня... О, если бы я не был арестован!

На мгновение он закрыл лицо руками. Потом отдернул их и пристально посмотрел на Семенца.

— Вы русский. Потеня тоже. Он был готов для революции — нес в себе боль двух народов, отбывал в своей личной судьбе их общие вековые страдания, скорбел о них и угрызался совестью. Вероятно, он не верил в наш успех. Но до последнего шел с нами. Он никак не мог примириться с мыслью, что русские офицеры, солдаты так, без протеста, холодно и беспощадно пойдут уничтожать своих польских братьев за то, что им хочется жить вольно. Да кому же не хочется воли? Мученичество трех расстрелянных в Новогоргиевске русских офицеров неотступно стояло перед его глазами. И кровь их бродила в его крови.

Пристальный взгляд Домбровского колко упирался в Кошица.

— Зачем вы мне все это говорите? — крикнул наконец Семенце, чувствуя, как вспыхнуло его лицо и огненно-горькой болью пронзилось сердце. — Ведь я и сам знаю, что такое революция, где она есть и где нет ее, знаю! Мы у начала. Русскому революционеру может не хватать многого. Но мужества, чтоб довести дело до конца, у него хватит. Я не Потеня. А коли доведется, умру не хуже...

Рудзиевский взял его за руку, успокаивая.

— Нашел чем хвастаться! Бог мой! Да любой мужик — поляк, москаль ли — умрет, не колеблясь, лишь бы за ним и пан вслед.

С этим Семенце не хотел и не мог спорить. Но с главной мысли его и это не сбило.

— А вот как жить? То ли каждого мужика сделать баринном — за чудо такое мы не беремся. То ли каждого барина превратить в мужика...

— За это взялись! — раздался громкий возглас, и лохматая голова, сверкая черными цыганскими глазами, низко свесилась с печи.— А кто не за то — чужого, знать, бога!

И Базникин так легко спрыгнул наземь, словно его ветром сдунуло с печи.

— Что за человек? — быстро спросил Домбровский.

Семенце коротко объяснил.

— Запомните, молодые люди,— медленно и тихо, голосом, как бы уходящим в темноту и сон, проговорил Домбровский,— пока Польша в цепях, Россия, обреченная на роль палача, не увидит и тени свободы. Значит, биться нам за свободу надо вместе, друзья!

Эта мысль, с такой очевидной ясностью вытекающая из всего предыдущего разговора, никогда еще не приходила в голову Кошица. В борьбе поляков с русским правительством он «механически» стоял на стороне ищущих свободы — всячески сочувствовал полякам и желал им успеха. О возможности же скрепить польское революционное движение с русским — не думал. И только сейчас...

— Ну, стало быть, один у нас бог! — спокойно и уверенно сказал Базникин.

— Пунька! Будя храпеть,— расталкивал Савелий сына,— вишь, беговое дело, как его сон сгреб. А ночь ноне вовсе короткая, с воробьиный шаг...

Он стоял, склонясь впополам над Кирюхой, в сером казакине, в картузе набекрень, с недоуздкой в руке, и толкал его то в бок, то в спину.

— Вставай, сынок! Времени у нас нисколько...

Действительно, заря занялась и хоть пока еще еле-еле просвечивала, но легкий ветерок уже налетал отдельными порывами с востока; утро гнало ночь.

— Немысленное дело!..

...У таких, как Савелий Титыч, каждая копейка бывает прибита алтынным гвоздем. Ночевальщики наскоро допивали теплое молоко, до коричневой корки урумившееся за ночь в печи, а старый ямщик уторговывал припент.

— Ты мне, барин, уваженье сделай,— говорил он, обращая свои домогательства главным образом почему-то к Домбровскому,— сам тягачь, так и меня не бездоля! Ночку с безопасностью провели, в удобстве. А уж до Воскресенска сынок домчит, не оглянись. Кони — только за вожжи подарживай! В корню Летун пойдет — меринок карий, важный, сорок пять бумажек плачен в городе, на конной. Тарантас в Нижнем куплен, весь железом окован. Оси дубовые! Оглобли вязовые!

Семенцу было стыдно за старика. Он хотел что-то сказать, но Савелий не дал.

— К тебе спросу нет!

Домбровский выбросил на стол синюю ассигнацию.

— Квиты!

Ямщик схватил билет и внимательно проглядел его на свет против лампы.

— Квиты ль? — сказал он со вздохом.— Бог с тобой, барин, хошь и так. Главная причина — за бедных, слышь, людей стоишь. А с этим вполне согласный я!

Однако нельзя было не видеть, как трудно Савелию удержать себя от соблазна и не попросить еще надбавочки.

— Много верст до Воскресенска? — поинтересовался Рудзиевский.

— Бесплезно спрашивать,— сердито сказал Домбровский.

— Почему?

— Русские меры известны: коломенская верста, косая сажень... Черт ли в них разберет!

И от того, что почуял Семенце в этих словах Домбровского, ему опять стало стыдно за старика Савелия, обидно за себя и еще за многих...

— Н-но! Я тя ужю! — раздалось за окном.

Вышли во двор. Кирюха готовил запряжку. Коренник был и впрямь хорош — сильная широкозадая лошадь с высокой холкой.

— Тройка — что голуби, — говорил Савелий Титыч, как бы задним числом оправдываясь перед постояльцами в своей жадности, — коли надо пошибче, только рукой поведи — убьют!

Кирюха подступил к кореннику, взялся за концы оглобель и с такой силой накренил чуть склонившуюся набок дугу, что Летун перебрал ногами.

— Справа-то не забудь завожжать! — говорил сыну Савелий. — Повод-от подвязан?

В углу двора, стоя на одном колене, Базникин что-то тесал на чурбане.

Эх, кости болят,
Все суставы говорят... —

вполголоса напевал он, искоса, с легкой критической ухмылкой наблюдая за сборами в путь и бойко помахивая топором. Ночевальщики уселись в тарантас. Кирюха вскочил на козлы, ловкий, быстрый, в тонком полукафтаны, туго перетянутом на талии узеньким черкесским пояском. Базникин развел ворота. Красивые разномастные лошади взяли дружно и ровно. Загремели колеса. Длинные тени Летуна с пристяжными птицей вынеслись вдоль дороги. Кирюха подсвистнул. Просторно, безлюдно и тихо было перед тройкой и по сторонам — темная земля да темное небо...

Глава двадцать четвертая

Косой потолок

Алая заря взошла над миром, и Семенце вышел из Петровского. Он шел в Москву пешком, но не по шоссе, а проселками, чтобы дать своим мыслям простор, да и самому от них не отставать.

Только что выпал дождь, и дорога была мягка. Солнце постепенно разгоралось. Влажные облачка расходились от середины неба в стороны, оставляя за собой едва заметные перистые следы. Даль еще чернела, но водопады солнечного блеска уже начинали ее заливать. Проселок стлался узенькой белой полоской через широкое ржаное поле. Легкий ветер гулял по полю, волнуя наливающуюся рожь. То тут, то там налетит вихорек и пригнет ее к земле. И от этого сквозь стеклянную прозрачность раннего утра так и разбегутся по полю разные цвета. Зеленый покатится за серебристым, а за зеленым — синеватые разводы.

Семенце почти не видел приволья, которое развевалось вокруг него, — ни красок, ни света, ни широты. Если же и замечал, то отводил глаза, мысленно оговариваясь: «Природа? Что — природа? Ну, составляет она материал для химии, для технологии... А дальше что? Неизвестно...» Он вспомнил академического профессора-немца и его изречение: «Растение состоит из клеточков, как каменная стена — из кирпичов». Тьфу, прости, господи!

Семенце не мог жить непосредственностью ощущений. Ему до зарезу требовалось сознавать и цель своего существования — то, ради чего стои-

ло жить, — и миссию, которую надо было выполнить в жизни жертвой и трудом. Ночью, проведенной в разговорах с Домбровским и Шимоном, как бы взорвались чувства Семенца. Где революционная цель? Что делать? О чем думать? И снова, как то уже было в Питере, казалось ему, что без настоящего дела мертвится, на нет сходит для него и самая возможность жить. Снова Семенце растерялся. Ночевальщики уехали, а он затосковал. И смятение чувств болезненно усиливалось в нем, как бы расширяясь под ливнем жарких солнечных лучей и грозя затопить душу.

Шел же он теперь в Москву, полагая, что разыскать писателя Рыжова, обсудить с ним вдруг возникшие вопросы есть первое из первых, главнейшее и неотложнейшее дело.

Рыжов жил в переулке близ Остоженки, на втором этаже большого кирпичного дома, в комнате с необыкновенно косым, почти уходящим в пол потолком. По одной части комнаты можно было ходить, держась в рост, а по другой — только ползать. Слеповатое окно, прорезанное в нижнем скосе потолка, смотрело на крышу. Экая странная комната!

Рыжов был не один. Его гость и сам он сидели за складным столиком друг против друга. Илья Данилыч — в грязном суровом кителе, размякший и опущенный, беспомощно выложив на стол измазанные чернилами руки, а гость — в свежей белой паре, с соломенной шляпой на коленях. Гость был черноволос и бородат; смуглое лицо его улыбалось. На столике — свечка, бутылка красного вина и два стакана. Очень худая женщина в синем холстинковом платье, обшитом гарусной тесьмой с полуоторванными кистями, в белой косынке на плечах и с туго подвязанной щекой принесла и поставила на столик тарелку с гороховой кашей.

— Ешь, не томи, — сказала она, выговорив слово «ешь» так, как если бы во рту у нее не было ни единого зуба; сказала, ушла и больше не возвращалась.

Рыжов не обратил на все это ни малейшего внимания. Может быть, гороховой каши он даже вовсе не заметил, так как ни сам к ней не притронулся, ни гостю не предложил. Впрочем, и с вином было то же. На первый взгляд Семенцу почуялось, будто в присутствии чернородого гостя есть какая-то неловкость для Рыжова. Да и сам гость, судя по его чересчур ласковой улыбке, тоже, пожалуй, знал об этом. Семенцу даже показалось, будто он нарочно не уходит, а сидит за столиком перед неподвижным Рыжовым, надеясь рано или поздно что-то из него выжать. Но что? И еще одно наблюдение поразило Семенца. В углу горницы, под скошенным потолком, на гвозде висела столь рваная, просаленная и грязная одежонка — армяк не армяк, порты не порты, — что взбрось ее на шест да выставь на огород, и вмиг близ эдакого отличного пугала не осталось бы ни единого воробья. Под нищенским нарядом валялась на полу сума из вымазанной дегтем мешковины. Семенце вспомнил книжку Рыжова о русской голи. И от какой-то смутной догадки уважительность его отношения к Илье Данилычу внезапно удвоилась.

Однако стоило Семенцу переступить порог рыжовской комнаты, как хозяин ее тут же и взвился.

— Слушайте, Каравелов! — рявкнул он, глядя почему-то в угол. — Лопни глаза...

Семенцу послышалось: «Лоб на глаза». Что такое?

— Лопни глаза, коли я от кого что слышал. Да и слышать нечего. Тишина... Ведь знаешь как? Одно дело порох взорвать — довольно искорки. Другое — камень зажечь, никакого огня не хватит...

Он с неохотой оторвал свой взгляд от угла.

— Тишина!..

— А я думаю, — энергично возразил Каравелов, сразу обнаруживая приятно неуловимый акцент в произношении, — что вы попросту меня остерегаетесь. В прятки играете. Очень нелепо.

— Глупей глупого, — подтвердил Рыжов, — кабы так было. А то ведь нет!

Теперь он перевел взгляд на Семенца и сделал вялый знак рукой: входи, садись!

— Свой своему поневоле брат... Садись! Садись!

Семенце сел.

— Вот, — обращаясь к нему, продолжал Рыжов и указал подбородком на Каравелова, — вот литератор болгарский, эмигрант. Пять лет назад взяты они были полицией здешней под бессрочный секретный строгий надзор. Причина: читали в рукописи сочинение Герцена. Р-рекомандация?

— Надо бы! — чуть не вскрикнул Семенце.

— И я полагаю. Пр-ректасно! Но только не понравился господину Каравелову полицейский надзор. И стали они тогда сотрудничать в дворянской газетке «Наше Время», у славянофилов в журнале «День»... Что ж? Дело. Мы-то при чем? Затем перебрались в «Голос» к Краевскому. И осели наконец у Каткова в «Московских Ведомостях». Ну? Нам-то что? А они вбили себе в голову, будто мы им не верим...

Рыжов неожиданно замолчал, точно сказал уже столь много, что и добавить к сказанному больше решительно ничего нельзя. Каравелов вздохнул и поднялся со стула, продолжая улыбаться еще ласковее, чем до сих пор.

— Бог вам судья. Однако вы очень правильную мысль нашли, — проговорил он своим нерусским голосом, — очень! Порох и камень... Да! Однако между порохом и камнем есть множество промежуточных состояний. До свиданья, Илья Данилыч! Прощайте, молодой человек!

И Каравелов вышел из комнаты, осторожно притворив за собой дверь...

...Рыжов взглянул на кашу.

— Сухая ложка, брат, рот дерет...

Сунул бутылку горлом в стакан, и вино забулькало. Потом придвинул кашу к носу. Но, нюхнув, тут же снова забыл и о ней и о вине.

Семенце заговорил. Горячий рассказ его о поляках заметно ошаршил Рыжова.

— Да-а! — несколько раз повторил он, утонув в размышлениях.

А потом вдруг встал и, перегнувшись неуклюжим телом через стол, чмокнул Семенца в губы.

— Вишь ли, дружище, — заговорил он, слегка прищелкивая языком и как бы передразнивая кого-то, — Домбровский — не Каравелов. Это человек не отвлеченной мысли, а практического подвига. Такие люди открываются в поступках, не в словах. И поэтому судить о Домбровском надо по делам его в Польше, а не по тому, что теперь брюзжит. Домбровский свергал царя... Дело? Дело. А чем оно кончилось? Тем, что бежит Домбровский из России. Почему? Империя Российская склочена на горбу у народа, который полон жизни и сил. И не может ее ничто потрясть — ни развал финансов, ни дурь министров, ни польское восстание, ничто... кроме...

Рыжов придвинул кашу к носу, снова нюхнул и опять отставил...

— Много в нас шири, могучести. Что ни сотворим, ни сделаем — все велико, громадно: богатыри из былин, армия, государство. Во всем — биение силы; на каждом шагу — сила. Смел народ наш, даровит, так и смотрит в будущее. Другое бы ему государство, народное. Сделает. Но и теперешнее тоже сделано им, а потому крепко. Революционное движение

наше... Домбровский говорит: нет организации, нет плана. Дичь! Все есть. И сидит оно в самых недрах народной ненависти к двуглавному орлу. И ненавистью той охвачен весь без изъятия народ. Домбровский говорит: ну? А мы: дай только яблочку созреть, сейчас стрясем.

На этом слове Рыжов приостановился и так пристально посмотрел поверх очков в серые глаза Семенца, словно пересчитывал золотистые точки вокруг их зрачков.

— Говорю тебе я, Илья Данилов Рыжов, говорю правду: жди сигнала. Скоро будет. Не мы с тобой его подавать будем — другие. Но мы его подхватим и понесем. Понял?

Семенце не знал, что сказать.

— Жди. Грянет — и тогда... вставай, Россия! Разом опрянься весь народ!..

Возвращался Семенце в Петровское тоже пешком...

Вечернее солнце освещало разорванные облака. Проглядывало сквозь них покойное глубокое небо. И там, где оно проглядывало, зажигались звездочки — одна, другая, третья... Воздух был тих, чист и влажен. Соловьи свистали. Вода на пруде стояла зеркалом ослепительного черного блеска. Нырки, плавая, вели за собой серебряные струи. Лягушки пели в два напева. Капли дождя падали с молодой зелени, чуть слышно ударяясь о листья. Где-то далеко-далеко вспыхивали молнии...

Есть люди, живущие непосредственной жизнью, о них говорят: «весельчак», «добрый малый». Есть люди, преследующие в жизни какие-нибудь временные цели, — карьеристы всякого рода, грубо-практические дельцы. Есть, наконец, еще и такие, которые постоянно сосредоточены мыслями на каком-либо одном, очень важном предмете, — напряженные волей, тяжеловатые по характеру люди. К ним принадлежал Семенце. Идя в Москву светлым утром нынешнего дня, он нес в себе мрак. «Жди сигнала!» — велел Рыжов, и мрак растаял. Возвращаясь теперь затемно в Петровское, Семенце был полон самых ясных мыслей. «Разве вовсе не стало солнца, или потеряло оно свой блеск? Конечно, нет. Беда лишь в том, что ночь уже прошла, а утро еще не настало...» Семенце подходил к леску, за которым прятался Савельев двор. Неловко сталкиваясь с чем ни попало, громко прожужжал над ухом усталого путника большой черный жук. Вскрикнула утка. И еще один голос, человеческий, произнес:

— Где пропал-то? Я уж думал, на оброть, что ль, тебя в Москве взяли... Иль угнали куда...

Это был Базникин, встречавший друга. Семенце рассмеялся.

— Не страшно. Куда ни пойдешь, все равно к тому месту придешь, откуда вышел.

— Как то ись?

— Да ведь земля-то круглая!

И они засмеялись оба, громко и весело.

— С новостями прибыл? — спросил Базникин. — Не держи, выкладывай, чай не на вожах...

Семенце остановился и взял приятеля за руку.

— Будут дела, Андрей... большие! Такие, что...

— Ну?

— И не померкнем мы с тобой наподобие гаснущей лампы... Н-нет!

— Ну? — полный страстного ожидания, еще раз спросил слесарь.

— Закатимся, как светила, Андрей!

***

Доктор Клещев ночевал у Рыжова на двух голых стульях, приставленных к самому краю потолочного скоса. Ни гороховой каши, ни вина уже не было. Гость и хозяин легли спать впроголодь.

— Скоты ужинают, храпят с набитыми животами, а потом по Карлсбадам таскаются,— угрюмо говорил Люпус.— Мы же с тобой, Илья Данилыч, вполне мыслящие индивидуумы, знаем, где истинная польза. Чувствуешь легкость? От азотного голода в организме...

Он засмеялся и запел вполголоса старую студенческую:

Propter flumen, propter pontem...¹

— Пустое, — сказал Рыжов, — это пустое. А главное в том, что Домбровский ушел и сегодня уже за Москвой. С ним млад человек Рудзиевский Шимон. Поезжай и ты со своей генеральшей. Насчет позора — чепуха; из головы выбрось. В Крым не надо. Только до Одессы. Там Рудзиевские — мать Шимона, сестра. Обрадуешь. Вообще оглядишься в Одессе, присмотришься. Через Рудзиевских нужнейшее письмо польской группе передашь. Паренька одного польского сдашь Рудзиевским. Думали его с Домбровским в Париж — уперся. Никуда, говорит, не хочу, окромя России. В Одессу, говорит, хочу, где Рудзиевские, — он у них еще в Варшаве жил. А в Париж, говорит, и за волосы меня не утянешь. Рыжий у него волос. Я, говорит, рыжий, а вы — Рыжов. Ну? Разве отвертишься? Стало быть, бери письмо да парня. Улаживай...

— Фу, черт! — выругался Люпус. — Опять двадцать пять. Да ведь я от Раевских убежал, нахамил и убежал. Как же теперь?

— Это как угодно, — сказал Рыжов, — это глупости. Не глупости — письмо полякам в Одессу. С генеральшей довезешь безопасно. А потому завтра же повертывай на Спиридоновку. Машкерад...

Он показал пальцем, странно белевшим в темноте, на веретке, прежде висевшее в углу, а теперь сложенное на полу кучкой.

— Машкерад мой... Коли занадобит, вспялю хламиду и — со нищими по святой Руси. А покамест... полячок на месте сем отсыпается.

Стулья скрипнули под тяжелым телом доктора сразу всеми своими жиденькими суставами.

— К черту полячка! В Одессу, так и быть, съезжу. А с мальчишкой — брысь, приставало!

Илья Данилыч уже разинул, было рот, но... Дверь комнаты приоткрылась, и шустрая фигурка в коротеньком сером полупальто, с рыжей, как подсолнух, головой, неслышно скользнула через порог. В ту же минуту ветер качнул за окном фонарь. Яркий ответ упал на фигурку. Доктор явственно разглядел юношу — маленький, худой, бледный, сердито горящие желтые глаза — и решил бесповоротно: «Ни в жисть!»

— Ложись, Янек, — сказал Рыжов, — силы копи. Путь в Одессу не ближний.

Он показал на Люпуса.

— Вишь, с кем поедешь?

Доктор понял, что Рыжов и в мыслях не имел с ним считаться, и от возмущения подскочил на скрипучих стульях.

— Дудки! — рявкнул он. — Дудки, Илья!

Рыжов не отозвался. Янек молча укладывался на сгруженном в углу маскарадном тряпье. Люпус закурил и, поднося к папиросе спичку, с неприятным удивлением заметил, как дрожат его холодные толстые пальцы «Не терплю нахальства!» Чтобы успокоиться, он спросил Янека:

— Да вы, собственно, кто такой?

— Борута, — ответил юноша, — извините, но это так.

Он усмехнулся коротко и резко.

— Борута... А что в том смешного?

¹ Возле речки, возле моста (лат.).

— Есть у нас, в Польше, поверье, будто под Ленчицей дьявол живет — Борута. Чертова кличка, а не фамилия. Даже в институте...

— В каком?

— Я студент-агроном из Маримонта под Варшавой.

«Будь ты хоть профессором из преисподней, — подумал Люпус, — с собой не возьму».

И, подумав столь решительно, тут же спросил с неожиданным для себя самого любопытством:

— Как же это случилось: Домбровский уехал, а вы здесь?

— Просто случилось, — сказал Янек. — Домбровский звал меня. А я не поехал.

— С чего бы?

— Если не верите, зачем спрашивать?

Люпус устыдился.

— Ладно, ладно... Рассказывайте!

Янек подумал.

— Ну, хорошо. Однако в двух словах трудно.

— Валяйте...

...Вот живет Янек в варшавском доме адвоката Рудзиевского, учителем при младшем из двух его сыновей. Дом на Маршалковской улице большой, двухэтажный, множество окон и балконы на все четыре стороны, отличный дом с зелеными ставнями и высокой крышей. Янек живет возле детской, где ученичок его, Адамчик, бледный и ласковый, до страсти любящий мифологию, постоянно играет «в богов»: закутается в одеяло и летает в «облаке» через стулья и кровать... «Ч-черт! — мысленно выругался доктор. — Да кому эта белиберда интересна?» А попал Янек к Рудзиевским через Шимона. А с Шимоном познакомился еще в феврале шестьдесят первого года на Старом Мясте, когда сколачивалась там манифестация, чтобы идти к Зигмунтовой колонне, что у Замка. Старое Място! Здесь начало Варшавы: узкие-преузкие дома глубокой древности, решетчатые окна с украшениями бог весть каких дней, завитушки над фронтонами и над крышами. Эх, немало чудес видело Старое Място из давным-давно минувших славных лет Польши. Что же удивительного, если всякий поляк — белый ли, красный, все едино, — попав на Старое Място, готов за отчизну на жизнь и смерть? Здесь завязалась дружба Янека Боруты с Шимоном Рудзиевским. Не легкая дружба... Долго не умели Янек и Шимон сговориться — спорили, расходились, сходились, опять спорили и окончательно сошлись вот только теперь, в Москве, когда Шимон вырвался из тюрьмы вместе с Ярославом Домбровским...

Люпус уже не скрывал самого живого интереса.

— Стало быть, Домбровский в тюрьме урезонил Шимона и ко взглядам своим привел. А взгляды Домбровского вашим не противны. Так, что ль?

— Так.

— В чем же споров гвоздь?

Янек провел худой рукой по огненному затылку и ответил с очевидной неохотой:

— Есть такой вопрос: можем ли мы, поляки, считать русских революционеров своими союзниками в лагере общего врага?

Люпус изумился.

— О чем же думать-то? Безусловно, можете.

Янек хмуро помолчал.

— И я всегда считал, что русским революционерам близки наши польские чувства и политические наши убеждения, — медленно выговорил он, как бы отбирая слова, — а Шимону, наоборот, казалось, будто я зову его помогать России. Вы сказали: о чем думать? А вот Шимон был твердо

уверен, что общие наши действия с русскими выгодны только для русских. Не хотел, не мог понять, что нужны они прежде всего Польше...

— Bravo, Янек! — взревел Люпус.— Bravo, друг! Потому ты и в Париж не поехал?

— Отчасти, — угрюмо ответил смущенный Янек, — но...

— Что?

— Есть и еще причины. Я очень привязан к семье Рудзиевских...

— Позволь, позволь... Отца нет. Шимона нет. К кому же ты там привязан?

Янек молчал. Рыжов вздохнул.

— Оставь ты его, Клещев! Ей-богу, спать пора. Здравствуй, Морфей!

Рыжов изредка что-то выкрикивал диким голосом, какой бывает по ночам у лесных птиц. Клещев лежал недвижно — мертво спящий человек. Янек думал...

...Женщины всегда казались ему чем-то невыразимо чистым и нежным до прелести,— почему? Он никогда не мог понять, как это некоторые мужчины обращаются с женщинами грязно или грубо. Никогда он не сомневался, что все женщины вместе и каждая из них в отдельности обязательно несут в себе людям радость и счастье. И в панне Евелине Рудзиевской Янек видел настоящее воплощение своей мечты — живой цветок, сотканный из ослепительных красок, ясного света и прозрачного воздуха. Он любил панну Евелину. Его любовь к ней пела и улыбалась, наполняя собой всю его жизнь. Он смотрел на девушку и запоминал каждое ее движение, каждый поворот головы, каждое слово. Он почти вовсе не говорил с панной Евелиной, да и вообще в ее присутствии бывал по-особенному молчалив, удивляясь и ужасаясь, как близок он от неосторожного раскрытия тайны. Улавливая чуть приметную неловкость Евелины в обращении с собой, он никак не мог догадаться, откуда эта неловкость берется, страдал и терзался своим жалким неумением отгадать. Действительно, панна Евелина обращалась к Янеку редко, много реже, чем к другим, и совсем иначе — как-то тише, будто совсем неслышно. И когда, бывало, звенел ее серебряный голосок, нежный, как звук арфы, Янеку казалось... он и сам не знал, что ему казалось. Да и кто бы сказал?

Шаг за шагом повторял он теперь в памяти свой скромный путь учителя в доме Рудзиевских. Снова и снова видел Евелину рядом.

«Я люблю ее, но она и не знает об этом...» Однако ведь будет, будет такое время, когда она с болью почувствует, что Янека больше нет на свете. Это будет, когда доведется ему отдать жизнь за родину. Для того-то и остался Янек в России. Потому-то и ощущает он в себе величайшую готовность первым идти вперед, погибнуть, если надо, и принять на себя с отвагой и радостью все последствия совершенного. Мысли Янека двоялись. Он мечтал о родине, а думал о панне Евелине. Мечтал о ней, а думал о родине. «Умереть бы за родину», — в тысячный раз подумал Янек.

— Умереть за Евелину! — громко сказал он.

О, как сладко было ему сказать это! Люпус открыл глаза. Под ударами ветра фонарь метался за окном, и волны бледного света то и дело переплескивались через комнату. Люпусу был отлично виден весь рыженький Янек. Он сидел на куче маскарадного тряпья, обхватив острые колени тонких ног худыми жилистыми руками. Лицо его пылало. Плечи подрагивали. Уж не плакал ли он? Стулья, на которых лежал Люпус, скрипнули во всех суставах. Доктор повернулся на бок и уперся носом в косой потолок.

— Делать нечего, заберу с собой парня!..

Глава двадцать пятая

Нехранимайка

Ласковым дыханием прохладного морского ветерка открылась в Одессе осень. И регулярные занятия в гимназических классах открылись вместе с ней. Не дыши море в тот год так вольно, так сладко, может, и ходил бы еще Христо в классы. Как ни сухо, ни бедно, ни безжизненно бывало на уроках, он еще не окончательно расстался с отцовским умением сдерживать чувства и с готовностью тянуть лямку. Но случилось происшествие, из-за которого все перевернулось.

Преклонив родолюбивое ухо к просьбам гимназистов-болгар, господин Тошков сунул Главанакову несколько десятков рублей и сказал:

— В Одессе на Дерibasовской пять книжных лавок, на Ришельевской две, да на Екатерининской, против Пале-Рояля, еще одна. Обойди-ка их, Божил. И накупи хороших книжек для мальчишек. А потом поставим два шкафа в пустом чулане, что за кухней,— это и будет собственная библиотека наших болгарских ученичков.

Николай Миронович зевнул.

— О-хо-хо! Обо всем надо думать... Слушай, Божил: покупай не всякие книжки... Понимаешь? Я бургомистр. Библиотека в моем доме. Понимаешь?

— Понимаю,— сказал Божил и, взяв деньги, отправился по книжным лавкам...

...Неизвестно, как бы выполнил он поручение своего патрона, если бы не вмешался Христо. Вместе ходили они по магазинам, вместе торговались и отбирали товар.

— Не та книга по-настоящему умна,— утверждал Христо Божилю,— которая сама по себе умна, а та, от которой я умнею...

Библиотека составила быстро и разместилась в шкафах холодной каморки близ черного выхода из тошковской квартиры. Разные подобрались в ней книги: «Робинзон Крузо», «Путешествие Дюмон Дюрвиля», «История Англии» Маколея, «История цивилизации» Бокля, «История» Соловьева и еще довольно много всяких «историй», «Жизнь животных» Брэма, «Логика» Милля, «Отечественные записки» за время Белинского и в особом изобилии разрозненные номера журнала «Современник»...

...Христо не превозмог тоски, свирепствовавшей на уроках. Чудная вещь — медицина. Голова... живот... мало ли есть в человеке такого, от чего валится он, вдруг заболев, с ног? Христо стал едва ли не круглосуточным больным. Все чаще случалось так: ранним утречком уходит в гимназию «идеалист» каллиграф, и жена его, седенькая Марья Ивановна, выпроваживает вместе с ним пансионских сотоварищей Христо; в белом домике становится тихо-тихо; а Христо бухается на койку с «Современником» в руках и радостно тонет в том отделе журнала, который до самого ареста Чернышевского регулярно заполнялся его необыкновенно живой и содержательной летописью. Начинаясь эта летопись с итальянского движения, с Кавура и Гарибальди, затем переходила на французские дела — к Кавеньяку и июльской монархии.

В каждой книжке «Современника» было не меньше тридцати печатных листов. Христо «отхватывал» их за три часа. В конце концов он читал ученые и критические статьи, и романы, и повести, и серьезное, и легкое, и смешное, безошибочно улавливая во всем этом основную мысль с ее главными оттенками и запоминая чуть ли не каждое слово.

Литература «Современника» обращалась прямо к разуму Христо. Она учила его сознательно относиться к явлениям жизни, будила в нем совесть, сводила его отдельные взгляды на мир в единое цельное воз-

зрение. Вот, например, статья Добролюбова «Темное царство». Как громадна в ней сила, разрушающая пирамиды косности, расчищающая поле от грязного щебня под новые светлые дворцы! Вот роман Чернышевского «Что делать?» — победный гимн прекрасному труду. Вчера этот труд был уделом жалкого, ничтожного раба. Книга поет: «Мы бедны, но мы рабочие люди, у нас здоровые руки. Мы темны, но мы не глупы и хотим света. Будем учиться — знание освободит нас; будем трудиться — труд обогатит нас... Труд без знания бесплоден, наше счастье невозможно без счастья других».

Книга поет, а Христо думает: «Нет, нет, нет, ни злоба, ни горе, не вечны. Новая жизнь, радостная, чистая, быстро идет к нам навстречу! Как хорошо! Как хорошо!» Сердце загорается пламенной любовью к людям, мысль отзывается на страстный призыв к обновлению, тяга к работе на пользу человечества становится непреодолимой. И Христо вновь и вновь с благоговением вчитывается в каждую страницу романа.

— Опять? — удивлялся Главанаков, зайдя к приятелю по дороге из тошковской конторы домой.

— Пойми: Чернышевского читать — что в море плавать...

* * *

В чудесные мечты погружалась мысль Христо. Он думал о своем народе и о том, как много могли бы сделать для его пользы русские революционеры. Это было открытие Христо, и он верил в него всем существом. Итак, вот они — лучшие и надежнейшие друзья болгарского народа! Христо прекрасно знал своих соотечественников. Это — крепкая, честная семья, трудолюбие, осторожность, скрытность, милая и приятная по первобытному характеру своему простота. Мало идеализма — сердечного, семейного, религиозного? И хорошо, что мало, черт с ним! Грубоватость? Зато много физического и душевного здоровья, здравого смысла, трезвости и умеренности. Рыцарство, сознательное добродушие, щедрость... Разве в этом дело, а не в высокой нравственной сдержанности подлинно народных болгарских натур? Христо мечтал о сближении Рахметова с Добри и Симо, сыновьями Брадатого, мечтал и видел яркий свет полуденного солнца над спящей в сумраке землей. Он почти перестал ходить в гимназию. Отвращение к ней перерождалось в ненависть. Он начинал ненавидеть гимназию за ложь ее науки, за мертвую глухость ее стен, за бессердечие и тусклость всего ее облика. Бродил за итальянскими шарманщиками по городским дворам, бегал купаться на Ланжерон, читал, думал и мечтал, а в классы — ни ногей. И когда пришло время выходить на экзамены, для того чтобы зачислиться в состав регулярных гимназических учеников, Христо на экзамены не явился.

* * *

Был сентябрьский ровный день, когда паутина только-только начинает поблескивать между ветвями деревьев. Главанаков пришел к Христо и сказал:

— Плохо!

По всегдашнему своему обыкновению Христо лежал на койке с «Современником» в руках.

— Говори!

Глаза его никак не хотели оторваться от заветной страницы. Главанаков сердито пнул ногой стул.

— Ты мне жизнь испортил!

— Жизнь? Поправлю...

— Это, брат, не шутка. Давай-ка сюда «Современник»!

— Э, нет! — Христо вскочил с кровати. — Не дам! Да что случилось?

Он с любопытством посмотрел на Божила. Приказчик господина Тошкова был одет так же модно и элегантно, как восковые молодые люди в витринах английского магазина Вильяма Вагнера. Но зато и бледен был так же, как они. Действительно что-то случилось.

— Вчера к Николаю Мироновичу пришел жандармский офицер Егупов. О чем говорили, не знаю. А сегодня с утра Егупов и учитель Шугуров пересматривают библиотеку. Находят много вредных книг... И все это ты! Ты! Ты!..

На длинных ресницах франтоватого Божила повисли слезинки страха.

— Ты! Разве я стал бы... Зачем мне?..

— А еще что?

— Много вредных книг в каталоге. А налицо нет. Где они?

— Например?

Вместо ответа Божил рванул номер «Современника» из рук Христо.

— Сейчас отдай! Я отнесу...

Но Христо был ловчее.

— Как бы не так...

Божил отвернулся, негодуя, а Христо сунул книгу под матрац.

— Испортил ты мне жизнь, — жалобным голосом повторял Главанаков. — Что я теперь Мироновичу скажу?

Но Христо не слышал. «Шугуров, — думал он, — два лица: Янус... Помогает жандарму — Янус...» Как печально, как тяжело! Христо еще никогда не терял близких. Хоть и оттолкнул его от себя Шугуров, хоть и отказался с обидной наглостью от власти над юношеской душой, а все-таки Христо испытывал сейчас те же самые чувства, которыми сопровождается обычно потеря близкого. Почему? Он не знал. «Тяжко, тяжело...» Но было еще и другое. Утрачивая Шугурова, Христо вместе с тем как бы окончательно освобождался от внутренней связи с проклятой гимназией. И от этого становилось легко-легко...

Христо сделал над собой усилие и спросил:

— Что же Миронович?

— Хочет продать библиотеку.

— Что?

— Да... Продать!

О! В таком-то именно решении и проявился весь маленький Тошков с его энергией, предприимчивостью и невероятной жадностью спекулятивного духа. Христо схватил Главанакова за плечи.

— Не позволим!

Главанаков осторожно освободил плечи.

— Сумасшедший! Кто платил за книги? Не я, не ты, а Миронович. Он их хозяин...

— Так иди же, проси, требуй, отвоевывай у Тошкова библиотеку! — кричал Христо. — Слышишь? Иди!

— Не пойду! — решительно сказал Божил.

Лицо и глаза Христо пылали. Он дышал быстро и часто.

— Хорошо! Тогда я пойду!

Николай Миронович принял ходатая в утреннем шелковом халате. Он внимательно оглядел юношу. Никакой застенчивости, никаких робко опущенных глаз. Наоборот, выражение лица такое: черт не брат... «Как ков удалец!» — подумал господин Тошков. Христо приготовил целую речь. Однако произнести успел лишь несколько фраз.

— Не отнимай у нас книг, не отнимай! Пусть болят наши глаза, но не выкалывай их, мы хотим быть зрячими, а не слепыми!

Трудно сказать, чем мог бы Христо раскипятить господина Тошкова больше, чем этакой просьбой. Миронович яростно затопал по паркету ногами в туфлях, расшитых золоченым шнуром.

— Довольно хрюкать, мальчишка, кукла, дурак! — закричал он. — Молчи! Ты беден и не имеешь права говорить. Это ты надоумил осленка Божила закупить вредных книг... Знаю — ты! Теперь ученики не отдают их назад... Мое положение, а? Ведь я бургомистр. И ты приходишь ко мне с дурацкими просьбами, — бесстыдство! Вот что: забудь о библиотеке. Книги мои. Я их купил, я и продаю их. Они мой товар...

Николай Миронович так гневно топал ногами, что золоченая туфля не выдержала, сорвалась с его широкой и плоской, густо обросшей шерстью ступни и, лодочкой скользнув по узорчатой глади паркета, остановилась как раз перед Христо. А господин Тошков продолжал шлепать босой подошвой.

— Молчи!.. — еще раз грозно прорычал он. — Молчи, нехранимайка! ¹

И замолк. Тусклые глазки его изумленно уставились сперва на осиротевшую туфлю, потом на Христо. Да, удалец смеялся... Но и того мало. Вдруг он с такой ловкостью и силой подшвырнул от себя кверху золоченую туфлю, что она, пролетев полкомнаты и мягко скользнув по зеркальному трюмо, угодила прямо в жардиньерку. Проделав это, негодник повернулся и пошел как ни в чем не бывало к выходу из лакированной передней.

— Ай! — завопил Тошков. — Бьет, ломает! Пристава! Пристава! Бьет, ломает! Господина полицеймейстера! Ай! Держи нехранимайку!

И слуги рысью помчались в прихожую из столовой и других горниц...

Христо раздумывал: «Так оскорбить господина Тошкова... Да откуда же я взял столько дерзости?» В самом деле, откуда?

Христо не собирался каяться и ничуть не боялся последствий. Но при всем том ему очень хотелось знать, вполне ли он прав, поступив именно так, а не иначе. Не было ни досады, ни стыда. Но странное беспокойство тяготило его невидимым грузом...

С бешеной скоростью пронеслись мимо дрожки. Гвоздем пришитый к седлу, гикая и подсвистывая в воздухе нагайкой, мчался позади дрожек верховой казак.

→ Па-ади!

Вихрь грязных брызг из-под копыт, круто вздувшаяся парусом серая шинельная накидка и пушистые седые подусники вразлет — да ведь это же господин полицеймейстер, тот самый, к которому зывал разобитый господин Тошков...

— Па-ади!

Христо вздрогнул не от крика, а от внезапности, с которой вдруг постиг суть сегодняшнего скандала. Да, никто в целой Одессе не лебезит перед русскими властями так скверно, так подло, как болгарское настоятельство во главе с Тошковым! Уже не впервые возмущается Христо низкопоклонством этих богачей. Стыд не в том, чтобы обидеть Тошкова, а в том, чтобы видеть в нем старшего соотчича. Из возмущения этого и родилась дерзость бедного удалыца — из презрения к неподобному свинству Тошкова, который мнит себя таким же точно болгаринном, как великий Раковский или хоть и скромный, но чистый патриот, калоферский учитель Ботю Петков. Вот в чем дело, да, да, да... Будто скатилось что-то с плеч Христо и камнем ушло в землю. Будто сразу стал Христо легок и свободен, как птица. Экое счастье быть правым и знать, что ты прав!

¹ На чорбаджийском «языке» — сын, ушедший в революцию и не заботящийся о своей матери (болг.).

С такой-то именно радостной мыслью взлетел Христо на гимназическое крыльцо. В вестибюле у входа за столиком сидел, нахохлившись, старый швейцар с лысым черепом под галунным кепи. Пачка писем лежала на столике. Давненько не получал Христо писем из дому...

— Ананьич!

— Чего-с?

— Мне нет?

— Еще пишут-с!

И Христо вышел из вестибюля с опущенной головой, на ходу теряя свою недавнюю птичью легкость...

...Но Ананьич ошибся. Письмо из Калофера уже вчера прибыло в Одессу. Только поджидало оно Христо не в гимназии, а на квартире. Письмо было от отца, длинное, многословное, без единой помарки, ровными строчками раскинувшееся по четырем страницам. Первое впечатление: пишет человек спокойный, уравновешенный. Смотрит на жизнь слегка иронически, с кривоватой усмешечкой. Не сомневается, что и получатель, читая письмо, усмехнется. Пишет Ботю: была в Царьграде летом жестокая холера. Иные кварталы вовсе запустели. Докатился гнев божий даже до Калофера. И надо бы тут видеть, как с утра до ночи толкался по калоферским улицам лекарь Дафнил — лукавый грек, которого отлично помнил Христо: огромный фес, длинный, до пят, ситцевый кафтан, на широком поясе — полукруглая деревянная коробочка с порошками и пилюлями.

— Знахарь! — непрерывно зывал Дафнил. — Знахарь!

Смешно? Нет. Христо не смеялся, не улыбался даже. Почему? Дальше Ботю рассказывал о своих собственных приключениях. Они начались ранней весной и были для него крайне неблагоприятны. На первой неделе великого поста послали Ботю в Пловдив на епархиальный собор. Как всегда, съехались епитропы, священники, учителя и подвергли тщательному рассмотрению планы, сметы и программы разных церковноучилищных настоятельств. Все как надо. А из Пловдива Ботю возвращался в Калофер пешком — гроши куда-то запропастились, — и уж это было, конечно, не так как надо, ибо, переправляясь через речку Стрему у села Баня, бедный путник сильно промок. Очугившись дома, Ботю первым делом отправился в баню, что у Керин-оврага, дабы хорошенько пополоскаться в горячей воде. И опять все как надо. Но вечером, сидя у окна и перелистывая книгу, он вдруг закашлялся. И было это совсем как не надо. Правда, случилось Ботю кашлять и прежде, иногда даже очень подолгу, с мучительным напряжением, с надрывом и болью в груди. Христо помнил: яркие красные пятна загорались тогда на бледных щеках отца и тело его дрожало и билось в бесполезных усилиях побороть себя, остановить кашель. Так он кашлял до тех пор, пока огненным зноем не опалялось горло и томительной мутой не заволакивалась мысль. Наконец кашель стихал. А Ботю все еще стоял, согнувшись, опустив голову к рукам, и видно было, как трепетали от судорожных потуг его жилистые ноги.

Но того, что случилось с Ботю на сей раз, еще никогда не бывало. Кашель внезапно встряхнул и подбросил его со стула. Он вцепился в книгу побелевшими пальцами. В груди что-то лопнуло, и на миг ему почудилось, будто грудь разнесло на части. Лицо Ботю было бледно, глаза глядели дико — не то со страхом, не то злобно, а на странице книги, которую он крепко сжимал в руках, дымилась алый комок горячей свежей крови. И еще несколько минут кровь шла непрерывным потоком. Ботю не мог выговорить ни слова. Его положили на одр. Он стал задыхаться. Иванка приподняла мужа и прислонила его спиной к горе подушек. Ботю сидел, строго двигая глазами, а кровь бежала по углам его рта и стекала

тяжелыми каплями в подставленную Иванкой чашку. Так он сидел до полуночи. Потом задремал. Днем пришел веселый лекарь, осмотрел больного и закричал:

— Как? Всего-навсего этакая пустая болезнь! Цвете!¹ Да завтра утром мы ее забросим на дерево!

Однако, уходя, тихо сказал Иванке:

— Чахотка. Если не хочет умереть, пусть пьет настойку из исландской травы с имбирем. Помогает еще и бальзам из алоэ.

В аптеке не было не только исландской травы или алоэ, но и вообще никаких лекарств. Аптека торговала только подкрашенной в разные цвета водкой. Иванка принялась поить мужа теплым кобыльим молоком. Припадки кашля стали легче. Но Ботю пролежал до одиннадцатого мая. И лишь на праздник святых Кирилла и Методия встал на ноги, пришел в училище и сказал речь. Была эта речь напечатана в июльском номере царьградской газеты «Советник»... Вот это — как надо!

На заседании церковноучилищного настоятельства Ботю сидел смелый, гордый, с высоко поднятой головой. Ох, напрасно! Ни с того ни с сего Спас Куюнджиолу заговорил: согласись да согласись на сбавку с оклада еще тысячи пятисот грошей. Ботю был сражен; в первую минуту все чувства в нем как бы одеревенели. Слушал и не понимал. Но потом овладел собой и крикнул страшным голосом:

— За что терзаешь меня, Спасе?

Однако идти на разрыв перед началом учебного года было поздно. А тут еще и кир Тодораки, и Манджуков, и другие — все в один голос сладко запели о привязанности к Ботю взрослых калоферцев, о любви к нему малых, и сердце его размякло, гордость поникла, голова опустилась, и, не устояв против «благородного обращения», согласился он на новое уменьшение своего жалкого оклада...

...Все эти «надо» и «не надо» со зримой живостью прошли перед Христо, не только то, о чем писал отец, — болезнь, чорбаджийский обман, но и то, о чем не писал он. Видит Христо мать свою, как сидит она, большая и сильная, колесом согнувшись над маленькой прялкой, поет старинную песню и роняет слезы о далеко затерянном сыне. Смотрит Христо на мать и сам плачет, хоть и без слез на глазах, но с жаркой дрожью в груди от неслыханных рыданий, плачет, не в силах бороться с тоской и противостоять любви. Христо не знает, что делает его рука. А карандаш мчит по бумаге, и строки набегают, как волны, одна на другую:

Моей матери²

О мать, не ты ли так скорбно пела,
 Не ты ль три года меня жалела,
 Что я, несчастный, брожу, скитаюсь
 И с тем, что проклял, везде встречаюсь?
 Ведь я не пропил добра отцова,
 Тебя не ранил обидным словом,—
 За что же юность моя до срока
 Так смертью вянет во мгле жестокой!
 Среди однолеток с душой открытой
 Один смеяться я не умею...

Христо вспомнил изуродованное страхом бледное лицо Божила, уронил голову на руку и застыл в ощущении мертвого бессилия. Нет, не жить ему здесь, за тысячу верст от родины и своих... Тысяча?.. Сто тысяч! Не жить... Остается... Что?

¹ Ласковое обращение (болг.).

² «Майце-си» — первое стихотворение Христо Ботева; написано, вероятно, в Одессе

Одно, молю я, одно осталось —
 Упасть в объятия твои, родная,
 Пусть сердце выплечет, стеноя,
 Тебе всю боль и всю усталость...

. . . . .

В ушах Христо грянул хриплый голос Мироновича: «Ай! Держи нехранимайку!» Он поднял голову. Нехранимайка? Его широко открытые глаза с отчаянием и гневом смотрели вперед. Одно осталось, одно: домой!

Глава двадцать шестая

Изгнанник

В воскресенье вся гимназия знала, что ученик Христо Ботев «за дерзость и пронырство» лишен болгарским настоятельством «производившейся» ему стипендии. Дерзость? Да. Пронырство? Дураки. Христо с утра ушел из дому, чтобы не отвечать на вопросы дураков. Сухие листья падали с деревьев. Дневной свет был тих и задумчив. Христо бродил по городу в таком странном настроении, когда многое из давно приглядевшегося и в подробностях известного вдруг встает перед глазами совсем в новом, неожиданном виде. Он с удивлением замечал под ногами прекрасные гранитные мостовые, поражался грохотом катившихся мимо огромных омнибусов, рассматривал нарядные фасады гостиниц, долго бродил по бульвару, изумленно любуясь безграничным раздольем зеленатового моря, то сбегая к нему по лестнице, то вновь поднимаясь на бульвар. Постоял зачем-то возле итальянского театра. Заглянув на биржу, окунулся в самую гущу ее шумливой жизни. Потом отправился по Херсонской улице к Пересыпи — туда, где еще не совсем отгудела ежегодная ярмарка. Смотрел на хлебные магазины, с крышами под высокий дворец и широко открытыми дверями длиннейших каменных сараев, и на то, как отсеивались в них горы мерной пшеницы. Одна гора переходит в другую, а другая — в третью. Пыль забивает глотки веяльщикам, слепит лопатникам глаза. Зато зерно становится светлым и чистым, словно золотая крупа. Толкался Христо и между вереницами бесконечных возов, восхищаясь могуществом парных запряжек из серых круторогих волов.

— Цоб! Цоб! Цобе! — орали хохлы в кожухах, насквозь пропитавшихся дегтем.

Пели кнуты. Плескались под козлами бочонки с водой. Прыгали мазницы, подвешенные к задним осям о бок с котелками для варки каши. Христо смотрел и слушал, раздумывая бог весть о чем.

А потом вдруг вспомнился ему Семенце Кошиц, да так отчетливо и ясно, будто вживе мелькнул между возами. Где-то Семенце? Что-то с ним?.. С Херсонского спуска открывалась необозримая панорама Пересыпи: слева — большой чумацкий шлях и за ним степные новороссийские дороги; справа — Хаджибейская бухта. С далеких солончаков несло и несло туманами мельчайшего песка. И даже дом, стоявший на обрыве спуска, красно-коричневый, со стрельчатыми окнами и зубчатыми стенами, еле проступал, как видение полурассыпавшегося замка, из-за экрана песчаной мглы. Сколько раз проходил Христо мимо этого странного дома и никогда не задумывался, почему он такой странный. Перед домом со стороны улицы — запущенный садик со старыми деревьями; а позади большой сад с яблонями, тополями, каштанами и дубками сползал вниз крутыми уступами. Станный дом!..

...Когда Христо вышел из копеечной кухмистерской на Новом базаре, по улицам вечернего города уже катились белые клубы мокрой пыли.

Рожки недавно заведенного в Одессе газа смутно рисовались круглыми пятнами холодного, мертвого света. Христо шел по опустелым улицам и плакал, как дитя, горько и безутешно.

А что же это творится на пансионской квартире Христо? Воскресенье — день кавардачный. Но такого погрома еще не бывало никогда. Гимназический швейцар Ананьич и солдат Никифор дружно дыбят матрацы на ученических койках, шарят в четыре руки под изголовьями. На пороге кряхтят и ахают квартирные хозяева — «идеалист» каллиграф с лиловыми усами и старушка в блондовом чепце и серой пелерине. Высоко над толпой бледноликих пансионеров поднимается худая, длинная фигура во фраке, с тусклым взглядом оловянных глаз, ослиными ушами и лорнеткой на широкой черной ленте. Это инспектор Иван Петрович Минаков. «Гасильник» поощряет труждающихся Ананьича и Никифора:

— Волоки, волоки, тэк-с!

И они волокут, словно рыболовы бредень. Из-под матрацев и подушек сыплются на пол румяные яблоки «штрифель». Что такое? Ясно...

...Всю осень хаживали пансионеры по вечерам веселой гурьбой в яблоневый хозяйский сад. Крались, ползли, поодиночке перемахивали через плетень и до полуночи трясли глухо тукавшие оземь красные сочные яблоки. Иные трясли нагло и весело, возносясь над трусами своим молодечеством. Большинство же просто шалило, давясь робким смехом. Не то Христо. С отчаянием и со злостью опустошал он сад «идеалиста» — столько за вечер натрясал яблок, что и не унести. Да и уносить не думал, предоставляя другим. Крали другие, ели другие, с наслаждением вонзая в душистую вкусную мякоть жадные воровские зубы. Христо разбойничал в саду не для удовольствия, не для выгоды. Как добрый болгарский хайдут ищет в схватке с турецким жандармом не удовольствия, а правды, не выгоды, а свободы, так и Христо мстил презренному «идеалисту» за ненавистную гимназию, за скуку ее уроков и ложь ее учителей...

Словно бредень волокут рыболовы. Попавшимся в захват рыбешкам не уйти, а непопавшимся и вовсе нет — все виноваты, как один. «Гасильник» собрался поначалу записывать преступные имена. Даже и книжечку с тонким золотым обрезом вынул для этого из кармана. Но все поголовье записывать — к чему? Он уже хотел книжечку спрятать...

— Никифор! Потряси-ка паволочку получше!.. Ананьич! Держи-ка за простыню! Ага!

«Гасильник» ринулся вперед. Что? Что такое?

— Ага! Держи-ка еще, Ананьич!

Матрац с койки Христо съехал на пол. Под ним красовался обширный набор из книжек «Современника». Тут же «Одесский Вестник» с «Путешествием Гарибальди» и «Биографией Прудона». Инспектор поднял к небу узловатый палец, ужасаясь и торжествуя, утверждая и благодарствуя справедливому случаю.

— Дети! — обратился он к безмолвной толпе бледных пансионеров, с удовольствием замечая их трясущиеся от страха губы. — Дети мои! Разве не сказано в священном писании: нет ничего тайного, что не стало бы явным? Сказано. А коль скоро сказано, то уже оно именно так!

Его палец склонился в горизонтальное положение и прямо уперся в стоявшего на пороге пансионской спальни ученика Христо Ботева, ибо главнейшим из всех обличенных нынче преступников был, конечно, он.

Ночью Христо писал отцу: «Невозможно терпеть и оставаться здесь более. Здешние учителя и порядки — не человеческие, а звериные. Человек должен превратиться в камень, чтобы иметь силу их вынести». Христо писал эти строки, как бы предвидя будущее. Письмо запечатано. И ночь

минула. И день пришел, неся в своей котомке поклажу из новых испытаний.

Утром Христо вызвали к директору гимназии. В начальническом кабинете было чисто, прохладно и пустынно. Статский советник Иосиф Григорьевич Шершеневич стоял возле большого письменного стола, прочно подпертого дубовыми грифами. Это был полный, румяный, слегка подкрашенный человек, с узенькими, гладко зачесанными назад бакенбардами, крючковатым носом и острыми глазками. Говорил директор тихо, как бы сквозь зубы, и, о чем бы ни говорил, улыбался во всю ширину рта.

— Дурость! — говорил он, улыбаясь. — Слышишь? Одна лишь дурость! Что такое Прудон? Безансонский мужик, больше ничего. Ты бы меня о нем спросил, дурачок. А Чернышевский — очень большой государственный преступник. И вот мы выгнали тебя из гимназии. Готово! Иди куда хочешь — направо, налево, сделай одолжение. Ведь этакая дурость! Закон: будущее и неизвестное суть самые злые враги настоящего и известного...

Христо слушал и дивился своему спокойствию. Все-таки это громадное счастье — быть правым и знать, что прав!

— А за что меня выгнали из гимназии, Иосиф Григорьевич? — спросил он.

Директор улыбнулся, раздвинув рот до ушей.

— Ты должен быть мне благодарен, дурак! Я пожалел тебя. Я настоял, чтобы тебя уволили за неуспеваемость, а не за... что-нибудь иное. И этим спас тебя. Очень хорошо, что ты почти не ходил в классы. Но теперь все это кончено. Убирайся!

Директор повернулся к громадному железному сундуку, стоявшему в углу кабинета. Сундук был наглухо привинчен к полу и заперт на три замка. Иосиф Григорьевич звякнул ключами, и замки запели нежными музыкальными голосами. Он протянул исключенному несколько ассигнаций.

— Бери. Болгарское настоятельство решило выдать тебе тридцать рублей.

— Не надо. Я не хочу.

— Ты не сможешь вернуться на родину без денег. Бери.

Христо подумал и, взяв ассигнации, положил их в карман. Директор сказал:

— Видишь, как ты глуп. Мог бы учиться...

— Нет, не мог.

— Почему?

— Нельзя учиться, когда народ бьется в оковах.

— Чего же ты хочешь?

— Идти к народу на помощь.

— Как?

— Как Раковский... как хайдуты... Не знаю, как. Но бороться... за народ, за его свободу!

— Э-э-э! — сказал директор и улыбнулся, столь ужасно разинув при этом рот, что Христо подумал: «Засунуть бы ему туда проклятые тошкковские деньги...»

Искушение было очень сильно. Христо быстро отступил к резной двери кабинета.

— Знаешь, что? — вдруг сказал директор. — Отдай-ка назад деньги.

— Зачем?

— Раковский — революционер. Одесское настоятельство хочет свободы для болгарского народа. Но свободы этой народ должен ждать от российского императорского правительства, а вовсе не от революции. Ты же,

как видно, такой отпетый негодяй, что стремишься прямо к Раковскому. Сейчас же отдай деньги!

— Не подумаю.

— Что? Ах ты, негодяй!

— Поздно браниться, Иосиф Григорьевич. Петля с меня снята, и я... Христо исчез за дверью.

...Через минуту он бурей мчался по гимназическим коридорам, по лестницам, по двору и, шмыгнув за ворота, почти мгновенно очутился на Приморском бульваре среди толпы гуляющих, перед витринами кондитерских лавок, за столиком с ледяной горкой сладкого мороженого на красивой фарфоровой тарелке. У павильона Келя под цветистыми флажками кипело такое многолюдье, что, пожалуй, и сыщик из полиции не унюхал бы здесь Христо. Счастливый изгнанник ощупал карманы с деньгами: в порядке. «Петля снята, я свободен!» Он съел порцию мороженого и велел дать другую. «Петля снята!..» Море, порт, памятник. С правой стороны бульварной лестницы — два артиллериста у пушки, один с фитилем. У памятника — часовщик. Глаза этого человека устремлены на хронометр. Вот он махнул рукой — пушка грянула. Это полдень. На портовых судах веселые звонки. Как все знакомо и как по-новому, необыкновенно хорошо! И, отдавая всего себя внезапно обретенному чувству свободы, с детской радостью уносась все дальше и дальше от недавнего прошлого, Христо принялся за третью порцию...

* * *

Так как человеку надо где-нибудь жить, то Христо поселился у Главанакова. Их совместная жизнь началась уже месяца три назад, и никто бы не мог сказать, когда она кончится. Христо прозябал в Одессе. А между тем самым первым, самым горячим желанием его по выходе из гимназии на волю было купить билет и ехать на родину. Далеко за морем, за горами ясно виделись ему истощенная болезнью фигура отца, черные косы матери, русоголовая Райна, зеленый Калофер, и от видений этих дрожь нетерпения пронизывала тело и слезы кипели в огненных глазах...

...Косой дождик резал лицо, когда Христо прибежал на Ришельевскую, где возле греческого казино сидели вдоль тротуара под зонтиками евреи в огромных лисьих шапках и меняли деньги на зеленые столы. Иностранные матросы высыпали из карманов червонцы, дукаты, лиры и получали русские ассигнации. Что могло бы тогда помешать Христо подойти к любой лисьей шапке? Разменяв свои русские деньги на турецкие лиры, он отправился бы в пароходную контору, а оттуда возвратился бы домой, к Главанакову, с пароходным билетом в кармане. Но вышло совсем иначе...

В то время еще не было отдельного издания «Что делать?». Поклонники знаменитого романа покупали номера «Современника», в которых он был напечатан, и отдавали их в переплет. Приобрести такую книгу было страстной мечтой очень-очень многих людей. Среди них, конечно, был и Христо. Книга стоила дорого — рублей двадцать пять, иногда еще дороже. До выхода своего на свободу Христо не мог помышлять об этом расходе. Да ни разу и не видел подобных книг, только слышал, что они есть. Теперь же...

Из-за пазухи лисьей шапки высунулся под дождь свеженький, чистенький, красивый переплет с золотой надписью на корешке и тотчас спрятался назад. Христо замер как очарованный. Но это продолжалось лишь минуту. Неудержимый порыв к овладению книгой потряс все его существо. Может быть, и сам господин Тошков, столь склонный к умножению своих богатств, никогда не знал порывов такой силы... Так-то

случилось, что Христо покинул Ришельевскую миллионером: «Что делать?» за пазухой и три рубля в кошельке. Что сравнилось бы в тот ненастный день с его счастьем, со счастьем человека, вдруг сделавшегося собственником неопцененого сокровища мыслей, целого мира светлых идей? Ничто. Решительно ничто!

Глава двадцать седьмая

Одесские прудоны

Приняв к себе в сожители бездомного Христо, Божил Главанаков уже не навевывался больше по воскресеньям в пансион к «идеалисту». Зато сам пансион начал теперь переселяться на праздничные дни к Главанакову. В маленькой комнатке бурлило, билось и гудело на разные голоса шумливое товарищество. Звуков было так много, что казалось, будто стены комнатки раздвигаются, а потолок уходит ввысь. Недоростки предавались играм: завяжут кому-нибудь глаза, и угадывай, подслепый, кто тебя свистнул по поясице или еще того пониже. «Старики» спорили. О чем? Не разберешь. Но только так спорили, что у иных уже и лбы набрякли, побагровели, и вихры повставали на затылках, и кулаки посжимались, отяжелели, как гири. Впрочем, известно: умный человек никогда ни с кем не бывает согласен; а дурак не глядит на кулак.

— Эй, берегись, дурак!

Закройте глаза, не смотрите на спорщиков, послушайте их горячие голоса, и вам непременно покажется, будто вот-вот кинутся в драку забияки-петушки. Вдруг:

— Братья мои милые! Уймитесь! Разумен человек от природы, а дураком сам себя делает. Зачем?

Кто-то загоготал. Не напрасно ли?

— Эй, братья! Не все то весело, что умно...

А теперь откройте глаза. Между ссорящимися стоит красивый, привелливый юноша. В его взгляде темный блеск, быстрая улыбка бежит по красным губам. Он стоит между ссорящимися, и, как масло на воду, льется на них его умная и добрая речь.

— Весело не все, что умно. Люди мысли без знаний — слепые мечтатели. Грустно! Люди знаний без мысли — сухие собиратели фактов. Горько! Но, к радости нашей, есть еще и другие люди — не отвлеченные фантазеры и не могильщики, а завоеватели счастья борьбой и победой...

Христо говорил. Присмирившая комната слушала.

— Кто же мы с вами, братья? Пусть каждый себе о том скажет. А я лишь одно обо всех твердо знаю: ни один из нас не должен оставаться в Руси. Уступать свой народ из личных выгод произволу судьбы подло. Долг наш перед народом — воевать за его свободу. Не могу спокойно учиться, пока томятся болгары под игмом... Не могу...

Ой, как не нравились Главанакову эти проповеди! Было в них что-то, как бы прямо обращенное против его, главанаковских, надежд на хорошую службу у господина Тошкова. Это верно, что Божил уже давно не мечтал о возвращении на родину. Но ведь зато и других он не звал ни на какие подвиги безрассудства. А Христо? Возвышенный и напряженный в речах, Христо неустойчив и наивен в поступках. Так и гонит ребятишек в Болгарию. У самого же в кармане ни гроша. Сам из Одессы шагу не может сделать. Слова и дело врозь. Так уж молчал бы! Но не молчит Христо, а говорит, говорит... Только теперь почему-то дрожит его твердый голос, и огненная влага закипает в черных глазах. Почему? Вот и видно, что прав, тысячу раз был прав в своих молчаливых думах благонамерен-

ный Божил. Вот схватился Христо руками за голову и, весь отдаваясь внезапному порыву страстной искренности, прошептал с невыразимой тоской:

— Ах, братья! Мне уже скоро семнадцать лет, а ведь я еще ничего, ничего не сделал для болгарской свободы!

* * *

Осенняя изгарь висела над Одессой, а красноватое солнце еле светило, с трудом проглядывая сквозь холодные неподвижные тучи. Воздух был крепок и тих. Христо бродил по городским улицам. «Чтобы жизнь шла не мимо, мало видеть ее со стороны, надо бросаться в жизнь, как в реку, плыть через глубь...» Что ни цирюльня — армянин из Григориополя. Огородники — все как один болгары; булочники — греки; мануфактурщики — караимы; стекольщики и разносчики — евреи; плотники, бондари, печники — русские. Все это живет, кипит, повертывается то так, то этак в бесконечном разнообразии движений, торопливо расходящихся по тысячам путей. На перекрестке улиц Христо останавливается и, взглянув на небо, шепчет, удивляясь самому себе:

— Почему же все-таки люблю я солнце этого мира — я, бедный скиталец чужой земли?

Вместо ответа приходит на память могучий Рахметов с его таинственным, недоговоренным концом. Вспоминаются две-три фразы, словно бы мельком оброненные в романе о том, как Рахметов «тянул лямку» с бурлаками на Волге. Мало сказано. Но при всей недоговоренности этих фраз они всегда производили на Христо огромное впечатление. В сущности, они стоили для него еще одного, никем пока не написанного большого романа. Да, Рахметов — «высшая натура». Вот он лежит на войлоке, утыканном гвоздями. Это — закалка воли. Он суров и строг, когда воздерживается в пище, отказывается от любви, от радостей человеческой жизни. Он прав: бесполезное не должно иметь права на уважение. «Заботы об излишнем, мысли о ненужном» — долой! «Где роскошь, там гнусность». Христо хочет быть стойким, как Рахметов, бесстрашным, самоотверженным, закалить свой характер в борьбе с трудностями, подчинить всю жизнь интересам великого дела. Истинная наука и подлинное образование не имеют ничего общего с белыми перчатками, цилиндрами, лаковыми штиблетами...

Уйдя из гимназии, Христо перестал следить за своей внешностью. Прямые черные волосы его отросли и упали на плечи. Безбородый и безусый, вечно с папирасой в зубах, в залатанных штанах, замасленном сортуке с оборванными пуговицами и продранными локтями, с какой-то онучкой вместо галстука на шее, но здоровый, крепкий, широкогрудый, мужественно красивый, Христо бросался на одесских улицах в глаза любопытствующим прохожим. Старичок в длинном черном рединготе и высокой шляпе придержал его за рукав.

— Что за Гаврош? — спросил он, как-то странно, не по-русски выговаривая слова. — А?

Христо не понял вопроса, но, к чему он относится, разгадал без труда.

— Нет ни времени, ни охоты туалетничать.

Старичок медленно расправил маленькой желтой рукой седые бачки и с настойчивостью переспросил:

— А?

Христо как из пушки выпалил:

— Блюда свою выгоду. Что другим приятно, меня тяготит. А я не хочу тяготы, хочу свободы. Да и для дела моего красивые костюмы не нужны. Как раз наоборот!

И он весело рассмеялся. Старичок с изумлением посмотрел на своего спутника. Это был широкоплечий человек, высоченный, ражий, краснолицый, в черной рясе католического священника со множеством маленьких пуговок, сбегавших вниз по толстому животу. И смех и слова Христо не понравились толстяку, особенно смех.

— Разумный эгоизм? — спросил старичок.

— Ничего больше!

— А бог и его святые? — строго осведомился ксендз.

При слове «бог» старичок приподнял шляпу. Но Христо продолжал смеяться.

— Погибший юноша! Не так ли, отец Эuzeбиуш?

— Без малейшей надежды на спасение, пан Богумил.

И оба они, разом повернув к Христо спины — крутую и плоскую, жирную и сухую, — быстро пошли в сторону, словно боясь опоганиться. Но молодой человек еще довольно долго стоял на месте встречи, отдаваясь странной власти внезапно возникших размышлений. Случилось это возле коричневого дома со стрельчатыми окнами, что на Херсонском спуске. За дверь этого странного дома и скрылся отец Эuzeбиуш с паном Богумилом...

По молодости своей Христо не умел думать иначе, как прямолинейно. Став нигилистом, он старался быть им до конца. Рахметов — человек особой породы: он революционер. Чернышевский в «Что делать?», подобно Фурье и Оуэну, проповедовал создание производственных ассоциаций. Однако в отличие от Фурье и Оуэна он утверждал, что прежде всего должны быть созданы условия для существования таких ассоциаций. И, по его мнению, эти условия могли быть созданы только революцией. Вот почему Рахметов — революционер. Христо стремился и в этом не отличаться от своего образца. Но где революция, служить которой так страстно ему хотелось? Она в кружках: русских, украинских и польских. Христо не сомневался, что Одесса полна такими кружками. Надо было искать и найти революцию, то есть кружки. Христо неудержимо влекли к себе таинственные вывески на итальянском языке: «Calzolaria»¹ или «Cantina con diversi vini»². Он и сам не знал почему, но ему казалось, что именно под такой-то загадочной вывеской, где-нибудь здесь, на Греческой улице, и должен прятаться карбонарский одесский кружок. Он входил в погребок под колониальным магазином. Черноглазые кудрявые малые в красных колпаках бросались ему навстречу, сразу приводя в движение мертвый сладко-кислый воздух подземелья и мешая его с живым ароматом оранжевого апельсинового цветка.

— Просим синьора отведать доброго вина! — кричали они. — Хорошему винцу не нужна этикетка!

И стучали костяшками пальцев по душистым бутылкам с розовым аккерманским вином. Однако, разглядев жалкий костюм Христо, медленно возвращались на скамейки, расставленные под бочками в темных углах, разочарованно щелкая пальцами и угрюмо бормоча:

— На ошибках учишься...

...Кружок не отыскивался. А пора наступала самая глухая — самая поздняя осенняя пора. Христо почти не бывал дома. Иногда лишь заглядывал среди дня. Вечером же, чуть подступала сутемень и смеркалось в небе, прыгал через подоконник на улицу — и хвост трубой. Главанаков ворчал:

— Анархист... Бродяжка...

¹ Сапожная мастерская.

² Винный погреб.

Христо высовывал язык — он любил подразнить Божила.

— А все-таки собственность есть воровство...

— Опять!

— У меня это как «добър ден»...

Теперь Христо редко показывался на главных городских улицах. И вывески его больше не прельщали. Гораздо больше нравились ему темные закоулки привокзальной площади. Чумная гора с кочевыми шалавами тряпичников, теплые и душные катакомбы под домом с привидениями на конце Торговой улицы, смотровое Куликово поле с тюрьмой за насыпью железнодорожных полотен и особенно морской порт. К этим мрачным местам привязался он теперь всей силой внимания и охотился уже не за кружками, а за отдельными людьми. Христо пришел к мысли, что его прямая, настоящая задача — в пропаганде социального бунта среди тех, кого сама жизнь подготовила к восприятию бунтарских идей. Таковы, например, портовые грузчики и всякого иного рода босяки — то богатыри с дерюжкой на саженных плечах, то гнилые слабосилки с малиновыми от холода руками. Велико и прекрасно счастье превращать слепорожденных в ясно и зорко видящих людей. Чудо! И Христо готовился сотворить чудо...

Ночь была морозная, светлая. Из-за тонких облаков густо просеивался на землю мерцающий свет месяца, застывшего над черным зданием Петербургской гостиницы. Земля казалась белой от месячных лучей. В чистом небе спокойно и ясно светился полукруглый фонарь, и огненный бисер бесчисленных звезд, рассыпанный в голубой беспредельности, блестел и переливался. От памятника Ришелье ложилась в сторону моря длинная тень. Море доходило до бульвара, вплоть до самой церкви, что в конце лестницы. Христо обошел мол и поднялся наверх. Ни души!.. А зубы стучат, нос деревенеет, уши стынют. Где-то далеко-далеко побрякивают дрожки, лают собаки. Бульвар выглядит очарованным царством. Христо почти слышит, как шумит в груди сердце. Вот он подошел к обрыву. Перед ним море, только море, сплошь залитое серебром лунных потоков, — и ничего больше. На горе летучий силуэт колоннады. За ней — множество всяких строений. И все это — словно декорация к фантастическому спектаклю, так же мало похожая на Одессу, как и видимость этой ночи — на ночь...

Месяц медленно уходил за тучу, и вместе с ним исчезало очарование. Низкие каменные перила Строганова моста, три года назад соединившего берега Карантинной балки от Польского к Левашовскому спуску, растаяли во тьме. Под мостом сидели на камнях два человека и молча оглядывали друг друга. Один из этих людей был Христо. Не столько от холода, сколько от глубокого волнения зубы его отщелкивали довольно звонкую дробь и слова никак не ползли с языка, хотя было вполне очевидно, что упустить живую находку этой ночи, не попытавшись приступить к заветному делу, нельзя. Под мостом было так темно, что лишь в те короткие мгновения, когда сосед Христо попыхивал сигаркой, можно было, да и то не без труда, рассмотреть его сермяжный кафтан и соломинку в нечесаной бороде. Босяк. Настоящий... И все-таки первым заговорил не Христо, а босяк.

— Шалава... — выдавил он из простуженной глотки.

— Что? — изумился Христо.

— Шалава, говорю...

И, подумав, добавил:

— Нова пора живет до бела утра. Уж и волк умылся, и кочеток спел, и от облавы, поди, следу не стало. А Лаврик, пес, носа не кажет. Эх!

Христо посочувствовал.

— Нехорошо.

— Чего хуже. А ты кто?

— Я?

— Не тяни, брат. Выкладывай!

Христо решил обойтись без понукания.

— Я никто, — со звонкой искренностью в голосе сказал он, — то есть дело вовсе не во мне, а совсем в другом. Дело в том, что основа всякого господства людей над людьми — кража, ложь и насилие. Я могу это объяснить...

Босяк поднес к лицу Христо узловатую синюю дулю.

— Видел?

Но Христо мужественно оттолкнул дулю.

— Надо делать не то, что приятно одному, а что лучше для многих...

Оборванец странно зашипел, будто надсаживаясь с устатку, — он смеялся.

— Ох, ёж те в рот! Да так...

И вдруг перестал шипеть.

— Не студент?

— Гимназист...

— Одного поля. А я Евтух, вор по Одессе главный. Третью сутку, брат, под страстью сижу — от облавы спасаюсь...

Поблизости что-то зашлепало, точно копыта лошади по мелкой воде. Шел человек. Завоняло сырими онучами. Перед глазами Христо ясно обозначились грязные посконные порты.

— Лаврик? И где ж ты, так-рас-так-пере-так...

— Потом лайся...

Лаврик с ходу принялся рассказывать, какую развела полиция маяту. Но Евтух только рукой махнул — вдруг его закорезило, завертело, и весь он в приступе мучительного кашля начал так подскакивать на ледяном камне, словно в груди у него рвались фугасы. И немало прошло еще времени, пока он наконец откашлялся, отплевался, отдышался и, вытерев рукавом с губ розоватую пену, просипел:

— Спасу нет...

Тут и Лаврик различил в темноте Христо.

— Гимназист? Больно не схож. Гимназисты в штрипочках. Еще, гляди, не сыскной ли?

Евтух рассердился.

— Сам ты сыскной, олух небесный...

Босяки собрались в путь. Христо — за ними. Никто не обращал на него больше внимания. Шли долго, держась затемненной стороны Польской улицы и бежком пересекая светлые места. Куда? К гавани? К морю? Нет. Остановились на дальнем-дальнем широком поле около городских боен.

— Издесь!..

* * *

Возвращаясь из ночных своих походов всех позднее, Христо, однако, так наладил, что не беспокоил при этом ни жильцов квартиры, в которой снимал комнату Главанаков, ни самого Божила. Окна главанаковской комнаты выходили на улицу. По соглашению с Божилом одно из них постоянно оставалось на ночь незапертым. Христо с осторожностью приоткрывал его снаружи, неслышной тенью перемахивал через подоконник и, мгновенно раздевшись, валился в постель. Главанаков ни о чем не спрашивал приятеля. Он уже почти не сомневался, что Христо завяз в романической истории и, потеряв от любви голову, простаивает ночи у дома своей красавицы. Кто она? Хорошо зная Христо, Главанаков был убежден, что никакие расспросы не заставят влюбленного проговориться.

Итак, молчал и Христо, молчал и Божил; а время знай себе мчалось вперед.

Ночная прохолодь становилась все ощутительнее. Месяц плавал в морозном тумане — не месяц, а расплывчатое белое пятно. В одну из таких студеных ночей Христо вернулся домой особенно поздно, живо перемахнул через подоконник, сел на постель и от радостного волнения, наполнявшего его сердце и мозг, зажмурил глаза. Есть ли еще на свете воровское логово, кроме как у боен, где слышали бы люди о светлом и чистом учении Сен-Симона? Христо крепко сроднился за последний год с Сен-Симоном по изложению Чернышевского в «Современнике» и с жаром выкладывал теперь свои познания босякам. Скоро, очень скоро придет он к ним также с «Войной и миром» Прудона — сочинением, совсем недавно переведенным и напечатанным в России, но уже кое-кому весьма небезызвестным. Хватаясь рукой за грудь, кашляя и страдальчески отругиваясь, Евтух с угрюмым вниманием слушал восторженные речи Христо. Другие — тоже. Только Лаврик не поддавался — осуждающе фыркал и насмешливо сплевывал в трескучий огонь. Но не уйдет и Лаврик, не уйдет... Христо сорвал с ноги сапог и, все еще плывя сквозь облако неумной радости, швырнул его под окно. Сапог с грохотом пришелся в стену. Главанаков поднял с подушки голову.

— Бога для, не мешай спать...

Христо упал с неба. «Свинтус, — с досадой подумал он о себе, — самый скверный свинтус...» И так тихо, так осторожно завершил остальной обряд раздевания, так смиренно юркнул в постель, так неслышно натянул на себя красное байковое одеяло и так незаметно и сразу заснул, словно бы его в комнате и вовсе не было.

Есть давнишний, всем известный наивно-смешной рассказец. Так же, как и Христо, кто-то поздно пришел домой. И тоже с размаху швырнул в стену башмак. А другой башмак поставил у стены потихоньку, лег и захрапел. Но сосед, потревоженный шумом, уже не мог заснуть, все ждал: вот-вот хлопнет о стену второй башмак. Ждал, ждал и потерял наконец терпение: «Да когда же ты, негодяй?..»

— Что? — спросонок закричал Христо. — Что ты говоришь?

— Говорю: бросай второй сапог!

— Зачем?

И, вдруг поняв, вскочил на постели.

— Ой, Божил! Ха-ха-ха! Что ты за человек, Божил! Ха-ха!

Но Главанаков не смеялся. Бледный, сердитый, он пристально глядел под окошко, туда, где надлежало бы валяться брошенному сапогу. Надлежало валяться... Однако сапога под окошком не было.

— Что такое?

Божил схватил спички и мигом вздул огонь в лампе.

— Что такое? Христо, где сапог?

Гм! Не было также и другого сапога. И брюк, залатанных сзади и на коленках, но все еще довольно исправно выполнявших свое назначение, тоже не было. Зато окно было отворено наполовину, а на подоконнике желтела дорожка из подгоревшей махры.

— Украли?

— Украли!

Христо вспыхнул. Огненные слезы обиды сверкнули в его глазах. Да, он готов был вести жизнь босяка не столько из нужды, сколько из категорического нежелания иметь что-нибудь свое, хотя бы лишней носовой платок. Вчера, и третьего дня, и все последнее время ему непременно хотелось довести себя до того, чтобы ничем не дорожить, ни к чему не чувствовать привязанности. И все-таки он никогда не думал, что обидя,

с которой бывает сопряжено насильственное превращение в босяка, переживается столь больно.

— Как же теперь? — спрашивал Главанаков, сразу входя в положение друга с единственно доступной ему стороны. — Как же ты будешь теперь на свидания ходить?

Христо понял: еще немного, и глупец Главанаков поднимет его на смех. Вот уж этого допускать было нельзя.

— Сначала выслушай, — отчаянно крикнул Христо, — а потом бери камень и бей!

И он рассказал Божилу все: о Евтухе и о Лаврике, о Сен-Симоне и о Прудоне...

— Никого не вини, Христо, — удовлетворенно сказал Божил, — ограбили тебя точно по Прудону!

После ранних утренних морозов один за другим вставали светлые дни, и солнце разгоралось сверкающим кружком в безоблачно-синей вышине. Но Христо не мог выйти на улицу — без штанов не выйдешь. Поэтому хлопотал не он, а Главанаков. С полицией удачи не было.

— Турецкий подданный? Булгар?

Для приступа к розыскам участковому приставу непременно требовалась записочка от господина Тошкова. Это ли не зарез! Приютив у себя Христо тайком от господина Тошкова, Божил и помыслить не смел, что могло бы случиться, узнай о том господин Тошков. Хозяин есть хозяин, а приказчик — приказчик. И он с низкими поклонами выполз из облупленного и загаженного полицейского кабинета. Люди шептались в приемной: «А есть-таки место, да еще и под носом у полиции, где просто бывает сыскать воровской след...» Божил наострил уши и выспросил адрес...

Большой четырехэтажный дом, длиной с квартал, упирался тылом в глухой овраг. Две высокие башенки торчали по углам фасада. И над чуланной дверью, которая вела в подвал правой башни, отчетливо поблескивала вывеска: «Евдокия Визенталь, истребительница крыс, тараканов и блох». Запел дверной колокольчик. Божил осторожно спустился вниз. Великое множество полок с расставленными на них разноцветными пузырьками опоясывало стены подвала, громоздясь до потолка. За прилавком стояла немолодая женщина, украшенная пышным коком белых волос. Ее маленькие круглые глазки остро светились под густыми черными бровями.

— Чем могу служить? — вежливо осведомилась она, живо оглядев франтоватую фигуру Главанакова, его щегольское пальто от Вагнера, новенький картуз от Ашкиназера, двенадцатирублевую шаль на плечах и, главное, красивые уски.

С трудом подавляя в себе болезненное чувство неловкости и отчего-то по-детски робая, Божил принялся объяснять дело. Но Евдокия Визенталь не дала ему договорить. Она кокетливо усмехнулась и сказала:

— Какой вы странный молодой человек! Вы очень напоминаете мне моего покойного мужа. Он тоже был иностранец и не имел никакой уверенности в себе. Я много раз ему говорила: «Друг мой, только захоти, прикажи, и все будет сделано».

Божил смущенно развел своими длинными тонкими руками.

— Кому я могу приказать?

— Как? — удивилась Евдокия Визенталь. — А мне?

Она опять усмехнулась, но на этот раз уже не кокетливо, а как-то совсем по-иному — вдруг побагровела и оскалила желтые вставные зубы.

— Мне, мышка, мне... И все будет сделано... Кстати, а не желаете ли вы, друг мой, у меня пообедать?

Страх, отчаянный страх родился в Главанакове, не тот, что в полиции, но другой, гораздо гаже и отвратительнее. Он потянул на себя дверь. Евдокия вцепилась в его рукав.

— Глуый мышонок! — вопила она. — Уходишь от своей киски, за чем? Пусть же твой остолоп приятель, чтобы ему пропасть, сам идет за своими штанами куда хочет. Пусть! Пусть! Not bricht Eisen¹, и ты еще придешь ко мне! Факт, факт!

Но тут Главанаков вырвался из ее рук. Колокольчик звякнул. Дверь хлопнула. И снова божий свет!..

...Когда Божил рассказал о своем приключении Христо, тот сначала молчал, изумленный и подавленный. «Куда же идти мне за штанами?» А потом опрокинулся на постель и задрогал в воздухе смуглыми икрами.

— Знаю, кто украл, знаю! Лаврик! Он!

Ледяной ветер с визгом врывался сквозь щели в дощатый сарай, где лежал на скрипучем топчане Евтух, корчась в припадке удушливого кашля и сквернословия из последних сил. Слепая женщина, похожая на цыганку, сидела в углу на корточках, разводя огонь под кривым таганцом. Огонь никак не хотел разгореться, и вода не закипала. Женщина громко кляла и воду и огонь. Пошарив в темноте, Лаврик выкинул на свет сперва один сапог, потом другой.

— Бери, галман, — злобно сказал он, — надевай, черт с тобой! Для того тебя и обчистил, чтобы ты, такой-сякой, с болтовней своей больше к нам не шатался. Было время — князья, графы за болтовню в Сибирь ходили, а тебя за то мало на Камчатку загнать!

Он еще раз протянул руку в темный угол. Показались штаны.

— Нетленная риза... Держи, тупорылый!

Христо не только не обиделся, но даже не удивился. Могло бы, конечно, обойтись и без брани. Однако... Евтух застонал протяжно и страшно. Лаврик сплюнул.

— Вишь ты как, ровно полугару хватил...

Никто не отозвался. И тут Христо заметил, что лицо у Евтуха красное-красное, глаза смотрят не на свет, а в темь, и кривые пальцы костлявых рук быстро перебирают край укрывавшей его серой дерюжки. Женщина, сидевшая у таганца, — черномазый скелет — страшно замигала пустыми, невидящими глазами.

— Без лекаря не выдюжит, — сказала она.

— А где лекарь?

Уже в сапогах и в штанах, Христо накинул на себя красное байковое одеяло, в котором пришел, и, завернувшись в него, как в плед, был совершенно готов бежать за врачом. Но Лаврик остановил его взглядом.

— Куда? — пробурчал он. — А и помрет, что ж? Самая это вредная штука — жизнь...

Он выбрал поистине неподходящий момент для философствования.

— Почему вредная? — с тоской спросил Христо.

— Потому что не от чего другого, а от жизни умирают люди; живут, живут — да и умирают... Лекарю платить надо. Не то еще и полицию на хвосте приволокет...

Цыганка перестала ломать щепу. Живые круглые ноздри ее остро задыгались, как это бывает только у слепых.

— С доктором поладим, — робко сказал Христо, — сапоги продам и...

— Не надо, — решительно вмешалась цыганка, — есть лекарь — ни денег не возьмет, ни полиции не наведет.

— Где такой?

¹ Нужда железо ломает (немецкая поговорка).

— На Херсонском спуске, к Пересыпи, ляхи живут. Я к ним гадать хаживала. А у них дохтур старенький...

Внимательно прислушавшись, Лаврик кивнул головой.

— Этого можно. Знаю тех ляхов. Девица еще там, brunetочка... У-у-ух!

Глава двадцать восьмая

Рождественский ужин

По старому польскому обычаю рождественский ужинный стол был покрыт сеном, сверх сена настлана скатерть; а по скатерти расставлены блюда с кутьей и бигусом, бутылки с пивом и водкой, тарелки с вареньем под сливками. Мальчик в коричневой шелковой рубашечке с золотым пояском выхватил из сена стебелек.

— У меня стебелек самый длинный, — ликуя, кричал он, — у меня, у меня!

Это — серьезное дело: у кого стебелек длинней, тому и жить дольше.

— У меня! У меня! — кричал Адамчик.

Мать и дочь Рудзиевские были в черных траурных платьях — народбвая жалоба, не снимавшаяся иными польскими патриотками с плеч уже около трех лет. В этом печальном костюме пани Гедвига на редкость торжественно носила свою строгую красоту. Но самое примечательное у нее были пальцы. Далеко не у всех бывают такие необыкновенные пальцы — точные, «умные», все умеющие сделать. Пани Рудзиевская медленно двигалась вдоль длинного стола, неслышно ступая в своих люстриновых башмаках без каблуков и без пуговиц и почти невидимо наводя окончательный порядок в блестящем ужинном убранстве. Гости облюбовывали для себя места. Все это были поляки, утратившие в шестьдесят третьем году родину, — пан Станислав Гржегорж, пан Иозеф Свентославский, отец Эuzeбиуш... Все — братья одной и той же семьи. Но вот наконец пан доктор Богумил Ягницкий — старичок в черном сюртуке, с нашитыми на рукаве белой тесьмой инициалами I. H. S.¹, — уселся, и все принялись рассаживаться, шумно двигая стульями и мягко шурша подметками под столом.

Отец Эuzeбиуш заправил до жесткости прокрахмаленную салфетку за воротник сутаны и плотоядно оглядел маленькими глазками стол. Хорошо! Собрались родаки, чтобы вспомнить прошлое, — как кровь лилась недавно на Краковском предместье в Варшаве, да и по всей отчизне. Словно сейчас видит отец Эuzeбиуш закрытые лавки, подъезды, ворота и такие пустынные улицы, что проедет экипаж — и гул от него, как в тоннеле. Собрались родаки... Вот пан Галензовский, вот пан Снядецкий... Недостает лишь самого хозяина — пана Людвика Рудзиевского, знаменитого столичного адвоката, крупнейшего коневода из Пионтка под Ленчицей, славного борца за счастье родины и горькую жертву ее несчастья. Эх!.. То был человек... А христианин неважный. Не за то ли покарал его господь? Альбо за то, что он из белого стал красным? И это может быть, и это случается... Уж лучше о таких вещах никогда не думать... Под эти невеселые мысли отец Эuzeбиуш опрокинул в себя несколько куфелей «баварчика» и рюмок семь-восемь «горжалки». «Все то было... — думал он. — Ну, а теперь собрались под рождество, и хоть попиваем не старую венгржину и не гданьску вудку, но... Каждый принес, что смог, а смог принести каждый, ибо все это не простые людишки, не какая-нибудь мелкая «застенковая шляхта», которую после восстания высылали из Польши целыми селениями. Все это деятели, крупные патриоты. Пожа-

¹ Иисус Христос Спаситель (лат.).

луй, еще и в истории отыщется для них не одна страничка...» От этой последней мысли ксендз зажегся восторгом. «In secula seculorum...»¹

— Не угодно ли ответить старой вудки назывчайной?

Отец Эuzeбиуш вытер слезившиеся глазки и почувствовал нестерпимую охоту сказать речь. Смущало его лишь одно: за таким превосходным, чисто польским столом присутствовал москаль. Был тот москаль в форме военного врача; привез он из Москвы важные письма пану Свентославскому и радостное для пани Рудзиевской известие о том, что старший сын ее, Шимон, благополучно бежал из тюрьмы и находится где-то на пути между Москвой и границей. Приташил москаль с собой зачем-то рыжего студента, который околачивался у Рудзиевских еще в Варшаве. Все так... Но привычный страх перед военными москалями угнетал отца Эuzeбиуша. А между тем речь его уже была совершенно готова. Ему хотелось начать ее с высоко трагической ноты: «Пусть поле нашей жизни усеяно мертвыми костями...» И вдруг все переменялось. Хватив еще несколько рюмок вудки, оратор вдруг перестал бояться москаля. И уже попытался встать, чтобы... Однако в эту самую минуту пани Гедвига шепнула что-то на ухо Адамчику, и мальчик выбежал на середину комнаты — хрупкий, темно-волосый, с круглыми светлыми глазами. Когда Адамчик читал стихи польски, глаза его пылали и голос дрожал от невидимых слез. Боже, как передается это из колена в колено!

Когда увидишь челн убогий,
Гонимый грозною волной,—
Ты сердце не томи тревогой,
Не застилай глаза слезой!

. . . . .

Нет, лучше с бурей силы мерить,
Последний миг борьбе отдать,
Чем выбраться на тихий берег
И раны горестно считать².

Кто из сидевших за столом не вспомнил в эту минуту славно погибшего за отчизну пана Людвика Рудзиевского? Мир его благородному праху, вечная память героической душе! У деревни Пяскова Скала пропал пан Людвик. Как? А вот уже очевидец раскрыл рот, чтобы рассказать, и гости притаили дыхание, слушая. Да, то было за несколько дней перед тем, как Лянгевич объявил себя диктатором, — первая неделя марта шестьдесят третьего года, когда оружием и войной решалась судьба Польши. Лянгевич благополучно увел тогда войско и сам ушел, но отбить своих пленных у москалей ему не удалось. Так и остались у русских за караулом пан Людвик Рудзиевский с сыном Шимоном и отец Эuzeбиуш. Москали стерегли их порознь: в одном сарае сидел пан Людвик, в другом — Шимон, в третьем — ксендз. И все же довелось отцу Эuzeбиушу увидеть пана Людвика в его последний час...

* * *

Распростертый, изуродованный, скованный смертью, посиневший и похолодевший, лежал около своей могилы пан Людвик. Можно было наблюдать, как гипсовый четырехугольник его губ и подбородка, ровные брови и гладкий лоб с каждой секундой все больше утрачивали свою недавнюю связанность с миром. Сухое и острое лицо смотрело в небо и как бы просило: теперь суди меня. Пока солдаты прилаживались к лопатам, отец Эuzeбиуш сложил на груди покойника его руки и просунул

¹ Во веки веков (лат.).

² Стихотворение А. Мицкевича «Пловец».

между пальцами этих рук слабым огоньком запалившуюся «сретенскую» свечу.

— Господи! Прими душу христианскую!

Никто не помешал совершиться обряду. Ксендз заплакал.

— Невинная кровь оросила белое одеяние твоей души...

Легкая, воздушная, вездесущая и всевидящая истина носилась перед мокрыми глазами отца Эuzeбиуша. Что же эта истина сделала сегодня? Что еще сделает завтра? Хриплый голосина русского майора раскатился по морозу.

— К-кончай! К-клади! З-заваливай!

Солдаты дружно взялись.

— В восемь выступаем, господа! — сказал русский майор, обращаясь к офицерам.

* * *

Уже не раз случалось отцу Эuzeбиушу рассказывать эту страшную историю людям, собравшимся сегодня к ужину в доме Рудзиевских. И не в первый раз слушали его эти люди с неослабным вниманием и горькой тоской в глазах. Но пани Гедвига знала гораздо больше того, о чем говорил отец Эuzeбиуш. Она знала никому не известное — душу своего мужа. Отец Эuzeбиуш только видел, как умер пан Людвик, а она знала всю жизнь покойного — как он пришел к жестокой своей смерти и почему не мог не прийти к ней. Много, очень многое могла бы она добавить к рассказу отца Эuzeбиуша, хотя и не была свидетельницей событий в Пясковой Скале...

Пани Гедвига слушала и думала. Боже, как беззаветно и страстно любила она своего мужа уже и тогда, когда только что стала его женой! Она любила в нем сильного, смелого, красивого человека, воплотившего для нее в себе всю полноту неотразимой прелести настоящего мужского закала на чисто польский лад. Все было в пане Людвике Рудзиевском честно и прямо. Сам он — высокий, с прямым худощавым станом, с прямым носом, с прямым взглядом светлых глаз, с прямым словом, выходящим из-под прямых, ровно подстриженных темно-русых усов, и резкая, глубокая ямка на твердом подбородке. Пан Людвик был смолоду отличным певцом, музыкантом, наездником, стрелком и мазуристом, веселым, простым и любезным поляком, редким знатоком коневодства и деятельным сельским хозяином. Смолоду... А потом начал все дальше и дальше отходить от всего этого. Бросил землю, переехал в Варшаву, стал адвокатом. Утрачивая постепенно свежую близость к природе и непосредственность чувств, делался с годами все самоуглубленнее. Политика заполнила собой его жизнь. И обстоятельства так сложились, что в конце концов он очутился среди главарей Жонда.

Пани Гедвига смотрела на своих гостей. Но черные близорукие выпуклые глаза ее не видели никого, кроме пана Людвика. Это он беседовал сейчас с ней и, по давней своей привычке, тешился выражением печальной строгости, застывшим на ее нежном лице. Траур пани Гедвиги глубок. Даже от двух белых воротничков на ее темном платье отдает монастырем и исповедальней. Нашел же пан Людвик, чем тешиться... Ах, сколько раз предостерегала она его от чрезмерной заносчивости дерзкого ума! Сколько раз пыталась вернуть на смиренный путь простодушия! А кончилось тем, что сама зажглась новым духом свободы и в грозный час самозабвения послала пана Людвика... туда.

Он всегда выглядел очень здоровым. Нельзя было бы, кажется, и подумать, что он когда-нибудь умрет. Но, провозя его, пани Гедвига говорила не о жизни. «Если суждено тебе пасть, — молила она, — умри в благородном бою — грудь с грудью, лицом к лицу...» И пан Людвик умер. «Отчизна, отчизна! Чем вознаградишь ты меня за мужа, которого

я тебе отдала?» Черные глаза пани Гедвиги широко-широко открылись, и со странным чувством неожиданности она прямо перед собой увидела дочь. Евелина одета по-зимнему, в длинное темное платье на вате, — куда-то собралась Евелина. А Шимон? В далеком, неизвестном пути. «Мой дроги младзик, — нет, я еще не насмотрелась на тебя, чтобы потерять, нет, не насмотрелась еще и до сего дня. Сын мой, сын мой! Понимаете ли вы, люди, он сын мой, и его нет со мной!» Звон страдальческих слов наполнял голову пани Гедвиги, и глаза ее были сухи, красны и светились жестким блеском. Потом что-то менялось в них — они становились робкими, безутешными. Но минута слабости проходила, и снова пани Гедвига была, как львица, готовая заслонить собой... кого? Некого, некого было заслонить ей!

Удивительную пустоту чувствовала пани Гедвига вокруг себя. Возникла эта пустота не из одиночества, а из самого ощущения жизни. И потому это была живая пустота, неуловимо вкрадчивая, как жизнь. Плакала пустота, как плачет иногда воздух. Плохо было пани Гедвиге среди людей, сидевших нынче за ее рождественским столом. Она знала: чтобы вырваться из пустоты, надо идти вперед, под ветер, навстречу буре. И хоть подлинного смысла, заключенного в слове «вперед», пани Гедвига не знала, а все же готова была идти вперед, за мужем. Неподдалеку от нее сидел седой человек в чепарке с тонким, побитым оспой лицом. Как и пан Людвик, он тоже был прежде одним из главарей Жонда. Но, в отличие от пана Людвика, — революционером по профессии. Главная разница между ними: пан Людвик видел в революции единственный путь к свободе родины, а для Станислава Гржегоржа революция всегда была целью сама по себе. Пани Гедвига посмотрела на старика, и ей почудилось, что она никогда еще до сих пор его не видала. Он сидел, однурукий, опершись на стол локтем левой руки и прикрыв глаза ее ладонью. Наверно, слушал, что говорилось кругом. Нет, пани Гедвига, вы ошиблись. Словно разгадав последнюю мысль пани, Гржегорж оторвал ладонь от лица. И все, кому хотелось, могли бы увидеть в эту минуту, как полны ярких слез его серые глаза, как дрожит в них горячая влага капель, тяжело скатывающихся вниз, и тускнеет пронзительный взгляд. Нет, Станислав Гржегорж вовсе не слушал, о чем толковали его соседи за столом, — он был занят чем-то другим. Уж не думал ли он о трагической правде, которая так страшно обнаружилась для пани Гедвиги в дни гибели ее любимого мужа? Она вздрогнула.

Вот ораторствует пан Иозеф Свентославский, образец шляхетской любезности и рыцарского кавалерства, — длинная донкихотская фигура с пушистыми сивыми усами и большими глупо-веселыми глазами на сухом аккуратно выбритом лице. Это свой человек в доме Рудзневских. Еще когда пан Людвик уезжал в отряд Лянговича — прощание происходило на крыльце деревенского дома у Пионтка близ Ленчицы, — он показал жене на пана Иозефа Свентославского.

— Это друг нашей семьи, Гедвига. Советуйся с ним почаще!

И, приняв от пана Иозефа тысячу жарких и лстивых поцелуев, шепнул ему на ухо:

— Пули в смоляной бочке под полом. И двухфунтовая жестянка с прусским порохом — там же...

Это было последнее, что дошло до пани Гедвиги из уст ее мужа. И пан Иозеф Свентославский сделался опекуном осиротевшей семьи. В исходе того года арестовали пани Гедвигу с дочерью Евелиной. Отправили их сперва в распоряжение псковского губернатора — из Ленчицы в Псков отправляли по пятницам. А уж оттуда со многими другими — в Одессу, на высылку. Пули и порох пропали в разоренном майонтке; зато пан Иозеф отыскался в Одессе. Общая судьба. И о чем, казалось бы, теперь еще спорить? Между тем спорили...

Пан Иозеф, обряженный в жупан и кунтуш, с крепко зажатой под локтем красной конфедераткой и в галстук с серебряной булавкой в виде одноглавого орлика (он воткнул булавку в галстук, уже сидя за столом, и, воткнув, сейчас же заспорил), кипятился особенно сильно.

— Когда Радзивилл «Пане коханку» бежал за границу, то взял с собой только один червонец, но червонец тот был величиной с колесо!..— кричал он, простреливая своими огнистыми глазами сидевшую напротив пани Гедвигу.

— Не могло того быть, пан Иозеф!

— А я говорю — было! Diavolo! Еще до разбору Польши... в золотое наше времечко. То ли бывало!

— Глупство!

Пан Иозеф сделал вид, как бы не слышал. А может быть, и впрямь не слышал, ибо могучий бас отца Эузебиуша внезапно покрыл собой все:

— Да воскреснет крулевство Польское!

Свентославский живо отозвался:

— Ксендже добродзею! Мои предки по мечу и веретену...!

— Глупство!

«Да кто же это его так отщелкивает?» — подумал доктор Клещев и внимательно огляделся. Разобрать было трудно. Но Люпусу показалось, будто он разгадал кто. Янек сидел рядом с панной Евелиной — рыжий, с короткими волосами, зачесанными назад, с жестким выразительным лицом. Девушка что-то быстро говорила ему шепотом. Он слушал, восторженно на нее глядя, но головой качал отрицательно. «Это Янек обшелкивает дурака Свентославского», — решил Люпус. Старенький доктор Ягницкий медленно поднялся и стоял несколько минут неподвижно, опустив на глаза белые пленки век, точно спящая птица. Затем поднял пленки над неморгающими глазами. И этого оказалось довольно, чтобы стол примолк.

— Друзья мои! — тихо сказал он. — Вы забыли...

Все молчали, пристально глядя ему в рот.

— Вы забыли... Нет у Польши круля. Но есть крулева...

— Кто? Кто?

— Ченстоховская божья мать!..

...Минуту или две никто ни о чем не спорил. Можно было подумать, что и спорить больше не о чем. «Вот он, пустой колокол, — подумал Люпус, — в который по очереди колотят своим праздным языком то Пий Десятый, то паяц-мазурик Наполеон Третий...» Пан Иозеф петухом прошелся вдоль стола.

— Нех жие Наполеон! Виват Виктория!

Кто-то рванулся к фортепьянам. И каждый из сидевших ощутил в ногах краковяк...

...Пан Станислав Гржегорж посмотрел в мутные от старости голубоватые глаза доктора Ягницкого и в порыве неутолимой тоски положил ему на плечо свою единственную руку. Калека жондовец знал, как бесплодны эти сближения, как ненужны идущие из души слова. Но душа говорила за Гржегоржа. Доктор старательно оправил на себе черный сюртук и нервно прошелся желтой ручкой по темечку. Он крепко не любил ни разговоров с Гржегоржем, ни самого инвалида революции. Что-то совершенно непреходимое с давних пор лежало между ними.

— Опять о польском крулевстве, опять о круле, — сказал Гржегорж, — опять шляхетские бредни, опять обман народа... Ведь уж все это было. Шляхта повела за собой революцию. Но серое хлопство не поверило вожакам. Почему? Потому что скверным своим эгоизмом шляхта отбила у него веру в себя. Хлопы не пошли за помещиками. Получилась

¹ По мужской и женской линиям.

дворянская революция, всего лишь дворянская. Но Бурбоны ничему не могут научиться в изгнании. Опять крулевство, опять крули и крулевы...

В Гржегорже не было ровню ничего шляхетского. Доктор Ягницкий хорошо помнил его еще по горячим варшавским дням. Тогда у Гржегоржа были целы обе руки — он потерял правую потом, у Кшивосондза. Доктор много раз видел его впереди манифестаций — небольшой рябоватый человечек, в шинели с откидным воротником и в облезлом меховом картузе. С виду — мелкотравчатый официалист из суда или банка. Но глаза — серые, строгие, как у степного сокола, прозрачные, как воздух в горах. В них-то и было нечто, казавшееся доктору решительно непреодолимым. Их-то он и боялся.

На бледных висках Ягницкого затрепетали синие жилки.

— Бог да простит вас, пан Станислав. В Польше нет дворян, там все равны, и это известно всему свету. В Жмуди тысячи хлопов шли к Сераковскому и Кошышке. Дрались шляхтичи, ксендзы, доктора, студенты, мещане, мужики... Рувность, вольность и неподлеглосць...

Беседа теряла спокойный характер по мере того, как определялось расхождение во взглядах собеседников на трудный вопрос о роли хлопства в революции. Ягницкий старался смазать этот вопрос: дескать, все поляки от князя до мужика составили в шестьдесят третьем году нечто единое — нацию обывателей, сплошную «бюргерию». Но потерянный «шляхетский рай» так и проблескивал в его туманных фантазиях. И Гржегоржу почти вовсе не стоило труда наносить аргументам Ягницкого удар за ударом.

— Даже когда хлопы стояли за революцию, как, например, жмудины в Литве, они делали это вовсе не потому, что желали победы помещикам.

— А почему?

— Потому что раскусили обман крестьянской реформы в России.

— Кто им разъяснил этот обман?

— Разумеется, не помещики...

Беседа шла по такой узенькой колее, с которой не свернешь ни вправо, ни влево, шла на прямоте и на резкостях, на безжалостном выяснении самой сущности разногласий. Пан Иозеф Свентославский, потряхивая громадными сивыми усами, выбирал минуту, чтобы ринуться в бой.

— Какие там помещики! — крикнул он, ложась тощей грудью на стол, чтобы слова его были слышнее. — Да разве вы не знаете, пан Гржегорж, что на похоронах «пяти жертв» граф Анджей Замойский шел под руку с простым хлопом, а? Мы были друзьями с графом Анджеем по Земледельческому обществу в Варшаве. Мы были с ним на ты...

— То есть это он вас «тыкал»...

Люпус не разобрал, кто выкрикнул дерзость. Гржегорж? Нет. «Не Янек ли?» Свентославский побагровел.

— На сентябрьских поминках по архиепископу Фиалковскому в Европейской гостинице мы оба обнимались, целовались, клялись и принимали хлопские клятвы в братской любви, обещания биться насмерть...

Пан Свентославский издал странный звук — точно рыба ударила хвостом по воде.

— Как то было славно! Да что говорить... Я сам носил тогда хлопскую одежду и сидел в костеле рядом с мужиками на одной скамье, рядом сидел, ей-ей!

Тут он ухватился за графин с вином. И доктор Ягницкий воспользовался антрактом, чтобы выпустить заряд собственных воспоминаний.

— Тогда на пасху и на рождество, — мечтательно заговорил он, — во всех дворянских домах Польши слуги и хлопы разговлялись вместе со своими господами. Княжны и графини собственноручно резали на части «свенцоно» и подавали каждому хлопам. Так было в шестьдесят третьем году. Так и теперь. Видите? — обратился пан Ягницкий к Люпусу и по-

казал на панну Евелину, которая действительно протягивала в этот момент тарелку сидевшему рядом с ней Янеку.

— Так ведь это домашний учитель Адамчика, студент агрономии, приятель Шимона Рудзиевского, какой же он хлопок? — удивился Люпус.

— Не хлопок, конечно, — согласился пан Ягницкий, — но... его отец был сапожником с Фурмайской улицы в Варшаве, а дед — крепостным у отца пана Иозефа Свентославского... Таки наделал он во время революции кинжалом своим немало колкустюв. Но, в общем, лобуз¹, самый простой лобуз... И как нехорош!

Люпус посмотрел на Янека. Да, некрасив. Но стоит к нему приглядеться, как тотчас увидишь что-то детское, чистое, простое, не меньше красоты влекущее к себе и слабых и сильных, не радующее только эстетиков, отталкивающее только гордецов...

Между тем пан Свентославский, живо прикончив графин, вновь прилег грудью на стол и хрипло залаял, отбрасывая за плечи мокрые усы:

— А все то из-за гнусных хлопов...

Было видно, как горячая ненависть недавних боев и тяжкая горечь поражений бродили, вскипали в нем крутым хмелем. И толковал он теперь совсем уже не о дружбе с хлопами.

— ...Не хотели кормить повстанцев. У-у-у, халупники, заградники, коморники, батраки, быдло! Я вешал их вниз головой на деревьях, будь они, изменники, прокляты *terque quaterque*².

Тарелка выпала из дрогнувшей ручки панны Евелины и, со звоном ударившись о пол, разбилась на куски. Янек вскочил со стула.

— Кого вы клянете, пан Иозеф?

Звонкий голос Янека волной прокатился по комнате, и Люпусу почудилось, будто от чистой свежести этой волны стало в столовой светлее и ярче.

— Клянете всех, кто живет без земли и работает без денег? Ах, пан Иозеф! Хлоп обойдется и без вашего рукопожатия. Но землей владеть он действительно хочет. Да, той самой землей, на которую лется его пот. За что клянете хлопов? Да ведь сами помещики не принимали их в отряды — боялись: схватит хлопок ружье и пойдет брать землю. Ведь так это было!

Пан Свентославский грохнул костлявым кулаком по столу.

— Молчи, лобуз!

Но Янек и не думал молчать.

— Помещики бунтовали против царя, а хлопы — против помещиков...

— А вы, городские бездельники? Вы, красное дьяволово отродье?

— Мы? За народ! За его свободу!

— Собачья кровь! Да кто же обещал крестьянам землю даром, если не мы, кто отменил все повинности в пользу шляхты, кто...

— Ложь! Ваша ложь!

— Что?

— Да! Сначала отменили, а потом объявили в костелах, что хлопы обязаны платить вам окуп и чинш...

* * *

Странные звуки проникли в столовую. Они слегка походили на знаменитую «кошачью музыку» тех лет, когда варшавские лобузы били стекла в окнах русских прислужников, вышибали рамы из наличников и выпускали пух из подушек. Оживление в комнате стихло, шум смолк. От этого тревожные звуки с улицы стали еще слышнее. Кто-то дубасил в на-

¹ Уличный бродяга (*польск.*).

² Трижды, четырежды (*лат.*).

ружную дверь. Гости испуганно переглядывались. Отец Эузебиуш грузно закопошился, явно намереваясь предпринять что-нибудь необыкновенное. Но тут в столовую вбежала Зося, беленькая дворяночка — покоювка, из тех, которых раньше за провинность секли в отличие от прочих слуг на ковре. Ее тонкие губы растерянно шептали:

— Босяк!

При таком известии сперва один из гостей, потом другой, а за ними все до последнего повскакали со своих мест. Кто-то кинулся к двери. Но на пороге столовой уже стоял черноволосый юноша, завернутый в красное байковое одеяло на манер того, как укутываются пледом. Его открытый, прямой и решительный взгляд был устремлен на гостей. И гости, готовые дружно навалиться на босяка, приостановились.

Христо отлично понимал, что именно думают о нем сейчас эти люди. Думают: вот перед нами босяк, падший человек, которому уже и падать больше некуда. В сущности, они правы. Падать некуда. Но если это так, то всякое дальнейшее движение босяка Христо может быть лишь движением вверх. Только вверх! Следовательно... Христо чувствовал крайнюю необходимость немедленно доказать стоявшим против него настроженным людям, что они в нем очень и очень ошибаются, какими-то двумя-тремя словами сразу разбить их настроженность в прах. Но как доказать? Чем? Он ничего не мог придумать, — это взялось откуда-то само собой, совершенно помимо его мысли.

— Извините, уважаемые господа, — заговорил Христо, — кажется, я напугал вас. Но я вовсе не то, чем кажусь. Я вовсе не опасный человек...

Он обвел своими прекрасными огненными глазами толпу гостей.

— Вероятно, все вы видели на первой странице герценовского «Колокола» слова... Под рисунком — помните? — «Vivos voco» — «Зову живых». И я зову вас, господа. Но... тут другое. Гораздо проще. Умирает больной. А среди вас есть врач, который...

Гости облегченно вздохнули и заулыбались. Теперь они смотрели на Христо уже иначе, чем минуту назад, — настроженность их взглядов сменилась приятным удивлением. Коли босяк говорит о Герцене, да еще знает латынь, то что же это за босяк? Пан Иозеф Свентославский подошел к Христо и спросил с несколько преувеличенной любезностью:

— Пан едзе до Европы?

— Я болгарин, — сказал Христо, — и в Русии совсем недавно...

Лицо, голос, акцент юноши мгновенно воскресили в памяти доктора Ягницкого его недавнюю встречу на улице с нигилистом. Это тот, тот самый... Конечно, тот! Итак, отнюдь не босяк явился сюда звать доктора Ягницкого к больному, отнюдь... Говорит о Герцене, знает по-латыни... Ни-ги-лист! Удрученный открытием, доктор медленно опустился на стул. Кому не известно глубокое предубеждение, с которым он относится к нигилистам? Сегодняшнюю рождественскую ночь он с подлинно христианской радостью в душе провел бы у постели любого бедняка. Но нигилист ничем не может заслужить подобного рождественского подарка — ведь он прежде всего не верит в рождество. Как же быть? Пан доктор подошел к отцу Эузебиушу сзади и незаметно лобызнул его в рукав сутаны.

— Он?

— Он. Боже избави!

Пани Гедвиге Рудзиевской дело представлялось несколько иначе. Она говорила что-то дочери по-французски. Христо не умел объясняться на этом языке, но кое-что понимал.

— Как добр этот юноша, — говорила пани Гедвига, — дай-боже и нашему Адамчику быть таким!

Панна Евелина энергично кивнула головкой, и бледное личико ее порозовело. В этот самый момент Люпус взял Христо за руку.

— Вы пришли за доктором Ягницким?

— Да.

— Не будем утруждать старого человека. Я — вместо него. Идемте. Христо шатнуло при виде русских военных погон. Гости засмеялись. Всех веселее — сам Люпус.

— Я тоже врач, слышите? Врач! Да не бойтесь же меня, черт вас возьми! Я вам говорю: не бойтесь! Идем...

И Люпус двинулся в прихожую отыскивать свою шинель...

...С Херсонского спуска Христо и Клещев свернули в непроезжий глухой переулок, издавна заросший сухим и густым бурьяном. Теперь этот бурьян до половины утонул в снежном сугробе и тихо покачивался поверх него своими растрепанными верхушками. Под лунным светом переулок был похож на длинный глубокий аквариум, полный зеленой воды и от зеленоватости этой мертвый. На пушистом снегу все предметы различались отчетливо. Но выглядели они какими-то грустными-грустными. Было очень холодно. Христо и Люпус дружно одолевали бурьянную заросль.

— Панове, — раздался сзади звонкий голосок, — обождите, прошу вас. Я никак не могу за вами угнаться...

Невысокая и тонкая фигурка девушки в широкополой шубке и с шеншиловой муфточкой в руках явственно обозначилась на сугробе. Панна Евелина спешила изо всех сил.

— Это вы зачем же? — строго спросил Люпус.

— А как вы думаете? — сказала панна Евелина. — Разве помочь больному не лучше, чем слушать бесконечные споры? Да еще в рождественскую ночь...

Рождественская ночь... Как же мог Христо забыть об этом? Вот почему так много гостей в доме Рудзиевских. Рождественская ночь... Это значит, что Христо живет на свете уже ровно семнадцать лет, ибо родился он вечером под рождество сорок восьмого года. Рождественская ночь... Калофер, отец, мать, русоголовая Райна Митева (какой-то она теперь стала?) — все это нахлынуло на Христо, и сердце его забилося и застучало в груди, и слезы выбежали на глаза, и губы зашевелились, чуть слышно выговаривая дорогие имена. Райна... А не помяни сейчас панна Евелина рождественскую ночь, все бы так и осталось. Христо быстро взглянул на девушку. Там, в ярко освещенной столовой дома Рудзиевских, он и видел и не видел ее — там она заслонялась смущавшим его многолюдьем. Здесь — другое. На пустынной улице в зеленом блеске лунного ливня она казалась удивительно ясной, на редкость понятно видимой и совершенно простой. Вот она идет позади через сугробы, наста не тронет — так легка, так стройна, — сравнить ее не с кем! Вот идет впереди, и черная ленточка шляпки вьется над ее тяжелой густой косой. Христо замер...

— Что это с вами? — насмешливо спросил его Люпус. — А? Коли взялись вести, ведите...

* * *

Янек стоял посредине комнаты, высоко подняв над головой сплетенные в пальцах руки, вызывающе рыжий, с обжигающим взглядом круглых желтых глаз. «Сколько противников — все, все!» Доктор Ягницкий — главный.

— Смеешь судить, почему я не пошел с болгаринном? А с каких это пор стал ты, мальчишка, судьей в подобных делах? И кто дал право таким, как ты, говорить...

— Революция, — сказал Янек, — революция, которую мы сделали, она дала нам право...

— Цыц! Вы не сделали никакой революции. Вы погубили нашу революцию. Почему Франция и Англия не помогли Польше? Потому что они видели, как молодое польское мещанство дует в один кулак с Герценом, Мадзини, Гарибальди, с вожаками европейской революции. Во всем виноваты вы, отщепенцы, предатели польского дела!

Янек опустил руки, и они коснулись тонких кудрей Адамчика, тесно прильнувшего к его коленям. Беззащитная детская душа!

— Дайте нам срок, — тихо сказал он, перебирая желтыми пальцами темные кольца волос на затылке мальчика, — дайте время. Мы поднимем другое восстание, и тогда... Но вас, панове, уже не будет в нем!

Доктор Ягницкий икнул, точно его стукнули под ложечку, и отступил назад, ахая и сморкаясь. Тогда пан Иозеф Свентославский сам шагнул к Янеку и с ходу ухватил его длинной рукой за воротник истертого полупальто.

— Пся крев!

— Пан Иозеф! — крикнула пани Гедвига Рудзиевская и хотела заклонить собой Янека. — Ради...

Чем был для нее этот паренек? Живой памятью о варшавском доме, о целой и еще не разрознившейся семье, о муже, о старшем сыне, — он был своим для пани Гедвиги, именно тем, кого хотелось ей сегодня заклонить собой...

Но пан Свентославский находился во власти движения и порыва. Его сивые усы бешено вились за спиной, и весь он, в кунтуше и красной конфедератке с пером, выглядел сейчас таким неудержимым бойцом, что пани Гедвига остановилась. Шляхтич до пяток! Но разве не пану Иозефу поручил покойный пан Людвик судьбу своей любимой семьи? Разве не на него возложил заботы о ней, не его назначил опекуном?

Пани Гедвига отошла в сторону.

— Ванда! — гремел отец Эузебиуш, грозя Янеку салфеткой. — Скиф!

— Да что с ним толковать! — заключил пан Иозеф. — Отправляйся ка отсюда прямо к дьяблу на гербату.

И, рванув Янека за шиворот, вытолкнул его из столовой в темную переднюю.

— Ай! — взвизгнула невидимая покоювочка Зося.

Но пан Иозеф живо распахнул дверь на улицу и, действуя один за четырех, вышиб из сеней Янека Боруту...

...Никто не гнал пана Гржегоржа. Он сам поднялся и, ежась, как на морозе, неловко суя в карман единственную руку, вышел из теплой столовой в пустую переднюю, а оттуда — в холодную ночь. Никто не гнал его. Но никто и не заметил его ухода. И не вспомнил до конца ужина: а куда же девался пан Станислав?

Глава двадцать девятая

«Землеройка»

Глубокий бас Ивана Великого — бас, от которого мороз бежит по коже и стекла дребезжат в рамах, — плыл над Москвой, наполняя и переполняя собой весь город, разливаясь по улицам и набегаая на площади густыми ревучими волнами. Было это в последних числах марта, на пасхальной неделе года тысяча восемьсот шестьдесят шестого, то есть в то самое удивительное время, когда двойное, тройное биение пульса казалось многим людям в России вполне натуральным явлением, температура общественных настроений с каждым днем поднималась выше и трепет

русской жизни становился все лихорадочней и горячеей. Молодежь, собиравшаяся раньше в мебелирашках «Виктория», против Страстного бульвара, сходилась теперь в номерах Кузнецова, на Лубянке.

В небольшой комнате сгрудилось множество народу. Посередине. на деревянном столе, мутно поблескивали бутылки с пивом. Две тарелки — одна с ветчиной, другая с копченой рыбой — распространяли сильнейший аромат, почти совершенно заглушавший стойкие запахи дешевого табака и герани. Косматые гривы, малороссийские рубахи, высокие сапоги и клетчатые брюки — все было налицо, как всегда; и смех и громкий говор тоже. Кое-где по углам обособившиеся пары вели под шумок свою тихую беседу. Со звоном пивных стаканов сливались веселые возгласы пивших на брудершафт. Как и всегда, жизнь утверждалась в радостной свободе, с романтической дерзостью отменялись условности, и гимн разумному эгоизму поднимался ввысь. Не все ли равно: живет человек идеями великого дела или весь отдается простому, но честному и полезному труду? Все равно...

Яростно сверкая очками, Илья Данилыч Рыжов поддразнивал бледную девушку в мордовском белом, вдоль и поперек расшитом красной шерстью, костюме:

— Почтеннейшая акушерка!

Девушка не признавала шуток. Вытянув в нитку сердитый безгубый рот, она с подавляющей серьезностью сыпала в ответ:

— Во-первых, я не акушерка, а еще буду акушеркой и очень горжусь этим, а во-вторых, прошу вас оставить ваши заскорузлые понятия при себе...

Семенце думал: все как всегда, но есть и новое, небывалое. Прежде всего решительность, смелая и отчаянная, похожая на порыв неудержимого ветра, за которым идет буря. Будто обрезаны уже канаты — и корабли на парах. Люди готовы. К чему? К чему, собственно, они готовы? Худой студент в цветной рубахе, с длинной, тонкой шеей висельника, — тот самый тенористый студент, который жил в номерах «Виктория» и неоднократно предоставлял свою комнату для собраний кружка, — уже не читал больше вегетарианских проповедей о пользе естественных наук. И назойливо трескучий голос его не рассыпался в негодующих протестах, когда кто-нибудь из собравшихся позволял себе взять авторитетный тон. Наоборот, студент молчаливо увивался возле явного авторитета — красивого, видного и рослого молодого человека, черноватого, с мягкими и вдумчивыми живыми глазами и с темным, энергически очерченным лицом. Молодой человек почти ничего не говорил. И те, кому случалось оказаться поблизости от него, тоже почему-то сконфуженно умолкали. Было в нем нечто такое, чего не бывало и нет ни в ком другом, — Семенце ощущал это ясно. Но что же это именно такое? Вдруг черноватый человек сказал:

— Эх, кроме сорных трав, на могилах ничего не растет!

И все. Очевидно, он-то и был по преимуществу готов; мало того, что сам готов, а еще и других захватывал своей готовностью и включал в нее. Семенце не ошибался, и подтверждение пришло скорей, чем он мог предполагать. Как только Рыжов прекратил свои шуточки над акушеркой, он сейчас же подобрался к нему и совершенно просто, ничем не аргументируя и ровно ни на чем не основывая своего вопроса, как если бы все уже было ему известно, кроме того, о чем он и спрашивал, проговорил:

— Илья Данилыч...

— Что...

— Когда?

Рыжова ничуть не удивил вопрос. И он тоже очень просто ответил:

— Скоро.

Затем поднял руку, чтобы толстым крючковатым пальцем показать на темнолицего молодого человека.

— Это он.

— Кто?

— Из Саратова.

— Да кто он такой?

Но ни темнолицего молодого человека, ни студента с длинной белой шеей уже в комнате не было. Оба они ушли.

На следующий день рано утром Семенце был у Рыжова. Илья Данилыч оказался угрюм и несловоохотлив. Повторил сказанное вчера. Добавил, что ничего иного не знает, кроме: все случится очень скоро, и зависит это «все» от саратовца. Добавил и еще: остановился саратовец у «землеройки» — так называли теперь студента из мебелишек «Виктория» за образцовое конспиративное поведение. А затем смолк, как пень, и только поглядывал или в угол, или на поднос с бутылкой и двумя бубликами. Что оставалось делать Семенцу? Он долго не думал. Кинулся с Остоженки на Страстной бульвар — к «землеройке». Шагал крупно и размашисто, подгоняя себя нетерпением. И все ему казалось, будто драгоценнейшее время уплывает из-за медленности хода. Чтобы убыстрить шаг, Семенце намечал впереди фигуру человека, идущего в одном с ним направлении, и до тех пор «нажимал», пока не обгонял конкурента. Так промаршировал он по всем переулкам до Арбата. Очутьившись на площади, опять наметил впереди живую точку для обгона и, бойко припустив за ней, враз настиг... Каравелова.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте!

— Куда?

— На Страстной. А вы?

— Тоже.

— Гм...

Какой-то клапан внезапно открылся в груди Семенца, и радостным предчувствием наполнилась его запыхавшаяся грудь. «Поднадзорный болгарин... Бывает у Рыжова... Спешит на Страстной... Ей же богу,— к «землеройке»... Однако Семенце держал язык за зубами: через четверть часа всё выяснится само собой.

С Арбатской площади они пошли вместе, согласно топча сверкающую слякоть залитых солнцем тротуаров и беседуя о том о сем. Каравелов нравился Семенцу. Собственно, лишь сегодня он как следует разглядел его. Каравелов был брюнет с правильными чертами лица и тем особым выражением приятной смысленности, которое даже некрасивого мужчину делает привлекательным. Бородка его чрезвычайно круто завивалась, и это придавало ей странную неподвижность, словно она была сплетена из проволоки. Одет был Каравелов в приличное пальто и носил недурную кастровую шляпу. Прошло уже девять лет с тех пор, как он приехал в Москву и поступил вольнослушателем на историко-филологический факультет здешнего университета. За это время он совершенно осмотрелся и акклиматизировался в Москве. У него были все привычки вполне культурного человека — он интересовался наукой, международной политикой и просто городской жизнью. Рассказывали, будто Каравелов и кутнуть не прочь. Невзирая на свою поднадзорность, он, как рыба в воде, плавал среди московских либералов, знакомился с ними, сходил на короткую ногу, вступал в дружеские личные отношения. Семенце ничего этого не знал, но и узнав, не очень бы удивился. В сегодняшней странной, будоражной, сверкающей необыкновенными надеждами день все представлялось Семенцу легким, простым и доступным.

Многое из того, что казалось ему раньше в Каравелове несимпатичным, сегодня нисколько не смущало — так хотелось ему выйти мыслями из тоскливой самоуглубленности на широкий вольный свет. Общаться с человеком хоть и близким, но совершенно иным, было как-то и радостно и весело.

Они шли, согласно разговаривая о разных безобидно умных вещах, и курили совершенно по-русски, то есть спеша, задыхаясь, папиросу за папиросой и оставляли за собой струйки чистого синего дыма.

— Человек обречен на горе разочарования и на потери из-за своей любви к людям и знанию, — говорил Семенце. — Допустим, я, тутошний московский Франклин, побываю в Париже и Лондоне. Допустим, залечу в воздушном шаре на полюс, покочую с самоедами, докажу, наблюдая спутников Юпитера, что земные сутки удлинятся. Хорошо. А что дальше?

— Да чего вы хотите? — с любопытством осведомился Каравелов.

— Надо сжечь себя в струе кислорода, — убежденно сказал Семенце и, подумав, добавил: — вот как тот, саратовский, к которому мы идем. Он сожжет...

— Что?

Голос болгарина дрогнул, и Семенце удивился, поняв, что согласное течение их беседы подорвалось.

— «Саратовский»? Да я и не знаю такого. Я иду по своим делам, а вовсе не к сара...

Но Семенце сдался не сразу. «Хитрит», — подумал он и спросил:

— По каким же это вы делам шлепаете?

— А вам на что?

Они стояли на перекрестке Страстного бульвара и Дмитровки, у большого серого, как видно, весьма комфортабельно устроенного дома. Каравелов походил на рассерженную черную кошку. Впрочем, он с каждой секундой овладевал собой и вскоре заговорил медленно, явным образом выискивая и подбирая средне-взвешенные слова:

— Понимаю вас, молодые люди. Да, конечно, очень мучительны сменя культуры, цивилизаций... И логика романтической идеи подсказывает: будь героем, будь мучеником, если уж это так надо. Только...

На миг Каравелову очень захотелось сказать что-то свое, душевное. Но осторожность возобладала, и он не сказал решительно ничего своего.

— У Добролюбова есть замечательные на сей счет мысли (Добролюбов мог сам за себя ответить), в высшей степени замечательные...

— Например?

— Например: «Самодура повалить легко, но повалишь ли этим самодурство?»

Теперь очередь вздрогнуть была за Семенцем. Как, неужели болгарин намекает на то, с чего начнется? И саратовец «это» начнет? Он вспомнил лицо, фигуру саратовца и понял: начнет. Вот оно — сжечь себя в струе кислорода... И Семенце рванулся, побежал почти рысью, далеко выбрасывая вперед длинные сильные ноги, — ему не терпелось как можно скорее увидеть саратовца, услышать его голос, поймать хотя бы один вздох его героической души.

А Каравелов стоял и смотрел вслед быстро удалявшейся высоченной фигуре. Вот уж не думал он ни на что намекать! Однако разговор с полоумным студентом чрезвычайно взволновал его и расстроил. Сомневаться больше не приходилось: Рыжов лгал, говоря, что ничего нет. Есть, есть! Только Рыжов боялся сказать об этом Каравелову. Почему боялся? Очевидно, не верил, что Каравелов может сжечь себя в струе кислорода. Может или не может? Да, может. Но только совершенно

независимо от бешеной русской революции. Настоящие дела делаются руками спокойных, рассудительных, очень умных людей. Прав Добролюбов: самодура легко повалить, но это еще не конец самодурства. Главное в том, что Каравелова ждет Болгария. Именно отсюда, со Страстного бульвара, открывается ему путь на родину. К черту московских и саратовских параноиков, к черту!

Каравелов поправил шляпу, платок на шее и твердым шагом поднялся на подъезд: «Редакция газеты «Московские Ведомости». Арендаторы-редакторы М. Н. Катков и П. М. Леонтьев». Он дернул за ярко начищенную медную ручку звонка. Дверь приоткрылась и зорко прищурилась.

— Михаил Никифорович принимает?

— Пожалуйте-с!

Когда Семенце постучался в дверь, «землеройка» артистически резал на камне с помощью обыкновенного шила печать для подложного паспорта. Мгновенно смахнув свою мастерскую в ящик открытого стола, «землеройка» задвинул ящик и вскочил на ноги.

— Входите!

Но дверь была предусмотрительно заперта.

— Уж вы меня извините...

Семенце вошел. Стены номера были оклеены грязными и рваными обоями в желтеньких цветочках. Доски некрашеного пола гнулись и скрипели. В углу валялся топор; возле корзины с угольями стояло жестяное ведро. Саратовца в комнате не было. Вместо него у окна сидела сердитая акушерка — та самая, над которой издевался вчера Рыжов, — с угрюмым и строгим взглядом исподлобья.

— Товарищ Захар, — обратился к ней «землеройка», — прошу вас, оставьте нас вдвоем.

Акушерка встала и вышла, не прощаясь.

— Очень рад, что вы здесь, — сказал «землеройка» Семенцу, — нам с вами давненько уже надо было бы потолковать. Конечно, товарищ Захар — не помеха, она достаточно осведомленный человек. Но... это полезно для дисциплины.

«Землеройка» явно лез в авторитеты и даже в начальники. Тенористый голосок его рассыпался, как горох по жесткой бумаге, потрескивая и пощелкивая в глотке. Конспирации, консультации, бессонные ночи, переговоры, договоры, симпатические чернила и условные сигналы так и мелькали в его речи, бесконечно перемежаясь и обгоняя друг друга.

— Мало ли что бывает, — трещал он, — вот, например, Чумаков целых две недели жил за квартал от меня. Но «держал карантин» — носу не показывал на улицу, и я его нигде не встречал. Кого ни спрошу, где Чумаков, никто знать не знает. Наконец вижу: единственный способ установить адрес Чумакова — ехать в Киев к одному тамошнему товарищу. Делать нечего. Съездил, вернулся в Москву и через квартал от «Виктории» нашел Чумакова здрава и невредима...

Семенце уловил подходящий момент и спросил:

— А где?..

— Кто? Чумаков?

— К черту вашего Чумакова! Я спрашиваю...

— Про?..

— Да.

«Землеройка» тихонько свистнул.

— Опоздали. Ночью уехал в Питер.

Семенце еле на ногах устоял.

— Уехал? Да как же...

— Сел в поезд и уехал. Ничего особенного. То есть это мы, руководители, так думаем, что ничего особенного. Он нам слово дал, что вер-

нется. Больше сказать не могу. И так уж... Да-с! Надо смотреть вперед. Очень важный вопрос — заговорщицкая типография. Ведь вот вы, поди, в таких делах, как дитя малое. Немыслимо! Знаете что? Пойдемте-ка сейчас по городу...

— Зачем?

— Я вам покажу кое-что. Заранее мною отобранные и изученные магазины, проходные дворы. Покажу лестницы с выходом на разные улицы. Идемте!

— Зачем же он все-таки уехал в Петербург? — задыхаясь от волнения, спросил Семенце. «Топографическая» трескотня «землеройки» проскочила мимо его ушей. — Зачем уехал вдруг, сразу?

В комнату, не постучав, вошла акушерка и снова села на стул у окна. Не отвечая Семенцу, «землеройка» наел на нее.

— Что же с вами делать, товарищ Захар? Обычного книжного шрифта не разбираете за аршин. Покупайте очки!

Акушерка вздохнула.

— Доктор запретил очки. Говорит: ослепну.

— Тогда не смейте на конспиративную квартиру ходить! — яростно протрещал «землеройка». — Немедленно: очки или пенсне!

Семенце выбежал из номера в коридор и так размашисто пустил за собой дверь, что дрожь прошла по всей «Виктории», отозвавшись легкой осыпью потолков и стен даже в самых отдаленных ее углах...

* * *

Бежали ручьи. Скворцы заливались в высоких деревьях. Весна колесила и, куда ни глянь, вертела по-своему. Густой теплый дух двигался стеной. Еще и зелени не было, а уже чуялось, как выпирает из деревьев свежая зеленая сила, как выбивается она наружу из-под мокрой, тяжелой земли. На дворе Савельева дома, оседлав передок разобранной для починки телеги, сидели двое — Семенце и старый хозяин. Говорил Савелий, Семенце слушал. Никогда еще согбенный Савелий не прямился так стойко и не махал кулаками, тряся редким клинышком козлоподобной своей бороды.

— Как в нужде кто побывал, тот много узнал, — точно выплевывая он одно за другим злые слова, — нигде суду нет, везде отказ. Куда ни кочнись, везде предупреждоно. Я не про себя — меня не больно укусишь. А из других бывают — ложись помирай. Разве в России жить можно?

И сам себе отвечал с выражением непоколебимой твердости:

— Нельзя жить. Никак. Тут один вопрос: куда? И другой еще: на обман лутче идтить или по-божьи лутче?

— Как же ты решил? — с величайшим любопытством спросил Семенце.

На одно короткое мгновение Савелий воткнул прямо в него свой сердитый взгляд. Но тотчас же опустил и глаза и голову, сгорбился, перегнулся в поясе, съежился и замолк.

В широкой печи, уставленной горшками, ярко пылали дрова. Укачав близнецов, молодая Кирюхина жена бойко постукивала по поду ухватом, переставляя горшки с огня на огонь. Перед глазами Базникина дразняще поблескивали ее круглые белые локти. В глубине души Базникин всегда

считал, что хорошо жить — это значит хорошо есть, пить и пользоваться в свое удовольствие приятным женским обществом. Жизнь в доме Савелия Титова он был доволен. Хоть пил-ел и не больно сладко, но в женском обществе Кирюхиной молодухи находил для себя полное удовольствие. Базникину и на мысль не шло завладеть ладной бабочкой. Где ж? Кирюха был в силе, в цвету, в красе. Близнецы вязали жену с мужем крепче узла морского. И все-таки чуялось Базникину еще что-то, только не понять что. Будто свежим весенним ветром выметало из его памяти бледный образ вертлявенькой Кати. А красавица здешних мест знай себе посмеивалась, да поглядывала тишком на слесаря, да, невеста чего застыдась, вдруг отвертывалась, да такую всем этим наводила на него охоту ласкаться и любить, что так бы и рванулся, и прижал, и расцеловал всласть. Сердце? Гм... А что есть сердце? Однажды Базникин задал этот вопрос своему всезнающему другу, ученому Семенцу. Тот усмехнулся и сказал:

— Сердце? Это, брат, полый мускул, разгоняющий кровь вверх и вниз по человеческому телу. Никакого другого сердца нет.

Так сказал Семенце: для любви сердца нет. И вот сейчас, пока Кирюхина молодница орудовала у печи, Базникин лежал на полатах, свесив лохматую голову, жадно следил за каждым ее движением и с блаженным удивлением прислушивался к звонким ударам своего неугомонно волнуемого сердца. С чего же бы сердцу бултыхаться, замирать, коли оно всего лишь полый мускул? Лихо дело... Но, чтобы не прознала, спаси бог, о деле том хитрющая молодуха, Базникин старательно прикидывался философствующим простецом.

— Пришел сон из семи сел, пришла и лень из семи деревень...

У печи странно хлопнуло. Еще и еще раз... Что такое? Длинный ухват вырвался из сноровистых бабьих рук, ударился о пол, подскочил и повис, зацепясь железной рогулькой за скамью. Пятнистый суровый передник прильнул к румяному лицу хозяйки, и неумелый, грудной и захлебистый, горький плач ее наполнил собой избу.

— Мотя! — крикнул изумленный Базникин. — Чего ты, а? Сталось-то что?

От явной тревоги и нескрытой нежности его вопросов Мотю вовсе растопило в слезах. Не раз и не два пыталась она вымолвить словцо, а оно не молвилось. И немало еще понадобилось времени, чтобы, громко отстукивая под передником зубами, смогла наконец Мотя протянуть:

— Ж-жа-алко!

— Кого?

— Вс-сех!

Базникин махом слетел с полатей.

— И с чего?

— Уезжаем, — рыдала Мотя, — бес несет...

Базникин уже стоял рядом и допрашивал:

— Погодь, не реви... Толком скажи: кто куда едет?

— Свекор...

— Ну?

— Из Расеи подаваться решил...

— Ну?

— К староверам на Дунай...

— Пес с ним!

— Да он нас берет...

— Ну?

— С со-обо-ой!..

Базникин отступил от Моти.

— Штуковина! — угнетенно пробормотал он. — Эк что надумал старый черт, притка его задави!

Он медленно нагнулся и поднял оброненный Мотей ухват. Мотя плакала. Слесарь стоял возле нее, опустив на грудь взлохмаченную черную голову и тихо поглаживая грубой ладонью белое и гладкое тело ухватины...

(Окончание следует)

В. ГОФФЕНШЕФЕР

★

РАССКАЗЫ КРИТИКА

Это рассказы о жизни, написанные литературным критиком вместо статей о книгах.

Люди и факты, о которых идет речь в этих рассказах о войне, не выдуманы. Автор лишь стремится повествовать о них так, чтобы ясен был и жизненный и эстетический смысл события, свидетелем или участником которого он был.

ДЕВОЧКА И СОЛДАТ

Город умирал, как человек, которого четвертуют. Каждый раз, когда мне доводилось приезжать с фронта в прифронтовую Керчь, я вместо знакомых улиц и кварталов находил все новые и новые руины. После того как наши армии и флот под новый, 1942 год смелой десантной операцией вышвырнули немцев с Керченского полуострова, гитлеровцы стали вымещать свою злобу на только что освобожденном городе. Сначала была разбомблена набережная, потом разрушены главные магистрали, по которым двигались к фронту подкрепления, переправляющиеся через Керченский пролив, а потом началась бесприцельная бомбардировка всего города.

Весной, когда переменчивая пасмурная погода сменилась ясной, бомбардировка усилилась. Вражеские самолеты появлялись над городом по многу раз в день. То они на небольшой высоте стремительно налетали со стороны моря, то терялись высоко в сияющем весеннем небе, в ослепительном свете солнца. И тревога обычно объявлялась с запозданием. Услышав вой сирены или стрельбу зениток, люди устремлялись к горе Митридата, чтобы укрыться там в старых пещерах и катакомбах.

Приехав в один из таких тяжелых мартовских дней с фронта в Керчь, я неожиданно заночевал у товарища, которого давно не видал. Он был поэт и работал во фронтовой газете. Жил он в Кооперативном переулке, в нижнем этаже старого двухэтажного дома. Вход в квартиру был со двора, и состояла она из кухни, служившей одновременно и столовой, и комнаты, в которой разместились мой товарищ и его сослуживец.

Когда мы проходили через кухню, я при свете спички увидел кровать и свернувшуюся на ней под серым одеялом фигурку.

— Наша хозяйка,— сказал шепотом товарищ и пошел на цыпочках.

Когда мы вошли в комнату, он продолжал:

— Ей только двенадцать лет. Отец на фронте, а мать на оборонных работах.— И он рассказал, как одинокая девочка мужественно переносит все трудности, обрушившиеся на нее...

В последний раз мы виделись с товарищем в 1939 году, когда встретились в Киеве, куда приехали на шевченковские торжества. И сейчас мы стали вспоминать о тех днях, оставшихся в памяти на всю жизнь. В те дни мы наглядно увидели, что означают слова «народный поэт». Мы вспомнили о поездке в Канев, о митинге на могиле Шевченко, куда из ближних и дальних колхозов пришли и приехали тысячи колхозников, о том, как все они — и старики, и молодые, и дети — запели «Заповіт» и как торжественно звучал этот многотысячный хор на высокой горе над Днпром. Я напомнил о молодой колхознице с ребенком на руках, стоявшей около памятника Шевченко. Она глядела на памятник, пела шевченковскую песню, и в ее глазах блеснули слезы. И было жаль, что никто из писателей и художников, присутствовавших на митинге, не запечатлел эту

фигуру у памятника поэту. Скромная и неожиданная, она как бы воплощала любовь освобожденного народа к тому, кто своими песнями призывал к борьбе за свободу.

В связи с этим воспоминанием возник разговор о способах выражения больших чувств. Речь зашла о том, что вот сейчас, во время войны, такие высокие явления и понятия, как героизм или народный характер нашей борьбы против фашистов, не всегда предстают перед нами в ярком внешнем проявлении. И мы говорили о том, что писатели и журналисты часто или останавливаются только на том, что выглядит эффектнее, или стараются заменить отсутствующую внешнюю выразительность громкими словами. Из-за этого мы нередко проходим мимо изумительного повседневного проявления великих чувств, которыми живет народ, таких проявлений, где на первый взгляд, казалось бы, ничего примечательного и нет, но в которых часто скрывается нечто более глубокое, чем в эффектных поступках и громких словах.

Я не запомнил дословно хода этого разговора, но он был интересен и, главное, нужен, так как имел непосредственное отношение к нашей работе в армейских и фронтовых газетах.

Помню только, что в конце разговора мой товарищ со вздохом сказал:

— Ох, как это трудно! Ведь каждый из нас мечтает именно так и написать о жизни. Но попробуй увидеть это «необыкновенное обыкновенное», когда кругом столько совершенно необыкновенного!..

...Заснули мы поздно. Когда я утром проснулся, в комнате никого не было. Товарищи ушли, решив, по-видимому, меня не будить, чтобы дать возможность отоспаться. Двери были широко распахнуты, и, лежа в затемненной комнате, я хорошо видел, что происходило в кухне.

Я увидел там девочку и вспомнил все, что вчера мне было рассказано о ней. Но вид ее — худенькой и бледной, в старенькой пикейной пионерской панамке на коротко остриженной русой голове — рассказал мне больше того, что я о ней слышал...

* * *

Девочка стояла у плиты и глядела на кастрюлю, в которой варился ее скудный завтрак.

Да, отец был на фронте, мать — на оборонных работах. Она осталась одна. И хотя ей было всего двенадцать лет, она чувствовала себя хозяйкой и вполне исправно выполняла свои обязанности по дому.

Во время воздушных тревог, когда вой сирен и пальба зениток возвещали о налете вражеских бомбардировщиков, она оставалась в квартире. Она брала пример с военных, которые почему-то считали зазорным укрываться в убежище. Кроме того, ей надоела эта по десятку раз на дню повторяющаяся паника.

Молчаливая, бледная, с припухшими глазами и строгим лицом, она стояла у плиты. Ее подбородок покоился на кулачке правой руки, которая опиралась локтем на ладонь левой. Маленькая фигурка ее слегка покачивалась из стороны в сторону. Девочка о чем-то напряженно думала и изредка глубоко вздыхала. Иногда она словно спохватывалась, поднимала крышку кастрюли, помешивала похлебку, ударом о ребро кастрюли отряхивала ложку и опускала крышку. Потом снова, подперев подбородок кулаком и покачиваясь, задумывалась.

Из этого оцепенения ее не вывел даже вой сирены. Лишь когда забили зенитки, она подняла голову и поглядела на заклеенное бумажными полосками окно. Потом она снова уставилась на свою кастрюлю. А когда раздался свист бомбы, девочка только втянула голову в плечи, крепко зажмурилась и, казалось, всем личиком своим, всеми морщинками, образовавшимися на нем, прислушивалась к этому зловещему свисту... Бомба разорвалась далеко. Девочка открыла глаза, вздохнула и, вздыхая, прошептала: «Ой, мама!»

...Когда воздушный налет кончился, отворилась дверь и в кухню вошел боец. Он перешагнул через порог и, увидев у плиты девочку, остановился.

— Здравствуй, дочка! — сказал он. — А хозяйка где?

Девочка безразлично посмотрела на него, снова повернулась к плите и равнодушным голосом — потому что на этот вопрос ей, по-видимому, приходилось отвечать по многу раз на дню — ответила, что мамы в городе нет.

— Так, — сказал солдат. И, выждав немного, спросил: — А передохнуть у вас часок-другой можно будет?

Девочка кивнула головой и, все так же задумчиво глядя на кастрюлю, очень тихо ответила:

— Можно.

Солдат снял со спины вещевой мешок, скинул шинель и, сев на стул, начал скручивать сигарку.

Девочка ни о чем его не расспрашивала. Она и так знала, что он шел с переправы на фронт и что он устал, как шли с переправы и уставали другие бойцы, которые останавливались до него на отдых в ее квартире.

Она налила воды в большой медный чайник и, поворошив в конфорке уголь, поставила чайник на плиту. Потом она постлала на стол скатерку, поставила солонку, две тарелки и положила две ложки.

Солдат курил и смотрел, как она хозяйничает. Она налила воды в умывальник и сказала:

— Умойтесь, дяденька!

— Вот это ты хорошо придумала, — похвалил ее солдат.

Он вынул из мешка мыло и полотенце и, сняв гимнастерку, стал умываться. Пока он стучал стерженьком умывальника, она сняла с плиты кастрюльку и налила похлебку в тарелки.

— Кушайте, пожалуйста, — сказала она солдату, когда тот кончил утираться и надел гимнастерку.

— Ты что же это, дочка, себя обижаешь! — сказал он, взглянув на тарелки. — У солдата есть чем подзаправиться.

Он извлек из своего мешка полбуханки хлеба, кусок сала и несколько кусочков сахара.

— Значит, меню у нас на сегодня будет такое: первое — суп изчегонезнаю, второе — сало украинское с хлебом, третье — чай с сахаром. А ты говоришь!..

Девочка улыбнулась краешком губ, чтобы серьезным лицом не обидеть хорошего человека, который хотел ее развеселить.

Они ели молча. Только когда солдат увидел, что девочка не ест ни хлеба, ни сала, он стал уговаривать ее, чтобы ела. Но она отказалась и взяла лишь кусочек сахара.

После еды солдат снова закурил, а она стала мыть посуду.

— Так одна и хозяйничаешь? — спросил солдат.

— Одна, — ответила девочка.

— А папа где?

— На фронте.

— На каком?

— Не знаю. В начале войны написал полевую почту, чтобы письма посылать. Мы с мамой написали письмо, потом еще одно, и третье написали, а ответа так и до сих пор нет...

— Так, — произнес солдат и опустил глаза. — Почта, верно, шалит. Бывают такие случаи... А папа у тебя молодой?

— Такой, как вы, даже немножко вы похожи на него, — сказала девочка и, снова чуть-чуть улыбнувшись уголком рта, смутилась. — А у вас дома дети есть?

— Нет, — ответил с грустью солдат, — нету у меня детей.

Уловив в его голосе грусть и спохватившись, не задала ли она неуместный вопрос, девочка решила исправить свою оплошность.

— Это, может быть, даже к лучшему, — сказала она, — с детьми сейчас трудно! — С этими словами она перекинула посудное полотенце через веревочку, протянутую над плитой.

Солдат, почувствовав, что девочка сказала эти чужие слова, чтобы утешить его, улыбнулся. Склонив голову набок и ласково глядя на девочку, он сказал:

— Трудно, говоришь, с детьми? Скажите, какая старая!.. А самим-то детям как, не трудно? А, дочка?

— Трудно, — тихо ответила девочка.

Солдат перестал улыбаться и задумался.

Молчанье прервала девочка.

— Дяденька,— сказала она,— может, голову хотите помыть? Тогда я чайник налью и поставлю на плиту. У меня дождевая вода есть.

— Спасибо, дочка,— сказал солдат, рывком встав со стула. — Конечно, хорошо бы помыться, да некогда, скорей мне надо добраться до фронта.

Он быстро надел шинель, застегнул ремень и стал натягивать на плечи лямки легкого мешка. Заметив, что девочка глядит на его спешку с недоумением и сожалением, он сказал:

— Ничего не поделаешь, брат, — воинская дисциплина! К тому же дело там у меня спешное имеется. Серьезное дело, дочка, — добавил он твердым голосом. — Ну, прощай... А как тебя звать-то, я и не спросил.

— Шура. А вас?

— Дядя Миша, Михаил Степаныч.

— До свидания, дядя Миша, счастливого вам пути!

— Прощай, Александра. Прощай, хозяйюшка! Держись, дочка!

И, крепко пожав ее маленькую огрубевшую руку, солдат ушел.

Девочка некоторое время продолжала глядеть на закрывшуюся дверь. Потом она вынула из шкафа какой-то лоскуток, вдела нитку в иглоку и нагнулась над шитьем.

* * *

...Вечером того же дня я уезжал обратно на фронт. С товарищем мне довелось увидеться только перед самым отъездом. Прощаясь с ним у входа в катакомбы, где размещалась редакция и типография фронтовой газеты, я напомнил ему о вчерашнем разговоре и сказал, что сегодня утром я, кажется, увидел то «необыкновенное обыкновенное», о котором мы говорили. Но рассказать ему, в чем было дело, не смог, — и не только потому, что меня торопил шофер попутного грузовика, но и потому, что очень трудно было так вот просто рассказать об этом. Уже стоя в кузове машины, я крикнул ему:

— Спросите у Шуры. Пусть она расскажет вам, о чем разговаривала сегодня утром с бойцом!

Вся наивность этого моего совета стала мне ясна лишь тогда, когда через несколько дней я получил от товарища письмо, в котором он сообщил, что до сих пор так и не понял, о каком случае я говорил. Он спросил у Шуры, что произошло утром. Она ответила, что ничего не произошло, только заходил один дяденька военный, посидел немножко и ушел, он очень торопился. Когда товарищ спросил, не рассказывал ли что этот боец и о чем они разговаривали, Шура ответила, что ничего не рассказывал и что ни о чем таком особенном не разговаривали:

— Ну, спрашивал, где мама, где папа,— все так спрашивают. Я ему сказала. А потом он ушел...

Прочитал я это письмо и понял, что случай, о котором идет речь, относится к числу тех, смысл которых становится ясным лишь тогда, когда видишь происходящее собственными глазами, и что никакими расспросами и пересказами здесь делу не поможешь. И как я жалел, что моему товарищу поэту не пришлось видеть и слышать того, что увидел и услышал я!

„ЯЗЫК НАТЮРЕЛЬ“

Развернув фронтовую газету, я нашел в ней очерк о том, как мы форсировали Сиваш. От этого события нас отделяло всего несколько месяцев, но время тогда летело быстро, и очерк уже звучал как произведение историческое. И, читая это произведение, я с удивлением отмечал, что событие, о котором рассказывается в нем, описано повышенным языком легенды. Так, описание перехода через Сиваш начиналось словами: «Воины генерала Неверова ринулись в клубящийся туман».

Это звучало романтически.

Закрыв глаза, я пробовал представить себе картину, которую напишет по этому очерку живописец будущего... Пустынный обрывистый берег, генерал, простерший руку вперед, солдаты, устремляющиеся в клубящийся над Сивашем туман. То, что туман клубился, придавало картине величественную силу и движение... Да, а вдруг и на самом деле так и будут изображать все это через десятилетия! Романтическая легенда складывалась на наших глазах. «Воины ринулись в клубящийся туман».

Но сейчас эти воины, вместе со мной прочитавшие газету, обиделись. Они были оскорблены тем, что ради красивого образа очеркист умалил их героизм. А героизм их заключался не только в том, что они форсировали Сиваш, но и в том, что они форсировали его в ясное утро, когда в любую минуту на них могла обрушиться вражеская авиация. Никакого тумана не было. Погода была настолько ясная, что наши разведчики, которые ночью скрытно переправились через Сиваш и захватили охранение противника, теперь сигнализировали с противоположного берега, с расстояния в три километра, дымовыми шашками.

Кроме того, «ринуться» в Сиваш мог только самоубийца. «Ринувшись», он смог бы перейти Гнилое море с таким же успехом, как муха переползти через лист липкой бумаги. Под водой нога ступала на хрупкую желтую корку спекшегося ила и — я сам это испытал — при неосторожном или резком движении проваливалась в глубокую тину, в черную, как вакса, вязкую грязь. Солдаты брели через Сиваш, как в замедленных кинокадрах. И в этом — при угрозе бомбежки и артиллерийского обстрела — было нечто более героическое, чем во внешне эффектном стремительном броске.

Легче изучать легенды, чем присутствовать при их зарождении, когда творимое дело еще живо и красота вымысла еще находится в противоречии с подробностями события. Различны пути зарождения легенды: одни люди хотят возвеличить подвиг, другие — рассказать о нем так, чтобы интересно было слушать.

И в связи с этим я вспомнил о случае, не столь романтическом, как легенда о Сиваше, но не менее поучительном.

* * *

Весной 1943 года наша армия, проделав большой и славный путь сталинградского наступления, остановилась на донбасском рубеже. Линия обороны проходила по каменным кряжам и зеленым балкам. Немцы закрепились на господствующих высотах. Оборона — и с нашей и с немецкой стороны — была жесткой и труднопроницаемой для разведки. Между тем чрезвычайно важно было раздобыть контрольного пленного. После сталинградского разгрома противник пытался привести себя в порядок, и важно было знать, какие части стоят против нас, расположены ли здесь старые дивизии, с которыми нам уже приходилось иметь дело, какие дивизии переброшены сюда с Западного фронта. Кроме того, требовалось выяснить ряд вопросов тактического характера, касающихся системы вражеской обороны.

Так как «язык» требовался незамедлительно, а раздобыть его было трудно, командующий армией обещал за первого «языка» орден Красного Знамени.

Поэтому понятны и то нетерпение, с каким мы ждали сведений о работе наших разведчиков, и тот эффект, который был произведен нашим корреспондентом Сашей Г., когда он ворвался в хату, где разместились армейская редакция, с возгласом: «Какой материал! Ах, какой материал!»

Саша принадлежал к числу журналистов, работающих с душой. Он был настоящим советским «газетчиком», который чувствует себя не наблюдателем событий, а их участником. Человек горячий, он увлекался людьми и событиями, которые описывал, и переживал блеснувшую на его пути крупницу живой жизни так, как будто это было творением его собственных рук.

На сей раз Саша привез из полка действительно интересный материал. Во-первых, «язык» наконец был взят. Во-вторых, он был взят при исключительных обстоятельствах: наши разведчики разгромили немецкую баню; в-третьих — и благодаря изложенному обстоятельству, — «язык» был голый.

Героями этой интересной операции были разведчик Рыжак и повар Иван Панов, попросившийся в разведку и показавший чудеса сообразительности и храбрости,

В очередном номере газета дала краткое сообщение о том, что наши славные разведчики взяли «языка». Подробности дела не указывались. Через несколько дней должен был пойти специальный очерк об этом.

Очерк, который написал Саша, начинался с интригующей картины: командир полка просыпается на заре от звуков музыки. Выглянув из землянки, он видит командира разведгруппы Рыжака и повара Панова, играющего на губной гармошке торжественный марш. Между ними стоит посиневший от холода голый человек. Увидев командира, Панов поспешно прячет свою гармошку в карман, а Рыжак рапортует о том, что задание выполнено и «язык» доставлен в натуральном виде. Далее излагались подробности разведывательной операции. Исходя из поварской специальности Панова, озаглавить очерк решено было «Язык натюрель».

...Еще до того, как этот очерк должен был пойти в печать, мне довелось поехать в тот же полк, где произошло событие, о котором написал Саша.

Темной майской ночью я сидел в землянке командира полка гвардии майора Даценко. Ночь была спокойная, никаких операций с нашей стороны не предвиделось, и поговорить можно было без помех. Правда, спокойствие это было относительным, как бывает относительно всякое спокойствие на фронте, в непосредственном соприкосновении с противником, который в любую минуту может это спокойствие нарушить. Где-то за передним краем притаились посты боевого охранения, чутко прислушивающиеся к ночной тишине и берущие под подозрение даже бойкие трели бесчисленных в этих местах соловьев. Телефон командира полка был все время включен в полковую сеть, и в трубке, не переставая, пощелкивали разговоры, гудки и восклицания. Время от времени Даценко подносил трубку к уху и прислушивался к разговорам, которые велись между штабом и батальонами. Иногда он вмешивался в разговор, иногда коротко спрашивал: «Ну, как там у вас?» И, выслушав, говорил: «Ну, ну, валяй, валяй!»

Даценко сидел за высоким столиком, сколоченным из грубо обструганных досок и приделанным к стенке землянки. Положив локти на столик, он играл большим цветным карандашом, то вертя его в пальцах, то постукивая им по доске. Когда во время разговора ему доводилось задумываться, он тем же карандашом подталкивал снизу широкий матерчатый козырек зеленой фуражки, прикрывавшей его круглую, по-солдатски остриженную голову, и фуражка съезжала на затылок. Он снова натягивал ее на лоб, пересеченный широким шрамом, и при этом озабоченно потягивал коротким носом и учащенно мигал маленькими умными глазками.

Было какое-то несоответствие между его коренастой фигурой, широким скуластым лицом, плавной и тихой речью и вот этими беспокойными жестами нервного человека. Я искал разгадку этого противоречия в пяти нашивках за ранения, пестревших на правой стороне его груди. Но потом я понял, что дело не в ранениях. Майор принадлежал к породе тех людей, для которых озабоченность была нормальным состоянием. Такие и едят кое-как и во сне продолжают думать.

Я вспомнил рассказ Саши о том, что до войны Даценко был секретарем парторганизации на одном из южных металлургических заводов, и легко представил себе его в такую же ночь, когда, засидевшись допоздна у себя на заводе, он так же вот постукивал по столу карандашом и думал о людях, работавших в цехах. Сейчас он рассказывал мне о своих разведчиках и в особенности о том, как нужно о разведчике заботиться.

— Когда разведчик идет на операцию,— сказал Даценко,— он должен не только хорошо все на себе подогнать, чтобы не цепляло и не звякало,— у него и душа должна быть спокойная, и мысль не должна за постороннюю чепуху цепляться. Поэтому у меня такое правило: разведчика перед операцией не расстраивать и стараться удовлетворить все его запросы.

И Даценко стал рассказывать о том, как он старается устранить всякие мелочи, которые могут помешать разведчику. Когда, например, Рыжаку казалось, что его бинокль недостаточно силен для предварительного дневного наблюдения, командир полка отдал ему свой: пусть не сомневается.

— Все это мелочью кажется, а значение имеет огромное,— сказал майор.— Разведчик внимание и заботу ценит.

Согласившись с ним, что эти мелочи имеют большое значение, я высказал предположение, что, помимо всего этого, успех разведки зависит, по-видимому, от хорошей подготовки. Мы перешли к разговору об операции с разгромом бани, и я рассказал Даценко, что Саша написал интересный очерк о ней, который вот-вот появится в газете. Я сказал, что, несмотря на всю сложность и значение этой операции, в ней много забавного: разгром бани, голый «язык»... Даценко, слушавший пересказ очерка с большим интересом, засмеялся и заметил, что могло быть еще забавнее, так как Панов при отходе хотел стащить у немцев еще и небольшую походную кухню, только, говорит, проволочные заграждения помешали прикатить ее сюда... Помнится, в конце разговора я спросил майора, не покажется ли ему надуманным и противоречащим дисциплине начало очерка, где изображается, как он проснулся от игры на губной гармошке у его землячки.

— Ничего! — сказал Даценко. — Только бы основное было правильно изложено!

Через несколько минут Даценко куда-то ушел, а спустя некоторое время в землянку пришли Рыжак и Панов. И вот в разговоре с ними я неожиданно выяснил, что случая с голым «языком» и вовсе не было...

Оба разведчика пришли свежевыбритыми, в новеньких офицерских гимнастерках, на которых сверкали недавно полученные ордена Красного Знамени.

Младший лейтенант Рыжак был тихим и на вид робким человеком, несмотря на то, что он был кадровым военным и ходил в разведку еще на Халхин-Голе. Грустным голосом рассказывал он мне о своих неудачных вылазках. Но только человек, добившийся наконец успеха, мог с таким наслаждением говорить о подробностях и причинах своих прежних неудач. К числу этих неудач относилась и операция с баней.

Да, в путанице вражеских траншей и дзотов группа Рыжака выследила блиндаж с непрерывно действующим дымоходом. Ночью разведчики пробрались к этой бане. Но когда они подошли к ней вплотную, их заметил немецкий постовой. С перепугу он пальнул из ракетницы в одного из наших разведчиков. Поднялась суматоха. Из бани стали выскакивать голые немцы. Рыжак бросил в блиндаж три гранаты. Когда он вскочил туда, там лежали два трупа и все было так разворочено, что он даже не мог найти одежду немцев, чтобы забрать документы. Тревога усилилась, и разведчикам пришлось отойти ни с чем. Так что ни о каком пленном — голом или одетом — в данном случае и речи быть не могло.

Но «язык» все же был взят. Захватили его в другом месте и при других обстоятельствах.

Об этой последней операции мне рассказывал Панов. Это был крепкий, ловкий и бойкий парень, для которого рассказ о происшедшем являлся рассказом о самом себе, так как это было его боевое крещение в качестве разведчика. Он рассказал, что разведка требует большого физического и нервного напряжения и что во время операции разведчик теряет в весе от трех до пяти кило, как теряют его бегуны или пловцы на больших дистанциях. Свою поварскую специальность он не бросает и продолжает, как он выразился, «и кашу варить и фрицев ловить». А потом он мне рассказал, как он взял первого «языка». Оказалось, что этот пленный был взят темной ночью прямо на улице деревни Суходол, которая находилась в полосе немецкой обороны.

Я не стану описывать здесь эту воинственную отважную операцию, которую провела группа Рыжака, так как это отвлекло бы нас далеко в сторону от основного повествования. Важно отметить одно: рассказы Рыжака и Панова непреложно толкали меня к выводу, что Саша все перепутал.

Положение создавалось очень неприятное. Я представил себе, что будет, когда появится номер газеты с очерком «Язык натюрель». Вся армия будет читать его и смеяться над противником, а здесь в полку будут смеяться над газетой и над разведчиками: ведь в полку-то знают, что с баней шума было много, а «языка» все же не взяли. Для газеты, которая сама призывала к правдивости информации и донесений, это было бы позором.

Разведчики ушли. В землянку вернулся Даценко. Он спросил меня: «Ну, каковы мои орлы?» Я ему ответил, что орлы превосходные, только вот из их рассказов получается, что история с голым «языком» выдумана.

— Ну?! — удивился Даценко.

И непонятно было, чему он, собственно, удивился: самому факту или тому, что я об этом только сейчас узнал. Но я не хотел ставить его в неловкое положение и не стал его расспрашивать.

Светало. Майор отдернул плащ-палатку, и сквозь стекла, вделанные в дверь, в землянку проник серый свет. Даценко сидел, о чем-то задумавшись, и изредка постукивал по столу карандашом. В углу бормотала телефонная трубка. И доносившиеся из нее звуки казались сейчас более резкими, чем ночью. Я делал последние записи в блокноте.

Внезапно постукивание карандаша по столу прекратилось. Подняв голову, я увидел, что майор, сидя за столом, спит.

Пора было уходить. Даценко встрепенулся и, как бы продолжая разговор, стукнул карандашом по столу, натянул фуражку на лоб и сказал:

— Да, бывает!

Потом он стал меня уговаривать, чтобы я остался позавтракать. Но я сказал ему, что мне надо спешить на дивизионный пункт связи, надо скорее сообщить в редакцию, чтобы задержали очерк.

— А может, не надо, а? — сказал он.

— Чего не надо?

— Может, не надо задерживать очерк. Пусть «язык» будет голый! Черт с ним, что это не совсем так, как было. Зато интересней. Ребята с удовольствием читать будут. Может, оставим, а? — И он устало и выжидательно улыбнулся.

В его голосе была неуверенная, но горячая просьба.

Тогда я спросил его:

— Дорогой товарищ, а как вы сами отнеслись бы, например, к донесению разведки, где все факты были бы так вот перепутаны?

— Известно, как отнесся бы... Но то боевое донесение, а это литература. Какая же литература без фантазии! Не-е-ет, ваш корреспондент свое дело понимает. Ну, написал бы он, как взяли «языка» в Суходоле. Скажем прямо: втихую, темной ночью выкрали фрица, когда он, извините, за нуждой вышел. Кляп в рот, завернули в плащ-палатку и унесли...

Даценко на минутку умолк, усмехнулся и, как бы возражая самому себе, с гордостью за разведчиков добавил:

— Конечно, тоже неплохо, чистая работа! А правда ведь?.. Но с баней куда красивее получается, интереснее... Ей-бо, хай оно буде так! — увещевал он меня.

Плод Сашиной ошибки явно пришелся ему по вкусу.

Слушая майора, я подумал о том, что мы поменялись с ним ролями. Сколько раз мне самому в разговорах с участниками событий, придирчиво требовавшими от писателя протокольной достоверности в описании этих событий, приходилось отстаивать право на творческий домысел! И вот тебе на!

Когда я сказал майору, что так нельзя, что в оперативном газетном очерке мы не имеем права смешивать факты, он разочарованно пожал плечами — вам, мол, виднее.

Мы распрощались. По мокрой от утренней росы балке я спешил на узел связи и сам не знал, огорчаться ли мне из-за ошибки Саши или радоваться писательской удаче, в которую превратилась эта корреспондентская ошибка.

* * *

Очерк был задержан. В газете появилась серия других очерков Саши, очерков о том, как Рыжак и его группа учились на своих неудачах и как Панов взял пленного в Суходоле. А после войны мне довелось прочитать в печати интересное произведение Саши «Язык натурель». Оно имело подзаголовок: «Рассказ».

СОВЕТСКИЕ ПИСАТЕЛИ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Библиографическая хроника

Сорокалетие Советской Армии — праздник и для нашей литературы: с армией связаны жизненные и творческие биографии советских писателей, армия дала им неиссякаемый материал для творчества, и материал этот вернулся на вооружение армии, стал «бомбой и знаменем», а в дни величайших испытаний перо поэта оказалось на деле приравнено к штыку.

Еще на заре существования нашего государства родилась тесная связь между писателями и Красной Армией. Из армии, в солдатских шинелях, пришли в литературу Фурманов и Фадеев, Гайдар и Тихонов, Вишневский и Ставский. Тесной связи между писателями и армией обязаны мы появлением таких книг, как «Чапаев», «Железный поток», «Разгром», «Как закалялась сталь»; без этой связи не было бы «Пархоменко» и «Кочубея», «Гибели эскадры» и «Всадников»; без нее не родились бы «Курсантская венгерка» и «Песня о ветре», «Баллада о синем пакете» и «Гренада», «Оптимистическая трагедия» и «На Востоке».

Мы часто говорим о новом типе писателя, рожденном нашей действительностью. Но справедливо было бы сказать и о совершенно новом типе взаимоотношений между писателями и армией, сложившемся в нашей стране, — взаимоотношений, немислимых ни в каком другом обществе, где армия противостоит народу, и единственно возможных в условиях социалистического общества, в котором армия и народ спаяны несокрушимым единством...

Это единство с особенной, небывалой яркостью проявилось в годы Великой Отечественной войны. Дело не только в том, что около тысячи писателей участвовало в Отечественной войне непосредственно — в рядах нашей армии и флота, в партизанских отрядах, во фронтовой печати и почти половина из них награждена орденами и медалями за доблесть и мужество, проявленные в боях с фашистскими захватчиками (хотя уже одни эти факты сами по себе достаточно красноречивы). Дело главным образом в том, что, вопреки старинной поговорке: «Когда говорят пушки — молчат музы», голос наших писателей в Отечественную войну звучал как никогда громко! В гуле орудий, в грохоте артиллерийской канонады под Москвой, над Волгой и под Берлином советский человек в военной шинели расслышал сурковскую «Землянку», взяв на вооружение сталинградские стихи Бажана, очерки и статьи А. Голстого, Шолохова, Эренбурга, Павленко, Вишневского, Гроссмана. Он форсировал водные рубежи с Василием Теркиным, учился подвигу у воссозданных Фадеевым молодоговардейцев. Если что в литературе и не выдержало проверки боем, так это пресловутый миф о «пафосе дистанции»! Чем ближе стоял писатель к своему народу, чем теснее чувствовал плечо друга в общем строю, тем более яркие, сильные, гневные строки создавал он в те дни. Не на тыловых позициях, не в тиши кабинетов слагались «Василий Теркин» и «Фронт», «Нашествие» и «Радуга», «Пулковский меридиан» и «Наука ненависти», «Знамя бригады» и «Февральский дневник», «Народ бессмертен» и «Зоя», — слагались не через год, не «двадцать лет спустя», а тут же, по горячим следам жизни! Зато именно этим произведениям суждено настоящее долголетие, и чем дальше отходишь от тех дней, тем яснее видишь, какая великодушная, поистине блестящая страница вписана в историю советской литературы за годы Великой Отечественной войны.

Между тем страница эта изучена и изучается еще далеко не достаточно. Мы много говорим о достижениях нашей литературы военных лет, но крайне мало ее анализируем. До сих пор не появились ни одной серьезной обобщающей работы по литературе Великой Отечественной войны. Одна из причин — отсутствие сколько-нибудь систематической летописи и библиографии литературы этого периода. В особенности не учтены и, стало быть, не введены в повседневный литературоведческий обиход произведения, публиковавшиеся не в центральной, а непосредственно во фронтовой, армейской, флотской печати.

Настоящая работа представляет собой попытку дать первый набросок летописи, которая запечатлевала бы, день за днем, творческую деятельность наших писателей

в период Отечественной войны, преимущественно под углом зрения их связи с армией и обороной. Разумеется, на страницах журнала невозможно дать во всей полноте очерк деятельности наших писателей в те годы; мешает этому не только скупой объем, но и ряд серьезных трудностей, обозначившихся в процессе работы над материалом. В связи с этим необходимо сказать несколько слов о принципах отбора материала и о поمهках в работе.

Важной стороной деятельности писателей в дни войны было их повседневное участие в периодической печати. Особенно ярко это проявилось в первые месяцы войны, когда большая часть писателей ушла непосредственно на фронт или во фронтовую печать и основной писательской трибуной стала газета. В эти дни романист становился автором боевых очерков, а лирический поэт брался за острую сатиру; драматург выступал с публицистическими статьями, а критик писал стихотворные лозунги; мягкий юмор детского писателя сменялся гневным разоблачением врага, а неторопливый исследователь истории литературы становился оперативным журналистом. Вместе с тем именно эта повседневная оперативная работа в газете послужила основой для будущих «крупных» жанров: очерки и статьи Гроссмана, Полевого, Эренбурга, Павленко, Корнейчука, Ванды Василевской предшествовали их романам, повестям, пьесам. Трудно переоценить значение этой повседневной газетной работы писателя и в том случае, когда она, казалось бы, не находит прямого отклика в его больших произведениях. Поэтому составители считали целесообразным отразить в хронике наряду с «чисто» художественной и корреспондентскую деятельность наших писателей — важнейшую часть их героической боевой страды.

Вместе с тем, разумеется, ни из центральной, ни в особенности из фронтовой печати нельзя было отобрать и охватить все. Достаточно сказать, например, что А. Толстой и И. Эренбург выступали в дни войны с публицистическими статьями столь часто, что полная библиография творчества лишь этих двух писателей заняла бы, вероятно, во много раз больше места, чем вся данная хроника.

Однако преградой здесь служила не только узкая «площадь» журнала, но и то, что фронтовая печать сохранилась — даже в таком крупном хранилище, как Библиотека имени Ленина, — в крайне неполном виде; в Союзе же писателей сколько-нибудь систематический учет участия писателей во фронтовой печати (как и их боевой деятельности) почти совершенно отсутствует. Поэтому составители вынуждены были исходить, во-первых, лишь из имеющихся в наличии материалов, во-вторых, стремились, при прочих равных условиях, отражать преимущественно печать тех фронтов, на которых в тот период развивались наиболее активные боевые действия. Из журналов берутся лишь центральные журналы Союза советских писателей и литературно-художественные журналы Наркомата Обороны СССР («Красноармеец» и «Краснофлотец»); из газет — центральные, флотские, фронтовые, реже армейские, а также газеты тех республик, где проходил передний край войны (Украина, Белоруссия); газеты тыла (республиканские, областные и газеты тыловых военных округов) не используются — не потому, что это менее важно, а потому, что это тема особой работы.

Кроме материалов, опубликованных в периодической печати, в хронику включены сведения (далеко не полные) о состоявшихся за эти годы премьерных пьес советских драматургов, выходе кинофильмов, о выступлениях писателей по радио, а также книжная летопись (по годам).

В хронике указывается большею частью первая публикация произведения и не упоминается о дальнейших его переизданиях: то, что печаталось сначала в газете, не указывается по журналу, то, что печаталось в журнале, не указывается по книжной летописи в числе отдельных изданий, за счет чего удалось представить большее число произведений. По тому же принципу дается информация о театральных постановках и выступлениях писателей по радио.

Серьезная трудность обнаружилась при выяснении обстоятельств и точных дат гибели писателей, отдавших свою жизнь за Родину в период Великой Отечественной войны. Оказалось, что и в этом вопросе у Союза писателей нет полных данных: некоторые писатели, по материалам комиссии по военно-художественной литературе, до сих пор числятся пропавшими без вести, в то время как у родных имеются точные сообщения об их гибели. Порою различные организации Союза писателей дают сведения об одном и том же писателе, противоречащие друг другу.

Естественно, что сведения, которые приводятся в настоящей подборке (они составлены на основании материалов комиссии по военно-художественной литературе Союза писателей СССР и Московского отделения СП и ответов республиканских союзов и областных отделений Союза на запросы журнала), также не отличаются необходимой полнотой. Однако целесообразно, думается, ввести в обиход по крайней мере те данные о месте и обстоятельствах гибели писателей, которые уже имеются, чтобы другие исследователи могли двигаться дальше.

Сведения о погибших писателях (в тех случаях, когда нет точной даты гибели) отнесены — соответственно — на конец месяца (если известен месяц), года (если известен год). Список писателей, даты гибели которых нам установить не удалось, приводятся в конце подборки.

В хронике, несомненно, возможны ошибки и неточности, неизбежные в такой работе вообще, при первой попытке — в особенности. Если данная подборка при всей ее неполноте и возможных неточностях даст материал для дальнейших исследований в этой области, журнал будет считать, что хроника выполнила свое назначение.

При подготовке хроники использовались материалы Государственного литературного музея, Всесоюзной библиотеки имени Ленина, Центрального музея Советской Армии, Военно-политической Академии имени Ленина, Всесоюзной книжной палаты, Всероссийского театрального общества, архивы Союза писателей СССР и Государственного Комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР.

Составители хроники: А. Аскольдов, А. Коган, Т. Конопацкая, Л. Левицкий, Л. Медне.

1941 ГОД

Июнь, 22. Вероломное нападение гитлеровской Германии на Советский Союз. Начало Великой Отечественной войны советского народа против фашистских захватчиков.

Митинги трудящихся в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске и других городах.

«Писатели Советской страны знают свое место в этой решительной схватке.

Многие из нас будут сражаться с оружием в руках, многие будут сражаться пером...

Все наши силы отдадим на защиту советского отечества, будем биться до тех пор, пока враг, посмеявшийся напасть на нашу Родину, не будет разбит!»

(Из выступления А. Фадеева на митинге московских писателей).

«Каждый советский писатель готов все свои силы, весь свой опыт и талант, всю свою кровь, если это понадобится, отдать делу священной народной войны против врагов нашей Родины.

(Из резолюции митинга).

В первый же день войны сотни писателей уходят на фронт — бойцами, командирами, политработниками, корреспондентами дивизионных, армейских, фронтовых, центральных газет.

На боевом посту во время налета вражеской авиации на Львов погибли украинские писатели Александр Гаврилюк и Степан Тудор.

Июнь, 23. «Правда» публикует статью Л. Соболева «Отстоять Родину»:

«За оружие, товарищи и друзья! Оружие везде: и на кораблях наших, и на самолетах, и на танках, оружие на заводах наших, на полях, шахтах. Каждое лишнее зерно урожая — лишняя пуля врагу. Каждый кусок угля — лишний снаряд. Каждый стакан горючего — драгоценность... Каждая мысль, каждое слово наше — оружие: оно поможет сокрушить прыжок осатаневшего зверя, оно поможет победе во имя будущего счастья народов».

«Ленинградская правда» печатает статью Е. Тарле «Фашизм — злейший враг культуры».

Газета «Большевистское знамя» (Одесса) печатает статью А. Довженко «К оружию!».

Июнь, 24. «Известия» помещают стихотворение В. Лебедева-Кумача «Священная война»:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой.

«Правда» публикует стихи П. Тычины «Мы идем на бой!» (на украинском языке), С. Маршак «В поход!», Я. Коласа «Бешеного пса — на цепи!» (на белорусском языке), статью П. Павленко «Великие дни»:

«Двадцать третье июня — второй день войны. И дисциплина, организованность еще строже. Люди как-то раскрылись, стали государственнее, сосредоточеннее, оживленнее. Теперь у всех одно дело — война. У всех одна цель — победа...

Быть трижды сильнее, чем был!.. Ни часу отдыха! Ни часу безделья!..»

В бою с фашистскими захватчиками на Западном фронте смертью храбрых погиб белорусский поэт и прозаик Иван Шаповалов.

Июнь, 25. «Правда» публикует стихи М. Рыльского «Слово гнева» (на украинском языке) и А. Суркова «Песня смелых». Армейская газета «Во славу Родины» помещает корреспонденцию П. Лидова «Боевые эпизоды».

Июнь, 26. В «Правде» напечатаны статьи А. Корнейчука «Поднялся украинский народ» и К. Тренева «Уничтожить врага!». «Известия» помещают стихи Сулеймана Рустама «Несокрушимая крепость». В «Красной звезде» напечатана статья И. Эренбурга «Гитлеровская орда» — первая из серии антифашистских статей писателя в годы Великой Отечественной войны.

На экранах широко демонстрируется кинофильм «Щорс» (автор сценария и постановщик — А. Довженко).

Июнь, 27. «Правда» публикует статью А. Толстого «Что мы защищаем»:

«Это — моя Родина, моя родная земля, мое отечество, — в жизни нет горячее, глубже и священнее чувства, чем любовь к тебе...»

«Известия» помещают статью немецкого писателя-антифашиста Вилли Бределя «Уничтожить врагов цивилизации».

Июнь, 29. «Правда» публикует «Походную песню» М. Исаковского:

До свиданья, города и хаты,—
Нас дорога дальняя зовет.
Молодые смелые ребята —
На заре мы двинемся в поход...

В армейской газете «Во славу Родины» напечатана корреспонденция В. Друзина и Г. Холопова «В эти дни».

«Литературная газета» сообщает, что по примеру знаменитых «Окон сатиры РОСТА» в Москве по инициативе писателей и художников создаются «Окна ТАСС».

Июнь, 30. В бою с фашистскими захватчиками в районе города Энсо смертью храбрых погиб ленинградский прозаик Лев Канторович.

Июнь. В бою с фашистскими захватчиками в Белоруссии смертью храбрых погиб азербайджанский писатель Гусейн Натиг.

Июль, 2. «Известия» печатают статьи В. Гроссмана «Готовность к подвигу» — о первых десяти днях войны — и Ю. Яновского «За каждую пядь земли». Газета «Ленинградская правда» напечатала корреспонденцию В. Кочетова «На Пулковских высотах».

Июль, 3. Выступление по радио Председателя Государственного Комитета Оборона И. В. Сталина:

«Войну с фашистской Германией нельзя считать войной обычной. Она является не только войной между двумя армиями. Она является вместе с тем великой войной всего советского народа против немецко-фашистских войск. Целью этой всенародной Отечественной войны против фашистских угнетателей является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма».

«Правда» печатает стихотворение В. Гусева «Ведут народы бой»:

Над нашим счастьем хищный ворон кружит,
Но в грозном, несгибаемом строю
Ведут народы бой
За жизнь, за честь, за дружбу,
За Родину священную свою.

Июль, 4. «Правда» помещает статью М. Шолохова «На Дону»:

«Два чувства живут в сердцах донского казачества: любовь к родине... и ненависть к фашистским захватчикам. Любовь будет жить вечно, а ненависть пусть проживет до окончательного разгрома врагов».

Июль, 6. «Правда» печатает корреспонденцию М. Шолохова «В станице Вешенской». «Красная звезда» помещает стихотворение М. Голодного «Подвиг капитана Гастелло». «Комсомольская правда» печатает стихи М. Алигер «Сержант Ренархо». В «Литературной газете» опубликовано стихотворение М. Светлова «Священное слово»:

Врагу не уйти от прибоа
Великого гнева страный
Товарищ! Мы вышли с тобою
В открытое море войны!

Июль, 11. «Известия» помещают очерк Янки Купалы «Поднялась - Беларусь». «Правда» печатает статью В. Василевской «Песня о Родине»:

«Сегодня фронт повсюду: на фабрике, в учреждении, в каждом местечке, в каждой деревне... И поэтому каждый из нас должен быть сегодня солдатом, на каком бы посту он ни стоял. В борьбе, которая охватила весь народ, мы победим. Мы располагаем для этого всем. Мы победим, чтобы сохранить свою страну, защитить человечество и культуру».

Июль, 12. В «Правде» опубликованы стихи Н. Асеева «Москва ополчается»:

Бой не нашуею волею начат —
Нашей славой
закончим его!

Июль, 13. «Литературная газета» печатает статью К. Федина «О долге», стихотворение М. Терещенко «Грозный гнев» (на украинском языке). Газета сообщает: десятки писателей Ленинграда, имеющие военную специальность, отбыли в Действующую армию. Уехала неразлучная после финской кампании тройка — Е. Павлов, С. Варшавский и Б. Респ. Уехал С. Марвич. Вернулся в свою героическую часть Б. Лихарев. По сообщению той же газеты, большая группа писателей Киева выехала на фронт. Во фронтовой армейской печати работают: И. Ле, А. Малышко, И. Фефер, И. Стебун, Я. Городской, М. Тардов, Л. Первомайский, С. Скляренко, С. Головановский, Ю. Мартич, А. Кундзич, А. Головка, П. Усенко и другие. Каждый день от писателей Киева поступают заявления с просьбой послать их в Действующую армию.

По примеру Москвы созданы «Окна ТАСС» в Татарской АССР и в Новосибирске.

Июль, 17. «Правда» помещает статью А. Корнейчука «Гитлер — лютый враг украинского народа»:

«Встанем стеной, внуки и деды, вся Украина от малого до седого, встанем всем миром на яростный бой с фашизмом, за свои земли, за свою славу, за свою свободу и честь».

«Известия» публикуют статью А. Толстого «Кто такой Гитлер и чего он добивается?».

Июль, 18. В «Правде» напечатана статья Я. Купалы «Германский фашизм — злейший враг белорусского народа». «Комсомольская правда» помещает стихи Я. Коласа «Душою и сердцем мы с вами, герои» (на белорусском языке).

В «Известиях» публикуются телеграммы Теодора Драйзера и Эптона Синклера:

«Я вместе с миллионами других американцев буду призывать наше правительство не только к самозащите путем всемерной помощи России теперь же, но и к лучшему пониманию этой великой демократии, которая делает сейчас для своего многомиллионного прогрессивного народа больше, чем когда-либо за все время своего существования сделала Америка для своего народа».

(Теодор Драйзер).

«Искренне восхищаюсь народом Советского Союза и надеюсь на его успех в борьбе против деспотизма и реакции».

(Эптон Синклер).

Июль, 20. «Красная звезда» помещает статью И. Эренбурга «Презрение к смерти».

Июль, 22. В армейской газете «Во славу Родины» напечатана «Партизанская песня» И. Уткина. В армейской газете «Советский патриот» опубликован очерк Ю. Крымова «В маленьком городке».

Июль, 23. Газета «Красный флот» печатает статью А. Афиногенова «Народ воюет!»:

«Встал народ Советской страны! Везде, где удастся врагу временно захватить кусок нашей земли, разгорается пламя народной войны, войны партизанской. Скупое доходят вести из лесов и болот Белоруссии, где прячутся партизаны, выходя на поединок с озлобленным до предела врагом, не могущим справиться с пожаром народной войны. Не страх и панику, а ярость, великую ярость священной мести вызывает в сердцах народа террор немецких поработителей».

Июль, 24. Газета «Советская Белоруссия» публикует стихотворение А. Острейко «Партизаны, в бой!».

Июль, 25. В «Правде» напечатано стихотворение А. Твардовского «Отец и сын»:

Страна моя, земля моя,
Одна — родня, одна — семья.
В суровый час судьбы твоей
Ты стала нам стократ милей.
Стократ сильнее теперь любя,
Встаем с оружием за тебя.
Встают отцы и сыновья...
Страна моя, семья моя!

Июль, 26. Газета Северного флота «Краснофлотец» помещает стихотворение А. Ойслендера «К встрече готовы».

Июль, 27. Та же газета публикует статью Б. Яглинга «Вооруженный народ».

По радио передана статья А. Афиногенова «О Москве».

Июль, 28. В бою с фашистскими захватчиками под Таллином смертью храбрых погиб ленинградский прозаик Андрей Селифонов.

Июль, 30. В «Литературной газете» напечатаны стихотворения С. Чиковани «Ровесникам Октября» и А. Кутуя «Исполинской поступью...». Газеты сообщают о внесении писателями А. Толстым, М. Шолоховым, В. Катаевым, Ф. Гладковым, А. Фадеевым, Ф. Панферовым, И. Эренбургом, В. Гусевым, К. Чуковским, С. Кирсановым, П. Маркишем, В. Лебедевым-Кумачом и другими значительных сумм в фонд обороны.

Июль. В бою с фашистскими захватчиками в Эстонии смертью храбрых погиб карельский писатель Федор Исаков.

В июле журналы печатают:

«Красноармеец» (№№ 12 и 13) — стихи С. Алымова «Мы фашистов разобьем», Якуба Коласа «Слава героям», А. Суркова «За Родину», рассказы Хаджи-Мурат Мугуева «Разгром немецкого полка» и другие; «Краснофлотец» (№№ 13 и 14) — очерки Б. Левина «Глубокий рейд», В. Ряховского «Боевая дружба», М. Зингера «На Кассарском плесе», Р. Фраермана «Рассказ о мужестве», рассказы Л. Островера «Первая битва», Л. Никулина «Лицо врага», стихи П. Железнова «На крепости плавучей», В. Винникова «Песня о морском соколе», И. Молчанова «Балтийская песня» и другие.

В конце июля вышел плакат С. Маршака и Кукрыниксов:

Бьемся мы здорово,
Кодем отчаянно,
Внуки Суворова,
Дети Чапаева.

Август, 1. Армейская газета «Советский патриот» печатает очерк Ю. Крымова «Конец фашистских вояк» (с небольшими изменениями этот же очерк под заголовком «Как был разгромлен полк СС» 7 августа публикуется в «Правде»).

Август, 3. В «Красной звезде» помещена статья А. Толстого «Русские войны», начал печататься цикл очерков А. Полякова «В тылу врага». Газета «Красный флот» напечатала стихотворение И. Сельвинского «Подвиг» (памяти лейтенанта Александра и стрелка-радиста Музыченко).

Август, 6. «Комсомольская правда» публикует стихотворение А. Суркова «Песня атаки». «Литературная газета» печатает «Балладу о дружбе» В. Багрицкого и очерк О. Эрберга «Рассказ лейтенанта», по которому вскоре началась съемка короткометражного фильма «Ненависть». Армейская газета «Советский патриот» публикует очерк Ю. Крымова «Штормовые рейды комиссара Битюцкого».

Август, 7. В «Известиях» помещена статья В. Саянова «Небо Ленинграда».

Август, 9. «Красная звезда» публикует очерк Б. Лапина и З. Хацревина «Когда идет бой...».

Август, 10. В МТЮЗе состоялась премьера пьесы Г. Мдивани «Приказ по фронту».

Август, 10—11. Всеславянский митинг в Москве. В числе выступавших на митинге — А. Толстой, А. Корнейчук, В. Василевская, Я. Купала, И. Бехер, Р. Стийенский.

«Братья угнетенные славяне! Мы стоим перед смертельной угрозой.

Пробил час, когда весь славянский мир должен объединиться для скорейшего и окончательного разгрома германского фашизма.

Мы объединяемся, как равные с равными. У нас одна задача и одна цель — разгром гитлеровских армий и уничтожение гитлеризма. У нас одно горячее всеобъемлющее стремление — чтобы славянские, так же как и все другие, народы мирно и свободно развивались в рамках своей государственности».

(Из обращения Всеславянского митинга).

Август, 12. Ф. Gladков выступил по радио с чтением антифашистского памфлета «Гитлер».

Август, 13. В «Литературной газете» помещены стихи С. Вургуня «Напутствие матери». Газета сообщает о выпуске «Окон ТАСС» в Таджикистане, о выступлениях московских писателей — И. Эренбурга, В. Лебедева-Кумача, И. Уткина, С. Городецкого, В. Звягинцевой, П. Дружинина и других — перед бойцами, призывниками и рабочими Москвы. Газета «Советская Белоруссия» печатает стихотворение Я. Купалы «Поднялся мой народ».

Август, 16. Армейская газета «Знамя Родины» (Южный фронт) помещает стихи Л. Дмитрико «Слава».

Август, 17. В газете Западного фронта «Красноармейская правда» напечатано стихотворение П. Панченко «Молодой партизан».

Август, 18. Газета Ленинградского военного округа «На страже Родины» публикует стихотворение Ю. Инге «Остров «Н»».

Вс. Иванов читал по радио статью «Высокие дни истории».

Август, 19. «Красная звезда» помещает стихи С. Городецкого «В бой, славяне!».

Август, 20. В «Красной звезде» напечатаны статьи А. Толстого «Фашисты ответят за свои злодеяния» и И. Эренбурга «По два аршина». «Комсомольская правда» публикует очерк А. Гайдара «Мост». «Литературная газета» помещает статью Ю. Ванана «Полк товарища Улпе» (о героических действиях полка красных латышских бойцов).

Август, 21. Армейская газета «На врага» печатает статью Е. Зозули «Разговор с пленным стервятником».

Август, 22. В «Известиях» опубликованы статья Б. Лавренева «В Ленинграде» и стихотворение В. Лебедева-Кумача «Великий город даст врагу отпор!». Газета Ленинградского военного округа «На страже Родины» помещает статью Н. Тихонова «Свято хранить боевые революционные традиции Ленинграда!»:

«В трудную годину Великой Отечественной войны, когда опасность снова у наших ворот, каждый боец, каждый трудящийся Ленинграда будет на своем посту поддерживать славу своих геройских предшественников, крепя оборону первого города революции, сражаясь за него до полного разгрома врага, до победы!»

На собрании московских писателей принято обращение к трудящимся Ленинграда. Газета «Большевицкое знамя» (Одесса) публикует стихотворение В. Чайки «Война — есть война!». В армейской газете «Боевая красноармейская» (Юго-Западный фронт) напечатано стихотворение Джека Алтаузена «Громите врага без пощады!».

Август, 23. В «Правде» опубликована статья Г. Рыклина «Русская азбука» — о партизанах. Газета Ленинградского военного округа «На страже Родины» помещает стихи Н. Тихонова «1919—1941», Б. Лихарева «Мы Ленина город врагу не сдадим!».

В ЦТКА (Москва) состоялся общественный просмотр пьесы А. Первенцева «Крылатое племя».

Август, 24. Газета Ленинградского военного округа «На страже Родины» публикует стихотворение А. Решетова «Великий свой город, боец, береги». Армейская газета «Советский патриот» публикует очерк Ю. Крымова «Слово и дело большевика».

Август, 25. Газета Ленинградского военного округа «На страже Родины» печатает статью В. Каверина и С. Марвича «Ленинград в эти дни». В армейской газете «Боевой товарищ» опубликован очерк С. Злобина и Г. Корабельникова «Комиссар Гордеев».

Август, 27. «Литературная газета» печатает стихотворение В. Илбер «Друзья мои! Сожраждане!». Газета Ленинградского военного округа «На страже Родины» помещает

стихи Б. Кострова «Товарищи» и П. Ойфы «Связисты». Газета «Большевистское знамя» (Одесса) публикует статью М. Бажана «Еще сильнее бить врага».

Август, 28—29. В боях с фашистскими захватчиками при переходе кораблей из Таллина в Ленинград смертью храбрых погибли ленинградские писатели: поэт Юрий Инге, прозаики Валерьян Броунштейн, Марк Гейзель, Филипп Князев и Евгений Соболевский, литературовед Орест Цехновицер.

Года пролетят! Мы состаримся с ними,
Но слава балтийцев, она на века.
И счастлив я тем, что прочтут мое имя
Средь выцветших строк «Боевого листка».

(Ю. Инге).

Август, 29. В газете «Красная звезда» напечатан очерк М. Шолохова «На Смоленском направлении». «Комсомольская правда» публикует «Фронтовые рассказы» И. Котенко.

Август, 30. Армейская газета «Боевой товарищ» печатает очерк Л. Аргутинской «Летчик Гибадуллин».

Август. В боях с фашистскими захватчиками смертью храбрых погибли украинский прозаик Петр Альтман, карельские писатели Александр Кириллов и Иван Кутасов, башкирский поэт Хай Мухаметьяров и латвийский критик Леонид Этингер.

В августе журналы печатают:

«З в е з д а» (№ 7—8) — стихи Н. Тихонова «Народные ополченцы», «Полководец», «Песня о лейтенанте-танкисте Юхнице», В. Саянова «За честь Родины», «Мы помним...», «Отец и сын», «Клятва», «Песня воздушных патрулей»; «З а м я» (№ 7—8) — три стихотворения А. Твардовского — «Мои братьям» и другие; «Н о в ы й м и р» (№ 7—8) — окончание «Хмурого утра» — третьей части романа А. Толстого «Хождение по мукам», статью Л. Леонова «22 июня 1941», «Рассказ про догы» В. Ставского, статью К. Паустовского «Мы победим»; «О к т я б р ь» (№ 7—8) — стихи Джамбула «Пуля врагу», А. Жарова «Семья», И. Сельвинского «Южным славянам», рассказ Г. Фиша «Ночь в редакции», роман А. Зегерс «Седьмой крест»; «К р а с н о а р м е е ц» (№№ 15 и 16) — очерки В. Гроссмана «Капитан Гастелло», Б. Горбатова и Л. Шапиро «Соколы бьют стервятников» (с Южного фронта), А. Исбаха «Эскадрилья капитана Тоцкого» и «Заметки с фронта», В. Ставского «Соколиная повадка», стихи А. Кронгауза «За правое дело» и другие; «К р а с н о ф л о т е ц» (№№ 15 и 16) — рассказы З. Чалой «Боевой орел», Л. Никулина «Гибель волка», стихи Н. Флерова «Песня о Крохалева», А. Жарова «Капитан Арсений Совин», Н. Сидоренко «Славный поход».

Сентябрь, 1. В армейской газете «Боевой товарищ» напечатан очерк И. Жиги «Неустрасимые».

Сентябрь, 2. Газета Северного флота «Краснофлотец» помещает очерк И. Бражникова «Мужество и сметка».

Сентябрь, 3. «Правда» публикует стихи Н. Заряна «Гневная песня». «Литературная газета» печатает стихотворение А. Ерикеева «Содружество народов» и сообщает о литературном радиодневнике, который ведет постоянная бригада писателей: А. Афиногенов, В. Гусев, Вс. Иванов, Л. Кассиль, В. Катаев, В. Лебедев-Кумач и другие. У микрофона выступают также писатели, приезжающие с фронта.

В армейской газете «Боевой товарищ» напечатаны стихи С. Васильева «За подступы к Подмосквью фашисты заплатят кровью!».

Сентябрь, 4. В армейской газете «Сталинское знамя» помещено стихотворение Ю. Чепурина «Киев».

Сентябрь, 5. В «Правде» напечатано послание Джамбула ленинградцам:

Ленинградцы, дети мои!
Ленинградцы, гордость моя!

Сентябрь, 6. В «Комсомольской правде» напечатано стихотворение А. Малышко «Украина моя!» (на украинском языке).

Армейская газета «Сталинское знамя» сообщает: в Киеве состоялся общегородской митинг трудящихся города. Выступили А. Корнейчук, В. Василевская, М. Бажан, А. Безыменский.

Сентябрь, 7. В Колонном зале Дома союзов, состоялся женский антифашистский митинг. Среди выступавших — А. Караваева. «Правда» публикует статью А. Корнейчука «Грозная расплата неминуема» и корреспонденцию П. Лидова «Под Духовщиной».

Сентябрь, 8. В армейской газете «Боевая красноармейская» (Юго-Западный фронт) напечатано стихотворение Джека Алтаузена «Родина смотрела на меня».

Сентябрь, 9. В «Правде» помещены рисунок и стихи Маршуккрыниксы (С. Маршак, М. Куприянов, П. Крылов, Н. Соколов) «Долг платежом красен».

Сентябрь, 10. «Правда» публикует стихотворение Д. Бедного «Героическая Одесса».

Сентябрь, 11. Армейская газета «Знамя Родины» помещает корреспонденцию С. Борзенко «Бой за село Н».

В радиопередаче «Привет Одессе» приняли участие В. Гусев и В. Катаев.

Сентябрь, 14. Общегородской митинг молодежи Ленинграда. На митинге выступил с речью В. Вишневецкий:

«Помните о том, чье имя носит великий город, — неустрашимого Ленина. Ринемся вперед всеми силами. Мы можем победить, должны победить и победим!»

В газете «Красный флот» напечатана корреспонденция М. Величко из Действующего флота «Огневой удар кораблей».

Сентябрь, 17. В «Комсомольской правде» помещены очерк А. Гайдара «У переднего края» и «Марш истребительных батальонов» М. Луконина и С. Наровчатова. «Литературная газета» печатает стихи Я. Судрабална «Русскому народу» и Б. Кербабаева «Песня отважных».

По радио передан очерк Б. Лапина и З. Хацревина «Ночь у Днепра».

Сентябрь, 19. «Правда» публикует стихи П. Маркиша «Народное ополчение». «Комсомольская правда» печатает стихи С. Васильева «Патриотка», посвященные памяти военфельдшера комсомолки Вари Ивановой.

В бою с фашистскими захватчиками под Киевом смертью храбрых погиб украинский очеркист и переводчик Юрий Корецкий.

Сентябрь, 20. Газета Черноморского флота «Красный черноморец» под шапкой «Братья, вы грудью прикрыли родную Одессу» помещает очерки П. Гаврилова «Бои продолжаются» и Г. Гайдовского «Пятеро отважных».

В бою с фашистскими захватчиками в районе села Богодуховка смертью храбрых погиб Юрий Крымов.

«Ты понимаешь, я всегда чувствовал, что буду вступать в партию в обстановке жестокой борьбы. Но действительность превзошла все мои предчувствия. Я вступил в партию в тот момент, когда... соединение в окружении... накануне [решающего] смертоносного боя [кругу моих] товарищей.

В боевой... я... спокоен, а теперь к [чувству уравновешенности] прибавилось еще новое чувство — гордость. Сознание того, что я прожил свою жизнь не даром и если придется умирать, то незадаром умру»,

(Из последнего незаконченного письма Ю. Крымова к жене от 19 сентября 1941 года, найденного на теле убитого. Многоточиями и скобками отмечены места, пробитые штыком и залитые кровью).

Сентябрь, 21. Газета Северо-Западного фронта «За Родину» печатает очерк А. Исбаха «Разведчики».

Сентябрь, 23. Газета Западного фронта «Красноармейская правда» помещает стихотворение С. Михалкова «Наша пословица»:

Гитлер хочет хлеба нашего,
Мы ему ответим! врешь!
Сеешь смерть, так хлеб не спрашивай,
Что посеешь — то пожнешь,

В бою с фашистскими захватчиками под Кронштадтом смертью храбрых погиб ленинградский драматург, политработник на линкоре «Марат» Иоганн Зельцер.

Сентябрь, 24. В «Литературной газете» напечатаны стихотворения П. Антокольского «Послание в Ленинград» и А. Жарова «Как под городом Одессой». Газета «Сталинский сокол» печатает статью Э. Колдуэлла «Великая миссия»:

«Я покидаю чудесную Советскую страну. Обо всем, что я здесь видел, я расскажу своим соотечественникам, которые с восхищением следят за вашей борьбой, так как фашизм — наш общий враг, враг всего мира и, в частности, Америки. Я расскажу американцам о чудесных людях, которых я встречал, я расскажу о Талалихине, Гастелло, о таране, о том, что видел в Ельне, отбитой у немцев, о той уверенности в победе, которой полон каждый советский гражданин, о волне патриотизма, охватившей ваш великий народ, который я искренне полюбил за время пребывания в Советском Союзе».

Газета Черноморского флота «Красный черноморец» помещает стихотворение И. Сельвинского «Комиссар».

По радио выступил Е. Петров с чтением отрывков «Из фронтового дневника».

Сентябрь, 25. Газета Ленинградского военного округа «На страже Родины» печатает стихотворение В. Саянова «В бой!».

Сентябрь, 27. В бою с фашистскими захватчиками смертью храбрых погиб ленинградский прозаик Александр Молчанов.

Сентябрь, 28. В «Правде» опубликована корреспонденция В. Вишневого и Н. Михайловского «Морская оборона Ленинграда». «Красная звезда» печатает стихотворение Я. Купалы «Белорусским партизанам».

Сентябрь, 29. «Правда» статьей «Родина!» начала публикацию «Писем товарищу» Б. Горбатова (ранее печатавшихся в газете Южного фронта «Во славу Родины»):

«Помнишь, завидовали мы отцам и старшим братьям? Нынче дети завидуют нам. Помнишь, мечтали о том, как умножим славу красноармейского оружия? Вот оружие в наших руках. Он пришел, наш черед. Отцы и дети смотрят на нас с надеждой: ну-ка, не опозорьте нас! Херсонские курганы зовут нас к славе. Матрос Железняк учит пробиваться штыком и гранатой сквозь вражий строй. Пули поют над нами, южный ветер хлопает крыльями, бронепоезд вышел с запасного на боевой путь. И девушка наша в походной шинели горящей Каховкой идет...»

Сентябрь, 30. Газета Черноморского флота «Красный черноморец» помещает очерк А. Луначарского и В. Ряховского «Над морем».

Сентябрь. В боях с фашистскими захватчиками смертью храбрых погибли: под Харьковом — украинский прозаик Николай Трублиани; под Киевом — украинский прозаик Иосиф Фельдман; писатели Иван Дмитроченко, Григорий Крупников, Борис Лапин и Захар Хацревин. В фашистском застенке погиб латвийский писатель Роберт Лукс.

В сентябре журналы печатают:

«Звезда» — стихи В. Азарова «Боевая балтийская», «Огонь по фашистам», очерки В. Кетлинской «Скорость», В. Лебедева «Август», В. Саянова «На границе», Н. Чуковского «Воздушные бои» и другие; «Красноармеец» (№№ 17 и 18) — рассказы и очерки Б. Емельянова «До последнего патрона», П. Замойского «Подарок», К. Левина «Мост», М. Эгарта «Берег остался за нами», стихи В. Лебедева-Кумача «Партизанская песня», С. Михалкова «Партийный билет» и другие; «Краснофлотец» (№№ 17, 18, 19) — очерки Г. Гайдовского «Всегда вперед», Л. Соболева «Соколы Балтики», Ю. Нагибина «Бесстрашие», рассказы Ф. Кравченко «Ярость», Д. Стонова «Убийцы», И. Зарубина «Смерть моего друга», стихи А. Лебедева «Истребитель», В. Лебедева-Кумача «Защитникам Одессы» и другие.

Октябрь, 1. «Литературная газета» сообщает, что в Петрозаводске выходят «Окна КарелофинТАГа».

В боях с фашистскими захватчиками смертью храбрых погибли армянский поэт Ефрем Баласаян (Лоренц), писатель Александр Тарасов.

Октябрь, 2. В газете Юго-Западного фронта «Красная Армия» напечатан рассказ С. Вашенцева «Тайна сержанта».

Октябрь, 4. «Правда» публикует стихотворение А. Твардовского «Рассказ танкиста». «Красная звезда» печатает статью И. Эренбурга «Кровь Праги». В «Известиях» помещена статья А. Афиногорова «Арийцы не улыбаются...». В «Комсомольской правде» опубликован очерк А. Гайдара «Ракеты и гранаты».

Октябрь, 5. В «Комсомольской правде» напечатано стихотворение В. Бершадского «Защитникам Одессы».

Октябрь, 8. «Правда» публикует стихотворение А. Прокофьева «Ленинград». В «Литературной газете» напечатано стихотворение А. Кулешова «Песня о безыменном герое» и сообщение о том, что казахские акыны Орынбай и Казангапов выезжают в далекие аулы и в своих песнях рассказывают о героической борьбе Красной Армии, ее бойцах и командирах. В газете «Сталинский сокол» под рубрикой «Герои Отечественной войны» помещена корреспонденция из Действующей армии Н. Богданова «Майор Груздев».

Октябрь, 9. «Комсомольская правда» публикует «Поэму любви и гнева» Джамбула, сложенную им на проводах своих учеников-поэтов в Действующую Красную Армию. В «Известиях» напечатано стихотворение В. Лебедева-Кумача «Нас голос Родины на подвиги зовет». В газете Юго-Западного фронта «Красная Армия» помещены очерки А. Безыменского «Бой у «Веселой долины» и М. Розенфельда «Честь». Сатирический отдел этого номера — «Прямой наводкой» — составлен А. Твардовским и Б. Палийчуком.

Октябрь, 10. В газете Северо-Западного фронта «За Родину» напечатана «Партизанская песня» С. Болотина.

Октябрь, 12. «Красная звезда» публикует статью И. Эренбурга «Выстоять!»:

«Мы должны выстоять. Октябрь сорок первого года наши потомки вспомнят, как месяц борьбы и гордости. Гитлеру не уничтожить Россию! Россия была, есть и будет».

Октябрь, 15. «Литературная газета» печатает стихи С. Чиковани «Морской орел», В. Багрицкого «Одесса, город мой!». В той же газете сообщается:

восемь литературных передач, составляющих в общей сложности не меньше четырех печатных листов текста, слушают ежедневно фронт и тыл... Два с половиной часа писательское слово звучит в эфире;

газета «За Радянську Україну» изо дня в день несет слова правды трудящимся районов, захваченных немецкими поработителями. Активные работники газеты — М. Бажан, А. Корнейчук, В. Василевская, А. Малышко, А. Шиян, С. Воскресенко. В одной из военных газет работает группа харьковских писателей — Д. Вишневский, П. Байдебур, А. Хазин, И. Шутов, С. Борзенко, В. Гавриленко;

поэты Дагестана Халмурзаев и Анвар Аджиев принимают активное участие в выпуске местных «Окон ТАСС».

Октябрь, 16. В «Комсомольской правде» помещен фельетон С. Нариньяни «Саранча». Состоялась радиопередача из Ленинграда. С чтением стихов выступила Ольга Берггольц:

Даже клятвы сегодня мало.
Мы во всем земле поклялись.
Время смертных боев настало.
Будь неистов. Будь молчалив.
Всем, что есть у тебя живого,
Чем страшна и прекрасна жизнь, —
Кровью,
пламенем,
сталью,
словом, —
Опрокинь врага, удержи...

(«Москве»).

Октябрь, 17. «Известия» печатают очерк В. Лидина «Москва».

Октябрь, 18. В «Правде» публикуется статья А. Толстого «Москве угрожает враг».

Октябрь, 19. В «Правде» и «Комсомольской правде» напечатано стихотворение А. Суркова «Мы вышли на бой...». «Красная звезда» публикует статью А. Толстого «Кровь народа» (на следующий день переданную по радио):

«Звезды над Кремлем кинжальными лучами указывают русским людям: вперед! Вперед на сокрушение врага! Вперед — за нашу свободу, за нашу великую Родину, за нашу святыню — Москву!»

Октябрь, 21. В «Красной звезде» напечатан очерк Ф. Панферова «Командир приказал...».

Октябрь, 22. В «Правде» печатается очерк В. Василевской «Братство народов».

Октябрь, 23. По ленинградскому радио выступил В. Вишневский:

«Москва! Поднимайся вся от мала до велика! Зови на бой всех, кто носит славное имя гражданина Советского Союза. Это имя обязывает. Кто является гражданином нового мира, тот должен быть воином и бойцом... Будем биться так, чтобы все человечество сказало и повторяло веками: «Да, они бились, как русские в 1941 году, они бились, как Москва и Ленинград!»

В армейской газете «Врага — на штык!» помещена корреспонденция Б. Ивантера «Партсобрание в окопе».

Октябрь, 24. В «Известиях» опубликована статья Ф. Гладкова «Воины производства».

Октябрь, 26. «Комсомольская правда» печатает стихотворение К. Маликова «Все наши силы, Родина, бери!».

В бою с фашистскими захватчиками близ железной дороги Канев — Золотоноша, у деревни Леплява, смертью храбрых погиб Аркадий Гайдар.

«Гайдар погиб 26/Х-41 г. в результате стычки с немецкой засадой... в этот день Гайдар и еще 4 партизана пошли на продбазу отряда. Там на них напали немцы. Гайдар поднялся и крикнул: «В атаку!» Его сразили пулеметной очередью».

(Из сообщения корреспондента «Комсомольской правды» тов. Башкирова. Архив военной комиссии Союза писателей СССР).

Октябрь, 28. В «Правде» опубликованы стихи Р. Рза «Говорит Баку». В газете Ленинградского фронта «На страже Родины» напечатано стихотворение А. Прокофьева «Москве»:

Москва!
До последних патронов,
До дольки последней свинца
Мы в битвах!
Твоя оборона
Идет через наши сердца!

На боевом посту во время налета вражеской авиации погиб прозаик Михаил Немченко.

Октябрь, 29. На боевом посту во время налета вражеской авиации на Москву погиб Александр Афиногенов.

Октябрь, 30. «Правда» печатает корреспонденцию П. Лидова «Бои на подступах к Москве» и стихотворение Н. Асеева «Тревога и гнев». Армейская газета «Во славу Родины» поместила стихи Б. Ковынева «Кровь за кровь».

Октябрь. В боях с фашистскими захватчиками смертью храбрых погибли: под Вязьмой и Ельней — ростовские писатели Александр Бусыгин, Григорий Гридов, Григорий Кац, Михаил Штительман; писатели Борис Таов (Кабарда), Самуил Годинер.

В октябре журналы печатают:

«Красная новь» (№ 9—10) — репортаж Н. Богданова «Из записок военного корреспондента», стихи М. Алигер «Русская песня», Б. Пастернака «На ранних поездах», «Бобыль», Я. Хелемского «Ленинград», С. Щипачева «Я сердцем Родину объемлю» и другие; «Новый мир» (№ 9—10) — рассказы С. Сергеева-Ценского «Матрос Чистозвонов», Ю. Слезкина «По тылам войны», Л. Соболева «Ночь летнего солнцестояния», стихи Н. Брауна «Тебе, Москва!», «Ленинградская ночь», «Родина», М. Ли-

сянского «Моя Москва» и другие; «О к т я б р ь» (№ 9—10) — трагедию И. Сельвинского «Бабек», рассказы и очерки В. Ильенкова «Красноармеец Арсений Шадрин», А. Михалевича и В. Овечкина «Как он жил...» (о погибшем на фронте бойце Павле Рудакове), П. Павленко и Б. Изакова «Народные мстители» (о партизанах Северо-Запада), стихи В. Лебедева-Кумача «Мы отомстим!», Э. Вайнерта «Коричневая свора»; «К р а с н о ф л о т е ц» (№№ 20 и 21) — очерки Л. Соболева «Атаки катеров», В. Ставского «Казачи», рассказы Ф. Кравченко «Рядом шел комиссар», П. Замойского «Народ воюет», Е. Соболевского «Далекий рейс», стихи Б. Ковынева «Наш Ленинград», С. Липкина «Присяга», А. Жарова «Остров Эзель» и другие.

Ноябрь, 1. В «Правде» напечатан рассказ С. Вашенцева «Истребители танков». «Известия» публикуют очерк Г. Фиша «Карельские партизаны».

Ноябрь, 3. «Правда» помещает стихотворение Джамбула «Москве».

В бою с фашистскими захватчиками смертью храбрых погиб прозаик Ефим Зозуля.

Ноябрь, 4. В «Красной звезде» опубликована статья И. Эренбурга «Испытание».

Ноябрь, 5. «Красная звезда» начала печатать записки С. Лоскутова «У партизан».

Ноябрь, 6. Торжественное заседание Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями г. Москвы, посвященное XXIV годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. С докладом на заседании выступил И. В. Сталин:

«Не может быть сомнения, что идея защиты своего отечества, во имя чего и воюют наши люди, должна породить и действительно порождает в нашей армии героев, цементирующих Красную Армию...»

В Куйбышевском областном драматическом театре имени А. М. Горького состоялась премьера пьесы А. Корнейчука «Партизаны в степях Украины».

Ноябрь, 7. Парад войск Красной Армии на Красной площади в Москве. Речь И. В. Сталина на параде Красной Армии.

«Правда» публикует статью А. Толстого «Родина», стихотворение Д. Бедного «Я верю в свой народ».

«Земля отгич и дедич немало поглотила полчищ наезжавших на нее насильников. На Западе возникали империи и гибли. Из великих становились малыми, из богатых — нищими. Наша Родина ширилась и крепла, и ничто не могло пошатнуть ее. Так же без следа поглотит она и эти немецкие орды. Так было, так будет.

Ничего, мы сдюжим...»

(А. Толстой).

Мы отразим врагов. Я верю в свой народ
Несокрушную тысячелетней верой.

(Д. Бедный).

В Ленинграде состоялся общегородской радиомитинг, посвященный XXIV годовщине Великого Октября. Выступивший на митинге Н. Тихонов сказал:

«Враг думает запугать нас — будем бесстрашными!

Враг думает осилить нас — будем непобедимыми!

Враг думает ослабить нас своей злобностью — будем беспощадными!

Побеждает тот, кто презирает смерть, кто не знает страха, кто сквозь огонь неудержимо идет вперед».

Ноябрь, 9. «Ленинградская правда» публикует статью В. Кочетова и М. Михалева «Октябрь в окопах», стихотворение В. Инбер «Родина, отомстим!». Газета Северо-Западного фронта «За Родину» печатает очерк К. Горбунова «Комиссар». Газета Карельского фронта «В бой за Родину» помещает очерк В. Курочкина «Рождение командира».

Ноябрь, 11. В «Правде» опубликовано стихотворение С. Вургуня «Сердце Отчизны святой». Там же помещена корреспонденция В. Рудного «На полуострове Ханко».

Ноябрь, 12. «Комсомольская правда» публикует корреспонденцию Ю. Жукова и М. Черненко «Будни фронта».

В Концертном зале имени Чайковского состоялся вечер писателей-фронтовиков. В числе выступавших с чтением своих произведений были: В. Лидин, М. Матусовский, Л. Славин, В. Ставский, А. Сурков.

В солдатских сердцах мы несем отвагу.
Грозна штыков синева.
Вперед! В наступленье! Назад ни шагу!
За нашей спиной Москва.

(А. Сурков. «За нашей спиной Москва»).

Ноябрь, 16. В газете Северо-Западного фронта «За Родину» напечатан очерк К. Горбунова «Знамя».

Ноябрь, 19. «Правда» помещает стихотворение М. Исаковского «Наказ сыну».

«Вечерняя Москва» помещает информацию: в одной из воинских частей Западного фронта состоялась встреча бойцов с писателями С. Васильевым, И. Молчановым и Г. Корабельниковым.

Ноябрь, 23. В «Известиях» опубликовано стихотворение А. Твардовского «Мать». «Красная звезда» помещает корреспонденцию П. Павленко «В латвийских частях».

Ноябрь, 26. «Известия» печатают очерк Е. Петрова «За спиной — Москва».

Ноябрь, 28. В «Известиях» опубликован очерк В. Лидина «Москва, ноябрь 1941 года».

Ноябрь, 29. «Комсомольская правда» печатает очерк Е. Воробьева «Москва под ружьем».

В фашистском концлагере погиб кабардинский прозаик Али Шогенцуков.

Ноябрь. В боях с фашистскими захватчиками смертью храбрых погибли: в районе станции Дьяково Ворошиловградской области — адыгейский поэт Хусен Андрухаев, на Балтике при выполнении боевого задания — ленинградский поэт, штурман подводной лодки Алексей Лебедев.

В ноябре на Западном фронте начинает выходить двухнедельный сатирический журнал «Фронтной юмор» — издание Политического управления фронта. В первых номерах журнала среди других приняли участие С. Маршак, А. Раскин, М. Слободской, М. Светлов, Е. Бермонт, М. Пустынин, П. Дружинин.

Декабрь, 1. «Правда» помещает поэму Н. Тихонова «Киров с нами».

Декабрь, 2. В «Правде» опубликованы корреспонденция Б. Полевого «Ожесточенные бои продолжаются» и статья С. Сергеева-Ценского «Тебе, Москва!».

По радио передан очерк А. Хамадана «Флаг-штурман».

Декабрь, 3. «Красная звезда» помещает очерк Б. Ямпольского «Зеленая шинель».

Декабрь, 5. Газета Ленинградского фронта «На страже Родины» печатает стихи А. Прокофьева «Клянемся» и Б. Лихарева «Родине».

Декабрь, 7. Газета «Красный флот» помещает стихи А. Тарасенкова «Подводники». В армейской газете «Врага — на штык!» напечатано стихотворение заместителя политура А. Салынского «Наш комиссар».

Декабрь, 8. Газета Северо-Западного фронта «За Родину» печатает стихотворение М. Кульчицкого «Столица».

Декабрь, 10. В «Правде» опубликован очерк В. Ставского «Автоматчик Павел Бирюков». Газета Московского военного округа «Красный воин» печатает статью Ю. Либединского «Имя победы». Газета Карельского фронта «В бой за Родину» помещает «Песнь бойца Карельского фронта» А. Коваленкова.

Декабрь, 13. Газеты публикуют сообщение Совинформбюро о провале немецкого плана окружения и взятия Москвы. Разгром фашистских войск на подступах к Москве.

«Правда» помещает корреспонденцию П. Лидова с Западного фронта «Удар конногвардейцев Белова», стихотворение А. Суркова «Вперед, богатыри, вперед!». В «Известиях» напечатаны корреспонденция В. Лидина «Путь на Запад» (с северного участка Западного фронта), стихотворение А. Ерикеева «Клятва Москве» и очерк Е. Петрова «Армия мародеров отступает»:

«И радостно, и больно, когда едешь по следам поспешно отступающих немцев.

Радостно, что их гонят, наконец, от нашей родной Москвы. Больно, что наши поля изрыты, леса изломаны, а люди, имевшие несчастье остаться в своих домах, ограблены, измучены, еле живы...

Мы знаем, что это еще не конец. До конца-еще долго.

Но это — начало конца».

Декабрь, 15. В бою с фашистскими захватчиками на Украине смертью храбрых погиб поэт Мотель Гарцман.

Декабрь, 17. «Правда» печатает корреспонденции П. Лидова «Отбито еще 90 населенных пунктов» и Б. Полевого «Как был занят город Калинин».

Декабрь, 18. Газета Московского военного округа «Красный воин» помещает стихотворение А. Ясного «Расплата».

Декабрь, 19. В «Правде» напечатано стихотворение С. Шипачева «Москва в эти дни». В «Красной звезде» начал печататься очерк В. Ставского «В блиндаже (Быль)» (Западный фронт).

Декабрь, 21. «Известия» публикуют статью Е. Петрова и Е. Кригера «Конец Волоколамского направления» — о поражении фашистов под Москвой. Газета Северо-Западного фронта «За Родину» печатает корреспонденцию Б. Изакова и С. Прокофьева «В освобожденном Калинин».

Декабрь, 22. В бою с фашистскими захватчиками под Ленинградом смертью храбрых погиб ленинградский поэт Михаил Троицкий.

Декабрь, 25. Газета Юго-Западного фронта «Красная Армия» помещает «Песню о Днепре» Е. Долматовского:

Враг напал на нас, мы с Днепра ушли.
Смертный бой гремел, как гроза.
Ой, Днепро, Днепро, ты течешь вдали,
И волна твоя как слеза.
Из твоих стремнин враг воду пьет,
Захлебнется он той водой.
Славный день настал, мы идем вперед
И увидимся вновь с тобой.

В армейской газете «Знамя Советов» опубликован очерк Е. Поповкина «Вражеский лазутчик».

Декабрь, 27. В «Красной звезде» опубликован памфлет И. Эренбурга «Тигр хнычет». В армейской газете «Врага — на штыки!» напечатана корреспонденция Б. Ивантера «Командир истребителей».

Декабрь, 28. «Красная звезда» печатает очерк А. Кривицкого «В Наро-Фоминске». Армейская газета «Боевая тревога» помещает стихотворение В. Гусева «Мы вернемся».

Декабрь, 29. «Правда» публикует статью С. Сергеева-Ценского «Севастополь».

Декабрь, 30. Газета «Красный флот» сообщает, что на полуострове Ханко вышел сборник стихов краснофлотцев и красноармейцев «Гангутцы», посвященный героям полуострова. В сборнике напечатаны стихи М. Дудина, Н. Имшенецкого и других.

Декабрь, 31. В «Правде» напечатаны стихи А. Суркова «Декабрь»:

Здесь вмяты в снеговую целину
Стальные каски, плоские штыки.
Отсюда, в первый раз за всю войну,
Вперед, на запад, хлынули полки.

Декабрь. В бою с фашистскими захватчиками под Наро-Фоминском смертью храбрых погиб латышский поэт Альфред Страдыньш. В фашистском концлагере погиб кабардинский писатель Индрис Кажаров.

В декабре журналы печатают:

«Новый мир» (№ 11—12) — пьесу В. Ставского «Война», рассказы Вс. Иванова «Четыре пунжта», В. Каверина «Сила сильных», Л. Соболева «Соловей», «Парикмахер Леонард», «Снайпер», Ф. Панферова «Своими глазами», стихотворение Н. Тихонова

«Три кубка» и другие; «Краснофлотец» (№ 24) — рассказы Е. Леваковской «Сто метров», О. Савича «Рыбаки из Сен-Маклу», З. Фазина «Виктория», очерки В. Азарова и С. Федоренко «Краснофлотский бронепоезд», П. Сажина «Кнопка», стихи М. Дудина «Снаряд», А. Жарова «За Полярным кругом», А. Суркова «Сын» и другие.

1941 год. В боях с фашистскими захватчиками смертью храбрых погибли: под Севастополем — украинский прозаик Михаил Гайдабура; под Ворошиловградом — грузинский писатель Владимир Убилава; на Западном фронте — белорусские поэты Николай Семашка, Владимир Рагуцкий; под Наро-Фоминском — ростовский писатель Евгений Безбородов; писатели Мухамед Аблеев, Самуил Гельмонд, Самуил Гершензон, Шимон Гольденберг, Константин Кунин, Зиновий Лившиц, Шлема Лопата, Александр Макаров, Абдушкур Пирмухамед-заде, Андрей Угаров-Остропольский, Сергей Шапошников. Расстреляны фашистами литовская писательница Ванда Диджюлите-Альбрехтене, литовский поэт Витаутас Монтвилла.

В течение года вышли на русском языке отдельными изданиями следующие произведения советских писателей:

А. Антоновская. Великий Моурави. Роман. Части третья, четвертая; И. Арамилев. Юность Матвея. Роман; Д. Бедный. Степан Завгородний. Повесть в стихах; С. Бородин. Дмитрий Донской. Роман; М. Брагин. Полководец Кутузов; М. Булавин. Мамонтовщина. Повесть. Книга первая; Джамбул. Пуля — врагу! Стихи. Перевод с казахского; Л. Канторович. В боях; В. Кожевников. Грозное оружие; А. Корнейчук. В степях Украины. Пьеса. Перевод с украинского; Е. Кригер и К. Симонов. Очерки с фронта; Ю. Крымов. Инженер. Повесть; Я. Купала. От сердца. Стихи и поэмы. Перевод с белорусского; В. Лебедев-Кумач. В бой за Родину! Стихотворения; Б. Лихарев. Записки сапера; Л. Мартынов. За Родину. Стихи; С. Маршак. Стихи о войне; Н. Погодин. Кремлевские куранты. Пьеса; А. Поляков. В тылу врага. Дневник военного корреспондента; Л. Раковский. Генералиссимус Суворов; К. Симонов. Из фронтового блокнота. Очерки. Парень из нашего города. Пьеса; В. Ставский. Из фронтовых записей; А. Степанов. Порт-Артур. Историческое повествование. Книга вторая; А. Сурков. Фронтовая тетрадь. Стихи; А. Твардовский. Фронтовые стихи; П. Тычина. Лирика. Перевод с украинского; А. Чаковский. Кого фашисты сжигают; В. Шишков. Емельян Пугачев. Книга первая; И. Эренбург. Фашистские мракобесы. Враги. Сборник статей, и другие.

1942 ГОД

Январь, 1. «Правда» публикует очередное из «Писем товарищу» Б. Горбатова — «С Новым годом, товарищи!». «Ленинградская правда» печатает стихотворение В. Рождественского «С Новым годом, родные просторы!». Газета «Красный Балтийский флот» помещает стихотворение М. Дудина «С новым годом!». Газета Западного фронта «Красноармейская правда» напечатала сатирический фельетон М. Слободского «Новогодняя елка бравого солдата Швейка».

Январь, 3. Газета Калининского фронта «Вперед на врага» печатает стихотворение С. Алымова «Наша русская зима».

Январь, 4. «Красная звезда» помещает рассказ А. Корнейчука «В зимнюю ночь».

В бою с фашистскими захватчиками смертью храбрых погиб ленинградский драматург, военный корреспондент газеты «За Советскую Родину» Александр Бычков.

Январь, 5. В бою с фашистскими захватчиками смертью храбрых погиб армянский поэт Теван Хачьян.

Январь, 6. В «Известиях» напечатан очерк Е. Петрова «Что такое счастье». В «Комсомольской правде» опубликованы стихи Е. Шевелевой «Дочери». Газета Западного фронта «Красноармейская правда» печатает корреспонденцию В. Кожевникова «В освобожденном Боровске». В армейской газете «Врага — на штык!» опубликовано стихотворение красноармейца В. Очеретина «Письмо бойцу».

Январь, 7. В «Комсомольской правде» помещено стихотворение красноармейца С. Гудзенко «Мы не простим!».

В бою с фашистскими захватчиками смертью храбрых погиб удмуртский прозаик Петр Блинов.

Январь, 9. «Комсомольская правда» публикует корреспонденцию Е. Воробьева «Туляки».

Январь, 12. На боевом посту погиб ленинградский прозаик, работник армейской газеты Волховского фронта Сергей Семенов.

Январь, 14. «Правда» помещает стихотворение К. Симонова «Жди меня». В «Красной звезде» опубликована статья И. Эренбурга «Весна в январе».

Январь, 15. «Комсомольская правда» помещает корреспонденцию С. Нариньяни «В город пришел хозяин» (с Западного фронта). Газета «Коммунист» (выходящая на украинском языке) начинает печатать рассказ М. Шеремета «В фашистской неволе».

Январь, 16. В «Правде» опубликовано стихотворение П. Бровки «Белоруссии». «Красная звезда» пачала печатать «Русскую повесть» П. Павленко. В армейской газете «Врага — на штык!» опубликована корреспонденция Б. Ивантера «В уцелевшем домишке».

Январь, 17. В газете Северо-Западного фронта «За Родину» напечатан очерк К. Горбунова «Когда люди не умирают».

Январь, 19. Газета «Литература и искусство» помещает стихотворение П. Шубина «Война». Газета «Коммунист» печатает корреспонденцию Я. Кочуры из Действующей армии «В морозную ночь».

Январь, 21. «Правда» публикует статью А. Корнейчука «С Лениным в сердце» и стихотворение С. Щипачева «Ленинское знамя». В «Известиях» помещена статья Н. Тихонова «Город Ленина — город-герой».

Январь, 22. В «Известиях» опубликована Декларация общественных деятелей прибалтийских республик о фашистских зверствах в Литве, Латвии и Эстонии. Среди других Декларацию подписали: литовские писатели Ю. Балтушис-Юозенас, Ю. Банайтис, Л. Гира, Ю. Палецкис, И. Марцинкявичюс, С. Нерис, П. Цвирика, И. Шимкус; эстонские писатели И. Барбарус Варес, А. Якобсон, Н. Андресен, Я. Кярнер, И. Семпер, А. Алле; латышские писатели А. Упит, В. Лацис, Я. Ниедре, Я. Судрабали.

«Красная звезда» публикует очерк А. Кривицкого «О 28 павших героях» — первое выступление в печати о героях-панфиловцах.

Январь, 25. «Известия» печатают рассказ Ю. Яновского «Дед Данило из социализма». Газета «Красный Балтийский флот» помещает песню Н. Брауна «Готовьтесь, балтийцы, в поход». В газете Северо-Западного фронта «За Родину» начато печатание цикла очерков Б. Бялика «По тылам врага».

Январь, 27. В «Правде» опубликован очерк военного корреспондента П. Лидова «Таня» — первое сообщение о героическом подвиге Зои Космодемьянской.

Январь, 28. В бою с фашистскими захватчиками смертью храбрых погиб армянский поэт, политрук Григорий Кулоглян.

Январь, 29. «Ленинградская правда» публикует очерк В. Кочетова и В. Горбылевой «Партизанская деревня».

Январь, 30. Газета Северо-Западного фронта «За Родину» печатает «Балладу о капитане Половчине» М. Матусовского — о погибшем герое-танкисте.

В январе журналы печатают:

«Краснофлотец» (№№ 1 и 2) — статью А. Новикова-Прибоя «Боевые традиции русских моряков», рассказы Н. Шпанова «Спор, оставшийся нерешенным», А. Тарасенкова «Два дня», стихи Н. Флерова «1942», Б. Ковынева «Друг за друга», Н. Панова «Новый год в Заполярье», А. Лебедева «Ночь на Неве» и другие.

Февраль, 1. «Правда» печатает рассказ Л. Соболева «Невеста».

Февраль, 2. В «Правде» опубликовано стихотворение А. Исаакяна «Бранный клич». В армейской газете «Врага — на штык!» напечатан очерк Б. Ивантера «Боевой экзамен».

Февраль, 3. Газета «Литература и искусство» помещает стихотворение М. Танка «Не жалейте, хлопцы, пороха». В газете Северо-Западного фронта «За Родину» напечатан очерк К. Буковского «Начало прорыва».

Февраль, 4. В «Правде» напечатано стихотворение С. Вургуня «Сыну Азербайджана, Герою Советского Союза Исрафилу Мамедову». Газета Юго-Западного фронта «Красная Армия» помещает корреспонденцию М. Розенфельда «Случай в разведке».

Февраль, 5. «Правда» печатает стихотворение С. Щипачева «О Москве»:

В настороженном городе темно,
Прохожего патруль окликнет строго,
И светом не блеснет окно —
Кругом слепые бельма окон.
Ну что ж, пускай Москва затемнена,
Пускай огни зажжем еще не скоро —
И затемненная она
На свете самый светлый город.

Февраль, 6. Газета Южного фронта «Во славу Родины» печатает очерк Б. Горбатов «О воинской чести, о воинской славе».

Февраль, 8. В газете «Литература и искусство» помещена информация: большим тиражом выходит газета «За Советскую Беларусь» и распространяется среди населения оккупированной Белоруссии. В газете принимают активное участие многие белорусские писатели: М. Лыньков, К. Крапива, П. Бровка, П. Глебка, К. Чорный, М. Танк, П. Панченко и другие. В газету присылают стихи и статьи Янка Купала и Якуб Колас. Газета Северо-Западного фронта «За Родину» печатает очерк Ю. Королькова «Волки выходят из леса».

Февраль, 9. Армейская газета «Звезда Советов» (Южный фронт) печатает корреспонденцию Д. Холендро «Сила оружия».

Февраль, 12. «Комсомольская правда» начала публиковать повесть С. Нариньяни «Мстители».

Февраль, 13. В газете Калининского фронта «Вперед на врага» начинает печататься «Поэма фронта» С. Кирсанова.

Февраль, 14. «Правда» публикует передовую статью «Искусство — на службу Красной Армии».

Февраль, 15. В бою с фашистскими захватчиками смертью храбрых погиб башкирский драматург, политрук роты Сагит Мифтахов.

Февраль, 16. В «Правде» напечатана статья А. Толстого «На релетиции Седьмой симфонии Шостаковича».

Февраль, 18. «Правда» помещает очерк П. Лидова «Кто была Таня».

Февраль, 19. В «Комсомольской правде» напечатано стихотворение Э. Огнецвет «Партизаны».

Февраль, 21. «Правда» публикует очерк Е. Петрова «В феврале».

Февраль, 23. «Правда» печатает статью А. Толстого «За советскую Родину!» и стихотворение С. Маршака с рисунком Кукрыниксов «Урок истории». В «Известиях» помещено стихотворение А. Прокофьева «Клятва». Газета «Красный флот» печатает стихотворение П. Панченко «Севастополь». Дивизионная газета «Боевое знамя» опубликовала очерк Ю. Сергеева (Г. Березко) «Сержант Лукин».

Февраль, 24. Газета Южного фронта «Во славу Родины» помещает очерк В. Собко и Г. Плоткина «Сильнее смерти». Газета Юго-Западного фронта «Красная Армия» печатает стихотворение Е. Долматовского «Поединок с танком».

Февраль, 26. Газета Южного фронта «Во славу Родины» публикует «Песню разведчиков Южного фронта» А. Штейнберга.

В бою с фашистскими захватчиками под Ленинградом смертью храбрых погиб поэт Всеволод Багрицкий (сын Эдуарда Багрицкого).

Февраль, 27. В «Красной звезде» напечатано стихотворение И. Сельвинского «Я это видел» — о зверствах фашистов в Керчи. Газета «Красный флот» помещает рассказ Л. Соболева «Татьяна».

Февраль, 28. «Правда» печатает статью М. Шолохова «На юге». Газета «Литература и искусство» помещает стихи А. Суркова из книги «Декабрь под Москвой» — «Разведчик» и «Песенка» («Бьется в тесной печурке огонь»).

В феврале журналы печатают:

«Звезда» (№ 1—2) — стихи Н. Тихонова из цикла «Огненный год»; «Знамя» (№ 1—2) — 1-ю часть повести Ю. Либединского «Гвардейцы»; «Красная новь» (№ 1—2) — рассказы В. Ильенкова «Горе», «Огонь», «Варежки»; «Новый мир» (№ 1—2) — пьесу А. Корнейчука «Партизаны в степях Украины»; «Краснофлотец» (№№ 3 и 4) печатает очерки С. Варшавского и Б. Реста «Над Берлином», Б. Яглинга «Североморский дневник», рассказы В. Воеводина «Сорок девять минут», В. Каверина «Случай на мельнице», С. Зоряна «Мать», стихи В. Журавлева «Военный комиссар», А. Жарова «Заполярные зенитчики», Н. Брауна «Ленинградская ночь» и другие.

Март, 1. «Комсомольская правда» публикует поэму М. Светлова «Двадцать восемь»:

Положи на сердце эту песню,
Эту строчку каждую возьми!..
Жизнь гвардейца! Повторись! Воскресни
Песнею о двадцати восьми!

Март, 3. В армейской газете «Звезда Советов» (Южный фронт) помещен очерк К. Герасименко «Мы скоро придем (Рассказы об Украине)».

Март, 6. «Правда» начинает публиковать цикл «Ленинградских рассказов» Н. Тихонова — «Черты советского человека».

Март, 7. В газете Калининского фронта «Вперед на врага» начинает печататься цикл очерков И. Андроникова и Р. Бершадского «У партизан Бати». Газета Южного фронта «Во славу Родины» публикует рассказ А. Шарова «Возвращение». Газета «Советская Белоруссия», выходящая на белорусском языке, помещает стихотворение П. Бровки «На дороге Минск — Москва».

Март, 8. «Правда» печатает статьи В. Василевской «Советская женщина», Л. Сейфуллиной «Женщина — на страже» и стихотворение А. Ахматовой «Мужество». В газете Южного фронта «Во славу Родины» напечатано стихотворение А. Левады «Письмо матери за Днепр» (на украинском языке). Газета «Красноармейская правда» помещает очерк В. Кожевникова «Девушка шла впереди». «Ленинградская правда» публикует стихотворение В. Инбер «Душа Ленинграда»:

Жилье без света, печи без тепла,
Труды, лишения, горести, утраты,—
Все вынесла и все перенесла ты.
Душою Ленинграда ты была,
Его великой материнской силой,
Которую ничто не подносило.

Март, 13. Газета «Сталинский сокол» поместила очерк Л. Кассиля «Линия связи» (памяти сержанта Новикова).

Март, 14. В «Правде» напечатано стихотворение А. Безыменского «Двое и смерть».

Март, 15. «Правда» публикует стихотворение Л. Первомайского «Земля»:

...А если я в сраженьи упаду
На мерзлую седую борозду,
Раскинув руки, точно для объятья,
И мимо, не успев сказать «прости»,
На запад, не замешкавшись в пути,
Пройдут мои товарищи и братья.
И только Родина, склонясь ко мне,
Сорвав ремни, найдет на сердце сына
Тот вечный, не сгораемый в огне
Комок земли горячей, Украина!

«Известия» помещают рассказ И. Ле «Красная звезда».

Март, 17. Газета Южного фронта «Во славу Родины» помещает корреспонденцию Ю. Королькова «Через линию фронта».

Март, 18. Газета Северо-Западного фронта «За Родину» публикует очерк Н. Богданова «Тимур — сын Фрунзе».

Март, 19. В «Правде» напечатан рассказ В. Катаева «Флаг». Красноармейская газета «Героический штурм» помещает поэму М. Свердловцева (М. Крючкина) «Сын Осетии чудесной» — о Герое Советского Союза Хазимурзе Мильдзихове.

В бою с фашистскими захватчиками смертью храбрых погиб абхазский писатель Сандро Кучберия.

На боевом посту погиб ленинградский очеркист, редактор краснофлотской газеты Еремей Лаганский.

Март, 20. «Правда» публикует стихотворение С. Щипачева «Карточка, вложенная в посылку».

Март, 21. Газета «Литература и искусство» сообщает о состоявшейся в Москве, в Малом театре, встрече писателей с фронтовиками и стахановцами столицы. С чтением своих произведений выступили: С. Маршак, Н. Тихонов, М. Светлов, М. Слободской, А. Сурков, В. Кожевников. Артист Д. Орлов прочитал «Письма товарищу» Б. Горбатова. В армейской газете «Врага — на штык!» начата публикация серии корреспонденций Б. Ивантера «Письма с аэродрома». Газета Северо-Западного фронта «За Родину» помещает стихотворение А. Григулиса «Латышских стрелков эшелон...».

В бою с фашистскими захватчиками смертью храбрых погиб коми поэт Василий Елькин.

Март, 22. «Красная звезда» печатает поэму Н. Тихонова «Слово о 28 гвардейцах». В армейской газете «Боевая красноармейская» (Юго-Западный фронт) опубликовано стихотворение Джека Алтаузеня «Вся отчизна меня провожала»:

Я фашистской не кланялся пуле,
Не робел, не терялся в дыму.
В грозном грохоте, в огненном гуле
Нес я гибель врагу своему.
И рука у меня не дрожала,
Потому что в тот день голубой
Вся отчизна меня провожала,
Весь народ посылал меня в бой.

Март, 23. В бою с фашистскими захватчиками под Старой Руссой смертью храбрых погиб латвийский писатель Вольдемар Юнг.

Март, 24. «Правда» печатает статью М. Шагинян «Вдохновение». «Ленинградская правда» сообщает, что группа ленинградских писателей приехала в летнюю часть Ленинградского фронта; А. Прокофьев прочитал свои новые стихи — «Летное яблочко», «Наши клещи ваших хлеще», «О Ленинграде»; В. Саянов рассказал о пионерах русской авиации — героях своей книги «Земля и небо» — и прочитал отрывок из второй части романа; И. Авраменко выступил с чтением своих стихов.

Март, 25. В «Комсомольской правде» опубликовано стихотворение Л. Квитко «Гранатометчики».

Март, 28. В газете Северо-Западного фронта «За Родину» печатается «Фронтовая поэма» М. Матусовского «Володька» — о бойце-пионере, награжденном орденом Красной Звезды.

Март, 29. «Правда» помещает очерк Е. Петрова «В марте». «Комсомольская правда» печатает стихи А. Малышко «Моя Украина дорогая» (на украинском языке). «Известия» начинают публиковать очерки В. Саянова «Гвардия высот».

Март, 30. Газета «Советская Белоруссия» печатает статью К. Чорного «На нашей земле хочет хозяйничать немецкий пан».

В бою с фашистскими захватчиками смертью храбрых погиб татарский поэт, политрук Вадут Мифтахов.

Март. В боях с фашистскими захватчиками смертью храбрых погибли башкирский поэт Хусаин Кунакбаев, свердловский писатель Константин Реут.

В марте журналы печатают:

«Красноармеец» (№ 5—6) — рассказы М. Колосова «Винтовка», С. Сергеева-Ценского «У края воронки», С. Вашенцева «Высота «Погост Ильи Пророка» (с Калинин-

ского фронта) и другие; «Краснофлотец» (№№ 5 и 6) — очерки В. Ряховского «Алексей Свиногеев», А. Тарасенкова «Лейтенант Беляев», А. Ивича «На освобожденной земле», Л. Лагина «Корабль снова готов к бою», И. Арамилева «Севастопольцы», рассказы А. Макарова «Весна», Ю. Германа «Дорофеев и Лиза», А. Зорина «Смертью храбрых», А. Марьямова «Секрет мужества» (из повести «Моряки в горах»), стихи В. Азарова «Клятва» и другие.

Апрель, 1. «Красная звезда» печатает стихотворение С. Михалкова «В том краю, где ты живешь (Нашим детям)».

Апрель, 2. В газетах опубликовано обращение представителей интеллигенции УССР к украинскому народу. Среди других обращение подписали М. Бажан, А. Корнейчук, И. Кочерга, А. Малышко, Л. Первомайский, В. Сосюра, П. Тычина.

В газете Юго-Западного фронта «Красная Армия» опубликована статья М. Упеника «Трагедия Харькова».

Апрель, 4. Второй всеславянский митинг в Москве. В нем участвуют писатели: В. Василевская, Я. Колас, А. Корнейчук, Н. Тихонов.

«Правда» печатает статью А. Толстого «Славяне, к оружию!». В «Комсомольской правде» напечатано стихотворение М. Исаковского «Крутится, вертится шар голубой».

Апрель, 5. Газета Юго-Западного фронта «Красная Армия» сообщает, что в Ворошиловграде собралось свыше восьмисот представителей молодежи Советской Украины на антифашистский митинг. Митинг передавался всеми украинскими радиостанциями. Среди выступавших — поэт А. Малышко.

Апрель, 8. Газета «Красный флот» помещает поэму А. Жарова «Богатырь (гордой памяти Героя Советского Союза Ивана Сивкова)». Газета Брянского фронта «На разгром врага» печатает статью И. Эренбурга «Бойцам Брянского фронта».

Апрель, 12. Газеты публикуют постановление СНК СССР о присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области искусства за 1941 год.

Апрель, 18. Газета Южного фронта «Во славу Родины» печатает корреспонденцию А. Шарова «Семнадцать» (о жизни и смерти семнадцати маленьких героев Одессы).

В бою с фашистскими захватчиками смертью храбрых погиб чувашский писатель Андрей Петокки.

Апрель, 21. «Красная звезда» публикует рассказ В. Ильенкова «Жизнь».

Апрель, 26. «Известия» печатают стихотворение А. Твардовского «Бойцу-земляку».

Апрель, 27. В Политуправлении Крымского фронта состоялось совещание писателей, работающих в частях этого фронта. Среди выступавших — П. Павленко, И. Сельвинский.

Апрель, 30. «Красная звезда» публикует статью П. Павленко «Крымские партизаны». «Известия» помещают очерк А. Караваевой «Душа мастера». Газета Западного фронта «Красноармейская правда» печатает стихотворение С. Чиковани «Во имя счастья».

В апреле журналы печатают:

«Звезда» (№ 3—4) — «Ленинградские рассказы» Н. Тихонова, поэму В. Азарова «Сердце Ленинграда», стихи А. Прокофьева «Бессмертен народ наш!», «России», «Слушай, страна, говорит Ленинград», «Встань, ненависть...» и рассказы В. Шишкова «Советские Сусанины»; «Знамя» (№ 3—4) — третью часть романа И. Эренбурга «Падение Парижа»; «Красная новь» (№ 3—4) — стихи Д. Боконбаева «Сын вам пишет издалека...», «От отца», «Письмо с фронта» и М. Исаковского «Отцовский дом разграблен и разрушен», «Мы шли...», «Здесь похоронен красноармеец»; «Новый мир» (№ 3—4) — историческую повесть В. Яна «Батый» и начало романа А. Первенцева «Испытание»; «Октябрь» (№ 3—4) — поэму М. Бажана «Даниил Галицкий»; «Краснофлотец» (№ 7—8) — рассказы А. Крона «Боевая дружба», С. Сергеева-Ценского «Флот и крепость», стихи А. Яшина «Баллада о балтийском танке».

Май, 1. «Ленинградская правда» сообщает, что на имя Джамбула пришло из Действующей армии следующее письмо:

«Великий акын Джамбул Джабаев! Сыны казахского и русского народов Сеитов Дюсекей и его командир Сахаров Борис здесь, в окопах, готовятся покончить навсегда с фашизмом. Пришли нам свою славную песню. Она нам поможет».

Джамбул немедленно откликнулся на это письмо стихотворением «Сынам любимой Родины». Стихотворение Джамбула помещено в этом же номере газеты. Там же напечатаны статьи А. Фадеева «Ленинград — это звучит гордо!» и В. Вишневского «Стреляет Красная Горка». Газета Калининского фронта «Вперед на врага» публикует «Песенку о нашей почте» М. Лисянского.

Газета Ленинградского фронта «На страже Родины» помещает статью И. Эренбурга «Защитникам Ленинграда». Армейская газета «Сталинский удар» печатает очерк Б. Рюрикова «Воля к победе».

Май, 4. Газета Калининского фронта «Вперед на врага» помещает песню К. Мурзиди «Гвардейцы Урала».

Май, 5. «Красная звезда» публикует корреспонденцию М. Розенфельда «Боевая красноармейская» — о работе редакции армейской газеты.

Май, 7. Газета «Известия» помещает очерк Б. Агапова «Напряжение».

Май, 8. Газета «Сталинский сокол» печатает рассказ С. Нагорного «Рябошапка».

Май, 9. В армейской газете «Боевая красноармейская» (Юго-Западный фронт) помещено стихотворение Джека Алтаузена «Партбилет».

Май, 10. «Правда» начинает печатать повесть Ф. Панферова «Своими глазами». «Известия» помещают «Балладу о товарище» А. Твардовского.

Май, 12. В Политуправлении Южного фронта состоялось совещание писателей, работающих в частях этого фронта.

Май, 14. Газета Юго-Западного фронта «Красная Армия» печатает статью А. Малышко «Любовь к родной земле».

Май, 15. Газета «Красный флот» печатает рассказ Н. Жданова «Друзья». В краснофлотской газете «За Родину» помещено стихотворение А. Тарасенкова «Письмо матери».

В бою с фашистскими захватчиками смертью храбрых погиб армянский поэт Григор Гарунц.

Май, 16. «Литература и искусство» помещает стихотворение Н. Рыленкова «Испытание огнем и железом»:

Рвы блиндажей трава заляет на склонах
Крутых холмов, нахлынув, как волна.
В тех блиндажах из юношей влюбленных
Мужчинами нас сделала война.

В бою с фашистскими захватчиками смертью храбрых погиб армянский поэт Месроп Меружан.

Май, 17. Газета «Красный флот» публикует рассказ П. Капицы «Мужество».

Май, 20. Дивизионная газета «Боевое знамя» печатает рассказ Г. Березко «Хорошая память» — о борьбе норвежских патриотов с фашистами.

Май, 21. «Правда» печатает поэму С. Васильева «Москва за нами». В газете «Известия» помещена корреспонденция Г. Холопова «Двадцать две контратаки отражены».

Май, 24. В «Правде» напечатаны «Письма» И. Уткина: «Если будешь ранен...», «Если я не вернусь, дорогая». В «Известиях» опубликовано стихотворение А. Твардовского «Партизанам Смоленщины». В «Краснофлотце» (Северный флот) печатается корреспонденция Н. Панова «Залпы с моря».

Май, 26. В «Правде» помещена статья И. Эренбурга «Оправдание ненависти»:

«Мы тоскуем не о мести — о справедливости. Мы хотим уничтожить гитлеровцев, чтобы на земле возродилось человеческое начало. Мы радуемся многообразию и сложности жизни, своеобразием народов и людей. Для всех найдется место на земле. Будет жить и немецкий народ, очистившись от страшных преступлений гитлеровского десятилетия».

«Комсомольская правда» печатает стихотворение И. Неходы «Рисунок» («Письмо без слов от дочери моей...»).

Май, 27. Газета «Советская Белоруссия» помещает стихотворение Я. Купалы «Хлопчик и летчик на войне».

Май, 28. Газета «Красный флот» печатает рассказ А. Макарова «Письмо».

Май, 29. «Ленинградская правда» начинает печатать отрывки из книги Е. Федорова «Дорога в Ленинград» — «Люди ледовой трассы».

Май, 31. В «Комсомольской правде» напечатан очерк И. Меньшикова «Возрождение». В «Известиях» печатается отрывок из романа В. Лидина «Мать».

Май. В боях с фашистскими захватчиками смертью храбрых погибли: на Юго-Западном фронте — поэт Джек Алтаузен, на Южном — грузинский писатель Александр Сулава, под Севастополем — писатель-горьковчанин Александр Муратов.

В мае журналы печатают:

«Красноармеец» (№№ 9 и 10) — рассказы В. Кожевникова «Беспокойный человек», П. Нилина «Совесть», очерк А. Твардовского «На переднем крае»; «Краснофлотец» (№№ 9 и 10) — рассказы А. Караваевой «Дубовая веточка», А. Макарова «Однажды ночью», М. Зингера «Ценный груз», П. Гаврилова «Ненаписанное письмо», А. Явича «Сын», стихи С. Алымова «Орлы Черноморья», В. Азарова «Вся в звездах ночь».

Июнь, 1. «Правда» публикует очерки А. Фадеева «Гвардейцы».

Июнь, 2. Газета «Красный флот» публикует очерк Б. Яглинга с борта Н-ской подводной лодки «Подводная лодка атакует врага».

Июнь, 7. В «Ленинградской правде» напечатана 1-я глава поэмы «Пулковский меридиан» В. Инбер — «Мы — гуманисты»:

Избавить мир, планету от чумы —
Вот гуманизм. И гуманисты — мы.

Газета «Советская Белоруссия» помещает стихотворение Э. Огнецвет «Мой белорусский край». Газета «Коммунист» публикует статью Л. Новиченко «Стон Киева».

Июнь, 12. В «Известиях» опубликован очерк А. Первенцева «На Кубани».

Июнь, 16. «Комсомольская правда» помещает стихотворение М. Луконина «Поле боя». Газета «Коммунист» печатает стихотворение Я. Шпорты «Ждите меня, мать и отец!».

Июнь, 19. В ВТО (Москва) состоялось чтение и обсуждение пьесы Л. Леонова «Нашествие».

Июнь, 22. В «Правде» опубликован рассказ М. Шолохова «Наука ненависти». Газета Черноморского флота «Красный черноморец» печатает очерк А. Ивича «Черноморские гвардейцы».

В бою с фашистскими захватчиками под Севастополем смертью храбрых погиб армянский поэт Татул Гурьян.

Июнь, 25. «Красная звезда» помещает корреспонденцию Е. Петрова «Севастополь держится». «Комсомольская правда» публикует статью Н. Тихонова «Голос времени» (памяти поэта-моряка А. Лебедева) и стихи А. Лебедева «Поход на «Вест» и «Ночь на Неве».

Июнь, 27. В «Правде» публикуется корреспонденция Л. Коробова «У белорусских партизан». Газета «Красный флот» печатает стихотворение Л. Длигача «Снаряд постигнет хищную орду (Личному составу батареи гвардии капитана Лещенко, обороняющей героический Севастополь)». Газета «Литература и искусство» помещает стихотворение Я. Судрабална «Латыши идут в бой».

В бою с фашистскими захватчиками смертью храбрых погиб кинодраматург Моисей Зац.

Июнь, 28. «Комсомольская правда» печатает поэму М. Светлова «Лиза Чайкина».

Июнь, 30. «Правда» напечатала стихотворение О. Берггольц «Ленинграду». Газета «Красный флот» печатает корреспонденции из Севастополя: А. Первенцева «Ночь над Севастополем», П. Сажина «Севастопольская неделя». Красноармейская газета «Уничтожим врага» опубликовала очерк А. Письменного «Слишком смелый мальчик».

В мае—июне журналы печатают:

«Звезда» (№ 5—6)—стихи Джамбула «Ленинград победит», М. Дудина «Волга», В. Рождественского «Винтовка», «Подбитый враг», «Ко мне пришло письмо...» и другие, Г. Суворова «Чайка», «Расцвела черемуха», И. Авраменко «Ночь накануне бессмертия», рассказы И. Кратта, П. Никитина, пьесу В. Вишневского, А. Крона, В. Азарова «Раскинулось море широко», очерки Г. Мирошниченко, Н. Воронова, П. Лукницкого, Е. Катерли и других; «Октябрь» (№ 5—6) — первую книгу трилогии В. Костылева «Иван Грозный» — «Москва в походе», очерки А. Полякова «Белые мамонты», стихи А. Яшина «Землянка», С. Щипачева «Тебе, Новгород» и другие; «Красноармеец» (№№ 11 и 12) — рассказ П. Нилина «Завтра», стихи Е. Долматовского, С. Маршака и других; «Краснофлотец» (№№ 11 и 12) — рассказы В. Карбовской, П. Капицы, Л. Кассиля, М. Эгарта, стихи В. Лебедева-Кумача «Тельняшка», А. Яшина «Наш город» и другие.

Июль, 2. На боевом посту погиб Евгений Петров. В боях с фашистскими захватчиками смертью храбрых погибли писатели: сотрудник газеты Северо-Кавказского фронта Валентин Лосев, сотрудник газеты «Красный флот» Евгений Чернявский.

Июль, 3. Газета «Красный флот» печатает записки корреспондента П. Сажина «Люди железной воли».

Июль, 4. «Литература и искусство» печатает ответ Теодора Драйзера бойцу Красной Армии, приславшему ему из Действующей армии письмо-поэму:

«Глубоко тронут этой данью уважения; разумеется, я вполне оценил ее значение и искренне признателен. Не знаю, что еще сказать. Это произведение принадлежит к тем прекрасным творениям искусства, которые рождает жизнь. Мир знает, как глубоко я восхищаюсь русским народом в целом и уважаю его и все, что сделано им для того, чтобы жизнь человечества стала более справедливой и достойной».

Июль, 5. «Комсомольская правда» поместила поэму О. Берггольц «Февральский дневник».

В бою с фашистскими захватчиками смертью храбрых погиб детский писатель, сотрудник армейской газеты «Врага — на штыки!» Борис Ивантер.

Июль, 6. Газета «Советская Белоруссия» печатает стихотворение А. Кулешова «Над братской могилой»:

Есть могила там братская рядом
с поселком Лажины,—
Белорусские хлопцы
Там головы честно сложили.
Мы без слез их хороним,
Мы знаем, мы помним,
Что плакать бойцам не годится:
Войсковых опоясок,
Винтовок и касок
Наше горе стыдится.

Июль, 7. В газете Калининского фронта «Вперед на врага» напечатан фельетон И. Андроникова «Глубокая разведка».

Июль, 8. В «Комсомольской правде» напечатан очерк А. Хамадана «Смерть Нины Онцловой» (о героине обороны Севастополя).

Июль, 9. Газета Ленинградского фронта «На страже Родины» печатает очерк В. Кочетова «Как смерч...». Газета «Советская Белоруссия» поместила стихотворение А. Белевича «В партизанском крае».

Июль, 12. В «Известиях» помещен рассказ Б. Лавренева «Полосатая смерть».

Июль, 13. «Правда» начинает публиковать пьесу К. Симонова «Русские люди».

Июль, 14. Газета «Советская Белоруссия» печатает корреспонденцию А. Кучара из штаба партизанской бригады «Батько Миняй».

Июль, 15. В газете Черноморского флота «Красный черноморец» помещено стихотворение С. Алымова «Клятву даем!».

Июль, 16. В «Известиях» опубликован рассказ Ф. Гладкова «Опаленная душа». В газете Черноморского флота «Красный черноморец» помещен очерк С. Бондарина «Азовцы на Дону».

Июль, 17. В «Красной звезде» напечатана корреспонденция А. Кривицкого и А. Полякова «На Дону» (из Действующей армии).

Июль, 18. В той же газете опубликовано стихотворение К. Симонова «Убей его!», на следующий день перепечатанное в «Комсомольской правде».

Июль, 19. «Красная звезда» начала печатать повесть В. Гроссмана «Народ бес- смертен».

Июль, 24—25. «Ленинградская правда» помещает «Ленинградскую поэму» О. Берггольц.

Июль, 25. Газета Сталинградского фронта «Красная Армия» печатает статью А. Серафимовича «Отстоим Дон и Волгу! Отстоим Русь-матушку!».

Июль, 26. «Комсомольская правда» публикует рассказ Л. Соболева «Морская душа». Краснофлотская газета «За Родину» помещает рассказ А. Зонина «Победа жизни». Газета Ленинградского фронта «На страже Родины» печатает очерк А. Штейна «Герои из Кронштадта».

Июль, 28. Газета «Коммунист» помещает очерк И. Ле «Три наказа». В армейской газете «Сталинский удар» напечатан очерк Г. Шолохова-Синяевского «Боевая слава Дона».

Июль, 29. В «Красной звезде» опубликована статья И. Эренбурга «Остановитесь!».

Июль, 30. В газете Калининского фронта «Вперед на врага» помещена статья С. Скляренко «Песня об Украине».

Июль, 31. «Правда» печатает стихотворение С. Маршака «Мать». «Красная звезда» опубликовала стихотворение А. Твардовского «Отречение». Газета «Красный флот» помещает рассказ И. Меньшикова «Рубикон».

Июль. В боях с фашистскими захватчиками смертью храбрых погибли в районе Барвенково—Красноград украинские писатели: прозаик Алексей Десняк и поэт Леонид Зимний (Писаревский).

В июле журналы печатают:

«Красная новь» — стихи А. Коваленкова «По дороге на запад», «Небывальщина», А. Кронгауза «Это — мы», «Мать» и другие; «Октябрь» — рассказы В. Ильенкова «Второе дыхание», «Возвращение», отрывок из книги А. Караваевой «Сталинские мастера» — «Семья», стихи Е. Долматовского «Борис Петрович», «О твоей семье» и другие; «Красноармеец» (№№ 13 и 14) — рассказы Ф. Гладкова «Как Никифор Петрович на фронте побывал», К. Левина «Семенычев», С. Марвича «Косой луч солнца», К. Паустовского «Просьба бойца Терехина», поэму М. Матусовского «Безымянная высота»; «Краснофлотец» (№ 13—14) начинает публикацию повести С. Варшавского и Б. Реста «Сын Отечества», печатает рассказы А. Дроздова «Они из морской пехоты», Л. Соболева «Рассказы о севастопольцах», стихотворение М. Лисянского «Черноморская легенда», поэму А. Жарова «Керим» и другие.

Август, 1. В «Красной звезде» опубликован очерк А. Довженко «Ночь перед боем». Армейская газета «Сын Родины» печатает стихотворение М. Луконина «Ни шагу назад!».

Август, 2. Армейская газета «На разгром врага» публикует рассказ В. Смирнова «Доктор Вера».

Август, 4. Армейская газета «Знамя Родины» (Южный фронт) помещает корреспонденцию С. Борзенко «Морская пехота». «Ленинградская правда» печатает стихотворение Е. Рывиной «Бойцам Ленинградского фронта».

Август, 5. В газете Черноморского флота «Красный черноморец» напечатан очерк М. Чарного «Черноморская стойкость». В «Комсомольской правде» помещен очерк Ю. Балтушиса, Э. Межелайтиса и М. Бордонайте «Литва борется».

Август, 6. «Известия» публикуют стихотворение А. Прокофьева «Россия».

Август, 9. Газета Закавказского военного округа «Боец РККА» публикует очерк И. Всеволожского «Любовь к кораблю».

Август, 10. В газете Калининского фронта «Вперед на врага» помещен очерк И. Андроникова «Командир Чанчибадзе (Урок по истреблению танков)».

Август, 13. Газета «Красный флот» напечатала рассказ И. Меньшикова «Белый коршун» и корреспонденцию М. Величко «Моряки в тылу врага».

Август, 14. «Красная звезда» начинает публиковать «Рассказы Ивана Сударева» А. Толстого. Армейская газета «Боевой товарищ» печатает стихи Н. Грибачева «Письмо с Дона».

В бою с фашистскими захватчиками смертью храбрых погиб детский писатель Михаил Гершензон.

«Он лично возглавил атаку бойцов одного из наших батальонов. В этой атаке он был тяжело ранен... Умер на шестой день после ранения».

(Из письма батальонных комиссаров Малахова и Савельева на имя матери Гершензона. Архив военной комиссии Союза писателей СССР).

Август, 15. В «Правде» напечатано стихотворение осетинского поэта Л. Кахиева «Кавказу». «Комсомольская правда» публикует стихотворение Г. Леонидзе «В бой!».

Август, 20. Газета «Коммунист» печатает стихотворение М. Стельмаха «Партизан».

Август, 21. «Известия» начали публиковать статью А. Толстого «Откуда пошла Русская земля». В «Красной звезде» напечатана статья В. Гроссмана «На Волге».

Август, 24. «Правда» начинает печатать пьесу А. Корнейчука «Фронт».

«Опубликование пьесы Корнейчука «Фронт» — признак величайшей силы и жизнестойкости Красной Армии, нашего государства, ибо только армия, уверенно смотрящая в будущее, уверенная в победе, может столь прямо и резко вскрывать собственные недостатки, чтоб быстро ликвидировать их».

(«Правда», 29 сентября).

Август, 25. В «Известиях» начала публиковаться повесть В. Василевской «Радуга»:

«Красноармейцы уходили к видневшимся вдали струйкам дыма над сожженной Леваневкой, к прикорнувшим в снежных сугробах селам. Сжимая в руках винтовки, они шли в украинскую землю, растоптанную, задущенную немецким ярмом. Непобедимую, борющуюся, несгибаемую».

Август, 28. Газета «Сталинский сокол» помещает стихотворение С. Михалкова «Останови, отбрось и разгори!».

Август, 29. «Литература и искусство» печатает стихи С. Вургуня «Партизанам Украины» и С. Спасского «Смелость». В газете «Красный флот» опубликована статья А. Новикова-Прибоя «Снайперы».

Август, 30. Фашистскими захватчиками расстрелян адыгейский писатель Николай Бастрич.

Август. В бою с фашистскими захватчиками под Сталинградом смертью храбрых погиб белорусский поэт Алесь Жаврук.

В августе журналы печатают:

«Знамя» — «Стихи о женщинах Ленинграда» О. Бергольц; «Красная новь» — очерк И. Андроникова «Командир партизан», рассказ С. Сергеева-Ценского «Старый врач»; «Новый мир» — пьесу Л. Леонова «Нашествие», стихи А. Суркова «Песня отпора», «Поле боя», «Стихи о дружбе» и другие; «Октябрь» — «Из записок военного летчика» М. Водопьянова, очерк Б. Галина «В городе Н. (Записки разведчицы)», драматическую поэму П. Антокольского «Чкалов»; «Красноармеец» (№№ 15 и 16) — стихи С. Щипачева «Ни шагу назад!», А. Яшина «Предатель», рассказы Б. Лавренева «Случай на батарее», Ю. Либединского «Стойкость», К. Паустовского «Английская бритва», Г. Фиша «Имя сына», В. Шишкова «Люстра», начало приключенческой повести С. Вашенцева «Западняя»; «Краснофлотец» (№№ 15 и 16) — очерк А. Хамадана «Стоять насмерть», рассказы А. Крона «Трассирующие звезды», П. Сажина

«Корсар», стихи Б. Лебедева «Баллада о неизвестном моряке», Л. Ошанина «Рассказ о боевом комиссаре», А. Жарова «Ни шагу назад, моряки!», Н. Панова «Три героя».

Сентябрь, 1. «Правда» печатает очерк В. Величко «В степях юга». «Красная звезда» публикует стихотворение А. Суркова «Солдатское сердце». В армейской газете «На разгром врага» напечатан очерк В. Смирнова «Штурм».

Сентябрь, 2. Армейская газета «Сталинский удар» помещает очерк Б. Рюрикова «Победители огня».

Сентябрь, 4. «Комсомольская правда» начала печатать рассказ В. Кожевникова «Март — апрель».

Газета Западного фронта «Красноармейская правда» сообщает: «Александр Твардовский, работающий в газете «Красноармейская правда», написал новую поэму «Василий Теркин». Сегодня мы начинаем печатать эту поэму». Газета помещает главу «На привале». Отдельные главы этой поэмы публикует «Правда» (20, 23, 26 сентября). По мере работы над поэмой А. Твардовский продолжает печатать ее в газете «Красноармейская правда» и в журнале «Красноармеец» (1942—1945).

Вой идет святой и правый,
Смертный бой — не ради славы,
Ради жизни на земле.

(А. Твардовский).

Сентябрь, 5. В «Известиях» напечатан очерк Б. Лавренева «Людмила Павличенко» — о знаменитом снайпере, героине Отечественной войны.

В бою с фашистскими захватчиками смертью храбрых погиб ленинградский поэт Иван Федоров.

Сентябрь, 6. «Красная звезда» печатает статью И. Эренбурга «Сталинград» и очерк Б. Галина «На Тереке».

Сентябрь, 7. Собрание интеллигенции в Баку, посвященное антифашистскому митингу представителей народов Закавказья, на котором выступил Самед Вургун.

В бою с фашистскими захватчиками смертью храбрых погиб осетинский писатель Агубекир Кубатиев-Болаев.

Сентябрь, 9. Газета Сталинградского фронта «Красная Армия» публикует стихотворение Е. Долматовского «Товарищ! Враги у ворот!». В «Правде» опубликовано стихотворение А. Софронова «Бессмертник»:

Чтоб смерть мог казак молодой пережить
И в памяти вечной был светел,—
Остался бессмертник его сторожить,
Суровой победы свидетель.

Сентябрь, 10. Газета Сталинградского фронта «Красная Армия» помещает стихотворение Е. Долматовского «Разговор Волги с Доном». В газете Северо-Западного фронта «За Родину» начато печатание цикла очерков Б. Изакова «В лесах партизанского края».

Сентябрь, 11. Газета «Коммунист» печатает отрывок из романа В. Собко «Кровь Украины» — «Слово».

Сентябрь, 12. Газета «Красный флот» начинает печатать поэму О. Колычева «В седых степях дерутся моряки...».

Сентябрь, 17. «Правда» помещает рассказ А. Серафимовича «Ребенок». В «Комсомольской правде» опубликована песня Л. Ошанина «Русская душа».

Сентябрь, 18. Газета «Сталинский сокол» напечатала корреспонденцию С. Нагорного из Действующей армии «В боях за Сталинград».

Сентябрь, 19. Газета «Красный флот» печатает корреспонденцию А. Штейна и М. Никитина «В шторм у берега, занятого противником» и рассказ Л. Соловьева «Ночной разговор».

Сентябрь, 20. «Красная звезда» публикует очерк А. Платонова «Старик». Газета Сталинградского фронта «Красная Армия» поместила статью И. Эренбурга «Защитнику Сталинграда».

Сентябрь, 21. «Правда» печатает стихотворение М. Исаковского «В прифронтовом лесу»:

Настал черед, пришла пора,
Идем, друзья, идем! —
За все, чем жили мы вчера,
За все, что завтра ждем...

Сентябрь, 23. Газета «Красная звезда» публикует очерк Ю. Нагибина «Линия» (с Волховского фронта).

Сентябрь, 24. В «Комсомольской правде» помещено стихотворение А. Софронова «Дружба».

Сентябрь, 25. Газета «Красный флот» печатает очерк П. Сажина с Северного флота «На сопках Заполярья».

Сентябрь, 27. В бою с фашистскими захватчиками под Ленинградом смертью храбрых погиб таджикский критик Мухаммадамин Гафур-заде.

Сентябрь, 28. В бою с фашистскими захватчиками под Сталинградом смертью храбрых погиб очеркист, сотрудник армейской газеты Михаил Лузгин.

Сентябрь, 29. Газета «Коммунист» печатает статью Я. Галана «Могучий ветер с Востока».

Сентябрь, 30. Газета «Красный флот» печатает рассказ А. Явича «Последний патрон».

Сентябрь. В боях с фашистскими захватчиками смертью храбрых погибли кабардинский писатель Мухатар Канукаев, свердловский писатель Иван Панов.

В сентябре журналы печатают:

«Ленинград» (№ 1) (журнал начал выходить с сентября этого года) — стихотворение А. Прокофьева «Ленинград», очерк Б. Лихарева «В партизанском крае», рассказ Б. Четверикова «Сахар» и другие; «Октябрь» — стихи А. Ойслендера «Жена комиссара», «Мать», Е. Долматовского «Снайпер», П. Шубина «Целься, товарищ, верней», Н. Брауна «О песне», рассказ С. Сергеева-Ценского «Восемь равных», пьесу В. Каверина «Большие надежды» и другие; «Красноармеец» (№№ 17 и 18) — рассказы П. Павленко «Мой земляк Юсупов», К. Федина «Ленинградские рассказы», Б. Лавренина «Конец Степана Неруды», А. Платонова «Дед — солдат» и другие; «Краснофлотец» (№ 17) — повесть Л. Соловьева «Черноморец», рассказ К. Левина «Днепровцы», стихи А. Жарова, В. Лебедева-Кумача и других.

В № 20 журнала Главного политуправления Красной Армии «Фронтальная иллюстрация» начало печататься «Заветное слово Фомы Смыслова, русского бывалого солдата» С. Кирсанова.

Октябрь, 3. «Правда» начинает публиковать очерк Б. Горбатова «Алексей Куликов, боец...».

Октябрь, 8. В «Известиях» помещен очерк В. Бахметьева «Три поколения».

Октябрь, 12. Краснофлотская газета «За Родину» печатает статью В. Вишневого «Наш закон».

Октябрь, 13—14. «Сталинградская правда» печатает поэму А. Яшина «Город гнева (Поэма о Сталинграде)».

Октябрь, 14. «Известия» помещают стихотворение М. Бажана, присланное из Сталинграда, «На переправе»:

Пускай о развалины тяжким прибоем
Колотятся бивни тупых канонад.
Войцы, опаленные яростным боем,
Стоят, не отступят и шагу назад —
За гордость, за славу, за наш Сталинград.

Октябрь, 15. В газете Черноморского флота «Красный черноморец» напечатан очерк Г. Гайдовского «Последний снаряд».

Октябрь, 19. «Правда» печатает первое стихотворение из цикла «Сталинградская тетрадь» М. Бажана — «Ветер с Востока».

Октябрь, 23. В «Правде» опубликована статья Б. Полевого «Стена Сталинграда».

Октябрь, 24. В бою с фашистскими захватчиками смертью храбрых погиб башкирский прозаик и драматург Низам Карипов.

Октябрь, 25. В газете Северо-Западного фронта «За Родину» напечатан очерк К. Горбунова «Своя рота».

Октябрь, 27. В «Красной звезде» печатается очерк В. Гроссмана «Сталинградская битва».

Октябрь, 28. Газета «Красный флот» напечатала корреспонденцию А. Ивича «Залпы морских орудий». В армейской газете «Сталинский удар» опубликован очерк Г. Скульского «Пуля и сабля казачья».

Октябрь, 29. В газете Северо-Западного фронта «За Родину» помещена статья Л. Леонова «Рази врага насмерть». В газете Черноморского флота «Красный черноморец» публикуется корреспонденция Г. Гайдовского «День в октябре».

Октябрь, 30. «Комсомольская правда» помещает рассказ Ф. Панферова «Дочка».

Октябрь, 31. «Литература и искусство» печатает стихотворение мордовского поэта Н. Эркай «Украине»:

Не горюй же, Украина,
О печальной доле:
Скоро в край твой журавлиный
Возратится воля!

В октябре журналы печатают:

«Знамя» — первую часть романа А. Новикова-Прибоя «Капитан первого ранга»; «Новый мир» — цикл рассказов Л. Соболева «Морская душа»; «Октябрь» — стихи Д. Кедрина «Дума о России», Н. Рыленкова «Стихи о России», С. Щипачева «Первый москвич», рассказ В. Ильенкова «Русские женщины», повесть С. Голубова «Герасим Курин» и другие; «Краснофлотец» (№ 18) — стихи А. Яшина «Круши врага, матушка Волга!», С. Кирсанова «Минер Иван Никулин» и другие.

Ноябрь, 1. «Красная звезда» печатает очерк В. Шишкова «Гость из Сибири».

Ноябрь, 4. Та же газета напечатала очерк В. Гроссмана «Сталинградская персправа».

Ноябрь, 5. В Москве, в Малом театре, состоялась премьера пьесы А. Корнейчука «Фронт». Седьмого ноября премьера этой пьесы состоялась в МХАТе.

Ноябрь, 7. Газета «Литература и искусство» печатает стихотворение В. Лебедева-Кумача «Октябрьская звезда»:

Гремит война, всю землю потрясая,
Суровый мрак окутал города,
Но ты горишь, горишь, не угасая,
Великая Октябрьская звезда.

Газета «Советская Белоруссия» печатает стихотворение М. Танка «Ты будешь жить, Родина!».

В осажденном Ленинграде, в Театре музыкальной комедии, состоялась премьера героической комедии В. Вишневского, А. Крона и В. Азарова «Раскинулось море широко».

Ноябрь, 8. «Правда» начинает печатать очерки А. Полякова «Под Ржевом».

В Москве, в Колонном зале Дома союзов, состоялся литературный вечер, на котором с докладом на тему «25 лет советской литературы и борьба против германского фашизма» выступил А. Фадеев. Среди участников вечера — А. Корнейчук, Л. Сейфуллина, Вс. Иванов, И. Эренбург, В. Василевская, В. Лебедев-Кумач, А. Сурков, С. Вургуи, Н. Асеев.

«Будем равняться по ним, бесстрашным витязям, грудью отстаивающим родную землю. Создадим в художественных произведениях правдивую летопись Великой Отечественной войны».

(Из доклада А. Фадеева).

Ноябрь, 10. «Красная звезда» печатает статью И. Эренбурга «Свет в блиндаже».

Ноябрь, 11. В газете Черноморского флота «Красный черноморец» публикуется статья А. Довженко «Украина в огне».

Ноябрь, 13. Доклад С. Вургуи на заседании Президиума ЦС ССП — об азербайджанской литературе в дни Великой Отечественной войны.

Ноябрь, 17. Газета «Сталинградская правда» печатает стихотворение А. Яшина «Волга — Балтике».

Ноябрь, 18. Доклад А. Толстого «Советская литература за 25 лет» на заседании сессии Академии наук СССР, посвященной 25-летию Великой Октябрьской социалистической революции:

«Октябрь был рубежом, когда завершился огромный период русской литературы — критического реализма. Нынешняя Отечественная война завершила два с половиною десятилетия советской литературы — период поисков позитивного социалистического реализма, в основе которого лежит отражение всех общественных процессов борьбы и строительства нового, справедливого мира и напряженного строительства обороны перед надвигающейся мировой войной».

Ноябрь, 19. Начало успешного наступления наших войск в районе Сталинграда.

Ноябрь, 21. «Комсомольская правда» печатает рассказ П. Нилина «Негасимый огонь». Газета «Красный флот» помещает очерк Л. Соболева «Морская стойкость».

Ноябрь, 23. В газете Сталинградского фронта «Сталинское знамя» опубликована корреспонденция И. Падерина и Ю. Чепурина «Отваге и бесстрашию — честь!».

Ноябрь, 25. «Красная звезда» печатает письма из Сталинграда В. Гроссмана «Направление главного удара»:

«Жены и дети никогда не забудут своих мужей и отцов, павших на великом волжском рубеже. Этих хороших, верных людей нельзя забыть. Наша Красная Армия может лишь одним достойным способом почтить святую память павших на направлении главного удара противника — освободительным, не знающим преград наступлением. Мы верим, что час этого наступления близок».

Ноябрь, 26. В газете «Сталинградская правда» помещено стихотворение С. Олейника «Сталинград».

Ноябрь, 27. Газета «Сталинский сокол» напечатала корреспонденцию Н. Богданова «По сталинградским дорогам».

Ноябрь, 28. Газета «Красный флот» печатает очерк С. Гехта «Каска и бескозырка». В газете Черноморского флота «Красный черноморец» помещена корреспонденция Б. Галанова «Снайпер».

В бою с фашистскими захватчиками смертью храбрых под Сталинградом погиб уральский поэт Владислав Занадворов.

Ноябрь, 29. В газете «Красная звезда» напечатана статья А. Кривицкого «Русская гвардия».

В Москве, в Колонном зале Дома союзов, состоялся антифашистский митинг работников искусства и литературы. Среди выступавших на митинге — М. Бажан, С. Вургун, А. Толстой.

Ноябрь, 30. «Литература и искусство» сообщает, что еженедельно по пятницам газета Карельского фронта проводит литературно-творческие собрания журналистов и писателей. На одной из последних пятниц обсуждались рассказы и очерки В. Курочкина, печатавшиеся на страницах фронтовой газеты.

На экраны Москвы вышел фильм «Секретарь райкома» (сценарий И. Прута).

Ноябрь. В бою с фашистскими захватчиками смертью храбрых под Ленинградом погиб таджикский писатель Хаким Карим.

В ноябре журналы печатают:

«Знамя» — поэму М. Алигер «Зоя», стихи Л. Первомайского «На Полтавшине», Е. Долматовского — из цикла «Степная тетрадь», «Маленькие стихи» А. Суркова, повесть Е. Габриловича «Под Москвой» и другие; «Краснофлотец» (№№ 19—20 и 21) — очерки А. Новикова-Прибоя «Морские орлы», А. Фадеева «На Балтике», Л. Касиля и П. Сажина «На правом фланге моряки!», повесть С. Варшавского и Б. Реста «Борис Сафонов», рассказ А. Платонова «Слава» и другие.

Декабрь, 2. В газете Черноморского флота «Красный черноморец» помещен очерк А. Луначарского «Поединок» (из записок о фронте).

Декабрь, 3. Газета «Красный флот» печатает рассказ А. Марьямова «Пятеро в кубрике».

Декабрь, 4. Газета «Сталинский сокол» публикует корреспонденцию с Кавказа бр. Тур «Крылатые всадники гор».

Декабрь, 5. «Литература и искусство» печатает стихи азербайджанских поэтов: Расула Рза «Родина», Ахмета Джамия «Дорогая сестра». Та же газета сообщает, что в Московском клубе писателей З. Шишова прочла новую поэму — «Блокада»:

Пока ты улыбаешься стихам,
Пока на память Пушкина читаешь,
Пока ты помогаешь старикам
И женщине дорогу уступаешь...
Пока ребенку руку подаешь
И через лед заботливо ведешь
Старательными мелкими шажками,
Пока ты веру бережешь, как знамя,
Держись ее, и ты не упадешь!

Декабрь, 10. В «Известиях» опубликована статья А. Толстого «Разгневанная Россия». Газета «Красный флот» начала печатать цикл очерков Е. Юнги с Волжской военной флотилии «Дорога в Сталинград».

Декабрь, 12. Газета «Красная звезда» публикует очерк Н. Вирты «Солдатские жены». Армейская газета «На разгром врага» напечатала очерк В. Смирнова «Солдатский долг».

Декабрь, 13. Газета «Красный флот» печатает рассказ М. Тевелева «Гарнизон». «Комсомольская правда» опубликовала очерк А. Письменного «Возвращение Ивана Шамаева».

Декабрь, 16. В газете Черноморского флота «Красный черноморец» помещено стихотворение Я. Сашина «Послушай, товарищ!».

Декабрь, 17. В бою с фашистскими захватчиками смертью храбрых в районе Мги погиб ленинградский прозаик Борис Левин-Дойвбер.

Декабрь, 19. «Литература и искусство» печатает информацию о том, что на очередной литературной пятнице в редакции газеты Карельского фронта «В бой за Родину» Ю. Герман прочитал свою новую пьесу «За здоровье того, кто в пути».

Декабрь, 20. Газета «Красный флот» помещает рассказ Л. Успенского «Чай» и стихотворение О. Колычева «Ленинград! Сталинград!».

В Иркутском областном драматическом театре состоялась премьера пьесы Л. Леонова «Нашествие».

Декабрь, 25. В бою с фашистскими захватчиками смертью храбрых погиб марийский поэт Анатолий Деревяшкин.

Декабрь, 27. «Комсомольская правда» публикует очерк А. Калинина «Наступление».

Декабрь, 31. Армейская газета «Вперед к победе» перепечатывает ранее опубликованное стихотворение И. Сельвинского «Я это видел!» вместе с его же «Ответом Геббельсу» (пытавшемуся печатно отрицать те зверства, которые разоблачал поэт в первом из названных стихотворений).

В декабре журналы печатают:

«Знамя» — стихи С. Маркова «В те дни», М. Матусовского «Россия», рассказ В. Кожевникова «Капитан Сиверцев», повесть Г. Фиша «Контрудар»; «Ленинград» (№№ 6 и 7) — стихи О. Берггольц «Основной закон», М. Дудина «Да будет так!», А. Прокофьева «Песенка», «Шли гвардейцы молодые...», очерки К. Ванина «Шестнадцатый рейс», А. Голубевой «Случай в «Кефалонии» (из книги рассказов о Кирове), Г. Мирошниченко «Ошибка капитана», Е. Федорова «Бой за Черный Яр» (из цикла «Рассказы о Кирове») и другие; «Новый мир» (№ 11—12) — повести Ф. Гладкова «Мать», Ф. Панферова «Рука отяжелела», А. Письменного «Край земли», рассказы Л. Соболева «Держись, старшина!», Е. Юнги «Крейсер «Аврора» и другие; «Красноармеец» (№№ 23 и 24) — рассказы К. Горбунова «Мы встретимся», Вс. Иванова «Счетовод Динулин», В. Шишкова «Гордая фамилия», стихи Н. Асеева «Заклятье», С. Вургуна «Русской Армии — Советской Армии», В. Лебедева-Кумача «Незримая рана», очерк А. Новикова-Прибоя «Волга»; «Краснофлотец» (№№ 22, 23—24) —

очерки В. Гроссмана «Сталинградское наступление», М. Зингера «Под верхней палубой во время боя», рассказы Б. Лавренева «Подарок старшины», Б. Вадецкого «Эстафета», «Повесть о минере Иване Никулине и его товарищах» К. Левина, стихи К. Симонова «Был у меня хороший друг», Н. Брауна «Будь стойким, моряк!», Б. Лебедева «Горная баллада» и другие.

«Настал грозный час, час наступления. Оно будет лучшим памятником тем, кто пал, обороняя Волгу и Сталинград... От неприступной волжской твердыни войны Красной Армии гонят врага, и он будет стерт с лица земли, как были стерты нашими предками все орды завоевателей, посягнувшие вступить на прекрасные берега великой русской реки. С незапамятных времен мы обручились с Волгой для жизни и теперь бьемся и будем биться за нее насмерть».

(А. Новиков-Прибой. «Волга»).

1942 год. В боях с фашистскими захватчиками смертью храбрых погибли: на Ленинградском фронте — белорусские поэты Андрей Ушаков, Рыгор Железняк, на Украине — прозаик Моисей Аронский, на Кавказе — грузинский писатель Сандро Жгенти, под Сталинградом — белорусские писатели: поэты Аркадий Гейне, Геннадий Шведик, прозаик Хвядос Шинклер, нанайский поэт Аким Самар, в районе Харькова — украинский прозаик Юрий Яковенко, под Севастополем — крымский писатель Владимир Апошанский и ярославский писатель Василий Шульдешов, на Калининском фронте — татарский писатель Хабра Рахман, в Литве — литовский писатель Пятрас Паяркас, под Туапсе — украинский писатель, сотрудник армейской газеты «Боевая красноармейская» Константин Герасименко. В застенках гестапо в Киеве погибли украинские писатели — прозаик Петр Радченко и поэт Николай Шпак; фашистскими захватчиками расстреляны белорусский поэт Алесь Дубрович, ростовский писатель Полиен Яковлев, литовский поэт Казис Малинаускас.

В течение года вышли на русском языке отдельными изданиями следующие произведения советских писателей:

В. Азаров. Балтийские баллады. Ленинграду. Стихотворения; М. Алигер. Памяти храбрых. Стихи; С. Алымов. Все для победы! Стихи и песни; П. Антокольский. Железо и огонь. Стихи; О. Берггольц. Ленинградская тетрадь. Стихи; Г. Борян. Клятва бойца. Сборник стихов. Перевод с армянского; Е. Буков. Я вижу тебя, Молдавия! Стихи. Перевод с молдавского; С. Варшавский и Б. Рест. Герои и подвиги. Над Берлином; В. Вишневский. Балтфлот дерется. Балтийская весна; Е. Габрилович. Машину сердце; А. Гайдар. Ракеты и гранаты; Б. Галин. Бог войны. Фронтовые очерки; М. Голодный. Песни и баллады Отечественной войны; Л. Жариков. Снега, поднимитесь метелью!; А. Жаров. Североморцы. Стихи и поэмы; Н. Жданов и А. Штейн. Боевая молодость; В. Закруткин. На переднем крае. Фронтовые рассказы; В. Ильенков. Родной дом. Сила жизни. Рассказы; В. Инбер. Душа Ленинграда. Стихи. Пулковский меридиан. Поэма; Ю. Инге. Балтийские стихи; М. Исаковский. Новые стихи; П. Капица. Мужество. Рассказы и очерки; А. Караваева. На горе Маковце. Историческая повесть; Л. Касиль. Друзья-товарищи. Рассказы. Московские записки; В. Катаев. Военные рассказы; Л. Качели. Отец и сын. Рассказы. Перевод с грузинского; В. Кожевников. Рассказы о войне; Я. Колас. Голос земли. Перевод с белорусского; М. Колосов. Люди и подвиги; О. Колычев. Олеко Дундич. Поэма; Е. Кононенко. Товарищи. Рассказы; Б. Лавренив. Подвиг. Рассказы. Балтийцы раскуривают трубки. Рассказы; А. Лебедев. Огненный вымпел. Стихи; В. Лебедев-Кумач. Священная война. Стихи и песни; В. Лидин. Зима 1941 года; Г. Марков. Партизан дед Фишка; Л. Мартынов. Мы придем. Стихи; С. Маршак. Урок истории. Сатирические стихи; С. Михалков. На Южном фронте. Стихи; И. Молчанов-Сибирский. Полевая почта. Стихи и поэмы; П. Панченко. Тебе, Беларусь! Фронтовые стихи. Перевод с белорусского; К. Паустовский. Наши дни. Сборник рассказов; Е. Петров. Фронтовой дневник. Москва за нами. Очерки; С. Розанов. Изумрудные берега. Повесть; В. Рудный. Непобежденный Гангут; Е. Рыбин. Слово ленинградки. Стихи; К. Седых. Даурия. Роман. Книга первая; К. Симо-

нов. От Черного до Баренцева моря. Очерки; В. Собоко. Кровь Украины. Перевод с украинского; Л. Соболев. Морская душа. Рассказы; А. Софронов. Казачья слава. Стихи; А. Сурков. Декабрь под Москвой. Фронтные стихи; Г. Табидзе. Страна моя родная. Стихи. Перевод с грузинского; А. Твардовский. Стихи о войне. Василий Теркин; Н. Тихонов. Огненный год. Стихи; А. Толстой. Хождение по мукам. Трилогия. Рассказы Ивана Сударева. Родина. Сборник статей; Л. Успенский. Рассказы о невозможном; И. Уткин. Я видел сам. Стихи; А. Хамадан. Тебе, Родина! Фронтные очерки; А. Чейшвили. Родной голос. Рассказы. Перевод с грузинского; Н. Шпанов. Горячее сердце. Рассказ; А. Штейн. Бастион. Рассказы; И. Эренбург. Падение Парижа. Роман. Война. Сборник статей (июнь 1941 — апрель 1942); А. Якобсон. Сын партизана; В. Ян. Батый. Историческая повесть; А. Яшин. На Балтике было. Красная Горка. Стихи, и другие.

1943 ГОД

Январь, 1. В «Правде» напечатаны статья Н. Тихонова «Сорок третий ленинградский», стихотворение Д. Бедного «Пой гордо, радиоволна»:

Под зимним, звездным небосводом
Пой гордо, радиоволна!
С победоносным новым годом,
Непобедимая страна!

«Красная звезда» публикует статью В. Гроссмана «Сегодня в Сталинграде». «Красный флот» помещает стихотворение П. Маркиша «Сорок третий»:

Сегодня в полночь в бой вступает Сорок Третий.
Железной поступью, спокоен и суров,
Он входит, как солдат, он входит, как свидетель
Последних, яростных, невиданных боев...

«Литература и искусство» публикует стихи старшего сержанта М. Соболя «Ночь под Новый год» и К. Кулиева «Товарищу фронтовику». В газете Калининского фронта «Вперед на врага» напечатана статья С. Складенко «По русскому обычаю». Газета Южного фронта «Сталинское знамя» помещает очерк В. Величко «Сын Отечества».

Январь, 2. В «Правде» напечатана корреспонденция Б. Полевого «Великие Луки — наши!».

Январь, 3. «Комсомольская правда» печатает «Послание молодежи» Джамбула. Газета Северо-Западного фронта «За Родину» публикует стихи Л. Вышеславского «Украине».

Январь, 5. В «Комсомольской правде» напечатана корреспонденция А. Калинина «Моздок — наши!». Газета Северо-Западного фронта «За Родину» публикует стихи Ю. Левитанского «Братья».

Январь, 7. В «Комсомольской правде» помещена корреспонденция Н. Атарова с Юго-Западного фронта «Митинг в Богучаре». Газета Калининского фронта «Вперед на врага» публикует стихи Л. Татьяничевой «Русское село». «Красная звезда» публикует статью А. Кривицкого «О военном мундире и погонах».

В Московском клубе писателей состоялся творческий отчет А. Кулешова, прочитавшего новую поэму «Знамя бригады».

Январь, 9. В «Красной звезде» помещена корреспонденция П. Павленко «На кабардинской земле». «Известия» напечатали очерк А. Первенцева «Люди Урала». В газете «Литература и искусство» публикуется сообщение из Тбилиси: в частях Действующей армии больше месяца провела группа грузинских писателей — К. Каладзе, Е. Аставацпурова, Г. Кучишвили, Чхеидзе и С. Тавадзе.

Январь, 10. «Правда» публикует корреспонденцию А. Фадеева «Великие Луки».

Январь, 12. «Ленинградская правда» печатает «Песню о знамени» А. Решетова. Газета Ленинградского фронта «На страже Родины» помещает очерк Е. Катерли «Солдат».

Январь, 13. «Известия» напечатали корреспонденцию В. Собко «На Северном Кавказе». В газете Черноморского флота «Красный черноморец» помещен репортаж В. Рудного «Район Новороссийска».

Январь, 14. В «Комсомольской правде» опубликован очерк А. Калинина «Донские казаки».

Январь, 15. В «Известиях» напечатана статья спецкора Б. Ямпольского «Дуэль» (с Центрального фронта).

Январь, 16. В газете «Литература и искусство» опубликовано сообщение из Ленинграда: Ленгослитиздат сдал в производство «Ленинградский альманах» — большой сборник, в который включены лучшие произведения ленинградских писателей, созданные за время Великой Отечественной войны.

Январь, 17. Газета Черноморского флота «Красный черноморец» начинает печатать статью М. Ильина и Е. Сегал «Что я защищаю».

В бою с фашистскими захватчиками на Юго-Западном фронте смертью храбрых погиб татарский писатель Кашфи Басыров.

Январь, 19. Газеты печатают сообщение Совинформбюро о прорыве блокады Ленинграда. «Известия» помещают статью В. Саянова «Сегодня в Ленинграде». «Ленинградская правда» публикует статьи Н. Тихонова «Великий час», Е. Рывиной «Восемнадцатое января», стихи Д. Острова «Фронтная ночь». Газета Волховского фронта «Фронтная правда» печатает очерк А. Чаковского «Наступление».

Январь, 20. В «Известиях» напечатана статья В. Вишневского «Битва на Неве».

Январь, 22. «Комсомольская правда» печатает стихи О. Берггольц «Матери (Письмо на Каму)».

Январь, 23. «Правда» публикует стихи В. Инбер «18 января 1943 г.»:

Тут сорок их дивизий перемолото.
А Восемнадцатое января
История уже вписала золотом
В страницы своего календаря.

Газета Калининского фронта «Вперед на врага» помещает стихи А. Граши «Моей родине».

Январь, 26. В «Красной звезде» напечатана статья И. Эренбурга «Когда они отступают».

Январь, 27. В «Правде» опубликован очерк Н. Вирты «Сталинград». В газете Калининского фронта «Вперед на врага» помещены «Великолукские записки» Р. Бершадского.

В фашистском концлагере в Нюрнберге погиб ленинградский прозаик Василий Ганибесов.

Январь, 28. «Правда» публикует очерк В. Закруткина «В степи» с Северо-Кавказского фронта. В газете Волховского фронта «Фронтная правда» помещены стихи О. Берггольц «Бойцу Волховского фронта».

Январь, 29. «Известия» печатают корреспонденцию В. Лидина «В Воронеже».

Январь, 30. В газете Волховского фронта «Фронтная правда» напечатаны стихи П. Шубина «Идет на родину солдат».

Январь, 31. «Правда» помещает стихотворение Н. Асеева «В последний час»:

Страна
    знамена подняла
        немеркнущего цвета.
На их отважные дела
    дивится
        вся планета.
Так грянем славу
    ей в ответ,
        сердца с ней
        сливши вместе,
Чтоб двадцать пять
    отборных лет
        ей засчитали
в двести.

Чтоб, прозвучав
в урочный час
дыханием победным,
Стал для врага
«последний час»
действительно последним!

Январь. В фашистском концлагере погиб украинский прозаик Яков Качура.

В январе журналы печатают:

«З в е з д а» — рассказ Э. Грина «Хейно получил винтовку», стихи М. Дудина «Вперед», очерк Н. Чуковского «Истребители на Ханко»; «З н а м я» — рассказ Л. Кассиля «Федя из подплава», стихи К. Кулиева «Горы мои» и «Жизнь, я твой сын», повести П. Лукницкого «Сила победы» и Л. Успенского «Скобарь», стихи И. Эренбурга; «Н о в ы й м и р» — рассказы В. Кожевникова «Мера твердости» и другие; «О к т я б р ь» — повесть С. Голубова «Багратион», «Стихи о Сталинграде» Е. Долматовского, стихи К. Корсакаса «Земле литовской», очерк Л. Соловьева «На земле, в небесах и на море»; «К р а с н о а р м е е ц» (№№ 1 и 2) — стихи о Москве Д. Бедного, В. Лебедева-Кумача, С. Щипачева, стихи А. Прокофьева «Россия», вторую часть поэмы А. Твардовского «Василий Теркин», очерк Л. Сейфуллиной «Зеленые ленточки», рассказ М. Слонимского «Дружба», «Простые рассказы» М. Шагинян; «К р а с н о ф л о т е ц» (№ 1) — стихи В. Азарова «Одесса», В. Гусева «Севастополь».

Февраль, 2. Закончена ликвидация фашистских войск, окруженных под Сталинградом. «Правда» печатает очерк Н. Вирты «На улицах Сталинграда». В «Красной звезде» публикуется статья И. Эренбурга «Сталинград». «Комсомольская правда» помещает стихи В. Лебедева-Кумача «Разгром».

Февраль, 4. В «Правде» начинает печататься статья М. Брагина «Великое сражение под Сталинградом». Газета Закавказского фронта «Боец РККА» публикует очерк П. Павленко «Один на две улицы».

Февраль, 9. «Красная звезда» печатает стихи А. Суркова «Победа».

Февраль, 10. «Известия» публикуют начало очерка Л. Славина «Гнев Карabanова» (с Волховского фронта).

Февраль, 12. В «Правде» напечатана статья А. Толстого «Красная Армия наступает».

Февраль, 13. Газета «Литература и искусство» сообщает, что в Воениздате вышел сборник очерков «Я отомщу» писателя И. Марцинкявичюса, находящегося в рядах литовского соединения Красной Армии. В «Известиях» напечатана корреспонденция И. Бачелиса «В Донбассе».

Февраль, 14. В газете Черноморского флота «Красный черноморец» напечатана статья С. Бондарина «Земля просит».

В бою с фашистскими захватчиками под Ленинградом смертью храбрых погиб ленинградский писатель Артемий Экк.

Февраль, 15. Газета Южного фронта «Сталинское знамя» публикует очерк Э. Каца и М. Талалаевского «В предместьях Ростова», «Ростовские частушки» Ал. Роховича.

Февраль, 16. В газете Черноморского флота «Красный черноморец» помещена заметка А. Евтыха «Возвращение в строй».

Февраль, 17. «Правда» печатает рассказ Ю. Яновского «Завещание».

Февраль, 20. В «Известиях» опубликован рассказ А. Довженко «Мать».

В бою с фашистскими захватчиками смертью храбрых погиб поэт Константин Брянский.

Февраль, 23. Двадцатипятилетие Красной Армии и Флота. В «Правде» напечатано стихотворение Д. Бедного «Победоносной»:

Народная во всем — и в мужестве своем,
И в негибемом упорстве,
Ты выявила сил невиданных подъем
В невиданном единоборстве!

«Литература и искусство» печатает стихотворение С. Михалкова «Красной Армии солдат». Газета Северо-Кавказского фронта «Вперед за Родину» помещает стихотворение Д. Холендро «Богатыри».

Февраль, 24. По радио передан очерк Б. Горбатова «О жизни и смерти».

Февраль, 25. В газете Северо-Кавказского фронта «Вперед за Родину» опубликована статья Ю. Шовкопляса «Солдатская честь».

Февраль, 27. «Правда» поместила стихи Н. Заряна «На фронте».

В феврале журналы печатают:

«Звезда» — стихи А. Прокофьева и В. Рождественского; «Ленинград» (№ 3—4) — «Стихи о прорыве блокады» Б. Лихарева; «Октябрь» — стихи Н. Брауна, Л. Первомайского, А. Софронова, И. Эренбурга, третью главу из поэмы С. Васильева «Портрет партизана», комедию В. Катаева «Синий платочек», «Письма сибирским казакам» И. Шухова; «Красноармеец» (№№ 3 и 4) — стихи М. Бажана, О. Берггольц, А. Прокофьева, И. Эренбурга, рассказы Н. Тихонова «Ратоборство» и К. Федина «Мальчик из Семлева», статьи А. Толстого «Отважное сердце», И. Эренбурга «Судьи», рассказ-быль В. Ставского «Бронбойщик Рахманов»; «Краснофлотец» (№ 3—4) — стихи А. Яшина «Слава Сталинграду».

Март, 2. Газета Калининского фронта «Вперед на врага» печатает стихи И. Уткина «В дороге» и «Врагам». В «Известиях» напечатаны очерк А. Серафимовича «Творчество», корреспонденция А. Исбаха «В районе Демянска».

Март, 6. В «Известиях» опубликован очерк Е. Кригера «Так дается победа».

Газета «Литература и искусство» публикует отчет о пленуме правления Союза писателей Казахстана: «Казахская писательская организация проводила на фронт большую группу товарищей. Около тридцати членов Союза писателей сменили перо на винтовку. Молодой литератор, аспирант Академии наук Малик Габдуллин получил звание Героя Советского Союза; поэт Д. Снегин стал превосходным артиллеристом, майором-орденоносцем; высокой наградой отмечен гвардии майор П. Кузнецов, в недавнем прошлом переводчик Джамбула».

Март, 7. «Правда» публикует корреспонденцию Б. Полевого «Юго-западнее Ржева».

Март, 9. «Известия» публикуют очерк бр. Тур «Рассвет над Гжатском».

Март, 10. В «Правде» опубликована корреспонденция О. Курганова «На Смоленщине». Газета Ленинградского фронта «На страже Родины» печатает очерк С. Кара «Письмо о трех патронах».

На экраны вышел документальный фильм «Сталинград» (текст В. Гроссмана).

Март, 11. «Известия» печатают очерки А. Розена «Южнее озера Ильмень» и Л. Славина «А. Д. Д.».

Март, 13. Газета «Литература и искусство» сообщает:

в Москву с фронтов Отечественной войны приехал М. Шолохов. В настоящее время писатель работает над новым романом «Они сражались за Родину»;

Комитет по делам кинематографии получил из США телеграмму: Американская академия киноискусства признала картину «Разгром немецких войск под Москвой» лучшим документальным фильмом 1942 года. За 1942 год его просмотрело более 3500 тысяч зрителей;

к двадцатилетию Красной Армии в Свердловске вышла однодневная газета «Литературный Урал». В номере — новый сказ П. Бажова «Иванко Крылатко», «Уральская косточка» М. Шагинян (отрывок из книги о Нижнем Тагиле), рассказы и очерки Н. Ляшко, А. Каравановой, В. Попова, Б. Рябинина, стихи А. Барто, К. Мурзиди, О. Высотской, И. Садофьева и других;

майор В. Колыбельников в статье «В наступлении» рассказывает о боевой оперативной работе ленинградских писателей А. Прокофьева и Д. Славентатора в редакции армейской газеты «Отважный воин» (Волховский фронт). В статье приведены слова А. Прокофьева: «Лишь бы под руками был огрызок карандаша да листок бумаги. Здесь кабинеты не в моде. Главное — не отставать от наступающих частей Красной Армии».

Март, 16. В газете Северо-Кавказского фронта «Вперед к победе» напечатан очерк П. Павленко «Моряки в горах». В армейской газете «Сын Родины» помещен очерк В. Залесского «В осажденном танке».

В бою с фашистскими захватчиками смертью храбрых погиб татарский писатель Агзам Камал.

Март, 17. Газета Южного фронта «Сталинское знамя» помещает очерк С. Жураховича «Медальон с портретом матери».

В бою с фашистскими захватчиками смертью храбрых погиб марийский поэт Булат Шадт Минич.

Март, 18. В газете «Красный черноморец» напечатан очерк А. Степанова «Над Керченским проливом».

В бою с фашистскими захватчиками смертью храбрых погиб смоленский поэт Василий Горбатенков.

Март, 20. Газеты помещают Постановление СНК СССР о присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области искусства и литературы за 1942 год.

«Комсомольская правда» публикует отрывок из поэмы М. Алигер «Зоя»:

Стань же нашей любимницей, символом правды и силы,
 чтоб была наша верность, как гибель твоя, высока.
 Мимо твоей занесенной снегами могилы,—
 на запад, на запад! —
 идут,
 присягая,
 войска.

(М. Алигер).

Март, 24. В Московском клубе писателей открылось творческое совещание, посвященное художественной литературе Великой Отечественной войны. После вступительного слова П. Скосырева с докладом о художественной прозе периода Отечественной войны выступил В. Перцов; советской военной поэзии был посвящен доклад А. Лейтеса. В обсуждении докладов приняли участие В. Кожевников, Н. Асеев, В. Гусев, К. Чуковский, И. Эренбург, Е. Шевелева, П. Вольшицов и другие.

Март, 26. «Правда» печатает очерк О. Курганова «Три километра». В газете Карельского фронта «В бой за Родину» опубликован отрывок из повести Ю. Германа «Далеко на Севере» — «В 6 часов после войны (Из дневника санитарки)».

Март, 27. «Известия» помещают очерк Л. Кудреватых «Двухдневный бой» и стихи П. Бровки «Надя-Надейка». «Литература и искусство» начинает печатать материалы творческого совещания о литературе в дни войны (статья В. Кожевникова «Главная тема»). Под заголовком «Советские книги за рубежом» газета сообщает, что в 1942 году в США и Англии издано до 20 произведений советских писателей: «В тылу у врага» и «Белые мамонты» А. Полякова, «Падение Парижа» и сборник публицистических статей И. Эренбурга, поэмы Маяковского, «Тимур и его команда» А. Гайдара, «Рыжик» А. Свирского, «Брат океана» В. Кожевникова, «Как человек стал великаном» М. Ильина и Е. Сегал, «Два капитана» В. Каверина, сборники рассказов современных советских писателей и другие.

Март, 29. «Правда» печатает очерк Л. Первомайского «Учитель истории» о партизане, Герое Советского Союза Василии Яремчуке. В армейской газете «Сын Родины» помещена корреспонденция А. Савчука «Отвага».

Март, 30. На боевом посту погиб поэт и переводчик Семён Левман.

Март. В бою с фашистскими захватчиками смертью храбрых погиб свердловский писатель Сергей Шмаков.

В марте журналы печатают:

«Звезда» — рассказы Е. Катерли, повесть А. Розена «Фигурная роща»; «Знамя» (№ 2—3) — стихи Л. Вышеславского, С. Гудзенко, А. Суркова, очерки Б. Галина «Офицеры», В. Гроссмана «Сталинград (сентябрь 1942 — январь 1943)», поэму А. Кулешова «Знамя бригады», повесть Ю. Либединского «Гвардейцы», часть вторая, поэму З. Шишовой «Блокада»; «Ленинград» (№ 5) — очерк А. Фадеева

«Катя Брауде»; «Новый мир» (№ 2—3) — очерки Ф. Панферова «Люди Урала»; «Октябрь» — стихи В. Звигинцевой, М. Петровых, А. Софронова, Е. Шевелевой, повесть А. Кононова «Дни Сергея Глушкова», очерки Б. Полевого «В наступление»; «Красноармеец» (№ 5—6) — рассказы В. Шишкова «Дед Андрон», Ю. Яновского «Украинка»; «Краснофлотец» (№ 5—6) — рассказ А. Баковикова «Флаг корабля», стихи Н. Брауна «Балтика, гордость моя!».

Апрель, 3. В газете Северо-Западного фронта «За Родину» напечатана поэма В. Соловьева «Переправа». В газете Черноморского флота «Красный черноморец» опубликован очерк Л. Лагина «Подводная лодка первой линии». Газета «Литература и искусство» продолжает печатать материалы творческого совещания, посвященного литературе Великой Отечественной войны.

«Мы не можем успокаивать себя тем, что «Войну и мир» напишут потомки. Ответственность за изображение нашего времени лежит на нас».

(Из выступления В. Шкловского).

«До войны нас тешили иногда ловко придуманные сюжетцы, ловко скроенные ситуации. Мы смаковали удачные «ходы». Сейчас все это отпало, должно отпасть, как шелуха. Зорко видеть, верно чувствовать, правильно обобщать — вот в чем сейчас наша задача».

(Из выступления В. Инбер).

Апрель, 4. «Красная звезда» начала публиковать цикл очерков А. Кривицкого и П. Крайнова «В Брянских лесах».

Апрель, 8. «Правда» печатает очерк А. Фадеева «Братство, скрепленное кровью» (о боевых действиях Чехословацкой бригады на советско-германском фронте).

Апрель, 9. Газета Закавказского фронта «Боец РККА» помещает статью В. Закруткина «Ростов».

Апрель, 11. «Комсомольская правда» публикует стихотворение К. Мурзиди «Уральские подарки».

Апрель, 13. На боевом посту погиб писатель, сотрудник армейской газеты «Сын Родины» Александр Савчук.

Апрель, 15. В газете «Красный Балтийский флот» напечатана статья В. Вишнезского «Мы — русские».

Апрель, 16. «Правда» публикует стихи А. Суркова «Родина». Газета Западного фронта «Красноармейская правда» помещает стихи Н. Рыленкова «Встреча».

Апрель, 17. «Правда» печатает стихи И. Уткина «Русский пейзаж» и «После боя» («Из фронтовой тетради»); «Литература и искусство» — его выступление на совещании в ССП: «Писатель и чувства народа». Газета «Литература и искусство» сообщает:

составители библиографического справочника современной мировой литературы «Писатели XX века» Кьюниц и Хэйкрафт (США) посвятили свой труд памяти Е. Петрова;

Музей Н. Островского в Москве вновь открылся после длительного перерыва. Один из двух новых стендов — «Н. Островский в дни Отечественной войны».

Апрель, 19. «Правда» печатает песню М. Исаковского «Огонек».

Апрель, 20. В газете «Красный флот» публикуется очерк Е. Юнги «Майор Куников» — о прославленном командире Цезаре Куникове.

Апрель, 22. Газета «Красноармейская правда» (Западный фронт) печатает очерк И. Арамилева «Мальчик из Белоруссии».

Апрель, 23. Газета Карельского фронта «В бой за Родину» помещает поэму А. Коваленкова «На высокой волне», посвященную памяти Героя Советского Союза Ф. Лузано.

Апрель, 24. Газета «Литература и искусство» сообщает: в Московском клубе писателей перед многолюдной аудиторией выступил со своими стихами молодой поэт-фронтовик С. Гудзенко.

Апрель, 25. В газете «Красный Балтийский флот» напечатан киносказ К. Паустовского «Держимся, товарищ Нахимов!».

Апрель, 29. В «Известиях» помещены стихи Н. Рыленкова «Моему городу».

Апрель, 30. Армейская газета «На разгром врага» печатает корреспонденцию Т. Журавлева «Успех ночного поиска».

Апрель. В бою с фашистскими захватчиками в партизанском отряде на Черниговщине смертью храбрых погиб украинский прозаик Михаил Хазан.

В апреле журналы печатают:

«Звезда» — повесть Е. Катерли «Некрасов», стихи П. Шубина «В секрете» и другие; «Знамя» — цикл стихов М. Алигер «Победители», рассказ Г. Березко «Красная ракета», стихи В. Сосюры, Ф. Фоломина, роман В. Финка «Бедная Франция»; «Новый мир» — «Балладу о двух ракетах» Л. Вышеславского, поэму В. Инбер «Пулковский меридиан», главы четвертая и пятая, народную трагедию Л. Леонова «Лёнушка»; «Красноармеец» (№№ 7 и 8) — стихи М. Рыльского «Бойцам», «Балладу о пехотной гордости» А. Суркова, рассказы Вс. Иванова «Донесение», Б. Лавренева «Внук Суворова», Ю. Либединского «Дипломат», М. Лынькова «Навстречу жизни», Н. Ляшко «Хата Фомы», К. Паустовского «Струна».

Май, 1. В «Комсомольской правде» напечатаны стихи М. Рагима «Ты будешь праздновать», очерк Ф. Панферова «Семья Корнеевых». «Литература и искусство» печатает очерк А. Фадеева «Шестая симфония (Из ленинградского дневника)». Там же приведено сообщение из Ленинграда: обсуждение повести В. Васильевской «Радуга» в частях Ленинградского фронта. В армейской газете «Сын Родины» опубликованы стихи П. Бровки «Майским утром». Армейская газета «Сталинский воин» (Северо-Западный фронт) печатает очерк А. Письменного «Девушка из Старой Руссы». Армейская газета «Мужество» помещает очерк А. Кучара «Большевики».

Май, 2. В бою с фашистскими захватчиками смертью храбрых погиб писатель Александр Бендецкий.

Май, 5. «Правда» начала публиковать главы из романа М. Шолохова «Они сражались за Родину».

Май, 8. «Комсомольская правда» публикует рассказ Н. Жданова «Подвиг».

Май, 9. В газете Северо-Кавказского фронта «Вперед за Родину» опубликован очерк И. Сельвинского «Станица Крымская».

Май, 10. Вечер фронтового юмора и сатиры провело Ленинградское отделение ССП. После доклада И. Эвентова сатирические стихи, фельетоны, частушки читали А. Прокофьев, А. Флит, М. Дудин, Б. Тимофеев и другие.

Май, 12. В «Комсомольской правде» напечатан очерк А. Фадеева «Дети героического города (Из ленинградских зарисовок)»:

«В беседе возник вопрос о так называемом «новом человеке». Нельзя было без волнения слушать, как мои собеседники старшего и младшего поколений говорили о новом человеке, как о мечте будущего, как о чем-то таком, чего еще нужно достичь, не подозревая, что они-то и есть живые новые люди, каждый шаг которых в Великой Отечественной войне нашего народа освещен светом самых больших мыслей и дел, какие только знало человечество...»

Май, 16. «Красная звезда» помещает очерк Ю. Либединского «Живой Сталинград».

Май, 17. «Правда» начала печатать «Семью Тараса» («Непокоренные») Б. Горбатова.

Май, 20. «Комсомольская правда» печатает отрывок из романа А. Караваевой «Огни» — «Навстречу огням». Началась демонстрация кинофильма «Она защищает Родину» (по сценарию М. Блеймана и И. Бондина).

Май, 28. В «Комсомольской правде» напечатан очерк Ю. Жукова «Военный корреспондент» — о погибшем при выполнении боевого задания корреспонденте газеты капитане Н. Марквиче.

Май, 30. «Комсомольская правда» публикует очерк М. Шеремета «Партизанские ночи».

Май. В бою с фашистскими захватчиками в партизанском отряде смертью храбрых погиб писатель, корреспондент «Комсомольской правды» Иван Меньшиков.

В мае журналы печатают:

О к т я б р ь» (№ 4—5) — стихи И. Баукова, Л. Длигача, М. Петровых, Н. Рыленкова, С. Щипачева, историческое повествование В. Шишкова «Емельян Пугачев», рассказы В. Каверина «На память», А. Платонова «В сторону заката солнца», К. Тренева «День рождения»; «К р а с н о а р м е е ц», (№ 9—10) — стихи В. Гусева «Городок», С. Щипачева «Из фронтовой почты», рассказы Ф. Панферова «Последнее слово», К. Паустовского «Материнское сердце», статью В. Василевской «Внимательно всмотришь, товарищ!»; «К р а с н о ф л о т е ц» (№ 9—10) — повесть Л. Соловьева «Иван Никулин — русский матрос».

Июнь, 6. В газете Воздушной армии «Сокол Родины» напечатано стихотворение Д. Кедрина «Атака». Газета Закавказского фронта «Боец РККА» публикует рассказ И. Василенко «Приказ командира».

Июнь, 9. В газете «Красный флот» напечатаны корреспонденции И. Бару «Над Финским заливом», Н. Панова «Бой морского охотника с 12-ю «мессершмиттами» (с Северного флота).

Июнь, 11. В газете «Сталинский сокол» помещена статья Н. Богданова «Щит героя». (2 июля газета публикует отклики на статью — письма летчиков-фронтовиков.)

Июнь, 15. Газета Калининского фронта «Вперед на врага» печатает стихи М. Джалиля «Клятва артиллериста». Армейская газета «Боевой товарищ» публикует очерк М. Лисянского «Комсомольцы одной роты».

Июнь, 16. Газета «Красный флот» публикует очерк Б. Лавренева «Североморские темпы».

На боевом посту, при налете вражеской авиации на одну из баз Северного флота, погиб поэт и драматург Ярослав Родионов.

Июнь, 17. Газета Закавказского фронта «Боец РККА» публикует очерк С. Бабаевского «Разговор в землянке».

Июнь, 18. В «Красном флоте» напечатан «Севастопольский камень» Л. Соловьева (Черноморская легенда).

Июнь, 21. «Правда» печатает стихи Д. Бедного «За нами Родина стоит!».

Июнь, 22. Газета «Красный Балтийский флот» публикует статью В. Вишневого «Мысли в день 22 июня». Газета Закавказского фронта «Боец РККА» помещает стихи М. Рагима «Песня сильных».

Июнь, 23. В Московском клубе писателей поэт М. Танк прочитал на белорусском языке свою новую поэму «Янук Сяліба». Газета «Красный флот» печатает рассказ А. Баковикова «Возвращение».

Июнь, 25. «Красный флот» публикует очерк Б. Лавренева «Морской орленок».

Июнь, 29. Газета «Красный флот» начинает печатать серию очерков В. Рудного «Правый фланг» (с полуостровов Рыбачий и Средний). Армейская газета «Сталинский удар» помещает очерк Г. Шолохова-Синявского «Русская девушка».

Июнь, 30. Армейская газета «Боевое знамя» публикует очерк М. Бубеннова «Презрение к смерти» (первый очерк об Александре Матросове).

В июне журналы печатают:

«З в ё з д а» (№ 5—6) — рассказ В. Кетлинской «Зрелость», главы из поэмы А. Прокофьева «Россия»; «З н а м я» (№ 5—6) — лирический дневник М. Алигер «Прощание», повесть А. Бека «Панфиловцы на первом рубеже», цикл баллад С. Гудзенко «Солдатская судьба», рассказ А. Платонова «Оборона Семидворья»; «Н о в ы й м и р» (№ 5—6) — повесть В. Катаева «Электрическая машина», рассказ В. Старикова «Красный камень», комедию А. Толстого «Нечистая сила»; «К р а с н о а р м е е ц» (№№ 11 и 12) — стихи А. Малышко «Рассказ про бойца», В. Саянова «Слово о русской земле», Н. Асеева «1941—1943», П. Тычины «Побеждать и жить!», рассказы Е. Габриловича «Письмо», А. Серафимовича «Ребята»; «К р а с н о ф л о т е ц» (№ 11—12) — рассказ Л. Кассиля «Нелюдимо наше море...».

Июль, 1. Фронтовая газета Воронежского фронта «За честь Родины» печатает стихи А. Безыменского «Порука».

Июль, 2. В газете «Сталинский сокол» опубликован очерк Н. Рыбака «Соколиная слава» — о прославленном летчике А. Покрышкине.

В Москве состоялось творческое совещание на тему «Писатели на войне». Были заслушаны доклады: В. Кожевникова «Писатель на фронте», С. Щипачева «Военная поэзия», И. Эренбурга «Роль писателя в дни войны». В прениях выступили: Б. Горбатов, А. Фадеев, Б. Лавренев, В. Ермилов, И. Нусицов, Л. Длигач, А. Исбах, И. Уткин, Н. Рыленков, Л. Сейфуллина, А. Жаров, М. Светлов.

Июль, 3. В «Красной звезде» опубликован очерк Л. Никулина «Нормандия сражается».

Июль, 7. Газета Воронежского фронта «За честь Родины» печатает стихотворение И. Френкеля «Бронейбойщик».

Июль, 8. Там же напечатано стихотворение В. Сосюры «Ті будеш вільна, Україно!»:

Ми їх повергнемо! Ми — сила.
У нас мільйони гнівних рук...
Дала нам меч Вітчизна мила
На бронірованих гаюк.

Июль, 9. «Красная звезда» публикует рассказ Ю. Нагибина «Зерно жизни».

Июль, 10. В «Известиях» помещена статья Л. Леонова «Слава России».

«Литература и искусство» сообщает о состоявшемся в Московском клубе писателей совещании на тему «Сатира и юмор в дни Отечественной войны». С докладом выступил Д. Заславский.

Июль, 11. В газете Черноморского флота «Красный черноморец» публикуется юмористический рассказ В. Ардова «Разведка с угощением». В «Красном флоте» помещена корреспонденция М. Зингера «На горящем самолете».

Июль, 15. Наши войска переходят в наступление под Орлом. «Красная звезда» публикует очерк Б. Галина «На Курской дуге».

Июль, 17. В «Литературе и искусстве» напечатаны стихи А. Венцловы «Под знаменем побед». «Красный флот» публикует рассказ Л. Соловьева «Душа корабля».

Июль, 20. В газете Черноморского флота «Красный черноморец» помещена статья П. Сажина «Третий июль».

Июль, 21. Состоялось совещание писателей, работающих на Волховском фронте.

Июль, 22. В газете Брянского фронта «На разгром врага» опубликованы стихи Я. Хелемского «Мценск требует: «Отомсти!».

Июль, 25. «Красный флот» печатает статью Б. Лавренева «Ветер победы», начинает публикацию отрывков из повести Л. Соболева «Зеленый луч». Отрывок из этой повести — «Лейтенант Решетников» — Л. Соболев в этот день читал по радио.

Июль, 28. В газете «Сталинский сокол» опубликована корреспонденция Н. Богданова «Праздник ведомых» (с Орловского направления). «Советская Белоруссия» помещает статью Я. Коласа «Приближается час расплаты».

Июль, 30. В «Комсомольской правде» напечатаны стихи П. Панченко «Беларусь».

Июль, 31. «Литература и искусство» сообщает, что Новосибирское отделение СП выпустило специальную литературную газету «Сибирские огни» для бойцов-сибиряков, сражающихся на фронтах Отечественной войны. В ней напечатаны рассказы А. Кофтелова, А. Ершова, стихи И. Мухачева, Е. Стюарт, Н. Мейсака, Л. Мартынова, А. Смердова. В «Известиях» напечатаны стихи А. Софронова «Вишня». Газета Черноморского флота «Красный черноморец» публикует стихотворение А. Жарова «Заветный камень».

В июле журналы печатают:

«Ленинград» (№ 8) — стихи А. Ахматовой «Первый дальнотбойный в Ленинграде»; «Октябрь» (№ 6—7) — стихи Н. Асеева, Л. Мартынова, Д. Осина, М. Рыльского, И. Сельвинского, Ф. Фоломина, С. Щипачева, рассказы В. Гроссмана «Жизнь», В. Ильенкова «Искра», Г. Корабельникова «Новый экипаж», В. Каверина «Белая яхта», П. Лукницкого «Невская Шехерезада», М. Слонимского «Единство», очерк А. Первенцева «По Уралу», поэму Н. Рыленкова «Подруга дней моих суровых»; «Красноармеец» (№ 13—14) — стихи М. Дудина «Шофер» и «Жаворонок», начало повести Л. Шейнина «Военная тайна»; «Краснофлотец» (№ 13—14) — рассказ Ю. Германа «Поручение другу» и отрывки из повести Л. Соболева «Зеленый луч».

Август, 1. Газета Западного фронта «Красноармейская правда» публикует стихи А. Твардовского «Дорога». По радио в этот день передавался рассказ Ю. Нагибина «Подвиг».

Август, 3. Армейская газета «Боевой товариш» публикует очерк Н. Грибачева «Ночь на переднем крае».

Август, 4. В газете «Красный флот» напечатан очерк П. Лукницкого «Так сражаются ленинградцы». Газета Карельского фронта «В бой за Родину» начинает печатать цикл очерков Г. Фиша «На карельской земле».

Август, 5. Газета Воронежского фронта «За честь Родины» открывается передовой «Час пробил». В номере: «Первые сутки» (дневник наступления) А. Шарова и Ф. Орешкина, корреспонденция Л. Дмитерко «Наращивание удара», стихи А. Безыменского «Рвись вперед». Газета Брянского фронта «На разгром врага» под рубрикой «Герои боев за Орел» публикует очерк К. Лапина «Летчик Иван Горсбец».

Август, 6. «Правда» публикует стихи Д. Бедного «Салют Москвы» и «Кинжал», статьи И. Эренбурга «Часы истории», К. Феина «Музыка победы».

Август, 8. Газета 1-го Украинского фронта «За честь Родины» помещает стихи Л. Дмитерко и А. Малышко «Мы вернулись, краю мій!» (на украинском языке).

Август, 11. В бою с фашистскими захватчиками смертью храбрых погиб новосибирский писатель Борис Богатков.

Август, 12. Армейская газета «На разгром врага» помещает корреспонденцию В. Смирнова «Наступление».

Август, 13. Газета «Красный флот» печатает очерк А. Баковикова с Черноморского флота «На морском охотнике».

Август, 14. Газета Ленинградского фронта «На страже Родины» публикует корреспонденцию А. Авдеевко «Штурм». «Красный флот» помещает очерк Н. Чуковского «Истребители» (с Краснознаменного Балтфлота).

Август, 15. В «Комсомольской правде» напечатаны стихи Д. Кедрина «В ночном полете». «Сталинский сокол» публикует очерк Н. Рыбака «Сын Украины».

Август, 18. В газете Северо-Западного фронта «За Родину» напечатан рассказ И. Леманиса «Детские волосы». Газета Черноморского флота «Красный черноморец» помещает рассказ В. Ряховского «Таран».

Август, 19. В газете «Красная звезда» напечатан рассказ Н. Атарова «Изба». Газета Западного фронта «Красноармейская правда» публикует очерк И. Арамлиева «На пепелище».

Август, 22. В газете 1-го Украинского фронта «За честь Родины» напечатано стихотворение М. Рыльского «Бойцам-танкистам»:

Хай мати скаже: — Недаремно, сину,
Вершив тяжкий ти на землі поход! —
Б'ючися за Радянську Україну,
За весь Радянський б'єшся ти народ.

Август, 23. Творческому отчету Н. Рыленкова было посвящено заседание военной комиссии ССП СССР. Н. Рыленков прочел свои военные стихи и новую поэму «Подруга дней моих суровых».

В бою с фашистскими захватчиками смертью храбрых погиб татарский писатель Рахман Ильяс.

Август, 24. В газете 1-го Украинского фронта «За честь Родины» напечатаны очерк В. Полторацкого «Советский витязь» — об офицере Рудике, первом ворвавшемся в Харьков, стихи А. Малышко «Харків» (на украинском языке).

Август, 25. В газете Закавказского фронта «Боец РККА» напечатано стихотворение Г. Табидзе «Родной Харьков».

Август, 28. «Литература и искусство» сообщает: состоялось расширенное заседание правления Ленинградского отделения ССП, посвященное работе ленинградских писателей за время Отечественной войны; многие писатели прибыли на заседание из частей Красной Армии и с кораблей Краснознаменного Балтийского флота. С докладами выступили В. Инбер, В. Саянов, в прениях — Н. Тихонов, А. Прокофьев, А. Решетов и другие.

Август, 31. В «Красном флоте» помещен очерк Ю. Германа «В ночь под воскресенье», присланный с Северного флота.

Август. В боях с фашистскими захватчиками смертью храбрых погибли башкирский прозаик Али Карнай, башкирский поэт Мазхар Абдуллин.

В августе журналы печатают:

«З н а м я» (№ 7—8) — поэму А. Антокольского «Сын», рассказ В. Гроссмана «Старый учитель», повесть Н. Емельяновой «Хирург», третью часть романа Ю. Тынянова «Пушкин»; «Л е н и н г р а д» (№ 9) — «Фронтовые стихи» В. Рождественского; «Н о в ы й м и р» (№ 7—8) — повесть А. Дроздова «Зеленый сад», «Балладу о четырех заложника» А. Кулешова, роман И. Новикова «Пушкин на юге»; «К р а с н о а р м е е ц» (№№ 15 и 16) — стихи А. Малышко «Зашли мы в хату», Л. Первомайского «Раздумье», И. Сельвинского «Баллада о полковом знамени», А. Суркова «Старик», рассказы Л. Славина «Психическая атака», Б. Лавренева «Брательник», очерки С. Бородина «Кремль», П. Павленко «Витя Судак» и А. Фадеева «Боец»; «К р а с н о ф л о т е ц» (№№ 15 и 16) — стихи А. Суркова «Севастополь», повесть С. Бондарина «Один рейс», очерк И. Всеволожского «Железняковцы».

Сентябрь, 1. Газета Западного фронта «Красноармейская правда» публикует стихи М. Исаковского «Освободителям Ельни».

Сентябрь, 2. В той же газете помещен репортаж Е. Воробьева «На Смоленском направлении».

Сентябрь, 3. «Красная звезда» начинает печатать повесть А. Толстого «Мать и дочь». В «Сталинском соколе» опубликована корреспонденция Эль-Регистана «В небе над Ельней».

Сентябрь, 4. «Комсомольская правда» печатает стихи П. Глебки «Партизаны». Газета «Литература и искусство» сообщает, что годовщину смерти Е. Петрова, исполнившуюся в июле, клуб американских журналистов «Нейшнл хэдлайнерс» в Атлантик-Сити отметил присуждением писателю корреспондентской медали «За доблесть». Медаль имеет форму золотого мальтийского креста. На ней выгравирована надпись: «Евгений Петров. Севастополь — Европа. 1942 год».

Газета «Советская Белоруссия» помещает стихи Я. Коласа «Занявленной Белорусии». Армейская газета «Сталинский удар» помещает очерк Б. Рюрикова «Ток сердец».

Сентябрь, 8. Нашими войсками освобожден Донбасс. В газете 1-го Украинского фронта «За честь Родины» помещены стихи А. Малышко «Земля моя, краса моя».

Сентябрь, 9. «Правда» публикует корреспонденцию Б. Горбатова «Здравствуй, Донбасс!». «Красная звезда» помещает статью И. Эренбурга «Изгнание врага».

Сентябрь, 10. «Комсомольская правда» печатает очерк А. Калинина «Дыхание Днепра». В «Сталинском соколе» опубликована корреспонденция бр. Тур с Брянского направления — «Истребитель».

Сентябрь, 11. Газета «Советская Белоруссия» печатает стихотворение М. Танка «На рубежи».

В бою с фашистскими захватчиками смертью храбрых погиб еврейский поэт Моисей Гольдштейн.

Сентябрь, 12. В бою с фашистскими захватчиками в новороссийском десанте погиб смертью храбрых писатель, критик старший лейтенант Анатолий Луначарский.

Сентябрь, 15. В «Правде» напечатан очерк А. Фадеева «Бессмертие» — о подвиге молодогвардейцев.

Сентябрь, 17. Газета Брянского фронта «На разгром врага» публикует корреспонденцию К. Лапина «По дорогам наступления».

Сентябрь, 18. В «Комсомольской правде» помещен очерк С. Крушинского «Битва за Брянск». «Литература и искусство» печатает стихи П. Тычины «Письмо фронтовикам».

Сентябрь, 19. Газета «Красный флот» помещает очерки о взятии Новороссийска: С. Бондарина «Куников и его бойцы», В. Рудного «Флаг над фортом», Е. Юнги «Дом Диброва». Там же — информация ТАСС о вышедшей в Ленинграде книге «Города-

герои». Среди представленных в ней авторов — А. Толстой, И. Эренбург, Н. Тихонов, В. Вишневский.

В бою с фашистскими захватчиками под Витебском смертью храбрых погиб татарский писатель Мансур Гаяз.

Сентябрь, 21. На деньги, внесенные писателем И. Новиковым в фонд обороны, построен истребитель «Александр Пушкин». Истребитель вручен командиру эскадрильи капитану Юрию Горохову. В боях над Орлом и Спас-Деменском боевой летчик сбил 9 немецких машин... Юрий Горохов награжден орденом Александра Невского. (По протоколу военной комиссии ССР СССР).

Сентябрь, 22. В «Красной звезде» напечатана статья Н. Погодина «Генерал Крюков и его конники». Газета 1-го Украинского фронта «За честь Родины» печатает очерк В. Полторацкого «Два года спустя».

Сентябрь, 24. «Комсомольская правда» печатает стихи В. Сосюры (на украинском языке) «Привіт тобі, Полтаво золота».

Сентябрь, 25. «Литература и искусство» сообщает: на днях из поездки на фронт возвратились в Москву писатели А. Серафимович, К. Федин, Б. Пастернак, Вс. Иванов, П. Антокольский и Р. Азарх.

В той же газете печатаются стихи П. Тычины «Полтава», С. Вургуна «Партизану Бабашу». В газете «Советская Белоруссия» напечатана статья М. Лынькова «На пороге Белоруссии».

Сентябрь, 26. «Правда» опубликовала стихи М. Исаковского «Здравствуй, Смоленск!», стихи Н. Асеева «Смоленск взят!». «Красная звезда» помещает статью С. Голубова «Смоленская дорога».

Сентябрь, 28. В газете «Советская Белоруссия» опубликована статья К. Чорного «Настал великий день»:

«Червоная армия вступила на белорусскую землю...»

Сентябрь, 29. В «Комсомольской правде» напечатаны стихи А. Суркова «Вышли к Днепру». Газета 1-го Украинского фронта «За честь Родины» поместила статью В. Подторяцкого «Пепел Полтавы», Ю. Бурыковского «Уже скоро». В газете «Советская Белоруссия» опубликована статья К. Крапивы «Пришел день расплаты».

Сентябрь, 30. «Комсомольская правда» печатает стихи И. Неходы «Мы идем!»

В газете 1-го Украинского фронта «За честь Родины» опубликовано стихотворение И. Френкеля «Днепровский бой».

Сентябрь. В боях с фашистскими захватчиками смертью храбрых погибли: под Смоленском в партизанском отряде — хабаровский писатель Вячеслав Афанасьев, под Каневом — украинский писатель Борис Котов.

В сентябре журналы печатают:

«Ленинград» (№ 11—12) — цикл стихов И. Авраменко «По курганам путь лежит на Запад...», стихи А. Прокофьева, Г. Суворова, рассказ К. Ванина «У бойницы»; «Новый мир» — стихи М. Голодного, пьесе А. Крона «Глубокая разведка»; «Октябрь» (№ 8—9) — поэму М. Танка «Янук Сялиба», стихи О. Берггольд, С. Щипачева, рассказы Вс. Иванова «Близ старой смоленской дороги», «При Бородине», И. Трусова «Всего сильнее» и другие; «Красноармеец» (№ 17—18) — стихи А. Безыменского «Мы идем по Украине»; «Краснофлотец» (№ 17—18) — поэму А. Жарова «Борис Сафонов», рассказ С. Колдунова «Искра», статью А. Фадеева «О советском патриотизме и национальной гордости».

Октябрь, 2. «Комсомольская правда» печатает стихи М. Стельмаха «Я возвращусь». В «Красном флоте» помещены стихи М. Танка «К оружию, Беларусь!». В «Литературе и искусстве» напечатаны стихи П. Бровки «Беларусь!» (на белорусском языке).

Октябрь, 3. В газете Ленинградского фронта «На страже Родины» напечатан очерк В. Кочетова «Мать героя».

Октябрь, 4. Газета 1-го Украинского фронта «За честь Родины» публикует стихи Л. Дмитерко «Київ жде» (на украинском языке).

Октябрь, 5. В «Известиях» публикуется повесть А. Первенцева «Девушка с Тамани».

Октябрь, 6. Началась демонстрация кинофильма «Два бойца» (сценарий Е. Габриловича по повести Л. Славина).

Октябрь, 7. Газета Волховского фронта «Фронтальная правда» публикует очерк В. Сытина «Бессмертные».

Октябрь, 8. Дивизионная газета «Советский богатырь» помещает очерк М. Алексеева «На Днепре и за Днепром».

В боях с фашистскими захватчиками смертью храбрых погибли писатель Моисей Хашеватский, туркменский поэт Шали Кекилов.

Октябрь, 9. В «Красной звезде» напечатаны стихи А. Суркова «Россия карающая». По радио передана «Дума об Украине» Н. Рыбака.

Октябрь, 11. В газете Ленинградского фронта «На страже Родины» помещен очерк Е. Катерли «Настоящие ленинградцы».

Октябрь, 13. В газете «Сталинский сокол» напечатана корреспонденция Н. Богданова «На правом берегу Днепра». Газета 1-го Украинского фронта «За честь Родины» помещает стихи Д. Бедного «Богатырская переправа».

Октябрь, 16. В «Известиях» напечатан очерк Б. Ямпольского «30 дней в тылу врага».

Газета «Красный флот» сообщает: в Главном политуправлении Военно-Морского Флота состоялось совещание о работе журнала «Краснофлотец». В нем приняли участие Л. Соболев, А. Новиков-Прибой, В. Лебедев-Кумач, Б. Лавренев, А. Первенцев, Л. Успенский, Л. Кассиль, А. Штейн и другие.

Октябрь, 17. В «Красной звезде» печатаются «Рассказы о детях» М. Пришвина: «Ботик», «Родина», «Папа-генерал», «Бабушка и внучка». Армейская газета «Сталинский удар» публикует корреспонденцию Б. Рюрикова «Город на правом берегу».

Октябрь, 19. В газете «Красный Балтийский флот» публикуется очерк Г. Мирошниченко «Горсть земли».

Октябрь, 20. В «Сталинском соколе» печатается очерк Г. Бровмана «Истребитель Береза (Рассказ летчика-штурмовика)».

Октябрь, 21. «Красная звезда» начинает печатать цикл статей А. Кривницкого «Традиции русского офицерства».

Октябрь, 22. «Красная звезда» помещает очерк Л. Сейфуллиной «Ткачихи Иваново-Вознесенска». «Красный флот» печатает очерк М. Шагинян «Люди советского тыла (Из дневника писателя)».

Октябрь, 23. В армейской газете «На разгром врага» опубликован очерк В. Смирнова «Автомат № 2837».

Октябрь, 24. Под заголовком «Фронтные Окна ТАСС» газета «За честь Родины» (1-й Украинский фронт) сообщает о выпуске и рассылке в части многокрасочных «Окон ТАСС» фронта. Авторы первых «Окон» — поэт А. Безыменский, художник В. Брискин.

Октябрь, 25. Вышел на экраны кинофильм «Битва за нашу Советскую Украину» (текст А. Довженко).

Октябрь, 28. В газете Северо-Кавказского фронта «Вперед за Родину» опубликован очерк С. Скляренко «Дочь комсомола».

Октябрь, 29. 25 лет комсомола. Газета «Красный флот» печатает стихи А. Жарова «Слава молодому поколению», В. Лебедева-Кумача «Свидетель славы», очерк Н. Чуковского «Молодые истребители».

Октябрь, 31. В газете «Красная звезда» опубликована «Баллада о Заслонове и его адъютанте» И. Уткина. Армейская газета «Знамя Родины» (Южный фронт) печатает корреспонденцию С. Борзенко «Десант на остров».

В журнале «Ленинград» (№ 13—14) под заголовком «Писатели на фронте» сообщается: группа ленинградских писателей — О. Берггольц, В. Лифшиц и И. Кратт — провела большую массово-политическую и литературную работу на фронте. Они приняли активное участие в работе творческого семинара поэтов и писателей армии, провели ряд вечеров и выступлений для бойцов и офицеров. Бригада в составе А. Прокофьева, Б. Лихарева и В. Саянова за последнее время дважды выезжала на Волхов-

ский и Ленинградский фронты. За 10 дней пребывания на фронте проведено более 30 выступлений. Неоднократно выезжал по приглашению командования танковых и стрелковых соединений Н. Тихонов.

В октябре журналы печатают:

«Знамя» (№ 9—10) — «Письмо неизвестному американскому другу» Л. Леонова, стихи О. Берггольц, А. Гарнакеряна, М. Рыльского, М. Петровых, повесть К. Симонова «Дни и ночи», очерк из «Сталинградских записей» Б. Агапова — «После битвы»; «Октябрь» — стихи М. Бажана, В. Захарченко, Д. Осина, Д. Петровского, А. Прокофьева, М. Рыльского, поэму Е. Долматовского «Пропап без вести», очерк Б. Полевого «Мы из Орла»; «Красноармеец» (№№ 19 и 20) — стихи А. Венцловы «Товарищам», В. Сосюры «Так будет», И. Уткина «Пехота», песню В. Лебедева-Кумача «Только на фронте», рассказы Ф. Гладкова «Заветы отца», В. Ильенкова «Когда шумит дождь...», В. Катаева «Отец Василий», Г. Корабельникова «Рассказы о бойцах», Л. Ленча «Энзе», Н. Ляшко «Русские ночи», статью А. Новикова-Прибоя «Нравственная сила» и другие.

На далеких фронтах, в грозном грохоте боя,
Через горы и доли летит к тебе наша тоска,
Наши думы остались, Отчизна, с тобою,
Подле синего Немана, у золотого песка...
(А. Венцлова. «Товарищам»).

Кто сказал, что надо бросить
Песни на войне?
После боя сердце просит
Музыки вдвойне!
(В. Лебедев-Кумач. «Только на фронте»).

Ноябрь, 1. В газете Южного фронта «Сталинское знамя» печатается очерк В. Величко «Ворота в Крым».

Ноябрь, 2. «Красный флот» публикует очерк А. Первенцева «Навстречу подвигу».

Ноябрь, 3. Газета Закавказского фронта «Боец РККА» помещает корреспонденцию С. Бабаевского «Дорога на Украину».

Ноябрь, 4. В армейской газете «Героический штурм» опубликованы стихи М. Светлова «Каховка» — новый текст песни, написанный им в связи с освобождением Каховки:

Украинский ветер шумит над полками.
Кивают листвою тополя...
Каховка! Каховка! Ты вновь перед нами —
Родная, святая земля!
Мы шли через горы, леса и долины,
Прошли через гром батарей,
Сквозь смерть мы пробились... Встречай, Украина,
Своих дорогих сыновей!

Армейская газета «Знамя Родины» (Южный фронт) начинает печатать цикл корреспонденций С. Борзенко «Десант в Крым».

Ноябрь, 6. В газете Западного фронта «Красноармейская правда» опубликован отрывок из поэмы А. Твардовского «Россия»:

Сильна в труде, грозна в бою,
Во имя Человека,
Вступает Родина в свою
Вторую четверть вена.
Ее святой и гордый труд,
Ее немые муки
Прославят и превознесут
Благоговейно внуки.
И воздадут за все сполна,
Дивясь прошедшей были:
Какие были времена!
Какие люди были!

В армейской газете «Сталинский боец» напечатан очерк В. Курочкина «Волга — Днепр».

Ноябрь, 7. В газете «Литература и искусство» напечатаны стихи В. Сосюры «Солнце пад Киевом» и статья М. Рыльского «Киев»:

«Он снова наш — наша гордость, наша радость, наше славное минувшее, наше светлое грядущее — Киев! Тьмою был повит он, кровью залит, и горькая печаль ходила по берегам синего Днепра, и скорбь неизбывная долу клонила стройные киевские тополя. Но гремят священные громы освободительной войны, идет в багряном сиянии славы Красная Армия...»

Ноябрь, 8. В «Правде» напечатаны «Размышления у Киева» Л. Леонова.

Ноябрь, 10. В газете Закавказского фронта «Боец РККА» опубликовано стихотворение Г. Боряна «Киев».

Ноябрь, 11. В бою с фашистскими захватчиками под Витебском смертью храбрых погиб таджикский критик Лутфулло Бузруг-заде.

Ноябрь, 12. Газета 1-го Украинского фронта «За честь Родины» публикует стихи А. Малышко «Київ» (на украинском языке).

Ноябрь, 14. В бою с фашистскими захватчиками смертью храбрых погиб писатель, бригадный комиссар Владимир Ставский.

Ноябрь, 20. «Красная звезда» публикует статью А. Серафимовича «На Дону».

Ноябрь, 21. «Комсомольская правда» печатает стихи В. Тушиновой «Слава краснодонцев». «Красный флот» помещает очерки Б. Лавренива «По дорогам Таврии».

Ноябрь, 24. В газете «Сталинский сокол» напечатан рассказ С. Колдунова «Угол сноса».

Ноябрь, 25. В газете Ленинградского фронта «На страже Родины» опубликована статья А. Новикова-Прибоя «Родина». Газета Волховского фронта «Фронтная правда» опубликовала стихи С. Орлова «У переправы».

Ноябрь, 27. В газете «Советская Белоруссия» напечатана статья М. Лынькова «Слава свободному Гомелю». Газета 1-го Белорусского фронта «Красная Армия» публикует статью М. Лужанина «Мы вернулись», стихотворение П. Панченко «Гомель»:

Добрый день, белорусские реки, поля и дубровы —
Золотое Полесье!
Добрый день, белорусское вольное слово,
Белорусская песня!

Ноябрь. В бою с фашистскими захватчиками смертью храбрых погиб туркменский писатель Ата Ниязов.

В ноябре журналы печатают:

«Ленинград» (№ 15—16) — очерк А. Фадеева «Дети»; «Новый мир» (№ 10—11) — повесть В. Катаева «Жена», поэму Х. Алимджана «Зейнаб и Аман», стихи А. Твардовского «Из фронтовой хроники», киносценарий С. Эйзенштейна «Иван Грозный»; «Красноармеец» (№ 21—22) — стихи М. Голодного, И. Гришашвили, А. Прокофьева, рассказ Л. Соболева «Урок командира», очерки В. Гроссмана «Наш Донбасс», А. Серафимовича «На освобожденной земле»; «Краснофлотец» (№№ 21 и 22) — повесть Ю. Германа «Студеное море», «Из новороссийского блокнота» Г. Гайдовского.

Декабрь, 2. Газета Западного фронта «Красноармейская правда» печатает главы из поэмы А. Твардовского «Дом у дороги». В газете «Красный флот» опубликован отрывок из романа А. Каравановой «Огни» — «Первый танк». В газете Южного фронта «Сталинское знамя» напечатаны стихи А. Роховича «Перекоп», И. Сельвинского «Крым».

Декабрь, 3. «Комсомольская правда» публикует стихи Л. Ошанина «Остановись!». Газета Волховского фронта «Фронтная правда» печатает поэму П. Шубина «Солдатская слава». Газета Западного фронта «Красноармейская правда» публикует очерк И. Арамилева «Пылающее сердце (Страницы биографии Александра Матросова)».

Декабрь, 4. В газете «Литература и искусство» напечатаны стихи Х. Алимджана

«Шинель». В газете «Суворовец» (Брянского фронта) помещены стихи гвардии красноармейца С. Смирнова «Моему управдому», «К вашему сведению», «Котелок», «Еще не поздно».

Декабрь, 8. В газете «Сталинский сокол» напечатаны стихи Н. Кончаловской «Русская женщина». «Красный флот» публикует начало рассказа А. Первенцева «Мыс Доброй Надежды».

Декабрь, 11. Газета Южного фронта «Сталинское знамя» печатает очерк В. Величко «Перекоп и Сиваш. 1943 год». В газете Брянского фронта «Суворовец» напечатано стихотворение В. Субботина «Отцовский дом».

Декабрь, 15. Газета Западного фронта «Красноармейская правда» помещает стихи А. Духути «Сынам Белоруссеи». «Советская Белоруссия» публикует стихи М. Лужанина «Наступление». Армейская газета «Мужество» публикует очерк С. С. Смирнова «Победитель».

Декабрь, 16. Газета Закавказского фронта «Боец РККА» начинает публиковать цикл очерков В. Закруткина «От Терека до Днепра».

Декабрь, 19. Газета Закавказского фронта «Боец РККА» печатает очерк П. Павленко «Старый солдат».

Декабрь, 22. Газета «Советская Белоруссия» печатает поэму П. Бровки «Беларусь».

Декабрь, 24. Газета «Красный флот» начинает печатать рассказ Б. Лавренева «Маяк».

Декабрь, 25. В газете «Литература и искусство» публикуются стихи А. Софронова (из цикла «Степные солдаты»).

Декабрь, 29. Армейская газета «Знамя Родины» (Южный фронт) помещает корреспонденцию Б. Галанова и Б. Котлярова «Коростышев снова советский».

Декабрь, 30. В «Известиях» напечатаны стихи П. Рыленкова «Родной дом».

В декабре началась демонстрация кинофильма «Фронт» (по одноименной пьесе А. Корнейчука).

В декабре журналы печатают:

«Знамя» (№ 11—12) — цикл стихов Л. Первомайского «Солдатские песни», стихи П. Тычины «Реквием», очерк К. Федина «Несколько населенных пунктов»; «Октябрь» (№ 11—12) — стихи М. Исаковского, А. Софронова, рассказы К. Симонова «Пехотинец», «Парамон Самсоныч», Л. Соловьева «Душа корабля», драматическую повесть А. Толстого «Иван Грозный»; «Красноармеец» (№ 23—24) — рассказы Хаджи-Мурат Мугуева «Старый казак», К. Тренева «Ульяна» и другие.

1943 год. В боях с фашистскими захватчиками смертью храбрых погибли: в Смоленской области — туркменский писатель Амандурды Аламышев; под Туапсе — туркменский писатель Курбанмурад Эйямбердыев; на Украине — писатель Гирш Диамант; в Белоруссии — поэт Юрий Черкасский; под Брянском — грузинский писатель Северьян Иснани; на Орловском фронте — литовские писатели Алдона Пашкявичуте, М. Глухас, Балис Кирстукас, башкирский поэт Малих Харисов, киргизские писатели Джекшен Ашубаев, Щума Жамгырчинов, Жусуп Турусбеков, Хусеин Эсенходжаев, татарский писатель Демьян Фатхи. В застенках гестапо погиб украинский поэт Евгений Фомин.

В течение года вышли на русском языке отдельными изданиями следующие произведения советских писателей:

И. Авраменко. Ночь накануне бессмертия. Фронтальная поэма; Н. Асанов. Гневная Россия; И. Барбарус. Стихотворения 1941—1943. Перевод с эстонского; Д. Бедный. Несокрушимая уверенность. Книга стихов; Г. Борян. Фронтальные стихи. Перевод с армянского; Н. Браун. Военная весна. Стихотворения и песни; П. Бровка. К родным берегам. Стихи. Перевод с белорусского; С. Васильев. Поле русской славы. Стихи; Л. Гира. Слово борьбы. Перевод с литовского; В. Грасс-

¹ Инициалы вместо имени приводятся в тех случаях, когда более полных сведений в Союзе писателей не сохранилось.

м а н. Сталинград. Сентябрь 1942 — январь 1943; Г. Гуля м. Иду с Востока. Стихи. Перевод с узбекского; В. За х а р ч е н к о. Кровью этой земли. Стихи; М. З и н г е р. Сердце матери; В. И л ь е н к о в. Второе дыхание; М. И с а к о в с к и й. Наказ сыну. Стихи о войне; В. Ка в е р и н. Мы стали другими; О н ж е. Белая яхта; Л. К а с с и л ь. Есть такие люди; А. К о в а л е н к о в. Далеко на севере. Стихи; В. К о ж е в н и к о в. Любимые товарищи. Рассказы; С. К о л д у н о в. Честь флага; С. К у д а ш. От всего сердца. Стихи. Перевод с башкирского; Б. Л а в р е н е в. Люди простого сердца; О н ж е. Песня о черноморцах; А. Л а х у т и. Непобедимая земля. Поэма и стихи. Перевод с таджикского; В. Л а ц и с. Борьба. Рассказы. Перевод с латышского; В. Л е б е д е в. К у м а ч. Вперед к победе! Песни и стихи; И. Л и к с т а н о в. Красные флажки; Н. Л я ш к о. Русские ночи; А. М а л ы ш к о. Украина моя. Стихи. Перевод с украинского; С. М а р ш а к. Двенадцать месяцев. Славянская сказка; С. М и х а л к о в. Стихи для детей 1935—1942; Ю. Н а г и б и н. Человек с фронта. Рассказы; С. Н е р и с. Сквозь повисст путь. Перевод с литовского; Л. Н и к у л и н. Самолет не вернулся на базу; Д. О с и н. В тот год суровый. Стихи; П. П а в л е н к о. Путь отваги; Б. П а с т е р н а к. На ранних поездах. Новые стихотворения; К. П а у с т о в с к и й. Ленинградская ночь; Л. П е р в о м а й с к и й. День рождения. Стихи. Перевод с украинского; А. П л а т о н о в. Рассказы о Родине; М. П р и ш в и н. Лесная капель; А. П р о к о ф ь е в. Атака. Стихотворения; С. Р у с т а м. Меч и стих. Перевод с азербайджанского; Н. Р ы б а к. Оружие с нами. Роман; Н. Р ы л е н к о в. Прощание с юностью; В. С а я н о в. В боях за Ленинград. Записки военного корреспондента; И. С е л ь в и н с к и й. Военная лирика; С. С е р г е в - Ц е н с к и й. Брусиловский прорыв. Часть первая; Л. С о б о л е в. Черное море; А. С у р к о в. Солдатское сердце. Стихи. Три тетради; А. Т в а р д о в с к и й. Смоленщина. Стихи; Н. Т е л ь ш о в. Записки писателя; Н. Т и х о н о в. Ленинград принимает бой; С. Т о к а. В берестяном чуме. Повесть; М. Т у р с у н - з а д е. Сын Родины. Стихи. Перевод с таджикского; О. Ф о р ш и Г. Б р я д ж и е в. Князь Владимир; М. Ш о л о х о в. Они сражались за Родину. Главы из романа; Н. Ш п а н о в. Тайна профессора Бураго; М. Э г а р т. Юность; И. Э р е н б у р г. Стихи о войне. Война (апрель 1942 — март 1943).

1944 ГОД

Январь, 1. В газете 2-го Белорусского фронта «За Родину» напечатаны стихотворение Я. Коласа «Родному краю», статьи А. Серафимовича «Добить врага!» и Ф. Гладкова «Да свершится приговор!».

Январь, 3. В газете 1-го Украинского фронта «За честь Родины» опубликована корреспонденция С. Борзенко «Как был взят Житомир». Газета 2-го Прибалтийского фронта «Суворовец» печатает стихи красноармейца Л. Черноморцева «Беларусь».

Январь, 5. «Комсомольская правда» публикует стихотворение М. Рыльского «Год победы». В газете Закавказского фронта «Боец РККА» помещено стихотворение Расула Рза «Родина».

В бою с фашистскими захватчиками под Кировоградом смертью храбрых погиб писатель Исаак Зарубин.

Январь, 6. В газете Черноморского флота «Красный черноморец» напечатано стихотворение Г. Поженяна «Матросское счастье».

Январь, 14. «Комсомольская правда» публикует очерк А. Калининна «Сильные духом» — о подвиге комсомольцев-подпольщиков Таганрога. В газете 4-го Украинского фронта «Сталинские знамя» напечатана глава из поэмы Н. Грибачева «Росния». Обращаясь к партии, поэт писал:

Все пытки я, все муки пересилю
И у последней огненной черты
Вновь повторю: лишь ты спасешь Россию,
И к новой славе возродишь лишь ты!

В бою с фашистскими захватчиками под Речицей смертью храбрых погиб воронежский писатель Николай Романовский.

Январь, 16. В бою с фашистскими захватчиками в Белоруссии смертью храбрых погиб новосибирский писатель Николай Кудрявцев.

Январь, 18. В газете 3-го Украинского фронта «Советский воин» напечатана поэма А. Недогонова «Тринадцать», посвященная памяти погибших бойцов, которым посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Газета Волховского фронта «Фронтальная правда» публикует статью И. Эренбурга «Солдатам Волхова».

Январь, 20. Газета «Красный флот» помещает статью В. Кетлинской «Ленинградская гроза», посвященную началу наступления наших войск под Ленинградом:

«Ленинградцы привыкли к грохоту артиллерийской канонады... Но такого веселого и грозного грохота еще не слышали и ленинградцы. Как весенний гром, потрясающий воздух, этот грохот с рассвета будит спящих, проникает в дома, перебивает шум работающих машин на предприятиях, весело перекачивается над улицами, где на трамвайных остановках ожидают трамваев спешащие на работу люди, и везде — в домах, на заводах, на улицах — звучит одно слово: «Началось!»

Газета Волховского фронта «Фронтальная правда» помещает корреспонденцию А. Чаковского «На Ленинградском фронте». Армейская газета «Боевое знамя» напечатала очерк М. Бубеннова «Гвардейский удар».

Январь, 21. В армейской газете «Мужество» помещены очерк С. С. Смирнова «Сильнее смерти», стихотворение Д. Каневского «Одна заря» (на украинском языке).

Январь, 25. В газете «Красная звезда» напечатана статья С. Голубова «Великий полководец». На экраны страны вышел фильм «Радуга» по сценарию В. Василевской.

Январь, 26. Газета Волховского фронта «Фронтальная правда» публикует стихотворение П. Шубина «Подполковник Коваль».

Январь, 27. В газете 1-го Украинского фронта «За честь Родины» на специальной полосе, посвященной боевым действиям партизан, помещен очерк Л. Дмитерко «Батько Ковпак».

Январь, 28. «Правда» помещает стихи В. Инбер «Салют над Невой». В «Красной звезде» напечатаны стихотворение А. Прокофьева «Победа», посвященное полному освобождению Ленинграда от блокады, статья Н. Тихонова «Город-победитель»:

«Память о твоих героях будет жить в песнях и легендах... Ты боролся и победил! Слава твоим доблестным воинам, слава твоим защитникам — трудящимся Ленинграда! Слава тебе, бессмертный город-победитель!»

Январь, 31. В армейской газете «Сталинский удар» напечатано стихотворение М. Соболя «Ночной бой».

В январе журналы печатают:

«Звезда» — поэму М. Дудина «Костер на перекрестке»; «Ленинград» (№№ 1 и 2) — стихи И. Авраменко, Д. Левоневского, Б. Лихарева, А. Решетова, Л. Хаустова, В. Шефнера, очерк П. Лукницкого «Ленинградский фронт наступает»; «Красноармеец» (№№ 1 и 2) — стихи А. Кулешова «Освобождение», А. Твардовского «Россия», стихи С. Гудзенко «Танк», рассказ К. Паустовского «Приказ по военной школе»; «Краснофлотец» (№№ 1 и 2) — рассказ Н. Жданова «Вега», стихотворение М. Дудина «С Балтики матрос».

Февраль, 2. Сталинградский областной драматический театр имени Горького показал премьеру пьесы Ю. Чепурина «Сталинградцы».

Февраль, 5. Докладом Н. Тихонова «Советская литература в дни Отечественной войны» открылся IX пленум правления ССП СССР. В прениях приняли участие: Л. Соболев, В. Вишневский, Б. Горбатов, И. Эренбург, А. Сурков, А. Караваева, М. Рыльский, И. Абашидзе, К. Корсакас, С. Муқанов, А. Токомбаев, К. Наджми, С. Вургун, В. Ермилов.

«С первого дня войны зазвучало писательское слово, сопутствуя Красной Армии и советскому народу в битвах на фронте и в трудовых подвигах тыла. Писатели жили всюду общей жизнью с народом... Главным героем нашей лите-

ратуры как в дни мирного строительства, так и в дни Отечественной войны является правда. Мы не хотим забывать ни претерпленных нами бедствий, ни дней жестоких сражений, ни огромного напряжения сил страны на пути к победе».

(Из доклада Н. Тихонова).

Февраль, 6. «Красная звезда» печатает рассказ Н. Москвина «У военной дороги». Дивизионная газета «За Родину» публикует статью М. Алексеева «Коммунисты в бою».

Февраль, 11. «Правда» опубликовала стихи С. Михалкова «Быль для детей».

После освобождения Смоленска от фашистской оккупации состоялось первое собрание смоленских писателей.

Февраль, 13. В газете «Красный Балтийский флот» опубликовано стихотворение М. Рауда «Привет Эстонии».

В боях с фашистскими захватчиками смертью храбрых погибли удмуртский писатель Филипп Кедров, ленинградский поэт Георгий Суворов.

Февраль, 15. Вечер, посвященный героическому Ленинграду, состоялся в Московском клубе писателей. На вечере выступили Н. Тихонов, В. Инбер, В. Вишневский, А. Прокофьев, О. Берггольц, Б. Лихарев.

Февраль, 16. В «Комсомольской правде» напечатано стихотворение В. Захарченко «На смоленской дороге».

Февраль, 29. Газета 4-го Украинского фронта «Сталинское знамя» публикует рассказ С. Головановского «Письмо издалека».

Февраль. В бою с фашистскими захватчиками смертью храбрых погиб украинский прозаик Демьян Семенов.

В феврале журналы печатают:

«Звезда» — роман В. Саянова «Небо Ленинграда»; «Знамя» (№ 1—2) — киноповесть О. Берггольц и Г. Макогоненко «Они жили в Ленинграде», повесть К. Симонина «Дни и ночи» (окончание), стихи П. Антокольского, Д. Бедного, С. Гудзенко, А. Кулешова; «Новый мир» (№ 1—2) — повесть Ю. Германа «Студеное море», роман С. Сергеева-Ценского «Пушки выдвигают», поэмы П. Бровки «Беларусь» и А. Лахути «Сказание о Мардистане»; «Октябрь» (№ 1—2) — второй том романа В. Каверина «Два капитана», вторую часть исторического повествования В. Шишкова «Емельян Пугачев», поэму Г. Абашидзе «Победоносный Кавказ», стихи О. Берггольц, М. Исаковского, А. Кулешова, М. Рылского; «Красноармеец» (№ 3—4) — рассказ Б. Лавренина «Универсальная система», повесть Л. Шейнина «Лицом к лицу», стихи В. Лебедева-Кумача, С. Михалкова, А. Пришельца, И. Френкеля; «Краснофлотец» (№ 3) — рассказ А. Крона «Таинственный корабль», стихотворение Н. Рыленкова «Корень жизни».

Март, 3. «Красная звезда» публикует статью А. Кривицкого «Военные записки полковника Баурджана Момыш-Улы».

Март, 4. В газете 4-го Украинского фронта «Сталинское знамя» помещено стихотворение Н. Грибачева «На рассвете». Газета «Сталинский сокол» печатает очерк А. Письменного «Путь к совершенствованию» — о дважды Герое Советского Союза Воробьева.

Март, 5. Армейская газета «Советский боец» публикует очерк В. Собко «Люди большой переправы».

Март, 8. В армейской газете «В атаку!» помещен рассказ В. Величко «Сердца двух».

Март, 9. «Правда» печатает корреспонденцию Б. Полевого «Разгром немцев под Уманью». Газета 2-го Белорусского фронта «За Родину» помещает очерк А. Исбаха «По дорогам Полесья».

Март, 14. В «Известиях» опубликована статья С. Голубова «Кутузов».

Март, 15. «Правда» печатает очерк Б. Горбатова «Херсон»:

«Мы стоим на вышке торгового порта — отсюда отлично видны и город и река. Вот он, Херсон, чудесный, теплый, прекрасный наш город, — теперь навсегда

наш. Вот он, Днепр,— могучий, вольный, широкий, наш до самого моря, навсегда наш».

Март, 18. В газете «Литература и искусство» напечатано стихотворение Е. Букова «Песня Днестра».

Впервые после двадцати шести месяцев немецкой оккупации в Днепропетровске состоялся литературный вечер. Писатели-фронтовики прочитали свои новые произведения. На вечере выступили И. Молчанов, А. Недогонов. А. Левада рассказал о работе днепровских писателей на фронте.

Март, 22. В газете 1-го Украинского фронта «За честь Родины» напечатаны корреспонденция С. Борзенко «Бои за Винницу», «Баллада о доставленных снарядах» А. Безыменского.

Март, 23. В газете 1-го Украинского фронта «За честь Родины» помещена статья А. Шарова «Дорога на Тарнополь».

Март, 27. В «Правде» напечатана статья Б. Полевого «Днестровская эпопея», посвященная выходу советских войск на государственную границу СССР:

«На двадцатый день наступления герои днестровской эпопеи из заросших виноградниками холмов, из долин у деревень увидели широкую, сверкающую на солнце гладь Прута, окутанного утренним весенним туманом... Вот она перед нами, долгожданная, трижды желанная государственная граница нашей отчизны, тридцать три месяца назад погранная врагом. С нашей границы мы видим сейчас долины и деревни Румынии. Здравствуй, рубеж родной земли!»

Март, 29. Газета «Красный флот» печатает стихотворение А. Жарова «Какое сердце не забьется».

В марте журналы печатают:

«З в е з д а» — повесть В. Василевского «Офицерская дружба», пьесу И. Груздева и Б. Четверикова «Вороний камень», «Пять стихотворений» Г. Суворова; «З н а м я» — повесть Ф. Кнорре «Каждый день», рассказ «Отчаянные» и «Письма с фронта» Ю. Крымова, исторический роман В. Сафонова «Конец Кучумова царства», очерк С. Борзенко «Десант», стихи Н. Асанова, М. Танка, Н. Ушакова; «Л е н и н г р а д» (№ 4) — рассказ К. Ванина «Мать», стихи М. Дудина «Псков»; «Н о в ы й м и р» — пьесу И. Луковского «Битва при Грюнвальде», роман А. Толстого «Петр I», поэму С. Васильева «На Урале», стихи С. Гудзенко, А. Софронова; «К р а с н о а р м е е ц» (№№ 5 и 6) — стихи Е. Горбана «Регулировщица», И. Неходы «Верь», очерк С. Голубова «Генерал Багратион», новеллу С. Сергеева-Ценского «Гренадер Семен Новиков», статью И. Эренбурга «Наш суд», рассказ А. Платонова «На минном поле», третью часть поэмы А. Твардовского «Василий Теркин», «Балладу о старых траншеях» Я. Хелемского; «К р а с н о ф л о т е ц» (№ 5) — очерк В. Кожевникова «Москвичка».

Апрель, 1. В газете «Красный флот» опубликовано стихотворение Н. Брауна «Очков наш!». В газете 1-го Украинского фронта «За честь Родины» напечатана статья А. Малышко «Город над Прутом».

Апрель, 5. В газете 1-го Украинского фронта «За честь Родины» опубликовано стихотворение А. Безыменского «От Курской дуги до Карпат»:

Идти до победы осталось немного,
И нет неприступных преград
Для тех, кто прошел боевую дорогу
От Курской дуги до Карпат!

Апрель, 6. В газете 3-го Украинского фронта «Советский воин» напечатано стихотворение А. Недогонова «Сердце одессита».

Апрель, 9. В «Красной звезде» помещен очерк Е. Габриловича «Дочь народа».

Апрель, 11. Газета «Красный флот» публикует статью Л. Соболева «Мы вернулись!»:

«Одесса выполнила свой долг. Она сделала все, чего ждала от нее Родина: она задержала врага на два с лишним месяца, спутала его планы... Приказ Верховного Командования отозвал защитников Одессы на оборону Крыма. И они

уходили, стиснув зубы, смотря на пропадавшую во мгле Одессу и повторяя, как клятву: «Мы вернемся, Одесса... Мы вернемся...» И вот — мы вернулись».

Апрель, 12. В «Правде» напечатано стихотворение Д. Бедного «Одесса».

Апрель, 13. «Красный флот» помещает очерк И. Бару «Перекопский прорыв». Армейская газета «Боевое знамя» печатает очерк Г. Санникова «Мастера разведки».

«Правда» сообщает, что в театре Краснознаменного Балтфлота состоялась премьера пьесы В. Вишневского «У стен Ленинграда».

Апрель, 15. В «Правде» опубликовано стихотворение А. Яшина «В Крыму». В «Красной звезде» опубликован очерк С. Гехта «На окраине Симферополя». «Литература и искусство» печатает статью С. Сергеева-Ценского «Город славы».

Апрель, 16. «Комсомольская правда» опубликовала стихотворение Г. Гуляма «Жду тебя, сын мой!».

Апрель, 17. В «Правде» помещена корреспонденция Б. Полевого «Дороги идут в Кишинев».

Апрель, 18. Газета 4-го Украинского фронта «Сталинское знамя» начала публиковать цикл очерков С. Головановского «Битва за Крым».

Апрель, 19. В «Правде» напечатан очерк В. Кожевникова «Бахчисарай».

Апрель, 21. В «Красной звезде» публикуются путевые заметки В. Катаева «В Молдавии». Газета Ленинградского фронта «На страже Родины» помещает очерк В. Сытина «Испытание характера».

Апрель, 23. В «Комсомольской правде» печатается стихотворение А. Софронова «На могиле Кочубея».

Апрель, 26. В газете 1-го Украинского фронта «За честь Родины» опубликован очерк С. Борзенко «Десант в Крым».

Апрель, 28. В газете 1-го Прибалтийского фронта «Вперед на врага» опубликован очерк В. Дягилева «Встреча».

Апрель, 30. «Красный флот» печатает очерк Е. Юнги «В боях за Севастополь». В «Красной звезде» помещен очерк Н. Тихонова «Весна победы».

А. Твардовский читал по радио отрывок из поэмы «Василий Теркин».

В апреле журналы печатают:

«Звезда» — стихи С. Наровчатова «Под сапогами щебень и осколки»; «Знамя» — отрывки из поэмы И. Грибачева «Родина», пьесу А. Крона «Офицер флота», очерки Е. Кригера «От Днепра до Карпат», «Две баллады» И. Неходы; «Ленинград» (№ 5) — рассказы И. Кратта «Расплата», В. Лифшица «Стручок», Д. Острова «Жили два друга...»; «Октябрь» (№ 3—4) — повесть С. Сергеева-Ценского «Вице-адмирал Нахимов», стихи А. Суркова «Сестра нашей славы — весна» и другие, А. Яшина «В Крыму»; «Красноармеец» (№ 7) — рассказы И. Арамилева «Первый день», Ф. Гладкова «Между жизнью и смертью», С. Сергеева-Ценского «Пластун Чумаченко», стихотворение А. Суркова «Генерал»; «Краснофлотец» (№№ 6, 7 и 8) — стихи Н. Брауна «Морская слава», Б. Кежуна «Пылающий корабль», повесть Е. Юнги «День рождения», отрывок из незаконченной повести В. Ставского «На корабле», повесть С. Сергеева-Ценского «Синопский бой», очерк А. Черненко «Гвардии старшина», стихотворение Н. Ушакова «Весна госпитальная».

Май, 1. В газете «Литература и искусство» опубликованы стихи Я. Судрабална «Солице Родины», А. Абашели «Красные цветы» и другие.

Драматический театр (Благовещенск) показал премьеру пьесы Б. Лавренева «Песнь о черноморцах».

Май, 6. «Правда» публикует статью И. Эренбурга «Сила слова»:

«Казалось бы, теперь не до слов: спор решает металл. Но никогда слабый человеческий голос не звучал с такой силой, как на поле боя, среди неатерпимого грохота. Люди, живые люди, пришли от Волги к Серету. В этом победа человека над бездушной машиной фашизма. В этом и оправдание слова».

В «Комсомольской правде» помещен очерк К. Федина «Живые стены (Из ленинградских записок)».

Май, 7. В «Красной звезде» напечатан рассказ А. Толстого «Русский характер». 10 мая его перепечатала «Правда»:

«Да, вот они, русские характеры! Кажется, прост человек, а придет суровая беда, в большом или в малом, и поднимается в нем великая сила — человеческая красота».

Май, 8. Армейская газета «На штурм» помещает очерк М. Луконина «Возвращение на Прут».

Май, 9. В специальном приложении к партизанской газете «Смерть врагам» напечатаны стихи М. Максимова «Баллада о горящем сердце» — памяти Пети Галецкого, бросившегося с миной под фашистский поезд:

Упомянут был Данко
В тот день в оперсводке полка!
Кто не верит легендам,
Обыденной были поверьте:
Было вырвано сердце
Из теплой груди вожака
И горит, и спасает людей
От позора и смерти!

Май, 10. Состоялась литературная радиопередача «Поэты — Севастополю». С чтением новых стихов выступили Н. Асеев, А. Жаров, Ц. Солодарь, А. Яшин.

Выпущено «Окно ТАСС», посвященное освобождению Севастополя от фашистских захватчиков (рисунок П. Соколова-Скаля со стихами В. Лебедева-Кумача).

В газете 1-го Украинского фронта «За честь Родины» напечатаны стихи И. Френкеля «Севастопольцам».

Май, 11. «Красный флот» помещает статью Л. Соболева «Здравствуй, Севастополь!»:

«Вот он, Севастополь! Вот она, священная земля, обильно политая девятью годами назад кровью дедов и два года назад — кровью братьев. Смотрит матрос-черноморец и чувствует, как медленно, грозно раскаляется сердце в его груди от нестерпимого гнева».

Нет чудесных бульваров — они вырублены. Нет прекрасных зданий — они взорваны или сожжены. Нет памятников — они украдены... Руины и пепел.

И здесь начинается чудо! Идет матрос-черноморец по улицам, и родной, любимый город оживает навстречу ему...

Зеленеют вокруг холмы — наши холмы! И синеют бухты — наши бухты! И в опаловый туман, в бескрайний простор уходит море — наше море. И на горизонте, в голубом тумане, возникают силуэты наших кораблей: они возвращаются в Севастополь».

Май, 16. В Политуправлении 1-го Украинского фронта состоялось совещание писателей и поэтов, работающих в красноармейских газетах. В совещании приняли участие С. Борзенко, Л. Дмитерко, А. Малышко, Ю. Яновский, А. Авдеенко, А. Безыменский.

Май, 18. В газете 3-го Прибалтийского фронта «За Родину» начали печататься очерки А. Чаковского «Возрождение» (о Ленинграде), Б. Пескова «Наступление взвода».

Май, 20. В «Литературе и искусстве» помещено стихотворение Г. Леонидзе «Родину пою».

Май. В бою с фашистскими захватчиками в Молдавии смертью храбрых погиб туркменский писатель Нурмурад Сарыханов.

В мае журналы печатают:

«Ленинград» (№ 6—7) — поэму Б. Лихарева «Победитель», рассказ А. Розена «Невеста», стихи С. Бытового, В. Лифшица, Л. Хаустова, А. Чивилихина; «Новый мир» (№ 4—5) — поэму А. Белевича «Мой голубь», стихи Г. Боряна «Камни безмолв-

ные», драматическую сказку С. Маршака «Двенадцать месяцев», записки К. Федики «Свидание с Ленинградом», «Записки партизана» П. Игнатова; «Красноармеец» (№ 9—10) — рассказ-быль С. Муканова «Маншук Маметова»; «Краснофлотец» (№ 9) — лирическую поэму В. Азарова «Свет маяка», повесть Л. Зайцева «Как это было», стихи С. Острового, Г. Халилецкого.

Июнь, 2. Калининский областной драматический театр показал премьеру пьесы А. Крона «Офицер флота».

Июнь, 3. Газета 3-го Прибалтийского фронта «За Родину» печатает очерк Ю. Севрука «Дом родной».

Июнь, 8. «Комсомольская правда» напечатала стихотворение Э. Межелайтиса «Мысли о Родине (Герою Советского Союза В. Бернотенасу)». Газета Закавказского фронта «Боец РККА» начинает публикацию цикла очерков С. Бабаевского «Письма о бойцах одного батальона».

Июнь, 10. В газете «Литература и искусство» помещены стихи Е. Букова «Гордись, Молдавия!»:

Гордись, Молдавия, советской славой,
Дыши весенней свежестью земли,
Ты в битвах получила это право,
Тебе свободу братья принесли.
Звенит в долинах щебет соловьиный,
И солнце брызнуло в твоё окно
И в дом вошло к тебе, как друг старинный,
Которого не видел ты давно.

Июнь, 12. В «Правде» напечатана статья В. Вишневого «Ленинград штурмует врагов».

Июнь, 20. Вышло тысячное «Окно ТАСС» со стихами В. Лебедева-Кумача:

Я горжусь, что перо приравняли к штыку,
И в борьбе средь оружия другого
Помогает удар нанести по врагу
Большевистское жаркое слово.
Маяковский! Твою воплощая мечту,
И поэт, и художник стоят на посту,
И врага неустанно и грозно громят
Стих и проза, рисунок и яркий плакат.

Июнь, 22. В «Правде» помещена корреспонденция В. Вишневого «В Выборге». «Красный флот» публикует корреспонденцию П. Лукницкого «Первые сутки в освобожденном Выборге». Газета «Литература и искусство» печатает статью И. Эренбурга «Три года».

На боевом посту при налете вражеской авиации в районе Полтавы погибли ярославский прозаик, военный корреспондент газеты «Известия» Александр Кузнецов, военный корреспондент газеты «Правда» писатель Петр Лидов.

Июнь, 25. В «Красной звезде» опубликована корреспонденция А. Платонова «Прорыв на Запад».

Июнь, 28. «Правда» поместила корреспонденцию В. Кожевникова «Штурм Витебска».

Июнь, 29. «Красная звезда» напечатала корреспонденцию А. Платонова «В Могилеве» и корреспонденцию П. Павленко «На Борисов».

Июнь. Тюменский городской театр показал премьеру пьесы А. Арбузова «Домик в Черкизове».

В июне журналы печатают:

«Звезда» (№ 5—6) — цикл стихов С. Бытового «Дорогой славы», поэму М. Дудина «Цветам акации», рассказы В. Василевского «Странный характер», повесть А. Розена «Алексей Абатуров», очерк И. Кратта «Весной», стихи В. Азарова, Е. Вечтомовой, И. Колтунова; «Знамя» (№ 5—6) — повесть А. Бека «Волоколамское шоссе», рассказы И. Эренбурга, стихи С. Нерис, М. Стельмаха; «Ленинград» (№ 8) — рассказы В. Василевского «На холмах Грузии», П. Журбы «Олеся», стихи эстонских поэтов И. Барбаруса, Я. Кернера, М. Рауда; «Октябрь» (№ 5—6) — драму В. Ильенкова «Площадь»

цветов», очерки Л. Соболева «Дорогами побед. (Одесса. Крым. Севастополь)», стихи П. Комарова, П. Шубина, А. Яшина; «Красноармеец» (№№ 11 и 12) — рассказы В. Бахметьева «Радость», Н. Емельяновой «Во весь рост», стихотворение Г. Леонидзе «Вонн», заметки К. Симонова «В Румынии»; «Краснофлотец» (№ 10—11) — «Севастопольскую балладу» А. Жарова, рассказ В. Козина «Русское море», стихи М. Лисянского «Колебала волна утес...», Н. Асеева «Черноморская твердыня».

Июль, 1. Газета Закавказского фронта «Боец РККА» начинает печатать очерк В. Закругкина «О живом и мертвом».

Июль, 4. Газета «Советская Белоруссия» опубликовала статьи М. Лынькова «Героическому городу — слава!», П. Глебки «Минск».

Июль, 6. «Правда» напечатала статью Я. Коласа «Привет тебе, родной Минск!».

Июль, 9. В «Правде» опубликованы главы из повести Л. Леонова «Взятие Великошумска».

Московский театр имени Моссовета поставил пьесу Ф. Кнорре «Встреча в темноте».

Июль, 14. В «Правде» напечатано стихотворение С. Нерис «Здравствуй, Вильнюс!»:

Здравствуй, Вильнюс, город Гедимина!
Ты навек освобожден из тьмы.
Мы идем по улице старинной,
Наших братьев обнимаем мы.

Июль, 19. В «Красной звезде» начинает публиковаться статья И. Эренбурга «Путь к Германии» (с 3-го Белорусского фронта). (26 июня прочитана автором по радио).

Июль, 20. Армейская газета «На защиту Родины» печатает стихотворение П. Шенбрунна (Шебунниа) «Вперед, гвардейцы!».

Июль, 21. «Красная звезда» помещает корреспонденцию А. Авдеенко «На Западном Буге».

Июль, 26. По радио передавались стихи поэтов Прибалтики.

Июль, 27. Под рубрикой «На латышской земле» газета 2-го Прибалтийского фронта «Суворовец» помещает корреспонденции К. Лапина и Т. Журавлева. Газета 2-го Белорусского фронта «Фронтальная правда» опубликовала стихи М. Матусовского «Вперед, на Белосток!».

Июль, 28. В газете «Красный флот» помещена статья Б. Лавренева «Музыка победы», посвященная освобождению Белостока, Станислава, Даугавпилса, Резекне, Львова, Шауляя.

Июль, 29. Газета 2-го Белорусского фронта «Фронтальная правда» напечатала корреспонденцию А. Розена «Западнее Белостока», очерк Б. Бялика и А. Исбаха «От Вояковьска до Белостока».

В июле журналы печатают:

«Ленинград» (№ 9) — рассказ П. Лукницкого «Свидание в Выборге», стихи Б. Кежуна, И. Колтунова, А. Прокофьева и других; «Новый мир» (№ 6—7) — повесть Л. Леонова «Взятие Великошумска», вторую часть романа А. Новикова-Прибоя «Капитан первого ранга», поэму К. Мурзиди «Горная невеста», стихи А. Кудрейко, В. Тушиновой, К. Чичинадзе; «Красноармеец» (№ 13—14) — рассказ К. Чорного «Большое сердце», стихотворение М. Рыльского «Суд»; «Краснофлотец» (№ 13—14) — стихи С. Васильева, М. Исаковского, рассказ А. Перегудова «Бессмертие».

Август 1. В газете 1-го Украинского фронта «За честь Родины» напечатана статья А. Малышко и С. Склярченко «Митинг во Львове».

Август, 2. В газете «Сталинский сокол» напечатан очерк Эль-Регистана «Каунас вновь стал советским». В газете Закавказского фронта «Боец РККА» опубликован очерк И. Андроникова «Мысли сержанта Пашкова о победе».

Август, 3. В газете 1-го Украинского фронта «За честь Родины» опубликованы очерки А. Авдеенко «Между Саном и Вислой» и С. Борзенко «По ту сторону Вислы».

Август, 4. «Комсомольская правда» печатает очерк А. Твардовского «Домой (Из фронтового блокнота)».

Август, 6. В «Красной звезде» помещена статья В. Гроссмана «В городах и селах Польши». «Известия» публикуют стихотворение П. Бровки «Ты раны залечишь, отчизна моя!». В армейской газете «Сталинский удар» помещен очерк Б. Рюрикова «Тонкельский ров».

Август, 11. «Правда» начинает публиковать очерк Б. Горбатова «Лагерь на Майданеке». В газете 3-го Прибалтийского фронта «За Родину» помещены очерк Ю. Сёврука «Герой», корреспонденция Б. Пескова и М. Лисянского «Новый удар по врагу».

Август, 12. Газета 2-го Белорусского фронта «Фронтальная правда» под заголовком «Россия кует победу» напечатала письмо И. Эренбурга командиру орудия старшему сержанту Ивану Борисевичу. До войны Борисевич был кузнецом, а к лету 1944 года на его боевом счету было 10 подбитых танков, 4 орудия, 12 минометов и свыше 500 уничтоженных фашистов.

И. Эренбург писал ему:

«Вы были в мирной жизни кузнецом, вы стали кузнецом победы. Я вам желаю пройти по улицам поверженного Берлина и с победой вернуться в раздольную Сибирь. Говорят, что каждый — кузнец своего счастья. Россия подняла молот, Россия кует победу».

Август, 14. Армейская газета «Боевое знамя» начинает публиковать очерк М. Бубеннова «Сквозь леса и болота».

Август, 24. В «Известиях» помещена корреспонденция В. Полторацкого «В Карпатах».

Август, 29. В газете 3-го Украинского фронта «Советский воин» опубликована корреспонденция А. Левады и А. Недогонова «Герои Измаила».

Август. В бою с фашистскими захватчиками в Польше смертью храбрых погиб украинский писатель Василь Ткачук.

В августе журналы печатают:

«Звезда» (№ 7—8) — пьесу Л. Рахманова «Даунский отшельник», повесть Н. Вагнера «Мое море», шесть рассказов Н. Никитина; «Знамя» (№ 7—8) — пьесу А. Корнейчука «Миссия мистера Перкина в страну большевиков», поэму А. Кулешова «Дом № 24», повесть В. Герасимовой «Байдарские ворота», стихи О. Берггольц «Памяти защитников», Е. Долматовского «Новые дороги», «Ночь на берегу Вислы», «50 километров» и другие; «Ленинград» (№ 10—11) — девять стихотворений А. Ахматовой, стихи В. Шефнера «У костра», «Тысячный день войны», Л. Хаустова «Военная доля, наган да шинель», повесть Л. Раковского «Флотоводец Ушаков»; «Октябрь» (№ 7—8) — стихи А. Кулешова «Освобождение», И. Сельвинского «Балладу о Лааре», поэму С. Щипачева «Домик в Шушенском», песни М. Исаковского «Возвращение», «Лучше нету того цветку», повесть В. Василевской «Просто любовь»; «Красноармеец» (№№ 15 и 16) — повесть Ю. Либединского «Пушка Югова», рассказ Л. Леинова «Письмо из неметчины», стихи П. Панченко «Возвращение», А. Твардовского «Шоссе».

Сентябрь, 2. Газета 2-го Украинского фронта «Суворовский натиск» печатает корреспонденцию Л. Шапиро «Бухарест».

Газета «Литература и искусство» сообщает: возобновило свою работу издательство Вильнюса. В его работе активное участие принимают П. Цвирка, Л. Гира, А. Венцлова, К. Корсакас, И. Шимкус и другие литовские писатели.

Сентябрь, 6. В «Красной звезде» опубликована статья И. Эренбурга «Сестра Словакия».

Сентябрь, 7. Газета 2-го Украинского фронта «Суворовский натиск» напечатала стихотворение И. Молчанова «Солдатский разговор»:

Всходит утро на отроги,
Между гор туман и мгла...
На румынские дороги
Пыль калужская легла.

Сентябрь, 8. В газете 2-го Прибалтийского фронта «Суворовец» напечатано стихотворение лейтенанта В. Субботина «Русская душа».

Сентябрь, 9. В газете «Литература и искусство» публикуется стихотворение С. Гудзенко «Путь на Запад».

Сентябрь, 10. В «Правде» напечатано «Письмо товарищу» Б. Горбатова — «Год спустя».

Сентябрь, 12. Газета 2-го Украинского фронта «Суворовский натиск» помещает корреспонденцию И. Молчанова и В. Петльованного «В Трансильвании».

Сентябрь, 13. Газета 2-го Белорусского фронта «За Родину» напечатала стихотворение С. Острового «Братья».

Сентябрь, 16. В боях с фашистскими захватчиками смертью храбрых погибли воронежский прозаик Борис Песков, московский критик Юрий Севрук, сотрудники армейской газеты «За Родину».

Сентябрь, 17. Дивизионная газета «Советский богатырь» поместила стихи гвардий сержанта О. Гончара «Ночь в Карпатах» (на украинском языке).

Сентябрь, 22. На экраны страны вышел фильм «Зоя» (сценарий Б. Чирскова и Л. Арнштама).

Сентябрь, 23. В «Комсомольской правде» напечатано стихотворение М. Рауда «Край мой, Эстония, слышишь салюты?». В газете Ленинградского фронта «На страже Родины» опубликовано стихотворение Н. Брауна «Здравствуй, Таллин!».

Газета «Литература и искусство» сообщает: на Челябинском заводе имени Кирова на деньги, собранные чтецом В. Яхонтовым, построен театр «Владимир Маяковский».

Сентябрь, 27. В газете 2-го Прибалтийского фронта «Суворовец» помещено стихотворение Я. Хелемского «Дорога к морю» — из цикла «Сентябрь»:

Идут стрелки сквозь заросли лесные,
Их Латвия встречает на ветру.
Идут стрелки. Идет сама Россия
Спасать свою приморскую сестру.

Сентябрь, 30. Газета 3-го Украинского фронта «Советский воин» помещает корреспонденцию А. Левады «На болгарской земле».

Сентябрь. В бою с фашистскими захватчиками смертью храбрых погиб ярославский прозаик Алексей Флягин. В берлинской тюрьме Моабит казнен татарский поэт Муса Джалиль¹.

В сентябре журналы печатают:

«Ленинград» (№ 12) — рассказы В. Кетлинской «Правдивые истории», стихи А. Гитовича и А. Чуркина; «Новый мир» (№ 8—9) — роман А. Калинина «На юге», «Новые сказки» П. Бажова, стихи А. Суркова «Горы Карпатские», В. Лебедева-Кумача «По дорогам войны», А. Кулешова и П. Панченко; «Октябрь» (№ 9) — повесть А. Чаковского «Это было в Ленинграде», статью М. Исаковского «О советской песне», стихи Н. Заряна «Завещание Кира», «Отчий дом», Н. Рыленкова «Лето»; «Красноармеец» (№ 17—18) — рассказ С. Голубова «Секрет славы», стихи А. Твардовского «Здесь были немцы» и А. Ерикеева «Песня».

Октябрь, 1. Армейская газета «Мужество» печатает очерк А. Бикчентаева «Командир роты Ян Шелудько».

Октябрь, 6. «Правда» опубликовала стихотворение М. Исаковского «Возвращение».

Октябрь, 7. Газета «Сталинский сокол» помещает очерк Н. Рыбака «В Трансильвании».

Октябрь, 14. «Правда» печатает стихотворение А. Упита «Солнце свободы сияет над нами»:

Дождались мы, братья, счастливого мига,
Свободной отчизне — свободный привет!
Пусть вечно сияет советская Рига,
Пускай не затмится над родиной свет!

¹ Принятая до сих пор дата гибели Мусы Джалиля — август 1944 года, — очевидно, является неточной. Последние сведения дают возможность предположить, что Муса Джалиль был казнен в конце сентября — начале октября 1944 года.

В газете 3-го Прибалтийского фронта «За Родину» опубликована корреспонденция А. Гитовича «Рига, 13 октября». Газета 1-го Украинского фронта «За честь Родины» поместила статью А. Малышко «Земля родная» и стихи Л. Первوماйского «Из края в край прошли мы землю Украины».

Октябрь, 15. «Красный флот» печатает статью М. Рыльского «Украина свободна».

Октябрь, 16. «Правда» публикует корреспонденцию Г. Фиша «Путь в Печенгу».

Октябрь, 19. В бою с фашистскими захватчиками смертью храбрых погиб армянский прозаик Завен Маркарян.

Октябрь, 21. Армейская газета «Мужество» начинает печатать очерк С. С. Смирнова «Вторая жизнь».

Октябрь, 24. Газета 3-го Украинского фронта «Советский воин» помещает очерк А. Левады и М. Голышева «Заря над Белградом».

Октябрь, 26. В бою с фашистскими захватчиками в Восточной Пруссии смертью храбрых погиб белорусский поэт Алесь Милоц.

Октябрь, 28. Газета «Красный флот» начинает печатать очерки А. Марьямова «Печенгский десант».

Октябрь, 29. Газета 4-го Украинского фронта «Сталинское знамя» напечатала корреспонденцию Э. Каца и М. Талалаевского «Ужгород, 28 октября».

В октябре журналы печатают:

«Знамя» (№ 9—10) — повесть К. Симонова «Дни и ночи» (начало публикации), пьесу В. Вишневского «У стен Ленинграда», рассказы Б. Зубавина «Труднее, чем нам» и «Ты едешь в Осташков», стихи Л. Первوماйского «Пушкари», «Ждешь меня иль не ждешь»; «Новый мир» — пьесу В. Катаева «Отчий дом», роман К. Гамсахурдиа «Давид-Строитель», поэму Н. Рыленкова «Новая весна», рассказ А. Бека «У взорванных печей», стихи А. Леонтьева, В. Захарченко; «Октябрь» — повесть И. Попова «Жар-птица», стихи Э. Межелайтиса «Дремлет лес литовский...», А. Софронова «На кирпичном заводе» и другие; «Красноармеец» (№ 20) — песню Л. Ошанина «Не был я в Чернигове»; «Краснофлотец» (№ 18—19) — повесть Е. Юнги «Дорога в жизнь».

Ноябрь, 4. В газете Ленинградского фронта «На страже Родины» напечатаны очерки С. Кара «Таллин сегодня», Е. Катерли «Огни Ленинграда», П. Никитича «Там, где была линия фронта».

Ноябрь, 7. Армейская газета «Боевой товарищ» помещает стихотворение Н. Грибачева «От моря до моря свободна страна!». В газете Карельского фронта «В бой за Родину» опубликован очерк С. Голубова «Пой, родная Украина...».

Ноябрь, 8. В «Правде» напечатана статья Л. Леонова «Сердце народа».

В. Инбер читала по радио отрывки из «Ленинградского дневника», Л. Соболев — статью «Ярость народа».

Ноябрь, 13. При авиационной катастрофе, возвращаясь с фронта в Москву, погиб поэт Иосиф Уткин.

Ноябрь, 16. На экраны выпущен фильм «В шесть часов вечера после войны» (сценарий В. Гусева).

Ноябрь, 19. Газета 3-го Украинского фронта «Советский воин» посвятила Дню артиллерии стихотворение Я. Белинского «Артиллеристам» и очерк Н. Атарова «Утро, 19 ноября».

Ноябрь, 22. Газета 2-го Украинского фронта «Суворовский натиск» публикует стихотворение И. Молчанова «Между Тиссой и Дунаем».

Ноябрь, 29. Дивизионная газета «Воин Родины» помещает стихотворение В. Субботина «Бои, бои. Тяжелый шаг пехоты...».

Ноябрь, 30. В «Комсомольской правде» напечатано стихотворение А. Граши «Солдатское письмо». В газете 3-го Украинского фронта «Советский воин» опубликовано стихотворение А. Недогонова «Вперед, дунайцы!»:

Еперед, стрелки! Дунайцы, на врага!
В бою порыв не терпит перерыва:
Пусть пронесется, словно ураган,
Могучее дыхание прорыва!

В ноябре журналы печатают:

«Знамя» — повесть Г. Березко «Командир дивизий», очерк В. Гроетмана «Тремлинский ад»; «Красноармеец» (№ 21—22) — стихи А. Твардовского «Граница», А. Яшина «Родина»; «Краснофлотец» (№ 21—22) — стихи С. Маршака «1917—1944», В. Кулемина «На аэродроме».

Декабрь, 3. Газета «Красный флот» публикует очерк М. Чарного «На Балканах».

Декабрь, 5. Газета 3-го Украинского фронта «Советский воин» поместила стихотворение А. Недогонова «Конституция славы!» и статью Н. Атарова «Дыхание Родины». Газета 2-го Украинского фронта «Суворовский натиск» публикует очерк А. Бикчентаева и П. Мельникова «Мишколц».

Декабрь, 7. Открылась творческая дискуссия на тему «Образ советского офицера в советской художественной литературе 1944 года», организованная военной комиссией Союза писателей.

Декабрь, 8. Газета 3-го Украинского фронта «Советский воин» печатает очерк И. Ле «Дунайские волны».

Декабрь, 9. Газета Карельского фронта «В бой за Родину» опубликовала стихотворение И. Авраменко «Войнам Заполярья».

В бою с фашистскими захватчиками под Будапештом смертью храбрых погиб ленинградский прозаик Георгий Дедов.

Декабрь, 16. «Литературная газета» сообщает:

за 10 месяцев 1944 года по радио состоялось 115 авторских передач советских поэтов и 145 передач прозаических произведений;

в тяжелых условиях Заполярья фронтовая газета «В бой за Родину» выпустила библиотечку для бойцов Карельского фронта: рассказы Г. Фиша, С. Цимбала и других.

Декабрь, 26. В бою с фашистскими захватчиками под Будапештом смертью храбрых погиб украинский поэт Давид Каневский.

Декабрь, 30. Газета 2-го Украинского фронта «Суворовский натиск» опубликовала статью И. Эренбурга «Горе и счастье».

В декабре журналы печатают:

«Знамя» — цикл рассказов Е. Габриловича «В пути», трагедию И. Сельвинского «Ливонская война», стихи И. Баукова, В. Журавлева, Б. Весельчакова, И. Киселева, Г. Славина; «Ленинград» (№ 13—14) — рассказ Г. Холопова «Восточная послонница», стихи С. Спасского, М. Комиссаровой и других; «Новый мир» (№ 11—12) — роман А. Авдеенко «Большая семья», роман в стихах Л. Ошанина «Мой друг Борис», стихотворение Л. Мартынова «Русский север»; «Октябрь» (№ 11—12) — пьесе К. Тренева «Полководец», очерки Б. Полевого «От Белгорода до Карпат», песни М. Исаковского и его стихотворение «Слово об Отчизне» и другие; «Красноармеец» (№ 23—24) — рассказ Н. Асанова «Сто двадцать секунд»; стихотворение Е. Долматовского «Песня об Украине»; «Краснофлотец» (№ 23—24) — рассказ С. Голубова «Стережущий», отрывок из романа В. Каверина «Два капитана».

1944 год. В боях с фашистскими захватчиками смертью храбрых погибли: в Восточной Пруссии — белорусские поэты Леонид Гаврилов, Алексей Коршак; в Крыму — ростовский писатель Борис Крамаренко; белорусские поэты Эмиль Астапенка, Семен Лельчук; башкирские писатели Шайсултан Байков, Бадретдин Мухаметзянов (Б. Мукамай); литовский поэт Викторас Валайтис; киргизский писатель Мукай Элебаев. В берлинской тюрьме Моабит казнен татарский писатель Абдулла Алиш.

В течение года вышли на русском языке отдельными изданиями следующие произведения советских писателей:

М. Алигер. Стихи и поэмы. 1935—1943; Х. Алимджан. Избранное. Стихи и поэмы; О. Берггольц. Ленинградский дневник. Стихи и поэмы. 1941—1944; Г. Борян. Огненным языком. Стихи. Перевод с армянского; С. Васильев. Великая Отечественная. Стихи и поэмы; А. Венцлова. Родное небо. Стихи. Перевод с литовского; С. Вургун. Сегодня и завтра. Стихи. Перевод с азербайджанского; Ф. Гладков. Избранное; Б. Горбатов. Юность отцов. Пьеса; С. Григорьев. Малахов курган; И. Груздев. Родная земля. Статьи; С. Гудзенко. Однополчанин.

Стихи; М. Джалиль. Письмо из окопа. Сборник стихов; Джамбул. Песни войны; К. Жантошев. Батыр Курмайбек. Героическая драма; Е. Долматовский. Вера в победу. Стихи 1941—1943 гг.; М. Дудин. Костер на перекрестке. Стихи и поэмы; И. Ефремов. Встреча над Тускаророй. Рассказы; А. Жаров. Борис Сафонов. Поэма; Н. Жданов. Люди твердой воли. Рассказы; А. Жемиров. Победители огня. Стихи и рассказы; П. Журба. Герой Советского Союза Федор Дьяченко. Очерк; В. Заводчиков. Поэма о Владимире Шатрове; В. Закруткин. О живом и мертвом. Рассказы; Н. Зарян. Голос Родины. Стихи; Б. Зернит. Сильнее смерти. Стихи; Вс. Иванов. На Бородинском поле. Рассказы. 1939—1943; П. Игнатов. Братья Игнатовы; А. Игнатьев. 50 лет в строю. Книга 4-я; Ю. Инге. Вахтенный журнал. Стихи; М. Исаковский. Здравствуй, Смоленск! Стихи и песни; Э. Капиев. Поэт; А. Караваева. Огни. Роман; И. Карнаухова. Забавные сказки; Л. Кассиль. Дорогие мои мальчишки; В. Катаев. Жена. Повести и рассказы; Б. Кербабаев. Айлар. Повесть в стихах. Перевод с туркменского; В. Кетлинская. Рассказы о ленинградцах; В. Кожевников. Труженики войны. Рассказы; А. Коптелов. Наши земляки. Очерки; К. Корсакас. В разлуке. Стихи. Перевод с литовского; Р. Кочар. Фронтвые очерки; М. Левитин. Фронтвая сатира; Л. Ленч. Соль жирных кислот. Рассказы; Л. Леонов. Обыкновенный человек. Пьеса; И. Ликстанов. Приключения юнги; М. Лыньков. Рассказы (1942—1943); С. Марков. Люди великой цели; С. Маршак. Почта военная. Стихи; М. Матусовский. Когда шумит Ильмень-озеро. Стихи; С. Михалков. Для больших и для маленьких; Ю. Нагибин. Большое сердце. Рассказы; Л. Никулин. Золотая звезда. Повесть; И. Новиков. Пушкин на юге. Роман; А. Первенцев. Гвардейские высоты. Рассказы и очерки; Е. Пермьяк. Строители. Сборник очерков; М. Прилежаева. Семиклассницы. Повесть; М. Пришвин. Избранное; М. Рагим. Они увидят весну. Перевод с азербайджанского; И. Рождественский. Сердце Сибири. Стихи; Б. Ромашов. Знатная фамилия. Комедия; М. Рыльский. Лирика; А. Саксе. Возращение в жизнь. Повесть; А. Серафимович. В родных местах. Рассказы; В. Союра. Салют. Стихи. 1941—1943. Авторизованный перевод с украинского; А. Софронов. Ковыли. Стихи; А. Сурков. Песня гневного сердца. Стихи; Л. Татьяничева. Верность. Стихи; И. Уткин. О Родине. О дружбе. О любви. Стихи; А. Фадеев. Ленинград в дни блокады (Из дневника); Р. Фраерман. Подвиг в майскую ночь; С. Чиковани. Стихи. Перевод с грузинского; М. Шагинян. Урал в обороне. Дневник писателя; В. Шкловский. Встречи; С. Щипачев. Избранное; И. Эренбург. Рассказы этих лет; А. Югов. Бессмертие. Роман.

1945 ГОД

Январь, 1. В «Правде» опубликована статья В. Вишневского «Привет 1945-му -- году победы!». В «Известиях» напечатана статья В. Сафонова «Меч победы». Газета «Красный флот» публикует статью А. Марьямова «За тех, кто в море». «Литературная газета» печатает статьи В. Шишкова «Вместе с народом», Вс. Иванова «Полярная звезда 1945 года», Б. Кербабаева «Накануне 1945 года», Б. Ромашова «За подвиг в искусстве»:

«Мы встречаем новый год как победители. Мы с нетерпением открываем ворота в будущее. Мы уверены в нем. Мы знаем, что, как бы ни был труден последний переход, мы добьемся окончательной победы над подлым и хищным врагом. На какие бы ухищрения ни шел фашизм, он должен быть и будет уничтожен. Будущее принадлежит свободному и счастливому человечеству...»

Та же газета сообщает: к 1 января произведения М. Шолохова «Наука ненависти» и «Они сражались за Родину» выдержали по 41 изданию, первое — на 21 языке, второе — на 5 языках. «Фронт» А. Корнейчука выдержал 15 изданий на 5 языках.

Январь, 3. А. Фадеев выступил в Московском клубе писателей с чтением глав из романа «Молодая гвардия».

Январь, 4. «Правда» печатает очерк И. Ликстанова «Умельцы» — о самоотверженном труде уральских танкостроителей.

Январь, 5. В армейской газете «Мужество» помещен очерк С. С. Смирнова «Во имя жизни».

Январь, 7. «Правда» публикует статью П. Лукницкого «В Будапеште»:

«Битва за Будапешт с каждым часом переносится все ближе к центру огромного города. Каждый час она рождает героев».

Газета 2-го Украинского фронта «Суворовский натиск» помещает цикл лирических стихотворений И. Молчанова.

Январь, 8. К. Федин выступил в Московском клубе писателей с чтением первых пяти глав из еще не законченного романа «Первые радости».

Январь, 9. В газете «Красная звезда» опубликован очерк Б. Галина «Офицер разведки».

Январь, 10. Газета Закавказского фронта «Боец РККА» начинает печатать очерк В. Закругкина «Лесной рейд».

Январь, 11. В «Правде» опубликован рассказ А. Колосова «Комсомольцы». В газете «Красный флот» начата публикация цикла очерков Е. Юнги «Огонь с Дуная». В газете 1-го Белорусского фронта «Красная Армия» печатается первая часть «Белорусской поэмы» Б. Палийчука. Армейская газета «Советский боец» помещает очерк В. Собко «Моя партия».

Январь, 12. Газета 2-го Украинского фронта «Суворовский натиск» помещает репортаж А. Гудорювича и С. Гудзенко «Вчера в Будапеште».

Январь, 13. В газете 2-го Белорусского фронта «Фронтальная правда» напечатано стихотворение С. Наровчатова «Пропавшие без вести».

Январь, 14. «Правда» публикует статью Б. Полевого «Прорыв»:

«Навстречу нашим бойцам, передвигающимся из тыла в район наступления, бредут вереницы пленных гитлеровцев. На лицах у них растерянное, ошеломленное выражение. Наступление продолжается».

Январь, 15. «Правда» печатает корреспонденцию С. Борзенко «Наступление» и статью И. Эренбурга «В Берлин!»:

«Во имя той тишины, которая скоро вернется на землю, во имя тех всходов, которые сейчас еще спят под снегами, во имя близкой весны и близкого счастья мы говорим: «В Берлин!»

Январь, 16. «Известия» печатают корреспонденцию И. Ле «В Будапеште». Газета 3-го Белорусского фронта «Красноармейская правда» помещает стихотворение А. Решетова «Россия в Пруссию пришла».

Январь, 18. «Правда» публикует стихотворение Д. Бедного «Москва—Варшаве». «Комсомольская правда» печатает статью А. Караваевой «Варшава освобождена!».

Январь, 19. В газете 1-го Белорусского фронта «Красная Армия» печатается корреспонденция Е. Долматовского «Вперед, к границам Германии!».

Январь, 20. В «Известиях» помещается корреспонденция Л. Кудреватых «В Восточной Пруссии». Газета «Сталинский сокол» публикует статью Н. Рыбака «Варшава».

Январь, 21. С. Щипачев выступил по радио с чтением поэмы «Домик в Шушенском».

Январь, 22. В «Литературной газете» опубликована статья В. Ермилова «На этом письме обрывается...» — о жизни и творчестве Юрия Крымова. Та же газета сообщает о совещаниях красноармейских писателей и поэтов, прошедших на 2-м и 3-м Белорусских фронтах. Газета «Фронтальная правда» (2-й Белорусский фронт) выпустила к совещанию очередную литературную страницу «Красноармейского творчества». С докладами выступили А. Исбах и Н. Семенов. Совещание завершилось большим литературным вечером, на котором читали свои произведения писатели и поэты-фронтовики: Е. Агранович, А. Исбах, М. Матусовский, С. Наровчатов, С. Швецов, М. Соболев.

На совещании, созванном Политуправлением 3-го Белорусского фронта, с докладами выступили А. Твардовский и Е. Воробьев.

Январь, 28. Армейская газета «Советский боец» помещает корреспонденцию В. Собко «Прокладывая дорогу на Запад...».

Январь, 31. В «Правде» напечатано стихотворение М. Упеника «Вперед!». «Комсомольская правда» помещает статью П. Павленко «К Берлину!».

В январе журналы печатают:

«Звезда» — роман И. Кратта «Остров Баранова» (начало публикации), шестую главу из третьей книги романа А. Толстого «Петр I», рассказы Д. Острова «Когда надо молчать», «Костер под Псковом» и другие, стихи О. Берггольц «Этот день», А. Прокофьева «Я счастлив, что в городе этом живу...», В. Рождественского «Знамя русской славы»; «Знамя» — роман А. Зонина «Морское братство», часть первая (начало публикации), «Ленинградский дневник» В. Инбер «Почти три года»; «Ленинград» (№ 1—2) — рассказы В. Кетлинской «Белые ночи» и Н. Никитина «Письмо из Ленинграда», стихи Н. Брауна, М. Комиссаровой, Л. Хаустова; «Новый мир» — шестую главу из третьей книги романа А. Толстого «Петр I», пьесу М. Алигер «Сказка о правде», поэму А. Белевича «Наказ и клятва», стихи М. Шехтера и И. Эренбурга; «Красноармеец» (№№ 1 и 2) — научно-фантастическую повесть И. Ефремова «Тени минувшего» (начало публикации), рассказы С. Бабаевского «Лилико», Б. Лавренева «Идем, товарищ Ленин!», А. Первенцева «Алмазная долина» и «Девягый вал», стихи А. Барто «Где была война» и В. Сирос Гира «Пройденная граница», В. Казина «Боевая дружба», А. Коваленкова «Север», Л. Черноморцева «Перешагнув через границу»; «Краснофлотец» (№№ 1 и 2) — историческую повесть А. Степанова «Трагедия в Чумульпо» (начало публикации), сказ П. Бажова «Круговой фонарь», стихи М. Исаковского «Под звездами балканскими», И. Рождественского «Баллада о гвардейском флаге».

Февраль, 1. В «Красной звезде» напечатаны рассказ Н. Рыбака «Встреча в Пруссии» и стихотворение С. Кирсанова «Пурга».

Февраль, 2. «Комсомольская правда» публикует статью Ю. Жукова «Именем Сталинграда» — ко второй годовщине исторической победы под Сталинградом. Газета 1-го Украинского фронта «За честь Родины» помещает очерк В. Старикова «Гвардеец с Дона» и статью А. Малышко «Освенцим».

* В Москве закончилось проходившее в течение трех дней большое совещание, посвященное обсуждению художественной литературы о морях в Великой Отечественной войне. Вступительное слово произнес Н. Тихонов. Обсуждались сборник рассказов Л. Соболева «Морская душа», повесть Л. Соловьева «Иван Никулин — русский матрос», пьесы В. Вишневского «У стен Ленинграда» и А. Крона «Офицер флота».

Февраль, 3. В «Правде» напечатана статья В. Величко «Огонь возмездия». В «Литературной газете» В. Гроссман рассказывает о своей работе над книгой, посвященной Сталинградской битве (в номере от 17 февраля под заголовком «Вера Шапошникова») опубликован отрывок из этого романа. Та же газета сообщает: Киргосиздат выпустил сборник стихов литовских поэтов «Песни победы» в переводе на киргизский язык А. Токомбаева, К. Маликова, С. Шимеева.

Февраль, 5. В «Правде» напечатано стихотворение А. Суркова «Аллея победы». Газета 1-го Украинского фронта «За честь Родины» публикует очерк С. Борзенко «Наши солдаты за Одером».

Февраль, 7. В газете 3-го Белорусского фронта «Красноармейская правда» напечатан очерк Е. Воробьева «В предместьях Кенигсберга». «Красная звезда» публикует корреспонденцию К. Буковского «На Одере». Газета 1-го Украинского фронта «За честь Родины» помещает корреспонденцию А. Шарова «В немецком городе».

Февраль, 8. В армейской газете «Сын Отечества» опубликован очерк А. Кешокова «Наступает рота Бойцова». В газете Черноморского флота «Красный черноморец» напечатан очерк П. Капицы «Подвиг Михаила Корницкого». Армейская газета «За Родину» помещает очерк М. Алексева «Солдат четырех войн».

Февраль, 9. В «Красной звезде» начал публиковаться цикл очерков В. Гроссмана «Дорога на Берлин». В газете 2-го Белорусского фронта «Фронтальная правда» помещен очерк А. Исбаха «По дорогам Восточной Пруссии».

Февраль, 11. В «Правде» помещен очерк И. Рябова «Хлеб — оружие».

Февраль, 12. В армейской газете «Вперед за Родину» напечатано стихотворение В. Субботина «Силоги».

Февраль, 14. «Красная звезда» печатает стихотворение А. Жарова «Героям Будапешта». «Комсомольская правда» помещает стихотворения Я. Сашина «На Берлин!» и М. Лисянского «Зима в Москве».

Февраль, 15. «Правда» публикует записки Л. Первомайского «Из будапештского дневника».

Февраль, 16. В «Известиях» печатается очерк Т. Тэсс «На границе».

Февраль, 17. Вышел на экраны документальный фильм «Возрождение Сталинграда» (сценарий И. Посельского и Б. Агапова).

Февраль, 18. В «Красной звезде» напечатан рассказ А. Платонова «Один бой». В газете 2-го Белорусского фронта «Фронтная правда» публикуется стихотворение Е. Аграновича «Первый в атаке».

Февраль, 19. По радио с чтением стихов выступил поэт П. Воронько — участник героического рейда партизан Ковпака от Путивля до Карпат.

В бою с фашистскими захватчиками под Кенигсбергом смертью храбрых погиб татарский поэт Фатих Карим.

Февраль, 21. В газете 3-го Украинского фронта «Советский воин» напечатан очерк Н. Атарова «Гром за Дунаем, казаки воюют...».

Февраль, 22. В «Известиях» опубликовано стихотворение С. Вургуна «Красной Армии — победительнице». «Комсомольская правда» печатает стихи Л. Ошанина «Я был в Германии», «Сын».

На экраны выпущен фильм «Нашествие» (сценарий Б. Чирскова по одноименной пьесе Л. Леонова).

Февраль, 23. «Правда» начинает публикацию цикла очерков Б. Горбатова и О. Курганова «В Германии». Армейская газета «Вперед за Родину» помещает стихотворение Л. Черноморцева «Красная Армия». В армейской газете «Боевой товарищ» публикуется стихотворение Н. Грибачева «От сталинградских стен к окраинам Берлина». «Литературная газета» печатает статью В. Сирос Гира «Меч правды» и стихотворение Г. Эмина «Воин и поэт». В этом же номере «Литературной газеты» приводится сообщение из Будапешта: «...в части полковника Малышева состоялась встреча бойцов с поэтами-фронтовиками. С чтением стихотворений выступили: И. Молчанов и С. Гудзенко. Будапешт освобожден! Войска фронта продолжают движение вперед, вместе с армией идут поэты». Газета 2-го Украинского фронта «Суворовский натиск» печатает стихотворение С. Гудзенко «В этот день!»:

До утра нам, товарищ, не спать,
Не снимая сапог и шинелей.
Через час нам опять наступать
Сквозь распутицу, смерть и метели.
В этот день мы на приступ идем
По кровавому вражьему следу.
Видишь, солнце встает за холмом —
Приближается наша победа!

Февраль, 26. Армейская газета «Сталинский удар» печатает стихотворение М. Соболя «Вперед, Россия!».

Февраль. В бою с фашистскими захватчиками под Варшавой смертью храбрых погиб таджикский поэт Юсуфи Хабиб. В фашистском концлагере погиб эстонский писатель Эвальд Тамлаан.

В феврале журналы печатают:

«Звезда» — стихотворение М. Дудина «Хозяйка»; «Знамя» — роман А. Фадеева «Молодая гвардия» (начало публикации), стихи М. Матусовского, Г. Николаевой, И. Сельвинского; «Ленинград» (№ 3) — «Севастопольские рассказы» И. Брагинна, рассказ А. Розена «Моя батарея», стихи А. Ахматовой «Освобожденная», И. Садофьева «Гранитная твердыня»; «Октябрь» (№ 1—2) — роман Ф. Панферова «Война за мир» (начало публикации), повесть В. Катаева «Сын полка», стихи Л. Мартынова и С. Щипачева; «Красноармеец» (№ 3—4) — рассказ Н. Чуковского «Мишка», стихи А. Прокофьева, И. Эренбурга.

Март, 3. В «Литературной газете» посмертно опубликовано приветствие А. Толстого бойцам и офицерам Сталинградского фронта, посланное писателем в разгар боев за Сталинград — 7 ноября 1942 года.

Март, 4. Армейская газета «В решающий бой» помещает рассказ Г. Холопова «На Дунае». В Софии состоялся славянский митинг, на котором с речью выступил украинский писатель П. Тычина.

Март, 8. В газете 3-го Украинского фронта «Советский воин» напечатано стихотворение Б. Кежуна «Цветы и гранаты».

Март, 9. В бою с фашистскими захватчиками в Бреслау смертью храбрых погиб крымский поэт Яков Чапичев.

Март, 10. В бою с фашистскими захватчиками смертью храбрых погиб ленинградский поэт Борис Костров.

Март, 14. В московских кинотеатрах начал демонстрироваться кинофильм «Поединок» (сценарий бр. Тур и Л. Шейнина по повести Л. Шейнина «Военная тайна»).

Март, 15. В Москве, в Колонном зале Дома союзов, состоялся «Вечер лирики», организованный СП СССР. Вступительное слово сделал И. Сельвинский. Стихи читали: Н. Асеев, С. Щипачев, М. Алигер, С. Михалков, Л. Мартынов, С. Кирсанов.

Март, 19. «Правда» публикует корреспонденцию П. Кузнецова «На чехословацкой земле».

Март, 20. В «Известиях» напечатано стихотворение М. Рыльского «Щит Славы».

Март, 21. Газета 3-го Украинского фронта «Советский воин» помещает очерк А. Недогонова «Человек, побеждающий смерть».

Март, 22. В «Известиях» начата публикация цикла очерков В. Катаева «Катакомбы» (с 23 марта В. Катаев выступает с чтением этих очерков по радио).

Март, 24. В газете 2-го Белорусского фронта «Фронтная правда» печатается стихотворение М. Соболя «На привале». Газета «Сталинский сокол» печатает очерк Н. Рыбака «Дом в Фридрихсгофе». В «Литературной газете» публикуются стихи Н. Рыленкова «Мать» и «Саперы»:

Над раскаленной мостовой
Метался дым, ища опоры,
Когда в сожженный город твой
Пришли строители-саперы.
Как вестники иной поры,
Где светит всем заря большая,
Стучат, стучат их топоры,
Гром орудийный заглушая!

Март, 29. В «Правде» помещена принятая по телеграфу со 2-го Белорусского фронта корреспонденция В. Вишневого и И. Золина «Гдыня».

В марте журналы печатают:

«Звезда» — главы из повести Г. Гора «Дом на Моховой», киносценарий О. Бергольц и Г. Макогоненко «Ленинградская симфония», главу из поэмы Н. Панова «Баренцево море», стихи Я. Ругоева и Л. Хаустова; «Знамя» — повесть О. Черного «На других участках — поиски разведчиков», стихи Л. Первомайского и А. Сагиян; «Ленинград» (№ 6) — стихи В. Лифшица «Расплата», «Немецкий танк», «Не знал, о чем тебя спрошу» и другие; «Новый мир» (№ 2—3) — повесть М. Слонимского «Стрела», главы из поэмы М. Рыльского «Путешествие в молодость», рассказ Вс. Иванова «Под Берлином, у Галльских ворот»; «Октябрь» — роман А. Первенцева «Огненная земля» (начало публикации), поэму Э. Якуб «Хлеб», рассказы и очерки В. Кожевникова; «Красноармеец» (№ 6) — приключенческую повесть Г. Фиша «Дальний поиск» (начало публикации), стихотворение А. Граши «Советскому воину»; «Краснофлотец» (№ 5) — стихи Н. Сидоренко «Передрова», К. Лисовского «Морская пехота», С. Алымова «Хозяин Баренцева моря».

Апрель, 5. Армейская газета «В атаку!» помещает стихи И. Оратовского «Героям».

Апрель, 8. «Известия» печатают «Письма из Германии» Вс. Иванова — «Дорога наступления». В том же номере газеты опубликовано стихотворение М. Матусовского «Весна»:

На тех дорогах, где идет она,
От страшных бурь не остается следа.
И слово долгожданное — Весна
Звучит для нас сегодня, как — Победа.
По всей земле, прекрасна и ясна,
Идет красноармейская весна.

В армейской газете «Мужество» публикуется корреспонденция С. С. Смирнова «На австрийской земле».

Апрель, 9. Вышел на экраны кинофильм «Человек № 217» (сценарий Е. Габриловича и М. Ромма).

Апрель, 10. Газета 3-го Украинского фронта «Советский воин» печатает очерк А. Левады «На улицах Вены».

Апрель, 11. «Правда» начинает публикацию цикла очерков В. Величко «Падение Кенигсберга». В газете 3-го Белорусского фронта «Красноармейская правда» печатается очерк А. Твардовского «Кенигсбергское утро».

Апрель, 14. «Правда» помещает статью Л. Первомайского «Освобожденная Вена».

Апрель, 15. В газете 2-го Белорусского фронта «Фронтная правда» печатается стихотворение И. Баукова «Говори мне о России».

В бою с фашистскими захватчиками под Франкфуртом смертью храбрых погиб армянский поэт Арсен Ованнисян.

Апрель, 16. Газета 2-го Украинского фронта «Суворовский натиск» публикует очерк А. Бикчентаева «Спасенные». В армейской газете «Сын Отечества» печатается очерк В. Гоффеншефера «Суровый путь».

Апрель, 19. В газете 1-го Белорусского фронта «Красная Армия» помещен очерк М. Колосова «Шахтер за Одером».

Апрель, 20. Вышел на экраны кинофильм «Иван Никулин — русский матрос» (сценарий Л. Соловьева).

В бою с фашистскими захватчиками при штурме Берлина смертью храбрых погиб белорусский поэт Николай Сурначев.

Апрель, 22. В «Красной звезде» публикуется корреспонденция из Вены П. Павленко «В глубине Европы». В газете «Красный флот» печатается корреспонденция И. Бару «На Берлин!».

Апрель, 23. По радио с чтением отрывка из романа «Молодая гвардия» — «Руки матери моей» — выступил А. Фадеев.

Апрель, 24. Газета Ленинградского фронта «На страже Родины» помещает статью В. Кетлинской «Бьет решающий час».

Апрель, 25. В «Известиях» напечатана корреспонденция Р. Кармена «Ночь в Берлине».

Апрель, 26. В «Правде» публикуется переданная по телефону корреспонденция Б. Горбатова и М. Мержанова «В Берлине».

Апрель, 27. Газета Закавказского фронта «Боец РККА» публикует статью Г. Боряна «Весна свободы и счастья».

Апрель, 28. В бою с фашистскими захватчиками под Гдыней смертью храбрых погиб белорусский поэт Сергей Кривец.

Апрель, 29. «Правда» печатает корреспонденцию С. Борзенко «На улицах Берлина». «Известия» публикуют статьи Вс. Иванова «Великая битва», бр. Тур и Л. Шейнина «В железном кольце». В газете 1-го Белорусского фронта «Красная Армия» помещена корреспонденция Б. Палийчука «Над Берлином».

Апрель, 30. В «Правде» напечатано стихотворение С. Маршака «Да будет свет!»:

Опять над башнями седыми
Кремлевских звезд горит рубин.
А где-то в темноте и дыме
Лежит поверженный Берлин.

Апрель. В бою с фашистскими захватчиками на подступах к Берлину смертью храбрых погиб грузинский писатель Мирза Геловани.

В апреле журналы печатают:

«З в е з д а» — «Уральские рассказы» Н. Асанова, рассказы В. Воеводина; «З н а м я» — стихи А. Ахматовой, Я. Хелемского; «Н о в ы й м и р» — роман К. Федина «Первые радости» (начало публикации), «Письма из Закавказья» М. Шагинян, «Заметки писателя» Ф. Гладкова, очерк Л. Коробова «Украинские партизаны», цикл стихотворений Е. Долматовского «Берлинское шоссе»; «О к т я б р ь» — поэму А. Кулешова «Цимбалы»; «К р а с н о а р м е е ц» (№ 7—8) — исторический рассказ К. Осипова «Взятие Берлина», стихотворение М. Львова «Из фронтового дневника».

Май, 1. «Правда» печатает статью Л. Леонова «Весна народов»:

«Кончилась затянувшаяся зима. Священная весна с ее дарами проходит по земле. Пускай пока не в полную силу — во всем сквозит ее улыбка. С каждой минутой праздничней становится на сердце, и молодеют даже старые камни на растемненных московских улицах. Вот она, отвоеванная и возвращенная молодость!»

В том же номере «Правды» публикуются стихи Д. Бедного «Наш праздник», статьи П. Тычины «Торжествуй, земля советская!», А. Упита «Армия-освободительница», Д. Заславского «Огни Москвы». Под общим заголовком «Слава Советским войскам, вздузившим знамя победы над Берлином!» — «Да здравствует могучий Советский Союз — надежный оплот счастья и славы народов нашей Родины!» «Литературная газета» печатает статьи О. Форш, А. Венцловы, Ф. Пестрака, стихи В. Тушновой, А. Кудрейко, С. Алымова, П. Антокольского, А. Яшина. В дивизионной газете «Воин Родины» помещено стихотворение В. Субботина «Близка желанная победа». Армейская газета «Мужество» печатает очерк И. Стаднюка «Комсомольский экипаж». В газете «Закавказского фронта «Боец РККА» печатается статья С. Бабаевского «Четыре военных мая».

Май, 2. У Бранденбургских ворот в Берлине состоялся митинг. С чтением стихов на митинге выступил Е. Долматовский.

Май, 3. «Правда» печатает статью В. Вишневого и И. Золина «Битва за Берлин». В «Комсомольской правде» опубликована статья Л. Коробова «Как капитулировал Берлин».

Май, 5. В армейской газете «Герой Родины» напечатана «Баллада о Правде» Ю. Чепурина (посвященная газете «Правда»). В «Известиях» помещено стихотворение С. Вургуна «Знамя победы»:

Гордись и радуйся, народ могучий мой!
Сегодня плещет алою волной
Победы нашей знамя — над Берлином!

Май, 8. «Известия» помещают корреспонденцию В. Полторацкого «Бреслау».

Май, 9. Все газеты публикуют Указ Президиума Верховного Совета СССР об объявлении 9 мая Праздником Победы и Акт о военной капитуляции Германии.

В «Правде» напечатаны корреспонденция Б. Горбатова и М. Мержанова «Капитуляция» и статья Н. Тихонова «Девятое мая». В «Известиях» опубликованы статья Л. Кудреватых и Л. Славина «8 мая в Берлине» и статья Н. Погодина «Свершилось!».

«Девятое мая! Никогда не забудет этого дня советский человек, как никогда не забудет он 22 июня 1941 года. Между этими датами прошло как бы столетие. И как бывает в народном эпосе, за это время сказочно вырос советский человек. Он вырос так, что красноармеец, стоящий у развевающегося знамени в Берлине, виден всему миру».

(Н. Тихонов).

«Великий день, священный час, непостижимые минуты,— и ты, простой, обыкновенный человек, один из миллионов, вдруг в эти минуты сливаешься с ве-

личием победы, возносишься над миром на гордых крыльях славы твоего народа, твоей матери-родины.

Неслыханная высота — незиданное время».

(Н. Погодин).

1945 год. В бою с фашистскими захватчиками смертью храбрых погиб татарский писатель Нур Баян, на боевом посту погиб татарский писатель Адель Кутуй.

В течение первой половины 1945 года на русском языке изданы книги:

Н. Бирюков. Чайка. Роман; П. Бровка. Беларусь. Стихи; А. Венцлова. Марите. Очерк; С. Гудзенко. Стихи и баллады; А. Исаакян. Избранные стихи; Ю. Крымов. Повести; Л. Мартынов. Лукоморье. Стихи; Б. Пастернак. Земной простор. Стихи; К. Паустовский. Степная гроза. Рассказы; Л. Первомайский. Верная кровь. Рассказы и очерки; Е. Рысс. У городских ворот. Повесть; А. Саксе. Возвращение к жизни. Рассказы. Перевод с латышского; В. Смирнов. Сыновья. Повесть; Н. Чуковский. Ночи на острове. Рассказы.

В Великой Отечественной войне участвовало в рядах Советской Армии и Флота, в партизанских отрядах, в качестве военных корреспондентов фронтовой печати, бойцов, командиров и политработников 980 советских писателей (по неполным данным).

В борьбе с фашистскими захватчиками погибло 275 советских писателей (по неполным данным). Ниже публикуется список писателей, время и место гибели которых не установлены:

Евгений Абросимов, Вячеслав Аверьянов, Владимир Аврущенко, Айзук Аитов, Магеррам Али-заде, Николай Афрамеев, Ахмет Ахундов, Василий Бобрышев, Меер Винер, Марк Волосов, Феррух Гасанлы, Назим Гасанов, Григорий Григорьев-Каттель, Борис Гроссман, Арон Гурштейн, Абдулла Джумагалиев, Василий Дубровин, Георгий Ефруш (Ефремов), Григорий Замчалов, Яков Зельдин, Юрий Злыгостев, Сергей Иванов, Эрик Ингобор (Николай Соколовский), Энвер Қазиев, Виталий Квасницкий, Леварси Квициния, Константин Клягин, Василий Кудашев, Н. Майоров, Александр Минних-Маслов, Григорий Мурашка, Мосагит Мустафин, Андрей Наврозов, Петр Незнамов, Сергей Норин, Борис Олевский, Евгений Панфилов, Петр Платонов-Романов, Николай Плиско, Петр Першут (Першуткин), Михаил Розенфельд, Самуил Росин, Александр Роскин, Йоханнес Рувен, Алим Салаватов, Марк Серебрянский, Евгений Сикар, Павел Соколов, Мусаиб Стальский, Вадим Стрельченко, Леонид Субботин, Владимир Тренин, Марк Тригер, Абдулла Фаруг, Николай Филиппов, Александр Фонько, Александр Хамадан, Петр Хромов, Максим Чалдун-Данилов, Александр Чачиков, Ахмед Шакиров, Артем Шахбаз, Павел Яльцев, Александр Ясный.

Орденами и медалями Советского Союза за участие в борьбе с фашистскими захватчиками награждено 475 писателей.

Звания Героя Советского Союза удостоены десять членов Союза писателей: Хусен Андрухаев (посмертно), Сергей Борзенко, Петр Вершигора, Малик Габдуллин, Муса Джалиль (посмертно), Юрий Збанацкий, Борис Котов, Сергей Курзенков, Дмитрий Медведев, Яков Чапичев (посмертно).

ПУБЛИЦИСТИКА

АЛЕКСАНДР ИСБАХ

*

ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ, ЖЕЛЕЗНАЯ...

РОЖДЕНИЕ ДИВИЗИИ. ПОЧЕТНОЕ ЗНАМЯ

Жаркие летние дни 1918 года. Белогвардейские банды захватили Самару, угрожали Симбирску. Сдерживая их натиск, по берегу Волги шли части рождающейся в боях Первой революционной армии. Один из отрядов вел известный своей удачью командир Гай. С войсками шагал политический комиссар Первой армии Валериан Владимирович Куйбышев.

Около городка Сенгилея отряд остановился. Здесь заняли оборону.

Вскоре комиссар уехал. Обстановка все усложнялась. Необходимо было продолжать формирование армии, собирать новые силы для отпора врагу.

Белогвардейцы захватили Симбирск. Отряд Гая оказался в «мешке». Связь с армейским командованием прервалась.

Не раз с горечью вспоминал Куйбышев своего боевого друга. Зная отчаянную смелость, порой даже бесшабашность молодого командира, можно было не сомневаться в его гибели. Бойцы остались верны своему командиру — никто из них, по-видимому, из окружения не вышел.

Реввоенсовет республики приказал штабу Первой армии закрепиться на станции Инза и готовить пополнение к контрнаступлению на Симбирск и Сызрань. Командующим армией был Михаил Тухачевский. В его подчинении находилось тогда всего лишь несколько отрядов вооруженных красноармейцев; боевая техника — один бронепоезд.

Судя по всему, противник намеревался штурмовать Казань. Белогвардейцы остановились на станции Майна.

В один из вечеров штаб армии получил тревожное донесение разведки: в направлении Инзы параллельно железной дороге движется мощный отряд.

Надо было спешно готовиться к бою. Глубокой ночью командарма и комиссара разбудили — их срочно вызывала станция Майна. Станция эта то и дело переходила из рук в руки, на проводе могли быть наши разведчики, но не исключена и провокация.

Медленно ползет телеграфная лента. Напряженно следят за ней Тухачевский и Куйбышев. Из точек и тире образуются слова: «У аппарата... начальник... отряда... Гай...»

Как выяснилось при встрече, белые прорвались к Симбирску, обойдя отряд Гая справа и таким образом оставив его в своем тылу. Очевидно, они рассчитывали расправиться с ним позже. Но Гай не растерялся. Искусно маневрируя, он нашел выгодную позицию для удара, после жестокой схватки прорвал окружение и вышел на станцию Майна. Это и был тот самый отряд, о котором доносила разведка.

Первая революционная армия получала три тысячи испытанных, закаленных в боях воинов.

Восьмого июля 1918 года в районе станции Майна, в шестидесяти километрах юго-западнее Симбирска, в непрерывных боях с противником начала формироваться Двадцать четвертая дивизия. Ее ядром стал бывший Сенгилеевский отряд. Командиром новой дивизии был назначен Гай.

Молодая Советская республика продолжала отбиваться от врагов, наседавших с севера и юга, с востока и запада. Росли и крепились наши вооруженные силы. В новые дивизии вливались добровольческие отряды московских, питерских, ивановских пролетариев. Партия, Ленин вели молодую Красную Армию к победам, к полному разгрому контрреволюции.

Тридцатого августа 1918 года после митинга на заводе Михельсона был тяжело ранен Владимир Ильич.

Вечером того же дня было выпущено сообщение о покушении на Ленина. В сообщении говорилось:

«...Всем, всем, всем. Несколько часов тому назад совершено злодейское покушение на товарища Ленина...

На покушения, направленные против его вождей, рабочий класс ответит еще большим сплочением своих сил, ответит беспощадным массовым террором против всех врагов революции.

Товарищи! Помните, что охрана ваших вождей в ваших собственных руках... Теснее ряды!»

Тысячи бойцов 24-й дивизии слушали речь Куйбышева. Освобождение Поволжья, говорил он, даст хлеб Москве и Питеру. Начдив Гай огласил боевой приказ командарма.

Двенадцатого сентября героическим штурмом дивизия взяла город Симбирск и отбросила белогвардейцев за Волгу.

В тот же день Ленин получил с фронта телеграмму: «Дорогой Владимир Ильич! Взятие Вашего родного города — это ответ на Вашу одну рану, а за вторую — будет Самара!»

Глубоко взволнованный, Владимир Ильич продиктовал ответ: «Взятие Симбирска — моего родного города — есть самая целебная, самая лучшая повязка на мои раны. Я чувствую небывалый прилив бодрости и сил. Поздравляю красноармейцев с победой и от имени всех трудящихся благодарю за все их жертвы».

За боевые подвиги ВЦИК РСФСР наградил 24-ю дивизию Почетным Революционным Красным знаменем, высшей в те дни наградой республики.

Дивизия получила название: «Симбирская, Железная».

В Симбирске состоялся парад. Мимо командующего и комиссара Первой армии стройными рядами проходили бойцы и командиры дивизии, опаленные порохом недавних сражений. Впереди шел начдив Гай.

Бойцы дивизии приняли клятву: создать поистине железную дисциплину, высоко держать врученное Советским правительством Красное знамя, пронести его сквозь все преграды, трудности и лишения, какие бы ни встретились на пути.

В тот же день дивизия выступила на фронт. Передышки не было. Враги не унимались, предстояли новые бои.

Спустя несколько дней, член Реввоенсовета Восточного фронта телеграфировал во ВЦИК: «Констатирую, что Симбирская, Железная по-прежнему стойка. Железная не выходит из маневренной борьбы, не ищет отдыха, не просит смены...»

За овладение Самарой 24-й дивизии присваивается название Самарской. Теперь она именуется: Двадцать четвертая Краснознаменная Симбирско-Самарская дивизия.

За отличия в боях на Восточном фронте ВЦИК награждает почетными знаменами почти все полки дивизии. В приказе Реввоенсовета республики указывается, что ее подразделения «своими непрерывными и настойчивыми атаками сумели вернуть Сызрань, Самару, Бузулук, Оренбург и Орский район. Занятие Орского района имело особенно важное значение, так как закрепляло за нами большую часть Башкирии и открывало свободный путь в Туркестан».

В один из зимних дней крупные отряды колчаковцев прорвались к станции, в которой находился штаб дивизии.

Рота охраны штаба вынуждена была отступить. И тогда обнаружилось, что мет знаменосца Щербакова. Знамя исчезло.

Белые сильно укрепили захваченную станцию, установили на окраинах орудия и пулеметы. Но вопрос стоял о чести дивизии, о почетном знамени ВЦИКа.

Две атаки белогвардейцам удалось отбить. На третий день отряд красноармейцев ворвался в станицу. Разгорелась ожесточенная схватка. Но силы были явно неравные.

И вдруг на поле боя выбежал человек. В высоко поднятой руке он держал полотнище Красного знамени. Это был Щербаков. Стремительным ударом наших бойцов белые были выбиты из станицы.

Оказываясь, Щербаков, спасая знамя, в тесноте суток без хлеба и воды скрывался в стогу сена. Он знал, какая реликвия была доверена ему.

Израненное и окровавленное знамя стало еще дороже бойцам.

ПОСЛУЖНОЙ СПИСОК

Весной 1919 года Железная дивизия бок о бок с 25-й Чапаевской дивизией вышла на реку Белую. Несмотря на долгое сопротивление, враг был сломлен. Наши части разгромили Приволжский корпус генерала Каппеля, взяв при этом много пленных и военной добычи. А затем была взята и Уфа.

Бойцы 24-й дивизии продолжали свой славный боевой путь. Уральский хребет. Освобождение Верхне-Уральских заводов.

С Уральских гор — в Туркестанские степи. Борьба с басмачами. Потом — Донская область, Кубань. Знамя дивизии развевалось над полями Белоруссии и Украины. От Дона до Днепра. От Днепра до Стыри...

Пройдя по всем дорогам гражданской войны пять тысяч километров, стали бойцы 24-й дивизии на охране границ своей Родины, на стыке с Румынией и Польшей.

Почетное Революционное знамя ВЦИКа зачехлено. Его выносят только на дивизионных парадах.

Траурные дни двадцать четвертого года... Ветераны дивизии вспоминают о тех днях, когда они освобождали от белых родной город Ленина. Вспоминают благодарность Ленина и горячие строки ленинского письма, написанного бойцам.

Имя Ильича освещает знамена дивизии. Вместо «Симбирская» появляется название «Ульяновская».

В морозном январском воздухе гремит вновь сложенная песня:

Страна назвала нас недаром
Железной защитой своей.
Мы помним удары героев Самары,
Ульяновских богатырей.

* * * * *

Могучая и грозная,
Как тяжкий взмах меча,
Родная часть, ты создана
По слову Ильича.

1933 год... День пятинадцатилетия Красной Армии.

Железная дивизия выстроена на площади. Оркестр играет «Интернационал». Заслуженный знаменосец, ветеран приволжских и уральских битв, участник штурма Симбирска, выносит почетное знамя. Потускнело золото букв, и, когда знамя полощет на ветру, видны следы пробоин — боевых шрамов.

Застыли полки. Слушают приказ наркома: «За исключительную доблесть, проявленную в период гражданской войны, за ряд славных побед под Симбирском, Самарой, Оренбургом и другими особо важными пунктами 24-я Самаро-Ульяновская Железная дивизия награждается орденом Красного Знамени... Нарком и Председатель Реввоенсовета Республики Ворошилов».

Вторым орденом Красного Знамени дивизия была награждена за боевые заслуги при прорыве линии Маннергейма.

Первый командир дивизии Гай передал Историческому музею города Ульяновска листок — «послужной список» дивизии.

И м я: Двадцать четвертая.

Фамилия: Железная.

Отчество: Симбирская.

Специальность: Стрелковая.

Год рождения: 1918.

Кем рождена: Октябрьской революцией.

Место рождения: На реке Волге под Симбирском.

Происхождение: Из рабочих и крестьян Симбирской и Самарской губерний.

Образование: Окончила университет гражданской войны.

Какие имеет награды: 10 Почетных Красных знамен ВЦИК, до 20 знамен от Симбирского и Самарского губисполкомов, более 1000 орденов Красного Знамени от РВСР.

За что награждена: За участие в освобождении Поволжья, Симбирской, Самарской, Оренбургской губерний и взятие обратно более 100 городов от врагов Советской власти.

Кто может подтвердить правильность вышеизложенных сведений: Пролетариат Симбирска, Самары, Оренбурга и царские генералы Колчак, Дутов и Деникин.

В ТЫЛУ ВРАГА

Когда на Советской земле взорвались первые гитлеровские бомбы, 24-я дивизия находилась неподалеку от границы, в районе белорусского города Молодечно.

Генерал-майор Галицкий поднял дивизию по боевой тревоге и вывел ее к Минскому шоссе, по которому уже грохотали фашистские танки.

В 24-й дивизии было немало солдат, в свое время сдавших боевой экзамен на линии Маннергейма. Были отважные артиллеристы, воспитанные на тех традициях, которые передал им ушедший учиться в академию бывший командир батареи Иван Данилович Черняховский. Были и молодые, необстрелянные бойцы. Они впервые увидели столько вражеских самолетов в воздухе, впервые испытали массивную бомбежку.

Два дня дивизия находилась в непрерывных боях. Воины Железной вывели из строя двести шестьдесят пять вражеских танков. Гаубичная батарея старшего лейтенанта Попова уничтожила восемнадцать танков. Наводчик Галкин — один из первых героев Отечественной войны — разбил прямой наводкой семь танков.

Но силы противника были велики. Немецкие танки ушли далеко вперед, они продвинулись на флангах.

Окружение... Впервые это страшное в те июньские дни слово возникло на командном пункте одного из батальонов 24-й дивизии. Но паники это слово там не вызвало. Генерал Галицкий был прямым и решительным человеком. Не желая скрывать опасности от своих солдат, он издал приказ: «Мы оказались во вражеском тылу. Надо прямо и открыто сказать это сейчас же всем бойцам. Никакой паники! Коммунисты и комсомольцы задают всем тон своим примерным поведением. Мы с честью сражались во имя нашей Родины. Неужели мы дадим себя истребить проклятым фашистам? Ни за что! Мы будем с боями отходить в сторону фронта на соединение с Красной Армией. Сегодня мы переходим на положение части, действующей в тылу врага. Отныне мы будем действовать партизанскими методами...»

И снова горячо, по душам, беседовали с бойцами политработники дивизии. В одном из подразделений настроение заметно упало. Туда направился инструктор политотдела Барбашев и секретарь дивизионной партийной комиссии Павлишко, ветеран части, некогда боец Сенгилеевского отряда, которым командовал Гай. Ему было о чем рассказать молодым бойцам.

Из густых лесов Белоруссии они мысленно перенеслись к берегам Волги. Они как бы опять врывались с Гаем в Симбирск, видели строчки ленинской телеграммы, слышали слова Куйбышева...

Тридцатого июня 1941 года фашисты выбросили десант в расположение дивизии. Гитлеровцам надоело это соединение, застрявшее у них в тылу, но не желающее скла-

дывать оружие и сдаваться в плен. Однако не так просто, как им казалось, было расправиться с Железной. Батальон разведки под командой майора Шуки стремительным ударом уничтожил десант и захватил вооружение и боевые припасы, которые так нужны были красноармейцам — свои были уже на исходе.

Пятьсот километров, разбившись на группы, с непрерывными боями, нанося тяжелые поражения противнику, шла по белорусским чащобам и топям из вражеского тыла Железная дивизия.

В начале августа 24-я дивизия, прорвав вражеское кольцо, сохранив боеспособность, сохранив большую часть личного состава, соединилась с основными силами Советской Армии.

Десятого августа «Правда» писала в передовой статье:

«Большинство наших подразделений и частей показало поразительные образцы доблести, решительности и высокую тактическую выучку. Окруженные части дрались хладнокровно и умело, наносили врагу серьезные потери и частенько сами окружали фашистов в их тылу. Большинство пограничных советских соединений сумело выйти из окружения крепкими, сколоченными, победоносными, боевыми коллективами. Именно так действовало соединение, которым командует генерал-майор Галицкий. Оно одно из первых приняло на себя удар германских танковых колонн и отразило его, уничтожив огнем артиллерии 265 танков. А когда немецкие танковые и моторизованные дивизии, прорвавшись на соседних участках, окружили наше соединение, генерал Галицкий разделил его на отряды и приказал им самостоятельно пробиваться на восток. Дни и ночи шли храбрцы по лесам и болотам Советской Белоруссии, уничтожая немецкие обозы, сея панику, нападая с тыла на вражеские части и штабы. Когда бойцы израсходовали боеприпасы, они «перевооружились» отбитым германским оружием.

Две трети личного состава своего соединения вывел генерал-майор Галицкий из окружения, нанеся врагу значительно большие потери, чем понес сам...»

Вся страна узнала о новых героических подвигах Железной. Инструктор по агитации политотдела дивизии Александр Барбашев должен был организовать читку «Правды» во всех батальонах и ротах... Но он этого сделать не смог. Старший политрук Барбашев пропал без вести. Вместе с ним исчезло знамя дивизии, сохранить которое ему было поручено. Двадцать четвертая вышла из вражеского тыла без почетного знамени, полученного ею более двадцати лет тому назад по указанию Владимира Ильича Ленина.

Дивизия, не сохранившая свое знамя, подлежала расформированию. В списочном составе боевых частей Красной Армии не значилось больше Двадцать четвертой, Железной, Самаро-Ульяновской, дважды Краснознаменной...

Что же произошло с человеком, которому доверили вынести из окружения знамя дивизии?

...В первую же ночь окружения генерал Галицкий вызвал Александра Барбашева. — Товарищ старший политрук, — сказал комдив, — вы теперь знаете обстановку. Именно вам я доверяю сохранить знамя дивизии...

Знамя расчехлили. Комдив снял со старого древка потемневшее в походах полотнище, поцеловал его и передал Барбашеву. Старший политрук тоже поцеловал знамя, потом положил знамя в вещевой мешок и спрятал его под телогрейкой.

Так, ни на минуту не расставаясь со знаменем, шагал Барбашев по лесам и болотам, выбираясь из вражеского тыла, участвуя в многочисленных стычках с фашистами.

Уже неподалеку линия фронта. Уже слышна артиллерийская стрельба. Скоро... Скоро свои...

Шестого августа Барбашев и двое его товарищей достигли деревни Анютино. Здесь в перестрелке с фашистами они погибли.

В крайней избе деревни Анютино жил шестидесятилетний колхозник Дмитрий Николаевич Тяпин. Старый русский солдат 8-й роты 301-го Бобруйского пехотного полка, участник первой мировой войны и георгиевский кавалер.

В тот страшный день, 6 августа 1941 года, он видел гибель Барбашева и его товарищей. Когда гитлеровцы ушли из деревни, колхозники решили похоронить убитых на кладбище. На одном из них Тяпин увидел знамя. Старый солдат знал, что такое воинская святыня. Он спрятал знамя неподалеку от могилы героев.

Утром в деревню Анютино снова пришли гитлеровцы. Они оставались в деревне долгие месяцы. Фронт был уже далеко на востоке.

ВОЗВРАЩЕННАЯ СЛАВА

В декабре сорок первого года в Кушубских лагерях, в районе Вологды, началась формироваться новая стрелковая дивизия. Ей было присвоено освободившееся численное наименование — Двадцать четвертая. Так опять возникла 24-я дивизия. Не Железная, не Самаро-Ульяновская, не дважды Краснознаменная. Просто — Двадцать четвертая стрелковая.

Дивизию надо было быстро подготовить к суровым боям. А времени для этого не хватало. Фашисты наступали. Они хотели прорвать коммуникации между Москвой и Ленинградом. Ленинград находился уже под блокадой.

Полковник Прохоров вывел свою дивизию на рубеж Бологое—Осташков—Торопец. Около Андреополя приняла дивизия боевое крещение. Южнее озера Ильмень, на болотистой местности, изрезанной многими реками и ручьями, открыла она первую страницу книги своей боевой истории.

Здесь ходили бойцы дивизии в тыл врага, громили вражеские гарнизоны. Здесь слышали они о подвигах комсорга 274-го полка лейтенанта Ковалева, о боевых делах разведчиков, которыми командовали капитаны Цибермановский и Иванов. Здесь бойцы младшего лейтенанта Коняева взорвали железнодорожный мост через реку Ловать, чтобы преградить дорогу противнику. Здесь дивизия перешла в наступление, освободила от захватчиков десятки населенных пунктов.

Потом обстрелянная и уже закаленная 24-я дивизия была переброшена с Калининского фронта к Сталинграду.

Дивизии выпала почетная роль: принять участие в сталинградском окружении фашистов. 23 ноября дивизия двинулась в наступление.

Донским фронтом командовал генерал Рокоссовский. 65-я армия была ударным кулаком этого фронта. Она шла, как таран, прорывая фашистскую оборону.

Новые имена героев были вписаны в боевую летопись 24-й стрелковой дивизии. Рядом с именем подполковника Лукьянова — имя снайпера Джафара Амикулова, уничтожившего сто девяносто шесть фашистов, награжденного орденом Ленина и получившего именную снайперскую винтовку от командующего фронтом.

Наступил 1943 год, решающий год войны. Все было готово к окончательному прорыву сталинградской вражеской обороны.

Восьмого января был оглашен ультиматум Рокоссовского, предлагающий противнику сложить оружие. Фашисты отказались.

Десятого января, рано утром, загрохотали артиллерийские залпы, начался штурм. В первых рядах штурмующих двигались батальоны 24-й дивизии.

На территории завода «Красный Октябрь» бойцы генерала Батова встретились с бойцами генерала Чуйкова и братски обнялись. Это было символическое объятие, которое увидели потом миллионы людей на листах газет и на экранах кино.

Двадцать четвертая дивизия получила личную благодарность Верховного Главнокомандующего. За первой благодарностью последовали многие другие. После освобождения города Бердичева дивизии было присвоено название «Бердичевской».

А в начале октября в «Правде» была напечатана корреспонденция о подвиге колхозника Тяпина, о том, как он спас почетное знамя 24-й, Железной дивизии.

Более двух лет хранил свою тайну старый колхозник Дмитрий Николаевич Тяпин.

Часто он приходил на сельское кладбище, всматривался в неприметное место, где лежал бугристый серый камень. Он был глубоко убежден, что Советская Армия вернется в эти места.

И вот он услышал орудийные залпы. Наши войска, освобождая родную землю, продвигались на запад. Вскоре очередь дошла и до деревни Анютино.

Начальнику политотдела 38-го стрелкового корпуса полковнику Петрову доложили, что ему хочет что-то сказать местный колхозник.

Подошел человек в старой солдатской фуражке, с окладистой черной бородой, в которой виднелись серебряные нити. На вылинявшей застиранной гимнастерке — георгиевский крест. Приложил руку к фуражке. Громко, по-военному, сказал:

— Товарищ полковник! Солдат русской армии, восьмой роты триста первого Бобруйского пехотного полка Дмитрий Тяпин. Во время немецкой оккупации сохранил знамя советской воинской части...

И он рассказал про трагический день сорок первого года, про гибель знаменосца...

На кладбище собрались красноармейцы, командиры. Полковник откатил тяжелый камень. В сухую, уже подмерзшую землю вонзились лопаты.

Все обнажили головы. Полковник стал на колени, поднял полотнище. Потом он выпрямился и развернул спасенное знамя.

В Москве по номеру ордена Красного Знамени — 10046 — установили, что погибший знаменосец — это старший политрук Александр Васильевич Барбашев, рождения 1909 года, из станицы Луганской, член Коммунистической партии с 1931 года.

Приказ заместителя Народного комиссара обороны от 20 февраля 1944 года гласил: «В августе 1941 года в районе деревни Анютино, Чириковского района, Могилевской области, в неравном бою с немецкими захватчиками погибли три неизвестных офицера Красной Армии, несшие с собой боевое красное знамя 24-й стрелковой дважды Краснознаменной Самаро-Ульяновской Железной дивизии.

Это знамя было сохранено и передано в 1943 году Красной Армии бывшим солдатом 301 Бобруйского пехотного полка старой армии, колхозником Дмитрием Тяпиным. Для сохранения славных боевых традиций старейшей дивизии Красной Армии вернуть 24-й стрелковой Бердичевской дивизии боевое знамя и впредь ее именовать: Двадцать четвертая стрелковая Бердичевская, Самаро-Ульяновская, дважды Краснознаменная Железная дивизия.

За сохранение боевого знамени старейшей дивизии Красной Армии патриота Советской Родины гражданина Дмитрия Тяпина навечно зачислить в список одного из полков дивизии и представить к награждению орденом Красного Знамени».

Дивизия с боями продвигалась на запад, истребляя отступающих фашистов. Далеко позади Волга, Дон, Днепр.

Восьмого марта 1944 года подразделения 24-й дивизии форсировали Западный Буг. В этих боях отличился и 7-й полк, которым командовал двадцатичетырехлетний майор Минаков, полк, в составе которого числился рядовой Дмитрий Тяпин.

На одном из участков фронта советские воины оседлали шоссе, по которой отходили гитлеровцы. Завязался горячий бой. Фашисты стремились любой ценой прорваться на запад. Они бросили против наших артиллеристов танки и бронетранспортеры, сопровождаемые пехотой. Но в 24-й дивизии жили традиции мастеров прямой наводки, традиции штурма линии Маннергейма и Сталинградской битвы.

Командиром орудия в батарее капитана Данилочкина был коммунист сержант Александр Макаров. Он подпустил вражеские танки почти к самому орудью и встретил их лобовым огнем. Когда фашисты отступили, на поле боя остались три подбитых танка и десять бронетранспортеров.

Новая лавина танков двинулась на орудие Макарова. На стороне противника явный перевес. Уничтожен почти весь расчет. Убит наводчик. Александр Макаров ведет огонь один. Кончились снаряды. Макаров с гранатой в руках бросается на врага. За ним поднимаются оставшиеся в живых артиллеристы — Бабкин, Малышкин и другие, забрасывают гранатами рвущихся к орудью гитлеровцев.

Макаров зажигает танк противотанковой гранатой, подбивает второй и погибает под гусеницами третьего.

Подвиг Героя Советского Союза Александра Макарова вписывается в боевую летопись дивизии.

Вскоре вся Советская страна узнала из газет о новых героических делах воинов Железной.

В очерке писателя Бориса Полевого говорилось:

«Наблюдатель-лейтенант Молотков прокрался к самым немецким позициям и установил свой наблюдательный пункт на третьем этаже высокого дома. Направляемые им снаряды ложились как по заказу. Немцы разгадали секрет этой чудесной меткости. Они дали по дому, где находился Молотков, несколько оружейных залпов. Лейтенант переждал обстрел, укрывшись в подвале, а потом опять поднялся на развалины уже горящего здания и оттуда продолжал свое трудное дело».

...В первые дни войны, только что закончив школу, комсомолец Владимир Молотков пришел в Ленинский райвоенкомат Москвы с просьбой зачислить его в армию добровольцем. Его направили в военное училище.

Владимир Молотков стал артиллеристом, самым молодым и самым смелым офицером в полку.

Он писал родителям с фронта:

«Я занимаю с августа месяца одну из самых интересных и опасных должностей в нашей специальности. Жизнь проходит на «передке», на елке, в нескольких стах метрах от немцев, со стереотрубой или биноклем. Разведки, схемы, стрельба, связь...— вот и вся моя боевая жизнь. Приходилось ходить и с войсковой разведкой. В конце марта мне пришлось второй раз быть прямой наводкой, встав за наводчика.

Когда на какое-нибудь дело, связанное с опасностью и большим риском, командир подбирает добровольцев, я всегда одним из первых изъявляю желание идти на это дело. Я хочу быть таким, каким были и есть лучшие сыны нашего народа. Чтобы вы могли сказать: «Да, это наш сын». Это для меня будет самой лучшей наградой из всех наград...»

В июле 1943 года Молотков на фронте был принят в ряды коммунистов. Вскоре он получил первую боевую награду. Он написал об этом родителям:

«Я хотел поделиться с вами большой радостью. 29-го ноября я был награжден медалью «За отвагу». Я жив, но не совсем здоров. В боях за город Н. на правом берегу Днепра при налете вражеской авиации меня придавило двухэтажной трансформаторной будкой и завалило вместе с орудием.

Но мои хлопцы меня откопали, несмотря на то, что по ним бил танк из орудия и горели под кирпичом наши снаряды. Голову опалили и малость поцарапали. Оглох на правое ухо, поранило руку, но я остался в строю.

Перед этим впервые в жизни водил в атаку своих орлов и пехоту. В результате мы взяли один квартал и городской театр, который находился в следующем квартале.

В этом штурме только из пистолета и немецкой винтовки я убил пять фашистов, одного ранил и взял в плен.

При штурме я первым ворвался в угловой дом, за мной неотступно следовал мой разведчик Бублик, бывший партизан, который партизанил до нашего прихода. Смелый товарищ!»

Владимир Молотков погиб в одном из боев, уничтожив три вражеских танка. Посмертно ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Его портрет украсил дивизионную Доску славы.

Весна выдалась ранняя и дружная, прекрасная весна многих побед и освобождения Родины.

Фашисты стремительно отступали. Надо было преследовать их, не давая оторваться, уничтожать технику и живую силу.

В грязь, в распутицу шли воины Железной дивизии.

На редких привалах капитан Поволоцкий читал вслух бойцам книгу Дмитрия Фурманова «Чапаев».

«По горам, по узким тропам, бродом переходя встречные реки — мосты неприятель взрывал отступая,— и в дождь, и в грязь, по утренней росе и в вечерних туманах, день сытые, два голодные, раздетые и обутые скверно, с натертыми ногами, с болезнями, часто раненые, не оставляя строя, шли победоносно они от селения к селению,—

неудержимые, непобедимые, терпеливые ко всему, гордые и твердые в сопротивлении, отважно смелые и страшные в натиске, настойчивые в преследовании... Сражались героями, умирали как красные рыцари, попадали в плен и мучениками гибли под пыткой и истязаниями! С такой надежной силой нельзя было не побеждать... Будут новые моменты — и прекрасные и глубокие содержанием, но это будут уже другие...»

Комсомолец Петр Битюков получил приказ — разведать боевые порядки фашистов. В безлунную ночь разведчик пробрался через передний край вражеской обороны, засек огневые точки.

Возвращаясь, Битюков нарвался на вражескую засаду. Он отбился гранатами и штыком, был контужен и потерял сознание.

Очнувшись он в фашистском блиндаже. Руки и ноги были крепко связаны.

Эсэсовец добивался у Битюкова сведений о его воинской части. Юноша с ненавистью смотрел на офицера и молчал, стиснув зубы. Озверевшие гитлеровцы страшно пытали комсомольца. Но разведчик не произнес ни слова.

«...Попадали в плен и мучениками гибли под пыткой и истязаниями...» — вспоминал он прочитанное.

Битюков не погиб. Однополчане ворвались в расположение врага и спасли своего товарища от смерти.

Еще одна страница боевой летописи.

В конце марта 1944 года части Железной дивизии форсировали реку Прут, освободили город Черновцы и захватили большой вражеский эшелон с танками. И опять в небо Москвы взметнулись снопы золотых искр в честь новых побед, в том числе в честь 24-й дивизии. За овладение городом Черновцы дивизия была награждена орденом Суворова.

А через несколько дней, проделав, как в годы гражданской войны, стремительный стокилометровый марш, дивизия вышла на государственную границу с Румынией, в предгорья Карпат. И старое боевое знамя украсил новый орден, орден Богдана Хмельницкого.

Теперь дивизия стала называться: 24-я стрелковая Железная, Самаро-Ульяновская, Бердичевская, дважды Краснознаменная, орденов Суворова и Богдана Хмельницкого... А два пехотных полка (в одном из них рядовым числился Дмитрий Тяпич) и один артиллерийский получили названия «Прикарпатских»...

Наступило жаркое лето. Пройдя через леса, болота и равнины, преодолев десятки больших и малых рек, дивизия вступила в горы. Начинаясь новый поход — через Карпатские хребты и перевалы.

Шестого июля передовая рота вступила в бой за овладение опорным пунктом врага Погары. Немцы вели огонь из десятков укрепленных точек. Наши пехотинцы бросились в стремительную, «суворовскую» атаку. Не в первый раз Карпаты услышали грозное русское «ура».

Внезапно из вражеского дзота открыл огонь станковый пулемет. Пехота залегла. Противник сдерживал ее продвижение фланкирующим огнем.

Неподалеку от командира лежал на каменистой почве Владимир Майборский, бывший матрос, любимец роты. Вооружившись гранатами, Майборский пополз к вражескому дзоту.

До огневой точки остаются считанные метры. Все бойцы, затаив дыхание, следили за смельчаком. Вот он сейчас подыметя и бросит гранату в амбразуру. Но хлестнула пулеметная очередь, и Майборский тяжело опустился на землю... Что это, конец? Нет, он приподнимается, снова ползет, оставляя за собой узкую кровавую дорожку. Вот он бросает гранаты. Одну, другую, третью... Гранаты не попадают в цель. Пулемет ведет огонь. И тогда, собрав последние силы, в предельном напряжении воли, советский солдат хватается ствол вражеского пулемета и всей силой тела прижимает его к земле...

Вечером на окраине только что освобожденного села бойцы вырыли в каменистой почве могилу, положили в нее тело Майборского, проводили его прощальным залпом.

О Герое Советского Союза воины Железной поют:

Нам дорого каждое имя.
К отважным любовь велика.
И первый меж ними
Майборский Владимир —
Матросов родного полка...

И вот боевые знамена полков Железной уже развеваются над освобожденной Чехословакией. Население выходит навстречу воинам Советской Армии. Партизаны спускаются с гор.

Курс на столицу Чехословакии Прагу. По левому склону Высоких Татр идут с боями полки Железной дивизии бок о бок с друзьями-союзниками, братьями из чехословацкого корпуса.

Ранним радостным утром пронеслась весть о победе. В Берлине фашистами подписан акт о полной капитуляции.

Летом 1945 года в дивизию прибыл почетный солдат 7-го полка, колхозник Дмитрий Тяпин.

На солдатской гимнастерке Тяпина — орден Красного Знамени, георгиевский крест и медаль за победу над Германией в Отечественной войне. Дмитрий Николаевич рассказал молодым бойцам о том, как он в сорок первом году спас знамя дивизии.

В 1956 году дивизия отмечала свою тридцать восьмую годовщину.

В этот день многие ветераны дивизии прислали свои поздравления из Ульяновска и Самары, из Ленинграда и Москвы. В гости к бойцам приехал генерал армии Павел Иванович Батов. Было оглашено приветственное письмо бывшего комиссара одного из полков Железной дивизии — Николая Михайловича Шверника.

А вскоре дивизия получила еще одно красноречивое послание.

В Ульяновске, на родине В. И. Ленина, собрались участники революционных событий 1917—1920 годов в Симбирской губернии. На встрече этой присутствовали многие бывшие командиры и бойцы дивизии, лично знавшие Куйбышева, воевавшие под командой Гая. Они прислали письмо своим однополчанам, своей смене:

«Ваша воинская часть родилась в боях за город Симбирск — родину Великого Ленина — и приняла активное участие в разгроме белогвардейщины в Поволжье. Славные боевые традиции Железная еще больше умножила в годы Великой Отечественной войны. Многие из нас были бойцами и командирами вашей части в дни ее рождения. И сейчас мы от всей души желаем всему личному составу героической Железной еще больших успехов в боевой и политической подготовке и призываем вас свято хранить ее боевые традиции. Мы же со своей стороны обещаем вам помочь нашей партии в воспитании молодого поколения на революционных традициях прошлого с тем, чтобы наша молодежь была надежным продолжателем того дела, начало которому было положено нашим поколением в славные дни Октября».

* * *

Двадцать пятого декабря 1957 года Железная дивизия вышла на торжественный парад в честь сорокалетия Советской власти на Украине.

Это была уже не та дивизия, которая освобождала сорок лет назад родной город Ленина — Симбирск, и не та дивизия, которая героически сражалась под Сталинградом и совершала беспримерные марши в Карпатских горах.

Это была дивизия, вооруженная новой техникой и отлично обученная для ведения современного боя. А бой этот по своей сложности, ожесточенности, массовому применению новой техники значительно отличается от тех боев, которые велись даже в недавнем прошлом.

Сейчас уже не было в дивизии ветеранов боев гражданской войны, штурма линии Маннергейма, сражений на Волге и на Дону, на Днепре и на Стыри. Но те молодые, что были в ее рядах, ныне крепили традиции Двадцать четвертой Железной, Самаро-

Ульяновской, Бердичевской, дважды Краснознаменной, орденов Суворова и Богдана Хмельницкого дивизии.

Шли батальоны. Гремела боевая песня Железной:

Мы славой крылатой богаты,
Отваге у храбрых учась,
Споемте, солдаты,
О тех, кто когда-то
Прославил в боях нашу часть.

Страна назвала нас недаром
Железной защитой своей.
Мы помним удары
Героев Самары,
Ульяновских богатырей.

Мы всех поименно не знаем,
Но славу героев храним.
Мы песню слагаем
О доблестном Гае,
Гордясь командиром лихим.

На снежных карельских полянах
Легендами быть обросла
О том, как в бураны
Разведчик Ульянов
Ходил по фашистским тылам.

Нам дорого каждое имя,
К отважным любовь велика.
И первый меж ними
Майборский Владимир —
Матросов родного полка.

И пусть он не бился с врагами,
Мы Дмитрия Тяпина чтим:
Пылает над нами
Багряное Знамя,
Для славы спасенное им.

Рожденный в боях и походах,
Солдатский девиз наш таков:
В лихую невзгоду
Быть верным народу,
Как Лаптев, Косой, Молотков.

В строю шагали молодые воины. Среди них — Юрий Леонов, сын старого чапаевца, и Николай Власенко, сын бывшего бойца Первой Конной, получившего именную шашку из рук Семена Буденного.

Шли батальоны.

Их осеняли многие боевые знамена и среди всех заслуженных стягов, впереди колонны, развевалось старое, опаленное порохом многих битв знамя ВЦИКа.

Его нес семидесятивосьмилетний белорусский колхозник Дмитрий Николаевич Тяпин, почетный солдат и почетный гость прославленной дивизии. Ему была по праву оказана эта честь. Он шел твердым солдатским шагом, высоко подымая знамя, врученное дивизии в 1918 году за освобождение города, в котором родился Владимир Ильич Ленин.

ГЛАЗАМИ ИНОСТРАНЦЕВ

Советская Армия в книгах зарубежных военных корреспондентов

С тех пор, как существует Советская Армия, она привлекает к себе самое пристальное внимание иностранных журналистов. Среди книг и статей, ей посвященных,— а им поистине нет счету,— есть все: от торопливых пророчеств времен гражданской войны о неизбежном и скором поражении молодых вооруженных сил революции до попыток объяснить непобедимость советских войск «загадочными свойствами славянской души».

Особенно много о Советской Армии было написано иностранными журналистами в годы Великой Отечественной войны: от коротких репортажей с фронтов военных действий, которые зарубежные журналисты посылали в свои газеты, чтобы удовлетворить нетерпеливый интерес читателей Англии, США и других союзных стран к действиям Советской Армии, до обстоятельных книг, написанных иностранными публицистами в последние годы войны и первые послевоенные годы, в которых делается попытка осознать и объяснить ход войны. В эту большую, еще не собранную библиотеку входят книги, написанные на разных языках и в разные годы людьми не только разного дарования и разного личного мужества, но и разных политических убеждений. И тем не менее в их высказываниях можно проследить одну общую черту, все усиливавшуюся по мере того, как развивались события, показавшие всему миру, что Советская Армия оказалась не только первой армией в мире, способной на отпор гитлеровскому вермахту, но и той армией, которая подготовила и осуществила его полный разгром... Эта черта заключается в стремлении понять и объяснить своим читателям, в чем состоит «тайна» Советской Армии, чем определяется ее беспримерная стойкость в обороне, ее героизм в наступлении, словом, в чем источник и залог ее силы и ее побед. Далеко не все иностранные журналисты сумели дать правильный ответ на этот вопрос. Некоторые из них были наивны, и эта наивность вполне объяснялась их малой осведомленностью в природе социалистического строя; иные ответы были заведомо неверными, и эта неверность тоже находила свое объяснение в политических взглядах авторов.

Но какими бы разными людьми, с какими бы разными взглядами они ни были, все они раньше или позже, так или иначе, но непременно ставили эти вопросы, ибо понимали, что ни отдельные примеры мужества, ни частные соображения о тактике не дают тех объяснений, которых ждут от них читатели. И уже сама постановка вопроса об источниках могущества Советской Армии, которая в той или иной форме присутствует почти во всех этих корреспонденциях и книгах, весьма значительна.

Мы отобрали лишь некоторые страницы из большого количества зарубежных изданий, посвященных Советской Армии. Они относятся к годам Отечественной войны и взяты из книг, в которых иностранные публицисты по горячим следам событий постарались обобщить свои впечатления от Советской Армии и размышления о ней. Исключение сделано для вышедшей в США в 1937 году и переизданной в 1942 году книги американского журналиста и общественного деятеля Альберта Риса Вильямса «Советы», который пристально и дружелюбно с самых первых дней революции следил за развитием Советской страны и нашей армии и потому задолго до Отечественной войны дал одну из наиболее подробных и наиболее интересных ее характеристик. В подборку, предлагаемую читателю, включены также отрывки из «Воспоминаний о Красной Армии» генерала Петца, который в настоящее время является видным деятелем общества «Франция — СССР».

С тех пор, как зарубежные, главным образом американские, журналисты, высказывания которых мы здесь приводим, написали свои книги, прошло много лет, и, быть может, некоторые из них неохотно вспоминают о том, что они когда-то горячо, а подчас и восторженно говорили о Советской Армии. Но это не снижает ценности их давних высказываний, отразивших непосредственные впечатления военных лет.

Высказывания эти интересны, как всякий живой документ живой истории. Они полезны и поучительны. Полезны и поучительны потому, что сейчас в зарубежной печати есть немало охотников забыть об историческом опыте недавнего прошлого, когда Советская Армия перед всем миром продемонстрировала мощь и непобедимость вооруженных сил, защищающих правое дело.

Книги, отрывки из которых мы приводим ниже, в русском переводе не издавались.

Альберт Рис Вильямс,

американский журналист и общественный деятель

ЧТО ТАКОЕ КРАСНАЯ АРМИЯ

Красная Армия воспитывает в воинах чувство самоуважения и собственного достоинства. Следуя указаниям Ленина — беречь Красную Армию как зеницу ока, — там делают все для того, чтобы укреплять моральный дух солдат... Красноармейцы живут в чистых казармах, спят на чистых постелях с чистым бельем. Они получают форменную одежду, которая мало чем отличается от одежды командиров... Забота о красноармейце распространяется и на его семью. Она получает налоговые льготы, нетрудоспособным членам семьи оказывается помощь. Это намного повышает авторитет красноармейца в глазах его друзей и родных. Они приходят к нему в казарму или в лагерь посоветоваться с ним, а во время отпуска он обычно становится героем и кумиром своего селения. За ним повсюду следуют дети. Женщины наперебой угощают его щами и пирогами, а пожилые люди оказывают ему уважение...

Но всем этим привилегиям соответствуют и обязанности. Они собраны и изложены в Красной присяге, которая и по своему содержанию и по торжественности, с какой она произносится, еще более повышает чувство ответственности и самоуважения в призывнике...

Красная Армия одновременно и высокодисциплинирована и демократична. Официально она Рабоче-Крестьянская Армия... За исключением немногих старых специалистов, доказавших свою преданность новому режиму, командный состав Красной Армии происходит из рабочих и крестьян. Это надо сказать и о трех первых, получивших звание маршала... (Автор называет Ворошилова, Блюхера, Буденного. — *Ред.*)

Вместе с переменами в социальном происхождении командиров, вызванными революцией, коренным образом изменилось и их отношение к рядовому составу. Исчез старый кастовый дух, исчезли разделявшие их перегородки и чрезмерные формальности в обращении. Вместо «ваше превосходительство», «ваше благородие» красноармейцы говорят командиру просто «товарищ командир». Ибо он действительно для них товарищ. Только в учении и в походе он начальник. В остальное время он старший солдат среди красноармейцев, их друг и советчик... Но дух товарищества не означает ослабления дисциплины. Напротив, она весьма сильна... Уничтожив старую палочную, кулачную дисциплину, Красная Армия стремится создать дисциплину сознательную — дисциплину, вытекающую из понимания воином каждого правила и распоряжения и их смысла... Не слепое, а разумное послушание, рождающееся из знания, инициативы и самоконтроля, — такова цель.

Красная Армия — это школа и мастерская. Один царский генерал говорил своим офицерам: когда вы находитесь в присутствии простого солдата, забудьте, что он человеческое существо. Он мужик, животное, обладающее даром речи, — и ничего более. Ему так же мало нужен ум, как лошади шелковые чулки. Его единственная обязанность — слепо повиноваться каждому приказанию. Поэтому он должен быть невежественным, недумаящим, неграмотным существом.

Конечно, эти слова отражают старый режим в его наихудшем виде. Но как бы то ни было, это факт, что восемьдесят процентов солдат старой армии не умели ни читать, ни писать.

В полную противоположность этой политике Советы выдвинули лозунг: «Каждый красноармеец должен быть грамотным человеком». Голодный и раздетый красноармеец гражданской войны должен был воевать не только с врагом, но и со своей неграмотностью... Но благодаря всеобщему обязательному обучению надобность в этой начальной учебе отпала... Красная Армия учит воинов управлять трактором, так же как и пулеметом, превращать фосфаты в удобрения, так же как и в порох, строить мосты так же хорошо, как и взрывать их. Для красноармейца создаются все условия, чтобы он мог приобрести профессию или специальность. Ежегодно армейские технические школы выпускают тысячи первоклассных автомобилистов, кузнецов, химиков, металлургов, электриков, равно как сотни художников, библиотекарей, изобретателей.

Красная Армия — очаг культуры. В Советской стране слово «культура» понимается очень широко. Это понятие охватывает все — от вежливости до игры в мяч, от мыла до симфоний и фокстротов... Культурная работа сосредоточена в трехстах пятидесяти домах Красной Армии и Флота... Некоторые из них — это подлинные дворцы...

Это читающая армия. Она располагает двумя тысячами библиотек, где люди имеют непосредственный доступ к полкам с пятнадцатью миллионами книг; часть этих книг следует за красноармейцами во время маневров.

Это пишущая армия. Более ста пятидесяти тысяч «военкоров» — военных корреспондентов — участвует в работе печати. Они посылают свои корреспонденции в «Красную звезду», в военные журналы, в десять тысяч стальных газет, заполняя их стихами, рассказами, критическими заметками, рисунками. Они посылают домой миллионы писем, рассказывая друзьям и родным о своей повседневной жизни, о новых законах, налогах, декретах. В ответ они получают миллионы писем, в которых родные рассказывают о своих делах и думах...

Это армия самодеятельных артистов. Артистические таланты красноармейцев проявляются в постановке сценок на тему дня, в кукольных представлениях, в массовых зрелищах, в тщательно поставленных спектаклях Театра Красной Армии в Москве... Воины армии участвуют в театральных постановках и в съемках кинокартин в качестве драматургов, актеров, танцоров, певцов, работников сцены.

Это поющая армия. Деревенские парни хотели бы выучить новые песни, но они не знают, как их петь. Большинство одарено богатыми и звонкими голосами, и в армии они охотно поют. Поют в одиночку, поют небольшими группами под аккомпанемент гармонии, поют целыми взводами, ротами. Поют в казармах, поют, шагая в баню с узелками под мышкой, поют на пыльных дорогах во время маневров, подчиняясь ритму барабана или дудки, а ритму своих собственных голосов...

Это армия, которая учится. Кроме обязательных курсов, в армии существует около семидесяти тысяч групп, которые обычно именуются кружками. И почти каждый красноармеец состоит в одном из этих кружков. Имеются «литературные кружки», где громко читают книги классиков, современные романы, стихи и куда иной раз приходят писатели, чтобы прочитать свои произведения. Есть «научные кружки» с собственными небольшими лабораториями, «музыкальные кружки» с хорами, ансамблями, с обучением теории, гармонии и технике игры. В «марксистских кружках» новички изучают основы политэкономии, а подготовленные участвуют в семинарах по философии. Есть кружки иностранных языков, художественные, антирелигиозные, драматические, спортивные. Люди выбирают те, которые более всего отвечают их наклонностям и талантам...

Красная Армия — это политический институт. Человек, призванный в армию, сохраняет все свои гражданские права. Он остается членом профсоюза и кооператива, пользуется правом выбирать и быть избранным. И эти стороны политической жизни освещаются на курсах по экономике, праву и истории, на которых преподает командир, столь же сильный в марксизме, как и в военном деле... В дополнение к этим постоянным занятиям проводятся вечера собеседований...

Красная Армия готовит столь же хороших граждан, сколь и хороших бойцов. По окончании службы небольшая часть — люди, проявившие военные таланты и наклонности, — идет в военные академии. Другие возвращаются в свои учреждения, на фермы и заводы, откуда пришли, — возвращаются пропагандистами советских идей, проводниками дисциплины и культуры... В любой области они составляют ударные отряды борцов за коммунизм. Они ведут борьбу против кулаков и спекулянтов... Они — вместе с учителями, врачами, агрономами... В деревнях их избирают на ключевые позиции. Большинство председателей сельских Советов — это бывшие красноармейцы, краснофлотцы или красные летчики. Это можно сказать и о большинстве председателей колхозов и директоров МТС.

Albert Rhys Williams. The Soviets.
New York. 1937 (third printing 1942).

Альберт Рис Вильямс. Советы.
Нью-Йорк. 1937 (3-е издание 1942).

Макс Вернер,

немецкий журналист, корреспондент английской газеты «Рейнолдс ньюс»

ГЕРМАНСКИЙ БЛИЦКРИГ И СОВЕТСКИЙ АНТИБЛИЦ

В самый разгар приграничного сражения военный обозреватель газеты «Франкфуртер цейтунг» писал:

«В ходе последних боев большевики пытались ответить на клин клином, на клещи клещами, но эти военные методы не были импровизацией. Они явились результатом долголетнего военного обучения — обучения, охватывавшего не только искусство войны в целом, но и поведение каждого солдата в отдельности. В последние несколько дней едва ли было хоть одно сообщение с фронта, в котором не подчеркивалось бы почти бессмысленное упорство врага в обороне или контрударах» («Франкфуртер цейтунг», 6 июля 1941 года).

Даже в первых, еще приграничных сражениях Красная Армия показала, что она полностью овладела современным оружием. Впервые было использовано наступательное оружие в оборонительных боях. Особое значение придается в связи с этим контратакам русских танковых частей. «Франкфуртер цейтунг» пишет о «непрекращающихся контратаках советских танков»...

Именно здесь, в битве под Смоленском, где впервые Красная Армия боролась с германской армией на равных началах, открылась вторая сторона современной войны. Это уже не был больше блицкриг со стремительными фланговыми ударами, как мы это видели во время кампаний в Польше, на Западе и на Балканах и даже в приграничных боях германо-советской войны. Элементами этого современного сражения явились стабилизация фронта, бои на прорыв вглубь, применение наступательных видов оружия в обороне и введение в действие крупных пехотных соединений. Таковы преимущественно советские методы ведения войны. Если характер первых боев определялся немецкими методами ведения войны, то характер боев под Смоленском определялся уже методами советскими. В этом сражении не ставилась задача захватить территорию... Объектом военных действий были сами армии. В этом смысле битва под Смоленском в некоторых отношениях напоминала такие великие сражения первой мировой войны, как битва на Сомме или битва во Фландрии (осень 1917 года), хотя она велась другими техническими средствами и по другим тактическим правилам.

...Сражение под Смоленском имеет историческое значение в полном смысле этого слова, ибо оно перечеркнуло немецкий блицкриг. В ходе этой битвы впервые были показаны пределы наступательной мощи немецкой армии. Эта битва показала, что Красная Армия — первоклассная вооруженная сила... Именно этим периодом датируется кризис в войне, начатой Германией...

До битвы под Смоленском вообще никому не было известно, можно ли и какими средствами отразить немецкое наступление. В начале 1941 года французский генерал Дюваль писал: «Германская стратегия царит всевластно, и нет силы, которая могла бы ей противостоять».

Таково было мнение консервативного и невежественного солдата, исходившего из ограниченного опыта Франции, потерпевшей поражение. В ходе битвы под Смоленском впервые стало очевидно, что есть средство отразить немецкие моторизованные и механизированные вооруженные силы.

Max Werner. The great offensive.
New York. 1942.

Макс Вернер. Великое наступление
Нью-Йорк. 1942.

Стратегикус¹,
американский журналист

ВЫСОКИЙ МОРАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ

Нелегко найти армию, которая, неуклонно отступая и эвакуируя собственную территорию, сохраняла бы при этом высокий моральный уровень. В течение шести недель первой и второй фаз нынешней кампании русские непрерывно сдавали территорию. Движение несколько замедлилось, но отступление не прекратилось. Если, как кажется, оно прекращается в одном секторе, то оно принимает более широкие размеры в другом. От восточно-прусской границы до Смоленска 350 миль, а сейчас немцы уже примерно в 50 милях за Смоленском. Активная оборона показала силу такого жизненно важного фактора, как высокое моральное состояние. Введение свежих соединений из гигантских русских резервов также помогло поддержать моральное состояние на высоком уровне. Как ни объяснять это явление — факт налицо: нигде и никогда сопротивление у них не сопровождалось понижением морального состояния, и это — самая примечательная черта кампании.

Strategicus. From Tobruk to Smolensk, 1941.

Стратегикус. От Тобрука до Смоленска. 1941.

Фредерик Экснер,
американский журналист

МИРАЖ НАЦИСТСКОЙ ПОБЕДЫ...

Как бы далеко они ни проникали в глубь России и сколько бы советских армий они ни разбивали, мираж окончательной победы, дразня нацистов, все более отодвигался от них. Большевицкая система не рухнула после первых поражений, как на то рассчитывали немцы. Красная Армия, проводя политику «сожженной земли», уничтожала перед их глазами те огромные запасы материалов, сельскохозяйственного и промышленного оборудования, которое они решили захватить. Редкое предприятие оставалось целым, редкую машину немцы могли сразу пустить в ход. Немецкие офицеры признавались иностранным корреспондентам, что пройдет не менее двух лет, прежде чем удастся получить сколько-нибудь значительное количество зерна на Украине. За линией фронта, окопавшись в болотах Припяти, партизаны вели непрерывную войну против германских колонн снабжения и изолированных гарнизонов. Русские уничтожали немцев в огромных «котлах». Это была форма войны, самой возможности которой нацисты никогда не допускали, строя свои великолепные, но воздушные замки на Украине и в Москве. Более того, было одно, чего они не могли понять и что приводило их в ярость. Нацистские газеты и радио непрерывно сообщали о русских «бестнях», продолжающих «бессмысленное» сопротивление, лишенных человеческого разума и непонимающих, что они разбиты. Только «недочеловеки», причитали они, могут воевать подобно русским и продолжать убивать немцев. «Бессмысленное» сопротивление русских привело Гитлера в такое неистовство, что в своей речи в берлинском Спортпаласе 3 октября 1941 года он назвал их «жестоким, зверским и нечеловеческим врагом... монгольской ордой современного Чингисхана». В этой речи Гитлер впервые сделал сенсационное, но печальное признание. Он никогда не думал, сказал Гитлер, что Россия обладает такими резервами людей и материалов.

Frederick C. Oechsner. This is the enemy. Boston. 1942.

Фредерик Экснер. Таков враг. Бостон. 1942.

¹ Псевдоним Герберта Чарлза О'Нила.

Лелэнд Стоу,
американский журналист

РУССКИЙ ХАРАКТЕР КРЕПОК, КАК ГРАНИТ

В эти первые недели пребывания в Москве я особенно старался уяснить себе, не испытывают ли втайне русские перед лицом возможного в любую минуту гигантского летнего наступления Гитлера страха, что столица не устоит. Странно, но это факт: я не встретил ни одного русского, который допускал бы, что Москва будет захвачена противником. Во время первого посещения огромной Боткинской больницы я прямо спрашивал об этом многих раненых, но все они держались так, словно даже сама возможность этого никогда не существовала. Наконец я обратился к русскому солдату, которому незадолго перед этим ампутировали ногу.

— Как вы думаете, немцы возьмут Москву?

Солдат, которого звали Петр, рассмеялся, сверкая карими глазами.

— Ха-ха! Возьмут Москву! Вздор какой! Они и думать больше не смеют об этом!

Мне кажется, что стоило бы твердо сказать американским читателям: чем бы ни закончились удары нацистов — русские абсолютно убеждены в том, что Москву они удержат.

В госпиталях я видел многих солдат, просто, но уверенно говоривших от имени всего русского народа. Одним из них был полковник Красной Армии, человек с умным лицом, лет сорока с лишним. Левая нога была у него ампутирована выше щиколотки. Он рассказывал о битве под Сталинградом, но даже не спросил меня, почему англичане и американцы так медлят с открытием второго фронта...

— Мне бы другую ногу! Я могу еще воевать. Мы, русские, встретимся с вами в Германии.

Когда я прощался с полковником, он сказал:

— Желаю удачи вам и вашему народу.

Эти слова поразили меня. В условиях, когда они были сказаны, они прозвучали, наверное, как самое благородное из всего, что мне когда-либо доводилось слышать.

На следующий день я посетил Яузскую больницу. Когда-то это был дворец знатного человека, а в 1812 году здесь была резиденция принца Мюрата. Некоторые из раненых только что были доставлены с Центрального фронта и сразу же оказывались на операционном столе. Я не знал этого, когда остановился у койки восемнадцатилетнего юноши. Не задумываясь, я стал расспрашивать его о боях. По его бледному лицу внезапно покатались слезы, я услышал конвульсивные всхлипывания. Воспоминание о бое было для него очень тяжелым. Я редко так остро ненавидел себя, как в эту минуту.

Мой переводчик подвел меня к Антону Якушеву, лежавшему на койке в углу. Ранее Антон был колхозником Орловской области, к югу от Москвы. Ему 37 лет. Левая нога Антона с несколькими переломами и шрапнельными ранами лежит в гипсе... Всего только за час до этого его принесли из операционной. Лоб его покрылся каплями пота, когда он начал рассказывать мне о бое.

— Не стоит, — сказал я, — не утомляйтесь. Я приду как-нибудь в другой раз.

Но Антон не хотел молчать. Он рассказал мне, как шла атака, как русские захватили при первом броске всего пятьдесят ярдов земли, как было использовано секретное оружие Красной Армии — «катюша», как русские атаквали снова, как он был ранен и как пытался ползти вперед, когда его товарищи захватили укрепленный пункт в деревне. Со лба у Антона стекал пот, и он время от времени останавливался, но его карие глаза оставались спокойными. Говорил он просто, как говорит крестьянин. К концу он как-то застенчиво улыбнулся, точно оправдываясь, и сказал:

— Они вправляли мне сегодня кость в ногу... А то я человек веселый.

Я что-то сказал, вероятно достаточно глупое. Но Антон снова приподнялся. Опираясь на локоть, он с трудом показал на свою ногу в повязке.

— Нога скоро поправится. Я уже чувствую, что дело пойдет на лад. Через несколько недель я должен вернуться туда. Понимаете, за меня никто не должен воевать.

Беседуя с бригадным генералом Филиппом Феймонвиллом, главой американской военной миссии в Москве и одним из наиболее умных и способных американских офицеров, которых я где-либо встречал во время войны, я понимал, что вижу перед собой человека, который действительно знает Россию и русских. Генерал Феймонвилл, имевший бесспорно правильное представление о боеспособности Красной Армии, тогда как большинство в американском генеральном штабе в корне ошибалось, в полной мере оценивал чудовищное напряжение и огромную опасность сражения на Дону. Но он знал, что русский характер крепок, как гранит.

На Ржевском фронте я беседовал со многими комиссарами в рангах, соответствующих рангам от генерала до капитана и лейтенанта. Это были люди сильные, волевые, их качества как руководителей видны каждому. Военные комиссары несли равную с офицерами того же ранга ответственность за решения военного и оперативного характера. Правда, ортодоксальные американские и английские офицеры обычно осуждают такое двойное командование, говоря, что оно вносит путаницу и практически нецелесообразно. Разумеется, оно предполагает исключительную сработанность между командиром дивизии и комиссаром дивизии. Но в полудюжине штабов Красной Армии, где мне приходилось ночевать или подолгу беседовать как с теми, так и с другими, я наблюдал замечательное сотрудничество и дух товарищества, царившие между командирами и комиссарами. Несомненно, бывали случаи разногласия или противоречий, но я ни разу не слышал, чтобы такое разногласие приняло серьезный характер.

В течение первых шестнадцати месяцев русско-немецкой войны Красная Армия действовала под командованием офицеров и комиссаров. Но несмотря на все превратности и неудачи, которые достигли высшей точки в черное лето 1942 года, когда нацисты прорвались на улицы Сталинграда и к предгорьям Кавказа, боевой дух армии оставался поразительно высоким. Военные обозреватели союзников, находившиеся на месте, должны были признать, что сильное руководство русских комиссаров сыграло в этом отношении реальную и могущественную роль. В условиях длительного периода оборонительных боев, который не имеет равных в мировой истории по масштабам и интенсивности, в период мучительной обороны, требовавшей от человека высшей степени напряжения всех его духовных сил и стойкости, комиссары Красной Армии сумели уяснить и показать всю разницу между крушением и длительным сопротивлением. Что касается меня лично, то я серьезно задумываюсь над тем, могло ли совершиться почти чудо под Ленинградом, Севастополем и Сталинградом, если бы не вдохновляющее воздействие, пример и руководство русских комиссаров.

Тем не менее это двойное командование было окончательно отменено в октябре 1942 года. Знаменательно, что это произошло в тот момент, когда маршал Сталин готовил первое большое русское контрнаступление. Многие союзные офицеры, находившиеся в России во время войны, решили, что система комиссаров не выдержала испытания и потому была ликвидирована. По-моему, такое суждение основано на серьезном непонимании действительного положения вещей. Несомненно, верховное командование хотело предоставить военным командирам на фронте свободу решений в больших и сложных, направляемых сверху, военных наступательных действиях...

...Но был, на мой взгляд, и другой момент, почти совершенно упущенный англо-американскими критиками института комиссаров. Я имею в виду тот факт, что за шестнадцать месяцев непрерывных боев Красная Армия понесла большие потери в своем командном составе. Но как возместить эти потери в армии, насчитывающей более трехсот дивизий? В лице комиссаров Красная Армия имеет то, чего не имеет никакая другая армия в мире, — организацию по подготовке резервных офицеров, действующую на фронте и на его участках, а не в школах, отдаленных сотнями миль от места военных действий. В условиях системы двойного командования каждый комиссар в ранге от лейтенанта до полковника и генерала проходил боевую школу в огне войны. Комиссары, особенно более высоких рангов, участвовали в решении каждой боевой задачи, находились в повседневном контакте с командирами, имеющими за спиной двадцатилетний и более длительный военный опыт, имели возможность своими

глазами видеть операции успешные и операции неудавшиеся и разбираться в том, почему эти операции не удалась.

Таким образом, благодаря институту комиссаров Красная Армия располагает лучшим, чем любая другая армия в мире, замечательным, прошедшим отличную боевую выучку офицерским резервом. Комиссары в звании майора и выше, с которыми мне пришлось встречаться, были во всех отношениях уже отличными офицерами, если не считать специального технического образования. Но у них были некоторые дополнительные качества, которых ни одному среднему офицеру, вышедшему из стен Вест-Пойнта (высшее военное учебное заведение США. — *Ред.*), никогда в такой мере не приобрести: они во всех точностях знали внутреннюю жизнь своих войск... Они обладали остро развитым политическим чутьем. Они лично знали все, даже самые незначительные аспекты психологического руководства и морального воспитания. Вот почему октябрьский приказ предусматривал, что наиболее способные комиссары должны быть направлены на трех- и шестимесячные курсы при офицерских школах. И весной 1943 года Красная Армия получила обратно тысячи бывших комиссаров, но уже в качестве хорошо подготовленных боевых командиров, бесценный опыт которых, приобретенный ими на фронте, обогатился техническими знаниями. И притом речь идет о людях, еще задолго до этого тщательно отобранных благодаря их замечательным качествам руководителей. Ни германская армия, ни одна из армий союзников не могли восполнить потери новыми командирами такого калибра — да и любого другого — и в столь краткий срок. Тем временем оставшиеся комиссары, как и другие, новые, продолжали свою бесценную работу, разрешая сомнения солдат и укрепляя их боевой дух, — с той единственной и положительной разницей, что сейчас в каждой части имеется только один боевой командир... Как бы там ни было, вклад института комиссаров в русское сопротивление и конечную победу столь велик, что почти не поддается измерению.

Leland Stowe. They shall not sleep.
New York. 1944.

Лелэнд Стоу. Они будут бодрствовать.
Нью-Йорк. 1944.

Стратегикус,
американский журналист

ВОЛЯ ЛЮДЕЙ ОКАЗАЛАСЬ СИЛЬНЕЕ

Сталинградская битва навсегда останется в истории явлением исключительным. Даже у защитников Вердена был выход. Каково же положение русских в Сталинграде? Они были зажаты на узкой полоске земли, застроенной зданиями, с широкой и полноводной рекой за спиной. Достаточно было бы прекратиться сообщению между одним берегом и другим хотя бы на два дня, как русская армия уже не смогла бы избежать катастрофы. Изучая это сражение, чувствуешь, что слова бессильны описать жизнь людей в эти страшные месяцы.

Шестьдесят вторая армия генерала Чуйкова, оборонявшая Сталинград, осуществила операцию, казавшуюся обреченной на провал. Боевые качества воинов Тринадцатой гвардейской дивизии сделали их легендарными. Можно было бы объяснить это тем, что ее командир, генерал Родимцев, имел опыт Мадрида. Но беспристрастный наблюдатель должен признать, что сталинградские сражения оставляют далеко позади себя мадридские...

Человек, собирающийся законным образом управлять городом своей родной страны, не начинает с того, что разрушает его.

Но в Сталинграде улицы, здания, комнаты, коридоры становились крепостями не только потому, что должны были стать опорными пунктами, но прежде всего потому, что этого желала негибаемая воля людей, согласившихся жить в нечеловеческих условиях и жертвовавших всей своей жизнью. В последнюю фазу сражения люди, как в пещерный век, жили в подвалах. Неописуем общий вид руин Сталинграда. Самые ожесточенные бои развернулись в обстановке разрушений, равных которым не найти.

Русские подчеркивали, что в продолжение всей битвы электростанция не переставала функционировать и что ремонт танков был все время обеспечен. Минометы вели огонь по развалинам, а вражеская артиллерия непрерывно обстреливала разрушенные здания. Но как только огневой налет ослабевал, рабочие немедленно отправлялись производить необходимый ремонт.

В самом начале битвы, когда существовала опасность захвата города противником, рабочие, подобно гражданской гвардии в Англии, брали в руки оружие, чтобы защищать свои очаги, которые, собственно говоря, были только местом, где раньше стояли их дома. В одной части южного района города некоторые из жителей остались на месте, и можно было видеть детей, игравших на улицах. В нескольких километрах отсюда шоссе было минировано. Батареи стояли под прикрытием обломков стен. Верхние этажи зданий, от которых осталось только переплетение железных балок, служили наблюдательными пунктами. Под вой пикирующих бомбардировщиков, под непрерывный свист бомб русские генералы, которые порой находились настолько близко от противника, что могли слышать его речь, составляли планы и руководили операциями. Линии фронта не было. Была лишь неукротимая воля людей, и она оказалась сильнее. К концу фанатики, мечтавшие лишь о захвате чужой земли, должны были сдаться патриотам, которые подчинялись любви к родной земле. Поистине, в истории не было другого такого сражения.

Strategicus. Le tournant de la guerre. Paris. 1944.

Стратегикус. Поворот в войне. Париж. 1944.

Генри Кэссиди,
американский журналист

ПОБЕДИМ ИЛИ УМРЕМ!

Осенью положение непосредственных защитников Сталинграда сильно ухудшилось. Штаб армии генерала Чуйкова, все еще находившийся в черте города, часто оказывался более выдвинутым вперед, чем штабы дивизий и полков, и нередко попадал под огонь вражеских автоматчиков. Чуйков пять раз был вынужден менять местоположение своего штаба... В один из критических моментов Чуйков приказал своему начальнику штаба Крылову переправиться на восточный берег Волги, сам же решил оставаться в Сталинграде. Крылов стоял молча, переминаясь с ноги на ногу. Наконец другой штабной офицер выступил вперед и сказал за Крылова: «Давайте вместе победим или умрем». И они остались вместе.

Henry C. Cassidy. Moscow dateline. London. 1943.

Генри Кэссиди. Московский меридиан. Лондон. 1943.

Эдгар Сноу,
американский журналист

«...МЫ НЕ МОГЛИ ОТСТУПАТЬ!..»

Казалось, безбрежный белый океан готов был поглотить нас. Не было даже деревьев; они появлялись лишь вблизи редких темных, едва различимых деревень, выплывавших из тьмы подобно остовам покинутых кораблей. Нас снова поразил огромный разрыв между высокой техникой и эффективностью Красной Армии и обликом русской деревни. Случайный наблюдатель никогда не поверил бы, что современная армия могла вырасти из такой основы. И, может быть, именно такого рода соображения ввели в заблуждение нацистов. Мертвящее однообразие, унылая оголенность местности и меланхолическая тишина, воцарившаяся теперь, после того как стихли орудия, — все это еще более усиливало пронизывавший нас резкий холод.

«Видал ли ты в своей жизни что-нибудь подобное?» — спросил Дэйв Никол из «Чикаго дейли ньюс», сидевший в машине сзади. Он глядел на все так, словно не верил

своим глазам. «Ни деревьев, ничего, — пустота! Ты проходишь как бы сквозь облако без края и границ. Подумать только — жить здесь! Более того, пожелать завоевать это место! И пытаться это сделать!»

После обеда я отправился вместе с Генри Шапиро на кухню в поисках питьевой воды, которая на фронте — редкость. Там мы наткнулись на Клару Ермашенко, украинскую девушку, напоминавшую своей тонкой фигуркой школьницу. Она предложила нам подождать и исчезла в темноте. Через несколько минут Клара возвратилась, неся в руках ведро воды. Она протянула нам стакан. Вода была холодная как лед и приятная как нектар.

Лукаво глядя на нас, девушка сказала:

— Лучше вина, правда?

Я кивнул головой.

— Конечно, лучше! — воскликнула она порывисто, с гордостью. — Это святая вода — волжская, смешанная с нашей русской кровью!

В эту минуту мне стало совестно, что она ухаживает за мной: нам следовало бы поменяться ролями. Клара была таким же героем этого фронта, как Чуйков или любой другой. В течение всей Сталинградской битвы она готовила еду для других героев, ныне уже погибших. Она и сотни других таких же девушек доставляли горячую пищу в окопы, чтобы человек, сражающийся насмерть, был сыт, чтобы перед его глазами был образ ее свежей юности, ее красивые темные глаза — олицетворение любимой родины. Сотни девушек, подобных Кларе, погибли на войне, вынося раненых сквозь шквал свинца и стали, оказывая им помощь на перевязочных пунктах, где нельзя было услышать даже собственный голос, или выполняя любые задания санитарной службы.

Нелегко отдавать таким образом смерти свое молодое, нежное тело, к которому все взывало: «Живи!» Как много Клара оставила позади! Любовь, работу и, во всяком случае, чудесную украинскую весну, чтобы прибыть сюда, к этой реке, где кровь легко смешивалась с водой, и выполнять мало воспетую и редко награждаемую работу при-слуги! Какими далекими от этих переживаний казались нам наши американские женщины с их глупыми разговорами о днях без мяса и других «жертвах» — урезанных нормах газа или масла! Могли ли они понять, что значит война для Клары?

На следующий день мы пробрались сквозь остов города. Улицы и переулки были стертые, и мы осторожно ступали по пешеходным тропинкам, протоптанным сквозь развалины взорванных минами домов. На железнодорожных разъездах исчезла даже рельсы, и только ржавые таблички все еще предупреждали: «Берегись!» или «Опасно — поезд!»

Любые военные разрушения, виденные мной в других местах, показались мне теперь пустячными. Я понял, что Сталинград — это прообраз того, что, еще прежде чем завершится катастрофа, покроет лицо всей Европы. Это был разрушенный Чапей в Шанхае, увеличенный в двадцать раз, а подвергшиеся бомбардировке участки Лондона могли бы укрыться в одном углу Сталинграда. Рони Мэтьюз сказал, что он видел Ипр после первой мировой войны, в ходе которой этот город три года подвергался неустанному артиллерийскому обстрелу, но по сравнению со Сталинградом Ипр был мелочью.

Именно на территории завода «Красный Октябрь» вы могли яснее всего увидеть, как дюйм за дюймом шла война за эту землю, где один противник понимал, что в обмене пространства на время уже достигнут предел, а другой знал, что если завоеванное пространство будет сейчас потеряно, то ничто уже не сможет возместить драгоценное время, потраченное на его завоевание, и все прошлые победы станут Пирровыми победами.

От некогда большого металлургического завода, с его занимавшими много акров зданиями цехов, подъездными путями, складами и причалами, с его тысячами жилых домов и школ, парками и садами, с его прекрасными машинами ничего не осталось, кроме железного лома и всякого хлама. Завода более не существовало.

Здесь и там все еще торчали куски строений, но нельзя было уже различить, чем они были ранее: то бесцельно упиралась в небо какая-то длинная стальная балка, то возникала наполовину снесенная стена, — и ничего больше. Между этими разбитыми останками завода, означавшими потерю миллиардов часов честного труда, зияли покрытые снегом «лисий норы», разбросанные в беспорядке окопы и огромные воронки; из глубины их виднелись полуобнаженные трупы с кусками рваного мяса шафранно-воскового цвета и тусклые красные лоскутья кожи, примерзшие к зеленоватым отряпьям. Кругом валялись винтовки, патроны и пистолеты, привязанные к минам. Саперы еще не успели прочистить район.

Наконец мы добрались до конца заводской территории и поднялись на бугор, возвышавшийся на 15 футов над обломками огромного здания, которое, видимо, было последней границей немецкого продвижения вперед. Вряд ли более ста ярдов оставалось до того места, где обрыв круто падал к линии волжского берега. Сотни миль, весь путь от Берлина проделал фриц, чтобы достичь этой точки — границы гитлеровского нашествия, — и больше не мог сделать ни шагу. Почему? Можно ли было в самом деле увидеть так же ясно, как мы видим высшую линию морского прилива на выступе скалы, то самое место, где человек через ряд лет сможет сказать: «Здесь зло исчерпало себя»?

Район завода «Красный Октябрь» защищали сибиряки из орденоносной Восьмой гвардейской дивизии под командованием генерала Гурьева, переброшенной сюда накануне фашистского наступления 14 октября. Против сибиряков враг бросил гигантские танки, армады пикирующих бомбардировщиков и артиллерию всех калибров — от тяжелых дальнебойных орудий и гаубиц до шестиствольных минометов... Ночь немцы превращали осветительными ракетами и пожарами в день; а день они затемняли дымом горящих зданий и дымовых завес. В среднем на каждую полумиллю сталинградского фронта было сброшено шесть тысяч тонн металла.

Накануне того дня, когда немцы провели двадцать три атаки, в которых участвовали танки и автоматчики, они в продолжение восьмидесяти часов подряд осыпали этот двухмильный участок фронта снарядами и бомбами. В разгар битвы в действие было введено тринадцать тысяч пулеметов. Сибиряки все же устояли перед лицом этого ада и не сошли с ума.

Даже после личного осмотра позиций я не сумел уяснить себе, как огромная сокрушительная военная машина могла быть остановлена всего за несколько десятков ярдов от ее цели. Я спросил у нескольких солдат, оставленных на затихшем фронте для сортировки трофеев, как же это произошло, что немцы, забравшись так далеко, не смогли захватить участок земли, который мог бы обеспечить им стратегическую победу. «Они не смогли взять его потому, — отвечали они, — что мы не могли отступить». В конечном итоге этот простой ответ, может быть, и есть самый правильный...

Там, конечно, стояли живые люди, и ставкой была их хрупкая, легко разрушаемая жизнь. Итак, личная доблесть людей, надлежащим образом обученных и оснащенных, доверяющих своим толковым начальникам, полных решимости умереть, но не отступить; вера в священное дело или, может быть, как у этих сибиряков, особая гордость жителей этого сурового края; тот дух, который наши моряки проявили позднее в битвах за Макин и Тарауа; или, попросту сказать, дисциплина, эта не поддающаяся учету коллективная воля, которая в соединении с традицией подчиняет себе естественный инстинкт самосохранения, — все эти неосозаемые вещи, составляющие в сумме то, что называют «моральным уровнем бойца», или назовите это, как вам угодно, — всем этим обладали сибиряки. Они снова доказали, что судьбу армии решает не машина, а странное человеческое свойство — способность поступиться своим «я», своей жизнью ради общего дела...

Генерал Гурьев был убит вскоре после моей встречи с ним во время атаки на врага. Но он и его сибиряки живут в памяти народа. Молодые сталинградцы, гуляя вдоль правого берега Волги, останавливаются в знак глубокого уважения перед памятником, воздвигнутым в честь героев на месте, где оборвалась линия Гитлера.

Edgar Snow. People on our side.
New York. 1944.

Эдгар Сноу. Те, кто с нами,
Нью-Йорк. 1944.

Гаррисон Солсбери,
американский журналист

РАЗГОВОР О ВТОРОМ ФРОНТЕ

Я спросил, как распорядилась Боткинская больница с присланным из Америки госпитальным оборудованием. Доктор Бельская ответила: «Оно очень пригодилось. Мы получили много весьма нужных вещей. Но, как видите, нужда все еще очень велика».

Я говорил об этом также и с некоторыми из раненых. Они были в пижамах, присланных из Америки, они спали под простынями и одеялами, которые мы им прислали.

— Американские,— говорили русские, указывая на свои пижамы.— Американские, хорошо!

Это была типичная реакция. Но один из русских был более откровенен.

— Видите ли,— сказал он,— я не хочу быть грубым. Эти пижамы, которые на нас,— американские. И мне сказали, что простыни и одеяла на моей кровати тоже пришли из Америки. Я ценю это. Я понимаю, что хорошо иметь пижамы, простыни и одеяла, откуда бы они ни пришли.

— Пужалиста,— сказал я.

— Конечно,— продолжал раненый,— все это очень хорошо. Но я предпочел бы не иметь этой одежды и этого белья. Я предпочел бы не иметь их, если бы вместо этого мы получили бы то, в чем мы действительно нуждаемся. Вы иностранец, и я должен быть вежливым. Но в самом деле, не думаете ли вы, что следовало бы открыть второй фронт?

Второй фронт... Эта тема была мне хорошо знакома. Я был сердит, когда Илья Эренбург впервые заговорил об этом. Меня это очень злило. Я испытывал те же чувства, что и Эд Энгли из «Чикаго сан»... Он обыкновенно говорил: «Второй фронт? А что это, собственно, значит? Мы в Америке не говорим о втором фронте. У нас их уже целых восемь».

Трудно было ответить русскому солдату. Он говорил от всего сердца, и я знал: будь я на его месте, я переживал бы то же, что и он.

В палате, где шел этот разговор, было четыре солдата. Они с большим интересом прислушивались к беседе. Теперь заговорил другой. Это был человек небольшого роста, с темными волосами и выступающими скулами.

— Мы рады видеть человека из Америки,— сказал он.— Хорошо сознавать, что у тебя есть друзья. Когда ты воюешь один долгое время, ты начинаешь удивляться, начинаешь сомневаться.

Я ответил, что это вполне естественно и мне понятно.

— Вы не должны думать, что мы не благодарны за сделанное вами,— продолжал он спокойно.— Но давайте будем честными. Я солдат. Я воюю уже с самого начала войны. Я видел, как гибли мои товарищи, многие из них... Вы, быть может, не поверите, но я уже пятый раз в госпитале. Четыре раза меня уже отправляли в госпиталь. Затем я поправлялся, возвращался в свою часть и снова воевал. А теперь — в пятый раз. Когда я поправляюсь, я снова вернусь на фронт. Сначала это не так еще плохо. Ты много не раздумываешь. Но вот уже пятый раз — и ты возвращаешься. Шестой раз — и ты возвращаешься. Седьмой раз... восьмой... и пока идет война — ты возвращаешься. Конечно, мы не дураки. Мы знаем, что это значит. Конечно, должен быть этому конец когда-нибудь. Шансов становится все меньше, а может быть, их уже не стало у тебя. Так вот вы этого, возможно, не поймете. Но никто из нас не хочет умереть. Мы русские, и мы не боимся умереть. Это не значит, что мы не хотим жить. Мы вовсе не хотим умирать. Вот почему нас не так уж приводят к восторгу эти одеяла, и эти простыни, и эти пижамы. Мы отдали нашу кровь, очень много крови. Мы не горюем по этому поводу. Но ведь прошло много времени. Вам, быть может, покажется это грубым, но я скажу, что мы были бы более благодарны, если бы и вы отдали вашу кровь.

Что мог я возразить этому человеку? Невозможно спорить с ним, когда его глубокие темные глаза горят и он жестикулирует забинтованной по плечо рукой. Вы

не станете говорить ему, что вы уже воюете на восьми фронтах, или на пятнадцати фронтах, или где бы то ни было. Или что генералы, когда сочтут это нужным, начнут наступление. Вы не станете говорить ему о миллионах фунтов масла, которые Америка прислала в Россию, или о «джипах»¹, самолетах, о стали, о медицинском снабжении.

Вы смущенно пожмете ему руку и спокойно скажете ему, что вам приятно было поговорить с ним. Вы пожелаете ему счастья и выйдете из палаты. Но вы будете чувствовать этот пылающий взор за своей спиной даже тогда, когда завернете за угол коридора и будете спускаться вниз по лестнице.

И долго еще после того, как вы покинете Россию, вы все еще будете видеть эти глаза и слышать этот голос...

Harrison Salisbury. Russia on the way. New York, 1946.

Гаррисон Солсбери. Россия двинулась. Нью-Йорк. 1946.

Уоллес Каррол,
американский журналист

«...РУССКИХ НИЧЕМ НЕ ПОСТАВИШЬ В ТУПИК»

Среди американцев в поезде я встретил Хаба Земке, с которым познакомился в Архангельске. С ним был молодой армейский пилот, лейтенант Джонни Алисон из Гэйнсвилла (штат Флорида). Свыше месяца они проработали на аэродроме севернее Полярного круга, обучая русских, как собирать истребители «кертисс Р-40» и летать на них. От американских и других офицеров я не однажды слышал, сколько раз, летая на этих машинах, они бывали на волосок от смерти. Мне рассказывали также, как русские инженеры одолевали все трудности с помощью магического слова «ничего».

За несколько недель до прибытия Земке в Архангельск участок, выбранный для строительства аэродрома, представлял собой густой лес и торфяное болото. Иностраный офицер, ознакомившись с местностью, заявил русским, что аэродром строить здесь невозможно. Русские рассмеялись и сказали «ничего». По-русски это слово может иметь много оттенков, но в данном случае оно означало: «не так, мол, страшно», «не беда». Тысяча армейских саперов и две тысячи рабочих... в течение трех недель вырубали деревья, выкорчевали пни и осушили территорию в несколько квадратных миль. Затем они приступили к строительству капитальной, рассчитанной на любое время года взлетно-посадочной полосы из материалов, которые оказались под рукой. Вскоре здесь пролегла деревянная взлетно-посадочная полоса длиной свыше мили. Она могла принимать даже самые тяжелые бомбардировщики.

...В поразительно короткий срок русские овладели всеми секретами американских самолетов... В Америке и Англии бригады, собиравшие самолеты, пользовались двухтонным краном для подъема фюзеляжа и однотонным для монтажа крыльев. В распоряжении русских был только один кран грузоподъемностью в одну тонну. Однако они сказали «ничего» и приступили к делу. С помощью своего крана они сумели приподнять фюзеляж. При монтаже крыла двадцать саперов поднимали их на собственных спинах и удерживали на нужной высоте, пока крылья не были укреплены. Иногда им приходилось оставаться в таком положении до получаса. Всякий раз, когда работа была закончена, они смеялись и говорили «ничего».

На том же аэродроме механики британских королевских воздушных сил собирали самолеты «харрикэйн». Они монтировали эти машины уже не первый год и стлично знали их, но русские были огорчены, когда выяснилось, что первый «харрикэйн» был собран в более короткое время, чем первый «кертисс». Удвоив усилия, русские начали собирать по пять «кертиссов» в день. Это было на уровне высших английских показателей, и русские почувствовали себя несколько лучше!..

¹ «Джип» — американское название военных автомобилей, известных у нас как «заяллис» (Ред.).

Хотя Земке и Алисон предупреждали их о том, что нельзя заряжать пулеметы до окончательной сборки самолетов, один из русских все-таки сделал это. Когда запустили двигатель, синхронный пулемет сработал. При этом был прострелен воздушный винт. Американские и английские инженеры утверждают, что ремонт поврежденного металлического винта — вещь невозможная. Русские только принесли свое магическое словечко и отправили винт в ремонтную мастерскую, откуда он вернулся словно новый.

Советские летчики, команды аэродромного обслуживания и саперы работали по четырнадцать и более часов в сутки, всегда исполненные энтузиазма, всегда пребывая в отличном настроении, всегда твердо уверенные в том, что выиграют войну.

..Английские пилоты и механики были совершенно ошеломлены гостеприимством, изобретательностью и способностями людей красных военно-воздушных сил. Несмотря на трудности, связанные с незнанием языка, советский наземный состав быстро научился у английских механиков, как собирать и эксплуатировать «харрикэйны». Один молодой русский инженер после весьма непродолжительного инструктажа получил на письменном экзамене по эксплуатации «харрикэйна» оценку в девять из десяти возможных.

Где бы и когда бы иностранные техники и офицеры ни вступали в контакт с военнослужащими Красной Армии или советской авиации, они неизменно впоследствии рассказывали историю, подобные этой. Хотя средний уровень производительности на русских заводах все еще значительно ниже западных стандартов, изобретательность и способность молодых русских к технической учебе и прежде всего их бесстрашие всегда производили большое впечатление на зарубежных специалистов.

«Русских ничем не поставишь в тупик, — сказал мне один американский инженер после того, как на его глазах инженеры Красной Армии выполнили какую-то особенно трудную задачу. — Знаете, в них присутствует тот самый дух пионеров, который когда-то был присущ нам, американцам».

«Когда-то был присущ нам!» От этого заявления у меня на минуту захватило дыхание. Пусть американцы сами решают, утратили ли мы этот дух, но я могу сказать им, что молодое поколение Советского Союза, безусловно, проникнуто им.

После завтрака в штабе полковника Кириллова мы отправились на машинах посмотреть, как заботится Красная Армия о своих людях на фронте. Интенсивных боев на этом участке не было свыше недели, и надеяться увидеть в этот день боевые действия не приходилось. Сопровождаемые кавалеристами, которые продвигались по лесу, как привидения, мы подъехали к полковому госпиталю, находившемуся всего в двух милях от передовых позиций. Как и штаб Кириллова, госпиталь был расположен под землей. Стены и потолки были обтянуты белой материей. Операционные столы, хирургические инструменты и кровати выглядели такими же чистыми, как в любой больнице крупного города. Операционная освещалась электричеством. Главным хирургом оказалась молодая женщина, одетая в китель цвета хаки, темно-синюю юбку и сапоги...

Этот госпиталь был, очевидно, выделен для показа. Я поэтому весьма обрадовался случаю побывать следующей ночью в армейском госпитале, где нас не ждали. Там, однако, было так же чисто, а штат врачей и сестер производил впечатление таких же умелых и опытных людей, каких мы видели здесь. Несколько недель спустя американские и английские медицинские специалисты, осмотревшие военные госпитали и лечебные учреждения в Москве, были поражены всем виденным: охрана здоровья населения оказалась на хорошем уровне, а в одной области — в деле переливания крови — русские, видимо, выдвинулись на первое место в мире.

Из полевого госпиталя мы проехали в убежище, где был устроен клуб для младшего командного состава и рядовых. В одной комнате люди исполняли одну из традиционных русских солдатских плясок на мотив веселой народной песни под аккомпанемент пианиста, аккордеониста и скрипача. Подземным ходом мы прошли в библиотеку. Книжки на полках включали, конечно, полное собрание сочинений Ленина, но я видел также романы Толстого, Достоевского и Михаила Шолохова, пьесы Ибсена и стихотворения Генриха Гейне! Последний, видимо, пользуется в России большой любовью, как

я убедился в этом позднее, найдя в библиотеке одного колхоза под Москвой книгу его стихов, побывавшую, видимо, во многих руках.

Говорили, что таких клубов на фронте тысячи. Еще до войны Ворошилов с гордостью говорил, что в армии существует тысяча девятьсот клубов и имеется библиотечный книжный фонд в двадцать пять миллионов томов. В первые дни революции большевики провозгласили лозунг: «Каждый красноармеец должен быть грамотным!», и, борясь за свое существование, они в то же время заставляли солдат овладевать грамотой, учиться читать и писать. Позднее, по мере развития просвещения, не было больше необходимости обучать новобранцев грамоте. Тогда армия предоставила солдатам возможность повысить уровень своих знаний и освоить технику. Их обучали специальностям механиков, инженеров, электриков, химиков; если же они проявляли способности к музыке или другим видам искусства, то их поощряли развивать свои таланты. Может быть, это было одной из причин того, что солдаты Красной Армии сумели противостоять самым ожесточенным в военной истории атакам.

Wallace Carroll. We're in this with
Russia. Boston. 1942.

Уоллэс Кэррол. В этом —
мы с Россией. Бостон. 1942.

Ричард Лаутербах,
американский журналист

ТАКОВЫ ОНИ, РУССКИЕ!

Во время прошлогоднего наступления на Белорусском фронте, когда фашисты были выбиты из Минска, Витебска, Вильнюса и других ключевых позиций, глава британской военной миссии в Москве генерал Бэрроуз был приглашен в штаб армии покойного ныне генерала Черняховского.

Многое поразило здесь генерала Бэрроуза. В распоряжении Черняховского была очень большая армия и весьма малочисленный штаб. Командующий жил в деревянном крестьянском доме. В штабе не было ни пишущих машинок, ни картотечных шкафов, ни других подобных принадлежностей, которые обычно загромождают штаб современной армии...

В один из дней рано утром Бэрроуз выехал вместе с начальником штаба в инспекционную поездку по фронту. Они ехали в американском «джипе», которым правил сержант. Когда они продвигались по болотистой, пересеченной многими водными преградами местности, Бэрроуз мысленно решил, что он расскажет Черняховскому о сборном мосте системы Бэйли. Такого рода мост легко монтируется из заготовленных стальных ферм и балок, он значительно облегчил наступление союзных войск в Италии. Бэрроуз подумал, что русские могли бы с успехом использовать такие мосты.

По дороге к линии фронта «джип» остановился у одной речной переправы. Растнувшись цепочкой, плохо одетые солдаты пехотного подразделения переходили реку вброд. Советский генерал несколько минут наблюдал за операцией. Затем он вызвал к себе командира ближайшего батальона.

— Необходимо отобрать тридцать или сорок человек из ваших людей — более пожилых — и оставить здесь. В скором времени по этой дороге проследует тяжелая техника.

Затем генерал указал размеры и тип деревянного моста, который необходимо было навести в этом месте.

— Куда явиться людям после выполнения задания, товарищ генерал?

Начальник штаба напомнил, что только что позади промелькнул небольшой участок леса, в километре отсюда, с левой стороны. В этом лесочке люди могут устроить себе временное жилье.

— Через неделю, после того как сюда начнет поступать механизированная техника, ваши люди могут присоединиться к энской дивизии. Скажите от моего имени командиру дивизии, что ему надлежит принять этих людей. Позднее они, возможно, сумеют воссоединиться с вашей частью.

Отдав честь, командир батальона отошел и начал отбирать людей для постройки моста. Бэрроуз, понимающий по-русски, с изумлением слушал весь этот разговор. Подобный эпизод — он твердо знал это — не мог иметь места ни в английской, ни в американской армиях. Десяток вопросов, возражений и «но» захлестнули его аккуратный военный мозг: не согласовано с начальником хозяйственной части. Где же письменный приказ? А как насчет санитарной части? Обеспечена ли бригада нужным продовольствием? Рассчитана ли предельная прочность леса? Утвержден ли проект моста инженерной частью?

Спустя приблизительно неделю генерал Бэрроуз возвращался той же дорогой. Тяжелая техника громыкала, пересекая реку по хорошему, рубленому бревенчатому мосту. В предшествовавшие дни Бэрроуз имел возможность лично убедиться во многих качествах бойцов Красной Армии. Но этот мост, сооруженный случайной бригадой солдат из местных материалов с помощью топоров, открыл ему глаза в большей мере, чем что-либо другое.

Глаза генерала Бэрроуза блестели, когда он рассказывал мне о своей поездке на фронт. Он решил не говорить Черняховскому о мосте Бэйли, — напротив, у него было искушение попросить выделить несколько русских плотников, которые могли бы научить союзников строить мосты так же искусно и быстро.

«Я только что кончил писать отчет. Боюсь, однако, что они не поверят мне там, в Лондоне. И, знаете, я не могу их винить. Возможно, и я не поверил бы, если бы не видел это собственными глазами».

Случай с бревенчатым мостом лишь один из десятков фактов, вскрывающих «секрет» Красной Армии. Столь же показательны дела организованных партизан, поражает простая система снабжения советских войск, вызывают удивление степень независимости и свободы действия, предоставляемая командирам подразделений на фронте, подвиги советских летчиков, блестящая, свежая стратегия генерального штаба.

Richard E. Lauterbach. These are the Russians. New York and London. 1944.

Ричард Лаутербах. Таковы они, русские. Нью-Йорк и Лондон. 1944.

В. Аллен и П. Муратов,
английские военные обозреватели

УПОРСТВО, ЧЕТКОСТЬ, ЭФФЕКТИВНОСТЬ

Эту поразительную победу (в Крыму, в 1944 году. — *Ред.*) можно объяснить многими причинами. Во-первых, упорством и четкостью, с какими войска осуществили переход через Сиваш. Не менее важной была блестящая подготовка частей и батарей, которые менее чем за 24 часа смогли сокрушить очень сильную линию в северной части Перекопа. Операции Еременко также проходили весьма успешно, а советские воздушные силы показали как над Перекопом, так и над Сивашем свою высокую эффективность.

W. E. D. Allen and Paul Muratoff. The Russian campaigns of 1944—1945. London. 1946.

В. Аллен и П. Муратов. Русские операции 1944—1945 гг. Лондон. 1946.

Уолтер Керр,
американский журналист

ФРОНТ И ТЫЛ

...Я видел, что Красная Армия во многом такова же, как и другие армии. Не было ничего поразительного в ее оснащении. Если танков у нее было меньше, чем у немцев, то она располагала зато большим количеством артиллерии... Ничего поразительного не обнаружил я и в организации Красной Армии... Не нашел я ничего особенно

примечательного в ее командирах, если не считать, быть может, их молодости. Большинство генералов — в возрасте сорока лет с небольшим...

И не в организации увидел я действительную силу Красной Армии, и не в молодости ее генералов, не в ее контингентах или оснащении. Силу Красной Армии я увидел в боевом сердце ее солдат, в их выучке, их дисциплине и в силе гражданского населения в тылу.

Я хотел бы, чтобы вы имели возможность видеть этих людей в Москве или на фронте — людей среднего роста, крепко сложенных, частью светловолосых и голубоглазых, частью темных, находящихся в хорошем физическом состоянии. Это не сверхчеловеки. В борьбе они не уподобляются животным, которым все равно — жить или умереть. Они хотят жить. Они хотят вернуться домой, к своим семьям. Но они не боятся умереть...

Я думаю, что нет другой армии в мире, которая пользовалась бы такой неограниченной поддержкой со стороны гражданского населения, как Красная Армия в первые два года немецкого нашествия. Быть может, другие страны произвели больше вооружения, амуниции и других военных материалов, но, когда вы вспомните о трудностях, испытываемых Россией в области промышленности, сельского хозяйства и транспорта, вы поймете, что страна работала поразительно хорошо. Любое гражданское мероприятие было подчинено вооруженным силам...

Можно было наблюдать бесчисленные проявления жертвенности гражданского населения... Это можно было видеть по утрам, когда люди ждали по часу автобусов или трамваев, чтобы попасть к месту работы, когда люди часами добирались домой пешком после четырнадцати и более часов работы на заводе, когда люди отказывались отдыхать даже в большие национальные праздники, так торжественно отмечавшиеся в мирное время.

Walter Kerr. The Russian Army, its men, its leaders, its battles. London. 1944.

Уолтер Керр. Русская армия, ее люди, ее руководители, ее битвы. Лондон. 1944.

Уолтер Грэбнер,
американский журналист

СОВЕТСКИЕ СОЛДАТЫ

Палубу парохода заполнили солдаты, моряки и бойцы рабочих батальонов. Некоторые ехали далеко, до самой Астрахани, но большинство после недолгого путешествия сходило то в одном, то в другом волжском порту, откуда они направлялись на фронт или на строительство новых объектов...

Солдаты в большинстве своем шли в свои части вполне обученными. Они рвались в бой. Почти все были в хорошей физической форме, худощавые, загорелые, с ясным взором и полные энергии... Весь их багаж сводился к узелку с постельными принадлежностями, кружке, фляжке и нескольким вещам личного обихода — вроде осколка зеркала, перочинного ножика, книжки. Их пища в дороге состояла из черного хлеба, сухой рыбы и иной раз банки компота. Едят они с аппетитом и быстро.

Все сохраняли спокойствие, и каждый делал свое дело, но это не мешало им присматриваться к окружающему. Я могу, например, сказать, что они замечали все, что делали я и мой спутник Хендлер. Почти все обладали отличными голосами, и по вечерам, собравшись группами по пятнадцать—двадцать человек в разных концах палубы, они затягивали народные песни. Пели они в лад и так старательно, что казалось, их легкие лопнут от натуги.

Получая приказания, они тотчас же отвечали, хотя мы не видели признаков строгой дисциплины... Полковники делили с солдатами все неудобства ночлега на голой палубе, ели одинаковую с ними пищу, играли в домино за одними с ними столами.

Walter Graebner. Round trip to Russia. New York. 1943.

Уолтер Грэбнер. В Россию и обратно. Нью-Йорк. 1943.

Генерал Пети,
начальник французской военной миссии в СССР

ЭТО СИЛЬНЫЕ ЛЮДИ

Я знал некоторых маршалов и генералов Красной Армии, общался с ними. В Москве по роду работы я встречался с генералом армии, начальником Генерального штаба Красной Армии, с главным маршалом авиации и их сотрудниками. На фронте мне пришлось иметь дело с начальниками штабов армейских групп и генералами разных рангов.

И везде я имел возможность наблюдать одни и те же характерные черты. Генералы, с которыми у меня устанавливался контакт, обладали иной общей культурой, чем мы, но они отлично знали свое дело; они обладали знаниями, приобретенными в результате опыта и труда. Молодые или пожилые, но всегда крепкие, сильные, они выполняли, не зная усталости, огромную работу, все они отличались большими умственными способностями. В любой час дня и ночи они принимали меня с одинаковым спокойствием... Они внимательно слушали меня и отвечали всегда ясно, четко, умно.

Я сказал выше, что у них, быть может, не было общей культуры в нашем понимании этого слова. Я хотел бы уточнить, что если у них и нет нашей эклектической культуры, то зато они обладают очень широким и очень точным знанием действительности...

Эти сильные люди, глубоко сознающие величие своей задачи, гордые тем, что они советские люди, требовательные и решительные в действии, стали истинными моими друзьями, и отношения, сложившиеся между их семьями и моей семьей, были очень теплыми.

...То, что я только что сказал о генералах Красной Армии, можно отнести и к старшим офицерам. Они обладают теми же качествами ума, той же ясностью мысли, хотя опыта у них меньше. В Москве мне пришлось иметь дело с различными старшими офицерами, обеспечивавшими связь между Генеральным штабом и мной. И что особенно меня поразило, так это легкость, с какой они усваивали даже самое новое. Вообще, для того чтобы показать, что они хорошо поняли, они кратко повторяли то, что я только что им сказал, подчеркивая при этом главное. И это было всегда ясное и четкое резюме, и я добавил бы — педантично точное, не оставлявшее никакого сомнения в том, что излагаемый вопрос понят...

Что касается солдата, то я не буду распространяться: его качества хорошо известны. Его боевая стойкость зависит, как везде, от физического и морального состояния, от его военной выучки.

Его физические качества высоки, и не только потому, что солдат правильно отбирают, но и потому, что они принадлежат к сильному и здоровому народу, почти не отягощенному пороками.

В самом деле, в СССР крайне мал процент больных венерическими болезнями, так как там нет проституции. Наконец, дети развиваются и растут здоровыми, так как они — будущее страны, и еще и потому, что государство, как и родители, окружает их самой большой и просвещенной заботой.

Высокий моральный уровень вместе с чувством патриотизма является результатом воспитания, которое советский человек получает как в школе, так и в рабочих организациях, в обществах военной подготовки и в полку. Несомненно, это воспитание имеет под собой политическую основу, но оно ведет к патриотизму, основывающемуся на глубоком убеждении в том, что советский человек — это борец за идеал человеческой справедливости и братства, идеал, осуществляемый в условиях советского строя, и в том, что он должен защищать этот строй против всех, кто на него покушается.

И эти сильные, хорошо подготовленные солдаты с высоким уровнем их морали героически боролись. Из тысяч и тысяч фактов героизма, из которых все одинаково интересно, я приведу один, взятый наугад.

Это произошло под Севастополем.

Их было пять человек — моряков-стрелков, бойцов небольшой части. Они ушли вперед, чтобы задержать наступление вражеских танков, за которыми должна была следовать вражеская пехота.

Появляется первая группа танков — семь штук. Водитель первого танка убит точным выстрелом советского пулеметчика Цибулько. Затем еще два танка теряют подвижность, и бойцы поджигают их с помощью бутылок с горючей смесью. Четыре остальных танка делают разворот и уходят: так пять моряков-стрелков победили семь танков.

Проходит некоторое время. Теперь в атаку двигаются уже не семь, а пятнадцать машин. Едва они оказались на нужной дистанции, тот же Цибулько снова выстрелом убивает командира первого танка, а бросив гранату, останавливает другой. Затем он подползает с гранатой к третьему танку и подбивает его. Но в это время он получает смертельное ранение.

В те же минуты один из его товарищей, моряк Красносельский, поджигает два других танка, но тут же гибнет. Еще два танка остановлены огнем трех остальных бойцов.

Теперь на долю трех человек приходилось восемь танков. Но у людей нет уже ни пуль, ни бутылок с горючей смесью, у них остались лишь гранаты.

Но они и не помышляли о том, чтобы отступить или сдаться.

Ничего не говоря своим товарищам, командир группы Фильченко обвязывает себя гранатами и бросается под ближайший танк, который взрывается на глазах у двух оставшихся моряков — Паршина и Одинцова. Они обмениваются взглядом, понимая друг друга без слов, и, следуя примеру своего командира, обвязавшись гранатами, бросаются под танки.

Среди атакующих паника, уцелевшие танки поворачивают назад, обращается в бегство и следующая за танками пехота. Ее уничтожают подоспевшие моряки.

На поле боя лежит, истекая кровью, но все еще живой, пулеметчик Цибулько. Подбежавшим товарищам рассказывает он о том, что произошло, и умирает у них на руках...

Général Petit. Souvenirs sur l'Armée
Rouge. Paris. 1945.

Генерал Петти. Воспоминания
о Красной Армии. Париж. 1945.

ПОСЛАНЦЫ ПАРТИИ

«Без военкома мы не видели бы
Красной Армии».

В. И. Ленин.

Поистине неопределима роль военных комиссаров в закладке фундамента и в строительстве Вооруженных Сил первого в мире государства рабочих и крестьян.

Взращенные большевистской партией, заботами великого Ленина, военкомы являли высокие образцы самоотверженного служения народу. Военного комиссара, посланца партии, воины революции видели всегда на переднем крае, там, где решалась судьба Родины.

Славные традиции политической работы среди защитников нашего Отечества, зачинателями которых явились армейские коммунисты, восходят к незабываемым дням Октябрьского вооруженного восстания и пронизывают всю историю Советской Армии и Флота.

Недавно Пленум Центрального Комитета КПСС подчеркнул особо важное значение партийно-политической работы, «призванной укреплять боевую мощь наших Вооруженных Сил, сплачивать личный состав вокруг Коммунистической партии и Советского Правительства, воспитывать военнослужащих в духе беззаветной преданности Советской Родине, в духе дружбы народов СССР и пролетарского интернационализма».

Советские люди законно гордятся героическим революционным прошлым своей страны. Им дорого и все то, что имеет отношение к первым военным комиссарам. Представление об их деятельности дополняют архивные документы, которые мы печатаем ниже.

Публикация подготовлена А. Кладтом и В. Кондратьевым. Все документы с архивными ссылками публикуются впервые.

1917 год... Партия мобилизует силы для победы социалистической революции. Огромное значение имел переход армии на сторону большевиков. В своих воспоминаниях председатель Военно-революционного комитета Н. И. Подвойский писал:

«Владимир Ильич требовал, чтобы к солдатам были брошены сотни, тысячи самых простых агитаторов, умеющих разяснить только три слова: мир, земля и рабочий контроль над фабриками и заводами... Кого же Владимир Ильич советовал посылать к солдатам в качестве агитаторов? Он говорил, что в Февральской революции одну из самых видных ролей, кроме рабочих, сыграли матросы. Вот их и нужно послать к солдатам! Пусть они идут в казармы и скажут солдатам: «Мы братья. Ты с винтовкой и я с винтовкой, и мы оба делаем одно и то же дело. Вы проливаете кровь и мы проливаем кровь».

Мы тогда решили вызвать из Кронштадта несколько сот матросов».

Для пропагандистской и политической работы в армии партия выделяла своих лучших сынов. Из этих посланцев партии и формировались кадры военных комиссаров, ставших повсюду организующей и руководящей силой в борьбе за установление Советской власти.

Первые комиссары появились еще до Октябрьской революции. В приказе Петроградского военно-революционного комитета от 23 октября 1917 года говорилось:

«В интересах защиты революции и ее завоеваний от покушений со стороны контрреволюции нами назначены комиссары при воинских частях и особо важных пунктах столицы и ее окрестностей. Приказы и распоряжения, распространяющиеся на эти пункты, подлежат исполнению лишь по утверждению их уполномоченными нами комиссарами».

Свергнутые революцией эксплуататорские классы подняли гражданскую войну против власти рабочих и крестьян. Партия призвала на борьбу с внутренней контрреволюцией и иностранной интервенцией. В первую очередь это был призыв к старой партийной гвардии.

«К оружию!

Члены военной организации при ЦК РСДРП (большевик), состоявшие в военной организации с марта 1917 года по март 1918 года.

К оружию!

Вы, которые после низвержения царского режима сумели за три месяца организовать бывшую царскую гвардию, гренадер и весь Петроградский гарнизон — один из лучших гарнизонов и вывести его на демонстрации 20 апреля, 18 июня под нашими коммунистическими знаменами с лозунгами, развевающимися над Преображенским, Литовским, Кексгольмским, Павловским, Финляндским, Егерским, Семеновским, Волынским и Московским гвардейскими полками, гренадерским, 1-м запасным, 80-м запасным, 3-м запасным, 3-м стрелковым полками, гвардейским флотским экипажем, Балтийским экипажем, 1-м и 2-м пулеметными полками.

К оружию!

Вы, которые смогли к первой нашей конференции представителей всех наших военных организаций на фронте и в тылу организовать солдатскую массу в количестве 500 полков.

К оружию!

Вы, которые в славные октябрьские дни брали Зимний дворец, Владимирское военное училище, били и гнали Керенского под Петроградом, разогнали оборонческое — обывательское Учредительное собрание, боролись за установление Советской власти в Москве, Новгороде, Пскове, Твери и других городах.

К оружию!

Вы, которые в боях на Дону, на Урале, на Украине, на западе с 1-м польским корпусом Довбор-Мусницкого и других революционных фронтах, участвовали в боях в качестве бойцов и командиров.

К оружию!

Вы, которых Керенский не мог сломить в июльские дни, хотя и сажал в тюрьмы.

К оружию!

Теперь, когда Советскую республику со всех сторон окружают враги, когда она задыхается в тисках международной буржуазии, но гордо несет свое красное знамя — знамя труда, и стойко борется под ним, ваш долг собраться и сомкнутыми рядами двинуться в бой. Ваш долг еще раз доказать, что члены военной организации — революционеры и как не могли их сломить раньше, так не сломят теперь.

К оружию же, товарищи!..» (ЦГАБЛ СССР, ф. 185, оп. 1, д. 161, л. 224).

И опять мы видим на переднем крае борьбы комиссаров. В их донесениях о проделанной работе читаем:

«Симбирск. Организация Красной Армии идет. Записавшихся добровольцев в Красную Армию имеется 2000 человек. Нужны организаторы, агитаторы и литература...

Галич. Военного отдела нет, а имеется военный комиссар...

Шенкурск. Штаб Красной Армии имеется... Нужны литература, пулемет, деньги и законы Советской власти» (ЦГАБЛ СССР, ф. 2, оп. 1, д. 39, л. 19).

По личному указанию В. И. Ленина на всех фронтах распространялась «Памятка коммунисту, уходящему на фронт». Авторами ее были политработники Южного фронта. Вот выдержки из этой «Памятки».

«Товарищ коммунист, знаешь ли ты, для чего наша Коммунистическая рабочая партия посылает тебя на фронт?

Для того, чтобы обеспечить за нашей армией победу.

Но ты сомневаешься, могут ли сделать армию победоносной те сотни или даже тысячи рабочих-коммунистов, которые вливаются в наши красноармейские полки?

Товарищ, отбрось сомнения. Дело не в сотнях или тысячах винтовок, которые коммунисты принесут с собой на фронт. Коммунисты несут на фронт свое коммунистическое сознание, свою выдержку, дисциплинированность, революционный порыв, железную спайку. А это всего нужнее сейчас нашей Красной Армии.

Не обольщай себя, товарищ, надеждой, что ты приедешь на фронт, произнесешь речь-другую и тем исполнишь свой долг.

Нет, товарищ. Армия оздоравлиется и укрепляется не случайными речами, а упорной, изо дня в день ведущейся работой. Твои речи важны и нужны, красноармеец их выслушает со вниманием и скажет тебе спасибо, но главное не в речах. Привыкай к мысли, что ты, коммунист, едешь на фронт не для прогулки, не на праздник, а для тяжелого, черного труда. С момента прибытия на фронт ты — солдат и, стало быть, должен делить с армией все радости и печали, труды и лишения.

Отгони от себя мысль, что ты едешь на фронт только для ответственной работы (как принято выражаться), только для занятия комиссарских должностей. Для коммуниста всякая работа на фронте должна быть почетной и ответственной, если только она служит на пользу рабочим и крестьянам Российской республики. Не предъявляй требований на такую работу, где ты был бы на видном месте и выделялся бы из красноармейской массы своим положением. Завоюй внимание и уважение к себе не должностью, которую ты занимаешь, а своей работой.

Ты, коммунист, должен быть на фронте примером скромности, и если тебя назначили на революционную работу в армии — немедленно принимайся за дело, не заявляя недовольства...

Товарищ коммунист! Всюду, во всяком ответственном деле, ты должен быть на самом видном месте. Ты должен в бой вступать первым, а выходить из боя последним...» (ЦГАКА СССР, ф. 185, оп. 1, д. 161, лл. 178—179).

Сохранилось немало архивных материалов, описывающих фронтовые подвиги комиссаров, личным примером вдохновлявших красноармейцев.

Приведем слова приказа Реввоенсовета республики № 144 за 1920 год о подвиге военного комиссара Д. Склизкова:

«...Своим мужеством и храбростью комиссар 151 стр. полка Д. М. Склизков приостановил замешательство растерявшихся от ураганного огня красноармейцев и, обратившись к ним, «товарищи, за мной!», — бросился вперед. Красноармейцы, увлеченные примером своего военкома, с криком «ура» последовали за ним и, овладев первой линией неприятельских окопов, укрепились в них.

Невзирая на ураганный огонь противника, тов. Склизков отправился на участок 2-го батальона к дер. Бреги и здесь, воодушевляя красноармейцев, смело двинувшихся в наступление, взял деревню Сошки и хутора...» (ЦГАКА СССР, ф. 4, оп. 3, д. 101, л. 225).

Известно, что в Красной Армии к середине 1920 года насчитывалось до трехсот тысяч коммунистов. Многие из них были военными комиссарами или политработниками.

«Будущий историк с изумлением отметит, что, стараясь предусмотреть шансы победы, ответственные лица иной раз считали более тщательно количество имеющихся налицо коммунистов, чем количество пушек и пулеметов» (ЦГАКА СССР, ф. 9, оп. 2, д. 1, л. 34).

Эти слова, взятые из отчета Политического управления Реввоенсовета за 1920 год, очень метко и точно характеризуют действия членов большевистской партии на фронтах гражданской войны.

Центральный Комитет партии, В. И. Ленин теснейшим образом были связаны с Красной Армией. Связь эта осуществлялась прежде всего через военных комиссаров. Владимир Ильич вел обширную переписку с комиссарами, которые обстоятельно информировали его о положении на фронтах и в тылу.

В числе первых комиссаров, посланных Лениным из центра для установления Советской власти на местах и оказания военной и продовольственной помощи пролетариату Петрограда и Москвы, был Г. К. Орджоникидзе.

«Товарищ Сергей Орджоникидзе назначается временным Чрезвычайным комиссаром района Украины для объединения действий функционирующих там советских организаций во всех отраслях их работы (военной, продовольственной, банковской и пр.).

Утверждено.

Ленин.

19 декабря 1917 (1 января 1918)».

(«Ленинский сборник». XXXV, стр. 11).

На Украине Орджоникидзе развил кипучую деятельность.

Уже 10 января 1918 года он сообщал из Харькова:

«Передайте, пожалуйста, в Смольный Ленину: только что получил из Екатеринослава телеграмму, что начался усиленный подвоз хлеба.

Херсонская продовольственная губернская управа имеет в своем распоряжении три с половиною миллиона пудов хлеба и за последний месяц никуда не посылала.

Туда мною послан комиссар и немедленно двинем полтора миллиона пудов в Петроград и Москву, на Северный фронт и другие голодающие губернии. Вообще надеюсь, что с хлебом дело пойдет. Владимир Ильич, сделайте распоряжение по прямому проводу на имя Антонова и комиссара Кронштадтского сводного отряда Калиса, чтобы он немедленно свой отряд предоставил в мое распоряжение...» (ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, д. 711, л. 3).

21 января 1918 года Г. К. Орджоникидзе телеграфировал в Совнарком (Петроград):

«Киевская буржуазная рада пала. Советская власть с восставшими солдатами и рабочими являются хозяевами города. Отныне Советская власть на Украине становится непоколебимой. Украинские рабочие, солдаты и крестьяне вместе со своими братьями Севера поднимают знамя социализма. Да здравствует Советская власть всей России. Серго» (Архив ИМЛ, ф. 85, оп. 6, д. 16, л. 2).

В. И. Ленин очень считался с мнением военных комиссаров, требовал от них принципиальности.

В августе 1918 года он писал политическому комиссару Пензенской дивизии, сражавшейся на Восточном фронте:

«...Товарищ Бош рассказала мне про Ваше свидание на фронте, про положение дел на фронте и про Ваши сомнения. Вы-де уверены были, что можно и должно взять Сызрань, но не хотели писать сюда.

Если это так, то Вы не правы. Комиссар на то и поставлен, чтобы жаловаться. Непременно пишите (и телеграфируйте) мне обо всем и чаще.

Вы ни разу ни строчки.

Не хорошо. Не партийно и неисполнение государственного Вашего долга! Ей-ей не хорошо. Привет! Ваш Ленин» («Ленинский сборник». XXXIV, стр. 40—41).

Придавая особо важное значение Восточному фронту, Ленин распорядился направить туда наиболее сильных политработников. Их проникновенное слово поднимало боевой дух воинов молодой Красной Армии.

Листовка «Грозный час», изданная Политотделом Южной группы Восточного фронта весной 1919 года, не имеет подписи автора, но анализ особенностей стиля, совпадение дат и т. д. дают основание утверждать, что она принадлежит перу политического комиссара В. В. Куйбышева. Приводим ее текст (с сокращениями):

«Товарищи красноармейцы — оплот и защита Советской России!

Товарищи рабочие — строители Советской власти!

Товарищи крестьяне — фундамент Советского строя!

Но советским полям, городам несется боевой клич, как весной прошлого года:

— Нашей власти грозит с Востока монархический генерал-проходимец Колчак с золотопогонниками-офицерами.

— Нашу крестьянскую землю, наш хлеб хотят отнять помещики, идущие с Колчаком.

— К нашим богатствам, к нашим фабрикам и заводам протягивают хищные лапы фабриканты и заводчики...

Товарищи рабочие!

Вы сильнее всех на своих спинах испытали гнет царизма.

И теперь сильнее всего ляжет на вас ярмо помещицко-кулацкой монархии в случае победы Колчака. Вспомните хоть на миг времена Николая Кровавого.

Гнет Колчака Первого будет во много раз сильнее...

Товарищи крестьяне, бедняки и середняки!

В этот грозный час вам особенно нужно призадуматься и решительно, раз навсегда, всем встать против монархии Колчака. Вы неповинны в своей темноте. Но своей темнотой и доверчивостью разным проходимцам вы можете погубить наше общее Советское трудовое дело.

Будьте осторожны! Не слушайте провокаторов, не верьте предателям — они хотят погубить вас и снова надеть на вас царский хомут...
Товарищи красноармейцы!

Вы плоть от плоти, кровь от крови рабочих и крестьян!

Вы опора Советской власти — защита ваших отцов, жен и детей.

Своими штыками вы добываете новую светлую жизнь трудящимся, угнетенным и голодным.

В этот грозный час — твердо, непоколебимо стойте на часах вашего великого светлого дела.

И п я д и н а з а д...

Вперед, товарищи!

На Урал! На Сибирь! На монархию! Выше голову! Тверже поступь!

Крепче винтовку — в мозолистых трудовых руках. Настал последний решительный бой.

Мы хотим победить!

Мы должны победить!

Мы победим!» (ЦГАКА СССР, ф. 9, оп. 8, д. 161, л. 179).

В победе над врагом видную роль сыграла политическая контрпропаганда.

Вот текст одного из обращений к солдатам и казакам, находившимся в стане белых:

«Обманом и насилем вас — членов одной семьи трудящихся всего мира — помещики и капиталисты России, Франции и Англии заставили взять оружие против своих братьев — рабочих и крестьян.

Как послушные рабы, вы наносили Советской Республике рану за раной, двигаясь к сердцу революции — Москве. Эти раны социалистической России — ваши раны; кровь этих ран — ваша кровь.

И только после того, как вы на своей спине почувствовали всю сладость генеральской нагайки... только после того, как победоносная Красная Армия подошла вплотную к Самаре, вы начинаете понимать, что с Учредилкой вам не по дороге, что ваш удел — это удел остальных рабочих и крестьян России — не против Советской власти, а с нею и до последней капли крови.

Хоть поздно вы понимать начинаете, но лучше поздно, чем никогда.

И если вы поняли, то возвращайтесь в свою семью.

Сдавайтесь в плен с оружием и становитесь в ряды Красной Армии» (ЦГАКА СССР, ф. 184, оп. 1, д. 3, л. 91).

В тысячах экземпляров армейские политработники распространяли листовки: «Что такое Советская власть», «Не трать, Петлюра, силы, спускайся на дно», «Читайте, товарищи селяне!» и множество других.

Разнообразной была и форма пропаганды. Так, например, на Южном фронте в разгар наступления белогвардейцев материалом для листовки послужило стихотворение Демьяна Бедного «Деникинским добровольцам» (оно не вошло в собрание сочинений поэта). В нем говорилось:

Эй, добровольные холопы,
Коней господских конюха!
Вы русские? Аль эфиопы?
Чай, не понять вам, остолопы,
Красноармейского стиха.
Те песни, что над вами пели,
Устав от тяжкого труда,
Родные матери, когда
Еще вы были в колыбели,
Забыли вы. Язык иной —
Теперь язык для вас родной.
Те песни, полные печали,
Порой похожие на вой,
Что на Руси родной звучали,
Над Волгой, Доном, над Невой,
Те песни — плач голодной голи,

И стон, и вопль, народной боли,
 Забыли вы. Язык иной —
 Теперь язык для вас родной.
 Подсумки, сумки, ружья, ранцы
 На вас надели иностранцы
 И повели на нас войной.
 Вы — бедняки. А мы-то кто же?
 Ужели баре вам дороже?
 Ведь ваши баре — торгашки;
 Они, утратив барыши
 И задолжавши англичанке,
 Но силясь как-нибудь ожить,
 Вас ухитрились заложить
 В английском и французском банке.
 Вы — меновой теперь товар.
 Долгов помещичьих ошлата.
 Уж не впервой для наших бар
 Менять на деньги кровь солдата.
 И потому-то так важна
 Была им царская война.

. . . . .
 На кой вам леший шарлатаны,
 Все эти графы, и князья,
 И генералы-атаманы?
 За их вы бьетесь карманы.
 Сдавайте ж нам офицерию,
 Что вас, как рошу на корню,
 Английским продала банкирам,
 Чтоб шик вернуть своим мундирам.
 Расправьтесь с черным вороньем,
 Не верьте вашим командирам,
 Всем гадам, что, своим враньем
 Вас обморочивши умело,
 Ведут на Каиново дело,
 На бедняков, таких, как вы!

Мы — черносошные крестьяне,
 Рязанцы, пензенцы, курыне,
 Мы — пролетарии Москвы,
 Мы — боевые петроградцы,
 Народ простой, мастеровой,
 Мы вас зовем: «Очнитесь, братцы,
 Кончайте дело мировой!
 Чтоб столкнуться полюбовно.
 Переходите к нам, пока
 Вас пролетарская рука
 Не истребила поголовно...»

(ЦГАКА СССР, ф. 9, оп. 8, л. 161, лл. 19—20).

Своими боевыми успехами вонны Красной Армии спешили порадовать Владимира Ильича.

29 мая 1919 года Ленин писал Реввоенсовету Восточного фронта: «Если мы до зимы не завоюем Урала, то я считаю гибель революции неизбежной. Напрягите все силы...»

Эти слова Ленина были доведены комиссарами до каждого бойца. В ожесточенных боях летом 1919 года основные силы Колчака были разбиты. В июле красноармейцы Южной группы войск Восточного фронта направили через Политотдел «Письмо товарищу Ленину» (это письмо потом было распространено в виде листовки):

«Дорогой товарищ и испытанный верный наш вождь!

Ты приказал взять Урал к зиме — мы исполнили твой боевой приказ. Урал наш. Мы идем теперь в Сибирь.

Не первый раз нам приходится по твоей команде вступать в бой с неравным врагом, и всегда мы побеждали, сильные верой в правоту нашей борьбы, в торжество революции. Раздался твой мощный голос остановить зарвавшегося врага, не отдавать ему главного нерва Советского Российского организма — Волгу, мы дали отпор, и о наше сопротивление разбились полчища Сибирской контрреволюции. Мы перешли потом в наступление и прогнали врага от Поволжья. Теперь мы гоним его в Сибири за Уралом.

Товарищ Ленин, ты сказал, что Урал нужен нам к зиме. — мы это хорошо понимаем. Ибо кого ближе касается голодовка семей наших братьев в Центральной России — как не нас? Кому дороже целостность хозяйственной жизни Республики — как не нам? Мы знаем, что Россия переживает продовольственный голод, топливный голод, что ей грозит экономический кризис из-за отсутствия материалов, которых много на Урале и в Сибири, за Уралом...

Больше Урал не перейдет в руки врагов Советской Российской республики. Мы заявляем это во всеулышание всему миру. Урал с крестьянскими хлебобродными местами и с заводами, на которых работают рабочие, должен быть рабоче-крестьянским Уралом, теперь он стал таковым и навсегда останется им...

Остаемся на боевых постах с коммунистическим приветом к тебе красноармейцы Южной группы Восточного фронта» (ЦГАКА СССР, ф. 9, оп. 8, л. 161, л. 183).

Несмотря на очень сложную обстановку, в разгар гражданской войны партия уделяла большое внимание воспитанию и повышению культурного уровня красноармейцев.

Об этом свидетельствуют хотя бы следующие доклады и донесения военных комиссаров, относящиеся к 1918—1919 годам.

Западный фронт:

«Работа продвигается быстрым темпом. Все идет организованным образом. Клубы открываются везде. Библиотеке мешает работать постоянное передвижение войск. Нельзя открыть школ грамотности, нет учебников. Содействуйте достать их. Вышлите первую и вторую части арифметики, географию в большом количестве немедленно.

Работаем энергично целыми днями... Заботьтесь насчет передвижных кинематографических аппаратов. Группы [театральные] организованы. Первая группа... выезжает завтра на фронт Вилейка—Молодечно и далее. Другая — на днях выезжает. Сегодня и еще два дня идут здесь спектакли для местных красноармейцев...» (ЦГАКА СССР, ф. 9, оп. 11, д. 2, л. 19).

Восточный фронт:

В протоколе заседания Реввоенсовета фронта по докладу В. В. Куйбышева о состоянии политической работы в 1-й армии и в прифронтовой полосе записано:

«По докладу положение обрисовывается в очень благоприятном свете; в особенности хорошее впечатление остается от работы среди крестьян.

Устная и письменная агитация достигает благоприятных результатов, организуются комитеты бедноты, укрепляются местные советы, ведется культурно-просветительная работа. По деревням организовано около 200 библиотек. Издается фронтовая газета, тираж 10 000. Обслуживается газета местными силами...» (ЦГАКА СССР, ф. 157, оп. 2, л. 159, л. 195).

Южный фронт:

«Для ведения агитации среди разных национальностей агитационно-организационный подотдел Политотдела Астраханского района созвал совещание из представителей киргизов, калмыков, армян, мусульман Закавказья и других национальных групп. Избрана комиссия для подробной разработки плана работ» (ЦГАКА СССР, ф. 100, оп. 2, л. 174, л. 139 об.).

«Настроение наших войск бодрое. Все наши политкомы идут в передовых цепях...

Имеется школа грамотности, библиотеки. Получаются газеты, устраиваются собрания, лекции... Состоялось два совещания с участием политкомов. Поставлено пять концертов-митингов. Ведутся ежедневно лекции. Послано в уезды двенадцать агитаторов...» (Там же, лл. 233—235).

А вот что говорилось в приказе № 10 по войскам XI армии, подписанном С. М. Кировым 5 января 1920 года:

«В стране, где народ сам управляет государством, не должно и не может быть ни одного неграмотного рабочего, ни одного неграмотного крестьянина».

В интересах скорейшего освобождения трудящихся от духовного рабства необходимо папирать все усилия на борьбу с неграмотностью...

Для ликвидации неграмотности в войсках XI армии приказываю всем командирам, начальникам и военкомам полков, батарей, команд, отдельных частей и управлений ввести обязательное обучение грамоте...

Весь младший командный и комиссарский состав (не выше батальонного), начальники и военкомы управлений, все работники по письменной части должны быть использованы без ущерба для работы в качестве учителей.

Занятия по обучению грамоте производить пять раз в неделю, по 2 часа в день. Приказ входит в силу по телеграфу» (ЦГАКА СССР, ф. 195, оп. 3, д. 61, лл. 57—58).

История гражданской войны знает много примеров того, как комиссары воспитывали не только красноармейцев, но и командиров. Под влиянием политической работы многие честные офицеры царской армии переходили на сторону Советской власти, отдавая свои знания и опыт строительству наших Вооруженных Сил.

Немало способствовали комиссары становлению таких замечательных командиров Красной Армии, как В. И. Чапаев, Г. И. Котовский, Н. А. Щорс, Ф. Морозов, А. Я. Пархоменко. В памяти нашего народа всегда сохраняются имена военных комиссаров Дмитрия Фурманова, Павла Бахтурова, Николая Маркина и многих других, сыгравших славную роль в годы гражданской войны.

В дивизии Щорса комиссаром был Исакович. В своих воспоминаниях Е. А. Щаденко рассказывает:

«Я редко встречал командиров и комиссаров дивизий, чтобы так дружно, так близко, по-товарищески, по-братски жили в те времена, как жили Щорс с Исаковичем» (ЦГАКА СССР, личный фонд Щаденко).

Конечно, взаимоотношения между командирами и комиссарами далеко не всегда складывались сразу же нормально. В архиве сохранились документы В. И. Чапаева и Д. А. Фурманова, в которых раскрывается любопытный эпизод из жизни 25-й стрелковой дивизии. Это было в июле 1919 года, когда чапаевцы, преследуя отступавших белых, срочно подтягивали свои тыловые резервы к передовым позициям. Чапаев приказал грузить на обозы самое необходимое, а весь «хлам и ненужные вещи, возимые для личных интересов и удовольствия», выбросить. В проекте его приказа говорилось:

«...Культпросвету предлагаю в дальнейшей декорации с собой не брать, все равно ставить спектакли не придется...»

Начдив 25 стрелковой — Чапаев.

Военком от подписи отказался» (ЦГАКА СССР, ф. 184, оп. 2, д. 60, л. 40).

Комиссар дивизии Фурманов свой отказ подписать приказ объяснил командованию так:

«Все-таки я не могу согласиться с Чапаевым, что политотдел, а именно его культурно-просветительный отдел, следует оставить здесь, в Уральске. Когда дивизия идет вперед, все части политотдела должны ехать вместе, тем более, что культпросветотдел только что приспособился к работе непосредственно при полках».

Для Чапаева — это какие-то «доски и ненужные забавы», а я придаю культпросвету большое значение и не смотрю на это, как только на забаву. Он грозит оставить культпросветотдел силой и отнять лошадей, а я предлагаю вовремя его одернуть...» (Там же, л. 41).

Но когда Фурманов был срочно переброшен на другой участок фронта, Чапаев телеграфировал Фрунзе:

«Ходатайствую перед Реввоенсоветом об оставлении Фурманова в 25-й дивизии» (ЦГАКА СССР, ф. 254, оп. 1, д. 2, л. 78).

Интернационален был состав Красной Армии, интернациональным был и состав комиссаров. Мы встречаем среди них Бела Куна, Ярослава Гашека и других представителей народов зарубежных стран.

Большой интерес представляет доклад заведующего иностранной секцией Политотдела V армии Ярослава Гашека, сделанный им в декабре 1919 года. В этом докладе указывается:

«Детали работы среди иностранных групп (за август—ноябрь 1919 г.)

Популяризация авторитета рабоче-крестьянской Советской власти.

Объяснения программы коммунистической партии.

Широкая пропаганда идей всемирной пролетарской революции и диктатуры пролетариата.

Подготовка иностранцев к вступлению в ряды Красной Армии.

Формирование (по возможности) интернациональных частей, отрядов и т. д.

Организация коммунистических ячеек в интернациональных частях армии.

Издание листовок, воззваний и газеты «Известия иностранной секции Политотдела V армии» на иностранных языках.

Распространение партийной литературы на иностранных языках...

Роздано литературы на разных языках: немецком, польском, мадьярском, румынском, сербском — 2 860 экземпляров...

Роздано разных воззваний на иностранных языках 14 500 экземпляров...» (ЦГАБ А СССР, ф. 185, оп. 2, д. 592, лл. 85—86).

Подводя первые итоги деятельности военных комиссаров, VIII съезд Коммунистической партии записал в своей резолюции:

«Комиссары в армии являются не только прямыми и непосредственными представителями Советской власти, но и прежде всего носителями духа нашей партии, ее дисциплины, ее твердости и мужества в борьбе за осуществление поставленной цели. Партия может с полным удовлетворением оглянуться на героическую работу своих комиссаров, которые, рука об руку с лучшими элементами командного состава, в короткий срок создали боеспособную армию».

ВСЕВОЛОД ВИШНЕВСКИЙ

★

СЛОВО ПИСАТЕЛЯ — В БОЕВОМ АРСЕНАЛЕ НАРОДА

Писатель-боец — так всегда называют Всеволода Вишневого. Солдат революции, с гордостью до конца своей жизни носивший военно-морскую форму, он писал об армии, жил с армией и призывал к тому же своих товарищей по перу.

Слово писателя всегда было для Вишневого действенным оружием в арсенале народа, который впервые в истории всю свою воинскую мощь подчинил благородному делу защиты мира во всем мире. Разоблачать происки врагов мира, когда пушки молчат, быть с армией, когда она совершает свои подвиги, нанося сокрушительный удар зарвавшемуся агрессору, — в этом видел Вишневецкий естественный гражданский долг литератора. Об этом вновь напоминают печатающиеся ниже неопубликованные документы из архива писателя.

I

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИИ

(Речь на встрече с демобилизованными писателями 25 мая 1946 года)

В

важаемые товарищи!

...* Здесь, в этом зале ССП, на митинге днем 22 июня 1941 года, актив московских писателей поднял свой голос против фашистской Германии, в защиту нашей Родины...

Слово, которое дали писатели России, писатели Москвы, было свято и твердо, по-большевистски сдержанно.

Сейчас, спустя пять лет, мы собрались здесь вновь. Товарищи возвращаются с фронтов, мы вновь собираемся в единую писательскую семью.

Каков же наш отчет народу? Что мы можем сказать народу?

Мы можем сказать, что по первому зову партии и правительства в ряды действующей армии и действующего флота Союз советских писателей дал девятьсот сорок три человека. Из них убито и погибло на фронтах двести сорок два. Мы должны сделать альманахи их памяти, мы должны золотом по мрамору выбить их имена, чтобы в нашей памяти эти имена остались навечно.

Товарищи, прошу почтить память погибших в боях писателей вставанием.

...В сентябре 1939 года десятки наших писателей работали в Красной Армии, когда она освобождала районы Западной Белоруссии и Западной Украины.

Я никогда не забуду совещаний с писателями, которые происходили в ПУРе у Л. З. Мехлиса. Как много живых наблюдений, ценных и больших, приносили писатели, рассказывая политическому руководству армии о том, что они видели во время освобождения Западной Украины и Западной Белоруссии. Многие советы и предложения были очень здравыми и дальновидными, и приятно знать, что писатели в общее дело улучшения и организации армии внесли и свою долю. Писатели только начали накапливать материал, но то, что было сделано (...), то, безусловно, было нужным, полезным.

Не успели отгреметь эти события, как начинается новый вал дальневосточных событий. Там работают писатели, которые все испытания выдержали с честью.

---

* Многоточия в начале абзацев обозначают редакционные сокращения, произведенные перед началом абзаца. Сокращения внутри абзацев отмечены многоточием, взятым в скобки.

Затем война с Финляндией 1939—1940 годов. На эту войну пошло довольно много писателей — и в армейские группы и в группы Балтийского флота. И те задачи, которые были поставлены политическим руководством армии и флота, были нами выполнены.

Первые жертвы были именно там. Там мы потеряли Диковского, Чумандрина, потеряли Левина.

Мы старались изучать все, что можно было наблюдать на месте, беседовать с бойцами, записывать, фиксировать.

...Как только грянули события 22 июня 1941 года, писательская масса поднялась.

Не буду здесь рассказывать военные эпизоды, потому что вы сами их участники, сами участники грозных битв от самых северных до самых южных флангов нашего великого фронта и сами можете о них великолепно рассказать.

Но о роли военной комиссии Союза советских писателей во время Отечественной войны я хочу вам сегодня напомнить.

...Здесь происходили основные дискуссии, которые помогали нам всем находить верные пути. Здесь обсуждали образ советского офицера в литературе, здесь рассказывали о темах, которые так или иначе интересовали литературную общественность. Здесь время от времени происходили встречи с товарищами с фронтов. Отсюда посылались посылки и письма на фронты. Я получил одно такое письмо, будучи в блокаде в Ленинграде, письмо очень хорошее, теплое, которое мне показало, что наши товарищи думают, помнят о нас, и это радовало. Когда совершенно обрывалась связь с Союзом писателей, бывало тоскливо и больно. Первыми помогли наладить эту связь наши товарищи из военной комиссии.

...Несколько слов о нас, фронтовых писателях. В Ленинграде мы нашли свое место. Когда в городе прервали работу типографии — не было наборщиков, метранпажей и т. д., — писатели пришли на радио, работали там, работали на всех участках Ленинградского фронта.

...Не могу не вспомнить сегодня о том, как все мы, совершенно распаленные радостью победы, собрались у рейхстага. Я не забуду, как офицеры и солдаты спрашивали: «Что это еще за батальон идет?» — и из рядов нашего «батальона» весело отвечали: «Батальон писателей», «Батальон журналистов» и т. д. И тогда к этому «батальону» отнеслись с большим вниманием и любовью, потому что писатели сумели работать, сумели брать материал везде, где его только можно было брать, — в статьях военных журналистов были и слезы, и гнев, и радость, и правда.

Военная журналистика эпохи нашей Отечественной войны должна быть глубоко изучена (...). Пусть возьмутся люди — литературоведы и критики за изучение этого большого дела...

Пусть посмотрят, как создавалась эта журналистика, что в ней особенно хорошего, интересного, нужного, полезного. Ибо весь этот опыт ценен, он еще может нам пригодиться. Кроме того, с точки зрения исторической, литературной, нужно воздать должное тем, кто творил эту армейскую и флотскую прессу, которая под руководством и в сочетании с общей гигантской работой партии сумела поднять народ на выполнение больших и святых задач, которые стояли перед нами в этой войне.

Война закончилась. Мы уже возвратились с фронтов, с флотов. Другие товарищи еще возвращаются. И мы сейчас занимаемся учетом сил, рассказами о своем опыте — опыте личном и коллективном, собираем этот материал и намечаем планы и задачи на ближайшее время. Мы собираемся отнюдь не в обстановке, когда можно успокоиться и отдохнуть. Нет! Мы чувствуем напряженность международной ситуации.

...Весь опыт войны, которым владеет каждый из нас, индивидуально и коллективно, мы обязаны отдать народу в своих произведениях.

...Война выявила ряд новых писательских имен. На днях я познакомился с командиром батальона из Сталинграда. Киевлянин, в прошлом архитектор. Он принес рукопись... Я читал ее сутки подряд. Это была радость. Нельзя оторваться. Этот молодой офицер пишет такую правду о войне! Он пишет о том, как пришел в Сталинград, описывает город, еще не знавший, что ему предстоит. Он пишет так, как может это сделать военный образованный человек... Он описывает оборону Сталинграда безукоризненно точно... И когда читаешь эту книжку, хочется ему пожать руку. Мы печатаем

его в «Знамени», в номере девятом. Этот правдивый документ, вероятно, и будет одной из самых сильных книжек о наших людях, о солдатах, офицерах и генералах... Этот новый писатель — Некрасов.

Это не единичное явление. Вот Вершигора, который был режиссером, командиром запаса и за четыре года войны стал партизаном, крупным оперативным работником, Героем Советского Союза. Когда не было Второго фронта, ему шутя говорили: «Вы будете Вторым фронтом», и он выполнял любые задачи, доходя до глубины Польши. Вершигора рассказал нам об этом с большой силой и правдой в своем романе «Люди с чистой совестью».

Будем же сочетать старые литературные кадры с новыми, которым мы должны обеспечить внимание и заботу...

Вера Инбер в самый опасный момент, в момент, когда кольцо вокруг Ленинграда смыкалось, приехала в Ленинград. Никто не обязывал к этому женщину с таким большим литературным стажем и в таком возрасте. Но она приехала. Она в своем дневнике рассказала о том, что она действительно видела, и рассказала просто и хорошо... Надо говорить по поводу тех или иных литературных событий полным голосом, и не только говорить для стенограммы, но и выступать в прессе, в «Правде», в «Известиях». Президиум Союза писателей должен быть большой литературно-политической школой. Поменьше нам надо заниматься организационными делами.

...Мы мало говорим о нашей профессии, недостаточно говорим о том, что происходит сейчас в литературе. А нужно говорить. Нужно поговорить и о судьбах драматургии. Нельзя терпеть, чтобы так высок был процент иностранных пьес на наших сценах. А где же советские авторы? Нужно поговорить и о судьбе поэзии. У нас многие клянутся поэзией Маяковского. Но разве мы не видим, что есть поэты, которые пошли по другому пути. Нужно поговорить и о том, что произошло в поэзии за последние годы, какие тенденции и влияния в ней преобладают.

...В самые ответственные, трудные моменты нашей жизни народ наш находил в себе огромные силы и с энтузиазмом двигался вперед, сметая на своем пути все препятствия. Так мы делали в Октябре, в гражданскую войну, в период восстановления, в период пятилеток, в период Великой Отечественной войны. Сейчас весь боевой дух народа должен быть мобилизован на новые пятилетки. Одно из первых мест по мобилизации этих сил должны занять писатели на всех участках: в литературе, театре, кино, на радио, где угодно. Весь наш военный опыт четкой, мобилизационной, оперативной работы должен быть поставлен на службу новым задачам.

Писатели, которые отдали свой труд военной теме, писатели, которые работают над ней шестнадцать лет, в целом кое-что сделали. Но гордиться сделанным не приходится. Задачи, которые стоят перед нами, становятся все более и более крупными, все более ответственными. Необходимо наиболее полно, наиболее правдиво отобразить войну, которую мы пережили.

И за всем этим не будем забывать уже намечающихся вероятных противников, которых мы не имеем права выпускать из поля зрения. Поэтому работайте с такой же энергией, с какой вы работали в последние годы, в годы Отечественной войны.

II

ИЗ ПИСЕМ

1

...Я ломал голову над концом «Последнего решительного». Сейчас нашел. Логич[еская] цепь: мы ломаем каноны, бросаем эти «хэппиэнды» сюжетного порядка.

Наша цель: высокая художественная агитация.

Конец пьесы, следовательно,— включить зал в военно-политический и эмоциональный порыв по общей теме: оборона!

Поэтому я разбиваю пьесу в конце о п я т ь. Я даю опять баритонально-высокомерный вопрос: «И это вся ваша пьеса?» ...И отвечаю, яростно переводя пьесу почти прямо в сегодняшний день.

Из текста (проверенного читкой на «ура») можно сделать буйный острый митинг — слив и зал, и труппу, втянув зал в пьесу.

Что и требовалось.

Уверен, что митинг всего зала можно сделать горячо, увлекательно и органически жизненно.

...Именно сейчас, когда острота отношений с Западом дошла до крайнего предела, горячая вещь в самом смелом театре мира может сделать много.

...Я думаю над тем, чтобы придать пьесе больше монументальности. Может быть, у меня заметна «военная» увлеченность: только флот, только застава. Поэтому надо дать «поднимающийся СССР» — массивом, глыбой, органически связав «заставу» со страной.

На заставе: при угасании чекист (или краснофлотец) ползет. Куском мела на стене выводит:

150.000.000 чел. — СССР
8 чел.—застава № 6

149.999.992 чел.!

(1930 г. Режиссеру В. Мейерхольду. Фонд ЦГАЛИ).

2

...Хотел как-то больше написать Вам, обстоятельнее, но мысли разбегаются, усталость... Вернее — огромные раздумья и над нашими судьбами, искусством, и над каждым из нас в частности... И опять вопросы самые трепещущие, самые «со дна души». Тут и железная логика, и дисциплина, тут и соблазны образотворчества, видения, воспоминания, тут и ГУК² с наползающей кареткой «Ундервуда».

Но и упорство, дьявольский напор, внедрение в эпоху, бои с фашизмом!

Мы сделаем еще мировые вещи!

(19 июня 1937 г. Кинорежиссеру С. Эйзенштейну. Фонд ЦГАЛИ).

3

...Если Вы ясно понимаете и ощущаете невероятную напряженность обстановки, масштабы близкой войны, то Вы поймете, что публицистика сегодняшнего дня должна быть невероятно ударной и заостренной. Все дело в том, что Вы сейчас пишете как-то ретроспективно, рассматривая пройденный путь. А Вам надо писать с прямым адресом. Надо писать против имяреков, которые где-то сидят в Берлине, а иногда в Париже. Вы понимаете, что я хочу сказать. В Вашей статье больше размышлений по поводу войны, чем самой борьбы. У Вас очень сильна старая литературная традиция. Вы не решаетесь сломать и выкинуть ряд вещей. История многовековых отношений наших с немцами еще никем не написана. Множество архивов никем не изучено и не исследовано. А надо идти именно туда, швыряя противнику прямо в лицо подлинные документы, обвинения, которые могли бы эвчать на весь мир. Если писатели готовят сейчас книги, пьесы и фильмы именно такого действия, то Вы о б я з а н ы от обзоров и размышлений переходить к таким же историко-публицистическим актам. Надо бить конкретных фашистских публицистов и историков. Надо давать материалы взрывчатого свойства...

(1938 г. Критику К. Зелинскому. Фонд ЦГАЛИ).

¹ Документы, под которыми место хранения не указано, находятся в личном архиве писателя.

² Главное управление кинематографии.

4

Присылай, Сашко, текст «Щорса»... Время печатать... не затягивай... Сам видишь, какие дела в Европе...

...Пойди почитай «Щорса» бойцам, арсенальцам... Пойди к людям, покажи им свое сердце, работу, и не станешь ты одинок.

Я не был одинок... А в Испании по гроб жизни увидел невыразимую силу людской дружбы, солидарности. Там наши матери, сестры и жены, там братья, сыновья и отцы. А в неведомом Китае, где все еще проще, еще глубже, еще первобытнее!

...Когда я думаю, что мои работы дали что-то миллионам людей в СССР, Европе, Азии и Америке,—я знаю, что я делаю нужное дело и я не одинок. Я всегда пересиливаю зимнюю, дождливую тоску философских раздумий, наплывов горечи (стареешь, брат, Всеволод...), смутных воспоминаний... Это старый мир скребется у порога души. К чертям его!

(17 марта 1938 г. Кинорежиссеру А. П. Довженко).

5

...Несомненно читатели, в особенности массовый читатель армии и флота, хотя и знают все, связанное с биографией Маяковского и тремя войнами, свидетелем которых он был. Тщательный исследователь поискал бы и фактов, связанных с предвоенным циклом (триполитанские, балканские события). Все это, я думаю, легло по-разному в фундамент творчества Маяковского.

Лично я, например, как читатель и как писатель, хотел бы знать отношение Маяковского к ряду крупных военных событий мировой и гражданской войн. Как относился Маяковский к поражениям нашей армии, как читал газеты, какие? Чем из военной литературы интересовался? С кем из военных и когда встречался? Откуда черпал знание войны?

Подробнее всего хотелось бы знать о жизни Маяковского в период гражданской войны. Тут надо развернуть все черты жизни и труда поэта... Встречи с бойцами, отношение к острейшим событиям (сколько было в 1918 году острых дел в самой Москве!), к людям, слухам...

Как была бы интересна такая работа! А то читаешь сейчас десятки рукописей, «биографических исследований» — и все это где-то вне кровавой, стремительной и именно военной нашей эпохи.

(11 апреля 1940 г. Литературоведу О. Брику, Фонд ЦГАЛИ).

6

О пьесе Ржешевского. — Она принадлежит к разряду 22 пьес, в которых трактуется, так или иначе, распад советской семьи. Против потока таких пьес я резко возражал на совещании в ЦК. Авторы подобных пьес из всей великой проблематики военного времени «выловили» лишь тему семейную, любовную, тему разводов, размолвок и пр. Многие благоразумные сочетали ее с темой примирений, возвращений и пр.

...В данную пору не смех над темами семьи, не смех над неудачными мужьями или женами нужны нам в театрах, а боевые, духовно ободряющие, правдивые пьесы.

(18 августа 1946 г. Режиссеру А. Богатыреву).

7

Почему так непримирима борьба с декадентами, аполитизмом и пр. в нашей литературе? — Потому что в эти щели вползает враждебный капиталистический мир, его агентура.

(3--4 сентября 1948 г. Поэту Вс. Азарову).

8

Наш театр не театр, а колоссальная художественно-политическая трибуна. Театр СССР занимает такое место, что голос его слушают очень внимательно и за рубежом.

(Без даты. Режиссеру В. Петрову).

9

...Современная обстановка заставляет вновь и вновь продумать вопрос об оборонной работе ССП. На наших глазах идет глубочайшая перестройка нашего государственного организма — во имя обороны.

«Знамя» делает — как головной оборонный отряд в ССП — многое. Ну, а весь ССП, ну, а прочие журналы?.. О войне, обороне, о будущей борьбе — ни слова. Живут люди вне обстановки. Оборона — это, видимо, «оборонная комиссия ССП», так, что ли?

...Горький после съезда замечательно говорил именно о работе оборонной комиссии в ССП... А дальше?

Вижу я, у многих журналов, писателей равнодушие, спячка, молчание становятся политическим бездействием. Куда их это ведет — ясно...

Я не боюсь своего упорства и многолетней настойчивости. Давайте от бытовых дрызг — ближе к мобилизационной работе.

(Москва, 28 ноября 1936 г. Писателю В. Ставскому).

...Над павшими не плачем (хотя больно мучительно: одни писатели и журналисты в Балтийском флоте потеряли уже 16 человек... Шли в море; шли в уличные бои; не говоря уже про быт под постоянными артобстрелами, вплоть до огня 252-мм железно-дорожной батареи, привезенной из Франции...)

Руководжу оперативной группой писателей. Лозунг: писать о войне, о флоте, о городе Ленина. Дали за три с половиной месяца 40 названий (брошюр, изданий); сотни статей, обзоров и пр.; подготовили четыре книги (морская авиация; подводное плавание; эскадра и др.); много работаем для радио, которое в наших условиях — главное средство информации... Все время в частях, на кораблях, на аэродромах.

...Действуем — и никакой дьявол нас не согнет... Россия только развертывается, — раззудись плечо, размахнись рука!..

Я выправился (1 декабря свалился было, но хотел быть в строю, выцарапывался всеми силами и выцарапался; писал, работал и на госпитальной койке)¹.

...Будешь на президиуме — ставь вопросы о долге советского писателя со всей силой, большевистской прямой. Где 3000 «инженеров душ»? Где голос организации?

Тысячи бойцов спрашивают: «Где писатели, где этот, тот, почему не слышно?» Пусть отвечают и лауреаты и нелауреаты... Простая русская советская совесть должна быть у людей...

(Ленинград, 19 января 1942 г. В. Ставскому).

...Сутки за сутками идет борьба — лютая. Сейчас 30° мороза, сегодня метель... Делаем, что нужно, и вручную... Недавно обморозил себе лицо, — ничего!

Веду записи день за днем; сберег (пока) весь свой архив с первого дня войны... Организовал записи и историческую фиксацию событий силами писателей; сейчас создаем и историческую комиссию, чтобы анализировать опыт 7 месяцев и в новые бои идти с учетом всех новых форм морской, и воздушно-морской, и береговой войны...

Надеюсь, что об обороне Ленинграда сумею рассказать, написать — для народа. Широко пользуем радио и устные выступления в частях и на кораблях (издательства пока стали).

¹ Вс. Вишневский болел острой дистрофией.

...Слышим голоса — призывы к Украине, к Белоруссии, к Прибалтике... Веду беседы на тему: «Мы вернемся! Товарищи, к удару на Запад!»

В ближайшие дни делаю новые выступления. К 1—5 февраля даем книгу «Семь месяцев на Балтике»; книгу о подводниках уже сдали...

Бывает смешно — ткнул утром перо в чернильницу, оно отскочило: там черный лед... Ладно...

(Ленинград. 24 января 1942 г. В. Ставскому).

Балтийская группа держится, работает крепко. Берем внутренний курс, клятвенно: быть морскими гвардейцами.

Пиши! Воюй! К победе, Володя! Весь мир будет раскрыт нам, имя русского все двери откроет для блага людей, культуры, искусства, труда.

(Ленинград. 19 марта 1942 г. В. Ставскому. Фонд ЦГАЛИ).

ОТКЛИКИ И КОММЕНТАРИИ

По страницам иностранных журналов

ТАЙНА ОДНОГО ЗАПОЗДАВШЕГО СПУТНИКА

США

«Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» («Новости Соединенных Штатов и мировые известия»). Еженедельный журнал. № 21. Том XLIII. Вашингтон. Редактор и издатель Дэвид Лоуренс.

★

Политический еженедельник «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» — орган, пользующийся репутацией «солидного», — толкуя об искусственном спутнике Земли, проявил внезапно не свойственную ему растерянность. За короткое время он выступил с таким количеством самых противоречивых статей на эту тему, что даже самые искушенные его читатели были огорочены.

Журнал обеспокоен отставанием США в этой области. (Не случайно уже после того, как американцам удалось запустить свой первый спутник, один из руководителей американских программ в области ракетостроения, известный ученый Вернер фон Браун, определил это отставание как минимум пятилетнее. Вес американского спутника, который удалось запустить после ряда неудачных попыток, не идет ни в какое сравнение с весом первого и особенно второго советских искусственных спутников.)

Но вернемся к журналу. Сначала он намекал на «тайнственные» пути, с помощью которых русские, дескать, узнали об американских секретах (№ 16, октябрь, 1957). Другие объяснения были столь же смешны. Журнал упорно пытался внушить читателям одно: успех СССР случаен, американцы вовсе не отстали. «Из того, что мне известно, — писал на страницах этого журнала через несколько дней после запуска первого советского спутника доктор Странд, — очевидно, что никакого научного отставания Америки нет». «Я полагаю, — вторил ему занимавший в то время пост министра обороны Чарльз Вильсон, — что мы можем в любой момент запустить спутник такого же размера».

Когда же и слепому стало очевидно американское отставание, в том же «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» замелькали статьи, в которых оно объяснялось несовершенством структуры некоторых вашингтонских ведомств, ошибками и нерасторопностью отдельных чиновников.

Почему же американская печать так упорно подчеркивает и развивает тезис о случайности успеха Советского Союза и случайности ряда неудач США? Очень просто. Признать, что советские спутники Земли отнюдь не случайно появились в небе раньше, чем их смогла направить туда самая могущественная и развитая страна капиталистического мира — Соединенные Штаты Америки, — это значит признать преимущества плановой социалистической системы хозяйства над капиталистической.

Вот от этого-то вывода, как черт от ладана, и бежит буржуазная пропаганда, в том числе и «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт». Но, как мы уже говорили, этот журнал рассчитан на искушенных читателей, и его явно уклончивая позиция в таком вопросе вряд ли могла их удовлетворить.

Потому-то, очевидно, в номере 21 журнала и была помещена статья, озаглавленная «Тайна запоздавшего спутника». Статья эта не вполне обычна даже для рафинированного читателя. Она вся состоит из полунамеков. Только очень и очень информированные круги могли разобраться в них. Вовсе не в интересах этих кругов и журнала, стоящего близко к ним, раскрывать истинные причины, «тайну» запоздавшего спутника. Однако посвященные из полунамеков этой статьи могли понять, что дело обстоит не так уж просто, как хотелось бы представить органам американской пропаганды, рассчитанным на широкого читателя.

Попробуем, опираясь на некоторые сведения, просочившиеся в американскую печать, разобраться в действительных причинах того, почему США в таком важнейшем и свидетельствующем о научной и технической зрелости деле, как создание искусственных спутников Земли и требующихся для их вывода на орбиту баллистических сверхмощных ракет, пока отстают.

Говоря об отставании США, некоторые вашингтонские деятели ссылаются на то, что немалую роль в этом сыграло соперничество между отдельными видами вооруженных сил США. По их словам, в течение нескольких лет сухопутные силы американской армии, с одной стороны, и руководство военно-воздушных сил — с другой, вели между собой ожесточенную грызню за право осуществлять заказы на ракеты различного радиуса действия. И те и другие претендовали на то, чтобы от имени правительства разместить в промышленности заказы и финансировать производство определенного типа ракет.

Армия настаивала на осуществлении проекта ракеты, названной «Юпитер», а военно-воздушные силы всячески продвигали проект ракеты под названием «Тор». Однако, как утверждают специалисты, особой разницы между этими проектами не было.

Почему же тогда вокруг этого вопроса разгорелся ожесточенный спор, значительно затормозивший работы над осуществлением как одного, так и другого проекта? И почему эта междуведомственная тяжба, имевшая такие далеко идущие последствия, не была пресечена вашингтонскими властями в самом начале?

От прямого и честного ответа на этот вопрос в Соединенных Штатах тщательно уклоняются и пытаются объяснить это простой организационной неразберихой в вашингтонских ведомствах.

А между тем причины этого более глубокие. Дело в том, что за каждым из проектов, вокруг которых шла борьба, стояли различные монополистические группировки, различные, ожесточенно соперничавшие друг с другом гигантские компании. Проект «Юпитер», за который ратовали руководители сухопутных сил, был в основном детищем двух крупнейших американских фирм — «Крейслер» и «Сперри Рэнд корпорейшн». Что же касается «Тора», всячески продвигавшегося людьми, руководящими американскими военно-воздушными силами, то за ним стоит группа еще более могущественных корпораций и прежде всего дюпоновско-моргановская «Дженерал моторс», а также моргановская «Белл телефон», моргановская «Дженерал электрик» и «Дуглас эйркрафт».

Кто знает, в какие суммы обошлась этим корпорациям та активная поддержка, которую довольно многочисленная группа армейских и авиационных деятелей оказывала их проектам? Во всяком случае, трудились они на совесть, и распря по поводу того, какому из проектов отдать предпочтение, затянулась на долгие месяцы.

Для фирм, стоявших за кулисами этой борьбы, ее исход имел огромное значение. Ведь получить от правительства заказ на осуществление проекта и производство ракет значило получить огромные многомиллиардные ассигнования на научно-исследовательские работы, на строительство специальных предприятий и, главное, обеспечить для себя гарантированный сбыт продукции, причем по максимально выгодным и не зависящим от конъюнктуры ценам — обстоятельство в условиях ухудшающегося экономического положения США и нарастания в американской экономике кризисных явлений отнюдь не маловажное.

Таким образом, получение государственного заказа на производство ракет сулило компаниям, которым удалось бы добиться такого заказа, огромные прибыли и существенные преимущества перед конкурентами. Нужно ли в этих условиях удивляться тому, что за правительственные заказы на разработку проектов и производство ракет между крупнейшими американскими компаниями развернулась ожесточенная борьба?

На первый взгляд могло бы показаться, что это борьба между отдельными видами вооруженных сил, содержанием которой являются соображения престижа и узкокастовые интересы. Но это лишь на первый взгляд. Фактически же подоплекой этого соперничества была конкурентная борьба крупнейших американских монополий, стоявших за спиной отдельных военных деятелей.

В ходе этой борьбы монополистические объединения использовали свои связи с высокопоставленными деятелями Вашингтона. Так, Чарльз Вильсон, бывший президент «Дженерал моторс» — одной из компаний, претендовавшей на получение заказа на производство ракет, — занимал пост министра обороны США, то есть возглавлял то ведомство, в функции которого входит распределение правительственных заказов между фирмами¹. Заместителем министра обороны США является Дональд Куорлс, теснейшим образом связанный с другой компанией — «Белл телефон», которая вместе с «Дженерал моторс» претендовала на производство ракет типа «Тор».

В результате деятельности таких высокопоставленных покровителей дело стало явно клониться в пользу проекта «Тор». Тогда, не без участия конкурирующих компаний, один из служащих армейской базы «Редстоун арсенал», на которой велась работа над проектом «Юпитера», полковник Никерсон (скупые сведения об этом просочились в печать) в июне 1957 года разослал ряду конгрессменов и некоторым высокопоставленным деятелям Вашингтона секретную докладную записку. В этой записке он утверждал, что министр обороны Вильсон и его заместитель Куорлс протезируют фирмам, с которыми они связаны.

Полковника Никерсона за эту записку предали летом 1957 года суду и наказали за «нескромность». Однако действовать после этого руководителям министерства обороны пришлось более осторожно. В августе 1957 года в Вашингтоне был создан специальный комитет, который должен был «по возможности скорее представить рекомендации, какой из проектов следует выбрать». Касаясь создания этого комитета, информированная столичная газета «Вашингтон пост энд Таймс геральд» откровенно заявила, что «решение, принятое этим комитетом, будет иметь жизненно важное значение для компаний, претендующих на контракты для поставки различных частей ракет».

Дальнейшее развитие этого дела также чрезвычайно поучительно и показывает, как действуют пружины, движущие вашингтонскую политику.

После того как запуск советского искусственного спутника Земли как громом поразила вашингтонских деятелей, высокомерно считавших, что в запасе у них еще бездна времени и они могут позволить себе такую роскошь, как препирательства между компаниями, стало ясно, что дальше терпеть эту грызню невозможно, что необходимо предпринимать какие-то срочные меры.

Но как можно выйти из затруднительного положения, как примирить конкурентные противоречия между крупнейшими капиталистическими компаниями? Ответ на этот вопрос стал проясняться, когда стало известно о назначении нового министра обороны. На этот пост решено было назначить крупного предпринимателя Нейла Макелроя. Помимо того, что Макелрой являлся президентом крупнейшей мыловаренной компании «Проктер энд Гэмбл», он занимал одновременно директорские посты в фирмах «Дженерал электрик» и «Крейслер». Поскольку компания «Крейслер» — главный подрядчик в работе над ракетой «Юпитер», а «Дженерал электрик» — одна из основных компаний, участвовавших в разработке проекта «Тора», то назначение Макелроя на пост министра обороны предвещало компромиссное решение вопроса.

И действительно, 27 ноября 1957 года Макелрой отдал распоряжение о срочной работе над обоими проектами одновременно. Таким образом, удовлетворенными оказались обе монополистические группировки, длительное время боровшиеся между собой.

Может возникнуть вопрос, почему же американское правительство к такому выходу из положения не прибегло сразу. Объясняется это двумя причинами. Во-первых, в условиях, когда американцы были уверены в своем техническом превосходстве и не помышляли о том, что им грозит опасность остаться позади, монополистические объединения не были склонны к компромиссам, а предпочитали оттеснить конкурентов на задний план, чтобы самим вырваться вперед. Во-вторых, параллельная работа над двумя однопипными проектами обходится значительно дороже, так как ведет к распылению сил и средств. На компромиссный вариант правительство вынуждено было согласиться только потому, что иного выхода у него не было.

¹ На этом посту Вильсон находился до ноября 1957 года, когда был заменен другим крупным промышленником, Нейлом Макелроем.

К этому надо добавить, что, по словам некоторых органов американской печати, руководители ряда крупных концернов всячески тормозили работы над ракетами, видя в этих работах опасность для своих доходов. Дело в том, что если говорить о военной, а не научной стороне применения ракет, то совершенно очевидно, что ракетное оружие совершеннее и эффективнее, чем авиация или артиллерия. Поэтому крупные американские фирмы, располагающие большими заказами на поставку, например, различных типов боевых самолетов, не без основания опасались, что принятие программы создания ракет отразится на их заказах и чревато для них крупными убытками.

Все вышесказанное полностью относится не только к производству ракет «Юпитер» и «Тор», но и непосредственно к проекту запуска американского искусственного спутника Земли, известного, как показали факты, под не совсем точным и не полностью отвечающим истинному положению вещи названием «Авангард». До того, как был утвержден проект «Авангарда», работы велись по совершенно другому проекту, называвшемуся «Орбiter». Однако затем в дело вмешалась все та же моргановская компания «Дженерал электрик». Под нажимом руководителя так называемого Комитета по исследованиям и усовершенствованиям, наблюдающего за созданием искусственного спутника Земли, некоего Ричарда Портера, являющегося одновременно одним из руководителей «Дженерал электрик», было принято решение переключиться с проекта «Орбiter» на проект «Авангард». Фирма «Дженерал электрик» сорвала на этом немалый куш, получив выгодные правительственные заказы.

Итак, как мы видим, корень зла отнюдь не в нераспорядительности тех или иных американских чиновников или междуведомственных расприх в Вашингтоне, как пытаются представить дело американская пропаганда.

Тогда в чем же он? Почему произошло, как получилось, что Соединенные Штаты Америки, обладающие многочисленными и опытными учеными, отличными лабораториями с первоклассным оборудованием и, прямо скажем, немалыми материальными ресурсами, оказались позади, да еще в такой важнейшей области? Ведь совсем недавно американцы, действительно имеющие за своей спиной немало крупных научных и технических достижений, были совершенно уверены в своем абсолютном превосходстве и полной невозможности для других не только опередить их, но хотя бы достичь их уровня. Дело в самой сути капиталистической системы хозяйства, в анархии производства, ей присущей, в конкурентной борьбе компаний и фирм, нерационально расходующих производительные силы общества.

Не случайно мировая буржуазная печать все чаще и с нескрываемой завистью говорит о «государственном руководстве» и его роли в достижениях Советского Союза. «Запуск советских искусственных спутников,— пишет шведская буржуазная газета «Моргон бладет»,— является результатом двух взаимодействующих факторов — искусные, если не сказать гениальные, ученые и государственное руководство».

Советские люди ни минуты не сомневались в том, что такой стране, как США, рано или поздно удастся осуществить запуск искусственного спутника Земли. «Думаю,— говорил Н. С. Хрущев еще в ноябре 1957 года в беседе с американским журналистом В. Р. Херстом,— что Вы, в конце концов, все же создадите межконтинентальную ракету... Соединенные Штаты Америки владеют необходимыми знаниями и могут создать такую ракету».

Но тот знаменательный факт, что Советский Союз — первая в мире социалистическая держава — вышел победителем в знаменательном соревновании за то, кто первым проложит путь в космос, отнюдь не случаен, как не случайно и то, что самая могущественная держава капиталистического мира находится в этом деле позади.

И никакие ухищрения американской буржуазной пропаганды не в состоянии скрыть этой истины.

Вал. ЗОРИН.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

В. ДРУЖИНИН

★

В МИРНЫЕ ДНИ

Совсем недавно вся наша страна, все прогрессивное человечество отмечали замечательную годовщину — сорокалетие Великой Октябрьской революции. Прошло всего три месяца, и вот мы празднуем еще одно сорокалетие — сорокалетие славной Советской Армии. Эти даты не случайно следуют одна за другой.

Октябрьская революция принесла народу власть, мир и свободу. Она дала крестьянам землю, она передала фабрики и заводы их истинным хозяевам — рабочим, она уничтожила эксплуатацию человека человеком. Новая, Рабоче-Крестьянская Красная Армия, рожденная в феврале 1918 года, была призвана защитить эти завоевания.

И вот уже четыре десятилетия стоит она на страже нашей Родины. Немало армий капиталистических стран пыталось меряться с нею силами, но все они неизменно терпели поражение, ибо сталкивались с несокрушимой моральной силой. Источник мощи и непобедимости нашей армии — в ее органической связи с народом, в высоком морально-политическом духе, в беззаветной преданности ее бойцов и командиров идеям марксизма-ленинизма. Тысячи и тысячи советских солдат, взявших в руки оружие по призыву партии, всегда готовы пойти на подвиг во имя защиты коммунистических идеалов. Их вдохновенная, осознанная готовность отстаивать до последнего дыхания идеи социализма принесла молодой Красной Армии в битвах гражданской войны победу над объединенными силами мировой контрреволюции, превосходившими защитников Октября и числом и технической оснащенностью. Их беспримерный воинский героизм был той скалой, о которую разбились гитлеровская военная машина, считавшаяся непобедимой. Легендарными подвигами, которые совершены поколением, вос-

питанным уже в социалистическом обществе, заполнены страницы летописи Великой Отечественной войны.

И все эти годы, все сорок славных лет, вместе с Советской Армией была наша литература.

Еще гражданская война приравняла перо к штыку: стихи Демьяна Бедного звучали походным маршем, агитки Владимира Маяковского шли в бой вместе с рабочими красногвардейскими отрядами, с полками первых красноармейцев, звали к победе.

Не случайно одной из первых книг послеоктябрьской русской литературы — во всяком случае первым ее романом — явилась книга В. Зазубрина «Два мира», ценимая В. И. Лениным и отмеченная М. Горьким как правдивое повествование о борьбе за победу Советской власти, о битвах сибирских партизан против белогвардейщины.

Для В. Зазубрина обращение к литературе было как бы непосредственным продолжением его армейской политработы — с читателем он разговаривал, как большевистский агитатор с бойцом. Точно так же начались писательские биографии Д. Фурманова и многих других, ныне широко известных советских литераторов. Они самоотверженно сражались против врага в рядах героической Красной Армии. В жарком пламени битв закалялись их сердца, в смертельных схватках с озверевшим врагом зрел их ум, оттачивалась партийная принципиальность, закипала публицистическая страсть. Им не надо было куда-то ездить, чтобы «изучать» жизнь, они находились в самой ее гуще, ибо были на передовой линии огня. На их глазах совершались подвиги, рядом с ними жили, сражались и погибали герои. Они не могли держать про себя то, что увидели и услышали, — об этом нужно было рассказать всему миру. Они пришли с полей сражений, отложили в сто-

рону винтовки и взялись за перья. Так вчерашние воины — красноармейцы и политракторники — стали писателями.

Легендарное мужество «человека с ружьем», сына народа, защищающего народное счастье, вызвало к жизни множество книг, вошедших в золотой фонд советской литературы. Можно без преувеличения сказать, что героиня гражданской войны не годы, а десятилетия питала творчество многих выдающихся наших писателей.

Пожалуй, еще более тесной, еще более органической была связь советской литературы с армией в грозные годы Великой Отечественной войны. Около тысячи писателей надели военную форму и отправились на фронт. Они были военными корреспондентами, редактировали фронтовые многотиражки, были политракторниками в полках и батальонах, шли рядовыми в атаку, били по фашистам из танковых башен и партизанили во вражеских тылах.

Слово писателя играло в те дни огромную, поистине небывалую еще роль. Оно поднимало бойцов в атаку, воспитывало в них любовь к своей социалистической Родине и ненависть к врагу, вселяло уверенность в нашей победе. Книга была не только другом и наставником, но и оружием.

«На поле боя лежит убитый солдат. Подходят товарищи, снимают с него подсумки с патронами, раскрывают походный мешок. Что в нем, в этом тощем солдатском мешке? Что было самым необходимым для человека, шедшего в бой?»

Краюха хлеба. Пачка концентрата. Пара запасных портянок. И еще что-то... Книга!»

Такую найденную у убитого бойца книгу, простреленную навывлет, со слепшимися от крови страницами, получил с фронта Юрий Яновский от друзей погибшего. Это был роман «Всадники». Экземпляр этой книги Яновский потом гордился как самой высокой оценкой своего писательского труда.

Об этом случае рассказал недавно Олесь Гончар. А сколько их было, книг, простреленных пулями, пробитых осколками снарядов, книг-героев! Их невозможно было убить. Прожженные смертоносным металлом, обогранные кровью, они продолжали жить и сражаться.

В эпоху Отечественной войны с особой силой и ясностью проявился гуманистический и оптимистический характер нашей литературы, такие ее качества, как реализм и народность.

«Время войны щедро обогатило творческий опыт советских писателей, — справедливо писал Вилис Лацис, открывая затем двери собственной творческой лаборатории. — Лично про себя могу сказать, что, если бы мне не пришлось так близко и непосредственно соприкасаться с событиями Великой Отечественной войны, я бы не написал — и не мог бы написать — «Бурю» и некоторые другие произведения». К этим словам, думается, могли бы со всей искренностью присоединиться многие литераторы.

2

Почти тринадцать лет прошло с памятного дня, когда прогремел долгожданный салют Победы. Далеко вперед шагнула за это время Советская страна. Наш народ мирно трудится на необозримых полях и величественных стройках, осваивает целину, создает величайшие в мире гидроэлектростанции, совершенствует управление народным хозяйством, бурно двигает вперед науку, строит жилые дома, санатории и театры. Светлые огоньки, прочерчивающие орбиты искусственных спутников Земли, выпущенных советскими людьми в просторы Вселенной, видны всем обитателям земного шара. Сегодняшний день, исполненный мирным созидательным трудом всего народа, — вот главный источник тем современной советской литературы. И тема великой армии, стоящей неусыпно на страже этого мирного созидания, тема армян, оберегающей мир, — одна из почетнейших тем, ожидающих своего автора.

Слишком мало еще книг написано об этом. Но такие книги появляются. Они появлялись в прошлые годы, несколько новых книг вышло в минувшем, 1957 году. О некоторых из этих книг и хочется поговорить подробнее.

В наши дни Советская Армия уже не та, что была десять—пятнадцать лет назад. Она оснащена новой, более современной техникой. Разрабатывается новая тактика, учитывающая достижения современной военной науки. На новый уровень поднялась боевая и политическая подготовка личного состава армии. Все это должна показать наша литература.

Но, конечно, не техника и не тактика должны быть в центре внимания писателя. Ведь литература — это человековедение; она призвана раскрывать мысли и чувства человека, в данном случае — человека, служащего в армии.

Говорят, что изображать армию мирного времени очень трудно, что гораздо легче писать о войне: там героизм, подвиги, острые столкновения, яркое раскрытие характеров и т. д. и т. п. В известной мере это справедливо, ибо на фронте «героический материал» лежит, так сказать, на поверхности, на виду. Но совершенно неверно полагать, что в мирной армейской жизни нет места героизму, подвигам. Такую точку зрения легко опровергают факты.

Достаточно напомнить, что только в самое последнее время наша печать рассказала о нескольких замечательных случаях героизма советских воинов. В «Комсомольской правде», а затем и в остальных газетах было рассказано о подвиге четырнадцати солдат и офицеров, разминировавших с риском для жизни склад гитлеровских боеприпасов, обнаруженный в Курске. «Красная звезда» опубликовала на своих страницах очерк о бесстрашных военных водолазах, поднявших затонувшую подводную лодку и спасших ее экипаж. Да мало ли подвигов совершают наши отважные воины! Долг советских писателей — поведать о них народу, показывая тем самым, как армия и в мирной обстановке формирует человеческие характеры, воспитывает самоотверженность, высокое чувство долга и боевого товарищества.

Общезвестно, что наша армия является замечательной школой воспитания. Из семнадцатилетних юношей она выковывает мужественных, дисциплинированных, сознательных воинов, готовых по первому зову самоотверженно и умело встать на защиту своей любимой Родины. Эти замечательные качества формируются постепенно, последовательно, настойчивыми усилиями многих командиров и политработников, в будничной армейской учебе. Раскрыть романтику трудных армейских будней, которые иным представляются серыми и однообразными, проследить созревание характера человека, пришедшего в армию, — это и есть обязанность художника.

Такую именно задачу — показать, какой серьезной и умной школой является армия мирного времени не только для зеленых юнцов, но и для закаленных в бою воинов, попадающих в артиллерийское училище прямо с фронта, — поставил перед собой Ю. Бондарев, автор повести «Юность командиров».

Алексей Дмитриев и Борис Брянцев служили в одном из артиллерийских подразделе-

лений Действующей армии, вместе прошли нелегкий и долгий боевой путь и вместе прибыли в небольшой город Березанск для прохождения учебного курса в артиллерийском училище. Однако закончил курс и получил офицерское звание лишь Алексей Дмитриев. Брянцев предпочел демобилизоваться, — как говорится, начать свою жизнь сызнова. Что же привело к такому решению человека, который хорошо воевал, заслуженно получал ордена за проявленную в боях отвагу, считался на фронте хорошим товарищем, а в училище способным курсантом, знающим и любящим свое дело? А произошло вот что: в училище обнаружилось у Брянцева такие черты, которые заставили товарищей от него отвернуться. Честлюбивый, стремящийся быть на виду, поставивший перед собой задачу продвигаться вверх по служебной лестнице во что бы то ни стало, Брянцев проявляет себя как холодный карьерист, предает друга, скатывается по отношению к нему до обдуманного предательства, не брезгает ложью, пытается подвести Алексея Дмитриева под суровое дисциплинарное взыскание, и именно эти человеческие пороки делают невозможным пребывание Брянцева в армейском коллективе, заставляют его уйти из училища. При этом Ю. Бондарев, не показав нам тут же, в повести, быстро перерождения Борнса, заставляет, однако, верить, что в гражданскую жизнь он, возможно, вступит иным. Ведь вне коллектива будущих офицеров поставил его не какой-либо дисциплинарный проступок, не отсутствие специфически воинских качеств, но как раз те черты, которые показали его плохим гражданином социалистического общества. Не избавившись от этих дурных черт, он не найдет себе места в жизни...

Вот эта-то, так сказать, «общегражданская» моральная тема лежит в основе книги Ю. Бондарева о молодых советских офицерах. «Юность командиров» возвращает нас при этом ко времени, непосредственно примыкающему к годам Великой Отечественной войны. Герои книги еще опалены огнем битв. Вступая в офицерскую школу, они испытывали сожаление и, пожалуй, даже стыдились того, что попали в тыл, в то время как их боевые друзья продолжают нелегкий марш, завершая без них великое дело победы. Вест о мире застает их в стенах школы. И жаль, что Ю. Бондарев, рассказывая об этом, не захотел открыть перед нами мир раздумий завтрашних советских

офицеров — раздумий о том, каково будет их место в мирной жизни, как и для чего пригодится им в дальнейшем накопленный боевой опыт.

На этот вопрос полнее отвечает М. Алексеев, рисуя офицеров-воспитателей в повести «Наследники».

Действие повести приближается к нынешним дням.

К ее началу со времени войны прошло уже почти десять лет. И само название книги говорит о том, что автор задумал рассказать об армейской молодежи, о молодых солдатах и офицерах — наследниках боевой славы своих отцов и старших братьев.

Селиван Громоздкин, главный герой книги, принадлежит к числу тех сельских ребят, чье детство, как говорится в первых строках повести, «прошло в лихое, горькое время. Родившиеся за пять-шесть лет до войны, в самую войну они уже были главными помощниками матерей, взявших на свои плечи безмерную тяжесть тыловых забот. Фронт был далеко, но едкая гарь большой войны долетала и сюда, неутомимо множа число овдовевших и осиротевших». Годы шли, ребята подрастали. И вот они уже шагают с призывного пункта. И Селивану Громоздкину кажется, что он вырос если не на целую голову, то во всяком случае на полголовы, после того как услышал единственное и многозначное слово: «Годен».

Свою воинскую жизнь Селиван начинает в ту пору, когда лихая година войны осталась позади, когда век наш уже перевалил за срединную черту и вокруг, на всем просторе страны, свершались трудовые подвиги пятой пятилетки. Ехал Селиван в будущую свою часть, еще не зная, где закончится его путь, — «вот и Хабаровск позади, а конца пути не видно». «Иногда становилось грустно: «Неужели еще можно вернуться в родную деревеньку из этакой дали?» Грусть, однако, быстро сменялась горделивым чувством: все это — наше, и тут живут все те же русские люди, и если везут меня так далеко, стало быть, я тут нужен, значит, без меня нельзя обойтись, значит, страна хочет, чтобы я, Селиван Громоздкин, девятнадцатилетний малый, до которого не было никому большого дела всего лишь десяток дней тому назад, стоял с ружьем в далеком холмистом краю, потому что край этот наш и его надо беречь».

Здесь верно и просто выражено естественное чувство, усваиваемое каждым совет-

ским подростком с самого раннего юношеского возраста. Служба в армии не только не нарушает его связей с окружающим, напротив, она прочнее укрепляет их, и именно этот процесс точно изображен в книге М. Алексеева, заканчивающейся картиной больших учений, во время которых бронетранспортер Громоздкина первым пересекает зараженный радиоактивной пылью участок.

Когда мы дочитываем небольшую повесть «Наследники», мы видим Громоздкина совсем не таким, каким предстал он перед нами вначале. Сельский паренек, перед которым будущая воинская служба смутно вырисовывалась в неопределенной романтической дымке, стал умелым солдатом. За короткое время он прошел большую школу.

В этом внутреннем росте, неустанном движении, воспитании молодых солдат — пафос книги. К сожалению, другая линия произведения, конфликт между двумя старыми офицерами — настоящим, боевым командиром полка Лелюхом и карьеристом полковником Пустынниным, — написанная менее интересно и выразительно, отодвигает основную тему в сторону и в значительной степени глушит ее.

Советская армия — армия нового типа, армия социализма. Она воспитывает не механически исполнительных роботов, а сознательных граждан своей страны. Поэтому наша литература стремится показать ее серьезной школой не только воинского, но и гражданского воспитания.

В этой связи хочется остановиться на новом романе А. Розена «Времена и люди», опубликованном в прошлом году в журнале «Звезда».

Герои его — люди одной дивизии. Позади остались дороги войны, отгремела славная битва за Новинск, в честь которой дивизия получила название Новинской. Войска — на мирных квартирах. «У каждого в жизни есть свой Новинск», то есть пора высшего подъема сил, высших свершений. Как же теперь сложится судьба победителей?

«— Четыре года мы всего лишены были, хочется пожить, как люди», — говорит майор Федоров, здоровяк, прозванный за силу «Поддубным». Он еще не сознает в полной мере, что жить, как все люди, в нашем, высоком советском смысле — зна-

чит не успокаиваться на достигнутом, не конять в неподвижности, а дерзать.

Автор начинает несмело и как бы изда-лека. Роман открывается картиной Невы в мае, когда, кажется, «вместе с весенним ледоходом устремились вперед к морю все ленинградские шпили, башни, трубы и ростры», а затем вдруг стиль резко меняется, становится спокойно бытописательским, и читатель недоумевает: неужели погаснет поэтический зачин? В первых главах, изрядно затянутых, герои лишь выводятся на сцену. Катя Вязникова, вдова офицера, поступает воспитательницей в детский дом; туда же приезжает майор Федоров навестить Сашу, сына пропавшего на фронте однополчанина, и знакомится с Катей. А Катя содержит: умнее, умнее жены майора — красивой, но пустышкой Тамары. И тревога читателя возрастает — досадно ведь, если роман, с первых строк приковавший внимание, пойдет по избитым дорожкам схемы: «муж, отсталая жена и растущая соперница».

Масштабы романа автору внове. Ему близок сюжетный накал новеллы, но здесь, на просторах романа, он на первых порах как будто не доверяет значительности своего замысла, хочет во что бы то ни стало ввести дополнительную интригу, а тут и подстерегает услужливая схема.

Лишь через три с половиной десятка страниц проясняется подлинная завязка романа. Она проста и убедительна. На учениях, в схватке с условным противником, дивизия должна повторить знаменитую Новинскую операцию. Но майор Федоров вносит поправку. Исходные позиции батальона он выдвинул ближе к противнику, чем было на войне, чтобы атаковать быстрее, с меньшими потерями. Со всем иначе относится к опыту войны командир дивизии Бельский.

«— А вы видели, как у меня под Новинском было? Я вас спрашиваю, видели?» — распекает он майора.

В иных книгах конфликт между новым и консервативным, между казенщиной и творчеством до того засушен, до того обесцвечен, лишен полноты жизненных красок, что интерес читателя волей-неволей держится на второстепенном, на каком-нибудь сюжетном узоре. Роман А. Розена не таков. Как только в романе начинает звучать его лейтмотив, так сразу все словно оживает.

Мы ощущаем и подлинную, партийную правду Федорова и большое обаяние это-

го цельного, прямодушного человека, скромного труженика армии. Иногда он робеет перед Бельским, но все же не может не вступить в спор с ним, не может отречься от своего мнения, выстраданного на войне, поддерживаемого опытом товарищей по оружию, с которыми Федоров кровно связан.

Далеко не нов в нашей литературе образ консерватора, но А. Розен нашел новые краски. Бельский сложнее и умнее многих своих литературных сородичей. Он очень ловко использовал для себя успехи других, более одаренных полководцев, своих соседей по фронту, сумел прослыть освободителем Новинска. Вот почему Бельский постарался канонизировать Новинскую операцию. Он же не против изучения опыта войны, наоборот, к этому Бельский и призывает! При этом Бельский достаточно тактичен, чтобы избежать прямого самозащиты. Читая текст доклада о бое под Новинском, подготовленный для него, он вычеркивает слова «я приказал». Нет, он лишь выполнял приказ начальника, командира корпуса Шаврова. Никаких «я»!

Бельский подобрал себе верных помощников. Вот Рясинцев, лентяй и приспособленец, разгадавший Бельского и уцепившийся за него. Это он готовил для генерала доклад о Новинской операции. «Он избрал свой стиль, то есть стиль для Бельского, — отрывистый и витиеватый». Угодливость Рясинцева многообразна. Автор с тонкой наблюдательностью рисует сценку в машине, по пути с вокзала на квартиру Бельского.

«— Федя, что это за здание? — спросила она (жена Бельского.— В. Д.), показав на Казанский собор.

— Кто его знает, — сказал Бельский, едва взглянув.— Музей какой-то.

— Может быть, вы знаете? — спросила Мария Филипповна Рясинцева.

Рясинцев отлично знал, что это знаменитый Казанский собор, но знать, когда Бельский не знает, было невозможно.

— Никак нет, не знаю, — ответил он коротко».

Автор заостряет образ Рясинцева местами до гротеска, и это несколько не противоречит художественной ткани романа, построенного на резком сопоставлении характеров, на динамичном сюжете.

Федорову приходится нелегко, но по самой сути нашего уклада носитель нового, нужного людям не может остаться убогим

неудачником. В этом смысле Розен своим романом как бы полемизирует с теми литераторами, которые умудрились не заметить новаторского устремления всей жизни нашей страны.

На стороне Федорова — командир корпуса Шавров. В свое время он доверился Бельскому, однополчанину незабываемых лет гражданской войны, способствовал его возвышению. Теперь Шавров мужественно признает свою ошибку. Ведь в отличие от Бельского он не сделался чиновником. Читатель запомнит Шаврова — сильного, душевного человека — на учениях, среди офицеров и солдат. Здесь в результате «условного» боя достигнута безусловная победа. Новичковая операция, конечно, учтена, но с такими поправками, которые продиктованы и новым вооружением и, следовательно, новыми формами боевой операции.

Автор иногда слишком спешит. Так, торпливо дана сцена смерти Шаврова. И оттого она кажется нарочитой, написанной специально затем, чтобы затруднить успех майору Федорову, оттянуть развязку. Автор вправе ставить героя в трудное положение — лишь бы оно не выглядело искусственным, а вот это последнее условие А. Розен иногда склонен забывать.

Вернемся, кстати, к другим узлам интриги, завязанным в самом начале. Мы уже говорили о них, об опасности схемы, грозившей А. Розену как раз на боковых линиях романа. Увы, здесь многое написано невыразительно, шаблонно. Да, отсталая жена тянет передовика Федорова назад. Как и угадывалось, Федоров дружит с чуткой Катей, а Тамара только досаждала ему вспышками глупой ревности. Возникает разлад. Автор уверяет, что Федоров, как и подобает положительному герою, любит жену, но в действительности отношение его, молодого супруга, к Тамаре очень уж рационально. В решающую минуту Тамара поднимается над мелочным, становится вдруг опорой мужа. Но читатель, зная ее характер, вряд ли поверит в такой исход. Вообще события в «семейном тылу» Федорова малозначительны и, хочется сказать, условны.

Гораздо существеннее и интереснее участие Федорова в судьбе Саши, воспитывающегося в детском доме. Когда выясняется, что отец Саши не погиб на фронте, а попал тяжело раненным в плен и находится в Западной Германии, в лагере для перемещен-

ных лиц, Федоров не считает нужным скрывать это от мальчика. Федоров знает своего однополчанина, верит в его стойкость на чужбине и действует по своей вере. Это хорошие, теплом сердца согретые страницы.

К сожалению, очень уж заметно, как автор тянет Сашу к эффектной концовке романа — дарит ему военное призвание, вводит солдатом в батальон Федорова. Работа над сюжетом необходима, но надо писать так, чтобы читатель не видел авторских усилий.

Несмотря на эти недостатки, роман А. Розена «Времена и люди» ставит серьезные общественные вопросы о жизни армии в мирные дни, он показывает неустанное стремление советских офицеров к совершенствованию, изображает их не только умными, творчески думающими воинами, но и смелыми, принципиальными гражданами, борющимися со всем косным, отсталым за новое, передовое.

* * *

Большой писательский труд накоплен к славному сорокалетию наших Вооруженных Сил. Многие мастера поэзии и прозы сроднились с армейской темой, посвятили ей свои поэмы и повести, драмы и романы. Лучшие из этих книг объединены общей для них отличительной чертой: они помогают воспитывать сознание не только воинского, но и гражданского долга. И это понятно, ибо в нашем социалистическом обществе долг война неразрывно слит с долгом гражданина. Солдату Советской державы, надевшему форму и получившему в руки оружие, не приходится менять строй исконно воспитанных в нем этических и моральных понятий, поступать в чем-либо вразлад со своей совестью: оружие дано ему именно для того, чтобы отстаивать незыблемость устоев нового, социалистического общества от любых сил, которые попытались бы повернуть историю вспять. И солдат, с детства привыкший ценить и любить мир и мирный созидательный труд, знает, что доверенное ему оружие он должен будет применить лишь для обуздания агрессора, для защиты мира и свободного созидания.

Эта особенность советской литературы о войне и об армии становится еще заметнее, когда знакомимся с послевоенными книгами западных и особенно американских писателей, обращавшихся к той же теме. Для их героя, одетого в военную фор-

му и переступившего порог казармы,— независимо от того, воюет ли он или только готовится воевать,— конфликт с обществом неизбежен. Капитализм воспитывает в своих солдатах отказ от обычных норм гражданской морали; его вербовочные плакаты обращены к «парням», которым наплевать на идею, но которых могут соблазнить трофеи возможных побед и разгул завоевателя на покоренных им землях. Такой солдат не сын пристойно устроенного, даже с точки зрения современного западного мещанина, общества, но его отщепенец. И это равно можно обнаружить и в книгах прогрессивных писателей и в реакционных произведениях, которые играют роль тех же вербовочных плакатов. Различие лишь в том, что первые написаны с естественной горечью и действуют в них мятущиеся, ищущие выхода и порой надломленные безысходностью герои; во вторых же бездумная антиобщественность, бесцельная жестокость и анархический индивидуализм возведены в доблесть, а воинский подвиг приравнен к пиратской удаче.

Советская Армия едина с народом. Она кость от кости, плоть от плоти нашего социалистического общества. Это хорошо показала наша литература. Вспомним хотя бы финал повести В. Комиссарова «Гвардии лейтенант», вышедшей несколько лет тому назад и посвященной армии мирных дней.

Полк движется с учебных стрельб:

«Машины не спеша шли по городским улицам. Был тот час, когда с завода возвращалась смена. И многие останавливались, такими хорошими улыбками провожая машины, что солдаты невольно подби-

рались, подтягивались и проезжали мимо этих людей так, как будто проезжали на параде.

Люди знали, что это едут их любимые дети, братья и внуки, которых они одели в военную форму, посадили на грозные боевые машины и послали охранять мир. Люди стояли, смотрели на грозные машины, и им не казалось удивительным или нелепым сочетание стали, окрашенной в защитный цвет, и белой, необычайно крупной и красивой черемухи, прильнувшей к этой стали».

Армия, которая является родной для металлурга и хлебопашца, для шахтера и строителя,— это и есть наша армия, армия нового типа, рожденная социалистическим обществом и неразрывно с ним слитая. Эта армия всегда была и всегда будет родной и для наших писателей. Именно поэтому на полях войны и в дни мира, на учениях и в бою остается нерушимым содружество советской литературы и Советской Армии.

И хотя мы можем назвать много произведений, написанных о советских войнах в дни войны и в дни мира, хотя немало среди них книг, которые останутся не только на полках библиотек, но и в сердцах читателей на долгие годы, неисчерпаемая тема воспитания человека, готового к любому подвигу во имя матери-Родины, ждет новых художников, новых красок и новых аспектов. Литература наша продолжает оставаться в долгу перед «человеком с ружьем». И хочется верить, что долг этот будет покрываться с каждым годом достойнее и полнее.

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ

★

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

Ираклий Андроников. Раскрытие подвига. — **Е. Ржевская.** Люди переднего края. — **Виталий Василевский.** Солдаты вернулись домой. — **К. Лапин.** Правдивое повествование и банальный детектив. — **Ари. Васильев.** Повесть о московской школьнице. — **С. Борзенко.** На одной читательской конференции. — **В. Коротеев.** Как лейтенант Шилин стал дважды Героем Советского Союза. — **Евгений Воробьев.** Записки военного врача.

ПОЛИТИКА И НАУКА

Кандидат исторических наук **Д. Коваленко.** Третий том «Истории гражданской войны в СССР». — Полковник **Н. Лебедев.** К истории отрядов Красной гвардии. — Полковник **Н. Денисов.** Воздушный флот нашей страны. — Подполковник **А. Ефремов.** Рецепт доктора Генри Киссингера. — Полковник **С. Козлов.** Черты буржуазной военной науки.

Литература и искусство

Раскрытие подвига

В понедельник 23 июля 1956 года многие могли слышать по всесоюзному радио необыкновенную передачу: писатель Сергей Сергеевич Смирнов рассказывал о том, как он искал оставшихся в живых героев легендарной обороны Брестской крепости, как устанавливал имена погибших, как устанавливал имена погибших, как искал в этих поисках один из самых беспримерных подвигов, совершенных в годы Великой Отечественной войны.

За первой радиопередачей последовала целая серия. Потом их пришлось повторить...

О событиях Отечественной войны С. С. Смирнов писал уже несколько лет; в 1954 году закончил книгу «Сталинград на Днепре» — о Корсунь-Шевченковской битве — и уже собрался было работать над книгой, посвященной обороне Одессы и Севастополя, как вдруг случайный разговор заставил его изменить планы.

Еще в первые недели войны сквозь линию фронта стали доходить слухи о том, что на самой границе, в глубоком тылу про-

тивника, продолжает героически сопротивляться Брестская крепость, что летчики наши, пролетая ночами над этим районом, видят вспышки разрывов и пунктиры трассирующих пуль, а это доказывает, что там все еще сражаются наши части. Слухи подтвердились: в марте 1942 года в захваченном нашими войсками архиве разгромленной дивизии противника было обнаружено донесение о стойком многодневном сопротивлении, которое оказал фашистским войскам гарнизон Брестской крепости. А когда после освобождения Белоруссии наши части вошли в развалины крепости, то самые развалины эти и надписи на стенах, оставленные погибшими, рассказали о том, какую отважную, какую стойкую борьбу вели в крепости ее героические защитники.

О подвиге заговорила вся страна. Появились первые статьи. Но конкретных фактов у журналистов было не много, и неизбежно возникли неточности и ошибки.

Обратившись к этому эпизоду войны, С. С. Смирнов обнаружил в Центральном музее Советской Армии письма бывшего участника обороны Александра Митрофановича Филя, который до войны служил в

С. С. Смирнов. В поисках героев Брестской крепости. Редактор З. Яхонтова. «Молодая гвардия». 142 стр. М. 1957.

Брестской крепости писарем в штабе полка, а после войны работал в Якутии на золотых приисках. Смирнов написал ему. Филь не ответил. Оборвалась первая и, казалось, единственная нить поисков. По счастью, в одном из писем упоминалось имя другого участника обороны — Самвела Матевосяна. Смирнов выяснил, что он жив и работает в Армении инженером-геологом. Писатель поехал к нему в Ереван, а оттуда с ним вместе — в Брестскую крепость. Так начались поиски, восстановившие день за днем историю подвига защитников крепости — красноармейцев, командиров, их жен и детей, подвига, по силе духа и несокрушимой стойкости беспримерного даже и в истории Великой Отечественной войны.

С каждым днем работа Смирнова все более выходила за рамки задуманной книги и превратилась в событие общественной жизни еще прежде, чем книга была написана. Устанавливались адреса; защитники крепости, попавшие в фашистский плен и потерявшие между собой связь, снова находили друг друга, вступали в переписку, получали возможность встретиться и восстановить ход событий. Это, в свою очередь, позволило организовать встречи с героями и, наконец, многолюдные митинги.

Нет возможности пересказать весь сложный ход поисков, да и нет надобности — теперь, когда книга «В поисках героев Брестской крепости» вышла отдельным изданием.

Важный этап в работе составили радиопередачи; они помогли выявить новые имена, установить новые факты. Достаточно сказать, что в Радиокomiteт, в редакцию журнала «Юность», где были напечатаны эти рассказы, в Союз писателей на имя Смирнова пришло более пяти тысяч писем. Во многих из них содержались новые, весьма важные сведения и во всех — восхищенные стойкостью, несокрушимой духовной силой героев и благодарность автору за его инициативу и труд.

Тысячи благодарных откликов на радиопередачи и на журнальную публикацию — оценка очень высокая. И это понятно. Ведь Смирнов рассказал о людях, которые сражались, отрезанные от внешнего мира. О них не писали в газетах, не сообщали по радио. Родина даже не знала, что они ведут свою героическую борьбу. Переносит тяжкие страдания, ведя неравную, жесто-

ченную борьбу, они были лишены того, что поддерживало защитников Одессы и Севастополя, Ленинграда и Сталинграда, — связи со всем народом, со всей страной. Подвиг оставался безымянным. Те же немногие, кто уцелел в развалинах крепости, считали, что они только выполнили свой долг, как выполнял его каждый советский солдат во время войны. В самом начале войны почти все они оказались в плену, в дальнейшем ходе событий участия не принимали и воротились домой, угнетенные и подавленные ужасами неволи и своей незадачливой судьбой. Великую скромность советских людей, считающих свой подвиг делом почти что обыкновенным, Смирнов раскрывает чуть ли не на каждой странице. И в этом еще одно драгоценное качество его книги. Участница героической обороны военфельдшер Раиса Абакумова в 1952 году прочла в «Огоньке» статью, в которой говорилось о ее гибели. Она не стала опровергать ошибку, а, усмехнувшись про себя, сказала: «Ну, и вечная память тебе, Рая». Характеры в книге Смирнова не развернуты — они каждый раз вырастают из описания подвига и из отношения человека к нему. Но такая достоверная и, я бы сказал, «пронзительная» подробность, о которой мы сейчас говорили: «вечная память тебе, Рая», — это сочетание скромности, гордости и доли иронии по отношению к себе — стоит развернутой характеристики.

Автор рассказывает, как с самого начала работы ему помогали и райвоенком из города Запорожье, и Главное управление кадров Советской Армии, директор сельской школы в Великолукской области и следователи Военной прокуратуры, колхозный пчеловод из далекой деревни Марийской республики и работники Приемной Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилова. В течение полутора лет шел Смирнов от одного человека к другому, пока отыскал уже упоминающуюся Раису Абакумову. «Сначала медицинская сестра Людмила Михальчук, работающая в Бресге, дала мне адрес врача Ю. В. Петрова в Ленинграде, — пишет Смирнов. — Доктор Петров сообщил местожительство фельдшера И. Г. Бондаря в Днепропетровской области. Бондарь прислал московский адрес доктора В. С. Занина, а тот, в свою очередь, помог мне установить связь с подругой Абакумовой В. С. Расвской, которая тоже участвовала

в обороне Брестской крепости, а сейчас живет в городе Мценске Орловской области. Она-то и сообщила мне наконец адрес Р. И. Абакумовой, уехавшей после войны к себе на родину — в Орловскую область, где она работала медсестрой в районной больнице поселка Кромы».

Смирнов писал десятки писем в разные города, разыскивал новых участников обороны. Приходилось и помогать некоторым из этих людей, вмешиваться в их судьбу.

А. М. Филь после войны был несправедливо обвинен в том, что он, будучи в плену, якобы служил во власовской армии. Смирнов обратился в Главную военную прокуратуру, и проверка закончилась полной моральной реабилитацией Филь, которому писатель выслал вскоре рекомендацию для вступления в ряды КПСС.

Майор П. М. Гаврилов утратил в те годы свой партийный билет. После войны ему было предложено вступить в партию снова. По ходатайству С. С. Смирнова дело Гаврилова было пересмотрено, и он восстановлен в партии.

Благодаря работе Смирнова люди получили возможность восстановить свою запятанную репутацию, свои боевые заслуги, а Советское правительство — возможность вознаградить их подвиг. Указом Президиума Верховного Совета П. М. Гаврилов, возглавлявший в те дни оборону Восточного форта крепости, удостоен звания Героя Советского Союза. Другой руководитель обороны, один из ее главных героев и вдохновителей, полковой комиссар Ефим Фомин посмертно награжден орденом Ленина. А всего орденами и медалями по материалам, представленным С. С. Смирновым, награждено более семидесяти участников обороны крепости.

Счастливая перемена произошла в судьбе Петра Клыпы — четырнадцатилетнего трубача из музыкантского взвода 333-го полка, оборонявшего Брестскую крепость. Участники обороны вспоминали этого мальчика как одного из самых отважных героев. Он не погиб тогда, но, став уже после войны нечаянным свидетелем уголовного преступления и не сообщив о нем, отбывал по закону наказание как соучастник. Данные, собранные Смирновым, позволили возбудить вопрос о помиловании Клыпы.

Читая книгу, мы следим за тем, как исправляются допущенные в прошлом ошибки, радуемся торжеству справедливости. Те же чувства испытываешь, читая

главу «Дочери капитана Шабловского», в которой рассказаны судьбы четырех девочек — дочерей героя, который тогда, в 1941 году, предпочел смерть жизни в плену! Сколько заботы проявил о них государство, как превосходно показаны в книге великие достоинства нашего общества. В новой связи все эти факты и воспринимаешь по-новому, с какой-то особенной остротой доходит до тебя их высокий моральный смысл. Многие страницы трагуют до слез. Это слезы возвышенные, укрепляющие дух. Это слезы восторга перед величием подвига советских людей, слезы благодарности героям. История и современность, героика подвига и поэзия человеческих чувств раскрываются на страницах этой небольшой книги.

Над крепостью Брестской на подвиг зовет
Свидетель бессмертия — камень:
— Товарищ, товарищ, за мною, вперед!
На стены, на стены! Под знамя!

Эту песню на мотив «Раскинулось море широко» пели в гитлеровских лагерях наши военнопленные. Безыменная и свободная, для которой не существует преград, она передавала из уст в уста весть о подвиге Брестского гарнизона и уже в годы войны помогла нашим людям жить и бороться.

Книга Смирнова относится к тому новому жанру, который мало-помалу утверждается в нашей литературе и материал которому дают поиски исследователей, ведущие к разгадкам исторических или научных тайн. В возникновении этого жанра есть своя внутренняя закономерность. Речь идет о книгах, в которых показываются не только результаты исследования, но самый процесс научного труда и научного мышления. «Прежде всего, — писал в 1933 году Алексей Максимович Горький, — наша книга о достижениях науки и техники должна не только давать конечные результаты человеческой мысли и опыта, но вводить читателя в самый процесс исследовательской работы, показывая постепенное преодоление трудностей и поиски верного метода».

С каждым годом мы все более убеждаемся в прозорливости Горького и видим, как возникает жанр и как велика потребность в подобных книгах, в которых писатель-исследователь, распуская тайну, повторяя ход своей мысли, вслух анализируя факты, делает читателя соучастником в раскрытии исторических и научных загадок. И тот успех, которым пользуются у

самых разных читателей труд академика И. Ю. Крачковского «Над арабскими рукописями», увлекательнейшие книги по геологии академика А. Е. Ферсмана, — доказательство жизнеспособности этого жанра, его емкости, значительности его перспектив. Доктор биологических наук Р. Ф. Геккер рассказал недавно в научном журнале, как он искал в Ленинграде коллекцию Фольбарта — палеонтолога прошлого века. Трудно оторваться от этой статьи. А с каким интересом встречали читатели печатавшиеся в «Огоньке» очерки Е. А. Таратуты, в которых выяснялась казавшаяся загадочной биография Этель Лириан Войнич — автора прославленного романа «Овод».

Этот жанр представляет собой сложный сплав. Прежде всего названные книги научны — они содержат научные наблюдения и выводы. И в то же время они сродни жанру приключений. Вторгающийся в них широкий жизненный материал сближает их с очерком, а характер повествования — с рассказом. И никто, конечно, не возразит, если сказать, что они содействуют популяризации науки и тем самым примыкают к научно-популярному жанру. Но при этом важно отметить, что эти книги свободны от условных построений детективного сюжета, ибо автор каждый раз имеет дело с новым материалом, из которого каждый раз возникает и новый сюжет.

Материал, к которому обратился С. С. Смирнов, и самая тема делают его работу и в этом смысле принципиально важной и очень значительной. То, что рассказывает Смирнов, ни на минуту не вызывает сомнений в подлинности событий, характеров, чувств, обстоятельств.

Каждое литературное произведение должно обладать этими свойствами — произведение и с вымышленным и с документальным сюжетом. Но дело не только в талантах. Дело и в жанрах. Чехов писал повести не потому, что не мог написать романа. Этому много причин. Но одна из них — «инфляция» жанра. В 1880—1890-х годах роман наводнял книжный рынок и начинал терять для читателя силу жизненной убедительности. Сила воздействия ли-

тературы находится в прямой связи с обновлением и развитием жанров. И достоинство новой книги Смирнова не только в ее новаторской сущности, но и в новизне ее формы: она свободна от привычных, многократно использованных приемов — словесных, сюжетных, образных. Она написана просто, непритязательно, «деловым» тоном, с ощущением ответственности перед темой. Писатель избегает сложных метафор, цветистых эпитетов. Но это сдержанное повествование читается с захватывающим интересом и потрясает, как высокая трагедия. Большое искусство заключено и в композиции вещи (это продиктовано логикой поисков) — то нарастание событий, которое приводит искателя тайны Брестской крепости от скупых строчек письма в Военно-историческом музее к многолюдному митингу на городском стадионе Бреста.

Прочтите эту книгу! Глубоким смыслом наполнятся для вас слова «Тереспольские ворота», «Восточный форт», «Западный остров»... Благородные чувства вызывают страницы, посвященные подвигам капитана И. Н. Зубачова, полкового комиссара Е. М. Фомина и многих других наших людей.

Как часто говорим мы, что писатель должен изучать жизнь. Книга С. С. Смирнова в высокой степени отвечает этому требованию. Она свидетельствует о значительности его человеческого и писательского таланта, об умении говорить о самом трудном и самом важном, братья за воплощение общенародных тем.

О себе Смирнов говорит так сдержанно, что временами начинает казаться, что тайна распутывается сама собой. Но если вдуматься: как благороден и значителен труд писателя, как отвечает он духу избранной темы! Какую огромную воспитательную роль сыграет эта книга — итог упорной и долгой работы, восполняющей наш долг по отношению к героям минувшей войны, — книга, автор которой выступает перед читателями как исследователь, как писатель, как общественный деятель и патриот.

Ираклий АНДРОНИКОВ.

Люди переднего края

Январь 1942 года. Истерзанный вокзал в отбитой у врага Калуге. Обнажившиеся железные балки этажных перекрытий. Лестничные марши, неустойчивые под ногами. Негде укрыться от стужи... Но вот уцелевшая дверь с повисшей на гвозде дощечкой «Агитпункт». Теплый пар рвется из битком набитой комнаты — здесь десантники корпуса генерал-майора Левашова ждут приказанья на вылет.

Нас, двух переводчиц, добиравшихся в свою часть под Калугу, выпускают обогреться. Мы сидим на отведенном нам месте — под письменным столом, все ящики которого пошли на топливо. Бойцы уложили в вещевые мешки выданный им запас продовольствия и спирта. Кто-то на спине у соседа пишет последнее письмо. Кто-то стоя спит, привалаясь к стене, и куски скользкой штукатурки липнут к белому маскировочному комбинезону.

Здесь тепло, тесно и дымно от курева и от самодельной печи. Из этой раскаленной железной бочки по сложенной из консервных банок трубе, вырываясь на ее стыках в комнату, дым уходит в окно, на железнодорожный путь, где застыли меченные вражеской рукой вагоны — «nach Plechanowo».

Здесь, в тесном бывшем вокзальном агитпункте, сидя на своем вещевом мешке, молоденький паренек, такой же, как все, неуклюжий в маскировочном комбинезоне, читал вслух газету о подвиге панфиловцев. Некоторые бойцы слушали его, другие спали и во сне бранились, высвобождая придавленную соседом ногу. А молоденький политрук, чей взвод вот-вот оторвется от Большой Земли, свято делал свое дело. Он твердо знал, что вместе с автоматами, теплым обмундированием и запасом продовольствия люди должны взять в свою солдатскую дорогу и слова о мужестве.

В ту зиму под Москвой командир полка вступившего в бой с противником, подождал находившегося в полку корреспондента «Комсомольской правды». Перед строем пятерых бойцов командир полка велел корреспонденту вынуть блокнот и записать бойцов по фамилиям. «Пишите! Вышеназван-

ные бойцы совершили героический подвиг, подорвав лично гранатами четыре вражеских танка, которые оказывали бешеное сопротивление нашим кавалеристам. Слава героям!.. Еще что-нибудь сильное припишите. Люди ведь на смерть идут».

А когда пятеро вскочивших в седла бойцов умчались, командир полка попросил корреспондента: «Вы уж, пожалуйста, про них напишите. Ребята очень обрадовались, когда я им сказал, что у нас корреспондент имеется. Если хотите, я могу вам фонариком посветить. Время есть, зачем же откладывать?».

«И так трогательно проста была эта просьба, и такое человеческое величие было в том, что я сейчас видел... — рассказывал об этом в своем очерке «Декабрь под Москвой» В. Кожевников. — Какими же словами нужно писать об этом! Да и есть ли они на свете, такие слова?»

Можно ли встретить более благоговейную веру в высокое предназначение напечатанного слова?»

С этой верой люди раскрывали газету, давали на поле боя наказ корреспонденту, с этой верой писатели брались за перо. И в дни величайшего испытания всех сил народа, отражающего натиск фашистских полчищ, рождались газетные очерки, обращенные к самому сокровенному в душе каждого советского человека. Они были насущно необходимы и тем, кто узнавал в их героях самих себя, и тем, кто жил с мыслями о фронте.

«Казалось бы, теперь не до слов: спор решает металл,— писал И. Эренбург.— Но никогда слабый человеческий голос не звучал с такой силой, как на поле боя, среди нестерпимого грохота... Я хочу сказать не о тех томах, которые мы знаем с детства. Их бессмертие доказано годами... Я хочу сказать о хрупком газетном листе, которому положено жить один день, о его торжестве, о силе слова неотстоявшегося».

Хорошее дело сделал Воениздат, собрав фронтовые очерки. Написанные на поле боя, на борту атакующей подводной лодки, с кровавой дороги отступления, на освобожденной земле, они сошли в сборник с пожелтевших уже теперь газетных листов, со старых журнальных полос. Это своего рода летопись войны. Фронт от Баренцева до Черного моря проходит перед нами. Мы читаем о том, как училась воевать и побеж-

Фронтовые очерки о Великой Отечественной войне. В трех томах. Составитель В. Катинов. Редактор полковник А. Крутиков. Том I. 710 стр. Том II. 694 стр. Воениздат. М. 1957.

дать наша армия. Как война, по словам одного из талантливейших ее летописцев, В. Гроссмана, «для нашего народа стала работой, тяжелой, страшной и грозной работой, работой, которой народ овладел во всю глубину и ширь своего таланта, огромной силы, разума, сметки».

Откройте наугад сборник. Вот очерк А. Гайдара о незадачливом бойце Мельчакове и толковом молодом сержанте Ляпунове. С каким ясным чувством написал он в трагические дни отступления! С каким нравственным здоровьем, неисгребимым жизнелюбием, верой в победу и готовностью разделить общую судьбу!

Грандиозность батальной действительно-сти, могучая военная техника не заслоняли от фронтовых писателей человека. «Думаю о том, что показ внутреннего состояния души человека неизмеримо важнее, чем скороговорка о количестве уничтоженных дзотов», — писал товарищу с фронта погибший в 1942 году корреспондент «Комсомольской правды» Николай Маркевич. Так с самого начала войны стихийно складывались особенности фронтовых очерков, передававших человеческий смысл и дух нашей борьбы.

В селе Ново-Михайловском двенадцатилетний паренек Коля Андрианов, скрываясь от немцев в земляной норе, дождался появления наших и провел батальон через минные поля по тропкам, заранее им помеченным вешками, в обход фашистским пулеметным гнездам. Опорный узел фашистов был уничтожен. Село Ново-Михайловское снова стало советским, и Коля бежал на самодельных коньках, цепляясь железным крюком за борт проходящих военных грузовиков.

«И никто не говорил больше о том, что у этого мальчика душа героя и патриота, — так это было обычно для русской подмосковной деревни в героическую зиму 1942 года».

Никто не говорил. Но проезжавший через село военный корреспондент «Правды» Григорий Нилов почувствовал в этой тронувшей его обочины и полный глубоко-го значения волнующий смысл и рассказал о сельском паренке в своем поэтичном очерке «Проводник».

В очерках военных лет звучала патетика боя, ярость схваток, упоение в атаке. Но никогда народное горе не было оскорблено эстетизацией войны.

Раздумьями о преемственности борьбы,

начатой революционным народом в семнадцатом году, верой в победу общечеловеческих идеалов интернационализма и справедливости проникнуты многие очерки с фронтов Отечественной войны.

Всеволод Вишневский писал о картинах художников-окопников, выставленных в дни блокады в Ленинграде: «В них батализм, условность, парадно-маневренный стиль властно вытесняются правдой войны». И глубинная народная выдержка, и окопный быт, и патетика схваток, и балтийские пейзажи, и стремительность боев, и десятки портретов — все это, по мысли автора, должно явиться залогом роста и расцвета послевоенного советского искусства.

Эти слова с полным правом могут быть отнесены к военным очеркам. Риторика и умилительность чужды им. Суровый быт войны, драматизм жизни, воюющий, щедрый, страдающий и побеждающий народ встают в них. Многие очерки глубоко народны — такая в них сокровенность дум и чувств, серьезность и чистота, все то, что потом нашло выражение в лучших послевоенных произведениях.

Уже вышли в свет две книги сборника, на днях поступает в продажу последняя, третья. Читатель найдет в этих книгах полюбившиеся ему в войну, не изгладившиеся из памяти очерки Н. Тихонова и Вс. Вишневского, написанные в дни ленинградской блокады, В. Гроссмана из осажденного Сталинграда, очерки М. Шолохова, Б. Горбатова, И. Эренбурга, П. Павленко, Л. Соболева, Б. Полевого, В. Кожевникова, А. Платонова, Эф. Капиева и многих других военных корреспондентов с разных участков фронта. Их и сейчас нельзя перечитывать равнодушно.

Читатель вновь откроет свежо написанные страницы. Взаимно останутся перед какой-то деталью, эпизодом — например, в очерке Н. Михайловского, где рассказывается о том, как моряк с потопленного врагом корабля продержался всю ночь в открытом море, ухватившись за немецкую мину, готовый подорваться на ней, если подплывут немцы и попытаются взять его в плен; или, прочитав там же слова команды, когда катер оказался в сплошном минном поле: «— Коммунисты, за борт! Руками отталкивать мины!»

Но, может быть, не все полюбившиеся очерки найдет читатель в сборнике, потому что издатели были ограничены в своем отборе замыслом — уделить главное внимание

произведениям, отражающим наиболее существенные события Отечественной войны.

Жаль, что под очерками не стоят даты, не указан орган, в котором они впервые были опубликованы.

Нам дороги фронтовые очерки еще и потому, что мы слышим в них голоса их авторов. Тех, кто не уходил из осажденного Сталинграда, был с ленинградцами в дни блокады, вступал с войсками в освобожденные города, тонул на потопленных врагом кораблях, беззаветно умирал на поле боя. «Мы часто забываем спрашивать себя: какой ценой приобрел военный репортер вот эту драгоценную деталь своих наблюдений, чего ему стоило узнать вот этот факт,— писал Ю. Жуков в очерке «Военный корреспондент», посвященном памяти Николая Маркевича. — ...Мир, который обычно остается неизвестным читателю,—большой, трудный и очень неблагоустроенный творческий мир солдата, у которого штык заменен пером».

Чтобы поведать суровую и великую правду о войне, о бессмертном подвиге народа, писатели, ставшие военными корреспондентами,

ушли на фронт. И для того, чтобы рассказать о нашем освободительном победоносном походе, они должны были пройти через тяжелые будни переднего края, через все тяготы войны.

Слово может быть бессмертным. Но писатели — смертны. На берегу Днепра есть маленький холмик — могила партизана Аркадия Гайдара. Окруженный врагами, до последнего часа сражался Юрий Крымов. Погибли на фронтах Отечественной войны Евгений Петров, В. Ставский, Б. Ивантер, П. Лидов, А. Хамадан, Б. Лапин и З. Хацревин. Каждый четвертый из тысячи ушедших на войну писателей не вернулся. Их имена навсегда дороги нам.

Будущие романисты, историки не смогут обойтись без этих книг фронтовых очерков. Это коллективный труд писателей, в котором живет не утратившее своего воздействия, рожденное в грозные годы, «неотстоявшееся» слово о том памятном времени, когда шел смертный бой «не ради славы, ради жизни на земле».

Е. РЖЕВСКАЯ.

★

Солдаты вернулись домой

Суровыми красками изображены годы войны в романе Г. Леберехта: здесь нет полутонов и полутеней, мазки выпуклые, рельефные, порою грубые.

Связной Рауль Саммас, в прошлом художник, идет под Великими Луками на передовую по льду реки.

«На одном из крутых поворотов русла вблизи разрушенного моста Саммас вздрогнул от неожиданности и стал. На льду под берегом сидел красноармеец с непокрытой остриженной головой и, словно задумавшись, опирался руками о колени.

Саммас не сразу понял, что боец мертв, обледенел.

Художник двинулся дальше, но у него осталось такое чувство, что мертвый русский боец задумчиво смотрит ему вслед и хочет окликнуть».

Этого навек задумавшегося солдата не забудет Саммас; не забудем и мы — читатели.

Александра Олеска, обаятельного, смелого юношу, пощадила пуля в бою, но уже в

освобожденной Эстонии фашистский агент сбросил его под колеса поезда. Весь полк хоронил Олеска. «Солдаты косились на гроб; он казался им непривычно роскошным с серебристой обивкой и украшениями».

Мы понимаем трагизм этой «роскоши»: солдаты за годы войны привыкли хоронить своих погибших друзей завернутыми в плащ-палатку. А иногда вовсе не хоронили, некогда было...

Ганс Леберехт не пытается смягчить или скрасить ратные тяготы тех лет, он рассказывает читателю правду о войне, справедливо полагая, что в этой-то правде и заключено героическое величие времени.

В романе показана история формирования, обучения и боевых действий Эстонского стрелкового корпуса. Основная идея произведения выражена публицистически одним из героев романа, эстонцем Лоопере: «...Это была школа, хотя и мучительная. Воевали, пожалуй, не только с гитлеровскими захватчиками, а и с самим собою и иногда с близкими... Все же из этого котла мы, вчерашние хуторяне в душе, выкарабкались советскими людьми». Вообще-то так

Ганс Леберехт. Солдаты идут домой. Роман. «Советский писатель». Редактор Н. Ходза. 436 стр. Л. 1957.

«обнаженно» главную мысль книги полагается высказывать рецензентам, а не действующим лицам: люди редко видят сразу, тотчас, политический смысл своих поступков. Но большая заслуга художника Леберехта — а он художник истинный — и в том, что он свою идейно-творческую задачу конкретизировал в целой галерее глубоких, психологически достоверных, ярко выразительных образов людей.

Фактически читатель познакомился и свыкся всего с горсткой солдат, но мастерство писателя проявилось в том, что мы видим за ними не только весь корпус, но и всю Эстонию, ту Эстонию, которую осенью 1941 года покинули и куда с боями, с атаками вернулись через три года храбрые эстонские стрелки.

В строй они пришли не обученными военному делу. Но это еще полбеды. Они принесли в полк груз социальных и психологических противоречий, вполне типичских для такой молодой республики. Наввно было бы предполагать, что эти сложнейшие противоречия сгладятся, мгновенно же исчезли. «Котел», о котором говорит Лоопере, действительно был. Было горнило войны, в котором мужали, закалялись, очищались от ржавчины капиталистических навыков, привычек, обычаев люди.

Вот хуторянин Ныммик, фигура колоритная и характерная для тех лет. Все его помыслы, мечты прикованы к оставленному на родине клочку земли; он резко сторонится товарищей, искренне не понимает, что такое дружба, солдатское братство.

Еще под Нарвой Ныммик надежно спрятав в вешевой мешок тяжелый, крепкий («ломом не собьешь») замок: пригодится в хозяйстве. «Запереть бы на такие замки все дороги к родному хутору» — вот мечты наивного Ныммика. Всю-то войну он носил в мешке этот замок и в отчаянии бросил его на эстонскую землю, узнав, что фашисты начисто ограбили хутор, даже бочки с солонной из земли выкопали.

Вот Анте Илус — бывший коммивояжер. Все силы незаурядного своего ума он тратит на торгашество, на различные хитрозатейливые аферы. Он убежден, что деньги, только деньги обеспечат ему уютное «место под солнцем».

Вагур так же, как Ныммик, сторонится товарищей, но причина тут иная: ведь он студент, он знает множество латинских изречений, он образован и, как подобаег благопристойному буржуазному интеллигенту,

презирает плебс, солдатчину, армейскую лямку, подчинение.

С образом Саммаса в роман входит тема искусства. Саммас — художник молодой, очень молодой, не избалованный судьбой, но и он с грустью вспоминает таллинские кафе, где так приятно было рассуждать с приятелями о «свободе» искусства, о французском импрессионизме и прочих очаровательных, а как на войне выяснилось, полностью никчемных вещах.

Отражение свирепой классовой борьбы, кипящей в Эстонии, оставленной ушедшими вперед солдатами, воплотилось в судьбе Олеска: образ этого светлого, полного поэтического обаяния юноши — значительная удача писателя.

Среди немецких военнопленных Олеск встречает земляка, Аугуста Митта. От земли его отца — кулака Митта-старшего — по советской земельной реформе отрезали клин семье Олесков.

«— Мои живы? Отец, мать... все? — Он не спускал напряженного взгляда с лица молодого Митта.

— Живы, а что им... — Митт боязливо мигнул рыжеватыми ресницами.

— Так... ну, хорошо... Ты вышел из игры, а мне еще воевать с вами...»

А в это время и отец и брат Олеска уже были застрелены старым Миттом. От руки пособника Митта — Пунапарта — погибает векоре и сам Олеск.

Художественная литература существует не для информации о жизненных событиях, а для мощного, выразительного, предметного, «зримого» изображения жизни — во всей ее сложности и противоречивости.

Мы видим, что Леберехт стоит именно на этой плодотворной позиции: средствами словесной живописи он показывает людей в действии, в поступках, он привлекает для характеристики героев меткие реалистические детали; он понимает, что читателю правдивый, «зримый» эпизод нужнее многословных описаний. И там, где писатель твердо и последовательно осуществляет свои принципы, где рисует жизнь и людей предметно и «вещественно», он достигает наибольшей творческой удачи.

Нет надобности подробно излагать мучительно трудный процесс перевоспитания героев романа, — собственно, для этого пришлось бы пересказать содержание всего произведения.

Решающим, кульминационным моментом тут является битва за Великие Луки, где

эстонские стрелки показали не только выдающееся ратное мастерство, но и душевную стойкость, патриотическую преданность Родине; здесь каждый солдат проверил огнем и свою боевую выучку, и свой характер, и свои политические убеждения.

Грандиозная Великолуцкая битва показана в романе масштабно, стереоскопично: писатель не умалил силы, опытности противника, подчеркнув этим честь и славу Эстонского стрелкового корпуса.

Зато боевые действия корпуса в самой Эстонии изображены клочковато, хроникально; они распадаются на отдельные эпизоды, и, вероятно, без них можно было бы вполне обойтись, сосредоточив все внимание на психологических переживаниях солдат, вновь обретших свою родную землю.

Кстати, и картины послевоенной жизни в Эстонии, данные в эпилоге, мне кажется, не совсем удался автору: слишком уж идиллически они изображены. Вряд ли герои книги ждала дома, по крайней мере на первых порах, легкая жизнь.

С сожалением придется сказать и еще об одной неудаче автора. Образы офицеров и политработников не получили в романе полного художественного воплощения.

Бравый комиссар батальона Кристьян Воог показан только внешне. Мы, конечно, запомним, что он носил папаху Чапаева. «Рассказывали, что во время его недавних скитаний по России какая-то женщина подарила ему папаху легендарного Чапаева, и теперь он не расставался с нею». Деталь, что и говорить, эффектная, но все-таки случайная. В облике Воога есть немало привлекательного, и мы верим, что героиня романа Хилле могла беззаветно полюбить его, но все же душевная жизнь Воога показана недостаточно сложно и проникновенно.

И еще менее удался писателю образ поллитрука Мыттуса. Вот мы слышим его речь к солдатам:

«Мы прожили вместе два трудных боевых года, товарищи. Не кажется ли вам, что за это время мы несколько изменились все? Стали чище душой, крепче духом, мужественнее, а главное — научились больше понимать в жизни... Братская боевая дружба спаяла нас со всеми народами, которые сегодня сражаются в Красной Армии».

Разумеется, все это правильно, но ведь здесь нет своеобразия речи Мыттуса, а следовательно, нет и своеобразия его душевного склада.

А ведь умеет Леберехт совсем по-иному

изображать своих героев и, в частности, того же Мыттуса. Вот после окончания битвы за Великие Луки Мыттус на рассвете стоит у церковной ограды. «Целая поэма звуков, о существовании которых он забыл уже, вновь воскресла. Он услышал шелест и хлопанье крыльев, мягкий звук упавшего вниз комка снега, добродушно-домовитое воронье карканье, шум капель, посыпавшихся дождем с ветки березы. Он с радостным умилением прислушивался к этой гамме забытых, утраченных звуков. Милые, дорогие голоса жизни!»

Да, эта тишина после боя полновучна, по-умному многозначительна, мы чувствуем, как дивно прекрасна мирная жизнь, и одновременно видим чуткость души Мыттуса, проникаемся к нему симпатией.

Если б вот так же, всегда и везде, серьезно, глубоко и художественно писатель изобразил душу Мыттуса, то мы смогли бы с удовлетворением сказать, что в нашей литературе появился новый полноценный образ политработника — наставника и старшего друга бойцов.

Остальные офицеры выполняют всего лишь точно разграфленные служебные функции, и трудно считать их живыми людьми, художественными персонажами.

Правда, Г. Леберехт написал роман о солдатах. Может быть, этим можно объяснить, что он отдал все свои творческие силы изображению рядовых тружеников войны.

А солдаты показаны удачно; разными они пришли в армию, разными вернулись домой, в Эстонию, по-разному сложатся их дальнейшие судьбы, но читатель поверит, что герои романа стали новыми людьми, превратились не только в советских воинов, но и в советских граждан. Таким образом он раскрыл величие Советской Армии — носительницы благородных идей коммунистической нравственности.

Новый роман свидетельствует о возросшем мастерстве Леберехта. Мужественный, чуть-чуть аскетический стиль писателя сделался более пластическим, более выразительным; уверенно, опытной рукой автор изображает сложные жизненные события, требующие и такта, и пронизательности, и, в конце концов, писательской мудрости.

Не бедна наша многонациональная советская литература хорошими книгами о Великой Отечественной войне. Но бесспорно, что и роман Леберехта не затеряется в ней, а отыщет путь к сердцам читателей.

Виталий ВАСИЛЕВСКИЙ.

Правдивое повествование и банальный детектив

Сразу и не скажешь, почему с первых страниц иной, даже тоненькой, книжки о войне у тебя рождается ощущение достоверности, подлинности происходящего. И крепнет по мере чтения чувство заинтересованности в судьбе показанных людей, в ходе описанных событий.

Капитан, командир роты, вместе со своими офицерами принимает новую позицию на передовой — лесистый овраг с болотом, глубоко вдавшийся во вражескую оборону. Это — распроклятое место! Советские воины, сидящие здесь в сырых окопах, обстреливаются фашистами с трех сторон и днем и ночью: противник хочет во что бы то ни стало выровнять линию своей обороны, ликвидировать опасную «занозу», торчащую в ней.

Майор, который знакомит с позицией капитана, дойдя до открытой луговины перед оврагом, надвигает поплотнее фуражку и, посоветовав офицерам рассредоточиться, чуть пригнувшись и петляя, бежит под прикрытые дальних кустов. Пули свистят над ним. Достигнув оврага, он, поджидая товарищей, невозмутимо счищает щепочкой грязь с сапог. «Ну, как?» — спрашивает он капитана, подбежавшего первым. «Хорошее местечко», — отвечает тот, тяжело дыша. «Куда уж лучше!» — охотно соглашается майор... Будто бы ничего не значащий короткий диалог, а о скольком он говорит! И о желаниии молодого капитана показаться обстрелянным воякой, и о добродушии ветерана-майора, и о бесстрашии обоих советских офицеров, для которых необходимый риск — привычное дело.

Подобные сцен и диалогов, показывающих войну и людей на войне такими, какими они были на самом деле, немало в «записках офицера» Бориса Зубавина. Герой книжки «Поединок», как и сам автор, в первых месяцах Великой Отечественной войны — на фронте, он побывал во многих переделках. Но капитан, от лица которого ведется повествование, вовсе не такой уж опытный и решительный командир, каким считают его, например, окружающие, он хорошо знает за собой немало недостатков: излишнее легковерие и самолюбие, скрытность характера, недостаточно хорошее знание жизни и людей. Бывает и так,

что он готов поддаться первому чувству — скажем, приняв в овраге позицию, капитан чувствует себя так, словно его «загнали в мышеловку, и теперь осталось только хлопнуть ее».

Но командира окружают замечательные люди — солдаты, сержанты, офицеры. Автор умеет показать их, как живых людей, каждого со своей собственной биографией, с характерной именно для него речью. Вот почему кажется, что ты уже встречал на фронте и бесстрашного, инициативного лейтенанта Лемешко, принявшего решение выдвинуться со своим взводом далеко вперед и смело отразившего ночную атаку превосходящих сил врага; и младшего лейтенанта Огнева с его доброй застенчивой улыбкой; и замполита Никиту Петровича Халдея, который днюет и ночует у солдат в окопах. Когда Халдей, усталый, спит на ротном КП, то он «беспокойно ворочается, стонет, взмахивает руками и за ночь раз пять просыпается. Вскочит как угорелый, сядет на нарах, поджав под себя ноги потурецки, и начнет поспешно крутить длинную сигарку. Закурив, снова ложится, тут же, как провалившись в бездну, засыпает, а сигарка падает на пол».

Кто хоть раз ночевал в землянке, в непосредственной близости от противника, который может в любую минуту сделать вылазку, тот сразу вспомнит это тревожное ощущение передовой, верно переданное писателем. И припомнит еще одно чувство, охватывавшее тебя на войне: чувство локтя, кровного товарищества, чувство семьи родной. Верные, надежные ребята, которые пойдут, если нужно, в огонь и воду, окружают тебя, вот почему и в сыром овраге, под огнем тебе кажется, что ты у себя дома.

Порою лишь ненадолго появятся в книге люди, но их видишь, запоминаешь. Так запомнились фансонистые полковые разведчики, большие любители поспать, но в бою показавшие себя настоящими орлами, запомнились петезоровцы — пожилые, степенные, серьезные люди, до того привыкшие ходить парой, неся свое тяжелое ружье на плечах, что, даже когда они «были без ружья, все равно шли в затылок», запомнилась совсем эпизодическая фигура писаря Кардончика, который был до того изумлен, когда он, штабник, прорвался вместе со старшиной с термосами горячей каши

и шей в полуокруженную роту, что вместо приветствия «лишь галантно поклонился» командиру.

Автор знает цену острого солдатского словца, умело пользуется оружием смеха. Полна юмора фигура часового Мамырканова. Маленький, кражистый, хитроватый солдат-казах пришел в роту из артиллерийских повозочных. Стоя на посту, он «доверительно» сообщает командиру, что не умеет стрелять, не умеет пользоваться гранатой, не умеет ползать по-пластунски. Зачем он это говорит? А затем, чтобы его не послали в разведку. Мамырканов панически ее боится. По приказу командира ветераны боев тут же, в овраге, в ротном «тылу», учат солдата стрелять, бросать гранату, ползать по-пластунски. «От же гарный разведчик получается с тебя. Ползаешь, як тот... як его... краба», — беззлобно комментирует его действия ротный балагур Иван Пономаренко. И приходит день, когда часовой сам напрашивается в разведку и возвращается с «языком». «Милый, чудесный Мамырканов! В какого славного боевого солдата превратился он за это время!» — радуется командир, поздравляя героя, и вместе с капитаном радуешься превращению Мамырканова и ты, читатель.

В «записках офицера» показано становление не одного Мамырканова. В бывалых воинов превращаются многие солдаты и офицеры роты. Таким под силу сбить врага с «неприступных» рубежей, идти вперед, на запад, до победы. В настоящего командира вырастает лирический герой книги. И, признаться, непонятно, почему автор со второй половины своих записок снова превращает его чуть ли не в «желторотого птенца».

Из госпиталя после ранения капитан попадает в пограничный полк по охране тыла Действующей армии (фронтовая судьба писателя Б. Зубавина тоже сложилась именно так). И вот, начиная с этого момента, выдержанная в строгой правдивой форме «записок офицера» вещь распадает-

ся на две разные по манере половины, кое-как связанные друг с другом несколькими эпизодическими фигурами и несложным сюжетным ходом.

В начале книги на миг появился солдат Лопатин с многозначительно-неприятным лицом, тут же «пропавший без вести» при весьма загадочных обстоятельствах. Во второй половине книги Лопатин, сдавшийся в плен, прошедший обучение в школе вражеских разведчиков, переброшен в тыл Советской Армии и тайно работает радистом у немецкого шпиона Гуго Фандриха, скрывающегося под личиной добродушнейшего командира банно-прачечного отряда майора Толоконникова. Герой книги, учась теперь воевать с врагом другими средствами, оказывается в положении «доктора Ватсона» при армейском Шерлоке Холмсе — капитане Бардине. Поединок советских разведчиков с фашистским резидентом, построенный по известным из приключенческой литературы образцам, заканчивается победой наших воинов, но если с первых страниц книги не произошло ощущение: «Да, вот она — война, так ковалась победа!», то к концу ее появляется другое чувство: «Вот он, военный детектив!»

На детектив сделан упор и в названии книжки, и в рисунке на обложке, изображающем — в который раз! — разведчика в развеваемой плащ-палатке, идущего с карманным фонариком по следу врага.

Надеемся, никто не подумает, что мы хотим бросить камень в авторов приключенческой литературы. Нет, но мы против того, чтобы одно произведение было написано в двух совершенно различных жанрах, один из которых при этом явно чужероден дарованию писателя. Мы против того, что сюжет банально написанного Б. Зубавиным «поединка» помешал развитию правдивых, честных и талантливых «записок офицера». Думается, что автор должен еще раз вернуться к своей работе.

К. ЛАПИН.

Повесть о московской школьнице

Жила в Москве девочка. Жила, как все московские девочки: училась в школе, ходила в театры, кино. Любила каток. Много читала. Летом ездила в Серебряный бор и Химки. Волновалась перед экзаменами. Из пионеров ее «передали» в комсомол. В дружной, хорошей семье, кроме матери и младшей сестры, была еще бабушка Марья Сергеевна. У бабушки была необычная жизнь. Когда-то, в далекие годы гражданской войны, она добровольно ушла на фронт, была политработником легендарной Чонгарской кавалерийской дивизии Первой Конной армии и заслужила редкую в то время боевую награду: орден Красного Знамени.

Девочка исправно посещала санитарный кружок, участвовала в соревнованиях, организованных горкомом Красного Креста, и очень гордилась тем, что их школьный отряд занял второе место. Научилась стрелять из мелкокалиберной винтовки, получила значок «Юного ворошиловского стрелка» и, конечно, не предполагала, как это ей все пригодится.

На второй день войны Ирина Левченко пришла в райком Красного Креста. Там было много ее сверстниц, и вот Ирина Левченко уже в новом качестве — «командир отделения санитарной дружины».

Получено первое боевое задание — дежурство в... бане. Ирину и ее подруг это несколько обескуражило. Но им объяснили: баня — это очень важно. В случае воздушного налета там будет медицинский и обмывочный пункт.

Ночь. Шесть девушек в белых марлевых косынках на посту. «В эту ночь тревоги не было». Этими словами и начинается книга Ирины Левченко «Повесть о военных годах».

Прошло две недели, и Ирина Левченко оказалась на фронте. Это ей удалось не сразу, но помогла настойчивость и, чего греха таить, хитрость: она скрыла свой юный возраст.

Четыре года провела она на фронте. Начала боевую жизнь в операционно-перевязочном взводе, стоявшем в лесу под городом Починок в Смоленской области. Закончила войну офицером-танкистом в центре Германии.

Ирина Левченко. Повесть о военных годах. Редактор Г. Ершов. 376 стр. «Молодая гвардия». М. 1957.

В книге Ирины Левченко рассказано о многом: о горечи первых неудачных месяцев войны и о радости победы, о тяжелом воинском труде и о том, какой великой наградой за этот труд, раны и усталость были встречи с людьми, освобожденными от фашистского рабства на нашей советской земле, в Румынии, Болгарии, Венгрии.

Много надо было девушке потратить душевных сил, чтобы привыкнуть к тяжелому ратному труду. Надо было победить страх за собственную жизнь, преодолеть боязнь чужой крови, вырывавшейся горячей napристой струей. Вот девушка впервые присутствует при ампутации. «У меня похолодели руки и ноги. Я чувствовала, что бледнею, и, как в тумане, зажимала и зажимала сосуды.. Наконец все кончилось.казалось, никакая сила не может заставить меня дотронуться до лежащей на столе, отдельно от тела раненого, ампутированной руки».

Приходилось ко многому привыкать: спать на земле, прыгать на ходу из машины, лежать в кювете, когда над шоссе проносятся вражеские самолеты. Короче говоря, надо было привыкнуть чувствовать себя солдатом.

И московская школьница все превозмогла, стала настоящим военным человеком.

В числе достоинств книги Ирины Левченко есть одно очень важное — знание дела. Шли бои за Сталинград, Левченко в это время была курсантом танкового училища. Она вспоминает: «Танк пошел быстрее, морозный воздух, став вдруг очень злым и колючим, обжигал лицо, ветер забрасывал в открытый люк острые снежинки. Танк шел».

Понаслышке, по чужим рассказам так, пожалуй, не напишешь, надо самому вести танк, чтобы почувствовать этот злой, колючий ветер.

Много хороших, смелых людей повстречала Левченко на фронте. Надолго запомнится читателю старый, не умеющий стрелять доктор Покровский. Обычно он побаивался личного пистолета — как бы нечаянно не выстрелить. Но случилось встретиться с врагом, и старый доктор предпочел смерть позорному плену, сумел попасть в собственное сердце. Полубит читатель и гвардии капитана Андрея Колбинского, погибшего в конце войны, посмертно удостоенного звания Героя Советского Союза,

Не останется чигатель равнодушным к подвигу сержанта Коваленко, расстрелявшего своего брата, который изменил Родине.

Живые люди с их разными характерами и страстями; увлекающиеся и рассудительные, мужественные, как Колбинский, Котловец и Коваленко, и подлые трусы, вроде Фомина, заполняют страницы книги. Особенно хорошо, с теплотой и любовью рассказала Ирина Левченко о политработниках, комиссарах, встретившихся ей на боевом пути.

В тяжелые осенние дни 1941 года увидела она комиссара Хромченко. Это он, пожилой, спокойный человек с орденом Красного Знамени за гражданскую войну, выводил людей из окружения, внушал бойцам непоколебимую уверенность в неизбежной победе. Многие, пишет Левченко, хотели походить и на комиссара Кузьмича, человека глубокой партийности.

С большим волнением описаны встречи наших войск населением Румынии, Венгрии, Болгарии. Внимательно присматривалась

будущая писательница к этим встречам, запомнила их и донесла до читателей.

Конечно, не все гладко в книге Ирины Левченко. Подчас ей изменяет чувство меры, проскальзывает ненужная выпренность. Есть и длинноты. Не мешало бы затушевать заметное кое-где чрезмерное сосредоточение на своем собственном «я».

Недостатки эти досадны, но, в общем, это хорошая книга о войнах нашей армии, сражавшихся с врагом ради мира и счастья простых людей. Это книга о нашей славной, мужественной молодежи, беспредельно преданной своей Родине.

Хочется сказать о дальнейшей судьбе автора.

После войны Ирина Левченко окончила две академии: Академию бронетанковых и механизированных войск и Военную академию имени М. В. Фрунзе. Сейчас она подполковник Советской Армии. Читатель вправе ждать от нее новых книг о том, как сейчас трудится и живет наша армия.

Арк. ВАСИЛЬЕВ.

★

На одной читательской конференции

Курсанты Ярославского пехотного училища имени генерал-лейтенанта Харитонова мало знали о том, что сделал для Родины генерал, имя которого они слышат ежедневно. Было известно, что он прошел путь от солдата Чапаевской дивизии до командующего армией.

Но однажды кто-то из них прочел в «Литературной газете» рецензию, написанную писательницей Анной Караваевой и генерал-лейтенантом В. Позняком, в которой содержалась положительная оценка новой повести Марка Колосова «Товарищ генерал». Повесть была написана о жизненном и боевом пути Федора Михайловича Харитонова.

Курсанты посоветовались в политотделе и решили устроить чигательскую конференцию, на которую пригласили автора повести. Попробовали достать книгу и с большим трудом смогли раздобыть четыре экземпляра. Военное издательство Министерства Обороны СССР выпустило ее столь небольшим тиражом, что, едва по-

явившись в продаже, она уже стала редкостью.

Нет ничего более полезного для советского писателя, чем читательская конференция, где он слышит отзывы на свое произведение из уст самого требовательного и чуткого критика — читателя. И на этот раз вместо обычной рецензии на книгу мне хочется рассказать о широком и содержательном читательском разговоре, вызванном повестью М. Колосова.

Выступавшие на конференции курсанты и офицеры признали эту повесть правдивым художественным произведением, далеко выходящим за рамки одной, пусть даже и выдающейся, биграфии. Писатель нарисовал обаятельный образ Харитонова — подлинного сына своего народа.

Подполковник Фарафонов, словно листая биографию Харитонова, проанализировал, почему М. Колосову удалось показать своего героя полководцем советской военной школы.

Интересно разбирая книгу, подполковник Фелинский отметил, что главным в первой части повести является поединок ума и воли Харитонова и гитлеровского военачальника Клейста.

М. Колосов. *Товарищ генерал. Повесть.* Редактор А. Колесень. 246 стр. Воениздат, М. 1957.

Инициатива все время находилась в руках Харитонов, и в повести последовательно и убедительно показано, как и какими средствами Харитонов сорвал наступление Клейста на Дьяковском рубеже, где фашисты потеряли свыше ста танков.

Курсант Адамчик подробно анализировал корни описанного в книге подвига секретаря комсомольской организации сержанта Карташова, бросившегося со связкой гранат под вражеский головной танк. В этом подвиге проявился цельный характер советского человека. Вряд ли в армии капиталистических стран найдутся солдаты, способные на такое сознательное самопожертвование.

Выполнение воинского долга составляет смысл всей жизни таких героев повести, как Харитонов и Корняков, Петр Бойко и Зина Островская. Это новые советские люди, воспитанные в социалистическом обществе и не представляющие вне его своей жизни. Именно это общее мироощущение лежит в основе их боевой дружбы.

Участница конференции Куркина подробно остановилась на том, как обрисованы в повести взаимоотношения Харитонova и его жены. Как ярко очерчивает образы обоих обращенная к Харитонову фраза его жены — Надежды Федоровны, звучащая в ее устах упреком:

«— Ты командующий армией, а все время предпочитаешь жить, как солдат».

Товарищ Баранов говорил о наиболее, по его мнению, удавшемся образе книги, об адъютанте командующего капитане Шпаго. Он останавливается на той сцене, когда Харитонов, отстраненный с поста

командующего армией, живет в штабе фронта, ожидая окончательного решения своего дела. В эти трудные для генерала дни Шпаго проявил себя как настоящий коммунист, и, может быть, именно благодаря его заботливой дружбе Харитонов не впал в отчаяние...

Нельзя не согласиться с товарищами, выступавшими на читательской конференции, — повесть волнует своей искренностью. В гамме переживаний Харитонova есть и веселый юмор, и трогательно грустная усмешка, и негодующий, гневный сарказм.

Марк Колосов долгое время жил среди своих героев и показал нам советских солдат, офицеров и генералов высокоидейными, принципиальными людьми с ясным умом и стойким характером, храбрыми и находчивыми, умеющими подчинить личные интересы общественным интересам социалистической Родины.

Как военный корреспондент Марк Колосов встречался на фронте с генералом Харитоновым и хорошо узнал его. Поиски героя — самое трудное для писателя. Колосов нашел своего героя и заставил нас полюбить его, показав в своей книге одного из тех людей, о которых мы, к сожалению, слишком еще мало знаем по нашей литературе.

В повести «Товарищ генерал» раскрыты судьбы советских людей, сложный мир их чувств, тревог, переживаний, устремлений и, главное, борьбы, показана сила народа, воплощенная в мужестве и героизме его лучших сынов. Это и определяет большое воспитательное значение книги.

Герой Советского Союза
С. БОРЗЕНКО.

★

Как лейтенант Шилин стал дважды Героем Советского Союза

Афанасий Шилин попал на фронт в 1943 году, когда Советская Армия уже вела наступление на всех фронтах.

«Опоздавший» на войну молоденький лейтенант, которого звали «малышом» по причине его невысокого роста, попал в гвардейскую дивизию, где было немало героев, ветеранов, умудренных воинским опытом.

Михаил Брагин. *Путь лейтенанта. Документальная повесть.* Редактор К. Руткина. 152 стр. Воениздат. М. 1957.

И вот этот «малыш» становится вскоре дважды Героем Советского Союза: за форсированне Днепра он пслучает Золотую Звезду, а за Вислу—вторую Звезду Героя.

Как же это произошло? Писатель Михаил Брагин поставил себе цель: в жанре документальной повести раскрыть природу подвига советского человека, его поведения на войне.

Для этого писателю пришлось проследить шаг за шагом всю жизнь своего героя. Он подробно описывает его детство, подобное

детству миллионов рабочих и крестьянских детей. Мы узнаем, что Афанасий Шилин вырос и сформировался в рабочей семье, где труд — потребность жизни, где детей не балуют, не изнеживают воспитанием.

Вместе с писателем вы с увлечением проследите шаг за шагом жизнь «мальша». И как он учился в школе, и как дружил с озорными смелыми ребятами — детьми шахтеров, как впитывал в себя впечатления суровой природы Сибири, как стал работать на кирпичном заводе. Будущий герой рос не пай-мальчиком: были шалости и проказы, были набеги на чужие огороды, но решающую роль в формировании характера Шилина сыграло то обстоятельство, что с юных лет он дышал духом рабочей семьи. У своего отца — отличного столяра, с детства узнавшего «почем фунт лиха», Афанасий научился «больше делать, чем говорить». Суровая жизнь и труд выработали у молодого Шилина ясность ума и трезвый взгляд на суть вещей. Такие люди, подчеркивает автор, выносливы в работе, беззаветны и стойки в бою, их эмоции нелегко воспаляются, но, загоревшись, долго не гаснут.

В тридцать девятом году, когда вспыхнула война с Финляндией, Афанасий был в числе подростков, надоедавших военкоматам своими бесчисленными просьбами отправить их на фронт.

Три раза, пока он не закончил школу, Шилин пытался поступить в аэроклуб — и неудачно. Ему отказывают: молод и мал ростом.

Когда началась Отечественная война, Шилин вместе со своими сверстниками осаждал военкомат, настаивая на немедленной отправке на фронт. Они поехали на фронт добровольцем, но в Новосибирске, к великому отчаянию Афанасия, его вернули домой, в Ленинск-Кузнецкий. «Зачем домой?» — спросил он. «Чтобы подрасти», — ответил ему, улыбаясь, майор из военкомата.

Но вот Афанасий кончает артиллерийскую школу, и перед юношей открывается нелегкий путь военной службы.

Автор ведет читателя на фронт, куда едет его герой, присутствует при встрече молодых офицеров в гвардейской дивизии. Первые трудности фронтовой службы и первые ошибки Афанасия, ошибки молодости, неопытности и юношеской самоуверенности: купался в Донце, уйдя из

расположения батареи, дал приказ, не подумав, можно ли его выполнить, не рассчитав своих сил и т. д.

Вместе с Шилиным читатель делает выводы из печального урока гибели его друга: офицер Плотников погиб потому, что, пожалев усталых солдат, не потребовал от них еще более углубить ход сообщения, а потом, когда он шел по этому ходу, сняв каску, осколок пробил ему голову. И Шилин на этом тяжелом уроке понял, что высшая гуманность на военной службе — в строгой требовательности и в разумной дисциплине.

Здесь, на фронте, молоденький лейтенант проходит солдатскую службу во всей ее суровой простоте и сложности, сначала в качестве артиллерийского наблюдателя.

Показывая становление характера офицера Шилина, автор подводит читателя к мысли, что в Советской Армии дарование не остается незамеченным. Писатель подчеркивает, что Шилину не случайно поручили при форсировании острова Хортица ответственнейшую задачу. Здесь сказался закон войны: самых умелых и бесстрашных посылают на самое трудное и опасное. Люди инертные, робкие, не способные решиться на подвиг, потом, когда герои получают награды, иногда злословят: герою, мол, повезло, он оказался на решающем месте. Но в том-то и дело, что нужно завоевать право быть на этом «решающем месте», то есть впереди, там, где наибольшая опасность. И свое «право на подвиг» Шилин завоевал длительным и подвижническим трудом.

Страницы, посвященные бою на острове Хортица, — лучшие в повести. Автор со скупого военного языка переходит здесь на язык художественного очерка и показывает красоту края запорожской вольницы, воспетого Гоголем. Действительно, как чуден, но как и опасен был Днепр в ту ночь, когда наши войска высаживались на остров Хортица. Одни гибли, другие ругались «тяжелейшими словами». Читатель видит Шилина в самом пекле. Три раза он переплывает Днепр на лодке под огнем: радиостанция не работает, и он возвращается за новой. Небольшая группа наших солдат отбивает одну за другой атаки врага. Шилин ведет бой до тех пор, пока у высадившихся на острове есть патроны. «Если нет патронов, если одолевает враг, надо нанести врагу последний могучий удар своей

артиллерией и принять смерть от своих снарядов». И Шилин, атакованный противником, прижатый к берегу, отдает по рации страшный и беззаветный приказ: «Огонь на нас!»

Но смерть на этот раз миновала Шилина. После тяжелой контузии он снова на наблюдательном пункте на днепровском плацдарме.

По-настоящему увлекательны те эпизоды, где автор раскрывает удивительную русскую смекалку Шилина, его отвагу и мастерство. Когда наши части захватили у врага несколько тяжелых орудий без затворов (немецкие артиллеристы успели вынуть и спрятать их), Шилин находит выход: он вытащил шомпол из винтовки, взял из ящика с инструментом молоток и, став у орудия вместе с солдатами, начал невиданную стрельбу прямой наводкой — бил молотком по головке шомпола, и снаряды поражали врага до тех пор, пока на днепровский плацдарм не переправилась наша артиллерия. Вот как бывает на войне!

За подвиг на Дчепре получил Афанасий Шилин славное звание Героя, но читатель видит из книги: нелегко досталась молодому лейтенанту слава.

Вторую Звезду Героя получил Шилин за подвиг на Висле, где в самый критический момент боя, уже тяжело раненный, он бросился к дзоту, гранатой вывел из строя вражеский пулемет и открыл своим товарищам путь к победе.

Нелегкая слава! — как бы вновь говорит автор.

«Путь лейтенанта» — не только повествование о жизни и подвиге Афанасия Шилина. В этой книге писатель анализирует многое из того, что он увидел на войне, осмысливает природу подвига.

Афанасий Шилин — глубоко цельный, ясный человек. В начале своего пути он в любых обстоятельствах, день и ночь, наблюдает за врагом, находясь от него на расстоянии ста метров, и передает с наблюдательного пункта координаты на батарею,

чтобы вести огонь не вообще, «чаще и громче», как иронизируют над плохими артиллеристами, а точно по целям. Так писатель подводит читателя к мысли, что подвиг на войне — это с душой и до конца выполненный приказ. «Выполни приказ!» — это звучит, может быть, чересчур просто, но это и есть начало подвига.

Автору не изменяет чувство меры, он нигде не восторгается своим героем и не делает попыток канонизировать его. И поэтому герой его представляется читателю вполне достоверным, живым человеком, в которого веришь.

Этого нельзя сказать о старших командирах Шилина, которые у Брагина все как-то одинаково хороши, любезны, вежливы, несколько, я бы сказал, иконописны.

Михаил Брагин с молодых лет избрал военную тему и по сие время остается ей верен, верен он и полюбившемуся ему жанру документального очерка, значение которого очень велико. Наши писатели еще в неоплатном долгу перед людьми, которых советские люди называли своими героями. Благодарный народ ставит героям бронзовые памятники. А литературных памятников им еще маловато.

Возможно, одна из причин этого в том, что жанр документальной повести, очерка очень труден. Иной писатель скажет: «Зачем мне обязательно именовать героя Шилиным, назову я его Шишиловым и буду делать с ним все, что мне угодно». Но публицист пишет историю войны, он не может отойти от реальных событий, фактов, имен. Жанр документальной повести требует конкретности и документальной точности и в то же время обязывает ярко раскрывать характер героя, зримо описывать обстановку, в которой он действует.

«Путь лейтенанта» М. Брагина — хороший образец документальной повести.

Эта книга будет одинаково полезна солдату, молодому офицеру и подростку, желающему знать, что такое военная служба, что такое подвиг.

В. КОРОТЕЕВ.

Записки военного врача

В благодарной памяти народа равно живут подвиги воинов всех родов оружия, и на переключке героев, с которой неслышно и незримо начинается каждый день нашей мирной жизни, на этой бесмертной поверке стоят плечом к плечу, локоть к локтю снайпер и танкист, летчик и подводник, сапер и артиллерист, разведчик и партизан.

И в этом же геройском ряду по праву стоят военный хирург, медицинская сестра, санитарка — все те, кто, жертвуя жизнью, пренебрегая смертельной опасностью, не считаясь ни с какими лишениями и невзгодами, спешил на помощь раненому защитнику Родины, спасал его жизнь, нес ему выздоровление.

В. Панова в «Спутниках», О. Джигурда в «Теплоходе «Кахетия», А. Коровин в «Записках военного хирурга», Ю. Герман в «Подполковнике медицинской службы» и некоторые другие авторы познакомили нас со многими людьми, чья фронтовая деятельность прошла под сенью Красного Креста. Одни персонажи этих книг давно стали бесплотными тенями, они давным-давно выветрились из нашей памяти. Другие обрели прекрасное долголетие и продолжают жить в нашей памяти так, словно они во все и не литературные образы, словно они входят в круг наших близких фронтовых друзей и знакомых.

Однако на обширной книжной полке, которую составляют документальные повести об Отечественной войне, до сих пор было мало серьезных работ, посвященных фронтовому госпиталю. Записки военного врача В. Гиллера «Во имя жизни» знакомят с героическими буднями госпиталя. Автор книги, полковник медицинской службы В. Гиллер, все годы войны возглавлял сортировочно-эвакуационный госпиталь № 290; это была основная госпитальная база Западного, а впоследствии 3-го Белорусского фронта.

Ценность документальной повести «Во имя жизни» заключается прежде всего в

достоверности и правдивости, с которой рассказано о самоотверженной деятельности громадного медицинского коллектива.

Фронт, в зависимости от обстановки, властно диктовал персоналу госпиталя свои законы, менял весь распорядок и уклад жизни, приносил с собой новые нужды, требования и трудности, не предусмотренные никакими уставами, распорядками, инструкциями.

Случалось, что в настороженную тишину операционной врвался близкий разрыв бомбы и к запаху эфира, хлороформа внезапно примешивались едкие запахи взрывчатки. Случалось, что операционная оставалась без света, а когда загорались первые лампы, успевали заснуть и раненые, и врачи, и сестры, и санитарки, подкошенные сверхчеловеческой усталостью. «Одни из них сидели на табуретках, сложив руки на коленях, другие спали, по привычке вытянув вперед перед собой сложенные в кулаки руки. Попробуйте сделать это вы, у вас руки долго не выдержат такого напряжения и тотчас упадут. А вот у нашего брата, хирурга, этот рефлекс вырабатывается долголетней практикой — хирург больше всего оберегает от загрязнения руки, особенно пальцы». Из-за невероятной перегрузки медицинского персонала люди бывали настолько утомлены, изнурены длительной бессонницей, что всякие совещания и собрания вообще становились невозможными: все засыпало, едва присев на стулья.

Бывало, что машины с ранеными пробирались по лесному захолустью, по бездорожью; автомобили то и дело застревали в грязи, и санитары бросали под колеса и срубленные кусты и свои шинели, лишь бы машины двинулись вперед, лишь бы вывезти раненых из окружения — шоссе уже было захвачено наступающим противником.

Бывало и так, что поезд с ранеными (такой состав назывался «летучкой») уходил со станции под бомбежкой, и нужна была граничащая с героизмом выдержка эвакуаторов и железнодорожников, чтобы

в таких условиях вывести «летучку» из-под огня.

Перед глазами читателя встает фигура коменданта станции Новоторжская, под Вязьмой. Он провожал последнюю «летучку», тяжело опираясь на палку, без фуражки, с опаленным лицом. Врачи-эвакуаторы Муравьева, Кукушкина, безымянный комендант станции, медсестра Меньшикова — вот люди, явившие великолепные примеры мужества. И после знакомства с ними вызывает чувство брезгливости один из работников санитарного поезда — Ерохин: при налете немецких самолетов на поезд Ерохин бросил свой пост, сбежал и был предан военному суду.

То было в горькие дни нашего октябрьского отступления в 1941 году, когда во фронтовых сводках упоминались названия дачных станций и поселков Подмосковья. Уже в те дни автор пришел к выводу: «Война выворачивала наизнанку человека и показывала, чего он стоит на самом деле. Война очищала человека от всякой плесени и ржавчины. Война проверяла и закаляла. Сколько выявилось новых талантливых людей!»

Записки В. Гиллера знакомят с целой галереей таких талантливых людей, исполненных непреклонного мужества, верных сынов народа. Усилиями этих людей госпиталь снискал себе добрую славу среди раненых и завоевал репутацию образцового лечебного учреждения среди военных врачей.

Читатель с интересом прочтет подробности о фронтовой работе главного хирурга Красной Армии, выдающегося ученого Николая Ниловича Бурденко, главного хирурга Западного фронта Станислава Иосифовича Банайтиса. Кроме них, читатель познакомится с группой многочисленных сотрудников госпиталя, с ведущим хирургом Шуром, учеником Бурденко нейрохирургом Шлыковым, о котором говорили, что «у него руки все видят», с учеником Спасокукоцкого хирургом Мининым, с хирургом Цирлиной, которая успешно производила сложные операции на сердце, с бес-

сменным комиссаром госпиталя Савиновым и многими другими.

Страна по-матерински заботилась о своих раненых защитниках. И когда у госпиталя не хватало своих средств и сил, на фронтовых дорогах Смоленщины перевозкой раненых были заняты московские автобусы с еще сохранившимися маршрутными табличками «Таганская площадь — Курский вокзал» или санитарные машины с несмываемой надписью «для рожениц». Когда не хватало санитарных самолетов, им на помощь во имя жизни раненых подчас приходили боевые самолеты...

Записки В. Гиллера охватывают только первый этап войны. Читатель с интересом будет ждать продолжения этого повествования и новых встреч с теми работниками госпиталя, которые ему запомнились и понравились.

Все ли действующие в книге лица могут быть причислены к хорошим знакомым читателя? Нет, не все. О некоторых людях автор рассказал невнятной скороговоркой, иные персонажи написаны недостаточно отчетливо и умело, их характеры не выступают за перечнем событий и происшествий, иных своих героев автор оставляет на полдороге, не сообщая читателю об их дальнейшей судьбе, описанию иных поступков, поведения персонажей не хватает психологической глубины. Читатель вправе ждать от автора во второй книге записок устранения этих недочетов.

Но в книге есть главное — горячая любовь и к работникам госпиталя и к раненым. И автор глубоко прав, когда взволнованно пишет о днях пребывания госпиталя в прифронтовой Москве: «Мы выставим мемориальные доски на домах умерших знаменитых людей, увековечиваем дома во имя тех или иных событий. Почему бы не повесить мемориальную доску у такого вот подвала с надписью в несколько слов: «Здесь в трудное время, в декабре сорок первого года, лежали раненые бойцы, защищавшие столицу!»

Евгений ВОРОБЬЕВ.

Политика и наука

Третий том «Истории гражданской войны в СССР»

В тридцатых годах по инициативе А. М. Горького было предпринято издание многотомной «Истории гражданской войны в СССР».

Недавно вышел третий том, подготовленный Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Хронологические рамки третьего тома — ноябрь 1917 года — март 1919 года. Всего семнадцать месяцев, но сколько великих исторических событий вместили они! Страница за страницей повествует книга о героическом подвиге народа, его непреклонной решимости выйти победителем из жесточайшей схватки с врагами, любой ценой отстаивать самое дорогое и святое — молодую власть Советов, первое в мире государство рабочих и крестьян.

Герой этой интересной и содержательной книги — народ, разбуженный революционной бурей, поднявшийся на борьбу за новую жизнь. Шаг за шагом авторы показывают, как простой «человек с ружьем» храбро и стойко защищал родную землю от вооруженных до зубов австро-германских, англо-французских, американо-японских интервентов, громил белогвардейские полчища, подавлял кулацко-эсеровские мятежи. Эпоха гражданской войны встает перед сознанием читателей в своей исторической конкретности и величии.

Душой и совестью восставшего народа была партия большевиков, которая из маленькой кучки революционеров выросла к октябрю 1917 года в многотысячный авангард рабочего класса, штурмующего старый мир. Книга показывает партию в действии, в борьбе.

Множество ярких фактов, приведенных в книге, обогащает наше представление о титанической деятельности В. И. Ленина в то грозное время, о его руководстве военными делами, о его близости к народу и умении прислушиваться к голосу масс.

«В. И. Ленин был сердцем революции, гениальным полководцем в начавшейся ве-

ликой битве трудящихся,— сказано в книге.— Он, как никто, умел видеть и великое и малое, предсказывать громадные исторические переломы и в то же время учитывать и использовать каждую маленькую деталь; он умел, когда нужно, решительно наступать и, когда нужно, отступать, чтобы готовить новое наступление. Он не знал никаких застывших формул; ничто не закрывало его мудрые, всевидящие глаза. В. И. Ленин был прирожденный вождь пролетарской армии, гений рабочего класса».

В тревожные дни декабря 1917 года, когда против предложения Ленина о заключении мира выступил единый фронт от кадетов и октябристов до меньшевиков, эсеров и поддерживавших их «левых коммунистов», проходил общеармейский съезд, посвященный демобилизации армии. Ленин предложил делегатам съезда заполнить анкету с вопросом: способна ли армия противостоять немецкому наступлению, если оно начнется 1 января 1918 года. Делегаты единодушно дали отрицательный ответ, подтвердив правоту ленинской оценки положения в армии. Заполненные анкеты были доставлены в тот же день в Совнарком, рассматривавший вопрос о состоянии армии и соотношении сил на фронте.

Спустя два месяца по предложению Ленина Центральный Комитет партии вынес решение немедленно выявить отношение трудящихся к вопросу о заключении мира. На основании этого решения ВЦИК 25 февраля 1918 года послал соответствующий запрос губернским, уездным и волостным Советам. Подавляющее большинство местных Советов, выражая волю масс, горячо поддержало ленинскую точку зрения.

В те трудные годы гражданской войны, справедливо подчеркивают авторы, Коммунистическая партия, ведя борьбу за централизацию руководства, неуклонно осуществляла ленинские нормы коллективного руководства, не допуская подмены коллективного решения принципиальных вопросов единоличным. Несмотря на суровую военную обстановку, ежегодно созывались съезды партии, регулярно, по нескольку раз в год, а иногда и по два-три раза в месяц, собирались пленумы Центрального Комитета, рассматривавшие жизненно важные для страны и партии вопросы. В книге

История гражданской войны в СССР. Том третий. Упрочение Советской власти. Начало иностранной военной интервенции и гражданской войны (ноябрь 1917 г.— март 1919 г.). Редакционная комиссия тома: Найда С. Ф., Обичкин Г. Д., Петров Ю. П., Стручков А. А., Шатагин Н. И. 404 стр. Госполитиздат. М. 1957.

убедительно показано, как в ходе гражданской войны Коммунистическая партия завоевала безраздельное признание масс.

Достоинством книги является то, что описание и анализ исторических событий сопровождаются и иллюстрируются богатым и разнообразным документальным и мемуарным материалом. Перед нами не холодная историческая летопись, а живой, увлекательный и вместе с тем научно достоверный рассказ об огненных годах гражданской войны.

Авторы дают картину триумфального шествия Советской власти в различных районах страны — в Белоруссии, Прибалтике, на Украине, в Молдавии, на Дону, в Туркестане, на Южном Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке. Подробно показан процесс создания и становления Красной Армии, которая в марте 1918 года насчитывала 150 тысяч человек, а к концу года выросла в миллионную. Перед читателем проходят события, связанные с началом вооруженной интервенции Антанты, первые победы Красной Армии, крах германского нашествия, военные события на юге России, на Украине и боевые операции на Восточном и Северном фронтах.

Зримо и убедительно показывают авторы, как партия растила и укрепляла вооруженные силы молодой республики Советов, обеспечивала разгром многочисленных врагов. Особенно отчетливо это видно на примере Восточного фронта, куда партия направила тысячи коммунистов из Москвы, Петрограда, Тулы, Иваново-Вознесенска, Нижнего Новгорода, Твери и других городов. К концу 1918 года в армиях Восточного фронта насчитывалось около 25 тысяч коммунистов. В. И. Ленин непосредственно руководил укреплением войсковых соединений. В армиях создавался партийно-политический аппарат. В дивизиях были организованы политотделы, а в частях — коммунистические ячейки. Меры, принятые партией, резко подняли боеспособность войск, позволили им перейти к широким наступательным операциям, остановить, а затем отбросить врага от берегов Волги.

Неопровержимые документальные свидетельства, приведенные в книге, пригвозждают к позорному столбу истории правителей западных стран, навязавших Советской республике кроваво-пролитные изнури-

тельные битвы. Буржуазные пропагандисты, как известно, изображают гражданскую войну в России как «хаос и междоусобицу, спровоцированную большевиками». На самом же деле именно империалисты, поднявшие меч против революционной России, вынудили ее взяться за оружие.

Нити многочисленных заговоров, мятежей, диверсий вели к послам, консулам, военным советникам, тайным эмиссарам западных держав. За спиной белых генералов и казачьих атаманов неизменно стояли их иностранные хозяева. Доказательств этому в книге немало. Вот Каледин собирается в поход на Москву и Петроград. Он стремится объединить для борьбы против Советской власти контрреволюционные силы Дона, Кубани, Терека, Астрахани, Урала и горных районов Северного Кавказа. Вдохновителями Каледина выступают американский консул в Москве Пуль, долгое время находившийся на Дону, американский консул в Тифлисе Смит, глава британской военной миссии на юге России генерал Шор, военные представители Франции полковники Шардиньи и Гюше. Западные дипломаты собираются вместе с представителями белогвардейцев на специальное совещание в Тифлисе, и после этого Смит доносит государственному секретарю США Лансингу, что калединская армия, получив материальную помощь Запада, «уже сейчас могла бы начать операции по захвату Тамбова, Саратова и Самары». Вскоре по указанию американского президента Вильсона нью-йоркскому банку разрешается передать Каледину полмиллиона долларов. Английские империалисты в свою очередь ассигновали для южных белогвардейских армий более двадцати миллионов фунтов стерлингов. Вот кто снаряжал так называемую «добровольческую армию»!

Достаточно было в Закавказье возникнуть контрреволюционному правительству, как в Париже состоялось совещание глав правительств Англии, Франции и Италии — Ллойд-Джорджа, Клемансо и Орландо, — которые решили «всемерно поддерживать движение в Закавказье». На Дальнем Востоке, еще до высадки интервентов, участвовали в антисоветских заговорах командующий Азиатским флотом США адмирал Найт, посол США в Японии Р. Моррис, американский консул во

Владивостоке Колдуэлл. В то время как генеральный консул США в Иркутске Гаррис лично заверял Колчака в «полной поддержке», посланник США в Швеции А. Моррис готовил с Юденичем удар из Прибалтики по жизненным центрам России.

До весны 1918 года империалисты действовали через свои посольства и миссии, разжигая гражданскую войну, организуя диверсии и саботаж, снабжая врагов Советской республики деньгами и оружием. Но все это не могло сломить народную власть, прочно утверждавшуюся во всей стране. Тогда империалисты стали на путь открытой военной интервенции.

Книга знакомит читателя с подробностями американской интервенции на Севере, захвата империалистами черноморских портов, высадки иностранных войск на Дальнем Востоке, создания антисоветского плацдарма в Прибалтике. Это была открытая агрессия, имевшая целью поработить и разграбить нашу страну, превратить ее в колонию западных держав. О целях интервенции с циничной откровенностью говорил один из английских капиталистов на конференции Биби-эйбатской нефтяной компании в Лондоне в декабре 1918 года:

«На Кавказе — от Батума на Черном море до Баку на Каспийском море и от Владикавказа до Тифлиса... — появились английские солдаты... Никогда прежде в истории этих земель не было такого удобного случая для безболезненного проникновения английского влияния и английской торговли, для создания второй Индии или второго Египта... Нефтяная промышленность России... явилась бы ценным приобретением для империи».

К 15 февраля 1919 года численность иностранных войск, сосредоточенных только на востоке Советской России, достигла 120 тысяч человек. В армию интервентов, располагавшуюся главным образом вдоль железных дорог и в крупных городах, входили американские, японские, французские, канадские, чешские, итальянские, сербские и польские части.

Какой богатырской силой должен был обладать народ, чтобы в тяжелейших условиях голода, разрухи, эпидемий развешать в прах вооруженные силы интервентов и их белогвардейских наймитов! В жестоких боях крепла и закалялась армия рабочих и крестьян. Вот почему

упоминавшийся нами американский дипломат А. Моррис в своих посланиях торопил Вашингтон с помощью Юденичу. «Важно напомнить, — писал он, — что Красная Армия, вырастая численно, улучшается также и качественно, следовательно, борьба против большевизма позднее будет сложнее, чем сейчас».

Окрепшая и возмужавшая Красная Армия за семь месяцев боевых действий, к февралю 1919 года, освободила от интервентов и белогвардейцев территорию в 850 тысяч квадратных километров с населением свыше сорока миллионов человек, богатые хлебом районы Востока и Юга, открыла доступ к промышленным центрам Урала, к углю Донбасса, восстановила связь с Туркестаном. Начав создание вооруженных сил на основе добровольчества, партия и правительство в условиях все нараставшей интервенции империалистических стран перешли к строительству армии на основе обязательной воинской повинности. Это позволило в короткий срок привлечь в ряды вооруженных сил сотни тысяч, а затем и миллионы трудящихся, создать дисциплинированную, массовую, грозную для врагов армию Советского государства.

Третий том «Истории гражданской войны» расширяет и углубляет наши представления о событиях, имевших огромное значение в жизни Советской страны. Авторы исправили некоторые ошибочные положения, встречающиеся в нашей литературе. Так, например, в книге справедливо указывается, что главным фронтом в 1918 году был не Царицынский, как утверждалось ранее, а Восточный. Касаясь установления Советской власти в отдельных районах страны, авторы показывают не только объективные причины, тормозившие кое-где победу народной власти, но и ошибки местных большевистских организаций в руководстве революционным движением. Очень хорошо, что в книге рассказано о многих незаслуженно забытых военных руководителях и рядовых героях гражданской войны, которые своей кровью завоевывали счастливую жизнь для последующих поколений.

В заключении книги помещен раздел «Борьба Советского государства за мир». Он здесь очень уместен, ибо вооруженный отпор нашего народа и его армии иностранным интервентам сочетался с актив-

ной борьбой Советского правительства за мир, за прекращение кровопролития. С первых шагов существования Советское государство в своей политике исходило из возможности мирного сосуществования двух систем — социалистической и капиталистической. Советское правительство неоднократно предлагало мир державам Антанты, однако империалисты США, Англии, Франции, Италии и Японии даже не откликнулись на мирные предложения.

В этой же главе приведены яркие факты, свидетельствующие о массовом движении протеста трудящихся Западной Европы и Америки против империалистического нападения на Советскую республику. «Руки прочь от России!» — требовали рабочие Лондона и Парижа, Рима и Нью-Йорка. Движение широких народных масс в защиту Советского государства ослабляло натиск на него империалистических стран.

Третий том «Истории гражданской войны» — серьезный, содержательный труд. Но в нем есть и недостатки. От книги можно было ждать более подробного раз-

бора важнейших военных операций, более детального анализа искусства советских военачальников. Конечно, рассказ о военных действиях следовало, как это и сделано в книге, вести на широком историческом фоне, в неразрывной связи с освещением других сторон жизни страны. Но авторам иногда изменяло чувство меры. Так, главы вторая и четвертая, на наш взгляд, могли быть сокращены, а за счет этого следовало более подробно показать боевые действия наших войск.

Но как эти, так и более частные недостатки тома (на которых мы здесь не останавливаемся) не могут умалить общей высокой оценки книги. Отрадно, что она написана простым, ясным языком, делающим ее доступной для самого широкого круга читателей.

Хотелось бы, чтобы Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС поскорее выпустил в свет два завершающих тома этого нужного издания.

*Кандидат исторических наук,
Д. КОВАЛЕНКО.*

★

К истории отрядов Красной гвардии

Легендарной славой овеяна Красная гвардия — детище героического рабочего класса России, вооруженный оплот восставшего народа, гроза врагов революции.

«...Красногвардейцы делали благороднейшее и величайшее историческое дело освобождения трудящихся и эксплуатируемых от гнета эксплуататоров», — писал В. И. Ленин.

К сожалению, наши историки еще не исследовали достаточно полно и глубоко путь, пройденный Красной гвардией, ее разностороннюю деятельность, особенности ее организации и методов борьбы в различных районах охваченной революционным пламенем России. Работы Е. Ерыкалова и Н. Злодеева в известной степени дополняют наши представления о Красной гвардии.

Авторы рисуют начальный этап вооружения пролетариата в февральские дни

1917 года. Называвшиеся на первых порах по-разному — заводская дружина, боевая дружина, партийная дружина, — рабочие отряды затем получили единое наименование «Красная гвардия». Численность отрядов в послефевральские дни быстро росла.

Так стала явью мысль Карла Маркса и Фридриха Энгельса о том, что для победы над буржуазией и поддерживающими ее мелкобуржуазными соглашательскими партиями рабочим необходимо организовать в виде самостоятельной вооруженной гвардии со своими штабами и избранными командирами.

К каким только ухищрениям не прибегали контрреволюционеры, чтобы разоружить рабочих! Но большевистская партия, готовившая массы к решающему Октябрьскому штурму, призвала сохранять оружие для нанесения смертельного удара эксплуататорам. Описывая свою встречу с В. И. Лениным, рабочий завода «Русский Рено» Н. Ухин свидетельствует: «Владимир Ильич сказал, что оружие ни в коем случае сдавать не следует, его нужно раздать членам партии или спрятать, так как оно нам при-

Е. Ерыкалов. Красная гвардия в борьбе за власть Советов. Редактор М. Нишнина-Иваненко. 112 стр. Госполитиздат. М. 1957.

Н. И. Злодеев. Красная гвардия. Редактор А. А. Тонков. 88 стр. Воениздат. М. 1957.

годится. По совету Ленина мы спрятали винтовки в деревообделочной мастерской под полом, где они и находились до Октябрьских дней».

Читатель найдет в книгах Е. Ерыкалова и Н. Злодеева множество фактов, свидетельствующих с кинучей организаторской работе большевистской партии по созданию и укреплению красногвардейских отрядов. Накануне Октябрьского восстания только в Петрограде и Москве в рядах Красной гвардии насчитывалось 35 тысяч рабочих.

Используя многочисленные архивные документы, авторы показывают, как большевики организовали обучение рабочих военному делу. Красногвардейцы изучали основы тактики, огневое дело, штыковой бой, искусство борьбы на баррикадах. О размахе подготовки к восстанию свидетельствует красноречивый факт: в Петрограде в сентябре 1917 года регулярные военные занятия проводились на семидесяти девяти фабриках и заводах.

В. И. Ленин уделял большое внимание обучению красногвардейцев и особенно командиров военному делу. Вот как Н. И. Подвойский описывает в своих воспоминаниях беседу Владимира Ильича с военными работниками, состоявшуюся 17 октября 1917 года:

«Замечательный, говорите, человек? Голову положит за революцию? — спрашивал Ленин. — А какова его военная квалификация? Сам-то он умеет бить без промаха, хотя бы из револьвера? К пушке подойти сможет, если потребует? А на автомобиле перевезет что-нибудь необходимое, если придется? Умеет он управлять автомобилем? Ну, а тактику уличных боев знают ваши командиры Красной гвардии?»

Сохранившиеся списки красногвардейских отрядов свидетельствуют, что большинство их состояло из рабочих-большевиков. На петроградском заводе «Феникс», например, отряд состоял из 41 человека. Из них тридцать были большевиками, девять беспартийными, один меньшевиком-интернационалистом, один левым эсером. Примерно такое же положение было на заводе «Айваз» и других предприятиях Петрограда.

Авторы рисуют картину пятидневных ожесточенных боев Красной гвардии за установление Советской власти в Москве. Особый интерес представляют операции по взятию гостиницы «Метрополь», здания городской Думы и Кремля. Этими операция-

ми руководил М. В. Фрунзе. В бою принимали участие прибывшие в помощь московским рабочим красногвардейские отряды ивановских ткачей.

Красная гвардия олицетворяла неукротимый революционный порыв восставшего народа. В ее рядах сражались представители многих наций и национальных меньшинств, населяющих Россию.

Красногвардейские отряды не только громили вооруженную контрреволюцию, но и подавляли саботаж, боролись со спекуляцией, охраняли фабрики, заводы, железные дороги, сокровища искусства. 11 ноября 1917 года в «Солдатской правде» А. В. Лучачарский, обращаясь к красногвардейцам, охранявшим сокровища Зимнего дворца и Эрмитажа, писал: «Красота ваших поступков на всех новых путях революционной жизни дает мне непоколебимую уверенность, что нашим дружным усилием мы не только сохраним все существующие ценности нашего искусства, но и создадим новые, небывавшие ценности величайшей красоты».

Практическими организаторами Красной гвардии и руководителями ее боевых операций как в Петрограде и Москве, так и в других районах страны были Антонов-Овсеенко, Артем (Сергеев), Ворошилов, Дзержинский, Калинин, Киров, Котовский, Куйбышев, Орджоникидзе, Подвойский, Свердлов, Сталин, Урицкий, Фрунзе, Ярославский и другие видные деятели партии.

Своими подвигами в дни Октябрьского штурма и в период «красногвардейской атаки на капитал» вооруженные рабочие отряды обессмертили себя в веках. Но для защиты только что завоеванной власти от покушений хорошо вооруженных армий империалистических стран красногвардейских сил было недостаточно. Нужна была массовая армия, способная разгромить интервентов. В работе Н. Злодеева читатель найдет специальную главу, рисующую переход вооруженных сил Страны Советов с «красногвардейских рельсов» на путь создания могучей регулярной Красной Армии.

Обе книги — это исторический очерк становления Красной гвардии, ее героической борьбы за власть Советов. Работа Е. Ерыкалова, изданная Госполитиздатом, дает в ряде случаев более подробное описание событий; в книге Н. Злодеева, выпущенной Воениздатом, уделено больше внимания боевой характеристике красногвардейских частей и их важнейших операций.

Однако эти полезные и нужные работы не свободны от некоторых недостатков. Если события в Петрограде и Москве показаны ими довольно подробно, то боевые операции Красной гвардии в других промышленных центрах и районах России обрисованы бегло, схематично. Большой историко-архивный материал, имеющийся на местах, видимо, не был авторами достаточно исследован, поэтому общую картину действий красногвардейских отрядов в стране воссоздать им не удалось.

Скупое показана политическая и пропагандистская работа большевистских организаций в отрядах Красной гвардии и среди ее огромного резерва — передовых рабочих Петрограда, Москвы и других городов страны. Между тем успехи Красной гвардии неразрывно связаны с неустанной политической работой, проводившейся большевистской партией в массах.

Как известно, в рядах вооруженных сил рабочего класса России действовали интер-

национальные красногвардейские отряды — китайские, немецкие, венгерские. Они плечом к плечу с рабочими России вели бои против Каледина, Дутова, Украинской буржуазной рады. К сожалению, Н. Злодеев вовсе умолчал об интернациональных отрядах, а Е. Ерыкалов посвятил им только два абзаца.

Вызывает сожаление и то, что интересный исторический материал, рисующий героические дела красногвардейцев, изложен обоими авторами довольно сухо. Часто встречаются фразы, явно требовавшие редакторского карандаша.

Вечно живая тема нашей великой исторической победы в Октябре 1917 года будет и впредь привлекать пристальное внимание историков. Им еще предстоит создать такую книгу о Красной гвардии, которая своей глубиной и яркостью будет полностью соответствовать героической теме.

Полковник Н. ЛЕБЕДЕВ.

★

Воздушный флот нашей страны

Советского читателя всегда увлекали книги о летчиках, об их славных делах и в годы мира и в суровое военное время. С интересом будет встречена и только что выпущенная Военным издательством книга Б. Л. Симакова и И. Ф. Шпилова, воссоздающая историю отечественной авиации от ее зарождения до наших дней.

Советская авиация — ровесница Октября. Уже на третий день революции по распоряжению В. И. Ленина был сформирован Первый социалистический авиационный отряд, успешно действовавший против бело-гвардейских войск. Одновременно было образовано Бюро авиационных комиссаров. «Важную роль в формировании первых социалистических авиационных отрядов, — пишут авторы, — сыграли созданные Коммунистической партией военно-революционные комитеты. Они руководили на местах организацией авиационных частей, укрепляли их летными и техническими

кадрами, преданными делу революции». К концу гражданской войны около пятидесяти процентов летного состава Воздушного флота составляли коммунисты.

Перед читателями проходят важнейшие события, связанные со стремительным ростом и совершенствованием советской авиации. Мы знакомимся с выдающимися авиаторами, конструкторами, инженерами. Всего лишь за пять лет (1934—1939) самолетный парк страны увеличился более чем вдвое, скорость полета возросла в среднем на семьдесят процентов, а высотность и дальность — на пятьдесят процентов.

С большим интересом читаются страницы, посвященные Великой Отечественной войне. Авторы рисуют ожесточенные сражения наших летчиков с сильным врагом, их настойчивую и героическую борьбу за господство в воздухе. В книге рассказано не только о популярных в народе героях — А. Покрышкине, И. Кожедубе, И. Полбине, Б. Сафонове, но и о малоизвестных авиаторах и их подвигах — о летчике-истребителе А. Горовце, сбившем во время одного из боев на Курской дуге девять вражеских самолетов; о летчике-штурмовике И. Долгове, уничтожившем со своей группой на железнодорожной станции четырнадцать во-

Полковник Б. Л. Симаков, полковник И. Ф. Шпилов. Воздушный флот Страны Советов. Краткий очерк истории авиации нашей Родины. Под редакцией профессора генерал-майора инженерно-технической службы Е. С. Андреева. 472 стр. Воениздат. М. 1957.

инских эшелонов противника; о штурмане дальнего бомбардировщика В. Сенько, совершившем пятьсот боевых вылетов в глубокий тыл врага, и о многих других самоотверженных воздушных воинах.

В книге подробно говорится и о том, как в ходе войны совершенствовался самолетный парк наших Военно-Воздушных Сил, какие боевые машины были созданы А. Туполевым, С. Ильюшиным, А. Яковлевым, С. Лавочкиным, А. Микояном, В. Мясищевым и другими авиационными конструкторами. Наряду с самолетами и моторостроителями в книге тепло говорится и о А. Волкове, С. Ярцеве, А. Нудельмане, А. Суранове и других инженерах — творях безотказно действующих пулеметов и пушек, а также превосходных приборов, необходимых для решения сложных задач самолетовождения и бомбометания.

Рисую общую воздушную обстановку, сложившуюся на фронтах второй мировой войны, авторы убедительно опровергают утверждение зарубежных военных историков о том, что англо-американская авиация сыграла «важнейшую роль» в разгроме гитлеровской военной машины. Известно, что основные соединения американской и английской авиации находились в районах, не имевших значения для хода войны в Европе. В книге указывается, что в 1942 году американская авиация совершила против гитлеровской Германии только около десяти процентов общего количества произведенных ею вылетов, а в 1943 году — немногим более пятнадцати процентов.

Подчеркивая, что из восьмидесяти тысяч самолетов, построенных гитлеровской Германией за последние три года войны, семьдесят пять тысяч были уничтожены на советско-германском фронте, авторы делают правильный вывод о том, что главную тяжесть борьбы с воздушным противником вынесли на своих плечах советские авиаторы.

Заключительные разделы книги посвящены послевоенному развитию отечественного Воздушного флота, созданию реактивной авиации. На ряде примеров авторы показывают, что наша авиация благодаря мудрому руководству Коммунистической партии добилась новых замечательных успехов, свидетельствующих о дальнейшем бурном развитии отечественной авиационной науки, о творческом летании и высоком мастерстве наших летчиков. Новые первоклассные самолеты различного назначения создают советские конструкторы, инженеры, рабочие.

Обстоятельная, хорошо иллюстрированная книга «Воздушный флот Страны Советов» — нужный и полезный труд, дающий ясное представление о славном пути, пройденном нашей авиацией.

Жаль только, что большой познавательный материал изложен в книге не всегда достаточно живо и выразительно. Напрасно, например, авторы не использовали интересные воспоминания авиаторов разных поколений, появившиеся в последнее время в печати.

Полковник Н. ДЕНИСОВ.

★

Рецепт доктора Генри Киссингера

На политическом горизонте Соединенных Штатов появилось «новое светило» — доктор Генри Киссингер. Написанная им книга «Ядерное оружие и внешняя политика» пришлась по вкусу многим американским бизнесменам и генералам. Президент «Института Карнеги» Хаскинс поспешил объявить ее «плодом трудов подлинного гения» и добавил, что она «самый важный документ по вопросам внешней политики», который ему попа-

дался за последние десять лет. Восторженную оценку книге дал и ряд других американских высокопоставленных деятелей.

Чем же вызваны столь хвалебные отзывы? Что привлекло к книге внимание политиков всех мастей и генералов всех рангов?

Рекомендуя работу Киссингера своим читателям, издательство сообщило, что она посвящена животрепещущему вопросу: автор взялся показать, как военная мощь США может успешно поддерживать их «политические цели». И в самом деле, Киссингер громкогласно объявил о намере-

Henry A. Kissinger. Nuclear Weapons Foreign Policy. New York. 1957 (Генри А. Киссингер. Ядерное оружие и внешняя политика. Нью-Йорк, 1957).

нии предложить новый рецепт, с помощью которого агрессивные круги Соединенных Штатов могли бы действовать более удачно, чем до сего времени. Не удивительно поэтому широкая реклама, созданная книге при ее выходе в свет. Было объявлено, что в подготовке ее к печати приняли участие маститые американские политики, журналисты и военные.

В длинном перечне лиц, помогавших автору советами и предложениями, числятся Томас Финлеттер, бывший министр авиации, автор небезызвестной советскому читателю книги «Сила и политика»; Хэнсон Болдуин, военный обозреватель; генерал Уолтер Беделл Смит, профессиональный дипломат и разведчик, бывший посол в Москве. Целый сонм экспертов «Совета по вопросам внешних отношений», возглавлявшихся бывшим председателем комиссии по атомной энергии американского конгресса Дином, в течение полутора лет снабжал автора различными умозаключениями, на основе которых он и строил свои концепции.

Главной и основной из них является вывод о том, что американская внешняя политика оказалась в тупике. Она не смогла предотвратить «кризис несветского мира», кризис, который усиливается и обостряется с каждым днем. «В экономическом и социальном плане миллионы восстают как против уровня жизни, так и против социальных и расовых барьеров, остававшихся неизменными в течение веков», — так пессимистически характеризует Киссинджер современную ситуацию. Неудачи внешней политики США, вопреки всем ухищрениям американской дипломатии, вырисовываются все более рельефно. «Формоза стала символом американской непримиримости, а наши воздушные базы за границей — символом американской агрессивности», — с досадой отмечает автор.

Особое недовольство Киссингера вызывает положение на Ближнем и Среднем Востоке, куда американские концерны уже давно протянули свои шупальца. «Военное значение СЕАТО и Багдадского пакта (к которому мы не принадлежим только формально), — пишет автор, — не компенсирует решения Индии и Египта остаться в стороне и не компенсирует напряженности, которую создали эти пакты в некоторых странах, подписавших их».

Причины целого ряда поражений американской внешней политики Киссингер

видит главным образом в явной несостоятельности военной доктрины Соединенных Штатов, которая призвана «претворять могущество в политику». Существующая в США доктрина в том виде, в котором она была сформулирована Даллесом в его речи о «массированном возмездии», подвергается в книге резкой критике. Эта доктрина исходила из стремления агрессивных кругов спровоцировать в подходящий для них момент какой-либо инцидент и превратить его в мировую войну. При этом американские стратегические бомбардировщики, вооруженные атомными бомбами, должны нанести массированный удар по жизненным центрам социалистических стран.

Поборники такого рода доктрины полагали, что, имея за своей спиной мощную «атомную авиацию», используемую в качестве «средства устрашения», государственный департамент сумеет провести в жизнь все задачи, поставленные перед американской внешней политикой финансовыми и промышленными магнатами Соединенных Штатов.

Очень скоро, однако, выяснилось, что «доктрина массированного возмездия» трещит по всем швам. «Устрашение становится сложной проблемой», так как «тотальная война грозит национальной катастрофой» самим Соединенным Штатам Америки, заявляет автор. Киссингер напоминает читателям о тех изменениях, которые произошли и происходят на земном шаре за последние годы. «Почти десять лет США были фактически в безопасности от ответных действий Советского Союза», — сокрушается он о тех временах, когда американские империалисты, рассматривавшие территорию Соединенных Штатов как неприступную крепость, тешили себя иллюзией неуязвимости. Теперь, вздыхает Киссингер, обстановка стала иной, поскольку «мощь и скорость современных вооружений покончили с нашей традиционной безопасностью». Создание в Советском Союзе «самолетов дальнего действия, способных совершить полет туда и обратно», как видно, заставило основательно призадуматься многих особенно ретивых адептов «тотальной войны».

В книге приводится заявление американского генерала Патриджа о том, что ядерная атака против пятидесяти крупнейших промышленных центров США поразила бы

сорок процентов всего населения и шестьдесят процентов промышленного потенциала страны. Вполне понятно, что размахивать атомной палицей стало весьма рискованно. «Рост советских атомных запасов,— уныло констатирует автор,— превратил массивированный удар из наиболее дешевой в самую дорогую стратегию».

Сознание явной абсурдности этой стратегии, казалось, должно было убедить Киссингера в бесперспективности курса на подготовку новых авантур. Но отказ от такого курса его не устраивает. Дело в том, что он был и остается горячим поклонником политики «с позиции силы». «В обществе, состоящем из суверенных государств,— пытается подвести автор под эту политику философскую базу,— держава может в конце концов поддержать свое понятие о справедливости или защищать свои «жизненные интересы» только готовностью применять силу».

Полностью одобрив политику «с позиции силы», Киссингер вместе с тем указывает, что ее следует проводить иными, более гибкими средствами, чем это делается сейчас. «К мировому господству нет необходимости стремиться прямым путем, путем решительного конфликта»,— поучает Киссингер, рекомендуя пересмотреть устаревшие каноны теории «массивированного взмездия». «Мы должны искать такую стратегическую доктрину,— заявляет автор,— которая предоставит нашей дипломатии максимальную свободу действий».

Эту нелегкую задачу и берется разрешить Киссингер. «Ограниченные войны»— вот к чему, на его взгляд, должны в первую голову готовиться Соединенные Штаты.

Киссингер суммирует и развивает вошедшие за последнее время в моду высказывания американских военных теоретиков об «ограниченных войнах». Нарисованная им картина подобного рода войны выглядит примерно так. Американские монополисты, установив, что в каком-либо уголке земного шара их проникновение наталкивается на преграды, посылают туда свои вооруженные силы. Начинается «дозированное разрушение ограниченных объектов». Это значит, что на противников американских магнатов предполагается обрушивать одну за другой все возрастающие «дозы» атомных бомб и снарядов. «Ограниченность» этих операций, судя по высказываниям Киссингера, весьма относитель-

на, американские самолеты получают право бомбить все, кроме баз стратегической авиации противника, ибо лишь удары по этой авиации, как хочет уверить автор, могли бы развязать «тотальные войны».

Впрочем, Киссингер с подозрительным великодушием готов несколько сократить масштабы военных операций. Он предлагает заключить соглашение о том, чтобы не совершать налетов на большие города и на города, находящиеся на расстоянии более пятисот миль от зоны боев. Замыслы автора весьма прозрачны. В них явно сквозит стремление избавить американский континент от угрозы ответного удара, в то время как США была бы предоставлена возможность со своих заморских баз разрушать почти все объекты на территориях Европы и Азии.

Для ведения «ограниченных войн», настаивательно указывает Киссингер, военную машину Соединенных Штатов потребуются существенно перестроить. Он ратует за немедленное создание «мобильных ядерных частей», которые могли бы быть незамедлительно переброшены Пентагоном в любые районы мира. Соединения авианосцев, воздушно-десантные войска, части, специально обученные диверсионной деятельности,— вот что должно составить костяк вооруженных сил США, заявляет автор.

С такого рода «малыми» профессиональными армиями, состав которых будет тщательно просеян через сито различных комиссий по расследованию «антиамериканской деятельности», будет, на взгляд Киссингера, управляться куда легче, чем с массовыми вооруженными силами. Эти «малые» армии, высоко технически оснащенные и снабженные тактическим атомным оружием, окажутся, по мнению автора, более пригодными для борьбы с национально-освободительным движением народов и для выполнения иных подобных задач, чем современные военные организации империалистов, рассчитанные на подготовку только к «тотальной войне».

Ставка на «малые войны», уверяет Киссингер, поможет США решать и другие важные проблемы. Она позволит, в частности, американскому империализму еще крепче придавить своим башмаком европейских партнеров и ликвидировать все их поползновения освободиться от американской опеки. «Из всех держав несоветского мира только Соединенные Штаты достаточ-

но сильны материально и психологически, чтобы играть мировую роль», — патетически восклицает автор. На Англию, Францию и другие страны Западной Европы он смотрит свысока. «Никого из наших союзников, даже Великобританию, нельзя больше считать великой державой... С провалом в Суэце для наших европейских союзников исчезла всякая возможность независимых действий».

Сделав это напоминание, Киссингер считает, что с англичанами можно больше не церемониться, и тут же сообщает, что попытки Англии создать свои собственные запасы атомного оружия не вызывают особого восторга в Вашингтоне «Представляется, что для Англии было бы разумнее сосредоточить все внимание на развитии сил для ограниченной войны», — заявляет автор. С таким же требованием Киссингер обращается и к другим странам НАТО, призывая их поставить этот блок «на службу стратегии, которая стала наиболее целесообразной и наименее дорогостоящей», то есть стратегии «малых войн».

Во всех этих требованиях сквозит явное опасение по поводу того, что у европейских участников НАТО, если они накопят значительные запасы атомных бомб, смогут появиться крамольные мысли в отношении американских монополий. Поэтому США гораздо более устранивало бы положение, когда страны Западной Европы тратили бы все свои ресурсы на производство обычного оружия. В таком случае эти страны продолжали бы оставаться в зависимости от США, которые держат на европейской территории свои «атомные соединения». Вот почему Киссингер заклинает Англию, Францию и прочие державы капиталистического мира немедленно принять на вооружение доктрину «ограниченных войн».

Расхваливая эту доктрину, Киссингер тут же, однако, замечает, что «одной только силой современной революции не преодолеешь. Нужна инициативная дипломатия и смелые программы». Он предлагает во всех тех случаях, когда речь будет идти о малейшей угрозе для господства империализма, действовать быстро и бесцеремонно, чтобы «удушить при самом рождении партию и государство, стремящиеся подорвать существующий строй».

Попутно автор рекомендует не жалеть усилий, чтобы «сократить советскую сферу», то есть первым делом попытаться ре-

ставрировать капитализм в странах народной демократии. Достижению этой цели будет, на его взгляд, способствовать «мощная группировка государств на русских границах».

«Инициативная дипломатия» Киссингера включает в себя все виды подрывной деятельности. Он ломает себе голову над тем, как вызвать «внутренний раскол» в социалистическом лагере. Особое внимание автор советует уделить «основной задаче — разъединению Советского Союза и Китая».

Словом, Киссингер стоит за то, чтобы всячески разнообразить приемы действий американской дипломатии. Вместе с тем он явно предпочитает военные средства приемам «холодной войны». Автор теории «ограниченных войн» отчетливо демонстрирует свою собственную ограниченность. Он не понимает и не хочет понять, насколько безнадежны все эти средства, насколько тщетны попытки разговаривать с Советским Союзом языком ультиматумов и угроз.

Книга Киссингера вышла в свет незадолго до того, как всю Америку облетело известие о том, что Советский Союз успешно провел испытание межконтинентальной ракеты, а затем и запуск искусственных спутников Земли. Это известие прозвучало, как похоронный звон, в ушах апологетов атомной войны. «Эра «спутников», — с унынием писала «Чикаго дейли ньюс», — заставила нас понять суровый факт, что мы уже не располагаем военным превосходством». «Соединенные Штаты отстали от России в области военной готовности», — мрачно подтвердил это заключение на заседании сенатской подкомиссии генерал-лейтенант Дулиттл.

Но точно так же, как это сделал ранее Киссингер, правящие круги США снова повернулись спиной к единственному выходу из тупика, куда завела их гонка вооружений. Они не желают развеять черные тучи военной опасности, сгустившиеся над человечеством. Они заняты другим — поиском новых путей для того, чтобы гальванизировать политику «холодной войны». На парижской сессии НАТО Эйзенхауэр призывал атлантические державы «обновить свою силу», разместить американские ракетные установки на территории европейских стран.

После создания в СССР межконтинентальной ракеты теория «малых войн» получила «высочайшее» одобрение даже многих

бывших противников этой теории. Сам Джон Фосгер Даллес отдает ей дань в своих последних выступлениях. Командование НАТО собирается принять эту теорию на вооружение и начинает все чаще твердить о возможности и целесообразности такого рода войн.

Адвокаты подобных теорий не задумываются, однако, о том, что ныне, в век непрерывного развития ракетной техники, атомного и водородного оружия, когда в

различных частях света существуют противостоящие военные группировки государств, не может быть и речи о «локализации» того или иного конфликта. Играть с «малыми войнами», как с детской игрушкой, нельзя. «Если такие войны возникнут,— подчеркивает Н. С. Хрущев,— то они могут быстро перерасти в мировую войну». Об этом всегда следует помнить и Киссингеру и тем, в чьих интересах написана его книга.

Подполковник А. ЕФРЕМОВ.

★

Черты буржуазной военной науки

За сорок лет своего славного существования Вооруженные Силы страны социализма неоднократно в ожесточенных войнах отстаивали независимость своей Родины. Замечательные победы Советской Армии над сильными врагами явились результатом непреоборимой мощи нашего общественного и государственного строя. Эти исторические победы вместе с тем показали неоспоримое превосходство советской военной науки над буржуазной.

Известно, что в течение длительного времени некоторые наши военные теоретики либо начисто отрицали буржуазную военную науку, либо отзывались о ней крайне пренебрежительно. Это ошибочная позиция. Авторы книги «О буржуазной военной науке», рассматривая происхождение и состояние военных теорий в капиталистических странах, отмечают, что успешному и всестороннему развитию советской военной науки содействует объективный анализ военно-теоретических воззрений, которыми руководствуются ныне в армиях крупных капиталистических государств.

В книге дается краткий очерк возникновения и развития буржуазной военной науки, охарактеризованы ее особенности, раскрыты сильные и слабые стороны. Авторы показывают, что на заре капиталистического общества военные идеи, присущие классу буржуазии, носили прогрессивный характер и способствовали победе новых, буржуазных отношений над отжившим и тормозящим развитием общества феодализмом.

М. А. Мильштейн и А. К. Слободенко *О буржуазной военной науке.* Редактор Б. С. Златоверов. 285 стр. Воениздат. М. 1957.

Но войны, которые вела буржуазия, имели прогрессивный характер лишь до тех пор, пока их цели были справедливыми.

Как только буржуазия упрочила свое политическое господство, ее военные акции немедленно приобрели реакционный характер, ибо были направлены на порабощение народов, их ограбление и угнетение. На дальнейшем развитии буржуазной военной науки сказались все отрицательные черты, свойственные капитализму, его антинародной политике, анархической экономике, идеалистическому мировоззрению. Особенно реакционной она стала с переходом капитализма к его последней стадии — империализму.

Это не значит, однако, что буржуазная военная наука находится в состоянии застоя, загнивания. Она продолжает развиваться и теперь, ибо основой для ее развития является прогресс военной техники, а правящие империалистические круги не жалуют средств для создания орудий уничтожения.

Но в области идейно-теоретических, философских основ буржуазная военная наука не только не отражает научно, то есть достоверно, объективно, действительность, а, наоборот, стремится всячески ее фальсифицировать, исходя из своих корыстных классовых интересов.

В книге справедливо отмечается, что буржуазная военная наука, опирающаяся на идеалистическую и метафизическую философию, «не может дать правильного, научного объяснения наиболее общим законам войны, вооруженной борьбы. В частности, буржуазная военная наука не признает и не может признать того положения, что материальные условия жизни людей, способ

производства определяют социальный строй общества, политику государств, а отсюда и цели и характер войны».

Таким образом, буржуазная военная наука отличается от советской прежде всего своей классово-сущностью, своими идейно-теоретическими, философскими предпосылками. Она противопоставляет человека технике, рассматривает роль личности и масс в войне с субъективно-идеалистических позиций, вне истинных исторических условий и их определяющего влияния.

Сила советской военной науки заключается в том, что она руководствуется теорией марксизма-ленинизма, философией диалектического материализма. Это дает ей возможность глубокого познания объективных законов, определяющих исход войны.

Будущая война, по мнению буржуазных теоретиков, присвоит «глобальный и тотальный характер», то есть будет всемирной и всеобъемлющей. Однако в последнее время наряду с этой основной концепцией будущей войны в США и Англии возникла и довольно широко пропагандируется лживая теория так называемых «локальных войн», которые могут якобы возникать между отдельными государствами, но не нести с собой угрозы новой мировой войны.

По вопросу о средствах и способах ведения современной войны буржуазная военная наука в разных капиталистических странах довольно единодушна. Всеобщим является мнение о том, что основным оружием теперь стало ядерное, а средствами его применения — авиация и ракеты, управляемые и неуправляемые. Немаловажное значение придается также химическому и бактериологическому оружию.

После окончания второй мировой войны в США и в других капиталистических странах превозносилась теория «воздушной войны».

Авторы книги показывают, почему эта теория получила широкое распространение: с одной стороны, огромный рост возможностей современной авиации, с другой — стремление достигнуть победы в короткий срок путем уничтожения с воздуха экономического и военного потенциала противника.

Поддержка теории «воздушной войны» в США объясняется также влиянием на военные доктрины мощных авиационных монополий, стремящихся к расширению производства и получению новых и новых при-

былей. Кроме того, эта теория, делая основную ставку на технику, на атомное оружие, создает видимость ненужности массовых армий и, следовательно, привлечения в вооруженные силы «ненадежных» народных масс.

Одностороннее увлечение каким-либо одним средством борьбы, присущее вообще буржуазной военной науке, приводит ее к кризисному состоянию каждый раз, когда появляются новые средства борьбы или меняются условия ее ведения. Так было с немецко-фашистскими теоретиками, делавшими основную ставку на преимущественную роль танков и авиации. Нечто подобное произошло и с современными американскими теоретиками, когда обнаружилось отставание США в области баллистических межконтинентальных ракет и некоторых других видов техники.

В отличие от армий капиталистических стран вооруженные силы лагеря социализма развиваются на базе передовой военной науки, требующей всестороннего и диалектического развития всех средств борьбы, гармонического их единства в меру присущих им свойств и возможностей, отвечающих конкретным, а не надуманным условиям.

В книге подробно анализируются выдвигаемые буржуазными теоретиками различные аспекты ведения будущей войны. Основная идея империалистов США — создать из зависящих от них партнеров в Европе и Азии некий «щит», призванный принять на себя удары и обезопасить тем самым США Обрекая своих союзников на незавидную роль прикрытия и буфера, американские военные теоретики до недавнего времени самонадеянно уверяли, что территория США будет «неуязвима», а эта «неуязвимость» американской территории обеспечит им свободу действий против врага, истощенного при преодолении «щита». Что же касается сохраненной американской мощи, то она рассматривается как «меч», которым США смогут без всякого для себя риска разить ослабленного врага.

Сколь беспочвенны были такие надежды, осознают теперь сами американские горе-теоретики, когда убедительно были продемонстрированы перед всем миром гигантские достижения науки и техники Советской державы, обеспечивающие в случае необходимости нанесение сокрушительных, уничтожающих ударов по агрессору, в ка-

кой бы точке земного шара он ни находился.

Книга «О буржуазной военной науке», содержащая значительный военно-исторический материал, имеет некоторые существенные недостатки.

Говоря о возникновении буржуазной военной науки, авторы почему-то принижают роль первой буржуазной революции в Нидерландах. Хотя эта революция и не имела большого значения для распространения нового общественно-политического строя, в военном деле она знаменовала существенные сдвиги, сказавшиеся на организации, обучении и тактике всех европейских армий того времени.

По традиции буржуазной историографии основоположником буржуазной военной науки считается Ллойд. Авторы разделяют эту точку зрения, исходя из того, что Ллойд был по происхождению англичанином, то есть представителем самой передовой в общественно-экономическом отношении страны своего времени. В действительности Ллойд, выходец из Англии, всю жизнь провел вне ее и ничем не отражает в своем теоретическом творчестве достижений английского общественного и государственного строя. Ллойд был одним из типичных космополитов-наемников, которыми столь богата была эпоха династических войн XVII—XVIII столетий. Утверждать, что «Англия явилась... родиной буржуазной военной науки», несправедливо, тем более, что английская армия того времени никакими передовыми качествами не отличалась, а что касается Ллойда, то он в этой армии и не служил. Вообще авторы, как правило, связывают возникновение национальных теорий буржуазной военной науки с отдельными личностями. Для них такими являются: Ллойд — в Англии, Наполеон — во Франции, Бюлов — в Германии, эрцгерцог Карл — в Австрии и т. п.

Буржуазная военная наука создавалась и формировалась усилиями многих деятелей в разных странах и в разное время. Нельзя, например, приписывать Наполеону, этому бесспорно крупнейшему военному деятелю восходящего капитализма, приоритет в отношении принципа сосредоточения сил на важнейшем направлении. Этим правилом успешно руководствова-

лись многие полководцы, предшественники Наполеона, в том числе русские — Петр I, Румянцев, Суворов. Наполеон лишь более отчетливо применил его в условиях действий массовых армий. Нам кажется, что в этих вопросах авторы пренебрегли самостоятельными исследованиями и попали под влияние привычных представлений.

Очень слабо показано в книге развитие военной науки в России в XIX веке. Такие представители передовой для своего времени военной мысли, как Бурцев, Окунев, Языков, Неелов, Астафьев и многие другие, совершенно выпали из поля зрения авторов. Кому не известно, сколь велико было влияние на развитие военной мысли передового опыта русской армии XVIII и начала XIX столетий. В русской армии проходили службу многие из признанных военных писателей, в том числе Ллойд, Жомини, Клаузевиц, и они отражали в своих трудах в первую очередь именно этот передовой опыт.

Слабо показаны в книге различные направления в развитии буржуазной военной науки. Создается представление, что она стройна, монолитна, а это противоречит исторической истине.

С самого начала в ней возникли и боролась по меньшей мере два идейно-философских направления — субъективного и объективного идеализма, что вообще типично для буржуазной идеологии. В связи с этим одно из течений стремилось подойти к созданию научной «позитивной» теории войны, а другое отрицало самую такую возможность. Кроме того, в буржуазной военной науке вообще существовало, да и теперь имеется множество разнообразных направлений, что объясняется ее идейно-методологической рыхлостью, противоречивостью. И в этом отношении советская наука выгодно отличается своей стройностью и единством, являющимися следствием прочности, однородности социалистического строя, его идеологии и политики.

Книга М. А. Мильштейна и А. К. Слободенко, убедительно свидетельствующая о превосходстве нашей военной науки над буржуазной, принесет пользу не только военному, но и массовому читателю.

Полковник С. КОЗЛОВ.

КОРОТКО О КНИГАХ

★

Л. С. ЛЕОНОВ. Высокие Татры. Из партизанских записей. Воениздат. М. 1957. 462 стр. Цена 9 р. 10 к.

Однажды августовским вечером 1944 года советский самолет, оторвавшись от родной украинской земли, «набрав высоту, ложится на курс — туда, где гаснет отблеск закатившегося солнца». Среди восемнадцати его пассажиров — советских и чехословацких парашютистов — был и автор этой книги Л. С. Леонов. Самолет, перелетев Карпаты, сбросил партизан в Словакии, в тылу немецко-фашистских армий, где с каждым днем ширилось народное антифашистское восстание. Помочь повстанцам Словакии в борьбе с гитлеровцами — такова была цель этой группы. Автору «хотелось на основе дневниковых записей той поры запечатлеть один из эпизодов борьбы, свидетельствующий о боевом братском содружестве отважного словацкого народа с советскими людьми в общем деле освобождения народов от фашистского ига». Эти слова из предисловия к книге самого писателя весьма точно определяют характер произведения.

БОРИС ДУБРОВИН. Тревожная группа. Дрипка. «Советский писатель». М. 1957. 190 стр. Цена 2 р. 70 к.

Одежными люди на койках уснули,
Оседланы кони, звенят чумбурами,
Оружье заряжено — на карауле...
Тревожная группа,
Как скрытое пламя!

Это строки из стихотворения «Тревожная группа», написанного молодым поэтом Борисом Дубровиным. Судьба поэта похожа на судьбы многих советских людей. Началась война. Он поступил работать токарем на завод. Но вскоре с оружием в руках ушел на фронт. Со своей частью он прошел через многие города и села вплоть до Берлина.

В дни войны во фронтовых газетах появились стихи Б. Дубровина. А в 1955 году вышел первый его сборник стихов «На первом рубеже». Тема армии, жизни солдат, их подвигов и будней — основная в творчестве поэта. Недавно вышла его третья книга, которая названа по заглавию процитированного выше стихотворения. В эту книгу вошли новые четыре цикла стихов и поэма «Возвращение к себе».

ВЛАДИМИР ДЯГИЛЕВ. Солдаты без оружия. Повести. Воениздат. М. 1957. 364 стр. Цена 7 р. 25 к.

Книгу «Солдаты без оружия», включающую в себя две повести — «Гвардейцы» и «Доктор Голубев», автор посвятил своим коллегам — «войсковым врачам, моим боевым товарищам».

«Труд врача! Как будто ничего сложного и героического... А между тем сколько тревожных, мучительных часов. дней, иногда недель у постели больного искупает одна вот такая минута морального удовлетворения!..

Когда больно встал на ноги, когда ты убедился, что опасность миновала, вот тогда можно сказать: победа! Для этого стоит жить, не спать ночей, мучиться, рисковать собой...» — так думает гвардии майор медицинской службы Голубев, стоя у кровати спасенного им с таким трудом бойца Сухачева.

«Солдаты без оружия» — очень точно называется эта книга. Именно такие люди, как врачи Голубев, Филиппов, Рыбин, медработники Бакин, Нина Чашкина и многие другие, стали подлинными героями, настоящими солдатами.

А. ВАСИЛЬЕВ. Солдаты идут. Повесть. Издательство «Красный Курган». Курган. 1957. 128 стр. Цена 4 р. 25 к.

Самое название повести говорит о ее теме. Да, перед нами картины Великой Отечественной войны. Давно остались позади горькие дни отступления. Воины частей генерала Астахова — герои этой книги — героически сражаются за освобождение столицы Венгрии.

Автор повести А. Васильев — учитель в городе Кургане — все годы Великой Отечественной войны провел на фронтах. Еще живые впечатления тех лет и легли в основу его книги.

Генерал-майор В. МОСКОВСКИЙ. Родная армия. Воениздат. М. 1957. 160 стр. Цена 2 р. 80 к.

Шестого февраля 1918 года в газете «Правда» появилось извещение о том, что открыта запись в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию в Петрограде. А буквально через несколько дней по призыву партии первые полки Красной Армии пошли в бой на защиту социалистического Отечества.

Проследить жизненный путь Советских Вооруженных Сил, кратко рассказать об их рождении, боевом крещении и славных победах — в решении этой трудной задачи автору книги успешно помогают воспоминания участников знаменательных событий. От этого изложение становится доходчивее, в значительной мере оживляется язык книги.

Подполковник Н. Е. БОРАНЕНКОВ. Комсомольцы-воины в боях за Советскую Родину. Воениздат. М. 1957. 104 стр. Цена 1 р. 50 к.

Тридцать лет назад, в ознаменование боевых заслуг на фронтах гражданской войны, комсомол получил свою первую награду — орден Красного Знамени.

СДАЮТСЯ В ПЕЧАТЬ...

Военное издательство Министерства Обороны Союза ССР готовится широко отметить сорокалетие Вооруженных Сил Советского государства. Ряд книг, посвященных славной головшине, уже вышел в свет, другие находятся в производстве. В ближайшее время читатели сумеют с ними познакомиться.

Материалы сборника «Военные вопросы в решениях КПСС» демонстрируют заботу Центрального Комитета партии о Вооруженных Силах Советской державы, надежно охраняющих мирный созидательный труд нашего народа.

В книге М. А. Шварева и И. М. Шляпина «Коммунистическая партия в период Великой Отечественной войны» рассказывается о гигантской работе, проведенной партией и правительством по укреплению боеспособности Советских Вооруженных Сил.

Исследованию насыщенного важнейшими событиями периода от февраля до октября 1917 года посвящена книга Х. И. Муратова «Революционное движение в русской армии в 1917 году». Автор привлек множество архивных материалов и знакомит читателя с рядом малоизвестных фактов. Значительный интерес представляет описание деятельности большевистских организаций в частях и гарнизонах, работы солдатских комитетов, а также работы Петроградского и Московского Военно-революционных комитетов в дни подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции.

Книга Г. В. Кузьмина «Гражданская война и военная интервенция в СССР» как бы хронологически продолжает работу Х. И. Муратова.

Несколько изданий посвящено советским морякам.

Сборник статей и воспоминаний «Военные моряки в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции» состоит из двух разделов. Первый вклю-

Принимая эту награду, VIII съезд ВЛКСМ от имени двух миллионов юных ленинцев, всей советской молодежи заявил: «Наши знания, наши мускулы и наша жизнь принадлежат власти рабочих и крестьян. Мы не щадили их в огненные годы гражданской войны, мы без вдоха сожаления отдадим их в дни новых испытаний и побед».

Рассказ о том, как участвовал ленинский комсомол в борьбе за свободу и независимость нашей Родины, составляет содержание книги подполковника Н. Бораненкова. Автор приводит многочисленные, в том числе и малоизвестные, примеры исключительной стойкости, отваги, мужества и героизма, проявленных комсомольцами.

чают статьи историков о роли Балтийского и Черноморского флотов, а также Каспийской и Амурской флотилий в дни Октября. Во втором разделе публикуются воспоминания моряков — непосредственных участников Октябрьской революции. Среди них мы встречаем имена Дыбенко, Ховрина, Флеровского, Вахрамеева, Бельшева и других.

«Матросы революции» — так называется книга С. С. Хесина, повествующая о самоотверженной борьбе советских моряков за упрочение победы Октябрьской революции. Их боевые традиции ярко проявились во время Великой Отечественной войны. В этом читателю лишний раз убеждает книга Г. М. Гельфонда «Советский флот в войне с Японией», представляющая военно-исторический обзор боевых действий Тихоокеанского флота и Краснознаменной Амурской флотилии, участвовавших в освобождении от японских захватчиков корейских портов, Южного Сахалина и Курильской гряды. Книга иллюстрирована схемами и фотографиями.

При рассмотрении наиболее крупных операций Великой Отечественной войны, закончившихся победой советских армий, неизменно подчеркивается большая роль бронетанковых и механизированных войск, а также артиллерии. Об истории их зарождения и развития, о пройденном ими пути рассказывают книга «Бронетанковые и механизированные войска Советской Армии» и работа И. С. Прочко «Советская артиллерия в боях за Родину».

К. М. Плещов в книге «Военные связи» знакомит читателей с мастерством и доблестью наших связистов на полях сражений, а также с их учебой в мирные дни.

Вскоре выйдет в свет последний, третий том трехтомника «Фронтовые очерки о Великой Отечественной войне», где описаны военные события 1944 и 1945 годов.

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

★

ИЗДАНИЕ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Заседания Верховного Совета СССР четвертого созыва. Девятая сессия (19—21 декабря 1957 г.). Стенографический отчет. 364 стр. Цена 7 р.

Стенографический отчет издается на языках: русском, украинском, белорусском, узбекском, казахском, грузинском, азербайджанском, литовском, молдавском, латышском, киргизском, таджикском, армянском, туркменском и эстонском.

ГОСПОЛИТИЗДАТ

Материалы декабрьского (1957 года) Пленума ЦК КПСС. 32 стр. Цена 25 к.

Н. С. Хрущев. Речь на девятой сессии Верховного Совета СССР четвертого созыва 21 декабря 1957 года. 32 стр. Цена 30 к.

Н. С. Хрущев. За прочный мир и мирное существование. 368 стр. Цена 5 р.

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Сборник. Часть 2. 880 стр. Цена 13 р.

Великая Октябрьская социалистическая революция. Сборник воспоминаний участников революции в Петрограде и Москве. 516 стр. Цена 12 р.

Дело трудящихся всего мира. Факты, документы, очерки о братской помощи и солидарности трудящихся зарубежных стран с народами Советского Союза. 388 стр. Цена 6 р.

Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам (1917—1957 годы). Том 2. Сборник документов. 1929—1945 годы. 888 стр. Цена 15 р.

Документы внешней политики СССР. Сборник. Том 1. 772 стр. Цена 15 р.

А. Н. Ефимов. Перестройка управления промышленностью и строительством в СССР. 144 стр. Цена 2 р. 25 к.

М. П. Ким. 40 лет советской культуры. 388 стр. Цена 11 р.

Г. К. Орджоникидзе. Статьи и речи. В двух томах. Том 2. 1926—1937 гг. 838 стр. Цена 15 р.

О тех, кто против мира. Статьи, очерки, памфлеты. 552 стр. Цена 8 р. 25 к.

В. П. Чертков. Неантагонистические противоречия при социализме. 232 стр. Цена 4 р. 50 к.

Г. Шитарев. Ленинское единство Коммунистической партии. 128 стр. Цена 1 р. 55 к.

«СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

Н. Адамян. У Синих гор. Повесть. 311 стр. Цена 5 р. 50 к.

Н. Алексеев. Первая баррикада. Стихи. 116 стр. Цена 2 р. 70 к.

Н. Байтемиров. Стихи. Перевод с киргизского. 132 стр. Цена 1 р. 40 к.

Былины. 487 стр. Цена 9 р. 50 к.

К. Ваншенкин. Волны. Стихи. 100 стр. Цена 1 р. 10 к.

Н. Верховская. Молодая Волга. Роман. 444 стр. Цена 7 р. 65 к.

Б. Галанов. Борис Полевой. 121 стр. Цена 2 р. 35 к.

А. Гомиашвили. Стихотворения и поэмы. Перевод с грузинского. 139 стр. Цена 2 р. 10 к.

Д. Джигоев. Непобедимая сила. Роман. Перевод с осетинского. 304 стр. Цена 5 р. 30 к.

Е. Долматовский. В Венгрии весной 1957 года. 100 стр. Цена 1 р. 35 к.

М. Дудин. Сосны и ветер. Стихи. 108 стр. Цена 2 р.

Е. Евтушенко. Обещание. Стихи. 140 стр. Цена 1 р. 90 к.

В. Инбер. Вдохновение и мастерство. 107 стр. Цена 2 р. 20 к.

Л. Кабо. В трудном походе. Роман. 368 стр. Цена 6 р. 40 к.

В. Кузнецов. Суровый воздух. Стихи. 87 стр. Цена 1 р. 50 к.

П. Кустов. Сердечный разговор. Стихи. 110 стр. Цена 1 р. 70 к.

Р. Маргиани. Восхождение. Стихи. 208 стр. Цена 2 р. 75 к.

Ф. Панферов. Родное прошлое. Повесть. 251 стр. Цена 4 р. 70 к.

С. Писахов. Сказки. 171 стр. Цена 3 р.

Е. Поповкин. Большой разлив. Роман. 450 стр. Цена 7 р. 80 к.

Поэты-петрашевцы. Стихотворения. 386 стр. Цена 7 р. 30 к.

П. Сажин. Капитан Кирибеев. Повесть. 279 стр. Цена 5 р. 10 к.

В. Саянов. Голос молодости. Стихи. 110 стр. Цена 1 р. 60 к.

С. Сирге. Повести и рассказы. Перевод с эстонского. 444 стр. Цена 7 р. 40 к.

Ю. Смолич. Театр неизвестного актера. Роман. Перевод с украинского. 243 стр. Цена 4 р. 60 к.

Н. Тихонов. Белое чудо. Повесть. 223 стр. Цена 6 р. 35 к.

С. Трегуб. Николай Островский. Критико-биографический очерк. 204 стр. Цена 3 р. 30 к.

ГОСЛИТИЗДАТ

Абуль-Фарадж. Книга занимательных историй. Перевод с сирийского. 270 стр. Цена 3 р. 55 к.

Английские народные сказки. 207 стр. Цена 3 р.

Аркадий Гайдар. Сочинения. В двух томах. Том 1. 520 стр. Цена 9 р. 75 к. Том 2. 720 стр. Цена 12 р. 50 к.

А. М. Горький. Художественные произведения. Планы. Наброски. Заметки о литературе и языке. (Институт мировой литературы им. А. М. Горького. Архив А. М. Горького. Том VI). 263 стр. Цена 6 р. 50 к.

Дагестанская народная лирика. В переводах. 279 стр. Цена 3 р. 50 к.

Муса Джалиль. Моабитская тетрадь. Перевод с татарского. 210 стр. Цена 4 р. 10 к.

Карло Каладзе. Стихи. Песни. Баллады. Перевод с грузинского. 233 стр. Цена 4 р. 70 к.

Михаил Кольцов. Избранные произведения. В трех томах. Том 1. 596 стр. Цена 10 р. 70 к. Том 2. 367 стр. Цена 7 р. 50 к. Том 3. 567 стр. Цена 11 р.

Альфред де Мюссе. Избранные произведения. В двух томах. Перевод с французского. Том 1. 622 стр. Цена 11 р. 35 к. Том 2. 670 стр. Цена 12 р. 65 к.

Вл. Немцов. День под землей. 223 стр. Цена 4 р.

Петро Панч. Клокотала Украина. Роман. Авторизованный перевод с украинского. 571 стр. Цена 10 р. 70 к.

Ярослав Смеляков. Избранные стихи. 179 стр. Цена 4 р. 40 к.

Стихи 1956 года. 311 стр. Цена 8 р.

Назым Хикмет. Избранные сочинения. В двух томах. Перевод с турецкого. Том 1. 567 стр. Цена 15 р. 65 к. Том 2. 336 стр. Цена 10 р. 35 к.

И. Элляй. Песни Якута. Перевод с якутского. 470 стр. Цена 7 р. 90 к.

Геворк Эмин. Три песни. Стихи. Перевод с армянского. 234 стр. Цена 4 р. 35 к.

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

В. Величко. О великом и вечном. 254 стр. Цена 5 р. 75 к.

В. Дубровский. На фареатерах Севастополя. 204 стр. Цена 4 р. 70 к.

С. Г. Капшук. Борьба большевистской партии за армию в период первой мировой войны (1914 г.—март 1917 г.). 164 стр. Цена 3 р. 80 к.

Б. Котельников. Балтийский «Потемкин». Историческое повествование. 124 стр. Цена 2 р. 40 к.

С. Леонов. Молодость. Роман. 703 стр. Цена 12 р. 40 к.

М. Мухамедов. Вслед за героем Повесть. Перевод с узбекского. 108 стр. Цена 2 р. 45 к.

Г. Н. Нестеренко, А. И. Соболев, Ю. Н. Сушков. Применение атомных двигателей в авиации. 166 стр. Цена 2 р. 60 к.

П. П. Постышев. Гражданская война на востоке Сибири (1917—1922 гг.). Воспоминания. 60 стр. Цена 95 к.

В. Соколов. Пылающий факел. Рассказы 184 стр. Цена 3 р. 20 к.

Н. И. Шатагин, И. П. Прусанов. Советская Армия — армия нового типа. 278 стр. Цена 5 р. 45 к.

С. Н. Шишкин. Гражданская война на Дальнем Востоке. 1918—1922 гг. 268 стр. Цена 11 р. 15 к.

И. Э. Якир. Воспоминания о гражданской войне. 40 стр. Цена 55 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЗВЕСТИЯ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ СССР».

Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. С изменениями и дополнениями, принятыми на девятой сессии Верховного Совета СССР четвертого созыва. 32 стр. Цена 25 к.

Положение о выборах в Верховный Совет СССР. С приложением форм документов, установленных Президиумом Верховного Совета СССР и Центральной избирательной комиссией, и пояснениями. 64 стр. Цена 60 к.

Главный редактор **К. М. Симонов**

Редакционная коллегия:

Б. Н. Агапов, С. Н. Голубов, А. Ю. Кривицкий (зам. главного редактора),
Б. А. Лавренев, М. К. Луконин, А. М. Марьямов, Е. Успенская, К. А. Федин

Редакция: Москва-Центр, Пушкинская площадь, 5 (почтовый адрес).
Вход с улицы Чехова, 1. Тел. К 5-76-97.

Сдано в набор 28/XII-57 г.

Подписано к печати 7/II-58 г.

А 00653. Формат бумаги 70×108/16. 9 бум. л.— 24,66 печ. л. Тираж 140 000. Заказ 2893.

Типография «Известий Советов депутатов трудящихся СССР»
имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская пл., 5.

Цена 9 руб.